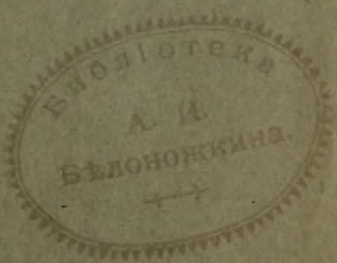
429
11

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY


Библіотека
А. Д.
Бѣлоножкина.

Сочиненія

А. А. Потѣхина.

Томъ третій.

Сочиненія

А. А. Потѣхина.

Томъ третій.

Крушинскій.

Романъ.

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе", 7 рота, 20.
Городская контора: Невскій 50.

Бумага безъ примѣси древесной массы (веленевая).

Типографія Т-ва „Просвѣщеніе". Спб., 7 рота, соб. д. № 20.

891.733
P8615
t.3

Оглавленіе.

Крушинскій. Романъ.

Часть первая 3

„ вторая 283

„ третья 549

Digitized by the Internet Archive
in 2022 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/sochineniia31pote

Крушинскій.

Романъ.

Часть первая.

I.

Былъ зимній вечеръ; время шло за полночь, но въ усадьбѣ Родовое-Подгородное все было на ногахъ. Прислуга суетливо бѣгала, перешептывалась, перебранивалась, всѣ обитатели господскаго дома находились въ очевидной тревогѣ, старались сохранить возможную тишину и вслѣдствіе этого шумѣли еще больше. Причина была простая: съ помѣщикомъ Ѳедоромъ Иванычемъ Коркинымъ, владѣтелемъ этой усадьбы, неожиданно приключился ударъ и жизнь его, по мнѣнію всѣхъ, находилась въ опасности.

Супруга его, женщина среднихъ лѣтъ, довольно полная и недурная собой, на сколько можетъ быть недурна женщина лѣтъ подъ сорокъ, казалось, была въ совершенномъ отчаяніи. Она то приходила въ спальню, гдѣ лежалъ больной ея мужъ, плакала надъ нимъ, ломала руки, то уходила въ сосѣднюю комнату, бросалась передъ образами, молилась съ рыданіями, съ воплями. Нѣсколько пожилыхъ горничныхъ женщинъ слѣдовали за ней шагъ за шагомъ старались ее успокоить.

— Сударыня, Катерина Михайловна, говорила одна изъ нихъ, усаживая варыню въ кресла, успо-

койтесь, что вы изволите такъ убиваться. Еще Богъ милостивъ!

— Ахъ, нянька, да я не переживу его, если сохрани Богъ... отвѣчала Катерина Михайловна и снова рыдала и плакала еще больше прежняго.

— Чтой-то, сударыня, ужь что вамъ представляется... Не этакіе примѣры бывали, да Господь миловалъ.. Вы себя-то пожалѣйте...

— Что мнѣ себя жалѣть?... Что я безъ него?... Слишкомъ двадцать лѣтъ прожили... Охъ, Господи!...

— Да вы этого-то не представляйте себѣ... Ахъ, чтой-то, матушка, полноте, поберегите себя... Да, вѣдь, батюшкѣ Ѳедору Иванычу гораздо лучше...

— Да послали ли за лекаремъ?

— Послали, сударыня, послали ...

— Что же онъ не ѣдетъ долго? Господи, какъ не стыдно Андрею Захарычу... Пошлите еще человѣка за нимъ...

— Да и то двое ускакали, сударыня ... Вѣдь тоже, скоро ли оборотишь: пять верстъ туда, да пять верстъ назадъ ...

— Что баринъ? посмотрите ...

Нѣсколько женщинъ бросились въ спальню и возвратились съ отвѣтомъ, что баринъ все въ одномъ положеніи.

— Господи! что же это будетъ ... Господи?..

— Матушка, матушка, Катерина Михайловна, сударыня!.. уговаривала нянька. Понюхайте, матушка ...

И она подставляла къ носу своей госпожи склянку со спиртомъ.

— Что мнѣ дѣлать?... Что это не ѣдетъ Андрей Захарычъ!.. не грѣхъ ли ему?.. Пошлите опять за нимъ ...

— Да, вѣдь, и то ужъ . . .

— Пошлите, говорятъ, если я приказываю . . . . съ сердцемъ прикрикнула Катерина Милайловна. Чтобы гнали лошадей, чтобы замучили, только поскорѣе бы привозили Андрея Захарыча . . . Охъ, Господи, охъ!

И она снова бросилась въ спальню къ мужу, плакала, ломала руки, стоя у постели его, не умѣла подать ему никакой помощи, не находила никакого сподручнаго средства.

Въ то же время между дворовыми людьми было больше умничанья, совѣтовъ, брани и усердія, нежели настоящаго дѣла. Наконецъ, вдругъ, изъ устъ въ уста пошли слова: „лекарь пріѣхалъ! лекарь пріѣхалъ!“ Катерина Михайловна, услыша ихъ, стремительно бросилась на встрѣчу доктору.

— Андрей Захарычъ, ради Бога, спасите . . . заговорила она и не докончила фразы, потому-что передъ ней стоялъ не тотъ, кого она ожидала.

Это былъ молодой человѣкъ въ полу-военной формѣ, худой, блѣдный, но весьма пріятной наружности.

— Вы не меня изволили ожидать, сказалъ онъ холодно-вѣжливымъ тономъ; но вашъ посланный не засталъ въ городѣ вашего доктора и убѣдительно просилъ меня ѣхать. Я не могъ отказаться . . . Полковой лекарь, Крушинскій.

— Благодарю васъ, очень вамъ благодарна. Ради Бога, помогите моему мужу: онъ умираетъ . . .

— Что съ нимъ? . . . Позвольте видѣть больного? . . .

— Пожалуйте сюда.

И Катерина Михайловна ввела Крушинскаго въ спальню.

— Извините, пожалуйста! сказала она, переступая порогъ дверей.

— Помилуйте! отвѣчалъ лекарь.

— Вотъ посмотрите въ какомъ онъ ужасномъ положеніи . . . Ради всего святого, спасите его . . . Онъ отецъ, онъ мнѣ дороже жизни . . .

И голосъ ея порвался въ глухихъ вопляхъ . . .

Крушинскій подошелъ къ больному, внимательно осмотрѣлъ его и задумался. Больной тяжело и рѣдко дышалъ, иногда со стонами, пульсъ его то упадалъ, то поднимался; онъ ничего не могъ говорить. Лицо лекаря выражало недоумѣніе.

— Неужели нѣтъ никакой надежды? спросила Катерина Михайловна съ отчаяніемъ въ голосѣ и, повидимому, готова была упасть при первомъ неопредѣленномъ выраженіи доктора.

— Успокойтесь! Не возмущайте больного! сказалъ онъ. Здѣсь много народа и душно. Прикажите открыть трубы въ печахъ и оставить здѣсь одного, или двухъ опытныхъ людей.

— Охъ, распоряжайтесь, ради Бога, я совершенно растерялась: ничего не могу сообразить . . . Докторъ, спасите его, ради дѣтей нашихъ . . . Охъ, я сама больна, я едва хожу.

— Успокойтесь, пожалуйста! вамъ всего лучше оставить эту комнату. Поручите мнѣ одному больного. . .

— Но что съ нимъ? Есть ли надежда?

— Богъ милостивъ! Удалитесь, пожалуйста. Прикажите себѣ подать стаканъ холодной воды. Давайте барынѣ нюхать спиртъ, намочите имъ ей виски! продолжалъ Крушинскій, обращаясь къ горничнымъ.

— Охъ, Господи, спаси его! — говорила Катерина Михайловна, выходя изъ спальни и поддерживаемая подъ руку.

Крушинскій сдѣлалъ быстрыя распоряженія, обличавшія въ немъ опытнаго и искуснаго врача. Онъ весь былъ въ своемъ дѣлѣ, когда въ спальню вошла горничная съ вопросомъ отъ барыни: лучше ли барину? Крушинскій, державшій больного за руки и прислушивавшійся къ его дыханію, ни слова не отвѣтилъ и только махнулъ рукой.

Горничная по своему передала этотъ жестъ Катеринѣ Михайловнѣ и черезъ минуту опять явилась къ лекарю.

— Барыня чувствуютъ себя не хорошо и приказали просить васъ къ себѣ, сказала она.

Крушинскій вышелъ. Катерина Милайловна истерически рыдала.

— Что съ вами? спросилъ онъ.

— Что онъ, умираетъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, кто вамъ сказалъ: напротивъ теперь, кажется, нѣтъ опасности.

— Помогите ему, спасите его! Мы съ нимъ прожили слишкомъ двадцатъ лѣтъ! У насъ дѣти, говорила Катерина Михайловна.

— Не тревожьтесь, ради Бога . . . Я употреблю всѣ усилія . . .

— Охъ, Боже мой, я сама едва жива . . .

— Ничего, ничего, вы только не тревожьте себя.

— Можно мнѣ его видѣть?

— Можно, но вамъ лучше успокоиться . . . положитесь на меня . . .

— Ради Бога, я васъ прошу.

— Будьте покойны, будьте покойны! И докторъ ушелъ къ больному.

Черезъ нѣсколько времени Крушинскій возвратился къ Катеринѣ Михайловнѣ съ сіяющимъ лицомъ.

— Что? спросила она.

— Слава Богу, теперь нѣтъ опасности! сказалъ лекарь.

— Я, право, не знаю какъ васъ благодарить: вы спасли мнѣ мужа, отца нашимъ дѣтямъ.

— Помилуйте, за что же благодарить? Подавать требуемую помощь — это наша обязанность.

— Нѣтъ, докторъ, вы были такъ великодушны: пріѣхали къ намъ, не будучи даже знакомы съ нами. Я не знаю даже до-сихъ-поръ имени нашего благодѣтеля?

— Меня зовутъ Аркадій Николаичъ.

— Ахъ, Аркадій Николаичъ, я, право, такъ перетревожилась . . . не знала что̀ дѣлать, боялась, чтобы и со мной чего нибудь не случилось . . . И теперь такъ сильно бьется сердце и ломитъ голову . . .

— Вы испугались; но теперь, слава Богу, опасность миновалась — и все пройдетъ . . .

— Нѣтъ, вѣдь, я очень нервна: я не могу переносить равнодушно никакого малѣйшаго безпокойства . . . Андрей Захарычъ . . . вы знакомы съ нимъ?

— Да.

— Превосходный докторъ . . . Онъ знаетъ мою натуру . . . Онъ предписалъ мнѣ принимать лавровишневую воду.

— Гм . . . Это помогаетъ . . .

— Я очень благодарна Андрею Захарычу . . . Но я очень рада случаю, доставившему мнѣ удовольствіе познакомиться съ вами и посовѣтоваться о самой себѣ.

— Андрей Захарычъ гораздо опытнѣе меня, и если вы пользуетесь его наставленіями, то мои совѣты не могутъ имѣть никакого значенія.

— Вы очень скромны . . . Но вы знаете: натура человѣческая . . . ее трудно проникнуть . . . Иногда

одинъ взглядъ, чтобы понять болѣзнь . . . Ахъ, Аркадій Николаичъ, я самое несчастное, самое болѣзненное существо . . .

Крушинскій взглянулъ на полную фигуру Катерины Михайловны и не нашелъ въ ней особенныхъ признаковъ болѣзненнаго состоянія; но чтобы быть деликатнымъ, онъ промолвилъ:

— Вы нервны . . .

— Ахъ, Аркадій Николаевичъ, у меня очень сердце болитъ . . . Крушинскій ничего не сказалъ.

— У меня несчастная натура, продолжала Катерина Михайловна: всѣ считаютъ меня женщиной здоровой, но мнѣ кажется я вся разбита . . . постоянно чувствую себя больной . . .

— Внѣшній видъ при иныхъ болѣзняхъ не имѣетъ никакой важности! поспѣшно отвѣчалъ Крушинскій, чтобы сказать что-нибудь.

— Я надѣюсь, вы не откажетесь помочь мнѣ вашими совѣтами?

— Я всегда готовъ къ услугамъ, но опять повторяю: вашъ постоянный докторъ обладаетъ медицинскими свѣдѣніями, можетъ быть, гораздо болѣе меня . . . и мое вмѣшательство можетъ показаться ему даже оскорбительнымъ . . .

— Охъ, нѣтъ! Андрей Захарычъ другъ нашего дома: онъ такъ любитъ насъ, что никогда ничѣмъ не обидится . . . При томъ онъ нашъ годовой докторъ и мы . . . кажется, весьма исправные паціенты . . . Я надѣюсь, что и вы, покороче познакомившись съ нами, не найдете въ насъ неблагодарныхъ . . .

Крушинскій вспыхнулъ; въ глазахъ его сверкнула гордость и неудовольствіе.

Катерина Михайловна замѣтила это движеніе.

— Впрочемъ, вы были такъ недобры, приба-

вила она, что-бы поправить свою неловкость: не хотѣли до-сихъ-поръ познакомиться съ нами, между-тѣмъ какъ это доставило бы намъ большое удовольствіе.

— Очень вамъ благодаренъ, но я вообще здѣсь почти не дѣлалъ знакомствъ, потому-что полкъ нашъ находится здѣсь временно.

— Но онъ пробудетъ въ нашемъ уѣздѣ цѣлую зиму. Многіе изъ вашихъ офицеровъ посѣщаютъ насъ, только вы одни были такъ горды . . .

— Признаюсь вамъ откровенно: я не общителенъ; сверхъ того, у меня такъ много занятій, по моимъ обязанностямъ . . .

— Но имѣя мало знакомствъ, вы не можете имѣть и большой практики.

— Я никогда не ищу ея! сказалъ Крушинской съ очевидной досадой.

— Покрайней мѣрѣ я надѣюсь, что вы не лишите насъ своего знакомства теперь, когда оно началось, хотя и случайнымъ образомъ.

— Мнѣ очень пріятно . . . Впрочемъ, позвольте: мнѣ нужно взглянуть на больного.

Крушинскій всталъ.

— Я надѣюсь, что вы ночуете у насъ, Аркадій Николаевичъ?

— Если вамъ угодно, но мнѣ кажется, что это было бы не лишнее, потому-что въ ходѣ болѣзни могутъ быть неожиданные капризы . . .

— Я васъ умоляю остаться: у меня теперь только и надежда на васъ однихъ. Ради Бога, не оставьте Ѳедора Иваныча, помогите ему . . . Но вы, я думаю, устали? такъ поздно . . . Мнѣ право такъ совѣстно и жалко васъ.

— Не безпокойтесь, пожалуйста, за меня. Вотъ

вамъ я совѣтовалъ бы успокоиться; вы были въ такой тревогѣ.

— Охъ, Аркадій Николаевичъ, я, право, такъ измучена, что мнѣ, кажется, не усну всю ночь ... заговорила она плаксивымъ тономъ.

Крушинскій не замѣчалъ этого и едва удержался, чтобы не улыбнуться.

— Правду ли вы сказали, что теперь нѣтъ опасности?

— Я надѣюсь.

— Охъ, Аркадій Николаевичъ, вы не знаете, что значитъ боязнь потерять мужа, съ которымъ такъ счастливо прожила двадцать лѣтъ ... Одна эта мысль можетъ убить такую комплекцію, какъ моя ...

Катерина Михайловна заплакала.

— Будьте нашимъ благодѣтелемъ, продолжала она горько рыдая, васъ наградитъ за это Богъ.

— Теперь вы, кажется, можете быть совершенно спокойны. Ложитесь почивать. Желаю вамъ покойной ночи.

— Нѣтъ, мнѣ не уснуть. Вы не знаете: я и въ спокойномъ состояніи иногда не могу спать цѣлыя ночи отъ сердцебіенія ... Но ради Бога ... что мнѣ думать о себѣ теперь, когда Ѳедоръ Иванычъ въ такомъ положеніи ... Не оставляйте его.

Крушинскій поклонился и, довольный полученнымъ увольненіемъ, поспѣшилъ уйти въ спальню. Презрительно насмѣшливая улыбка была результатомъ его бесѣды съ Катериной Михайловной, но она тотчасъ изгладилась съ его лица, какъ только онъ подошелъ къ постели больнаго.

На смѣну доктора къ барынѣ тотчасъ явились

прежняя фаланга горничныхъ, подъ предводительствомъ няньки.

— Какой чудесный лекарь! начала послѣдняя, устанавливаясь противъ барыни со сложенными на груди руками. Какъ онъ батюшкѣ-то Ѳедору Иванычу помогъ скоро. Чудо только. Совсѣмъ другіе стали, какъ онъ свои лекарствія-то имъ преподалъ. Ну, ужъ, сказать, что лекарь.

— Не знаю, возразила Катерина Михайловна. Я говорила о себѣ, да что-то ничего не присовѣтовалъ.

— Ну, да, конечно! Какъ по молодости-то или отъ разсѣйки: всего-то вдругъ не обдумалъ. А онъ этакой . . . и вникаетъ . . . Я нарочно посмотрѣла на него . . . Нѣтъ, сказать къ чести . . . внимательной такой . . . И къ груди-то онъ приклонится, это слушаетъ — что ли, и за руку-то возьметъ, и голову-то посмотритъ, и за ноги-то . . . Совсѣмъ другіе стали и Ѳедоръ Иванычъ: и дышутъ мой батюшка лучше, и лицо бѣлѣе, и покойнѣе. Теперь, кажется, слава Богу, нечего опасаться . . .

— Ахъ, Глафира, какъ-бы ты знала какъ я-то измучилась. Сама не знаю что со мной дѣлалось... себя не помнила... А сердце и теперь болитъ.

— Ахъ, матушка, вы тоже говорите... и мы-то подъ собой ногъ не чуяли. Совсѣмъ сердце измерло. Взяться за что не знаешь, да и васъ-то оставить боязно... Совсѣмъ весь духъ растеряли...

— Ну, ужъ, правда, что какъ бы не вы, такъ я и Богъ-знаетъ что̀ бы давеча надъ собой сдѣлала: такъ мнѣ легко было.

— Ахъ, сударыня, да и мы-то на васъ смотря измаялись. Ну, да теперь, Богъ милостивъ. Надо и

вамъ успокоиться, поберечь себя. ... Изволили-бы вы, матушка, почивать ложиться. Право, хоть немножко бы вы душу отвели отъ этакого переполоха.

— Охъ, ужь какой мнѣ сонъ, до сна ли! Не знаю ужъ — не уснуть мнѣ.

Но черезъ полчаса послѣ этого, Катерина Михайловна спала сладкимъ сномъ.

Ѳедоръ Ивановичъ Коркинъ служилъ нѣкогда въ гвардіи и всю свою молодость, до самой женитьбы, провелъ въ Петербургѣ. По происхожденію своему, онъ принадлежалъ къ старинной дворянской фамиліи, и былъ воспитанъ въ старинныхъ понятіяхъ; но отецъ его, живя роскошно и не по средствамъ, оставилъ ему состояніе крайне разстроенное, которое давало молодому человѣку возможность быть только гостемъ, но никакъ не членомъ того заповѣднаго аристократическаго кружка, куда стремились его мечты. Самолюбивый по природѣ, гордый по воспитанію и съ дѣтства втолкованнымъ убѣжденіямъ, по положенію своему онъ принадлежалъ къ среднему кругу, хотя и гнушался имъ и считалъ его недостойнымъ себя. Впрочемъ, владѣя практическимъ тактомъ, умѣньемъ прилично держать себя, гибкостью ума и нѣкоторою сухостью сердца, Ѳедоръ Иванычъ умѣлъ постоянно оставаться въ высшихъ слояхъ общества, хотя внутренно и сознавалъ всю шаткость своего положенія, и въ сорокъ лѣтъ жизни ясно видѣлъ, что не достигнулъ ничего и стоялъ все еще въ дверяхъ заповѣднаго храма, также какъ и въ то время, когда являлся, бывало, расфранченный и раздушенный, не лишній на балѣ, нужный въ танцахъ кавалеръ. Не мудрено, что Петербургъ нако-

нецъ надоѣлъ ему, тѣмъ болѣе, что, доживя до сорока лѣтъ, Ѳедоръ Иванычъ еще не былъ женатъ. Онъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ свою наслѣдственную усадьбу Родовое — Подгородное. Ѳедору Иванычу, противъ его ожиданія, скоро полюбилась провинція. Едва замѣчаемый въ Петербургѣ, онъ сталъ здѣсь первымъ почетнѣйшимъ членомъ общества; старый холостякъ, онъ превратился въ завиднаго жениха, о которомъ стали мечтать провинціальныя маменьки и ихъ дочки. Самолюбіе Ѳедора Иваныча, постоянно раздражаемое въ столицѣ, здѣсь успокоилось: скоро онъ обжился, привыкъ къ странному сначала для него обществу, и даже помолодѣлъ духомъ. Хотя и въ молодости Ѳедоръ Иванычъ никогда почти не увлекался и не былъ способенъ къ особенной сердечной чувствительности, а въ сорокъ пять лѣтъ страсти его уже и совсѣмъ охладѣли, но онъ не прочь былъ жениться, — потому-что холостая бродячая жизнь ему надоѣла — и выборъ его палъ на Катерину Михайловну, очень молоденькую, свѣжую, хорошенькую дѣвочку и къ тому еще богатую невѣсту, единственную дочь сосѣдняго помѣщика. Родители Катерины Михайловны вѣкъ свой прожили въ деревнѣ и нигдѣ не бывали дальше своего губернскаго города; страстно любя свою единственную дочь, они не могли разстаться съ нею, не хотѣли отдать ее даже въ пансіонъ и приставивши къ ней француженку и нѣмку, чтобы дать образованіе, необходимое невѣстѣ, за которою пятьсотъ душъ приданаго, строго наблюдали, чтобы наставницы не обременяли излишними знаніями свою воспитанницу. Катерина Михайловна была избалованный, капризный ребенокъ, но добрая, чувствительная и крайне-сантиментальная дѣвица, пропитанная чувстви-

тельными разсказами нѣмки, которая была три раза влюблена, и разными не менѣе раздражающими воображеніе разсказами француженки. Она, можетъ-быть, не вышла бы за Ѳедора Иваныча, если бы ей были растолкованы супружескія обязанности и если бы она имѣла какія-нибудь убѣжденія, но родители, очень довольные предложеніемъ Коркина, совѣтовали ей выйдти за него, представля, что онъ богатъ, чиновенъ, и фамилія его столбовая дворянская и жилъ онъ постоянно въ Петербургѣ, въ самомъ высшемъ обществѣ; что она будетъ во всей губерніи первой дамой; если любитъ ихъ — будетъ жить въ деревнѣ недалеко отъ нихъ, а захочетъ уѣхать въ Петербургъ, то попадетъ въ самое высшее общество, что они и издали будутъ радоваться и утѣшаться на нее. Конечно ужъ поѣду въ Петербургъ! подумала Катерина Михайловна и вышла за Коркина. — Теперь я богатъ! думалъ Ѳедоръ Иванычъ, женившись, и дѣйствительно поѣхалъ въ Петербургъ. Но Катеринѣ Михайловнѣ не понравилось то общество, въ которое онъ ввелъ ее: ей было какъ-то неловко, тяжело въ немъ, и мужъ такъ строго слѣдилъ за ней и надоѣдалъ, еще больше стѣснялъ безпрестанными замѣчаніями за каждый необдуманный шагъ, за каждое движеніе, за всякое неловкое или некстати сказанное слово. Катеринѣ Михайловнѣ хотѣлось веселиться, ѣздить на балы, въ театры, въ собранія, маскарады, — мужъ возилъ ее изрѣдка, но послѣ каждаго вечера она должна была выслушать выговоры, что она танцовала слишкомъ много съ тѣмъ, съ кѣмъ вовсе бы не слѣдовало танцовать, говорила не съ тѣмъ, съ кѣмъ слѣдовало говорить, смотрѣла не туда и не на то, куда и на кого надо было смотрѣть. Катерина Михайловна хотѣла-было капризничать, не

уступать, но мужъ всегда бралъ верхъ надъ нею твердостью и настойчивостью воли, хладнокровіемъ и силою ума. Между-тѣмъ сантиментальность и влюбчивость ея послѣ замужества развились еще болѣе: она искала страсти, а мужъ былъ и очень разсудителенъ,—и хладнокровенъ, и скученъ, да и притомъ казался ей старъ. Наконецъ Ѳедоръ Иванычъ вовсе пересталъ ѣздить въ Петербургъ и безвыѣздно поселился въ деревнѣ. видя, что карьера его уже кончена и что ему пора начать заботиться объ устройствѣ семейнаго счастья, тѣмъ болѣе, что у него родился уже сынъ. Онъ принялся хозяйничать, Катерина Михайловна скучала. Малютка сынъ занималъ ее, но не надолго: она носилась съ нимъ, какъ съ куклой, цѣловала, ласкала, но не была способна къ той любви, которая поглощаетъ все существо, всю жизнь; времени не занятаго, скучнаго, празднаго для головы и сердца, оставалось много, и Катерина Михайловна скучала. Сантиментальность и чувствительность ея, питаемыя скукою и неудовлетворяемыя степеннымъ и хладнокровнымъ мужемъ, не успокоивались, но развивались съ годами. Катерина Михайловна впала въ хандру, представляла себя постоянно больною, но при видѣ каждаго новаго лица, молодаго человѣка привлекательной наружности, — оживала, интересовалась имъ. Мужъ понималъ это; внутренно, можетъ-быть, винилъ себя за то, что старъ женился, за то, что не имѣлъ въ своей натурѣ тѣхъ условій, которыя необходимы въ мужѣ молоденькой и чувствительной женщины, но натуры своей, вѣдь, не измѣнишь — и онъ ограничивался только тѣмъ, что постоянно былъ насторожѣ. Но годы шли. Ѳедоръ Иванычъ старѣлся, Катерина Михайловна подходила къ лѣтамъ пожилой женщины, сдѣлалась со-

всѣмъ деревенской барыней, свыклась съ той жизнью, которою прожила двадцать слишкомъ лѣтъ, но и хандра ея и сантиментальность тоже какъ-будто обратились въ привычку, хотя и приняли иныя формы.

На другой день Катерина Михайловна проснулась довольно поздно. Когда она входила въ спальню, Крушинскій уже сидѣлъ у постели больного; послѣдній смотрѣлъ гораздо здоровѣе: ему было очевидно лучше.

— Здраствуй, матушка! сказалъ онъ женѣ въ то время, какъ она только-что вошла въ комнату.

— Ахъ, Теодорушка! отвѣтила Катерина Михайловна съ живой радостью въ лицѣ и голосѣ. Лучше ли тебѣ, мой ангелъ?

— Слава Богу, лучше, благодаря вотъ молодому человѣку. Ѳедоръ Иванычъ протянулъ руку Крушинскому, тотъ поспѣшилъ подать свою.

— Ахъ, Теодорушка, именно Аркадій Николаичъ твой спаситель, а нашъ благодѣтель... Я не знаю какъ и выразить ему свою благодарность... Кушали ли вы чай, Аркадій Николаичъ?

— Благодарю васъ: пилъ.

— Право, я не знаю что̀ было бы съ нами безъ его помощи?

— Было бы то, что я умеръ; а ты поплакала бы, а потомъ вышла замужъ! съ улыбкой сказалъ Ѳедоръ Иванычъ.

— Ахъ, полно, Теодорушка, какъ можешь ты говорить подобныя вещи. Я сама себя не помнила... Я думала, что умру прежде тебя...

Катерина Михайловна вытерла глаза платкомъ.

— Право, Богъ намъ послалъ васъ, Аркадій Николаевичъ.

— Богъ и помогъ мнѣ! скромно отвѣчалъ Крушинскій.

— Вы, я думаю, измучились, устали: вчера такъ поздно легли; сегодня рано встали...

— Я не знаю и спалъ ли Аркадій Николаичъ, потому-что когда сегодня утромъ раскрылъ глаза, онъ сидѣлъ у моей постели, а это было еще оченьрано... Благодарю васъ, молодой человѣкъ!.. сказалъ больной.

— Не безпокойтесь, пожалуйста, благодарить меня: я уже награжденъ тѣмъ, что вамъ лучше... Все остальное моя обязанность...

— Какая же обязанность, когда вотъ жена моя спала до сихъ-поръ, въ то время, какъ я умиралъ?

Крушинскому эта фраза показалась странною: онъ не находилъ, что возразить на нее, между тѣмъ какъ Катерина Михайловна залилась слезами, которыя вдругъ появились въ ея глазахъ.

— Ахъ, другъ мой, говорила она, ты не знаешь: я не могла уснуть всю ночь: я была истерзана, измучена твоей болѣзнью и забылась не больше, какъ на одинъ часъ... И сегодня я еще чувствую себя нехорошо... А ты что говоришь! Богъ съ тобой, Теодорушка!... Мы кажется прожили слишкомъ двадцать лѣтъ...

— Ну полно, полно, я пошутилъ!.. я знаю, что тебѣ было жаль меня... Дай мнѣ ручку...

Ѳедоръ Иванычъ цѣловалъ руку жены.

— Ахъ, Теодорушка... Богъ съ тобой... ты обидѣлъ меня... говорила сквозь слезы Катерина Михайловна, припавши устами къ его головѣ.

— Ну, ну, полно!.. Виноватъ!..

Крушинскій былъ очень смущенъ этой сценой: онъ помнилъ, что только другой день знакомъ съ тѣми, между которыми происходила она.

— Я ужасно люблю дразнить ее! сказалъ Ѳедоръ Иванычъ Крушинскому, какъ бы для того, чтобы оправдать въ глазахъ его все происходившее.

Крушинскій отвѣтилъ на эти слова снисходительной улыбкой.

— Да, вотъ онъ шутитъ, а каково мнѣ слушать эти шутки! Ну, согласитесь, Аркадій Николаичъ, не обидно ли это: я умирала отъ любви къ нему, а онъ упрекаетъ меня въ равнодушіи, въ холодности... Вы сами видѣли: хорошо ли я васъ встрѣтила, помнила ли я себя... Вотъ скажите ему...

— Да, вы были очень огорчены...

— Не только огорчена, а кажется этотъ случай испортилъ во мнѣ всю кровь... кажется, я разнемогусь отъ него...

— Ну, полно-же, какъ ты разхвасталась передъ Аркадіемъ Николаичемъ своей любовью ко мнѣ... сказалъ Ѳедоръ Иванычъ съ улыбкою. Ужъ тебѣ стыдно быть страстной ко мнѣ: я ужъ старикъ...

— Ахъ, Теодорушка, ты мнѣ мужъ... Я не могу никогда разлюбить того, кого полюбила однажды.

При послѣднихъ словахъ Катерина Михайловна мелькомъ взглянула на Крушинскаго: глаза ихъ встрѣтились, нѣжная супруга сконфузилась, докторъ вспыхнулъ и нахмурился.

— Не всѣ женщины, мой другъ, съ такими чувствами, какъ я! прибавила Катерина Михайловна.

— Ну, душенька, пора и тебѣ перестать быть очень чувствительной: и тебѣ ужъ скоро сорокъ стукнетъ...

— Что же, есть чувства, которыя позволительны и женщинѣ въ сорокъ лѣтъ: вотъ, напримѣръ, я полюбила Аркадія Николаича, какъ сына за то, что онъ спасъ и возвратилъ мнѣ тебя...

Крушинскій поклонился.

— Вы очень добры! сказалъ онъ не безъ ироніи, которой впрочемъ не замѣтили.

— Охъ, у меня что-то болитъ бокъ, Аркадій Николаичъ! замѣтилъ больной, тяжело вздохнувши.

— Это можетъ быть! Но не пугайтесь — это пройдетъ само собою.

— А если бы ты зналъ, Теодорушка, какъ у меня болитъ сердце... замѣтила съ своей стороны Катерина Михайловна.

— Не давай, матушка, ему воли! сказалъ Ѳедоръ Иванычъ, какъ-то двусмысленно.

— Нѣтъ, серьезно! Я хочу совѣтоваться съ вами, Аркадій Николаичъ. Со вчерашняго дня я что-то очень дурно себя чувствую.

— И не принимайтесь ее лечить, подхватилъ мужъ, обращаясь къ доктору: а не то она совсѣмъ васъ замучитъ, у нея что день, то новая болѣзнь.

Ѳедоръ Иванычъ говорилъ шутливымъ тономъ, но въ этомъ тонѣ слышалось еще что-то другое.

— Ну, полно, Теодорушка, ты вѣчно со своими шутками: нѣтъ, право, Аркадій Николаичъ, вы займитесь мной.

— Если вамъ угодно! отвѣчалъ Крушинскій, и въ то же время подумалъ: что за люди! они совсѣмъ меня съ толку сбили: не знаю какъ и держать себя.

— Теперь, кажется, вамъ лучше, продолжалъ онъ вслухъ, обращаясь къ Ѳедору Иванычу: позвольте мнѣ проститься...

— Нѣтъ, нѣтъ! поспѣшно перебила его Катерина Михайловна, ради Бога, не оставляйте его. Дайте ему хоть сколько нибудь оправиться. Не оставляйте меня въ этомъ ужасномъ положеніи: безъ васъ я опять растеряюсь; не буду знать что дѣлать...

— Но, вотъ лекарства... состояніе Ѳедора Иваныча нисколько не опасно...

— Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога; я васъ умоляю, не оставляйте его...

— Но у меня гошпиталь...

— Ну, чтожъ такое — успѣете въ вашъ гошпиталь...

— Ахъ, матушка, что же ты задерживаешь такъ настоятельно Аркадія Николаича: можетъ быть, ему въ самомъ дѣлѣ нужно ѣхать. Я теперь, слава Богу, чувствую себя лучше...

— Нѣтъ, какъ хотите, Аркадій Николаичъ, хоть откушайте: я васъ безъ обѣда ни за что не отпущу...

— Я очень вамъ благодаренъ, но, право...

— Ничего не хочу слушать... Вы обидите, огорчите меня, если не останетесь... При васъ я буду гораздо спокойнѣе на счетъ здоровья Ѳедора Иваныча. Вы сдѣлали намъ благодѣяніе, докончите же его... Нѣтъ, мнѣ и не по силамъ, и не по комплекціи переносить этакія огорченія... Я серьезно боюсь за себя...

Крушинскій волей-неволей долженъ былъ остать-обѣдать.

— Ахъ, матушка, какая ты неотвязчивая... Мнѣ очень пріятно видѣть васъ, Аркадій Николаичъ, но, можетъ быть, она отвлекаетъ васъ отъ вашихъ обязанностей: пожалуйста, извините...

— Ничего, ничего! Я вижу, что Аркадій Николаичъ полюбили насъ и не будутъ съ нами церемониться.

— Изъ чего это она видитъ? мелькнула мысль въ головѣ лекаря.

— Еще мы должны сначала заслужить любовь Аркадія Николаича: мы уже многимъ ему обязаны, а съ своей стороны еще не успѣли ничѣмъ заслужить его расположеніе...

— Но я надѣюсь, что Аркадій Николаичъ полюбятъ насъ, когда покороче познакомятся. Хоть вы и были такъ горды, что не хотѣли до-сихъ-поръ показать себя намъ, но я увѣрена, что теперь, по крайней мѣрѣ, вы не лишите насъ своего расположенія...

— Помилуйте! отвѣчалъ Крушинскій, которому рѣшительно нечего было сказать болѣе.

— Вотъ, Богъ дастъ, познакомитесь съ моей Надиной... моей дочерью... Она должна скоро пріѣхать..

— Ахъ, какъ я благодарю Бога, что Наденька застанетъ меня выздоравливающимъ. Вѣдь, она скоро должна пріѣхать... сказалъ Ѳедоръ Иванычъ, обращаясь къ женѣ.

— Да, на этихъ дняхъ непремѣнно. Она воспитывается въ одномъ изъ первыхъ петербургскихъ пансіоновъ и нынче кончаетъ курсъ! прибавила Катерина Михайловна, относясь къ Крушинскому. Она у меня хорошенькая... Говорятъ, даже была лучше всѣхъ въ пансіонѣ...

— Для васъ, какъ матери, это должно быть очень пріятно! отвѣчалъ Крушинскій.

— Да, я надѣюсь, что она будетъ здѣсь во всемъ уѣздѣ первая красавица, только живая, рѣзвая дѣвочка... Вѣдь дитя еще, ребенокъ...

— Да что ты, матушка, какъ разносилась со своей дочкой: это для тебя она очень интересна, а для Аркадія Николаича, я думаю, все равно: хороша ли она, или нѣтъ! замѣтилъ Ѳедоръ Иванычъ холоднымъ тономъ.

— Ну, ужъ, что дѣлать: всѣ мы матери таковы: не можемъ никогда наговориться о своихъ дѣтяхъ. А я особенно... Я такая страстная мать, Аркадій Николаичъ, что даже до глупости.

— Счастливы ваши дѣти!

— Да, признаюсь, я готова для нихъ всѣмъ пожертвовать.

— Вотъ мое сокровище, мой Paul... Это сынъ мой. Офицеръ гвардейскій, живетъ въ Петербургѣ, принятъ во всѣ аристократическіе, самые лучшіе дома. У Ѳедора Иваныча родные въ Петербургѣ все знатные люди... Ахъ, Аркадій Николаичъ, если бы вы видѣли, какой онъ молодецъ, мой Paul! Какіе усики у него! Какъ идетъ къ нему мундиръ гвардейскій!... Я не могла смотрѣть на него безъ восторга...

— Ну, скажите, пожалуйста! женщина въ тридцать лѣтъ и восхищается усиками! Ахъ, Катерина Михайловна!

— Что же такое? Я восхищаюсь сыномъ. А знаешь что, Теодорушка, — я въ Аркадіи Николаичѣ нахожу большое сходство съ нашимъ Полемъ. Не правда ли? Особенно съ носу и съ губъ...

— Нѣтъ, я не нахожу никакого сходства! возразилъ Ѳедоръ Иванычъ.

— Да, конечно, Аркадій Николаичъ лучше его, но право есть большое сходство: этотъ носъ, эти губы!

— Вы мнѣ льстите! насмѣшливо сказалъ Крушинскій.

— Нѣтъ, пожалуйста, вы не думайте, что я хочу льстить вамъ: вы очень хороши собой. И какъ я въ въ первый разъ васъ увидѣла, вы мнѣ очень напомнили моего Поля, и теперь я смотрю на васъ, точно на него.

Крушинскому становилось досадно.

— И я признаюсь, продолжала Катерина Михайловна, съ первой встрѣчи какъ-то особенно располо-

жилась къ вамъ точно къ самому близкому родному.

— Благодарю васъ, но я не стою такого вниманія.

— Полноте, полноте! вы такъ милы, такъ добры, вы невольно какъ-то привлекаете.

— Аркадій Николаичъ, я чувствую, какъ-будто колотье въ груди! перебилъ жену Ѳедоръ Иванычъ, нахмурившись.

— Можетъ быть оттого, что много говорили. Вамъ надо еще остерегаться говорить много.

— Вотъ видите, Аркадій Николаичъ, какъ онъ слабъ еще, а вы хотите насъ такъ скоро оставить.

— Это нисколько не опасно! Ѳедору Иванычу нужно только спокойствіе и я своимъ присутствіемъ, въ настоящее время, больше безпокою его, нежели дѣлаю пользы. Вы были бы очень добры, еслибъ позволили мнѣ уѣхать...

— Ахъ, такъ мы уйдемъ въ другія комнаты; а ты Теодорушка, можетъ-быть, уснешь, успокоишься...

— Полно, матушка, ты совершенно стѣсняешь Аркадія Николаича. Мнѣ очень пріятно васъ видѣть, Аркадій Николаичъ, но, ради Бога не жертвуйте намъ вашими обязанностями: я знаю какъ онѣ важны у васъ!...

— Да, ужъ сдѣлайте милость, позвольте мнѣ проститься съ вами... Мнѣ очень нужно поспѣшить.

— Аркадій Николаичъ, а какъ же ваше обѣщаніе — обѣдать у насъ? Нѣтъ, я васъ не отпущу, сказала Катерина Михайловна.

— Нѣтъ-съ, мнѣ право, нужно: у меня много больныхъ на рукахъ.

— Пустяки, пустяки, останьтесь откушать: сейчасъ подадутъ.

— Катерина Михайловна, постыдитесь: ты такъ надоѣшь Аркадію Николаичу своей неотвязчивостью, что онъ послѣ и не заглянетъ къ намъ! замѣтилъ Ѳедоръ Иванычъ.

— Да, это правда! Я всегда такъ несчастна: меня не любятъ именно тѣ, въ которымъ я особенно расположуся. Ну, Богъ съ вами, Аркадій Николаичъ, не хотите исполнить моей первой еще просьбы.

— Я постараюсь вознаградить свою невѣжливость впослѣдствіи; а теперь извините, пожалуйста... отвѣчалъ Крушинскій и отворотился, чтобы взять свою фуражку.

Воспользовавшись этимъ мгновеніемъ, Ѳедоръ Иванычъ указалъ глазами женѣ на Крушинскаго; та поняла этотъ знакъ, поспѣшно вышла изъ комнаты и возвратившись въ то время, какъ докторъ дѣлалъ больному наставленія о принятіи безъ него лекарствъ, сунула что-то подъ подушку, на которой лежалъ мужъ. Эта была пятидесяти-рублевая ассигнація.

— Я не думаю, чтобы болѣзнь принала дурной ходъ, если вы будете аккуратно принимать лекарства и строго выполнять діэту! говорилъ Крушинскій, раскланиваясь.

— Позвольте поблагодарить васъ, Аркадій Николаичъ, за ваше безпокойство! сказалъ больной, протягивая Крушинскому руку съ деньгами, которыя онъ досталъ изъ-подъ подушки.

Крушинскій нѣсколько смутился, но взялъ деньги не говоря ни слова, съ выраженіемъ лица совершенно холоднымъ и даже гордымъ.

— И видно, что еще молодой человѣкъ! подумалъ Ѳедоръ Иванычъ, замѣтя выраженіе лица доктора.

— Когда же вы опять къ намъ? спрашивала Катерина Михайловна, провожая Крушинскаго.

— Я?... Да можетъ-быть Ѳедору Иванычу угодно будетъ, чтобы окончательнымъ леченіемъ его занялся Андрей Захарычъ... Опасности теперь нѣтъ никакой...

— Нѣтъ, нѣтъ, Аркадій Николаичъ, вы такъ скоро помогли ему, вы, ради Бога, и вылечите его совсѣмъ.

— Я полагаю, что Ѳедоръ Иванычъ теперь будетъ быстро поправляться, но если нужна моя помощь, то я могу быть послѣ-завтра.

— Я непремѣнно пришлю за вами лошадей.

— Если вамъ угодно!

Они подходили къ дверямъ въ прихожую.

— Не безпокойтесь, пожалуйста! сказалъ Крушинскій, остановившись у нихъ.

— Ничего, ничего: я провожу васъ! Посмотрю, тепло ли вы одѣты. Вы, господа лекаря, спасаете больныхъ, а сами нисколько не бережетесь.

Крушинскій пожалъ плечами и сталъ надѣвать шубу.

— Что же у васъ на шеѣ? Неужели ничего нѣтъ?

— Какъ видите: на мнѣ шуба.

— Да вы можете простудить горло! Возьмите у меня платокъ... Человѣкъ подай платокъ...

— Благодарю васъ: мнѣ не нужно!

— Полноте, полноте, не церемоньтесь... Вотъ, дайте-ка я вамъ сама повяжу его на шею! говорила Катерина Михайловна, принимая платокъ изъ рукъ лакея.

— Нѣтъ-съ, благодарю васъ: я не надѣну.... Мнѣ и безъ того тепло: платокъ будетъ только безпокоить меня.

— Пустяки, пустяки! Вы еще многимъ понадобитесь: отъ вашего здоровья, можетъ быть, зависитъ жизнь многихъ... Потрудитесь-ка наклониться, а вамъ повяжу шею...

— Что ты за странная баба! чуть-чуть не промолвилъ Крушинскій, волей-неволей наклоняя голову и шею къ рукамъ Катерины Михайловны.

— Ужъ извините! говорила между тѣмъ послѣдняя. Кого я полюблю, съ тѣмъ бываю безцеремонна! Вотъ такъ-то гораздо лучше: и шея закрыта и груди теплѣе.

— Вы напрасно безпокоитесь.

— Ну, мнѣ и то пріятно, что по крайней мѣрѣ мой платокъ принесетъ вамъ какую-нибудь пользу. А что? вы мнѣ ничего не посовѣтуете, Аркадій Николаичъ?

— Вамъ?... Продолжайте лавро-вишневую воду! отвѣчалъ онъ и поклонился, готовясь выйти изъ прохожей.

— Смотрите же: я васъ буду ждать съ нетерпѣніемъ послѣ завтра.

Крушинскій ничего не отвѣчалъ. Онъ былъ уже въ сѣняхъ.

— Ну, какъ ты себя чувствуешь, Теодорушка? спрашивала Катерина Михайловна мужа, по возвращеніи въ спальню.

— Лучше, матушка, лучше, слава Богу.

— Чудесный молодой человѣкъ Аркадій Николаичъ! Какъ скоро онъ тебѣ помогъ!..

— Да! неопредѣленно отвѣчалъ Ѳедоръ Иванычъ.

— Ахъ, какъ я перепугалась отъ твоей болѣзни... Думала и Богъ знаетъ что будетъ... Такъ заныло сердце... Ахъ, Теодорушка, какъ много значитъ

прожить съ мужемъ двадцать лѣтъ... Я не знаю, ты для меня, кажется, дороже всего въ мірѣ.

— Ну, спасибо, спасибо! дай мнѣ уснуть, мнѣ что-то спать хочется!...

— Ну, спи, мой другъ, только скажи: не хочется ли тебѣ чего покушать?...

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего не хочу.

— Вотъ, что ты не сказалъ Аркадію Николаичу, что у тебя нѣтъ аппетита... Онъ обѣщался пріѣхать послѣ завтра.

— Хорошо! Да напрасно: можетъ быть, все пройдетъ само-собой...

— Какъ, мой другъ, хоть тебѣ, славу Богу и лучше, но все ты не совсѣмъ здоровъ... Нѣтъ, я очень просила его не оставлять тебя...

— Хорошо, хорошо, только дай мнѣ, пожалуйста, покой... Я и то усталъ, цѣлое утро слушая твою болтовню съ этимъ лекаремъ.

— Ахъ, душенька, да я нарочно говорила для твоего разсѣянія...

— Ну, спасибо, спасибо! поди же!...

— Спи же покойно, моя душа!

Катерина Михайловна поцѣловала мужа въ голову и удалилась.

Въ другой комнатѣ къ ней тотчасъ же явилась Глафира. Это была женщина лѣтъ пятидесяти. Держала она себя степенно, говорила осторожно и подумавши, привѣтливая улыбка не сходила съ ея губъ, но въ лицѣ ея было что-то недоброе, отталкивающее. Несмотря, впрочемъ, на это, Глафира обладала необыкновеннымъ умѣньемъ поддѣлатся къ человѣку и расположить его въ свою пользу. Она знала все, что дѣлается въ домѣ, знала всѣ тайны и секреты Катерины Михайловны и пользовалась

неограниченнымъ ея довѣріемъ. Она вообще такъ искусно вела себя, что вызывала на откровенность даже самаго Ѳедора Иваныча, который вообще ни съ кѣмъ не былъ довѣрчивъ. Глафира водилась нѣкогда съ дѣтьми Коркиныхъ и потому пользовалась во дворнѣ почетнымъ именемъ и правами старой няньки.

— Ну что, матушка, какъ вамъ понравился лекарь? спросила она Катерину Михайловну.

— Хорошъ! А что?

— Ничего-съ! Я такъ только, что и мнѣ тоже очень понравились: милый баринъ, и изъ лица такой благородный...

— Да онъ хорошъ лицомъ-то, очень хорошъ, только мнѣ не нравится, что такой серьезной и не ласковый... Какъ ужъ я не старалась его приголубить, хоть бы онъ одно слово мнѣ сказалъ.

— Ну, да еще, можетъ-быть, такъ какъ еще не ознакомился... Тоже вновѣ, хоть бы и въ вашемъ домѣ, все еще какъ-то не смѣло.

— Нѣтъ, онъ гордая штучка, онъ много о себѣ думаетъ: дали пятьдесятъ цѣлковыхъ за визитъ, ужъ, кажется, довольно... я нарочно много дала, чтобы испытать: что съ нимъ будетъ?... хоть бы спасибо сказалъ, ни словомъ не поблагодарилъ.

— Видите какой!... Да можетъ быть онъ и не разсмотрѣлъ, что такія деньги?

— Ну, полно, какъ не разсмотрѣть? Нѣтъ; а это видно, что онъ много подумываетъ о себѣ...

— Да-съ! А кажется бы не Богъ знаетъ какой чинъ, хоть бы и лекарь? Ну, да это, сударыня, молодъ: все отъ того... И самъ собой много занимается отъ этого... А вотъ въ леченьи-то своемъ такъ они, кажется, очень знающи... Какъ Ѳедору-

то Иванычу помогъ, только удивленье... А какъ онъ барину-то, показался ли?

— Ну, не знаю: вѣдь онъ не скоро скажетъ; а, кажется, не совсѣмъ...

— Не понравился?.. Вотъ, а я думала... Ну, да конечно и то сказать, коли такъ повелъ себя непристойно...

— Нѣтъ, вѣдь, онъ держалъ-то себя прилично, только онъ какой-то холодной этакой, равнодушной: говорю про Наденьку, разсказываю какая она красавица — ничего, хоть бы сколько-нибудь заинтересовался...

— Ну, да, вѣдь, и то сказать, матушка, что ему и интересоваться-то: вѣдь, ужъ онъ нашей Надеждѣ Ѳедоровнѣ не женихъ?

— Вотъ еще что сказала? Смѣетъ онъ подумать объ этомъ: какой-нибудь лекаришка... А нѣтъ, значитъ къ женщинамъ-то онъ равнодушенъ совершенно. Всякой ужъ молодой человѣкъ, коли говорятъ про хорошенькую дѣвушку, ужъ сейчасъ и видно, что самъ не свой... ужъ и глаза загорятся и все... А этому рѣшительно все равно...

— Ну, такъ ужъ и есть; видно, онъ такой не признательной, либо оттого, что онъ очень въ науку-то свою вникаетъ, а то ему все равно, ни почемъ...

— А я не люблю такихъ холодныхъ мужчинъ, мнѣ досадно на нихъ...

— Ну, да ужъ конечно что за мужчина, коли и до нашего женскаго пола нѣтъ у него никакого расположенія... Какой ужъ это мужчина... А кажется бы, этакой молодецъ, ему только захотѣть, такъ всякая бы самая первая барышня его полюбила...

— Онъ хорошъ-то собой, очень хорошъ... Какіе у него глаза! какъ что не по немъ скажешь, такъ и засверкаютъ... Губы опять какія!

— Только худы очень...

— Ну, да это что! За то строенъ-то какъ?

— Ужъ это правда: строенъ такъ, что и говорить нечего, точно въ корсетѣ... А, вѣдь, можетъ онъ и оттого не разговорчивъ, что конфузится: бываютъ и этакіе... А не то, что отъ гордости. Можетъ онъ и къ женщинамъ-то привычки не имѣетъ...

— Ну, какъ, можетъ ли это быть, чтобы этакой молодецъ женщинъ не зналъ?

— Нѣтъ, сударыня, бываютъ, бываютъ и такіе, я точно знаю...

— Да что мы очень разговорились-то объ немъ... Намъ-то что до него за дѣло? сказала Катерина Михайловна и засмѣялась, смотря на Глафиру.

— А и въ самомъ-дѣлѣ, сударыня, что намъ въ немъ?... А мы говоримъ, да говоримъ, ровно и нивѣсть какая нужда до него!... отвѣчала Глафира и также засмѣялась. А и то сказать, прибавила она, что намъ и не говорить-то: не услышитъ, вѣдь, что бранимъ-то, что хвалимъ.

— А вотъ что, Глафира, послѣ завтра я буду посылать лошадей за нимъ: поѣзжай ты позвать его, отвези что-нибудь отъ меня въ подарокъ еще за леченье Ѳедора Иваныча, ну да и посмотришь, какъ онъ живетъ, тамъ и отъ людей его... что будутъ говорить объ немъ...

— Слушаю, сударыня... Все можно видѣть...

— А вѣдь, вотъ Глафира, мы женщины-то: точно очень нужно узнать! со смѣхомъ сказала госпожа.

— Ужъ не говорите только, сударыня! со смѣхомъ отвѣчала служанка.

II.

Между тѣмъ какъ шелъ этотъ разговоръ между Катериной Михайловной и Глафирой о Крушинскомъ, онъ на тройкѣ откормленныхъ помѣщичьихъ лошадей ѣхалъ въ городъ; и въ то время какъ взоръ его то терялся въ неоглядномъ серебряномъ отъ снѣга полѣ, то останавливался на посѣдѣлыхъ вѣтвяхъ сосенъ и березъ, онъ думалъ объ обитателяхъ только-что оставленнаго имъ дома.

— Странные люди! не разъ говорилъ Крушинскій самому себѣ, вспоминая о Коркиныхъ. Особенно эта женшина! Мнѣ не разъ представлялось, что она волочится за мной; но странное же дѣло ухаживать за человѣкомъ, котораго въ первый разъ видитъ... И въ ея лѣта... тотчасъ послѣ болѣзни мужа, отъ которой онъ чуть не умеръ; послѣ этихъ воплей, слезъ, отчаянія... Ну, да тутъ кажется она притворялась... И что за тонъ, что за обращеніе, не приличное ни ея лѣтамъ, ни положенію въ обществѣ... И при всей этой простотѣ нравовъ какая гордость, какое чванство своимъ богатствомъ... своимъ знатнымъ родствомъ. Въ первый разъ видѣть человѣка и говорить при немъ между собою такъ спокойно, такъ свободно и откровенно, какъ-будто съ ними сидитъ самый близкій родственникъ, или другъ дома?... А можетъ быть, они даже не считали за нужное стѣсняться при мнѣ... они считаютъ меня... я лекарь, наемщикъ въ ихъ глазахъ...

Крушинскій болѣзненно и насильственно засмѣялся при этой мысли, которой онъ не далъ дальнѣйшаго хода въ своей головѣ... Щеки его вспыхнули багровымъ румянцемъ и не отъ морозу, потому-что онъ при послѣдней мысли еще глубже завернулся въ

свою шубу, отъ платка же повязаннаго руками Катерины Михайловны, ему было душно...

Крушинскій имѣлъ благородную, горячую душу и теплое сердце, но онъ былъ страшно гордъ. Эта гордость составляла его достоинство и его недостатокъ. Это чувство было въ немъ не столько природное, сколько привитое жизнью и тѣмъ положеніемъ, которое онъ занималъ въ обществѣ. Аркадій Николаичъ былъ сынъ дьячка. Отецъ его былъ человѣкъ простой, необразованный, но весьма умный отъ природы. Приходъ, при которомъ онъ находился, былъ бѣденъ, сверхъ того большая семья обременяла Николая; впрочемъ, это не помѣшало ему отдать старшаго сына, котораго онъ особенно любилъ, въ духовное училище. Аркаша помѣстился на хлѣбы у какой-то пономарицы вмѣстѣ съ десяткомъ такихъ же бѣдняковъ товарищей. Всѣ они спали въ повалку зимою въ избѣ на печи, на полатяхъ, лѣтомъ на сѣновалѣ или на погребицѣ, ѣли щи безъ говядины, съ чернымъ хлѣбомъ. Отецъ платилъ за содержаніе Аркаши полтинникъ въ мѣсяцъ, изъ остатковъ своихъ сюртуковъ и тулуповъ шилъ ему лѣтніе халаты и зимнія шубки; на ногахъ его только зимою появлялись валеные сапоги, иногда съ отцовской ноги и худые; босикомъ, съ сапожнишками и котомкой за плечами, плелся онъ на лѣтнюю вакацію домой и тамъ иногда рядомъ съ отцомъ работалъ на полѣ; сидя на березѣ, вытверживалъ онъ изъ слова въ слово то, что ему задавали профессора. Изъ духовнаго училища Аркадій поступилъ въ семинарію и тѣмъ же тернистымъ путемъ шелъ къ образованію; но въ философіи и богословіи счастье ему улыбнулось: онъ получилъ уроки въ двухъ-трехъ домахъ, гдѣ за два цѣлко-

выхъ въ мѣсяцъ обучалъ разнымъ премудростямъ цѣлую толпу шаловливыхъ мальчишекъ. Тяжело было бѣдному молодому человѣку околесить каждый день верстъ пять, промаяться часовъ шесть съ своими непонятливыми учениками и, пришедши домой, просидѣть далеко за полночь надъ мелко, но четко исписанной толстой тетрадью, гдѣ аккуратно отмѣчено отъ сихъ до сихъ, или надъ разрѣшеніемъ какой-нибудь мудреной задачки: и не даромъ худѣлъ, блѣднѣлъ и кашлялъ трудолюбивый воспитанникъ, подвигаясь къ выпуску. Отецъ замѣчалъ эту перемѣну въ сынѣ, но утѣшалъ себя мыслью, что Богъ труды любитъ и что не отвѣдавши горькаго, не изопьешь и сладкаго; онъ гордился сыномъ, мечтая увидѣть его скоро священникомъ, либо столоначальникомъ какого-нибудь суда; но не то видѣлъ впереди Аркадій, болѣе пышныя мечты лелѣялъ онъ въ своемъ воображеніи: университетъ со своими чудесами науки, со своимъ будущимъ въ жизни манилъ его къ себѣ. И вотъ, запасшись однимъ благословеніемъ родительскимъ, снабженный одними слезами матери, пустился онъ пѣшкомъ въ Москву. Чуть не мірскимъ подаяніемъ питался онъ въ дорогѣ, но дотащился до цѣли, явился къ начальнику благодѣтельнаго заведенія, упалъ ему въ ноги, со слезами разсказалъ свою бѣдность, свое желаніе учиться — былъ допущенъ къ экзамену, выдержалъ его, и поступилъ на казенное содержаніе по медицинскому факультету. Съ жаромъ предался онъ наукѣ — и какъ скоро распахнулась его душа, какъ мгновенно просвѣтлѣлъ его умъ и сильная природа сознала вложенныя въ нее Богомъ силы; быстрыми шагами пошелъ Крушинскій къ развитію и скоро насмѣшливые товарищи позабыли, что нѣкогда на-

зывали его зубрилой, — скоро онъ самъ сталъ съ удивленіемъ смотрѣть на свое прошедшее и не узнавалъ самаго себя. Крушинскій не узнавалъ себя въ тѣхъ великолѣпныхъ палатахъ, гдѣ онъ жилъ, въ томъ обществѣ, въ которомъ онъ вращался, въ томъ просторѣ, который почуяла душа его... Какъ одна недѣля промчался пяти-лѣтній курсъ университетскій, — счастливѣйшее время его жизни — и вотъ Крушинскій уже лекарь 1-го отдѣленія, уже операторъ, уже мечтаетъ нѣкогда выдержать экзаменъ на доктора. Наконецъ и жизнь пахнула на него своимъ то сладкимъ, то отравляющимъ дыханіемъ: его послали лекаремъ въ полкъ. Новыя мысли, новыя чувства заговорили въ головѣ и сердцѣ Крушинскаго, отошла пора жизни во имя одной науки, во имя одного братства...

Пѣшкомъ приходилъ въ Москву старикъ отецъ Крушинскаго, чтобы повидаться со своимъ сыномъ. Съ радостью, съ восторгомъ, бросился сынъ въ объятія своего неученаго, грубаго отца. Одни изъ товарищей вздумали было посмѣяться надъ происхожденіемъ и родствомъ Крушинскаго, другіе, и большая часть, жестокимъ осмѣяніемъ и презрѣніемъ наказали первыхъ. На минуту заболѣло было сердце Крушинскаго отъ этихъ насмѣшекъ, но скоро вылечилось: горячее, благородное воззрѣніе юности на жизнь его вылечило. Одинъ изъ товарищей Крушинскаго сказалъ другому, который осмѣлился посмѣяться надъ его происхожденіемъ: ты смѣешься надъ тѣмъ, за что долженъ бы уважать Крушинскаго: сынъ дьячка, безъ всякихъ средствъ, пѣшкомъ, съ одной только любовью къ наукѣ, пришелъ сюда Крушинскій и что успѣлъ изъ себя сдѣлать? Онъ — украшеніе нашего факультета. Изъ ничтожества онъ

вышелъ и силою только одного своего генія сдѣлалъ изъ себя то, что есть. А ты и былъ, и останешься навсегда, ничтожествомъ, не смотря на всѣ выгоды твоего происхожденія и состоянія... Ты долженъ бы преклоняться передъ нимъ, а не смѣяться...

Глубоко запала въ душу Крушинскаго эта восторженная рѣчь товарища, но она не повторялась имъ, пока онъ былъ въ университетѣ. Не то стало, когда онъ вошелъ въ жизнь общественную.

Первыя скопленныя деньги послалъ Крушинскій своему отцу, и старикъ опять пѣшкомъ пришелъ посмотрѣть на своего милаго сына, въ новомъ его званіи. Сынъ опять съ тою же любовью и радостью встрѣтилъ отца, но не такъ взглянула на это жизнь. Крушинскому не разъ приходилось послѣ того слышать отъ товарищей по службѣ обидные намеки на его происхожденіе, и уже не было прежнихъ защитниковъ, никто не откликнулся въ его пользу. И тогда-то вспомнились Крушинскому слова его брата по заведенію, и гордость не давала уже ему покоя. Аркадій Николаичъ наконецъ сталъ гордиться именно тѣмъ, что онъ сынъ дьячка, всѣ его достоинства стали казаться ему громадными, онъ сталъ цѣнить себя гораздо больше, нежели прежде. Онъ дошелъ наконецъ до того, что сталъ прямо и вслухъ высказывать свое превосходство надъ другими. Ему отвѣчали насмѣшками. Крушинскій замолчалъ, но сдѣлался за то раздражителенъ и недовѣрчивъ къ людямъ; гордость его нерѣдко доходила до тщеславія, до мелочности: онъ сталъ обижаться даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не было къ тому никакого повода. Случалось нерѣдко, онъ отказывался отъ вознагражденія пацієнтовъ только потому, что оно было предложено не совсѣмъ осторожно и безце-

ремонно, или не такъ, какъ бы ему хотѣлось. Это болѣзненное чувство гордости пагубно вліяло на его характеръ и даже на его здоровье. Крушинскій вообще сдѣлался необщителенъ, мало сближался съ товарищами, обходился съ ними холодно-вѣжливо, и къ богатымъ изъ нихъ чувствовалъ особенное нерасположеніе, нерѣдко позволялъ себѣ въ отношеніи ихъ насмѣшки и злые сарказмы. Офицеры уважали его и боялись, ибо онъ былъ всегда нуженъ, но не любили и ставили ему въ вину ту излишнюю гордость, которой сами были виновниками. Впрочемъ, никто не могъ пожаловаться на него, какъ на лекаря: онъ былъ искусенъ и ревностенъ въ своемъ дѣлѣ; особенно внимателенъ и готовъ на услугу, если его помощи просили люди бѣдные и семейные.

Чѣмъ больше думалъ Крушинскій о Коркиныхъ, тѣмъ больше видѣлъ въ ихъ обращеніи оскорбительнаго для себя; какъ ни старался онъ гнать отъ себя предположеніе, что они хотѣли его обидѣть, какъ ни силился доказать себѣ, что предположеніе это неосновательно, неотвязчивая мысль не оставляла его...

— Намекать мнѣ на вознагражденіе, благодарить за безпокойство, отдавая деньги, въ то время, какъ я спасъ жизнь; хвалиться своимъ богатствомъ и связями; съ первой встрѣчи третировать меня, какъ домашняго человѣка... Нагло, съ самоувѣренностью ухаживать за мной! Что все это доказываетъ? спрашивалъ самъ себя Крушинскій и рѣшился не ѣхать болѣе къ Коркинымъ.

Пріѣхавши домой, онъ посмотрѣлъ на полученныя деньги.

— Баре! проговорилъ онъ насмѣшливо. Хотѣли удивить меня такой суммой, хотѣли поработить этими деньгами?...

Онъ велѣлъ позвать кучера, который привезъ его. Кучеръ явился.

— Отвези вотъ этотъ платокъ своей барынѣ, сказалъ онъ, скажи, что я не могу быть у нихъ послѣ завтра... Слышишь?

— Слышу, сударь! Когда же прикажете присылать?

— Когда?... Развѣ я тебѣ говорю, что бы присылать... Могутъ обратиться къ другому лекарю...

— Такъ и прикажете доложить?

— Такъ и доложи...

— А вотъ это возми себѣ.

Крущинскій бросилъ кучеру ассигнацію въ 5 руб. серебр.

— Вѣдь, я, сударь, на господскихъ васъ привезъ! возразилъ кучеръ съ недоумѣніемъ, поднимая бумажку.

— Ну, такъ что же, что на господскихъ?

— А вы, знать, за подводу изволите жаловать...

— Я тебѣ даю на водку...

— Ахъ, сударь, покорнѣйше благодаримъ... Такъ нешто размѣнять прикажете?

— Что размѣнять?

— А бумажку-то?

— Зачѣмъ?

— А мнѣ-то... Сколько изволите жаловать?...

— Все возьми себѣ ...

— Все!?...

— Ну, да!

— Много милости вашей! говорилъ кучеръ, кланяясь чуть не въ землю и осклабляясь. Что же, сударь, на нашихъ-то господъ изволили прогнѣваться? Али блигодарностью обидно: мало нешто благодарили?...

— Ну, пошелъ вонъ, оселъ!... разсердившись закричалъ Крушинскій и вышелъ изъ прихожей, хлопнувъ за собой дверью.

— Благодарность! благодарность! твердилъ онъ, скорыми шагами, въ волненіи ходя по своей небольшой квартирѣ... Вотъ и они, пожалуй, эти господа тоже подумаютъ... Наемщикъ я... мнѣ должно платить! Я торгуюсь въ цѣнѣ... Я свое великое искусство продаю за деньги... И они будутъ смѣть это думать!... Лучше же другимъ образомъ показать имъ. что я высоко ставлю себя и свое званіе... Лучше лечить ихъ безвозмездно, не брать съ нихъ денегъ и капризничать надъ ними...

Крушинскій велѣлъ воротить кучера, чтобы измѣнить свое приказаніе, но его уже и слѣдъ простылъ: обрадованный неожиданнымъ прибыткомъ и испуганный окрикомъ щедраго барина, онъ поспѣшилъ убраться.

— Ну, да лучше кончить за одинъ разъ. Пусть толкуютъ, какъ хотятъ: была бы моя гордость успокоена, сохранено мое достоинство! подумалъ Крушинскій въ утѣшеніе себѣ.

Кучеръ, прибывши домой, почелъ первымъ долгомъ разсказать всей дворнѣ о щедрости молодого барина, новаго лекаря. Удивленью и соболѣзнованью о томъ, что господа поскупились наградить хорошенько такого добраго барина — не было конца. Вся дворня единодушно рѣшила, что по настоящему такими бы господами дорожить надо, что этакой баринъ пригодился бы и барышнѣ въ женихи, даромъ что лекарь.

Потомъ кучеръ передалъ Катеринѣ Михайловнѣ изъ слова въ слово приказаніе лекаря, прибавивши только поклонъ отъ него; а Глафира дополнила

этотъ разсказъ сообщеніемъ свѣдѣнія, что Аркадій Николаичъ, вынувши изъ кармашка бумажку, бросилъ ее прямо въ лицо Евстигнею и приказалъ ему взять ее на водку: Евстигней глядь, анъ бумашка-то пятицѣлковная. Глафира объяснила этотъ поступокъ Крушинскаго именно тѣмъ, что онъ недоволенъ платою за визитъ и хотѣлъ показать, что вотъ, дескать, мы каковы: по пяти цѣлковыхъ на водку даемъ, а вы скупитесь заплатить хорошенько. Катерина Михайловна согласилась съ Глафирой и рѣшилась, не говоря ни слова мужу, послать Крушинскому еще кусокъ тончайшаго полотна, въ знакъ благодарности отъ себя, и убѣдительно просить не отказать въ своей помощи.

На другой день рано утромъ Глафира явилась въ квартиру Крушинскаго съ узелкомъ подъ мышкой.

— Что тебѣ, голубушка? спросилъ онъ ее.

— Катерина Михайловна приказали кланяться, отвѣчала Глафира и поклонилась, — и приказали доставить вамъ отъ своего хозяйства — прибавила она, подавая узелокъ.

— Что это такое?

— Полотно-съ.

— Зачѣмъ же?

— Приказали просить васъ принять: они очень вамъ благодарны, барину Ѳедору Иванычу гораздо лучше . . .

— Ну, очень радъ, что Ѳедору Иванычу лучше, только это совсѣмъ лишнее . . .

— Помилуйте, что же такое? Не погнушайтесь только принять: полотно тонкое . . .

— Мнѣ все равно, милая . . . Мнѣ не нужно.

— Какъ, помилуйте, сорочки себѣ понашейте. Если прикажете, наши дѣвушки сошьютъ, только какимъ фасономъ прикажете . . .

— Да, понимаешь ли, я тебѣ говорю: я не возьму.

— Отчего же вы такъ гнушаетесь... Барыня отъ всей души готовы служить вамъ чѣмъ угодно. Они очень вамъ благодарны, только имъ обидно, что вы изволите отказывать въ своемъ пріятномъ знакомствѣ... Они очень этимъ огорчились... Если вамъ что угодно, извольте приказать...

— Да мнѣ ничего не угодно...

— Можетъ, вы изволите обижаться, что мало благодарили, такъ наши господа не такіе: они ничего не пожалѣютъ, только не оставьте...

— Ну, такъ скажи своей барынѣ, что я помогать имъ готовъ, но только бы они не смѣли думать, что я лечу изъ-за однихъ денегъ... Пожалуй, я буду ѣздить къ нимъ лечить, но только безъ платы...

— Помилуйте, они знаютъ, что вы такіе благородные, что ни на что не польститесь и они только такъ, какъ изъ одной своей благодарности...

— Ну, ну, такъ и скажи, что я благодарность ни деньгами, ни полотномъ, ничѣмъ не принимаю, а люблю, чтобы ее чувствовали... Понимаешь ты меня?

— Понимаю-съ. Барынѣ это будетъ очень пріятно.

— Ну, такъ скажи, что лошадей за мной могутъ прислать завтра: я посмотрю на Ѳедора Иваныча... А то, что у тебя на рукахъ, отвези назадъ.

— Нѣтъ, ужъ извольте оставить Аркадій Николаичъ: для барыни это ничего не составляетъ.

— Ну, и для меня тоже. Ступай съ Богомъ...

— Такъ ужъ позвольте надѣяться на ваше пріятное продолженіе знакомства... Барыня будутъ очень рады васъ видѣть: онѣ очень какъ васъ полюбили.

— Хорошо... Завтра могутъ прислатьлошадей.

— Прощайте, Аркадій Николаичъ... Барынѣ будетъ очень это пріятно... Я постараюсь передать...

— Прощай.

Глафира медлила идти, ожидая, что вотъ — вотъ щедрый баринъ осыплетъ ее своими милостями; но Крушинскій ушелъ отъ нея, не сказавъ болѣе ни слова и черезъ нѣсколько времени, узнавши, что посланная все еще стоитъ въ прихожей, велѣлъ сказать, что она не нужна и можетъ ѣхать домой.

Это приказаніе передавалъ Глафирѣ деньщикъ Крушинскаго, Флегонтовъ, человѣкъ съ физіономіей весьма беззаботной, который имѣлъ привычку говорить всегда стоя бокомъ къ тому, съ кѣмъ бесѣдовалъ и смотря то на потолокъ, то въ окно, то на дверь, а никакъ не на того, кто его спрашивалъ; натура вообще чрезвычайно флегматическая и ко всему равнодушная, но не безъ хитрости...

— Послушайте, любезный, ласково сказала ему Глафира, что — вашъ баринъ богатый?..

— А не знаю! отвѣчалъ деньщикъ.

— Какъ не знаете: вы, вѣдь, деньщики при нихъ?

— Деньщики! съ разстановкой проговорилъ Флегонтовъ.

— Такъ, вѣдь, вы знаете хорошо ли они живутъ, во всемъ ли у нихъ достатки, нѣтъ ли въ чемъ какой нужды?...

— А что за нужда?... Нѣтъ у него никакой нужды.

— Значитъ въ довольствѣ живутъ?

— Живутъ! подтвердилъ Флегонтовъ, смотря въ окно и почесываясь.

— Ну, и васъ хорошо содержатъ?

— Чѣмъ? спросилъ Флегонтовъ беззаботно.

— Ну, какъ чѣмъ? всѣмъ: платьемъ, кушаньемъ.

— Ну! отвѣчалъ невозмутимый прислужникъ.

— Что же? довольны вы имъ?

— Кѣмъ?

— Вашимъ-то бариномъ?

— Довольны.

— Не сердитъ онъ, не бранится?

— Какъ чѣмъ досадишь, а то угодишь!

— Что же онъ какъ больше любитъ: чтобы ему все скоро дѣлали?

— Скоро чтобы — любитъ.

— Ну, а много къ нему гостей ѣздитъ?

— Ѣздитъ!

— А онъ тоже любитъ по гостямъ-то бывать?

— А не знаю.

— Да, вѣдь, вы видите — ѣздитъ ли онъ куда?

— Куда ѣздитъ...

— Куда же больше?

— Въ больницу больше. Да онъ вамъ велѣлъ домой ѣхать...

— Слышала я, слышала. Вотъ пріѣзжайте къ намъ вмѣстѣ съ бариномъ-то съ вашимъ: мы васъ угостимъ водочкой и чаемъ, всѣмъ.

— Я все дома.

— А вы попроситесь.

— Куда?

— А къ намъ-то? угощеніе будетъ хорошее.

— А вы не дожидайтесь... Вамъ велѣно домой ѣхать.

— Я сейчасъ, сейчасъ. На-те вамъ гривенничекъ на чай?

— Кому?

— Вамъ, вамъ! Себѣ возьмите.

— За что?

— Такъ, отъ меня.

— Покорно благодаримъ!

Флегонтовъ спокойно положилъ гривенникъ въ ротъ за щеку.

— Ну-ка, какъ васъ звать-то?

— Флегонтовъ.

— А съ имени, съ отчества?

— Спиридонъ Спиридоновъ.

— Ну, Спиридонъ Спиридонычъ, а любитъ хоть бы нашъ-отъ женской полъ, Аркадій Николаичъ?

— А не знаю.

— Ну какъ вамъ не знать? На-те вотъ еще гривенничекъ.

— Мнѣ же?

— Вамъ, вамъ!

— Ну, покорнѣйше благодаримъ.

И этотъ гривенникъ Флегонтовъ преспокойно положилъ въ ротъ за щеку.

— Ну, скажите же о чемъ я васъ спрашивала-то?

— О чемъ спрашивала?.. А не знаю.

Глафира вышла изъ терпѣнія и плюнула.

— Что, батька, ты за чурбанъ; отъ тебя толку не добьешься. Дуракъ ты, что ли?

— А ты что ругаешься? Я те въ шею провожу съ лѣстницы-то.

— Ну, ну, не сердитесь; я такъ только пошутила.

— То-то, а вы не ругайтесь.

— На-те вотъ, вамъ еще пяти-алтынничекъ.

— Ну, покорнѣйше благодаримъ.

И этотъ пяти-алтынный отправился по принадлежности.

— Вамъ велѣно домой ѣхать! прибавилъ Фле-

гонтовъ спокойно и также спокойно ушелъ изъ сѣней отъ любопытной Глафиры, приготовляшей было еще нѣсколько вопросовъ.

III.

Катерина Михайловна съ нетерпеніемъ ожидала возвращенія Глафиры.

— Ну, что? такимъ вопросомъ встрѣтила она ее.

— Аркадій Николаичъ приказали кланяться, начала она, раскланиваясь и развязывая узезъ съ полотномъ.

— Неужели не взялъ? спросила Катерина Михайловна, увидя полотно.

— Не изволили принять.

— Чего же еще ему надо? Каковъ въ самомъ дѣлѣ... Мальчишка этакой, лекаришка... Ну, что же, и пріѣхать не хотѣлъ?

— Нѣтъ-съ, будутъ...

— Будетъ? живо спросила барыня.

— Приказали завтра присылать лошадей.

— Такъ отчего же онъ полотно-то не взялъ?..

— Аркадій Николаичъ приказали кланяться и приказали доложить, что они не желаютъ принять отъ васъ благодарности ни деньгами, ни чѣмъ; что они чувствуютъ одно ваше расположеніе.

— Какъ, Глафира, неужели онъ это вѣлѣлъ сказать тебѣ? спросила Катерина Михайловна.

— Вотъ, сударыня... Что слышала, то и докладываю! подтвердила Глафира.

— Глупая, такъ зачѣмъ же ты полотно-то не оставила у него?...

— Ахъ, сударыня, такъ неужели вы думаете... Я и то всячески старалась, да никакъ не принимаютъ...

Мнѣ, говоритъ, ничего не надо, какъ только одно расположеніе Катерины Мнхайловны... чтобы они чувствовали... Я, говоритъ, готовъ служить во всякое время и лечить буду, только, говоритъ, я ничего не желаю отъ нихъ брать за свои труды...

— Экая ты какая! Такъ ты бы сказала, что это для меня ничего не стоитъ...

— Я такъ и докладывало, что, дескать, это нашей барынѣ ничего не составляетъ... Такъ и для меня, говоритъ, тоже ничего не составляетъ.

Катерина Михайловна нѣсколько минутъ смотрѣла на Глафиру безмолвно и самодовольно улыбалась. Глафира, также молча, смотрѣла на барыню.

— Ну, а на счетъ характера и всего такого... — начала послѣдняя.

— Ничего, сударыня, хорошенько-то не могла до брата... Деньщикъ-то ихной никакой дуракъ, или безтолковый какой... Цѣлой полтинникъ передавала ему, ни до чего путемъ, толкомъ не могла дойти... А другой-то прислуги ихной не видала, есть ли, нѣтъ ли — не знаю...

— А изо всего видно, продожала она серьезнымъ тономъ — баринъ хорошій. Ну, не богато у него въ квартиркѣ-то, а все такъ прилично. Какъ пошелъ деньщикъ-то обо мнѣ докладывать, а я осталась въ прихожей, такъ нарочно пріотворила дверь, да и посмотрѣла... Комнатка такая, не большая, зальца этакая, стульчики, столы поразставлены, книжки разложены, все такъ и видно, что порядокъ наблюдаютъ... А тамъ, другая комнатка — спальня надо быть... Въ той ужъ не знаю — не видно было... Нѣтъ, нѣтъ, видно, что баринъ хорошій!

— Ну, что же онъ съ тобой очень ласковъ былъ?

— Ничего... Не то, чтобы ужъ очень этакъ, а какъ быть... Не обругалъ, ничто, а какъ быть... Ступай, говоритъ, съ Богомъ, голубушка...

— Еще бы онъ тебя обругалъ, когда ты отъ меня?

— Ну, да они очень это понимаютъ... Конечно большихъ разговоровъ, али тамъ чаю — этого ничего не было... А что же, я очень ими благодарна: они ничѣмъ не обидѣли, ни даже чѣмъ... Сказали что нужно... Ну, ступай, говоритъ, голубушка, съ Богомъ...

— Ну, да ужъ онъ не разговорится: это ужъ онъ горденекъ... А вотъ странно, что ни чѣмъ тебя не угостилъ, ничего не далъ!..

— Что же имъ, матушка, мнѣ жаловать... я имъ очень благодарна на добромъ словѣ, да на ласковомъ привѣтѣ...

— Нѣтъ, я ему какъ-нибудь намекну. Чтобы онъ зналъ, что ты самая вѣрная мнѣ слуга.

— Покорно благодарю, матушка... Напрасно изволите безпокоиться... Были бы ваши милости, мы и ими доволны: не для кого служимъ, какъ для господъ своихъ.

Бесѣда на этомъ не остановилась. Глафира мало-по-малу передала барынѣ весь свой разговоръ съ Флегонтовымъ, разсказала такъ, что этимъ разсказомъ осталась довольна и барыня, и сама разскащица. Послѣ этой бесѣды Катерина Михайловна, съ веселымъ, довольнымъ лицомъ, вошла къ больному мужу.

— Что, мой другъ, какъ ты себя чувствуешь? спросила она его голосомъ, въ которомъ вовсе не было замѣтно той веселости, какая за минуту изображалась на ея лицѣ.

— Слава Богу, матушка, лучше... Вдругъ, вѣдь, не оправишься послѣ такой болѣзни.

— Конечно, Теодорушка, и то надобно благодарить Аркадія Николаича, что такъ скоро помогъ тебѣ. Вотъ онъ завтра пріѣдетъ... А вообрази, Теодоръ, какой онъ благородный человѣкъ. Вчера, я только не хотѣла тебя безпокоить, онъ наказываетъ съ нашимъ кучеромъ, который его отвозилъ, что онъ не хочетъ продолжать лечить тебя и далъ кучеру на водку пять цѣлковыхъ...

— Сколько? спросилъ Ѳеодоръ Иванычъ.

— Пять цѣлковыхъ.

— Что̀ за выходка?

— Я, признаюсь, и подумала, что онъ обижается тѣмъ, что мало дали ему за визитъ...

— Что̀ за мало? Пятьдесятъ цѣлковыхъ мало? Кто же даетъ ему больше?

— Ну, ты послушай... Я, признаюсь, испугавшись, чтобы онъ нн счелъ насъ скупыми и послала ему сегодня полотно тонкое...

— Совсѣмъ не слѣдовало. Ужасно я не люблю этихъ молодчиковъ, которые выкидываютъ такіе фарсы...

— Да ты послушай.

— Нечего слушать: вотъ ужъ эта выходка совсѣмъ унижаетъ его въ моихъ глазахъ. И тебѣ совсѣмъ не слѣдовало засылать къ нему, ухаживать за мальчишкой... Отказывается лечить — и не нужно.

— Ахъ, Теодорушка, онъ спасъ мнѣ тебя, возвратилъ жизнь моему сокровищу... могла ли я быть неблагодарна къ нему? Да ты, вѣдь, не далъ мнѣ договорить, ты послушай...

— Ну, ну!

— Вѣдь, онъ не взялъ полотно: а велѣлъ сказать, что онъ будетъ ѣздить къ намъ и лечить, но только безъ платы.

— Это что̀ значитъ? Что̀ за благодѣтель такой! Съ чего онъ взялъ, что я стану ему одолжаться.... Что еще за выходка?

— Ахъ, Теодорушка, ты все какъ толкуешь: вѣрно, онъ очень честенъ и благороденъ: ему показалось, что очень много дали за визитъ, вотъ ему и совѣстно.

— Нѣтъ, это что-то совсѣмъ не то.

— Что же, Теодорушка? спросила Катерина Михайловна, нѣсколько сконфузившись и робко, но внимательно всматриваясь въ мужа.

— Онъ не глупъ и я никакъ не думаю, чтобы онъ осмѣлился позволить себѣ этотъ тонъ покровительства съ людьми, которые всегда могутъ обойтись безъ него... Либо онъ страшно дерзкій мальчишка...

— Полно, Теодорушка, ты слишкомъ дурно объ немъ думаешь....

— А ты не кстати — очень хорошо.... И кто тебя просилъ тутъ посылать къ нему полотно.... Ну, отказался лечить, и Богъ съ нимъ.

— Ахъ, Теодорушка, онъ спасъ тебѣ жизнь Развѣ я могла быть неблагодарна къ такому человѣку?

— Такъ что же? Его и поблагодарили, дали ему денегъ. Еще что же нужно: на шею къ нему вѣшаться?

— Я, Теодорушка, не могу быть такъ равнодушна къ человѣку, который спасъ жизнь моему сокровищу.

Катерина Михайловна наклонилась къ мужу и хотѣла его поцѣловать.

— Полно, матушка, возразилъ Ѳедоръ Иванычъ, отклоняясь отъ поцѣлуя жены, не то ли: явился мо-

лодой человѣкъ, не дуренъ собой, мы ужъ и растаяли?

— Ахъ, Теодоръ, какъ тебѣ не грѣхъ и не стыдно? заговорила Катерина Михайловна, хныкая. Кажется, мы слишкомъ двадцатъ лѣтъ прожили, у насъ дѣти, пора тебѣ узнать меня... Богъ съ тобой!... Можетъ быть, еще одна минута, третьяго дня, когда ты сдѣлался боленъ, и я сошла бы съ-ума или, Богъ знаетъ, что было бы со мной... Что мнѣ Аркадій Николаичъ?... Если хочешь, я и въ домъ его не буду пускать, сейчасъ же пошлю за Андреемъ Захарычемъ....

— Дѣлай, матушка, что хочешь... Посылай за кѣмъ угодно — мнѣ все равно.

— И къ кому ты меня ревнуешь?... продолжала Катерина Михайловна рыдая: къ какому-нибудь лекаришкѣ?

— Я тебя ни къ кому не ревную.... Мнѣ ужъ стыдно ревновать: я старикъ, а у тебя дочь есть — ее пожалѣй....

— Теодорушка, пожалѣй и меня! говорила Катерина Михайловна съ громкими воплями. Что я сдѣлала? По какому праву ты оскорбляешь меня, какой я поводъ подала тебѣ такъ думать о себѣ?.. Мы, кажется двадцать лѣтъ живемъ съ тобой...

— Ну, ну, оставь, пожалуйста, эти слезы. Я боленъ, я раздражителенъ.. Я понапрасну обидѣлъ тебя... Мы точно двадцать лѣтъ живемъ съ тобой! прибавилъ онъ съ горькой улыбкой. Я виноватъ передъ тобой, извини меня. Оставь меня: мнѣ нездоровится!

— Нѣтъ, я не отойду отъ тебя... Я могу простить тебѣ всякую обиду, всякое оскорбленіе...

Ѳедоръ Иванычъ отворотился лицомъ къ стѣнѣ

и молчалъ, Катерина Михайловна нѣсколько минутъ горько и громко рыдала, потомъ потихоньку приподнялась, посмотрѣла на мужа и спросила:

— Теодорушка!

Отвѣта не было.

— Ты спишь?

Ѳедоръ Иванычъ не отвѣчалъ.

Катерина Михайловна посидѣла еще нѣсколько минутъ у постели мужа, но замѣтивши, что онъ не двигается ни однимъ членомъ и какъ будто тяжело дышетъ, подумала, что онъ уснулъ и потихоньку вышла изъ спальни. Въ сосѣдней комнатѣ ее встрѣтила Глафира, которая подслушивала у дверей разговоръ барыни съ бариномъ — привычка любезная и дорогая для Глафиры, весьма помогавшая ей въ тонкихъ и хитрыхъ сношеніяхъ съ господами.

— Глафира! позвала Катерина Михайловна няньку, которая въ эту минуту ходила по комнатѣ, внимательно заглядывая подъ столы и стулья, какъ будто чего-то искала.

— Чего изволите сударыня?

— Поди-ка сюда!

Катерина Михайловна увела Глафиру въ одну изъ отдаленныхъ комнатъ.

— Послушай-ка, сказала она ей: баринъ, кажется, сердится на меня.

— За что же, сударыня, имъ на васъ гнѣваться?

— Зачѣмъ посылала къ Аркадію Николаичу...

— Къ Аркадію Николаичу? Да съ чего же имъ на васъ сердиться? Съ какой стати?... Полноте, матушка, вамъ такъ показалось...

— Какъ показалось? онъ прямо говорилъ...

— Что же они изволили говорить?

— А сказалъ, что будто я тотова вѣшаться на

шею ко всякому, что явился молодой человѣкъ, я ужъ и растаяла.

— Полноте, сударыня, такъ они такъ, можетъ-быть, сказали какъ отъ болѣзни, такъ, отъ этакого разстройства, что нездоровы, а не то, чтобы сердились. Можетъ ли это быть?

— Да онъ, точно, послѣ извинялся... что сказалъ-то такъ.

— Ну, вотъ видите: я такъ и отгадала. Что вы, матушка? Напрасно вы безпокоитесь...

— Ну, да вотъ за то, что я тамъ полотно къ нему посылала...

— Такъ что же такое за бѣда! Ну посылали: такъ что? Мало ли къ кому посылали — не къ одному ему? И къ Андрею Захарычу посылали... Полноте, сударыня, вы и не безпокойтесь... А если что и сказали, батюшка Ѳедоръ Иванычъ, такъ повѣрьте вы мнѣ, все отъ болѣзни, ни отъ чего больше. Да и не отъ чего быть.

— Ну, вотъ спасибо, ты меня успокоила.

— Да чего, сударыня, безпокоиться то вамъ.

Катерина Михайловна въ-самомъ-дѣлѣ успокоилась.

— Ну, такъ какъ же, Глафира, спросила Катерина Михайловна, посылать ли мнѣ завтра лошадей за Аркадіемъ Николаичемъ?

— Да отчего же бы вамъ, сударыня, и не послать? Не для себя, вѣдь, будете безпокоиться, для барина... А чтобы имъ чего не подумалось, съ болѣзни ихной, такъ извольте спросить: прикажутъ ли посылать?

— Какъ спрашивать-то? Какъ-то не ловко, чтобы опять чего не подумалъ.

— Такъ, вѣдь, они не запретили вамъ посылать за Аркадіемъ Николаичемъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, не запретилъ, ничего!

— Ну, такъ нечего и спрашивать, коли не запретили, пошлите, да и все тутъ.

Разговоръ былъ прерванъ неожиданнымъ шумомъ, поднявшимся въ прихожей, и потомъ появленіемъ лакея, который прибѣжалъ съ радостнымъ лицомъ и извѣстіемъ, что барышня пріѣхали и съ тетенькой, и тотчасъ же опять убѣжалъ на встрѣчу дорогимъ гостямъ, точно какъ-будто они пріѣхали къ нему.

Катерина Михайловна вскрикнула: ахъ! и побѣжала вслѣдъ за лакеемъ. Глафира также вскрикнула: ахъ! и побѣжала за барыней. Полились радостныя слезы свиданія изъ очей нѣжной матери и преданной няньки.

— Ангелъ мой, Наденька! Другъ мой, сестрица! Какими судьбами? Вотъ не ожидала! восклицала Катерина Михайловна, цѣлуясь и обнимаясь то съ дочерью, то съ гостьей.

— Ангелы вы мои, красавицы вы мои, Надежда Ѳедоровна! Матушка Клеопатра Петровна! восклицала нянька, цѣлуя ручки то у барышни, то у ея тетки.

Между тѣмъ толпа дворовыхъ, набѣжавшихъ въ одно мгновеніе съ разныхъ сторонъ, стояла кругомъ и весело осклаблялась.

— Гдѣ же папаша? спросила Наденька.

— Пойдемте, пойдемте къ нему! Вотъ обрадуется! Вѣдь, онъ никакъ не ожидалъ тебя, сестра! отвѣчала Катерина Михайловна. Вѣдь, онъ, бѣдной, боленъ у меня.

— Боленъ? живо спросила дочь и, не ожидая отвѣта, бросилась впередъ по знакомымъ ей комнатамъ.

— Да куда же ты, куда? Погоди! Войдемъ всѣ вмѣстѣ! кричала ей вслѣдъ Катерина Михайловна:

но Наденька не слушала ее и уже лежала на груди отца, цѣловала его, плакала и смѣялась вмѣстѣ, когда въ спальню вошли мать и нежданная гостья.

— Сестрица! Вотъ неожиданность! Вотъ сюрпризъ! Благодарю! Какъ это ты надумала въ нашу скуку? говорилъ Ѳедоръ Иванычъ, протягивая руку къ послѣдней.

— Здравствуй, кузенъ! отвѣчала она, также протягивая руку. Ѳедоръ Иванычъ привлекъ гостью къ себѣ и они поцѣловались.

— Да я, право, глазамъ не вѣрю! продолжалъ онъ. Скажи: какъ ты это надумала. Я боялся и звать тебя въ нашу скуку.

— Мнѣ и въ Петербургѣ надоѣло. Я привыкла къ Надинѣ, жаль было ее отпустить! отвѣчала Клеопатра Петровна.

— Ну, благодарю, благодарю! Утѣшила! А я вотъ умираю . . .

— Папаша, душка, не говорите! порывисто сказала Надинька, прижимаясь къ отцу и цѣлуя его.

— Право! А что же, тебѣ развѣ жаль было бы меня? спросилъ съ улыбкою отецъ.

— Душенька, ангелъ! Нѣтъ, вѣдь, вамъ лучше теперь? . . Скажите скорѣе.

— Лучше, лучше! отвѣчалъ Ѳедоръ Иванычъ, ласково трепля дочь по щекѣ и любуясь ею.

— Что же такое съ тобой, кузенъ? спросила Клеопатра Петровна.

— Да вотъ, матушка, совсѣмъ было умеръ.

— Ахъ, сестрица, онъ такъ напугалъ меня, что я сама чуть не умерла . . . Да что же мы? Не хотите-ли чаю, сестрица?

— Нѣтъ, кофе, если можно . . .

— Ахъ да, вѣдь, вы петербургскіе жители! . . .

А ты чего хочешь: тоже кофею? спросила Катерина Михайловна у дочери.

— Нѣтъ, мнѣ все равно ... Я ничего не хочу, мамаша ...

— Да поди ко мнѣ, приласкайся! Что ты обо мнѣ и позабыла? Все около отца! а? ужъ не разлюбила-ли ты меня?

— Нѣтъ, мамаша! отвѣчала Надина, подходя къ матери и цѣлуя ея руку.

Черезъ нѣсколько минутъ она опять отошла къ отцу и ласкалась къ нему съ горячностью, гораздо большею, нежели къ матери.

Между тѣмъ Ѳедоръ Иванычъ разсказывалъ сестрѣ о своей болѣзни.

— Случилось-то это вдругъ, совершенно неожиданно. Былъ здоровъ, вдругъ потемнѣло въ глазахъ... Теперь, слава Богу, оправляюсь.

— Хороши ли здѣсь лекаря? спросила кузина.

— О, лекаря-то намъ далъ Богъ прекраснаго! подхватила Катерина Михайловна. Если бы, кажется, не онъ, Богъ знаетъ чѣмъ бы это кончилось! Нашего годоваго лекаря не было въ городѣ; слава Богу, что этотъ случился: полковой.

— Ну что жъ? Вы имъ довольны? спросила Клеопатра Петровна.

— Прекрасный человѣкъ! Чрезвычайно скоро помогъ Теодору. И какой благородный, сестрица, вообразите: ничего не хочетъ брать за визиты. Я его такъ полюбила, что Теодорушка даже сталъ меня ревновать къ нему.

— Ну, полно, матушка, вздоръ говорить. Какъ тебѣ хочется ...

— Нѣтъ, нѣтъ! со смѣхомъ возразила Катерина Михайловна. Я нарочно сестрицѣ разскажу, чтобы

она посмѣялась надъ тобою. Въ самомъ дѣлѣ, сестрица, приревновновалъ, да признаюсь и можно: будь я помоложе, можетъ быть, я и влюбилась бы въ него: умный, хорошенькій собой, какъ держитъ себя прекрасно.

— Молодой еще человѣкъ? небрежно и какъ-то нехотя спросила гостья.

— Молоденькій еще! лѣтъ двадцати пяти не больше. Да вотъ, вы его увидите: онъ завтра пріѣдетъ.

Надинька слушала мать съ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ какимъ-то недоумѣніемъ.

— Ну, что нашъ Павелъ? спросилъ Ѳедоръ Иванычъ, чтобы замять очевидно непріятный для него разговоръ.

— Да, да, что онъ, сестрица? подхватила Катерина Михайловна.

— Что, вашъ Поль дѣлаетъ большіе успѣхи въ обществѣ! отвѣчала кузина.

— Это хорошо! Да въ службѣ-то онъ дѣлаетъ-ли успѣхи?

— Да, онъ, кажется, принять у всѣхъ начальниковъ!

— Вотъ видишь, Теодорушка; а ты думаешь, что мы много посылаемъ ему дерегъ.

— Ахъ, какой онъ молодецъ, папаша! съ восторгомъ сказала Наденька.

— Ну, а ты что у меня, совсѣмъ выпорхнула изъ клѣтки?

— Да, папаша, я кончила въ пансіонѣ.

— Надина чрезвычайно утѣшала меня собой: весела, привязанна, невинна! Я очень ее полюбила! сказала тономъ покровительства петербургская гостья.

— Ну, вотъ мнѣ очень пріятно, что тебя хвалитъ сестра! сказалъ Ѳедоръ Иванычъ.

— Тетенька всегда меня хвалитъ! проговорила Наденька, опуская глаза и потомъ вдругъ порывисто бросилась къ отцу и скрыла лицо свое на его груди.

— А все еще такая же шалунья? спросилъ отецъ, ласково гладя дочь по головѣ.

- У нея милый, веселый и откровенный характеръ. Она будетъ счастлива въ жизни. Жизнь ея пролетитъ, какъ сладкая мечта! съ глубокимъ вздохомъ сказала Клеопатра Петровна.

— Веселость въ характерѣ не мѣшаетъ, но излишняя откровенность въ жизни нехороша! замѣтилъ Ѳедоръ Иванычъ.

— Кому и съ кѣмъ! возразила сестрица. Я, покрайней-мѣрѣ, просила ее быть со мною во всемъ откровенной и сама ничего отъ нея не скрывала. Мы большіе друзья. Поди, поцѣлуй меня, Надина!

Наденька оставила отца и стремительно бросилась къ теткѣ.

— Будешь ли ты съ матерью-то во всемъ откровенна, Наденька? сказала Катерина Михайловна. Или до тѣхъ только поръ, пока не заведутся сердечные грѣшки? а? — Наденька посмотрѣла на мать вопросительно и серьезно.

— Да что ты какая не ласковая? Поди-ка поцѣлуй меня!

Наденька подошла къ матери, но какъ будто застѣнчиво и вообще обходилась съ ней какъ-то осторожно, и почти холодно. Въ ласкахъ ея къ матери не было видно той нѣжной и порывистой души, которая составляла ея особенность. Виновницей этой холодности была Клеопатра Петровна. Эта двоюрод-

ная сестрица Ѳедора Иваныча — тридцати-лѣтняя вдова — прикидывалась разочарованною, но страстно любила жизнь и все, что составляетъ ея суетность, оплакивала безпрестанно смерть своего мужа и знала за собой много грѣшковъ; снисходительная къ себѣ, она была строга къ чужой нравственности и не могла воздержаться, чтобы не разсказать Наденькѣ съ чувствомъ глубокаго негодованія и сожалѣнія, нѣсколько не совсѣмъ благовидныхъ поступковъ Катерины Михайловны. Для чего сдѣлала это Клеопатра Петровна, она сама не могла бы отдать себѣ отчета; но на восторженную, пылкую и благородную душу дѣвушки эти разсказы сильно подѣйствовали и разбили въ ней тотъ кумиръ, который создавало въ ней одно имя матери. Наденька не перестала любить матери, но чувствовала себя съ нею какъ-то неловко.

— Что же не говоришь, Наденька, будешь ли со мной такъ откровенна, какъ съ тетенькой? спросила Катерина Михайловна.

— У меня, мамаша, нѣтъ секретовъ! уклончиво отвѣчала дѣвушка.

— И никогда не позволяй себѣ, чтобы они были, особенно отъ матери! замѣтила Катерина Михайловна.

— А посмотри, Теодоръ, какъ Надя похорошѣла, продолжала она, обращаясь къ мужу, выросла, сформировалась, совершенная красавица!

Ѳедоръ Иванычъ, ничего не отвѣчая, смотрѣлъ на дочь, но его улыбка, его глаза ясно говорили, что онъ раздѣлялъ мнѣніе Катерины Михайловны.

И въ самомъ дѣлѣ, мать не преувеличивала своей любовью красоты дочери. Высокая, стройная, со сверкающимъ взглядомъ черныхъ очей, со смѣлымъ

и даже нѣсколько гордымъ выраженіемъ лица, на которомъ въ то же время ясно рисовалась вся ея добрая, горячая душа — Наденька была очаровательная дѣвушка. Это было одно изъ тѣхъ существъ, на которыхъ глазъ юноши останавливается съ изступленнымъ восторгомъ и невольнымъ трепетомъ, а глазъ старика съ воспоминаніемъ всего былаго — прекраснаго въ минувшей жизни.

— Да, счастливы вы, что у васъ такая дочь! сказала Клеопатра Петровна, любуясь Наденькой вмѣстѣ съ отцомъ и матерью.

Катерина Михайловна была въ восторгѣ отъ этой фразы, польстившей ея самолюбію, и осыпала Клеопатру Петровну множествомъ поцѣлуевъ. Бесѣда родныхъ продолжалась до поздней ночи; но, уходя спать, хозяйка не забыла распорядиться, чтобы на другой день утромъ были посланы лошади за Крушинскимъ.

IV.

— А къ намъ барышня съ тетенькой пріѣхали... неожиданно сказалъ кучеръ Коркина, оборачиваясь къ Крушинскому, котораго онъ везъ въ усадьбу господъ своихъ.

— Ну, такъ что же? спросилъ Крушинскій.

— Да такъ, молъ, ничего ... пріѣхали, молъ! проговорилъ кучеръ и передернулъ возжами.

— Барышня-то у насъ изъ себя очень хороша... прибавилъ онъ, сильно хлеснувъ по лошадямъ. Видная барышня и души такой ... добрая ...

— Ну! сказалъ Крушинскій, который былъ очень въ дурномъ расположеніи духа.

— То-то, молъ, хороша больно барышня-то ...

— Ну, слышу: что же изъ этого?

— Вотъ бы, сударь, вамъ присвататься . . . Мы бы за васъ отдали . . . Баринъ-то вы хорошій, намъ этакого и надо.

— Дуракъ! проговорилъ Крушинскій.

— Сватъ какой! подумалъ онъ въ то же время.

— А сколько душъ у твоего барина? спросилъ онъ кучера послѣ нѣкотораго молчанія.

— У барина-то?

— Ну, да.

— А у нашего, у барина, душъ около тысячи будетъ, что больше . . . Ужъ за приданымъ не постоимъ: она у насъ одна. Пятьсотъ, такъ пятьсотъ... Право бы, сударь, присватались.

— Ну, перестань врать . . .

— Да что, сударь, не я одинъ, вся дворня говоритъ, — что оченно бы согласны за васъ барышню отдать . . . Вы, чай, вѣдь, тоже по службѣ по своей изъ благороднаго чина? . . . Есть-ли, сударь, у васъ крестьяне-то? . . .

— Молчи, пожалуста . . . съ сердцемъ прикрикнулъ Крушинскій.

— Что онъ седни какой сердитой! подумалъ кучеръ. Нѣтъ, видно, седни на водку не дастъ!

— Богачъ, гордость, чванство, думалъ между тѣмъ Крушинскій, а я бѣдный лекаришка, сынъ дьячка . . .

И сердце его залилось желчью. Не видавши дочери Коркина, онъ уже чувствовалъ противъ нея негодованіе и почти антипатію ко всему семейству, которому онъ спасъ отца.

Въ самомъ дурномъ расположеніи духа, съ необузданной гордостью въ сердцѣ, входилъ онъ въ домъ своего паціента.

Катерина Михайловна встрѣтила его въ залѣ съ нѣжной улыбкой.

— Аркадій Николаичъ, сказала онъ тономъ упрека, развѣ такъ дѣлаютъ?

— Что такое? сухо спросилъ Крушинскій.

— Знаете ли, какъ вы меня разстроили своимъ отказомъ пріѣхать? Я, признаюсь, посердилась на васъ . . . Ну, да Богъ съ вами! стараго не поминаютъ.

— Что вашъ больной? спросилъ Крушинскій, не обращая вниманія на слова Катерины Михайловны.

— Пойдемте, пойдемте къ нему! У насъ радость: пріѣхала Наденька и кузина Ѳедора Иваныча. Пойдемте, я васъ познакомлю.

Катерина Михайловна ввела Крушинскаго въ спальню. Ѳедоръ Иванычъ сидѣлъ на постели, рядомъ съ нимъ и, любовно обнявши отца, сидѣла Наденька. Клеопатра Петровна помѣщалась въ креслахъ.

При появленіи Крушинскаго, Наденька быстро измѣнила свою позу, но осталась возлѣ отца и съ любопытствомъ устремила свой смѣлый взглядъ на гостя. Аркадій Николаичъ также взглянулъ на Наденьку . . . и долженъ былъ сдѣлать надъ собою большое усиліе, чтобы придать лицу своему прежнее выраженіе гордаго равнодушія, съ которымъ вошелъ. Онъ поспѣшилъ подать руку Ѳедору Иванычу.

— Вотъ, Аркадій Николаичъ, моя Наденька! заговорила Катерина Михайловна и пристально взглянула на Крушинскаго, чтобы прочитать въ лицѣ его то впечатлѣніе, какое произведетъ на него дочь.

Аркадій Николаичъ поклонился Наденькѣ молча и съ неопредѣленной улыбкой.

— Сестрица, Клеопатра Петровна, продолжала Катерина Михайловна, вотъ Аркадій Николаичъ, благодѣтель нашего дома, который спасъ намъ наше

сокровище. Полюбите его: мы обязаны ему больше, нежели жизнью...

— Пріятно видѣть молодого человѣка, который съ такой пользою употребляетъ свое великое искусство! съ особенной любезностью, и нѣсколько жеманясь, сказала Клеопатра Петровна.

— Моя заслуга въ этомъ случаѣ невелика: я исполнилъ только свою обязанность! скромно, но съ достоинствомъ отвѣчалъ Крушинскій.

— Наденька, что же ты не благодаришь Аркадія Николаича? Онъ спасъ жизнь твоему отцу! замѣтила Катерина Михайловна.

— Благодарю васъ! сказала Наденька, немного сконфузившись. Въ голосѣ ея слышно было искреннее чувство.

Крушинскій слегка вздрогнулъ при звукѣ этого голоса: онъ не возбудилъ въ немъ ни гордости, ни того предубжденія, которое составилось было въ душѣ его противъ незнакомой дѣвушки. Смутившись отъ этого невольнаго движенія, онъ не нашелся что отвѣчать и поспѣшилъ къ Ѳедору Иванычу съ вопросомъ:

— Что ваше здоровье?

— Да вотъ, какъ видите: благодаря вамъ, уже сижу, отвѣчалъ послѣдній. Пріѣздъ дорогихъ гостей какъ-то особенно подкрѣпилъ меня. Радость, вѣдь, славное лекарство.

— И я очень радъ такой неожиданной помощи. Теперь, кажется, и безъ медицинскихъ пособій вы скоро оправитесь, слѣдовательно моя роль здѣсь кончена! отвѣтилъ Крушинскій шутливымъ тономъ, но съ горечью.

— Эту роль вы займете надо мной! подхватила Катерина Михайловна. Я, болѣзненное существо,

всегда нуждаюсь въ помощи такого искуснаго доктора, какъ вы.

— Я не захочу перебивать амплоа другого! съ насмѣшливой улыбкой возразилъ Крушинскій.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы не откажетесь помочь мнѣ, отвѣчала Катерина Михайловна, не понявшая намека Крушинскаго. Я знаю: вы по добротѣ своей никому не отказываете въ помощи.

— Вѣрите ли, сестрица, продолжала она, я почти всегда больна: то нервы, то сердцебіеніе.

Клеопатра Петровна двусмысленно улыбнулась. Наденька съ любопытствомъ смотрѣла то на мать, то на гостя.

— Я надѣюсь, что вы и меня вылечите также скоро, какъ мужа! продолжала Катерина Михайловна, обращаясь къ доктору.

— Я, право, очень неопытенъ въ женскихъ болѣзняхъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не правда, я знаю, что вы очень искусно лечите женщинъ.

— Вы знаете?

— Да, потому что женщины очень проницательны.

— И онѣ же безпрестанно ошибаются.

— Почему это вы думаете, что женщины ошибаются чаще мужчинъ? спросила Клеопатра Петровна.

— Потому-что мужчины дальше видятъ, а женщины вообще близоруки и къ тому же самоувѣренны.

— Браво, браво! подхватилъ весело Ѳедоръ Иванычъ. Я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе.

— Но оно обидно для женщинъ и ни на чемъ не основано! замѣтила Клеопатра Петровна.

— Конечно, папа!... подхватила Наденька.

— Есть разныя женщины, обо всѣхъ нельзя такъ сказать! прибавила съ своей стороны Катерина Михайловна.

— Я и не говорю обо всѣхъ: есть исключенія, но они рѣдки.

— Что, испугались ополченія? съ веселымъ смѣхомъ заговорилъ Ѳедоръ Иванычъ, обращаясь къ Крушинскому. Открытая война пугаетъ васъ? Вы ужъ и отступаете, молодой человѣкъ! Нѣтъ, нѣтъ, не отступайте! Что за исключенія! Всѣ, всѣ женщины таковы!

— Вотъ, папаша, ужь извините: я съ вами никакъ въ этомъ не соглашусь! съ горячностью сказала Наденька.

— Ты? Скажите, пожалуйста! И она туда же! Тоже защищаетъ свой полъ! ха, ха, ха! И тебѣ тоже хочется быть проницательной?... Ѳедоръ Иванычъ весело смѣялся.

— Почему же, папа, мнѣ не защищать то, въ чемъ я убѣждена?

— Конечно, конечно! подхватили въ одинъ голосъ мать и тетка.

— И Надина прекрасно дѣлаетъ, что остается всегда откровенной! прибавила послѣдняя. Monsieur докторъ совершенно неправъ противъ женщинъ.

— Я высказалъ свое искреннее убѣжденіе!

— Это не мѣшаетъ вамъ ошибаться! запальчиво возразила Наденька. Глаза ея сверкали, румянецъ вспыхнулъ на щекахъ при этой фразѣ. Въ это мгновеніе она была чудно хороша.

Крушинскій не устоялъ: гордое сердце его растаяло.

— Передъ вами я уступаю и отказываюсь отъ своего прежняго мнѣнія! сказалъ онъ съ улыбкой.

— Почему же вы мнѣ уступаете? спросила Наденька, ожидавшая сопротивленія, приготовлявшаяся къ бою и немного озадаченная отвѣтомъ лекаря.

— Потому, что не нахожу силы бороться съ вами! отвѣчалъ онъ.

Эта фраза могла быть обыкновенною любезностью, но въ устахъ Крушинскаго она значила нѣчто больше. Наденька сконфузилась, потомъ нахмурила свои хорошенькія брови.

— О, да вы, молодой человѣкъ, славный тактикъ въ войнѣ съ женщинами! сказалъ Ѳедоръ Иванычъ.

Съ Крушинскимъ произошло то же самое, что и съ Наденькой: онъ сначала конфузился, потомъ нахмурился.

— Такъ вотъ какъ, Аркадій Николаичъ, сказала Катерина Михайловна: молоденькой дѣвушкѣ вы уступаете, а на насъ обращаете весь свой гнѣвъ.

Клеопатра Петровна съ насмѣшливой улыбкой поправляла браслетку на своей рукѣ.

— Это доказываетъ, замѣтила она, что monsieur докторъ самъ еще очень молодой человѣкъ.

— Вы не ошибаетесь! нѣсколько колко отвѣтилъ Крушинскій.

— А мнѣ то-то и удивительно, сказалъ Ѳедоръ Иванычъ, что Аркадій Николаичъ такъ молодъ и такъ хорошо понимаетъ женское сердце.

— Можетъ-быть, оттого и понимаю, что молодъ, возразилъ Крушинскій. Мнѣ случалось замѣтить, что съ лѣтами теряютъ эту способность...

— Но пріобрѣтаютъ опытность, молодой человѣкъ! наставительно замѣтилъ хозяинъ.

— Опытность полезна, но она иногда показываетъ вещи не въ томъ свѣтѣ, какъ онѣ есть по одному здравому смыслу.

— Что же вы думаете: съ лѣтами теряется и здравый смыслъ?

— Нѣтъ, но утрачивается теплота души и пылкость чувствъ.

— Которыя кажутъ намъ все въ ложномъ свѣтѣ... замѣтилъ Ѳедоръ Иванычъ важно.

— И которыя образуютъ въ насъ инстинктъ любить или ненавидѣть людей по ихъ достоинству, прибавилъ Крушинскій запальчиво.

— Что же этотъ инстинктъ заставляетъ васъ чувствовать къ намъ? вмѣшалась Катерина Михайловна.

Крушинскій смутился, впрочемъ отвѣчалъ:

— Я надѣюсь, что мы говорили вообще, нисколько не касаясь личностей, а потому считаю излишнимъ отвѣчать на вашъ вопросъ.

— Нѣтъ, однако? настаивала Катерина Михайловна. Очень любопытно бы знать, что вы чувствуете въ отношеніи къ намъ?

— Я весьма еще недавно познакомился съ вами... но я слишкомъ уважаю себя, чтобы быть неблагодарнымъ за гостепріимство и радушіе! отвѣтилъ Крушинскій уклончиво, но гордо.

— То-есть, вы просто не любите насъ потому, что мы не успѣли еще оказать вамъ ни особеннаго гостепріимства, ни особеннаго радушія, продолжала Катерина Михайловна.

— Я не сказалъ этого! отвѣчалъ Крушинскій тѣмъ же тономъ.

Затѣмъ послѣдовало непродолжительное молчаніе, гдѣ всякой былъ погруженъ въ свои мысли и чувства. Ѳедоръ Иванычъ былъ недоволенъ Крушинскимъ за возраженія, которыя тотъ позволилъ себѣ въ спорѣ съ нимъ. Крушинскій былъ и доволенъ

собой, потому-что высказался, и не доволенъ, потому-что это случилось при Наденькѣ. Наденька не повѣряла своихъ чувствъ, но смотрѣла на отца, какъ-будто желая отгадать что онъ думаетъ. Клеопатра Петровна была въ восторгѣ отъ находчивости молодого человѣка и скоса посматривала на него съ дружелюбной улыбкой. Катерина Михайловна смотрѣла поочередно на всѣхъ, какъ-будто желая узнать что каждый изъ нихъ думаетъ: а о чемъ?... это было и останется ея тайной... но глаза ея чаще всего останавливались на мужѣ и лекарѣ. Клеопатра Петровна первая прервала молчаніе.

— Вы воспитывались въ университетѣ? спросила она Крушинскаго.

— Да.

— Въ которомъ?

— Въ московскомъ.

— Бывали вы въ Петербургѣ?

— Нѣтъ-съ.

— Неужели не бывали?

— Нѣтъ.

— Ахъ, это жалко. Съ вашимъ умомъ и образованіемъ, вамъ непремѣнно должно съѣздить въ Петербургъ: вы много можете выиграть.

— Умъ, какой имѣю, я получилъ отъ Бога, образованіе — отъ университета; а будущее мое опять въ рукахъ Божьихъ.

— Но нѣтъ, вамъ непремѣнно нужно побывать въ Петербургѣ. Я говорю вамъ это, желая полнаго успѣха въ жизни.

— Благодарю васъ.

— Но неужели у васъ до-сихъ-поръ не было даже желанія побывать въ нашей великолѣпной столицѣ?

— Желаніе не есть еще необходимость. Многія изъ нашихъ желаній не всегда могутъ быть осуществлены.

— Но мнѣ кажется, ваши родители, имѣя въ васъ такого дорогого сына и видя ваши блестящія достоинства, должны были непремѣнно доставить вамъ возможность жить въ Петербургѣ.

— Мои родители . . . бѣдные люди! съ напряженіемъ проговорилъ Крушинскій.

— Кто ваши родители? спросилъ Федоръ Иванычъ.

— Мой отецъ, отвѣчалъ Крушинскій, блѣдняя: мой отецъ . . . дьячекъ сельской церкви! кончилъ онъ и на щекахъ его выступили багровыя пятна, а глаза засверкали гордостью и какъ-будто гнѣвомъ.

Проговоривъ эти слова, онъ съ дерзкой улыбкой обводилъ глазами всѣхъ своихъ собесѣдницъ, но всѣ казались смущенными и смотрѣли въ землю; только взоры Наденьки были устремлены на него съ необыкновеннымъ любопытствомъ и участіемъ. Злая улыбка мгновенно сбѣжала съ лица Крушинскаго, когда его глаза встрѣтились съ этимъ яснымъ взоромъ и онъ чувствовалъ, что въ эту минуту любилъ Наденьку и ненавидѣлъ всѣхъ остальныхъ.

Наденька сконфузилась, когда глаза ея встрѣтились съ глазами молодого человѣка, она быстро опустила свои черныя длинныя рѣсницы, но успѣла замѣтить ту перемѣну, которая произошла въ лицѣ доктора при взглядѣ на нее, сердце ея какъ-то радостно забилось, затрепетало въ груди . . . ей было жаль Крушинскаго, ей нравились его гордость и смѣлость, инстинктивно понимала она состояніе души доктора и чувства окружающихъ ее . . .

Аркадій Николаичъ съ восторгомъ смотрѣлъ на

Наденьку и любовался ею съ упоеньемъ. Въ первый разъ еще душа его, возмущенная болѣзненнымъ пароксизмомъ гордости, такъ скоро успокоилась и этимъ обязанъ онъ былъ одному взгляду юной, невинной души. Между-тѣмъ, никто не могъ еще оправиться отъ смущенія, никто не находилъ словъ, чтобы прервать тяжелое молчаніе. Крушинскій съ торжествомъ успокоенной гордости, смотря на смущенныхъ собесѣдниковъ первый заговорилъ:

— Я не стыжусь своего происхожденія! сказалъ онъ.

— Да и къ чему же стыдиться своего происхожденія, подхватилъ Ѳедоръ Иванычъ, оправляясь, мы не виноваты въ немъ.

— А по моему, замѣтила Катерина Михайловна, Аркадій Николаичъ даже долженъ гордиться тѣмъ, что онъ возвысилъ собою свое происхожденіе.

— А я удивляюсь и благоговѣю передъ вами! прибавила Клеопатра Петровна.

Крушинскій откланивался на любезныя фразы, но онъ уже не сердился и былъ счастливъ, полный новымъ сладкимъ чувствомъ, зарожденіе котораго было такъ нечаянно и котораго никто ни подозрѣвалъ, ни предполагалъ.

Между тѣмъ Ѳедоръ Иванычъ, чтобы дать другое направленіе непріятному для всѣхъ разговору, сталъ разсказывать Крушинскому о своей бозѣзни и просилъ его наставленій, въ которыхъ докторъ на этотъ разъ и не отказалъ ему.

— Ну, а что же мнѣ вы такъ и не хотите помочь, Аркадій Николаичъ? спросила Катерина Михайловна.

— Если моя помощь для васъ такъ необходима, я готовъ.

— Ну, такъ позвольте съ вами посовѣтоваться.

— Съ удовольствіемъ.

— Я никого не хочу безпокоить разсказами о своихъ страданіяхъ, кромѣ лѣкаря . . . Позвольте васъ просить въ другую комнату! сказала Катерина Михайловна, приподнимаясь.

Крушинскій всталъ.

— Да что, матушка, что у тебя за болѣзни? вмѣшался Ѳедоръ Иванычъ.

— Ахъ, Теодорушка, и ты спрашиваешь, точно какъ первый годъ живешь со мной и не знаешь, что я самое болѣзненное существо . . . Я еще до-сихъ-поръ не могу оправиться послѣ испуга отъ твоей болѣзни . . . Пойдемте, Аркадій Николаичъ.

Крушинскій послѣдовалъ за Катериной Михайловной въ другую комнату.

— Страсть лечиться! сказалъ Ѳедоръ Иванычъ, обращаясь къ сестрѣ послѣ ухода доктора.

— Давно-ли сестрица стала хворать: она прежде, кажется, пользовалась хорошимъ здоровьемъ! замѣтила Клеопатра Петровна.

— А вотъ ваши женскія-то фантазіи: вообразила, что вся больна и лечится безпрестанно. Есть годовой лекарь; такъ, нѣтъ, вотъ видите, мало ей, надо другаго еще безпокоить. Это ея слабость.

Кузина бросила многозначительный взглядъ на Наденьку. Послѣдняя поняла смыслъ этого взгляда и покраснѣла, но потомъ краска медленно стала сходить съ ея лица: должно-быть кровь начала приливать отъ головы къ сердцу, потому-что Наденькъ сдѣлалась блѣднѣе обыкновеннаго, между-тѣмъ какъ брови ея нахмурились, а чудныя глаза выражали неудовольствіе. Наконецъ она опустила голову и какъ-будто задумалась.

— Какъ жалко: такой прекрасный молодой чело-

ловѣкъ и такого происхожденія! замѣтила Клеопатра Петровна.

— Это впрочемъ не мѣшаетъ ему быть и гордымъ и дерзкимъ: замѣтила, какъ онъ самоувѣренно спорилъ и какъ прямо высказывалъ свои мысли. Онъ слишкомъ много о себѣ думаетъ: это, признаюсь, уменьшаетъ ему цѣну въ моихъ глазахъ. Его гордость и самоувѣренность не позволяютъ уже имѣть къ нему сожалѣнія.

— Почему же, папаша, ему и не уважать себя, если онъ сознаетъ въ себѣ много достоинствъ? отозвалась Наденька.

— А потому, мой другъ, отвѣчалъ отецъ, потому, что молодой человѣкъ всегда долженъ быть скроменъ; а особенно тотъ, который безпрестанно можетъ бояться, что ему напомнятъ его происхожденіе.

— Но онъ не стыдится его.

— Ты думаешь?

— Онъ самъ сказалъ это, папаша.

— Онъ и сказалъ это для того, чтобы не услышать отъ другихъ. Это-то самое еще больше доказываетъ, что онъ стыдится своего происхожденія.

— Нѣтъ, я не думаю, папаша! Чего же тутъ стыдиться? Вы сами сказали ему, что нечего, потому-что мы не виноваты въ своемъ происхожденіи.

— Ахъ, Надина, какъ еще многому нужно учиться тебѣ въ жизни. Неужели же ты не поняла, что я сказалъ это для того, чтобы успокоить его, чтобы не быть невѣжей?

— Признаюсь, папаша, я не понимаю, какъ можно стыдиться своего происхожденія. . . Если бы вы были не богатый помѣщикъ, а какой-нибудь простой человѣкъ, неужели вамъ было бы пріятно видѣть, что я васъ стыжусь. . .

— Глупенькая, если бы я не былъ богатъ и такого происхожденія, и ты бы не была то, что есть: не видала бы пансіона, не получила бы никакого образованія, не умѣла бы и разсуждать вотъ такъ, какъ теперь. . .

— Но вотъ, вѣдь. . . онъ умѣлъ же образовать себя. . . сказака Наденька, краснѣя.

— Ну, такъ вотъ, если бы ты была не моя дочь и вышла бы, можетъ быть, за него замужъ. . . и таскалась бы за полкомъ въ рогоженной кибитчонкѣ. . . шутливо отвѣчалъ отецъ.

— Ахъ, папаша, душка, все шутитъ! со смѣхомъ вскричала Наденька и бросилась на шею къ отцу, можетъ быть отчасти и для того, чтобы скрыть излишній румянецъ лица.

— Какъ мнѣ нравится Надина своей невинностью и простотой души! замѣтила тетка. Милая дѣвушка, сколько въ ней наивности! Поди сюда, поцѣлуй меня Надина.

Наденька, по своему обыкновенью, стремительно бросилась къ теткѣ.

Вошла Катерина Михайловна и за нею Крушинскій. У послѣдняго на губахъ была презрительная улыбка, которая тотчасъ же пропала при взглядѣ на Наденьку. Катерина Михайловна очевидно была не совсѣмъ довольна совѣтами доктора.

— Ну что, Аркадій Николаичъ, спросилъ Коркинъ, какой недугъ нашли вы у моей жены?

— Болѣзнь Катерины Михайловны такова, отвѣчалъ Крушинскій, что или требуетъ постояннаго леченія, или должна быть оставлена на волю одной натуры, которая иногда-самый лучшій докторъ сама себѣ.

— Я думаю послѣднее лучше? а? Какъ вы полагаете?

— Объ этомъ надо спросить самого паціента. Какъ угодно Катеринѣ Михайловнѣ.

— Нѣтъ, ужъ я не намѣрена оставить себя на произволъ судьбы. И если Аркадью Николаичу не угодно помочь мнѣ, я буду искать другаго случая... или положусь на одного Андрея Захарыча.

Крушинскому хотѣлось сказать что-то колкое, но онъ взглянулъ въ это время на Наденьку и отвѣчалъ:

— Я съ удовольствіемъ готовъ быть полезенъ вамъ, Катерина Михайловна, столько, сколько могу, и только считалъ себя обязаннымъ предупредить, что ваша болѣзнь требуетъ продолжительнаго и постояннаго леченія, потому-что у васъ... крайнее разстройство нервовъ.

— У васъ я готова лечиться и долго... потому что вѣрю въ ваше икусство! сказала повеселѣвшая Катерина Михайловна.

Крушинскій поклонился съ насильственной улыбкой. Въ душѣ его происходила борьба: въ первый разъ еще поступалъ онъ противъ совѣсти, брался лечить человѣка, по его убѣжденію совершенно здороваго; но могъ ли онъ лишить себя удовольствія, какъ можно чаще видать Наденьку? Борьба эта, впрочемъ, скоро затихла: онъ думалъ только о той, которая вдругъ и совершенно неожиданно овладѣла его сердцемъ. Онъ не замѣтилъ даже и того, что Ѳедоръ Иванычъ нахмурился, когда Крушинскій согласился лечить Катерину Михайловну. Зато Наденька замѣтила это движеніе отца и душа ея заболѣла: она любила отца всею силою своего энергическаго сердца, она уважала его до благоговѣнія, особенно послѣ разсказовъ тетки о матери, и ей сдѣлалось какъ-то грустно и неловко, когда она за-

мѣтила на лицѣ его явное неудовольствіе. Мысль ея невольно остановилась на матери, потомъ на Крушинскомъ — и вдругъ смѣло и гордо взглянула она на послѣдняго, но встрѣтила ясный, восторженный взглядъ. Наденька сконфузилась, но въ сердцѣ ея опять водворилось прежнее спокойствіе; она забыла уже и о неудовольствіи, выражавшемся на лицѣ отца.

Между-тѣмъ разговоръ не возобновлялся. Ѳедоръ Иванычъ не хотѣлъ говорить; Катерина Михайловна не находилась, что̀ начать; Клеопатра Петровна наблюдала за Крушинскимъ и Катериной Михайловной, секретное объясненіе которыхъ казалось ей подозрительнымъ, наблюдала тщательно, но ошибалась въ своихъ соображеніяхъ, потому-что смотрѣла не туда, куда слѣдовало.

Крушинскій бросилъ на Наденьку еще одинъ взглядъ грустный, какъ-будто прощальный и изъявилъ желаніе ѣхать домой. Катерина Михайловна вооружилась противъ этого намѣренія и начала уговаривать Аркадія Николаича, чтобы онъ остался обѣдать.

— Что-же вы, куда торопитесь? Отобѣдайте у насъ! сказалъ Ѳедоръ Иванычъ такимъ тономъ, который очень не понравился Крушинскому, но. . . онъ остался.

Впрочемъ разговоръ и теперь плохо вязался, не смотря на всѣ усилія Катерины Михайловны, которая осыпала Аркадія Николаича всевозможными ласками и оказывала ему необыкновенную внимательность, и Клеопатры Петровны, которая ни съ того ни сего сдѣлалась вдругъ особенно любезна съ молодымъ человѣкомъ, разсказывала о своихъ несчастіяхъ, о своей постоянной грусти и разочарованіи; гость былъ не расположенъ говорить, онъ отдѣлывался незначущими фразами и не разъ мысли его были далеко отъ те-

кущаго разговора: онъ искалъ только случая глядѣть на Наденьку и любоваться ею.

Такъ прошо время обѣда, кофе и вечерняго чаю, для котораго Крушинскій также остался ради просьбы Катерины Михайловны. Наконецъ наступило время прощаться. Когда Крушинскій подошелъ къ Ѳедору Иванычу, послѣдній громко вслухъ всѣхъ сказалъ ему, протягивая руку съ деньгами:

— Аркадій Николаичъ, прошу васъ. . . за вашъ визитъ.

Крушинскій вспыхнулъ, мялъ въ рукахъ свою фуражку и не находилъ словъ для отвѣта, но не бралъ денегъ.

— Что-же вы, продолжалъ Ѳедоръ Иванычъ: пожалуйста! . . . Я вамъ такъ благодаренъ.

— Если вы хотите платить мнѣ за сегодняшній визитъ, отвѣчалъ Крушинскій, собравшись съ духомъ: значитъ, вы хотите меня оскорбить, потому-что я былъ у васъ сегодня, какъ гость, а не какъ лекарь.

Ѳедоръ Иванычъ въ свою очередь смѣшался и не находился, что возразить. Молча опустилъ онъ руку съ деньгами.

— Катерина Михайловна, продолжалъ Крушинскій: если вы такъ хотите понимать всѣ мои посѣщенія, значитъ отказываете мнѣ въ удовольствіи быть знакомымъ съ вашимъ домомъ.

— О, нѣтъ, Аркадій Николаичъ, вы другъ нашего дома! . . . Извините, пожалуйста, мы хотѣли. . . мы такъ цѣнимъ. . . Ради Бога, не лишайте насъ своего знакомства. . . и Теодоръ проситъ васъ объ этомъ. . . Вы спаситель его жизни. . .

Крушинскій сдѣлалъ общій поклонъ и поспѣшно вышелъ.

— Аркадій Николаичъ, когда же вы къ намъ опять, когда? спрашивала Катерина Михайловна, слѣдуя за гостемъ.

— Какъ только позволятъ мнѣ обстоятельства . . .

— Пожалуйста, поскорѣе . . . Когда за вами прислать? . .

— Вы опять хотите платить мнѣ за посѣщеніе? . . . съ упрекомъ отвѣтилъ Крушинскій.

— Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога! это такъ . . . мы не знали васъ. . . Когда же вы опять къ намъ? . . .

— Только, ради Бога, не присылайте за мной лошадей, а то никогда. . . отвѣчалъ Крушинскій поспѣшно накинулъ шубу и выбѣжалъ въ сѣни, не слушая усердныхъ просьбъ Катерины Михайловны пріѣхать поскорѣе. Онъ бросился въ сани и зарыдалъ. . . о чемъ? мы узнаемъ послѣ! а теперь возвратимся въ спальню Коркиныхъ.

— Ахъ, Теодорушка, какъ ты обидѣлъ Аркадія Николаача! сказала Катерина Михайловна, входя въ спальню. Онъ совсѣмъ разстроился. . .

— Ну, полно, матушка, отстань. . . и то онъ надоѣлъ мнѣ.

— Да чѣмъ же онъ тебѣ надоѣлъ? . . . Онъ спасъ тебѣ жизнь, а ты. . . ахъ, Теодорушка! . . . Вотъ, сестрица, наша благодарность! . . .

— Ну, ну, Катерина Михайловна, кончи, пожалуста. . . Не сдѣлай меня въ самомъ дѣлѣ неблагодарнымъ. . .

Катерина Михайловна смутилась. На устахъ Клеопатры Петровны показалась насмѣшливая улыбка. Наденькѣ было грустно.

— Ты всегда такъ думаешь о людяхъ. . . замѣтила Катерина Михайловна не смѣло.

— Я ничего не думаю, только перестань, пожалуйста, объ этомъ... сказалъ Ѳедоръ Иванычъ и обратился къ Клеопатрѣ Петровнѣ съ какимъ-то незначущимъ постороннимъ вопросомъ.

Катерина Михайловна съ недовольнымъ лицомъ вышла изъ спальни и приказала позвать къ себѣ Глафиру на секретную аудіенцію.

А Крушинскій?... Онъ ѣхалъ домой и рыдалъ долго, но безсознательно. Въ первый разъ онъ плакалъ, самъ не зная отчего и такими обильными слезами. Душа его въ теченіе настоящаго дня вынесла много потрясеній, много скопилось въ ней противорѣчащихъ одно другому чувствъ: тутъ были и оскорбленная гордость, и негодованіе, и презрѣніе, и любовь. Никогда еще не боролся онъ такъ сильно самъ съ собою, какъ въ теченіе этого дня, никогда еще душа его не испытывала столько горя и столько радости почти въ одно и то же время... Не мудрено, что эта борьба душевная разрѣшилась наконецъ слезами. Пока лились эти слезы, онъ не могъ отдать себѣ отчета въ своихъ чувствахъ, и въ головѣ его все было смутно и неопредѣленно; но вотъ изсякли онѣ. И кончилъ Крушинскій тѣмъ, что предался исключительно однимъ мечтамъ о Наденькѣ, прекрасной, очаровательной, которая оставила въ его душѣ такое сильное впечатлѣніе...

— Что, сударь, видѣли нашу барышню? вдругъ услышалъ онъ вопросъ кучера, оборотившагося къ нему съ козелъ и глупо улыбавшагося.

— Видѣлъ! машинально отвѣчалъ Крушинскій.

— Что-же, сударь, понравилась-ли?

— Пошелъ! сердито отвѣчалъ Крушинскій.

Кучеръ вздрогнулъ, сильно хлеснулъ лошадей и разговоръ болѣе не возобновлялся.

V.

Прошло нѣсколько дней. Крушинскій не разъ порывался ѣхать къ Коркинымъ, но все не рѣшался: онъ какъ-будто все ждалъ удобнаго случая, — случай наконецъ представился. Однажды утромъ къ нему зашли двое изъ офицеровъ того полка, въ которомъ онъ служилъ. Это были: поручикъ князь Бандуровъ и капитанъ Добраго: первый еще очень молодой человѣкъ, привлекательный лицомъ и особенно хорошенькими усиками, которые онъ каждый день помадилъ и безпрестанно крутилъ то правою, то лѣвою рукою, второй — имѣлъ крѣпкіе щетинистые, выстриженные подъ-гребенку волосы, маленькіе черные, почти всегда неподвижные, но добрые глазки и красное лицо, отливавшее во впадинахъ, которыхъ за полнотою было не много, — въ темно-коричневый цвѣтъ.

— Крушинскій, сказалъ князь Бандуровъ входя: ты лечишь у Коркиныхъ?

— Лечу.

— Къ нимъ, говорятъ, пріѣхала дочка, прехорошенькая дѣвушка; ты видѣлъ, братецъ, и ничего не разскажешь. . .

— Садитесь, господа, пожалуйста! промолвилъ Крушинскій.

Добраго крякнулъ и сѣлъ; князь Бандуровъ не слушалъ приглашенія: онъ подошелъ къ зеркалу, махнулъ пятью пальцами по своимъ подвитымъ волосамъ, ловко завернулъ въ кольцо правый усъ и снова обратился къ хозяину.

— Говорятъ, прехорошенькая!

— Да, не дурна! равнодушно отвѣчалъ Крушинскій. Не хотите-ли, господа, трубки?

— Хорошо, погоди. . .

— Гм. . . Позвольте-съ! отозвался Добраго.

— Такъ потрудитесь сами: мой Флегонтовъ не знаю куда-то зашелъ. .

— А, Флегонтовъ! славная штука, твой Флегонтовъ. . . Онъ меня ужасно смѣшитъ. . . Послушай: вѣдь я знакомъ съ Коркиными, да не бывалъ у нихъ часто оттого, что, ну, знаешь, одинъ старикъ. . . Жена. . . конечно, женщина. . . Ну, да что. . . А вотъ теперь. . . и Бандуровъ повернулся на одно ногѣ и въ то же мгновеніе заправилъ лѣвую руку въ карманъ, панталонъ: теперь. . . нужно съѣздить. . . а? какъ ты думаешь? . . .

— Какъ хочешь!

— Послушай, поѣдемъ вмѣстѣ.

— Пожалуй, пòѣдемъ! отвѣчалъ Крушинскій, подумавъ.

— Я, братъ, признаюсь тебѣ, люблю женское общество. . . Я только въ немъ и чувствую себя человѣкомъ. . . Чортъ знаетъ, какъ созданы эти женщины! Ну, съ дочкой, говорятъ, пріѣхала какая-то тетка изъ Петербурга. . . Что̀, она образованная дама? а? съ обращеніемъ? . . . Замужняя? . . .

— Она вдова. . .

— Вдова? . . . Молодая?

— Да лѣтъ тридцати.

— Не дурна?

— Да, не дурна. . .

— Слышишь, Добраго, вдова тридцати лѣтъ, не дурна собой. . . Добраго! а?

— Гм. . . отвѣчалъ Добраго, затягиваясь изъ трубки.

— А знаешь что, продолжалъ Бандуровъ, обращаясь къ Крушинскому: Добраго влюбленъ. . . Слы-

шишь? . . . Ха, ха, ха! . . . Добраго влюбленъ! заключилъ онъ, растягивая каждое слово и приставляя указательный палецъ ко лбу. — Добраго влюбленъ! Ха, ха, ха! . . . Ну, такъ какъ-же? мы ѣдемъ. . .

— Ѣдемъ!

— А ты, Добраго? . . .

— Поѣду. . . Гм. . .

— Ну, такъ я за дочкой, ты за вдовушкой. . . А? такъ вѣдь, Добраго? Такъ когда же, Крушинскій? . . . Поѣдемъ сейчасъ: знаешь, моя тройка съ кололольцами, съ бубенцами, сбруя съ наборомъ. . . Ну, знаешь, чтобы эффектъ, шикъ! . . . Молоденькая дѣвушка? . . . Знаешь, судьбы не исповѣдимы . . . а? . . .

Глаза Крушинскаго сверкнули, лицо вспыхнуло.

— Что же, ты намѣренъ по обыкновенію влюбиться? спросилъ онъ съ насмѣшливой улыбкой.

— Нѣтъ, не то что . . . А такъ, знаешь, приволокнуться не мѣшаетъ . . . А впрочемъ, вѣдь, кто знаетъ, можетъ, вѣдь, такъ врѣжусь, что и женюсь . . . Говорятъ, за ней пятьсотъ и сколько-то деньгами . . .

— А если она не пойдетъ за тебя! съ досадой возразилъ докторъ.

— Это почему?

— Потому-что не понравишься . . .

— Ну, не знаю . . . Этого еще со мной не случалось! . . возразилъ Бандуровъ съ веселымъ и лукавымъ выраженіемъ лица. Онъ подошелъ къ зеркалу, взбилъ свои волосы и съ самодовольной улыбкой самъ себѣ подмигнулъ.

— А что, Крушинскій, продолжалъ онъ, скажи по правдѣ, очень мила . . . Какъ зовутъ-то?

— Кого?

— Ну, кого? Разумѣется, дочку.

— Надеждой.

— А, славное имячко . . . Ну, что же? очень мила? . . Говорятъ, чудо какъ хороша?

— Да, хороша . . .

— Что, у нея какой типъ? . . греческій? . . римскій? . . спрашивалъ князь Бандуровъ, растопыривая передъ лицомъ своимъ пять пальцевъ лѣвой руки.

— Не греческій и не римскій . . . а очень хороша! возразилъ Аркадій Николаевичъ.

— Да, нѣтъ, однако же, какой у нея носъ: орлиный? . . Я ужасно люблю этакіе греческіе носы у женщинъ . . .

— Право, я не замѣтилъ! отвѣчалъ Крушинскій, притворно равнодушнымъ голосомъ, въ которомъ, впрочемъ, слышалась досада.

— Вотъ человѣкъ, ей Богу . . . Для него женщины какъ будто не существуютъ . . . Ну, а глаза, по крайней мѣрѣ . . . неужели и глазъ-то не разсмотрѣлъ? . . Да, впрочемъ, что тебя спрашивать! Лучше увидимъ на дѣлѣ. Такъ собирайся же! Добраго, поѣдемъ одѣваться! Я сейчасъ заѣду за тобой, Крушинскій . . . Еще, можетъ быть, придется тебѣ быть моимъ сватомъ! примолвилъ Бандуровъ, охватывая Крушинскаго за талію.

Аркадій Николаичъ вздрогнулъ отъ досады, чувствовалъ на языкѣ своемъ ядъ, но успѣлъ овладѣть собою и не сказалъ ни слова.

По отъѣздѣ гостей, онъ принялся за свой туалетъ и, можетъ быть, первый разъ въ жизни, причесывая волосы, тщательно всматривался въ зеркало, которое отражало его блѣдное лицо, окрашенное едва замѣтнымъ румянцемъ, его добрые голубые

глаза . . . Что думалъ онъ, смотря такъ пристально въ зеркало? Онъ вспоминалъ физіономію Бандурова, дышащую здоровьемъ, веселостью и самодовольствомъ; ему представлялось весьма красивое лицо молодаго человѣка, его черные усы, розовыя прекрасныя губы, розовыя полныя щеки, его черные глаза съ выраженіемъ совершенной беззаботности . . . Потомъ воображеніе его нарисовало ему очаровательный образъ Наденьки . . . Крушинскій тщательно причесывалъ свои свѣтлорусые волосы, которые слегка вились на концахъ, и отошелъ отъ зеркала съ улыбкой презрѣнія, которая относилась къ Бандурову. Крушинскій чувствовалъ, что былъ хуже князя лицомъ, но стыдился думать объ этомъ при воспоминаніи о Наденькѣ. Черезъ часъ лихая тройка несла молодыхъ людей по дорогѣ въ Родовое — Подгородное.

Князь Бандуровъ былъ въ веселомъ расположеніи духа и болталъ безъ умолку. Добраго молчалъ, по своему обыкновенію. Крушинскій былъ разсѣянъ и молчаливъ, потому-что мечталъ о предстоящей встрѣчѣ съ Наденькой.

— Крушинскій, какъ тебѣ нравится моя тройка? спросилъ князь.

— Я не знаю толку въ лошадяхъ.

— Эхъ, братецъ, ты! . . . Ни въ чемъ не знаешь толку, ни въ женщинахъ, ни въ лошадяхъ: далась одна медицина . . .

— Я думаю, она важнѣе твоихъ лошадей . . . нѣсколько педантически возразилъ Крушинскій.

— Да, ты посмотри, что за рысь у коренной . . . продолжалъ князь Бандуровъ. Ты посмотри-ка . . . А пристяжныя-то? Вѣдь, совсѣмъ въ кольцо свились . . . Эхъ! . . звѣри! . . Филиппъ сдерживай

Черкеса, да передъ усадьбой дай попройтись; а къ дому припусти хорошенько, съ-уха! слышишь? говорилъ онъ, обращаясь къ кучеру.

— Нѣтъ, Крушинскій, напрасно ты не любишь лошадей. Ты знаешь ли сколько помогала мнѣ эта тройка: есть барышни, которыя страстно любятъ лошадей ... Поговоришь, полюбезничаешь, да потомъ какъ пролетишь мимо ея на этой троечкѣ ... Ну, братъ, будь увѣренъ, что не устоитъ, растаетъ ...

— Ну, желаю тебѣ успѣховъ съ помошью твоей тройки! отвѣчалъ Крушинскій.

— Да ты, пожалуй, смѣйся, а я тебѣ серьозно говорю: я однажду такимъ маневромъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ самымъ непреклоннымъ сердцемъ. Помнишь, Добраго, въ —скомъ уѣздѣ. Да такая, братъ, хорошенькая, что и ты со своей философіей растаялъ бы . , .

— Ты мнѣ смѣшонъ и жалокъ, князь, съ своими побѣдами посредствомъ тройки ...

— О, нѣтъ, братъ, сдѣлай милость, не жалѣй: я очень счастливъ. У насъ въ жизни что?... женщины! а я, признаюсь, очень счастливъ въ нихъ. Вотъ ты посмотры, увернется ли отъ меня твоя Наденька ...

Князь Бандуровъ сказалъ эту фразу: „твоя Наденька“, какъ говорится такъ, ни съ того ни съ сего, ибо не имѣлъ привычки обдумывать каждое свое слово, но она впилась въ сердце Крушинскаго, лицо его вспыхнуло обильнымъ румянцемъ.

— Почему же ты называешь ее моею? спросилъ онъ, тщательно закутываясь въ шубу.

— Ну, да, вѣдь, влюбленъ, признайся! также необдуманно сказалъ Бандуровъ, самъ имѣя при-

вычку влюбляться въ каждую дѣвушку съ первой встрѣчи.

— Перестань болтать, князь: предоставляю тебѣ влюбляться на каждомъ перекресткѣ! возразилъ Крушинскій съ досадою, еще глуше закрывая лицо свое шубой.

— Я, братецъ, ничего ... Женщины — это ... это ... моя сфера.

Въ это время вдали показалась усадьба Коркиныхъ и поручикъ весь погрузился въ созерцаніе своихъ лошадей, которыя по легкому движенію кучера взвились и понеслись стрѣлою. Подъѣзжая къ дому Коркиныхъ, князь внимательно смотрѣлъ въ окна, надѣясь найти въ одномъ изъ нихъ любопытное и восхищенное лицо красавицы, но сквозь двойныя зимнія рамы ничего не было видно. Молодой человѣкъ, впрочемъ, былъ пріятно польщенъ похвалою кучера Коркиныхъ, который случился кякъ-то у подъѣзда господскаго дома, въ то время, какъ лошади остановились у него.

— Важная троечка, ухарская! сказалъ онъ, приподнимая шапку и лукаво осклабляясь пріѣхавшимъ гостямъ.

— Филиппъ, провести лошадей! повелительно приказалъ князь Бандуровъ, отчасти для того, чтобы дать понять кучеру Коркиныхъ о томъ, кому принадлежитъ тройка.

— Слушаю, ваше сіятельство! отвѣчалъ Филиппъ.

— Каково, господа, продолжалъ князь, обращаяся къ товарищамъ, ѣхали всего пятнадцать минутъ!

Онъ прилгалъ немножко; но единственно изъ безкорыстнаго желанія придать еще больше цѣны своимъ лошадямъ въ глазахъ посторонняго кучера.

— Не жалѣете, ваше сіятельство, лошадокъ! замѣтилъ на это кучеръ Коркина, тотчасъ смекнувшій въ чемъ дѣло; а лошадки тысячныя: надо бы поберегать.

— Э, ничего! Онѣ у меня сносныя лошади! отвѣчалъ князь, умышленно пріостановившись на крыльцѣ; а испортятся, такъ другихъ куплю ... Я еще скорѣе ѣзжу, нежели теперь. Пожалуйста, дружокъ, займись, чтобы имъ было хорошо. На, вотъ возьми себѣ на водку! — И онъ бросилъ какую-то серебряную монету.

— Будьте спокойны, ваше сіятельство: все исправимъ. Покорнѣйше благодаримъ! отвѣчалъ кучеръ съ поклономъ, поднимая съ земли брошенныя ему, деньги.

— Ну, твой баринъ, знать, лихачевъ, голова! — обратился онъ къ пріѣзжему кучеру, когда Бандуровъ скрылся за дверями. Любитъ профарснуть.

— Баринъ молодой! отвѣчалъ пріѣзжій кучеръ.

— Ну-ка ставь лошадей-то, да пойдемъ трубку выкурить.

— Велѣлъ проводить.

— Да чего проводить-то? Ничего не вспотѣли. Подемъ.

Молодые люди были встрѣчены Ѳедоромъ Иванычемъ съ обычною его любезностью, но Крушинскій успѣлъ замѣтить, что большая доля этой любезности относилась къ князю Бандурову, ему показалось даже, что обращеніе съ нимъ хозяина отзывалось скрытною холодностью. Даже Катерина Михайловна была любезнѣе и внимательнѣе къ князю, нежели къ доктору. Крушинскій не догадался, что

материнское сердце хозяйки уже преисполнилось различными мечтами, среди которыхъ княжескій титулъ гостя и богатство, которое ему приписывали товарищи — играли весьма важную роль; онъ не зналъ и того, что Катеринѣ Михайловнѣ неловко было при всѣхъ показывать ему особенное вниманіе и душа его наполнилась негодованіемъ, гордость страдала. Крушинскій восторженно мечталъ о встрѣчѣ съ Наденькой, но на привѣтствіе гостей она отвѣтила однимъ общимъ поклономъ, а въ ея смѣломъ взглядѣ отражалось больше любопытства къ новымъ лицамъ, нежели удовольствія при встрѣчѣ со старымъ знакомымъ. Онъ надѣялся отдохнуть въ бесѣдѣ съ Наденькой; но въ то время, какъ Ѳедоръ Иванычъ передавалъ ему о состояніи своего здоровья, которое уже почти совершенно поправилось, князь Бандуровъ, руководимый Катериною Михайловной, очень ловко занялъ мѣсто возлѣ Наденьки, и между ними началась оживленная бесѣда, въ которой она по видимому принимала живое участіе: была весела и разговорчива. Къ крайней досадѣ доктора, имъ овладѣла петербургская тетушка, но на этотъ разъ она не нашла въ немъ пріятнаго собесѣдника, съ тою находчивостью въ разговорѣ, которая такъ восхищала ее въ прошедшее свиданіе. Крушинскій былъ молчаливъ отъ природы и могъ говорить много и увлекательно только тогда, когда что-нибудь особенное давало толчокъ его душѣ. Въ настоящее время онъ былъ молчаливъ и разсѣянъ. Сердце его болѣзненно ныло и обливалось желчью. Онъ тщательно слѣдилъ за Наденькою, прислушивался къ ея разговору съ Бандуровымъ, надѣялся уловить хотя одинъ взглядъ, который бы относился исключительно къ нему одному, замѣтить хотя тѣнь скуки

отъ неумолкаемой болтовни собесѣдника, хотя малѣйшее желаніе привлечь и его въ разговоръ — ничего этого не было. Его возмущало, бѣсило, даже возбуждало ревность и негодованіе, то оживленное участіе, та веселость и удовольствіе, съ какими она раздѣляла бесѣду князя Бандурова. Разговоръ послѣдняго не отличался ни остроуміемъ, ни разнообразіемъ, ни даже умомъ. Онъ казался Крушинскому даже пошлъ, ничтоженъ, не достоинъ Наденьки, касаясь предметовъ самыхъ пустыхъ, самыхъ неважныхъ, какъ, напримѣръ прежняя жизнь ея въ пансіонѣ и предстоящія удовольствія въ собраніяхъ, танцы и тому подобныя пустыя развлеченія. Онъ великодушно простилъ бы Наденьку, если бы собесѣдникъ ея сыпалъ остротами, если бы разговоръ ихъ былъ сколько-нибудь вызывающій на размышленіе, если бы Бандуровъ сколько-нибудь обладалъ краснорѣчіемъ; но Наденька болтала, смѣялась, горячоспорила о такихъ пустякахъ, какъ, напримѣръ, вопросъ: какой танецъ лучше: полька-мазурка или полька-редова, либо какой мундиръ красивѣе: уланскій или гусарскій. Онъ негодовалъ на Наденьку и не узнавалъ въ ней той молчаливой, но умѣющей такъ много сказать однимъ взглядомъ дѣвушки, которую онъ видѣлъ въ первый разъ и немногія фразы которой, дышащія умомъ и энергіей, онъ помнилъ изъ слова въ слово. — Неужели — думалъ онъ — всѣ женщины такъ ничтожны и пусты, какими считаетъ ихъ Бандуровъ; неужели достаточно одной болтовни ничтожной, безъ смысла, безъ содержанія, безъ цѣли, или даже просто одной тройки лошадей, чтобы совершенно заинтересовать ихъ и покорить ихъ сердце; неужели всѣ дары Божіи, даваемые имъ иногда съ избыткомъ: и умъ, и сердце, и красота

существуютъ у нихъ только для одной пустой болтовни, безцвѣтной или лучше сказать мишурной жизни, и для такихъ людей, какъ князь Бандуровъ? Крушинскій, смотря на Наденьку, почти убѣждался въ этомъ и почти не ошибался . . . Но онъ не зналъ Наденьки, забывалъ, что она была еще ребенокъ, что общіе женскіе интересы перешли въ нее съ кровью матери, въ противномъ случаѣ онъ сдѣлалъ бы для нея исключеніе изъ того грустнаго убѣжденія о натурѣ женской, которое слагалось въ его головѣ. А между тѣмъ сердце его обливалось желчью, на устахъ его замирали сарказмы, которыми онъ желалъ бы осыпать и Наденьку и князя Бандурова, между тѣмъ и тетушка не давала ему покоя и ни на шагъ не отпукала его отъ себя, надѣясь разшевелить неразговорчиваго собесѣдника и заставить его быть болѣе внимательнымъ и любезнымъ.

— Вы играете на фортепьянахъ? спросилъ между прочимъ князь Бандуровъ.

— Играю! отвѣчала Наденька. А вы любите музыку?

— О, ужасно! Музыка — это мое наслажденіе. Надежда Ѳедорова, сыграйте что нибудь.

— Я очень плохо играю; а вы, можетъ быть, большой знатокъ . . .

— О, нѣтъ! Я увѣренъ, что вы отличная музыкантша.

— Почему вы такъ думаете?

— Я увѣренъ! Сыграйте, пожалуйста! Вы доставите мнѣ величайшее удовольствіе. Я не знаю, что можетъ быть лучше музыки. Ради Бога, сыграйте что нибудь, Надежда Ѳедоровна . . .

— Право, я дурно играю . . .

— О, нѣтъ, не можетъ быть . . .

— И не вѣрьте, князь, вмѣшалась Катерина Михаловна, она была первой музыкантшей во всемъ пансіонѣ.

— Слышите, Надежда Ѳедоровна! Не грѣхъ-ли же вамъ лишать этого высокаго наслажденія человѣка, который . . . который восторгается и . . . Музыка — это . . . это . . . Я васъ умоляю: сыграйте что-нибудь . .

— Только не будьте строги! . . . отвѣтила Наденька, съ улыбкою приподнимаясь со стула, чтобы идти въ залу, гдѣ стоялъ рояль. Проходя мимо Крушинскаго, она бросила на него бѣглый взглядъ.

— Я предвкушаю уже не земное блаженство отъ вашей игры! говорилъ князь Бандуровъ, сопровождая ее.

Наденька кокетливо улыбнулась въ отвѣтъ на эту фразу. Лицо князя изображало совершенное счастье и самодовольство: онъ уже считалъ себя побѣдителемъ. Крушинскій чувствовалъ въ сердцѣ своемъ страшную досаду на него и негодованіе на Наденьку.

— Ну, а мы не составимъ ли пока до обѣда пулечку? сказалъ Ѳедоръ Иванычъ, когда молодые люди вышли изъ комнаты. Сестра, ты любила прежде играть . . . Вѣроятно, не откажешься.

— Пожалуй . . . отъ нечего дѣлать! отвѣтила Клеопатра Петровна, полузѣвая и желая тѣмъ показать Крушинскому какъ она недовольна его бесѣдою.

— Вотъ и прекрасно: значитъ, насъ четверо: ты, я, капитанъ и Аркадій Николаичъ . . .

— Нѣтъ, благодаря васъ: я не играю! возразилъ послѣдній.

— Какъ? совсѣмъ?

— Совсѣмъ.

— Отчего это?

— Оттого, что не нахожу никакого удовольствія перемѣщать деньги изъ своего кармана въ чужой, или изъ чужаго въ свой . . .

— Мы никогда не играемъ съ этой цѣлью! . . сухо и съ очевиднымъ неудовольствіемъ возразилъ Ѳедоръ Иванычъ и взглянулъ на Клеопатру Петровну; послѣдняя вопросительно взглянула на Аркадья Николаича. Крушинскій чувствовалъ, что выразился не ловко, но въ душѣ его много накипѣло досады и ему стало легче, когда замѣтилъ, что досадилъ другимъ.

— Ну, что же, можно обойтись и безъ четвертаго партнера: будемте играть втроемъ! сказалъ хозяинъ.

— Князь Бандуровъ можетъ замѣнить меня: онъ страстный игрокъ! съ улыбкою замѣтилъ Крушинскій.

— Князь . . . да . . . неопредѣленно и какъ-бы вполовину слушая его, отвѣтилъ Ѳедоръ Иванычъ.

— Нѣтъ, ужъ зачѣмъ же безпокоить князя, подхватила Катерина Михайловна, онъ вѣрно больше находитъ удовольствія слушать музыку Наденьки, нежели участвовать въ ихъ пулькѣ: Ѳедоръ Иванычъ играетъ по маленькой.

— О, нѣтъ, князь играетъ при всякомъ удобномъ случаѣ . . .

— Нѣтъ, ужь зачѣмъ же . . . Князь, кажется, такъ страстно любитъ музыку; а Наденька очень хорошо играетъ! возразила хозяйка.

— Но какъ бы ни любилъ князь музыку, я однако никогда не уступлю ему право любить ее больше моего . . . Надѣюсь, вы позволите и мнѣ

послушать игру Надежды Ѳедоровны! сказалъ Крушинскій, догадавшись, что матушкѣ хочется сблизить дочку съ Бандуровымъ.

— О, пожалуйста! отвѣтила Катерина Михайловна. Пойдемте, я васъ провожу.

— Не безпокойтесь: я найду дорогу.

— Ничего, ничего, пойдемте . . . Я сама хочу послушать Надю.

Ѳедоръ Иванычъ, какъ почтенный и притомъ больной человѣкъ, принялъ молодыхъ людей въ одной изъ внутреннихъ комнатъ своего обширнаго дома, въ которую почти не достигали звуки рояля. Изъ нея до залы надо было пройдти три комнаты. Проходя черезъ одну изъ нихъ, Катерина Михайловна жеманно и съ нѣжнымъ выраженіемъ во взорѣ спросила Крушинскаго:

— Аркадій Николаичъ, какой вы недобрый: отчего вы такъ долго не пріѣзжали къ намъ?

— Извините, пожалуйста, но я былъ занятъ . . .

— Неужели же ваши занятія были такъ велики, что вы даже и не вспомнили о тѣхъ людяхъ, которые каждую минуту о васъ думаютъ и такъ много любятъ васъ.

— Мнѣ кажется, я не успѣлъ еще ни отъ кого заслужить къ себѣ такого вниманія . . .

— Отчего вы такъ думаете? Можетъ быть, есть люди, которые видѣвши васъ, не могутъ позабыть.

— Кто же эти такія снисходительныя особы? спросилъ Крушинскій.

Катерина Михайловна, до сихъ поръ умышленно замедлявшая свои шаги, при этомъ вопросѣ совершеннно остановилась середи комнаты.

— Не снисходительныя, а такія, которыя умѣли понять и оцѣнить чего вы достойны!

Но Крушинскій догадался въ чемъ дѣло.

— Ахъ, извините, пожалуйста . . . я слышу чудную музыку! . . сказалъ онъ, не отвѣчая на вопросъ и поспѣшно пошелъ въ залу, оставивъ Катерину Михайловну середи комнаты въ самой нерѣшительной позѣ и съ тоскою невысказаннаго чувства. Она подумала нѣсколько секундъ и, вѣроятно, вслѣдствіе своихъ соображеній, не послѣдовала за Аркадіемъ Николаичемъ, а возвратилась въ ту комнату, гдѣ оставался мужъ съ гостями. Крушинскій остановился въ дверяхъ залы такъ, что оставался незамѣтнымъ для Наденьки и Бандурова, но могъ удобно слушать и видѣть ихъ. Наденька была далеко не артистка, игра ея отличалась даже небрежностью и излишнею поспѣшностью, но въ иные моменты въ ней слышалось столько силы, энергіи, увлеченія и выразительности, что она могла остановить на себѣ вниманіе и возбудить участіе и не влюбленнаго . . . Крушинскій былъ въ восторгѣ; онъ стоялъ безмолвно и неподвижно, притаивъ дыханіе. Онъ наслаждался музыкой и въ то же время наблюдалъ за музыкантшей и слушателемъ. Князь Бандуровъ разсыпался въ неистовыхъ похвалахъ, по видимому, былъ въ восторгѣ отъ музыки; но онъ и не слушалъ ее и мало понималъ, зато не сводилъ глазъ съ Наденьки и восхищался ею. Та изрѣдка улыбалась на его похвалы, но въ минуты увлеченія очевидно забывала объ немъ и не обращала на него никакого вниманія. Крушинскій былъ доволенъ, онъ вполовину забылъ старое, онъ забылъ бы его совершенно, если бы не было передъ глазами князя: онъ началъ опять возстановлять въ душѣ своей тотъ образъ Наденьки, который она оставила по себѣ послѣ перваго свиданія — но не могъ никакъ со-

гласить съ нимъ то, что возмущало его въ ней нѣсколько минутъ назадъ. Наденька исполняла одну изъ пьесъ Тальберга. Въ финалѣ она увлеклась совершенно и выполнила его блестящимъ образомъ. Крушинскій долженъ былъ сдѣлать надъ собою большое усиліе, чтобы не выдать своего присутствія, чтобы не броситься къ артисткѣ и не высказать ей своего восторга; но онъ рѣшился подождать — что будетъ.

— Это восхитительно! . . . это несравненно! это чудо что такое! говорилъ князь Бандуровъ, ероша свои волосы. Ну, Надежда Ѳедоровна! И вы говорили, что играете дурно . . . Да вы артистка такая . . . такая . . .

— Артистка!? проговорила Наденька съ веселымъ смѣхомъ. Полноте.

— Да, именно артистка. Чему вы смѣетесь? Именно, самая высокая артистка . . . Я въ жизнь свою не слыхалъ ничего подобнаго . . . Это . . .

— Такъ, вы не слыхали ничего подобнаго моей игрѣ? . . . Вы, значитъ, очень мало слышали хорошихъ музыкантовъ . . .

— Нѣтъ, напротивъ, я слышалъ очень много . . . Но такъ играть, какъ вы . . . Нѣтъ, это невозможно. Это . . . я не знаю, что за совершенство . . .

— Ужъ и совершенство! Полноте, князь, вы льстите, а я не люблю льстецовъ . . .

— Я льщу? Божусь вамъ — не льщу . . . Я ни отъ чьей музыки не испытывалъ такого наслажденія, какъ отъ вашей . . . Вы совершенно очаровали меня.

— Плохой же вы знатокъ въ музыкѣ! проговорила Наденька, приподнимаясь со стула, на которомъ сидѣла до сихъ поръ.

Крушинскому нельзя было болѣе скрываться. Онъ подошелъ къ Наденькѣ.

— Позвольте и мнѣ поблагодарить васъ за удовольствіе, доставленное вами и мнѣ, хотя и безъ желанія . . .

— Вашего?

— Нѣтъ, не моего, а вашего.

— Да вы развѣ слушали меня?

— Нѣтъ, не слушалъ, а подслушивалъ, потому-что не получилъ отъ васъ ни позволенія, ни приглашенія слушать.

— Такъ же, какъ я отъ васъ просьбы — играть . . .

— Я не имѣлъ случая узнать такъ скоро, какъ князь, что вы владѣете такимъ талантомъ.

— Что же, вѣроятно, и вы также, какъ князь, находите меня великой артисткой?

— Я не нахожу васъ не только великой, но даже просто артисткой, потому-что въ вашей игрѣ мало обработки, но я убѣдился въ томъ, что ваша душа артистическая.

— А я такъ остаюсь при прежнемъ мнѣніи, что не только душа . . . но что Надежда Ѳедоровна самая великая артистка . . . И я удивляюсь, Крушинскій, какъ ты такъ судишь о музыкѣ: говоришь, что у Надежды Ѳедоровны музыка необработана . . . Нѣтъ, я не согласенъ! . . . говорилъ Бандуровъ.

— Князь, ты кажется прежде больше всѣхъ искусствъ любилъ карты; а у Ѳедора Иваныча не достаетъ четвертаго партнёра . . . возразилъ Крушинскій.

— Нѣтъ, я такъ очарованъ игрою Надежды Ѳедоровны, что даже не могу видѣть картъ . . . Я надѣюсь, что вы будете такъ добры, сыграете еще что-нибудь . . - Я васъ буду умолять . . .

— Благодарю васъ: я устала ... Послушайте, Аркадій Николаичъ, почему вы думаете, что у меня артистическая душа?

— Потому-что вы, не смотря на всю небрежность игры, часто вполнѣ сочувствуете композитору исполняемой пьесы и, мнѣ кажется, на время вы совершенно забываете все окружающее. Я даже признаюсь, что эта торопливость и небрежность вашей игры, по моему, служитъ въ васъ признакомъ артистической натуры: вы чувствуете ваши силы и пренебрегаете механизмомъ; развертывая пьесу, вы спѣшите отгадать мысль и чувство, положенныя въ нихъ авторомъ: отгадывая ихъ, вы увлекаетесь ими, наслаждаетесь, и такимъ образомъ никогда не обращаете вниманія на мелочную отдѣлку подробностей ... Впрочемъ, я можетъ быть ошибаюсь, произнося такъ поспѣшно судъ о вашей натурѣ, которую еще не могъ узнать ...

— Нѣтъ, мнѣ кажется, вы говорите правду. Я очень не люблю, когда меня къ чему-нибудь принуждаютъ; а бывало въ пансіонѣ, или у тетеньки, меня часто заставляли играть по неволѣ для кого-нибудь изъ посѣтителей, которымъ бы я не хотѣла играть — тогда я нарочно старалась съиграть какъ попало. Но вотъ что странно, когда я играю по собственному желанію, стараюсь играть хорошо, вотъ какъ сейчасъ, выберу пьесу, которую люблю — я дѣйствительно забываюсь, чувствую, какъ хороша пьеса, восхищаюсь ей, но всегда остаюсь недовольна своей игрой ...

Князь Бандуровъ, которому уже становилось досадно, что Наденька обращалась преимущественно къ одному Крушинскому, при послѣднихъ словахъ ея, ожилъ, принявъ ихъ на свой счетъ, и самодовольно, торжественно посмотрѣлъ на доктора.

— Ну, вотъ, Аркадій Николаичъ, вы, какъ знатокъ музыки, объясните мнѣ это.

— Зачѣмъ вы называете меня знатокомъ? Я только люблю музыку и чувствую ея прелесть. Вотъ знатокъ музыки — князь Бандуровъ: онъ скорѣе меня можетъ отвѣтить вамъ на вопросъ . . . возразилъ Крушинскій, замѣтившій торжествующій взглядъ мнимаго соперника.

— Да, я дѣйствительно слышалъ много хорошихъ, самыхъ отличныхъ музыкантовъ, отозвался послѣдній, но чтобы такъ играть, какъ вы, Надежда Ѳедоровна . . . нѣтъ, это невозможно! И вамъ только кажется такъ, что вы не хорошо играете . . . совсѣмъ нѣтъ! вы отлично играете, именно такъ, какъ нужно . . . отлично, превосходно! Я могу васъ увѣрить . . .

— Нѣтъ, князь, я убѣдилась, что вы умѣете только хвалить, а я ненавижу излишнія похвалы! насмѣшливо отвѣчала Наденька. Я жду отъ васъ отвѣта, Аркадій Николаичъ.

Князь Бандуровъ мгновенно упалъ духомъ, даже нѣсколько обидѣлся, но чтобы не уронить своего достоинства и показать свое презрѣніе къ Крушинскому, покручивая усы, отошелъ въ сторону. Зато другой былъ счасливъ. Крушинскій былъ восхищенъ вниманіемъ Наденьки и съ увлеченіемъ, съ жаромъ и энтузіазмомъ, началъ говорить о музыкѣ: слова его были, можетъ-быть, нѣсколько книжны, но обаятельно дѣйствовали на воспріимчивую, пылкую душу Наденьки. Она слушала его со вниманіемъ и сочувствіемъ. Князь Бандуровъ въ это время сѣлъ за рояль и началъ дѣлать нестройные аккорды.

— Вы играете на какомъ-нибудь инструментѣ? спросила Наденька у доктора.

— Нѣтъ.

— Какъ же вы можете такъ хорошо судить о музыкѣ, не умѣя играть.

— Быть критикомъ — не значитъ быть художникомъ; понимать дѣло — не значитъ умѣть его сдѣлать. И часто тотъ, кто такъ строго судитъ объ искусствѣ и съ видомъ неумолимаго судьи и великаго знатока укоряетъ въ недостаткахъ служителей искусства, съ радостью отдалъ бы право своего строгаго суда хоть за частицу того таланта, на который онъ нападаетъ: такъ точно и я, высказывавшій вамъ ваши недостатки, охотно бы отказался отъ права замѣтить ихъ за самую маленькую частицу вашего искусства.

Наденькà чуствовала, что эта ловкая и умная похвала польстила ея самолюбію гораздо болѣе, нежели безчисленныя восторженныя восклицанія князя Бандурова, который въ это время сталъ наигрывать одну изъ самыхъ безтолковѣйшихъ полекъ. Она ласково улыбнулась Крушинскому.

— Вотъ, князь, такъ нѐ будетъ завидовать моему таланту, онъ самъ музукантъ! замѣтила она съ улыбкою. Вы много играете, князь?

— Да, я прежде много игралъ; но теперь все почти позабылъ, потому-что, при переходахъ полка не могу постоянно имѣть фортепіяно.

— Вы что играли?

— Я. . . больше танцы. . .

— Что же вы остановились? сыграйте еще что-нибудь. .

— Ей Богу, ничего больше не помню; да мнѣ и стыдно играть послѣ васъ. . .

— О, полноте, полноте, что за скромность. . . Играйте, пожалуйста.

Бандуровъ началъ играть какой-то вальсъ, но остановился послѣ двухъ-трехъ пріемовъ.

— Вотъ и позабылъ дальше ... Нѣтъ! Надежда Ѳедоровна, лучше спойте что-нибудь ... скаонъ.залъ бросая на Наденьку страстный, выразительный взглядъ.

— А вы и поете? спросилъ Крушинскій.

Да, но такъ же дурно, какъ и играю.

— О, въ такомъ случаѣ позвольте и мнѣ присоединить свою просьбу: спойте что-нибудь.

— Что же вамъ спѣть?

— Арію, ради Бога, арію... италіанскую! поспѣшно отвѣчалъ Бандуровъ. Вы не можете себѣ представить, какъ я люблю италіанское пѣніе.

— Какую же хотите вы?

— Какую нибудь — все равно! Всѣ онѣ превосходны.

— Покрайнеймѣрѣ изъ какой-же оперы?

— Изъ какой вамъ угодно: онѣ, право, всѣ такъ хороши ...

— Какая ваша любимая опера? епросила Наденька, обращаясь къ Крушинскому.

— Признаюсь вамъ, я плохой знатокъ въ италіанской музыкѣ.

— Вы, можетъ-быть, и совсѣмъ не любите ея?

— Я не смѣю сказать этого, но откровенно признаюсь вамъ, что гораздо больше италіанскихъ арій люблю и понимаю простые, родные, идущіе прямо къ сердцу, мотивы нашей русской пѣсни.

— Ахъ, а я не знаю ни одной русской пѣсни: меня въ пансіонѣ просто морили на одномъ итальянскомъ пѣніи!.. проговорила Наденька съ такимъ искреннимъ сожалѣніемъ, которое много сказало сердцу Крушинскаго.

— Ну, что же дѣлать? Спойте какую-нибудь арію: потѣшьте знатока — князя Бандурова.

— Я вамъ спою Grâce. . .

— Ахъ, это чудная арія! подхватилъ князь Бандуровъ. Ее отлично пѣла одна моя знакомая.

Наденька начала. Голосъ ея былъ силенъ, гибокъ и пріятенъ, но пѣніе отличалось такими же достоинствами и недостатками, какъ и игра. Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ Крушинскій чувствовалъ только первыя и не замѣчалъ послѣднихъ: онъ былъ вполнѣ доволенъ вниманіемъ Наденьки, вполнѣ счастливъ, и могъ только наслаждаться ея пѣніемъ, но не судить его. Онъ не отрывалъ глазъ отъ пѣвицы и въ его взорѣ отражалось столько восторга и страсти, что Наденька, случайно встрѣтившись съ его глазами, вдругъ вспыхнула и смѣшалась, впрочемъ скоро оправилась и запѣла еще съ бо́льшимъ одушевленіемъ. Онъ былъ до такой степени очарованъ пѣніемъ, что не замѣтилъ вошедшихъ въ это время хозяйки и петербургской гостьи.

Наденька кончила, но Крушинскій стоялъ, какъ очарованный и взоромъ силился передать ей то, что происходило въ его сердцѣ.

— Ты сегодня, Наденька, пѣла удивительно хорошо! сказала Клеопатра Петровна.

Наденька замѣтила взоръ Аркадія Николаича и, вторично вспыхнувши, бросилась на шею къ теткѣ и горячо поцѣловала ее.

— Какъ вамъ, князь, нравится пѣніе Нади? спросила Катерина Михайловна.

— Удивительно! Удивительно! Одна моя знакомая отлично пѣла эту арію, она участвовала даже въ концертахъ, но Надежда Ѳедоровна поетъ гораздо лучше ея. Удивительный голосъ!

— Она была первая пѣвица во всемъ пансіонѣ; а ихъ пансіонъ первый въ Петербургѣ! сказала Катерина Михайловна.

— А вамъ, докторъ, понравилось ли пѣніе Надины? спросила Клеопатра Петровна Крушинскаго, который не могъ оторвать страстнаго взгляда отъ очаровательной дѣвушки.

— Я до-сихъ-поръ не могу найти словъ, чтобы выразить то чувство, которое произвело во мнѣ пѣніе: я все еще нахожусь подъ впечатлѣніемъ чуднаго голоса Надежды Ѳедоровны.

Аркадій Николаичъ не былъ въ силахъ скрыть своего восторга: глаза его говорили гораздо больше, нежели слѣдовало. Тетушка посмотрѣла на него подозрительно.

— Однако пойдемте, господа, къ Ѳедору Иванычу: подаютъ кушать! . . . Мы васъ принимаемъ совершенно по-просту, по-семейному! замѣтила хозяйка, обрящаясь къ князю.

— Я вамъ чрезвычайно благодаренъ!

— Надѣюсь, что вы будете у насъ частый гость? . . .

— О, если только позволите! . . .

— Помилуйте, это для насъ доставитъ величайшее удовольствіе.

За обѣдомъ Крушинскій былъ чрезвычайно веселъ. Онъ не обращалъ никакого вниманія на холодный тонъ хозяина, былъ разговорчивъ, шутилъ, смѣшилъ Наденьку и успѣлъ такъ увлечь ея вниманіе, что та почти не отвѣчала на вопросы князя Бандурова, который не разъ старался вмѣшаться въ разговоръ. Клеопатра Петровна была, напротивъ, очень молчалива, серьозна и пристально наблюдала за докторомъ. Къ концу обѣда князь сдѣлался мра-

ченъ, безмолвенъ и безпрестанно крутилъ усы, поглядывая скоса на Наденьку. Ѳедоръ Иванычъ и Катерина Михайловна напрасно старались вовлечь его въ разговоръ. Послѣдняя не разъ метала на дочку сердитые взгляды, которые впрочемъ оставались незамѣченными.

Послѣ кофе Бандуровъ, находившійся все еще въ прежнемъ дурномъ расположеніи духа, подошолъ къ Крушинскому въ то время, какъ тотъ разговарисъ Наденькой.

— Вы поѣдете на моихъ лошадяхъ, или будете просить ихъ у Ѳедора Иваныча? спросилъ онъ его.

Князь въ первый еще разъ говорилъ Крушинскому вы и говорилъ тономъ презрительной холодности. Крушинскаго въ другое время этотъ тонъ и эта фраза, намекавшая на то, что у доктора нѣтъ своихъ лошадей, могла бы раздражить; но теперь онъ былъ счастливъ, понималъ источникъ, изъ котораго проистекала она, а потому отвѣчалъ очень спокойно:

— Затѣмъ же безпокоить Ѳедора Иваныча? Вы привезли меня сюда: надѣюсь, будете такъ добры и отвезете назадъ.

— Такъ я ѣду. Собирайтесь, если ходите ѣхать со мной.

— Вы хотите ѣхать, князь? спросила Наденька.

— Да-съ. Отвѣчалъ князь отрывисто и съ мрачнымъ видомъ.

— Такъ скоро?

— Мнѣ нужно въ городъ-съ! — Бандуровъ поклонился, стараясь придать своему лицу холодное выраженіе и поспѣшно отвернулся, чтобы идти прощаться съ хозяйкою.

— И мнѣ нужно ѣхать, хотя я и желалъ бы остаться! проговорилъ со вздохомъ Крушинскій.

Наденька показала видъ какъ-будто не слыхала этихъ словъ, но и ей очень хотѣлось вздохнуть: она никогда еще, ни съ кѣмъ не говорила съ такимъ удовольствіемъ, никого не слушала съ такимъ вниманіемъ.

— Куда вы это такъ торопитесь, князь! говорила Катерина Михайловна. Теодорушка, посмотри — наши гости хотятъ ѣхать.

— Что это вы, князь? Развѣ въ деревню ѣздятъ съ такимъ короткимъ визитомъ.

— Князю, вѣрно, показалось скучно у насъ! замѣтила хозяйка.

— О, нѣтъ, напротивъ-съ: очень пріятно! Но мнѣ нужно по службѣ.

— А, что касается до службы — въ такомъ случаѣ я не имѣю права задерживать васъ.

— Когда же вы опять къ намъ, князь? спросила Катерина Михайловна.

— Какъ только позволятъ обстоятельства.

— Пожалуйста, пріѣзжайте почаще, если только вамъ не скучно у насъ.

— Помилуйте! Съ величайшимъ удовольствіемъ.

— А вы что же, господа? обратился хозяинъ къ остальнымъ гостямъ. Тоже хотите ѣхать... вмѣстѣ?

— Гм... да-съ! отозвался Добраго.

— Мы въ настоящемъ случаѣ зависимъ отъ князя и поневолѣ должны слѣдовать за нимъ, потому-что пріѣхали на его лошадяхъ! весело проговорилъ Крушинскій.

— Ну, до свиданья! Надѣюсь, что и вы вспомните насъ, иногда...

Въ душѣ Крушинскаго опять болѣзненно отозвался этотъ холодный тонъ хозяина, но онъ былъ счастливъ вниманіемъ Наденьки, и на этотъ разъ

простилъ великодушнѣе. Раскланиваясь со всѣми, онъ успѣлъ поймать грустный взглядъ ея, устремленный на него.

— Ахъ, Аркадій Николаичъ, говорила Катерина Михайловна, провожая гостей, я сегодня не успѣла и посовѣтоваться съ вами о моей болѣзни. Когда васъ можно безпокоить?...

— Когда прикажете: я всегда къ вашимъ услугамъ.

— Когда же вы пріѣдете, или позволите прислать за вами лошадей.

— Если вамъ угодно, потрудитесь прислать, какъ только будетъ нужно.

Катерина Михайловна была очень довольна и весело улыбнулась.

VI.

Усаживаясь въ сани, князь Бандуровъ былъ очень мраченъ и сердито закричалъ кучеру: пошелъ! но выѣзжая изъ воротъ, не позабылъ оглянуться на окна господскаго дома и вдругъ повеселѣлъ: въ одномъ изъ этихъ оконъ, онъ ясно увидѣлъ лицо Наденьки и ея чудные глаза, смотрѣвшіе на него и его тройку. Можетъ-быть, это была горничная или простая игра воображенія, но князь былъ увѣренъ, что за нимъ слѣдилъ взоръ самой Наденьки, самодовольно пріосанился и уже не сердито, а весело приказалъ кучеру: „Филиппъ, припускай съ-уха! Пошелъ!

Филиппъ ухнулъ, взвизгнулъ, пріударилъ возжами и лошади понеслись, понеслись... Захватывало дыханіе отъ мороза и быстрой ѣзды; снѣжная пыль слѣпила глаза; цѣлые комки снѣга, вздымаемые ногами лошадей, летѣли въ сани, били въ лицо сѣдоковъ, храпомъ храпѣла коренная, какъ нитка вытя-

гиваясь въ ровной и быстрой рыси, фиркали, вились въ кольцо, раздували ноздри и выворачивали свои кровавые глаза — пристяжныя; прискакивалъ, падалъ и снова всползалъ на козлы кучеръ; вскрикивали всѣ въ одинъ голосъ: ухъ! на ухабѣ, а онъ уже далеко оставался назади; бѣлое, блестящее, серебряное неслось мимо снѣжное поле... и весело, радостно, восторженно становилось даже въ душѣ князя Бандурова...

— Ухъ вы, звѣри, злодѣи!.. грабятъ! неистово закричалъ онъ на лошадей, невольно прискакивая въ саняхъ и, рванувшись изъ послѣднихъ силъ, еще быстрѣе понеслась ретивая тройка... Но господскаго дома усадьбы Родовое давно не было видно, и восторженное состояніе души князя Бандурова прошло, какъ проходитъ все въ мірѣ...

— Тище! дай пройтись! приказалъ онъ кучеру.

— Что, Добраго, а? какова троечка? спросилъ онъ съ самодовольствіемъ.

— Гм... хороша тройка! отозвался Добраго, у котораго на душѣ тоже какъ-то особенно просвѣтлѣло отъ быстрой ѣзды.

— Дать волю, такъ чортъ знаетъ куда занесетъ.!. А ты, Крушинскій, сегодня подло со мной поступилъ...

— Что такое?

— Ну, вѣдь, ты не равнодушенъ къ Наденькѣ?

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Ну, да полно, что тутъ! Я люблю прямо говорить: просто влюбленъ.

— Странное замѣчаніе!

— Да ужъ полно запираться-то, признайся лучше-что влюбленъ... Я, вѣдь, все видѣлъ.

— Не знаю что ты видѣлъ и не считаю нужнымъ

ни запираться, ни признаваться тебѣ въ чемъ бы то, ни было; не понимаю только съ какой стати вздумалъ ты говорить мнѣ такимъ-образомъ.

— А вотъ съ какой: если ты не влюбленъ, зачѣмъ же ты отбивалъ у меня Наденьку? Развѣ это по-товарищески?

— Я все-таки не понимаю, что̀ ты хочешь сказать этимъ?

— Да нечего тутъ понимать-то? Зачѣмъ ты мѣшалъ мнѣ говорить съ ней? Пока ты не подставалъ къ нашему разговору, я успѣлъ ее совершенно заинтересовать собой... А тутъ ты привязался, началъ, умничать, завелъ какой-то глупый разговоръ объ музыкѣ, точно въ классѣ... Ну, разумѣется, она только, изъ пансіона, привыкла сидѣть все за книгами и слушала тебя, какъ учителя...

— Ну, положимъ, что все это такъ... Да кто же тебѣ мѣшалъ завести съ нею такой разговоръ, который бы ей нравился...

— Я такой и велъ, пока ты не вмѣшался... Да не безпокойся — ты съ своимъ умничаньемъ не далеко уйдешь... Я тебя могу увѣрить... Это только въ первый-то разъ ее такъ заняло; а послѣ ты ей такъ надоѣшь, что она и слушать тебя не станетъ...

— Хорошо, хорошо, я согласенъ; только къ чему ты все это говоришь?...

— Да къ тому, чортъ возьми, что я самъ влюбленъ въ нее... Ни одна дѣвушка во всю мою жизнь не нравилась мнѣ такъ... Ужъ во что бы то ни стало, а поставлю на своемъ — достигну своей цѣли...

— Желаю тебѣ полнаго успѣха, только, если можно, желалъ бы знать, что̀ за цѣль у тебя...

— Я и самъ не знаю... А только ужъ никому не уступлю моей Наденьки... Моя, моя!.. ужъ бу-

дѣть моя!.. Коли на то пошло, тотчасъ же предложеніе сдѣлаю... За меня ужъ скорѣе же отдадутъ, нежели за тебя съ твоимъ умничаньемъ... Филиппъ, пошелъ.

— Ваше сіятельство, позвольте передохнуть: всѣ взмылились... отозвался кучеръ.

— Пошелъ, тебѣ говорятъ!.. сердито прикрикнулъ князь. Ужъ будетъ моею...

— Послушай, князь, замѣтилъ Крушинскій, нѣсколько раздраженный послѣдними вслоами Бандурова, но старавшійся казаться равнодушнымъ: я тебѣ предоставлю полное право сердиться, горячиться, говорить все что тебѣ угодно, только прошу тебя не употреблять безъ надобности моего имени и не ставить меня въ параллель съ собой ... Я ужасно не люблю никакихъ сравненій.

— Я не дѣлаю никакихъ сравненій... Я про себя говорю... Пошелъ скорѣй.

— А про себя вы можете говорить все, что вамъ угодно...

— А если бы я и захотѣлъ сравнить васъ съ собою, что же — это сравненіе обидно бы что ли было для васъ? запальчиво спросилъ князь.

— Нѣтъ, очень лестно, только я не желаю его! саркастически отвѣчало докторъ.

— Вы, кажется, хотите ссориться со мною?.. Смотрите, не раскайтесь.

— Я ни съ кѣмъ не хочу ссориться; но если вы и поссоритесь со мной, то увѣряю васъ — раскаиваться не стану, потому-что никогда не искалъ вашей особенной пріязни.

Добраго, который ненавидѣлъ ссоры и вообще былъ характера самаго миролюбиваго, чувствовалъ себя очень неловко съ тѣхъ поръ, какъ разговоръ

между молодыми людьми началъ принимать непріязненный характеръ. Онъ безпрестанно кряхтѣлъ, ворочался на своемъ мѣстѣ и не зналъ что ему дѣлать. Почти всегда безмолвный языкъ его не находилъ ни одного приличнаго настоящему случаю слова.

— Зачѣмъ ссориться?.. Гм... Никто не хочетъ ссориться, господа! сказалъ онъ наконецъ. Полноте, что вы? Вотъ и городъ.

Вмѣшательство Добраго было, какъ нельзя болѣе кстати: князь Бандуровъ также скоро остывалъ, какъ поспѣшно и неожиданно разгорячался.

— Да я и не думаю ссориться! замѣтилъ онъ. Это было угодно начать Крушинскому... а мнѣ нѣтъ никакой надобности. Я знаю, что поставлю на своемъ... Ужъ будетъ по моему!..

Крушинскій не нашелъ нужнымъ возражать на эту дѣтскую фразу Бандурова; а послѣдній, довольный молчаньемъ противника, погрузился въ созерцаніе своихъ лошадей тѣмъ болѣе, что ужъ приближались къ городку, гдѣ стоялъ полкъ и гдѣ князь игралъ не послѣднюю роль... И вотъ потянулись сначала маленькіе въ два и три окна домики, составлявшіе слободку, примыкавшую къ городу, потомъ длинные, полуразвалившіеся заборы, огораживающіе пустыри съ развалинами какихъ-то каменныхъ зданій, вѣроятно, прежде бывшихъ фабрикъ или заводовъ, вотъ наконецъ тройка влетѣла и понеслась по большой длинной и единственной улицѣ городка. Ранній, зимній вечеръ уже спустился на него и мимо ѣдущихъ мелькали въ полумракѣ одинъ за другимъ домики, то низенькіе, но длинные, то высокіе, но узкіе, съ балконами, мезонинами или просто съ большими, такъ называемыми слуховыми, окнами подъ самой крышей... Но напрасно князь надѣялся произвести

эффектъ своей тройкой: улица была почти пуста и только изрѣдка встрѣчались на ней пѣшеходы, которые впрочемъ пріостанавливались и нѣсколько секундъ слѣдили за промелькнувшими конями, а потомъ опять шли своей дорогой... Впрочемъ, Бандуровъ былъ доволенъ и этимъ вниманьемъ. Правда, онъ съ особеннымъ любопытствомъ вглядывался въ окна нѣкоторыхъ домовъ, гдѣ мерцалъ огонь и гдѣ онъ желалъ бы видѣть хотя одно изъ здоровыхъ, румяныхъ личиковъ уѣздныхъ барышень, которыхъ онъ, можетъ быть и не безошибочно, считалъ влюбленными въ себя по уши.

У одного деревяннаго, выкрашеннаго дикой краской, дома, на воротахъ котораго красовалась маленькая жестяная досчечка съ полустершейся надписью: домъ мѣщанки Шилохвостовой, — Крушинскій попросилъ остановиться. Тутъ была его квартира.

— Благодарю васъ, князь! сказалъ онъ, выходя изъ саней.

— Не стоитъ благодарности-съ!

— Прощайте, Добраго! примолвилъ Крушинскій, обращаясь къ капитану и протягивая ему руку.

— Прощайте!.. гм... что же вы?.. гм!.. отвѣчалъ тотъ, удерживая Крушинскаго за руку и очевидно желая сказать что-то.

— Что вы, капитанъ? помогъ ему лекарь.

— Зачѣмъ же вы?... Вы зачѣмъ же сердитесь?... Князь, ничего, онъ не хочетъ ссориться...

— Кто же вамъ сказалъ, что я сержусь и хочу ссориться?

— Какъ же вы... Вы... гм... даже и руки князю не пожали.

— Если угодно князю... я съ удовольствіемъ

готовъ дать ему руку, только просилъ бы его быть осторожнѣе въ выраженіяхъ.

— Полноте . . . Ничего! Князь, полноте, подружитесь опять . . .

— Да я, братецъ, Добраго, не сержусь . . . Только Крушинскій странный человѣкъ: онъ всегда поступаетъ не по-товарищески: придирается къ каждому слову . . .

— Ну, князь, теперь не время объясняться . . . я озябъ. Прощайте! Прощайте, Добраго.

— Да вы полноте! Вы помиритесь! гм . . . настаивалъ послѣдній и схвативши руки князя и Крушинскаго — соединилъ ихъ.

Докторъ съ улыбкою повиновался и не отнималъ своей руки; миролюбіе добродушнаго капитана совершенно развеселило Бандурова.

— Ну, полно, въ самомъ дѣлѣ, Крушинскій! Неужели мы станемъ и въ самомъ дѣлѣ ссориться изъ-за пустяковъ . . . Послушай: вѣдь ты не станешь отбивать у меня Надиньки? Да, вѣдь? а? не станешь?

— Я постыдился бы даже такого намѣренія, князь, если бы замѣтилъ, что она къ вамъ сколько-нибудь неравнодушна! . . . отвѣчалъ Крушинскій, котораго опять имя Наденьки задѣло за сердце. Я никогда не имѣлъ желанія состязаться съ вами въ волокитствѣ . . . Впрочемъ, прощайте, господа!

И онъ пошелъ въ свою квартиру.

— Ну, смотри же, Крушинскій, ты обѣщался не волочиться за Наденькой . . . кричалъ вслѣдъ ему князь Бандуровъ.

— Странный человѣкъ! прибавилъ онъ, обращаясь къ Добраго.

Что хотѣлъ онъ сказать этимъ замѣчаніемъ, на

какую особенность Крушинскаго желалъ указать? это осталось неяснымъ для самого князя; впрочемъ, Добраго не приминулъ отвѣтить:

— Да . . . гм . . . умный онъ! . . .

— Да онъ не-глупъ, только нѣтъ въ немъ этого... товарищескаго . . . дружбы никакой . . . Держать себя какъ-то не умѣетъ . . . Происхожденія что ли онъ такого? . . . Ну, куда же мы поѣдемъ, Добраго, вечеромъ: къ судьѣ — что ли?

— Пожалуй, поѣдемъ . . .

— Ахъ ты мой поѣдемъ! . . сказалъ князь Бандуровъ, выходя изъ саней, остановившихся у крыльца его квартиры и ласково трепля по спинѣ Добраго. Что ты тамъ дѣлать-то будешь? Вѣдь, тамъ нѣтъ вдовушки . . . одна Катя, да ужъ нѣтъ, братъ, я ее не уступлю тебѣ . . . Вотъ тебѣ что! . .

— Гм . . . И не надо . . . не желаю! возразилъ съ улыбкою Добраго.

— А, вѣдь, Наденька лучше Кати? а? Добраго?

— Лучше!

— Чортъ знаетъ, какъ хороша.

Съ этими словами онъ отворилъ дверь въ прихожую.

— Опять огня ни въ одной комнатѣ! замѣтилъ князь, кидая съ себя шубу на руки деньщика. Сколько разъ я тебѣ говорилъ, чтобъ огонь всегда былъ въ залѣ и въ гостиной . . .

— Да калетовскія-то всѣ вышли, а сальныхъ тамъ не приказываете зажигать! возразилъ деньщикъ.

— Всѣ вышли! Такъ купи!

— Пожалуйте денегъ! . . .

— Я тебѣ дамъ . . . денегъ! Давно ли я тебѣ давалъ . . .

— А давно ли, ваше сіятельство? . . . Давно не изволили жаловать.

— Ну, молчать . . . Не повѣрятъ, что ли, мнѣ здѣсь въ лавкахъ . . . Чтобы были свѣчи! . . . Скажи, что баринъ прислалъ! . . . Терпѣть не могу этого вонючаго сала . . . Чортъ знаетъ, Добраго: давно ли получилъ изъ дому двѣсти цѣлковыхъ: ни копѣйки нѣтъ! . . .

— То-то я и говорю, что не надо такъ . . . ты очень ужъ . . . Ничего не бережешь . . . Надо беречь . . .

— Э, полно, Добраго, туда же съ наставленіями... Терпѣть не могу . . .

— Я . . . не наставленія . . . Что мнѣ? . . . А только вотъ теперь и нужно . . .

— Ну, нужно . . . нужно! Я самъ знаю, что нужно . . . А ты согласись: велики ли деньги 200 цѣлковыхъ . . . Вѣдь ты самъ согласись: я не могу же такъ жить, какъ ты . . . Ты, вонъ, по копѣйкѣ въ преферансъ играешь . . .

— Что же? . . . Я для своего удовольствія.

— А я не могу . . . Я не привыкъ . . . Мнѣ одна моя тройка чего стоитъ . . .

— Такъ и надо беречь . . .

— Ну, затвердилъ одно: беречь, беречь . . . Я не такой скряга, какъ ты . . . Вотъ ты поставишь ли когда бутылку шампанскаго? . . .

— Не имѣю такого состоянія . . . гм . , . гм . . .

— Такъ дай мнѣ хоть сколько-нибудь . . . не на долго . . .

— Гм. . . У меня всего пятнадцать цѣлковыхъ . . .

— Ну, такъ что-жъ? дай мнѣ десять . . . До жалованья не долго осталось . . . Тебѣ будетъ? . .

— Гм . . . —гм . . .

— Ну что — гм . . . Развѣ я тебѣ когда не отдаю . . .

— Знаю, что отдашь . . .

— Ну, такъ что же? . . .

— Пять я дамъ . . .

— Ну, хоть пять дай . . . Есть съ тобой? . . .

— Есть.

— Ну такъ дай, пожалуйста.

Добраго съ обычнымъ кряхтеньемъ отправился въ карманъ за бумжникомъ, медленно вынулъ его и еще медленеѣе досталъ пятирублевую ассигнацію, которую и подалъ князю.

— Ну, спасибо, дружище! А скупъ ты, Добраго, ей-Богу . . . говорилъ князь принимая, деньги и готовясь положить ихъ въ свой нарядный портмоне, а потомъ въ карманъ, а тамъ куда понадобятся . . .

— Гм . . . гм . . . А на свѣчи?

— Что свѣчи? . . . ты думаешь: у меня только и расходу, что на свѣчи? . . . Смѣшонъ ты, Добраго . . . Точно, нивѣсть какую сумму отсчиталъ: спрашиваетъ куда употреблю . . . важничаетъ . . .

— Я не важничаю . . . а вотъ . . . гм . . .

— Ну, полно-ка . . . Поѣдемъ что ли къ судьѣ: ужъ пора . . .

— Поѣдемте . . . гм . . .

И они отправились.

— Слышишь: чтобы свѣчи были! проговорилъ князь деньщику, выходя изъ прихожей.

— Да еще ваксы нужно, ваше сіятельство.

— Ну такъ что-жъ? . . . Нужно, такъ чтобы было . . . Дуракъ! съ ваксой еще твоей . . . стану я ей заниматься . . . Хоть усы свои фабри ваксой! Ха, ха, ха!!

И веселый смѣхъ князя покрылся скрипомъ саней, въ которыя онъ сѣлъ, приказавъ ѣхать къ судьѣ.

VII.

Личность капитана Добраго и его отношенія къ князю Бандурову требуютъ поясненія. Не много такихъ въ высшей степени добродушныхъ, безхитростныхъ, миролюбивыхъ и невозмутимыхъ въ своемъ спокойствіи людей, каковъ былъ Яковъ Васильичъ Добраго, котораго, впрочемъ, всѣ называли капитаномъ, какъ-будто въ этомъ титулѣ заключалось его имя и отчество. Читатель уже знакомъ съ наклонностью капитана къ миролюбію и мы полагаемъ, что онъ уже полюбилъ его, несмотря на неспособность капитана изъясняться, на его щетинистые волосы и на его нѣсколько излишне красное и полное лицо. И Добраго дѣйствительно пользовался любовью всѣхъ, которые знали его: онъ былъ любимцемъ всего полка, хотя и служилъ въ то же время великодушной и терпѣливой мишенью выстрѣловъ остроумія и саркастическаго настроенія своихъ молодыхъ товарищей. Впрочемъ, выстрѣлы не всегда попадали въ цѣль и остроуміе притуплялось о твердую, непроницаемую кору великодушія и терпѣнія, которыми прикрывалось спокойное сердце капитана. И не рѣдко случалось, что тѣ изъ молодыхъ офицеровъ, которые имѣли особенное желаніе острить на его счетъ, мало-по-малу дѣлались его пріятелями и особенно располагались къ нему. Первое впечатлѣніе, которое производилъ капитанъ, было обыкновенно не въ его пользу; бывали даже такіе люди, которые послѣ двухъ-трехъ встрѣчъ съ капитаномъ оставались убѣжденными, что онъ порядочно простовать и что ему нѣтъ дѣла рѣши-

тельно ни до чего на свѣтѣ; а болѣе смѣлые въ своихъ умозаключеніяхъ сомнѣвались даже: есть ли мозгъ въ головѣ капитана и сердце въ широкой груди его; но обстоятельства заставляли убѣждаться, что капитанъ владѣлъ весьма исправнопонимающимъ умомъ и очень искренно чувствующимъ сердцемъ. Конечно, такіе случаи повторялись не часто: нуженъ былъ сильный толчекъ, чтобы расшевелить наружное спокойствіе капитана, нуженъ былъ довольно наблюдательный и безпристрастный взглядъ, чтобы открыть подъ этимъ флегматическимъ равнодушіемъ и пониманіе и сочувствіе ко всему, что дѣлалось вокругъ него. Капитанъ никогда не высказывался, можетъ-быть, и потому, что вообще не умѣлъ объясняться; онъ не былъ, правда, и на столько глубокомысленъ, чтобы проникать въ сокровенные тайники души человѣческой, ни на столько чувствителенъ, чтобы принимать живое участіе во всѣхъ тревогахъ сердца человѣческаго, но онъ имѣлъ достаточно пониманія, чтобъ отличить истину отъ лжи и доброты сердечной, чтобы любить добро больше зла. Добрый, терпѣливый, молчаливый, снисходительный, всегда готовый на услугу, Добраго былъ любимъ всѣми, несмотря на то, что никому не показывалъ особенной своей пріязни. Но на одномъ только человѣкѣ и явно и тайно сосредоточивалась вся любовь, вся заботливость, все участіе Добраго — и этотъ человѣкъ былъ князь Бандуровъ. Насмѣшники очень мѣтко выражались, говоря, что Добраго влюбленъ въ Бандурова. Въ самомъ дѣлѣ, капитанъ былъ совершеннымъ рабомъ князя: онъ дѣлалъ все, чего бы тотъ ни пожелалъ. Онъ слѣдилъ за нимъ всюду: рѣдко случалось видѣть капитана тамъ, гдѣ не было князя; все свободное время

онъ проводилъ вмѣстѣ съ нимъ; нескончаемая болтовня князя никогда не надоѣдала ему, хвастливость не раздражала, насмѣшливый тонъ не сердилъ; карманомъ его князь распоряжался почти какъ своимъ собственнымъ. Не смотря на все это, Добраго обращался съ Бандуровымъ точно также, какъ съ другими, почти всегда при постороннихъ говорилъ ему — вы, не вмѣшивался въ его дѣла и изрѣдка только и то очень оторожно, намекалъ ему или на его вѣтренность, или на его мотовство, но тотчасъ же и отказывался отъ своего намека, какъ только замѣчалъ, что онъ не по вкусу Бандурову. Намъ кажется, что исторія сближенія этихъ двухъ совершенно противоположныхъ натуръ объяснитъ нѣсколько странныя отношенія между ними.

Лѣтъ семь или восемь назадъ, до начала настоящаго разсказа, рота Добраго, тогда еще штабсъ-капитана, была поставлена на зимнія квартиры въ имѣніе княгини Бандуровой. Командиръ роты почелъ долгомъ познакомиться съ владѣтельницей помѣстья и нашелъ въ ней очень добрую, простую и не очень образованную старушку. Впрочемъ, простота и недостатокъ образованія не мѣшали ей страстно любить своего единственнаго сына — молодого князя, баловать его съ самаго малолѣтства, мечтать чрезвычайно много о будущемъ блестящемъ поприщѣ его въ жизни и на службѣ, и ради этихъ надеждъ дать ему приличное образованіе черезъ ознакомленіе съ французскимъ языкомъ, подъ руководствомъ какого-то природнаго monsieur. До осьмнадцати-лѣтняго возраста, молодой князь жилъ подъ домашней кровлей, въ своемъ родовомъ имѣніи, подъ нѣжнымъ присмотромъ матери и мудрымъ руководствомъ упомянутаго monsieur, который въ те-

ченіе времени изъ наставника сдѣлался ami de la maison. Состояніе княгини было очень не значительно, но она помнила, что сынокъ ея все-таки князь, а слѣдовательно долженъ служить въ гвардіи или по-крайней-мѣрѣ въ кавалеріи, и потому, когда приспѣло время, опредѣлила сына въ гусарскій полкъ. При этомъ надо замѣтить, что настоящій знакомецъ нашъ — армейскій поручикъ князь Бандуровъ, еще съ-дѣтства получилъ непреодолимое стремленіе къ военной и преимущественно кавалерійской службѣ, такъ что, когда молодой князекъ, не смотря на свои 17 лѣтъ и, вѣроятно, вслѣдствіе скуки деревенской жизни, завелъ разныя сердечныя интриги, онъ въ вѣчной преданности своей всегда клялся честнымъ словомъ кавалериста, очень часто ѣздилъ верхомъ и постоянно носилъ шпоры на каблукахъ сапоговъ. И вотъ онъ на самомъ дѣлѣ, а не только въ мечтахъ — кавалеристъ. Какая чудная лошадь подъ княземъ, какой на немъ нарядный, блестящій мундиръ, какъ самъ онъ красивъ въ этомъ мундирѣ, на легкомъ конѣ — и какъ мало денегъ въ его карманѣ, и какъ много новыхъ желаній въ душѣ, и какое сильное тщеславіе не только ни въ чемъ не уступать своимъ богатымъ товарищамъ, но и во всемъ опережать ихъ! Нѣжная мама всѣ свои доходы съ новымъ перезалогомъ имѣнія жертвовала въ пользу сына, но не болѣе, какъ черезъ полгода службы, обильной надеждами на блестящее будущее, княгинѣ нечѣмъ было удовлетворять самыя необходимыя нужды князя; — а послѣдній между тѣмъ надѣлалъ кучу долговъ. Кончилось, разумѣется тѣмъ, что юнкеръ-кавалеристъ, которому не повезло въ службѣ, возвратился въ объятія родительницы съ болѣе скромными мечтами по службѣ, съ большими

свѣдѣніями въ жизни, съ прекрасными усами и настоящими кавалерійскими шпорами. Впрочемъ онъ не говорилъ матери, что навсегда оставилъ службу, напротивъ, онъ объяснялъ ей, что въ настоящее время считаетъ гораздо болѣе выгоднымъ для себя заняться хозяйствомъ, улучшить состояніе имѣнія и тогда снова поступить на службу съ болѣе вѣрными надеждами и съ обширнѣйшими средствами. Мать вполнѣ одобрила намѣреніе сына, тѣмъ болѣе, что хозяйство, безъ присмотра господина, шло очень дурно, и княгинѣ было очень совѣстно передъ самой собою, что она не могла дать приличнаго содержанія сыну-князю. И такъ, будущій великій хозяинъ снова поселился въ деревнѣ, но скучная деревенская жизнь, послѣ того какъ онъ узналъ болѣе веселую, разнообразную, скоро ему надоѣла, несмотря на то, что среди своихъ заботъ и хлопотъ онъ доставлялъ себѣ разныя невинныя удовольствія, какъ-то: охоту съ собаками и съ ружьемъ, частыя поѣздки въ городъ и къ сосѣдямъ, возобновленіе старыхъ и сочиненіе совершенно новыхъ сердечныхъ склонностей.

Неизвѣстно, впрочемъ, не примирился ли бы князь Бандуровъ съ своею жизнью и не сдѣлался ли бы навсегда сельскимъ жителемъ, если бы въ ту самую пору, какъ онъ поселился въ деревнѣ, принялся за хозяйство и не безъ тоски вспоминалъ объ оставленной военной службѣ, — не стала въ ихъ имѣніи на зимнія квартиры рота Добраго. Князь былъ очень радъ новому знакомству и поторопился заплатить Добраго визитъ, предварительно, разумѣется, вдоволь посмѣявшись надъ добродушнымъ штабсъ-капитаномъ и разсказавъ матери о прежнихъ милыхъ и веселыхъ товарищахъ — кавале-

ристахъ. Князь поспѣшилъ свести знакомство и съ прочими ротными офицерами, разумѣется, все ради скуки, какъ говорилъ онъ и матери и самому себѣ — съ сознаніемъ собственнаго достоинства отставного кавалериста. Пѣхотные офицеры, которые всегда смотрятъ съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ на кавалеристовъ, были ради принять въ свой кругъ князя Бандурова и втайнѣ нѣсколько тщеславились знакомствомъ лихаго гусара, хотя и отставнаго, который явился съ разсказами о своей удалой, шумной, отчаянной жизни, отставленной только ради просьбы старухи матери, которая не можетъ жить безъ него и уговорила сына посвятить ей хоть нѣсколько лѣтъ. Пѣхотницы тоже не хотѣли уронить себя передъ глазами кавалериста ни въ какомъ отношеніи — и случайное знакомство очень скоро превратилось въ такую пріязнь, что князь почти не разставался съ ними, и однажды, находясь въ особенно веселомъ и оживленномъ состояніи духа, признался, что прежде думалъ совершенно неосновательно о пѣхотѣ, теперь же до такой степени измѣнилъ свой образъ мыслей, что, право, не прочь бы поступить въ тотъ полкъ, въ которомъ нашелъ такихъ милыхъ пріятелей. Эти слова князь сопровождалъ даже нѣжными поцѣлуями.

— А что, въ-самомъ-дѣлѣ, подхватили офицеры, отчего бы тебѣ и не поступить къ намъ, князь? Мы ужъ давно объ этомъ думаемъ: ты бы у насъ былъ славнымъ офицеромъ ... Ты, князь, объ насъ такъ не думай ... Ты думаешь, мы не умѣемъ понимать человѣка ... Нѣтъ, братъ, умѣемъ ... ты объ насъ такъ не думай ... Право, князь, душка, поступай ... вотъ въ нашу роту къ Добраго ... Добраго, вѣдь, ты желаешь, чтобы князь поступилъ къ намъ?

— Я очень желаю! ... отозвался Добраго, который полюбилъ князя за его неисчерпаемую веселость, подвижность, болтливость, воспріимчивость, однимъ словомъ за всѣ тѣ качества, которыхъ не находилъ въ самомъ себѣ. — Гм ... поступайте князь ... Вы у насъ скоро будете офицеромъ ...

— Слышишь, князь? милый, поступай ... Мы, знаешь, что тебѣ скажемъ: ты у насъ будешь первое украшеніе, первый офицеръ, ... съ твоимъ состояніемъ и образованіемъ, знаешь какого форсу задашь...

— Извольте, господа, иду ... Клянусь честнымъ словомъ кавалериста, иду ...

— Къ чорту кавалериста ... зачѣмъ? ты нашъ! давай просто слово пѣхотинца ... О, пѣхотинецъ ... грудью! такъ ли? Ну такъ нашъ?

— Вашъ!

— Господа, виватъ! князь, вѣдь, ты, душка, умница! Дай мы тебя поцѣлуемъ ...

На другой же день князь объявилъ матери свое намѣреніе, поступить снова на службу.

— Я былъ прежде въ заблужденіи, maman, говорилъ онъ, предпочитая кавалерію пѣхотѣ. Я теперь убѣдился, что служба вездѣ одна и та же ... Я знаю, по-крайней-мѣрѣ, что въ пѣхотномъ полку я буду играть первую роль своимъ образованіемъ и состояніемъ ... Да, признаюсь вамъ, мнѣ и общество пѣхотныхъ офицеровъ больше нравится, нежели кавалеристовъ: тутъ больше дружбы, товарищества ... Они какъ-то лучше умѣютъ понять человѣка ... Вы посмотрѣли бы, какъ они всѣ полюбили меня ... Я непремѣнно поступаю, maman ...

— Какъ хочешь, мой другъ ... Хотя, признаюсь тебѣ, я и не думала, чтобы ты съ своимъ происхожденіемъ и образованіемъ, могъ служить въ

пѣхотѣ, но если ты самъ находишъ, что это ничего ... Какимъ же ты чиномъ поступишь? . .

— Да, конечно, сначала пока юнкеромъ ...

— Какъ, юнкеромъ? ...

— Такъ, неужели же, maman, прямо генераломъ ... Вѣдь, прямо генераломъ нельзя же быть ...

— Не генераломъ, мой ангелъ ... Но какъ же ты былъ гусаромъ и потомъ вдругъ въ пѣхоту юнкеромъ ... Эту толстую шинель, съ ружьемъ, ... въ походахъ идти пѣшкомъ ... да ты не вынесешь, Вольдемаръ ... На ряду съ солдатами ... да ты умрешь отъ одного стыда ...

— Ахъ, maman, вы не такъ разсуждаете ... Вы думаете, что я долго пробуду юнкеромъ? ... Смотрите, что весной же я буду офицеромъ ... А теперь я поступлю въ роту Добраго, онъ мой пріятель и ничѣмъ не обременитъ меня ... Онъ такой добрякъ и тожо ужасно полюбилъ меня.

— Добраго дѣйствительно добрый человѣкъ и простой такой ... Но какъ же, Вольдемаръ, ты будешь юнкеромъ пѣхотнымъ! ... Мнѣ, право, даже стыдно подумать ... Что скажутъ всѣ наши сосѣди? изъ гусаръ и вдругъ въ юнкера! ... Мнѣ стыдно будетъ имъ въ глаза посмотрѣть, когда они станутъ спрашивать о тебѣ ...

— Э, полноте, maman, стоитъ обращать на нихъ вниманіе. Вы думаете: не служатъ въ пѣхотѣ вдвое по-богаче насъ ... Вы сами знаете, что мы не имѣемъ такого состоянія, чтобъ я могъ себя прилично поддерживать въ кавалеріи ...

Противъ такого возраженія княгинѣ нечего было говорить: она не знала, что при благоразумномъ употребленіи денегъ, которыя она давала сыну, онъ могъ бы прекрасно существовать въ самомъ доро-

гомъ кавалерійскомъ полку; напротивъ, въ-тайнѣ она была убѣждена, что состояніе ея дѣйствительно очень мало и недостаточно для поддержанія сына въ кавалерійской службѣ, особенно когда вспоминала разсказы своего покойнаго супруга, который тоже былъ гусаромъ и прожилъ почти все свое состояніе въ очень короткое время: конечно, она не слыхала отъ мужа откровеннаго признанія, что онъ имѣлъ необузданную страсть къ карточной игрѣ, шампанскому и вообще къ мотовству, и сорилъ деньгами безъ нужды ... Княгиня должна была согласиться на желаніе сына. Впрочемъ, когда онъ поступилъ юнкеромъ въ роту Добраго, она съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ говорила ротмистру (такъ стала она называть капитана съ этого времени), что князь поступилъ въ пѣхоту почти противъ ея желанія, что, вѣроятно, господа офицеры понимаютъ: какую честь дѣлаетъ имъ князь поступленіемъ въ ихъ полкъ и что она увѣрена — ротмистръ не окажетъ ему въ своемъ вниманіи и снисхожденіи столько, сколько онъ заслуживаетъ по своему происхожденію и образованію. Новопожалованный ротмистръ, чувствуя, что и онъ самъ отчасти вмноватъ въ наступленіи въ полкъ князя Бандурова, и искренно полюбя его, обѣщалъ все возможное вниманіе и снисхожденіе.

Но когда пришло время выступать ротѣ Добраго изъ своихъ зимнихъ квартиръ, а князь Бандуровъ все еще былъ юнкеромъ, княгиня уже безъ всякаго высокомѣрія, по со слезами на глазахъ, голосомъ полнымъ самой нѣжной родительской любви, умоляла штабсъ-капитана не оставлять ея Вольдемара. Добраго, не имѣющій ни отца, ни матери, никого изъ близкихъ родныхъ, былъ разтроганъ просьбою старушки до слезъ и хотя отвѣчалъ кня-

гинѣ въ самыхъ несвязныхъ и почти безтолковыхъ выраженіяхъ, но въ глубинѣ души, можетъ-быть, поклялся любить князя, какъ брата, быть ему вторымъ отцомъ, какъ просила плачущая мать. И на самомъ дѣлѣ онъ былъ для князя Вандурова и другомъ, и братомъ, и отцемъ, и даже больше; онъ былъ самой вѣрной, самой нѣжной нянькой. Обыкновенно строгій и взыскательный въ служебныхъ отношеніяхъ, онъ баловалъ юнкера, смотрѣль сквозь пальцы на его лѣность, неисправность и отступленія передъ дисциплиною, между-тѣмъ рекомендовалъ его съ самой отличной стороны при всякомъ удобномъ случаѣ — и ему одному былъ обязанъ Бандуровъ скорымъ полученіемъ перваго офицерскаго чина.

Князь Бандуровъ любилъ Добраго, какъ ребенокъ любитъ свою няньку, не цѣня ея заботливости, и услугъ, требуя ихъ какъ должнаго, платя за нихъ чаще всего капризами, насмѣшками и забывая ее, какъ только выходитъ изъ ея присмотра. Бандуровъ, получивши вожделѣнный чинъ прапорщика, а вскорѣ за тѣмъ мѣсто полковаго адъютанта и, слѣдовательно, выйдя изъ подъ начальства Добраго, очень скоро позабылъ бы его, если бъ онъ не напоминалъ ему о себѣ все прежнимъ вниманіемъ, любовью и, уже вмѣсто прежней снисходительности, постоянною готовностью на услуги. Мало-по-малу все вліяніе, которое имѣлъ Добраго на князя, уничтожилось, и изъ прежняго начальника онъ сдѣлался почти рабомъ его или, по-крайней-мѣрѣ, тѣмъ несчастнымъ пріятелемъ, который очень дорожитъ маленькимъ мѣстомъ въ сердцѣ своего друга и каждую минуту боится потерять его, готовъ жертвовать для него всѣмъ, не получая ничего, заботится о его дѣлахъ, позабывая свои, любитъ сколько можетъ,

часто надоѣдая своей любовью, не замѣчаетъ грубой неблагодарности и какъ милость принимаетъ мимоходомъ брошенное ласковое слово ... Но Добраго все по-прежнему любилъ вѣтренаго, хотя и добродушнаго князя Бандурова.

VIII.

Когда уѣхали гости изъ усадьбы Родовое и Наденька, проводя ихъ, остались съ какимъ-то безотчетно грустнымъ чувствомъ въ душѣ, усѣлась въ самый темный уголъ комнаты и погрузилась въ раздумье, вниманіе ея вдругъ было сильно возбуждено словами отца:

— Правду ли я говорилъ, сестра, что этотъ мальчишка чрезвычайно много думаетъ о себѣ и страшно дерзокъ? ... Какъ осмѣлиться сказать мнѣ эту фразу, когда его приглашали участвовать въ пулькѣ ...

— Да; признаюсь, я сама была удивлена этой фразой! подтвердила Клеопатра Петровна. Надина, ты не знаешь, что сказалъ Крушинскій, когда папа приглашалъ его играть въ карты съ нимъ и со мною? ...

— Нѣтъ, ma tante! отвѣчала Наденька и довольна была, что сидѣла въ тѣни, скрывшей краску, вдругъ выступившую на лицѣ ея.

— Вообрази: онъ сказалъ ... Да что ты тамъ сидишь въ потемкахъ? ... поди сюда поближе ... Ты какъ будто скучна или недовольна чѣмъ-то? ... Поди-ка ко мнѣ ...

— Нѣтъ, ma tante, ничего! ... отвѣчала Наденька, приподымаясь съ креселъ, на которыхъ сидѣла и быстро наклонившись, чтобы поднять пла-

токъ, а на самомъ дѣлѣ съ цѣлью скрыть усиленный румянецъ, снова покрывшій ея щеки.

Послѣ этого маневра, она подошла къ теткѣ и смѣло встрѣтивъ испытующій взглядъ ея, сѣла возлѣ отца.

— Вообрази, онъ отвѣтилъ, продолжала тетка, что не играетъ въ карты, потому-что не находитъ удовольствія пересыпать свои деньги въ чужой кошелекъ ... Какъ тебѣ это кажется? ... Какъ будто мы имѣли желаніе или намѣреніе обыграть его... ха, ха, ха!

И Клеопатра Петровна засмѣялась притворнымъ смѣхомъ, не спуская глазъ съ племянницы.

— А? какова выходка! Признаюсь, я не ожидала ея отъ этого молодого человѣка, который сначала показался мнѣ умнымъ и образованнымъ ...

— Онъ, можетъ быть, просто пошутилъ ...

— О, нѣтъ! ты бы слышала тотъ злой тонъ, съ которымъ были сказаны эти слова ...

— Ахъ, не судите объ немъ очень строго, сестрица, отозвалась Катерина Михайловна: онъ, вѣдь, такой больной, и пріѣхалъ что-то такой скучный ... Можетъ быть, ему было просто ни до чего: я знаю это сама по себѣ, иногда ни чему не рада ...

— Въ такомъ случаѣ не надо было и ѣздить въ гости, если чувствовалъ себя нездоровымъ ... Да, это правда: онъ сначала точно былъ что-то очень мраченъ и даже не удостоивалъ порядочно отвѣчать на мои вопросы; но послѣ вы видѣли, какъ онъ сдѣлался веселъ и разговорчивъ съ Наденькой: слѣдовательно онъ могъ же быть любезнымъ ...

— Ну, можетъ-быть, полегче сдѣлалось: можетъ-быть, у него также нервы ... Я знаю по себѣ эти нервы: вдругъ схватитъ, а потомъ успокоятся — и ничего ...

— Да, развѣ только разстройство нервовъ и можетъ объяснить его странное поведеніе! съ насмѣшливой улыбкой возразила Клеопатра Петровна.

— А, по моему, такъ просто дерзость, самоувѣренность и неумѣнье держать себя въ порядочномъ обществѣ! съ сердцемъ сказалъ Ѳедоръ Иванычъ. Онъ долженъ бы цѣнить за особенное счастье, что попалъ къ намъ въ домъ, а не позволять себѣ такихъ выходокъ въ благодарность за гостепріимство . . . Мальчишка! . . . семинаристъ! . . .

— Ну, прости ему, Теодорушка, хоть ради того, что онъ спасъ тебѣ жизнь . . . онъ, право, кажется больной такой . . . А вотъ, что я хотѣла замѣтить тебѣ, Надя, — ты слишкомъ много говорила съ нимъ и совсѣмъ не занималась княземъ . . . Это не хорошо!

— Что же, мамаша, если мнѣ было весело говорить съ нимъ: онъ такой умный . . .

— А, развѣ, князь глупъ? онъ тоже очень уменъ! . . .

— Онъ мнѣ страшно надоѣлъ: по-моему, онъ очень не уменъ . . .

— Вотъ, видишь, Наденька, отозвался отецъ серьезнымъ тономъ, какъ мало еще тебя выучили въ пансіонѣ и какъ многому тебѣ нужно еще учиться: если ты хозяйка въ домѣ, то должна быть равно любезна со всѣми гостями, никому не отдавая преимущества, должна всѣхъ равно занимать, чтобы не хозяйкѣ, а гостямъ не было скучно . . .

— Я полагала, папаша, что маменька хозяйка въ домѣ . . .

— Ты хочешь со мной спорить, а не слушать меня: это еще хуже . . . Что же ты у насъ, гостья? . . . Дѣвица въ обществѣ молодыхъ людей должна быть

тѣмъ болѣе осторожна и никому изъ нихъ не показывать предпочтенія и не вѣшаться на шею . . . Что ты — въ женихи что-ли прочишь себѣ Крушинскаго?

Тонъ Ѳедора Иваныча былъ очень сухъ и не ласковъ. Онъ не любилъ возраженій, раздражался ими болѣе всего тогда, когда говорилъ не для того, чтобъ ихъ встрѣтить, а въ раздраженномъ состояніи Коркинъ не стѣснялся выраженіями. Наденька была немного избалована общей любовью и не привыкла къ такому рѣзкому тону: при послѣднихъ словахъ отца, она взглянула на него умоляющимъ взглядомъ, потому-что любила его, и потомъ уныло опустила головку, но въ душѣ не согласилась съ отцомъ. Впрочемъ, ей было очень грустно и слезы готовы были брызнуть изъ глазъ.

— Ужъ ты, кузенъ, очень напалъ на Надину! замѣтила Клеопатра Петровна, протягивая руку къ племянницѣ. Нельзя такъ строго судить неопытность молоденькой дѣвушки.

— Ѳедоръ Иванычъ ужъ всегда такъ накинется, точно и Богъ знаетъ что̀ сдѣлали . . . Что-жъ такое, если Надѣ и въ самомъ-дѣлѣ было весело говорить съ Аркадьемъ Николаичемъ! сказала съ своей стороны сердобольная Катерина Михайловна, очень желавшая привлечь къ своей особѣ исключительную любовь дочери. Она подошла къ ней, обвила ея шею рукою и поцѣловала въ голову. Наденька, впрочемъ, не растаяла отъ этой ласки и отвѣчала на нее только сухимъ поцѣлуемъ обвившей ея шею руки.

— Ничего! это послужитъ ей урокомъ на будущее время! говорилъ между-тѣмъ Ѳедоръ Иванычъ болѣе мягкимъ тономъ; но онъ очень мало зналъ

натуру своей дочери, если надѣялся, что этотъ урокъ принесетъ тотъ результатъ, какого онъ желалъ. И онъ очень повредилъ своему уроку, прибавивъ къ нему слѣдующія слова:

— Признаюсь, сколько я ни обязанъ этому молодому человѣку за то, что онъ помогъ мнѣ въ болѣзни, но мнѣ онъ очень не нравится и излишнею гордостью, и самонадѣянностью и неуваженіемъ къ людямъ, и непониманіемъ того положенія, которое долженъ занимать въ обществѣ по своему происхожденію. Онъ выскочка, не успѣлъ еще сдѣлать ничего такого, чѣмъ бы могъ заставить позабыть, что онъ сынъ дьячка, и считаетъ себя за великаго человѣка . . .

Ѳедоръ Иванычъ былъ безспорно уменъ и говорилъ очень умно и убѣдительно: но Наденькѣ казалось, что Крушинскаго оскорбляютъ, что къ нему и неблагодарны и несправедливы, она готова была спорить съ отцомъ, если бы не боялась снова раздражить его. Ей было жалко Крушинскаго, она чувствовала, что понимаетъ его совершенно иначе и гораздо справедливѣе, онъ становился дорогъ ея сердцу, мысль ея не отрывалась отъ него . . .

Наденька воспользовалась первою удобною минутою, чтобъ уйти въ свою комнату и предаться тамъ, на свободѣ, тѣмъ мыслямъ, которыя овладѣли ея горячей головкой . . . Но это были скорѣе безсвязныя чувства и желанія, нежели серьезныя мысли. Она жалѣла Крушинскаго, она вспоминала, какъ онъ былъ милъ, простъ, уменъ, а въ немъ видятъ и гордость, и самонадѣянность, и претензіи; ей хотѣлось бы еще посмотрѣть на него, послушать его, хотѣлось чтобъ въ настоящую минуту онъ былъ возлѣ нея и тогда бы она много сказала ему, о многомъ

спросила; онъ, должно-быть, очень несчастенъ, его никто не понимаетъ, его всѣ обижаютъ незаслуженнымъ презрѣніемъ, она утѣшила бы его, сказала бы ему, что она его понимаетъ, что онъ заслуживаетъ не презрѣнія, а любви, что если его никто не любитъ, она . . . любитъ его . . . Сказала-ли бы она это послѣднее слово? . . . Отчего же нѣтъ? развѣ нельзя любить того, кто стòитъ любви? . . . Нѣтъ, она не сказала бы этого, у ней не станетъ духу, не станетъ смѣлости . . . Нѣтъ, нѣтъ, она никогда не рѣшится сказать ему этого . . . Напротивъ, ей должно быть холодной съ нимъ, показывать равнодушіе: этого требуютъ приличія, по-крайней-мѣрѣ, она должна быть съ нимъ столько же любезна, какъ съ княземъ Бандуровымъ . . . а она ненавидитъ послѣдняго послѣ того, какъ его осмѣлились сравнить съ Крушинскимъ . . . Онъ и Бандуровъ — вотъ сравненіе . . . А она все-таки не покажетъ ему, что жалѣетъ и . . . любитъ его.

Этотъ потокъ разнообразныхъ ощущеній былъ вдругъ прерванъ появленіемъ Глафиры. Съ самой ласковой, нѣжной улыбкой подошла она къ Наденькѣ и поцѣловала ея руку.

— О чемъ задумались, кралечка моя, красавицы вы мои? спросила она.

— Такъ, няня, ни о чемъ!

— Писаная вы моя кралечка, красавица вы моя, не насмотрюсь-то я на васъ. Давича и гости-то были, такъ все въ щелочку смотрѣла: вѣдь, просто, вы королева у меня.

Ну, полно, нянька, ты все хвалишь меня.

— Да какъ не хвалить-то васъ, майской мой цвѣточекъ! Вѣдь, давича смотрю не насмотрюсь: заиграетъ-ли, запоетъ-ли моя радость-барышня, такъ

бы все и слушала, такъ бы все и смотрѣла. Посмотрю, посмотрю, послушаю, послушаю, да пойду хвастать дѣвкамъ: что какову барышню вамъ выводила. И сладко-то мнѣ, и слезы-то у меня на глазахъ, и дѣвки-то надо мной смѣются! . . .

— Послушай, няня, неужели ты не лжешь, неужели ты меня такъ много любишь?

— Ахъ, ангелъ вы мой, такъ неужели вы думаете не люблю?

— Да тебѣ не за что любить меня?

— Вотъ, какъ вы объ насъ разсуждаете! оскорбленнымъ голосомъ проговорила Глафира, и слезы выступили на ея глазахъ, которые она и поспѣшила тотчасъ же отерѣть. Такъ неужели вы думаете, я того не чувствую, что я за вами водилась цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ? Вѣдь, я васъ отъ кормилицы прямо приняла, ангелъ вы мой. Вѣдь, на моихъ глазахъ вы выросли-то. Хороша-ли, плоха-ли нянька, а кто выводилъ-то? Все мои же глаза . . . Можетъ-быть, иную ночь бывало разъ десять проснешься, да посмотришь — почиваетъ-ли моя барышня, да какъ почиваетъ; а другую и совсѣмъ гзазъ не сомкнешь, какъ дѣтская какая хворость бывало, али и просто такъ не започивается. Такъ чьи глаза-то смотрѣли, чья душа-то ныла? Такъ какъ же мнѣ васъ не любить, ангелъ вы мой? Кажется, будь родная дочь, такъ и той не жалѣла бы такъ . . .

Глафира опять утерла глаза.

Наденька слушала ее съ улыбкою.

— А помнишь-ли, нянька, какъ ты муштровала меня?

— Ахъ, счастье мое! когда расплачетесь-то бывало, продолжала нянька уже веселымъ тономъ и съ улыбкой: востры очень были-то, такъ, вѣдь, и

прикрикнешь и за ушко щипнешь, вѣдь, нельзя и безъ этого . . . За то, вотъ у меня какая выросла красавица писаная . . . много ли этакихъ-то? . . . Кажется, теперь ничего отъ Бога не прошу, какъ бы только если привелъ Господь увидѣть жениха хорошаго, да богатаго, да чиновнаго, въ крестахъ бы, въ звѣздахъ бы, моей красавицѣ — вотъ ужъ закрыла бы глаза, пошла бы покойна въ сырую землю.

— Такъ тебѣ непремѣнно хочется, нянька, чтобы женихъ у меня былъ и въ крестахъ и въ звѣздахъ? — со смѣхомъ спросила Наденька.

— А то какъ же?

— А если старикъ будетъ — съ крестами-то и со звѣздами?

— Ну, а старика намъ не надо! У насъ, чтобы былъ и молодъ и красивъ — вотъ намъ нужно какого. Да чтобы генералъ, али князь былъ, чтобы княгиня была моя красавица.

— Каковъ и князь, нянька! . . . Вотъ если этакой, какъ Бандуровъ?

— Это какой такой Бандуровъ? невинно спросила нянька, дѣлая видъ какъ будто она не понимаетъ о комъ идетъ рѣчь.

— А вотъ, что былъ сегодня! простодушно отвѣчала Наденька.

— А что же, барышня? вѣдь, хорошъ, ужъ какъ хорошъ, вѣдь, красавецъ.

— Красавецъ, да дуракъ!

— Ужъ и дуракъ! Чтой-то, ангелъ вы мой, неужто этакой красавецъ — дуракъ. Ужъ неужто умнѣе его этотъ другой-отъ, что былъ. . . Ну, какъ его . . . лекарь-то?

— Разумѣется, во сто, въ тысячу разъ умнѣе! . . . Нашла съ кѣмъ сравнить!

— Вотъ видите, красавица вы моя... Дѣло-то наше глупое; а я, дура, смотрю давича да любуюсь: вижу красивъ, статенъ, держитъ себя мило-дорого, говоритъ бойкимъ манеромъ, вотъ думаю: не женишка ли Богъ даетъ моей красавицѣ...

Съ послѣдними словами нянька засмѣялась добродушнымъ смѣхомъ.

— Спасибо! хорошаго нашла, нечего сказать!

— А, можетъ-быть, вы, моя кралечка, и не всмотрѣлись въ него, а всмотритесь, такъ и понравится... И будетъ княгиней моя красавица...

— Ну, полно, няня. Ты такъ всякаго, кто ни пріѣдетъ къ намъ, будешь въ женихи мнѣ прочить.

— Ахъ, батюшки мои, какъ бы не всякаго? Вотъ не бось, не присватаю лекаря-то, даромъ, что и уменъ и изъ себя не дуренъ: знаю, что не подъ пару моей писаной, кралечкѣ ненаглядной!

При послѣднихъ словахъ Глафира впилась глазами въ Наденьку, но и виду не показала, что замѣтила, какъ лицо ея вдругъ вспыхнуло и брови сердито нахмурились.

— Ну, отстань, нянька, ты все врешь! Съ чего тебѣ вздумалось говорить о женихахъ? Я и не думаю о нихъ!

— И не думайте, ангелъ мой, и не думайте? Что намъ думать-то! Э-эхъ! еще поживемъ на свободкѣ, да въ радости... Намъ нечего искать, насъ сами найдутъ! Красавицы вы мои, ангелъ вы мой!

И нянька осыпала Наденьку безчисленнымъ множествомъ самыхъ ласковыхъ, самыхъ простодушныхъ и искреннихъ привѣтствій.

— Ну, поди, няня! Мнѣ хочется одной посидѣть!

— Ну, сидите, моя красавица, сидите, мой ангелъ! Господь съ вами!

И поцѣловавши барышню въ головку, въ плечико и въ ручку, нянька удалилась, довольная сдѣланнымъ ею открытіемъ, которое совершенно подтверждало ея соображенія, почерпнутыя изъ наблюденій въ щелочку за своей кралечкой и уѣхавшими гостями.

Наденька между тѣмъ и не подозрѣвала, что нянька проникла въ ея душу и сердце до самыхъ глубокихъ тайниковъ, въ которые сама Наденька не рѣшалась погрузиться и сама хорошенько не знала, что въ нихъ находится. Оставшись одна, она снова предалась своимъ несвязнымъ думамъ и неяснымъ желаніямъ. Среди своихъ мечтаній, она и не замѣтила, какъ пришло время вечерняго чаю.

Ѳедоръ Иванычъ очень любилъ свою дочь и, замѣтивши на лицѣ ея облако грусти, внутренно упрекалъ себя за излишнюю строгость, которая, по его убѣжденію, одна только и могла отуманить всегда веселое и счастливое личико Наденьки. Онъ рѣшился поправить свою ошибку лаской.

— Ну, что задумалась и повѣсила носикъ! ласково сказалъ онъ ей. Поди-ка, поцѣлуй меня: я стараго никогда не помню!

Наденька дѣйствительно повеселѣла послѣ этихъ словъ.

— О, я заставлю папа перемѣнить свое мнѣніе о немъ: папа любитъ меня, полюбить и его! думала Наденька, нѣжно цѣлуя отца.

— Изъ нея можно все сдѣлать: она мягка, какъ воскъ! думалъ съ своей стороны родитель, лаская Наденьку.

IX.

Семейство судьи играло главную роль въ уѣздномъ городкѣ, гдѣ стоялъ полкъ Доброго и Бандурова. Виновникомъ этого выгоднаго общественнаго положенія былъ, впрочемъ, не глава семейства. Самъ судья, Андрей Марковичъ Хрящевъ, былъ чѣловѣкъ простой, смирный, безпритязательный, любившій страстно свое семейство и предпочитавшій всему на свѣтѣ спокойную жизнь, сытный обѣдъ и ломберный столъ съ принадлежностями. Его любили въ городѣ и уѣздѣ, не разъ уже выбирали въ судьи, но никто бы не уступилъ ему перваго мѣста въ обществѣ, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ никогда его не добивался. Не такова была его супруга, Татьяна Ивановна. До крайности тщеславная, самолюбивая, съ бойкою, неугомонною рѣчью, черезчуръ смѣлыми и рѣшительными, а слѣдовательно и очень угловатыми манерами, съ огромными претензіями на великосвѣтскость, о которой она, по-правдѣ сказать, не имѣла ни малѣйшаго опредѣленнаго понятія, Татьяна Ивановна всегда и вездѣ, разумѣется, въ своей уѣздной сферѣ, завоевывала себѣ первое мѣсто. Никого прежде себя не допускала она подойдти въ церкви ко кресту, никто позже ея не пріѣзжалъ на вечера, никому не дѣлала она первая визита въ праздникъ, ни одна изъ дамъ не рѣшалась въ ея присутствіи занять первое мѣсто за званымъ обѣдомъ, и проч. и проч. Если же кто по неосторожности, или еще хуже, умышленно захотѣлъ бы опередить Татьяну Ивановну въ этихъ тріумфахъ ея самолюбія — тотъ становился ея заклятымъ врагомъ. А плохо быть врагомъ Татьяны Ивановны! Если вы человѣкъ не-

значительный, не имѣете вѣскаго и твердаго положенія въ обществѣ, она задавитъ васъ своимъ презрѣніемъ, не станетъ говорить съ вами, отвернется, когда вы будете ей кланяться, не позволитъ обращать на васъ вниманія ни Андрею Марковичу, ни своимъ дочерямъ, откажетъ вамъ отъ дому, а слѣдовательно и въ другихъ домахъ будутъ смотрѣть на васъ холодно и недовѣрчиво, — подружится съ вашими врагами и станетъ во главѣ грознаго противъ васъ ополченія. Если вы человѣкъ сильный и крѣпкій въ общественномъ уваженіи, Татьяна Ивановна не будетъ ссориться съ вами явно и поспѣшно, но поведетъ подъ васъ такой тайный, подземный подкопъ изъ сплетенъ, небылицъ и лжи всякаго рода, что непремѣнно взорветъ вашу крѣпость и потомъ передъ лицомъ цѣлаго свѣта собственными своими ногами затопчетъ въ грязь осколки вашего величія и сравняетъ васъ съ лицомъ земли. Заповѣдная мысль Татьяны Ивановны сдѣлать когда-нибудь своего Андрея Марковича уѣзднымъ предводителемъ дворянства, — мысль неотвязчивая, не дающая покою Татьянѣ Ивановнѣ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ она вышла замужъ и мужъ ея въ первый разъ отправился на выборы, мысль до того чувствительная, что всѣ уѣздныя предводительши дворянства — предметъ постоянной зависти и скрытной ненависти Татьяны Ивановны. И кто бы ни была эта предводительша, Татьяна Ивановна ни за что не поѣдетъ къ ней съ первымъ визитомъ! О, ни за что! Она приметъ предводительшу, она обласкаетъ ее, не покажетъ и виду, что у нея лежитъ на сердцѣ, хотя до послѣдней нитки разсмотритъ и послѣ раскритикуетъ весь ея костюмъ: но унижаться не позволитъ себѣ ни-

когда, никогда! ... ни передъ кѣмъ на свѣтѣ, ни передъ кѣмъ! ...

У Татьяны Ивановны три дочери. Старшая изъ нихъ, Катенька, уже невѣста. Это — дѣвица здоровая, полная, румяная, съ неистощимою страстью къ танцамъ, съ пылкимъ желаніемъ выйти поскорѣе замужъ за выгоднаго жениха, а до того времени влюбляться въ каждаго хорошенькаго мужчину, вздыхать о немъ, мечтать, страдать; съ отвращеніемъ отъ книгъ и всякаго рода серьезныхъ занятій, за исключеніемъ необходимаго вышиванія по канвѣ разныхъ мохнатыхъ собачекъ, розовыхъ пастушковъ, страшно-усатыхъ всадниковъ, назначаемыхъ для подушекъ на диванъ въ гостиной, за-то съ томительной страстью къ стишкамъ неизвѣстныхъ, но чувствительныхъ сочинителей, съ алчнымъ и ненасытнымъ любопытствомъ до всего, касающагося знакомыхъ кавалеровъ и дѣвицъ; съ необыкновенно чистой нравственностью и сильнымъ поползновеніемъ къ разнымъ невиннымъ интрижкамъ. Татьяна Ивановна считала свою дочь совершенствомъ красоты тѣлесной и нравственной. Катенька считала себя тоже чѣмъ-то въ этомъ родѣ. И могло ли быть иначе: Катенька лицомъ была лучше всѣхъ въ городѣ, около нея безпрестанно увивались всѣ молодые люди уѣзда, всѣхъ ихъ она имѣла полное право считать влюбленными въ себя; она не сидѣла ни одного танца, когда танцы случались въ городкѣ, ея дружбы заискивали всѣ знакомыя дѣвицы; ее осыпали похвалами всѣ благоразумныя маменьки, дочери которыхъ были еще дѣти и которыя желали жить въ мирѣ съ Татьяной Ивановной.

Домъ судьи въ городкѣ N. считали открытымъ, т. е. въ него каждый вечеръ могли являться гости,

не опасаясь застать хозяевъ врасплохъ въ неприличномъ костюмѣ и съ негладко-причесанными волосами, — не найти въ прихожей лакея, занимающагося пріятной бесѣдой съ босоногою горничною, или при свѣтѣ сальнаго огарка починивающаго дыру на какой-либо принадлежности собственнаго своего туалета, снятой на время этой починки, ни замѣтить усиленную суматоху прислуги, зажигающей свѣчи, разставляющей ихъ по мѣстамъ и вообще приводящей въ надлежащій порядокъ все убранство комнатъ, какъ это часто случается въ другихъ неоткрытыхъ домахъ уѣзднаго городка. Нѣтъ, Татьяна Ивановна жила открыто. Въ сѣняхъ у нея всегда висѣлъ фонарь съ сальною свѣчею, полуосвѣщавшею мерцающимъ свѣтомъ своимъ одну половину лѣстницы. Въ прихожей сидѣлъ лакей, правда, обыкновенно дремлющій отъ бездѣйствія, но всегда проворно-вскакивающій при входѣ гостей и яростно стаскивающій съ нихъ шубы, которые потомъ служили ему мягкимъ ложемъ. Зала, по тремъ стѣнамъ которой въ стройномъ порядкѣ размѣщались стулья и столы, а у четвертой красовался недавно выписанный рояль — предметъ особенной гордости Татьяны Ивановны, — по вечерамъ освѣщалась двумя лампами, отъ которыхъ, хотя и воняло дурнымъ масломъ, но которыя, по мнѣнію Татьяны Ивановны, гораздо благороднѣе свѣчъ, даже стеариновыхъ. Гостиная была задрапирована по окнамъ и по дверямъ и украшена мебелью, мягкою по названью. Вечеромъ эта гостиная наполнялась, также какъ и зала, благоуханіемъ того же вонючаго масла, которое горѣло въ лампѣ, стоявшей на кругломъ столѣ передъ диваномъ и прикрывавшейся сначала стекляннымъ матовымъ, а въ послѣдствіи бумажнымъ

колпакомъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ такой колпакъ появился на лампѣ въ гостиной предводительши. Татьяна Ивановна и Катенька съ самаго утра были прилично одѣты и гладко причесаны, готовыя смѣло встрѣтить и друга и недруга. Маленькія дочери Татьяны Ивановны также никогда не покидали своихъ подвязанныхъ лентами косичекъ и бѣлыхъ коленкоровыхъ панталончиковъ, врасовавшихся изъ подъ ихъ платьицъ съ открытыми лифами и коротенькими рукавами и ниспадавшихъ на довольно грубые и неуклюжіе башмаки.

Обычные гости Татьяны Ивановны были большею частью мужчины, потому-что уѣздныя дамы и барышни не любятъ частыхъ и безцеремонныхъ выѣздовъ и ѣздятъ въ гости только по случаю обстоятельствъ особенной важности, каковы: давно не заплаченные визиты, именинные или просто званные обѣды и вечера, и торжественные праздники.

Число вечернихъ посѣтителей Татьяны Ивановны со вступленія полка въ городокъ N значительно увеличилось. Всѣ холостые офицеры, привлекаемые гостепріимствомъ хозяйки и миловидностью здоровенькой и полненькой Катеньки, являлись къ судьѣ почти каждый вечеръ къ полному удоволствію Татьяны Ивановны, которая въ этихъ посѣщеніяхъ видѣла не малую долю уваженія къ своей особѣ и сознанія, что она первая дама въ городѣ. Вечера въ домѣ Хрящева со времени появленія офицеровъ очень оживились: старые, наскучившіе знакомые были совсѣмъ позабыты и оставлены почти безъ вниманія, и мать и дочь были заняты одними военными, къ немалой досадѣ, зависти и ревности уѣздныхъ кавалеровъ. Нужно ли сказывать, что Катенька съ

перваго взгляда влюбилась въ князя Бандурова и что Татьяна Ивановна, замѣтя вниманіе, которое оказывалъ князь ея дочери, не безъ увѣренности и гордости мечтала о зятѣ — его сіятельствѣ. Счастливый поручикъ былъ самый дорогой гость Татьяны Ивановны: она, позабывши все свое чванство, просто ухаживала за нимъ, всѣми силами старалась о сближеніи дочери съ княземъ и не только смотрѣла сквозь пальцы, но даже покровительствовала волокитству влюбчиваго поручика, разумѣется, въ ожиданіи утѣшительныхъ отъ того результатовъ, и вѣря совершенно въ непорочность души и строгія правила своей Катеньки, развитыя въ ней ея личнымъ воспитаніемъ, надзоромъ и примѣромъ. Катенька, увидѣвши князя Бандурова, могла сказать себѣ дважды: это онъ! Это онъ, въ котораго она могла, должна была влюбиться всею силою дѣвственнаго сердца;— это онъ, который могъ и долженъ быть самымъ выгоднымъ для нея мужемъ. Князь, княгиня, красавецъ, богачъ... вертѣлось въ головѣ Катеньки и головка эта кружилась и сердце ускоренно билось и замирало, и все существо Катеньки млѣло, когда рука князя касалась ея руки, когда онъ, стоя за стуломъ Катеньки въ то время, какъ она играла на фортепіано и въ залѣ никого кромѣ ихъ не было, вдругъ наклонялся — низко, низко къ ея головкѣ и говорилъ ей на ушко слова любви и страсти. И Катенька не мѣшала этому прикосновенію руки князя и не отклоняла своей головки. Въ тѣ минуты она не помнила себя, она увлекалась клокочущей въ сердцѣ страстью, она забывала все на свѣтѣ. Да, Катенька было сильно, неистово влюблена въ князя! Она томилась, страдала отчего онъ такъ долго не дѣлаетъ предложенія и удивлялась — какъ не испе-

пелится отъ его прикосновенія ея бренное существо и какъ не похудѣетъ и не высохнетъ отъ такихъ сильныхъ потрясеній и тревогъ ея тѣло!... О, чего бы не отдала она, чѣмъ бы не пожертвовала, чтобы только заставить князя поскорѣе сдѣлать ея княгиней, женой такого богача, такого красавица!...

Бандуровъ и Добраго, входя въ гостиную Татьяны Ивановны, застали въ ней уже нѣсколько человѣкъ гостей.

— Ахъ, ваше сіятельство! воскликнула Татьяна Ивановна, увидя дорогого гостя.

— Ахъ, князь! вскрикнула Катенька.

— А ужъ мы думали, что не будемъ имѣть удовольствія видѣть васъ сегодня?... Садитесь, капитанъ, пожалуйста... Будьте какъ дома!

— Гм... ничего-съ! отвѣтилъ Добраго, усаживаясь въ темный уголъ гостиной.

— Да и я, признаюсь, ожидала и не ожидала васъ!... подтвердила Катенька, взирая на князя глазами, въ которыхъ выражался и упрекъ и радость свиданія.

— Отчего же вы думали, что я не пріѣду сегодня?

— Ваши товарищи сказали намъ, что вы дѣлали новое знакомство.

— Да, я ѣздилъ къ Коркинымъ... Но я, вѣдь, съ ними давно знакомъ...

— Но тамъ есть новыя лица, пріѣзжія!... замѣтила Катенька, кидая на Бандурова испытующіе взгляды.

— Да, пріѣхала дочь и кузина! отвѣчалъ Бандуровъ.

— Однакожъ, какъ Катенька нехороша, въ сравненіи съ Надиной! думалъ онъ въ то же время. Какъ она могла казаться мнѣ такой красавицей?...

— О, онъ любитъ меня! онъ не измѣнилъ мнѣ: не остался тамъ, но пріѣхалъ сюда, чтобы видѣть меня! думала Катенька и посылала князю взгляды одинъ другаго страстнѣе, одинъ другаго нѣжнѣе.

— Какіе у нея, однакожъ, непріятные, масленые глаза и какъ она ихъ таращитъ! мелькнуло въ головѣ Бандурова.

— Ну, что же, скажите, какъ вы нашли дочь Коркиныхъ? говорятъ, она довольно не дурна? осторожно спросила Татьяна Ивановна, которая безъ нужды никого не любила хвалить.

— Не дурна! Кто это вамъ сказалъ?... Она чудо, какъ хороша, очаровательно хороша! съ восторгомъ вскликнулъ вѣтреный поручикъ.

— Вотъ какъ! многозначичельно проговорила Татьяна Ивановна и взглянула на дочь. Катенька смотрѣла на князя такъ отчаянно, что онъ вѣрно бы сжалился надъ нею: но онъ въ это время закуривалъ папироску, что позволялось въ гостиной Татьяны Ивановны съ-тѣхъ-поръ, какъ она узнала, что и у предводительши это тоже позволяется.

— Такъ вотъ какъ, князь! продолжала Татьяна Ивановна. Но, если она похожа на мать и такъ же дурно сложена, какъ она, то это еще не чудо!

— О, нѣтъ это, это... тростникъ! Я не знаю какъ вамъ выразить... Талія — это... такая... это чудо, что такое!... Представьте себѣ — это что-то неземное...

Татьяна Ивановна засмѣялась какимъ-то дребезжащимъ смѣхомъ. Глаза Катеньки уже утратили жалобное выраженіе: они засверкали простой досадой.

— Очень бы интересно видѣть это неземное существо! заговорила Татьяна Ивановна. Я помню

ее ребенкомъ: она ничего не обѣщала. Вѣроятно, Катерина Михайловна познакомитъ съ нами свою дочь. Конечно, я давно знакома съ Коркиными, но ужъ никакъ не повезу къ нимъ дочь первая... Этого они никогда не дождутся отъ меня... Она очень важничаетъ своимъ состояніемъ и своимъ родствомъ петербургскимъ, но мужъ мой по дѣламъ знаетъ каково ихъ состояніе: оно очень сомнительно... А родство ихъ намъ неизвѣстно: Петербургъ очень далеко отъ насъ... Разсказывать можно все, что угодно... Впрочемъ, очень интересно бы посмотрѣть на эту... какъ вы ее называли, ваше сіятельство?... да, неземная!... Ха, ха, ха! ...

— Что же въ ней такого неземного? разскажите, пожалуйста? спросила Катенька и посмотрѣла на князя съ нѣжнымъ упрекомъ.

— Въ ней-съ? все! Эти глаза, эта талія ... этотъ бюстъ ... А какіе волосы! ... это чудо что такое! ...

Князю хотѣлось подразнить Катеньку; а та не знала что ей дѣлать: показывать ли негодованіе и презрѣніе — но какъ бы не разсердился князь; принять ли жалобную физіономію — но не значитъ ли это уронить свое собственное достоинство; вслѣдствіе всего этого она смотрѣла на князя совершенно глупыми глазами.

Татьяна Ивановна всегда оскорблялась и принимала за личную обиду, когда хвалили кого-нибудь въ ея присутствіи. Она чувствовала въ груди своей свирѣпое негодованіе на князя, но, чтобы скрыть его, вновь залилась притворнымъ дребезжащимъ смѣхомъ.

— Да, да, дѣйствительно! Признаюсь, я видалъ много красавицъ, продолжалъ воспламенившійся

князь, но такой ... нѣтъ, я не видалъ подобной! ... Это, дѣйствительно, неземное существо!

— Полноте, полноте, князь! воскликнула вышедшая изъ терпѣнья Татьяна Ивановна. Вы такъ хвалите эту Коркину, что даже не приличнослушать.

— Притомъ позвольте замѣтить, ваше сіятельство, вы хвалите только тѣлесныя прелести Коркиной, а неземное въ женщинѣ ея душа; а вы объ ней ни слова не говорите ... отозвался учитель уѣзднаго училища, худой, желтый, со впалыми щеками, носившій въ сердцѣ своемъ язву безнадежной любви къ Катенькѣ, безнадежной — потому что вполнѣ сознавалъ величіе Татьяны Ивановны и свое ничтожное передъ нею положеніе. Онъ радъ былъ въ настоящемъ случаѣ оказать услугу своимъ краснорѣчіемъ и порисоваться имъ. Но князь не смутился отъ его возраженія.

— Душа! душа! отвѣчалъ онъ. Что такое душа? ... Это что-то бездушное ... А Коркина — это чудное, очаровательное существо ...

— Какъ-съ? душа — что-то бездушное! съ нѣкоторою ироніею возразилъ учитель, который почувствовалъ въ себѣ необыкновенную смѣлость, замѣтивши, что Татьяна Ивановна была довольна его вмѣшательствомъ.

— Конечно, бездушное! запалчиво настаивалъ князь. Что же, развѣ вы скажете: можно душу видѣть или ощупать, наконецъ?

И довольный своимъ отвѣтомъ, Бандуровъ залился веселымъ насмѣшливымъ смѣхомъ, самоувѣренно смотря въ глаза учителю.

— Нѣтъ-съ, позвольте, я вамъ сейчасъ докажу, что вы ошибаетесь ... Если бы въ человѣкѣ не было души, тогда бы онъ былъ бездушный, слѣдо-

вательно только отъ присутствія души человѣкъ и можетъ назваться духовнымъ существомъ . . . Слѣдовательно, какъ же вы говорите, что душа что-то бездушное? . . . Бездушно только то, въ чемъ нѣтъ души; а душа-то и содержитъ въ себѣ . . . душу: какъ же она можетъ быть бездушной . . . При томъ эти два понятія: душа и бездушный взаимно другъ друга отрицаютъ, слѣдовательно никакъ не могутъ быть соединены . . .

— Ну, вы такъ непонятно говорите, какъ будто вычитали изъ книги! . . . насмѣшливо возразилъ Бандуровъ.

— Нѣтъ-съ, извините! Я не знаю отчего вамъ показалось это непонятно! Это очень понятно. Развѣ можно сказать бездушная душа? Не правда ли, Татьяна Ивановна? Не правда ли, Катерина Андреевна?

— Конечно! Я съ вами согласна! отвѣтила маменька.

Дочь ничего не отвѣтила, но тольло глубоко вздохнула.

— Да, впрочемъ, калъ вы тамъ хотите: можно или нельзя такъ сказать. . . Вы учитель и вамъ лучше это знать. . . Не объ томъ шла рѣчь.

— Какъ же, князь, не о томъ? Вы сами называли Коркину неземной . . . возразила Татьяна Ивановна.

— А между тѣмъ описывали только однѣ тѣлесныя прелести, которыхъ у неземного существа и быть не можетъ! подхватилъ учитель.

— Что же по вашему: женщина можетъ быть безъ тѣла изъ одной души? спросилъ Бандуровъ и захохоталъ.

— Нѣтъ-съ, никакъ не можетъ: я не говорилъ

этого, но для очаровательной женщины, какихъ не много на свѣтѣ, нужна гармонія души и тѣла! отвѣчалъ учитель и робко, но страстно взглянувъ на Катеньку.

— Гармонія! . . . ха, ха, ха! . . . Это что же еще такое? . . . со смѣхомъ спрашивалъ князь.

Онъ смѣялся, впрочемъ, не столько надъ словами, сколько надъ тѣмъ взглядомъ учителя, который былъ брошенъ имъ на Катеньку и былъ замѣченъ княземъ. Ему было и досадно, и смѣшно на учителя, и въ то же время Катенька показалась ему лучше, нежели за минуту назадъ и даже почти столько же хороша, какъ казалась прежде.

— Чему же вы смѣетесь, князь! возразилъ обидѣвшійся учитель. Гармонія душа и тѣла — выраженіе очень употребительное! . . .

— Можетъ быть, можетъ быть-съ! . . . ха, ха ха! . . . Однако, вѣроятно, вы не влюбились бы въ женщину, еслибъ въ ней была эта ваша гармонія . . . ха, ха, ха! . . . и не было красоты.

— Я въ женщинѣ предпочитаю всего больше красоту душевную, которая выше всего на свѣтѣ! возразилъ учитель, опять кидая на Катеньку робкій, но страстный взглядъ.

Князь захохоталъ громче прежняго.

— Желаю вамъ успѣха! сказалъ онъ, а между тѣмъ чувствовалъ, что интересовался Катенькою по-прежнему.

— Впрочемъ, прибавилъ онъ, мы завели разговоръ очень скучный для дамъ. Не правда ли, Татьяна Ивановна!

— Кажется, князь! Тѣмъ болѣе, что мы не знаемъ той особы, которою вы такъ восхищаетесь и которая, можетъ быть, вовсе не стоитъ похвалъ

такого человѣка, какъ вы. . . Я знаю очень хорошо ея мать: она пользуется не слишкомъ хорошею репутаціей и если дочь пойдетъ по слѣдамъ матери, чего и надо ожидать, то. . . Впрочемъ, мнѣ нѣтъ до нихъ никакого дѣла! . . .

Катенька, во время словъ матери, смотрѣла на Бандурова такими умоляющими глазами, какъ будто хотѣла сказать: не мучьте меня, не говорите о той. Я не знаю какъ понимать ваши слова. . . Неужели ты разлюбилъ меня, о, князь?

Потомъ она вдругъ встала и выразительно взглянувши на князя, пошла въ залу.

— Куда ты, Катя? спросила ее мать.

— Въ залу, маменька!

— Вѣрно, хочешь сыграть что-нибудь!

— Нѣтъ, такъ!

— Ахъ, сыграйте что-нибудь, Катерина Андреевна! подхватилъ Бандуровъ, слѣдуя за нею.

Татьяна Ивановна поспѣшила завести общій разговоръ съ оставшимися въ гостиной, чтобы дать молодымъ людямъ возможность объясниться на свободѣ.

— Сыграйте что-нибудь! продолжалъ князь, входя въ залу.

— Что вамъ въ моей игрѣ послѣ такой музыкантши, которую вы слышали! съ упрекомъ проговорила Катенька, усаживаясь въ самый отдаленный отъ гостиной и самый темный уголокъ.

— Вы на меня сердитесь? спросилъ Бандуровъ, усаживаясь, какъ можно ближе къ Катенькѣ.

— За что мнѣ на васъ сердиться? Развѣ я могу сердиться на васъ! . . .

— За то, что я хвалилъ эту Коркину.

— Можетъ быть, она заслуживаетъ такихъ похвалъ . . .

— Она гораздо хуже васъ.

Князь наклонилъ свою голову очень близко къ головѣ Катеньки.

— О, какъ я ненавижу ее! плаксивымъ голосомъ проговорила невинная дѣвушка.

— Отчего? спрашивалъ князь такъ тихо, что Катенька не могла бы даже и разслушать этого вопроса, если бы губы князя не касались самаго ушка ея.

Въ это мгновеніе влюбленный учитель показался въ дверяхъ залы. О, никогда еще Катенька не ненавидѣла его такъ сильно, какъ въ это мгновеніе! Бѣдный любовникъ!

— Отчего же вы не хотите сыграть что-нибудь? громко и спокойно спросилъ Бандуровъ, замѣтивъ учителя.

— Право, я что-то не въ духѣ.

— Но я васъ умоляю!

— Если вы такъ хотите . . . извольте! довольно сухо, повидимому, отвѣтила Катенька; но взоръ ея говорилъ Бандурову: о, какъ я люблю тебя, мой ненаглядный князь!

— Я тоже хотѣлъ просить васъ сыграть что-нибудь, Катерина Андреевна! робко проговорилъ учитель.

— Что-съ? сурово спросила Катенька.

— Да, вѣдь, вы очень любите гармонію! . . . со смѣхомъ замѣтилъ Бандуровъ.

— Алексѣй Алексѣичъ! послышался изъ гостиной голосъ Татьяны Ивановны, замѣтившей отсутствіе учителя и приготовившей ему какой-то вопросъ.

— Сейчасъ-съ! отозвался несчастный, мучимый злою ревностью и поплелся въ гостинную.

— Затворите, пожалуйста, двери! сказала вслѣдъ

ему Катенька. Моя игра будетъ мѣшать разговаривать въ гостиной.

Покорный любовникъ съ болью въ сердцѣ исполнилъ приказаніе возлюбленной.

— Противный! проговорила Катенька вполголоса.

— За что вы его не любите? съ улыбкою спросилъ Бандуровъ. Онъ такой несчастный и, кажется, страстно влюбленъ въ васъ.

— Вамъ не стыдно говорить это... Я могу любить только одного...

— Кого? спросилъ князь, наклоняясь къ Катенькѣ.

— Тебя! порывисто проговорила Катенька и заиграла какую-то польку. Князь жадно впился глазами въ ея благоухающую шейку.

— Я тоже люблю тебя пламенно, сильно! говорилъ онъ.

Въ эту минуту двери изъ прихожей отворились и появился Андрей Марковичъ.

— Ахъ, Андрей Марковичъ ... сказалъ князь, быстро направляясь къ хозяину дома.

— Ахъ, ваше сіятельство! ... А я было, тово ... ѣздилъ къ исправнику ... думалъ, не состряпается ли у насъ пулечка ... да, нѣтъ, тово ... уѣхалъ, говорятъ, въ округу... Я отъ него къ городничему ... тамъ ужъ ... тово ... сидятъ ... а на другую-то не хватило: посылали къ непремѣнному — уѣхалъ, говорятъ, съ исправникомъ истряпчій съ ними ... по экстренному ... тово ... всѣмъ временнымъ отдѣленіемъ велѣно... Такъ посидѣлъ, посидѣлъ у городничаго, посмотрѣлъ, да скучно ... тово ... показалось безъ дѣла ... и поѣхалъ домой...

— И прекрасно... А здѣсь къ вашимъ услугамъ Добраго, Алексѣй Алексѣичъ и еще много охотниковъ...

— Ну, вотъ и дѣло . . . тово. . . Мы сейчасъ и пристроимся. . . Эй Степка, разставляй. . . А вы что же? . . . Али у васъ . . . тово . . . своя игра. . . Ну, ну, играйте, молодые люди. . . Вы по косточкамъ, а мы . . . тово . . . по столамъ. . . Ха, ха, ха!

И довольный своей остротою, добрякъ Андрей Марковичъ отправился въ гостиную.

Князь Бандуровъ поспѣшилъ сѣсть около Катеньки.

— Что же вы не хотите сдѣлать меня счастливымъ? спросилъ онъ, возвращаясь къ прерванному разговору. Не хотите исполнить моей просьбы и доказать своей любви? . . .

— О, я люблю васъ, князь, Вольдемаръ. . . Клянусь, всѣмъ, я люблю тебя больше жизни. . . Я всѣмъ готова пожертвовать для тебя. . .

— И не хочешь исполнить моей первой просьбы. . .

— Но я не могу, клянусь тебѣ, не могу. . . Умоляю: не мучь меня, не проси, не терзай. . . Я не въ силахъ этого сдѣлать. . .

— Но отчего? Чего ты боишься? . . . вѣдь, никто не узнаетъ. . .

— Ты погубишь меня! . . . едва слышно пролепетала Катенька.

— Но я хочу только быть съ тобой наединѣ, чтобы высказать тебѣ мою палящую . . . мою страсть. . . Здѣсь нельзя говорить всего . . . безпрестанно мѣшаютъ. . .

— Пиши ко мнѣ . . . я буду отвѣчать. . .

— Но, что же я буду писать? . . . Я хочу видѣть тебя . . . разговаривать съ тобою. . . Ну, умоляю тебя, Cathérine, согласись. . .

— Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно. . . Я не могу. . .

— Значитъ ты не любишь меня? . . .

— О, Вольдемаръ. . . И ты это говоришь? . . . Скажи слово и я твоя на вѣки . . .

Князь разсердился.

— Нѣтъ, вы не любите меня . . . Я не вѣрю вашей любви . . .

И онъ приподнялся со стула, на которомъ сидѣлъ.

— Вольдемаръ! . . . почти вскрикнула Катенька.

Въ эту минуту изъ гостиной вышли Андрей Марковичъ, Алексѣй Алексѣичъ и еще двое партнеровъ предполагаемой пульки. Князь Бандуровъ также изъявилъ желаніе участвовать въ игрѣ. Катенька посмотрѣла на князя чуть не со слезами на глазахъ, потомъ медленно встала изъ-за фортепіано, посмотрѣла еще разъ на князя и видя, что онъ не обращаетъ на нее вниманія — вздохнула и пошла въ гостиную.

— Ну, вотъ и дѣло . . . тово . . . говорилъ между тѣмъ, Андрей Марковичъ въ отвѣтъ на предложеніе князя. Такъ мы этакъ еще разставимъ. . . Что ваши-то тамъ товарищи сидятъ? . . . Погодите: я ихъ сейчасъ укомплектую . . . тово. . .

— Да неугодно ли вамъ занять мое мѣсто? спросилъ Алексѣй Алексѣичъ, обращаясь къ князю. Если вамъ угодно, сдѣлайте милость. . . Я хотѣлъ играть только изъ угожденія Андрею Марковичу.

Бѣдному Алексѣю Алексѣичу хотѣлось лучше сидѣть въ гостиной, разговаривать съ Татьяной Ивановной и смотрѣть на Катеньку.

— Полно, братецъ, тово . . . ты тоже играй! . . . ты, пожалуй, уступи свое мѣсто князю въ нашей пулькѣ . . . а самъ, тово, садись въ другую . . .

— Нѣтъ, Андрѣй Марковичъ, позвольте мнѣ лучше совсѣмъ не играть. . . Я и такъ бы провелъ время у васъ очень пріятно . . .

—Полно, братецъ, тово, полно... Ты отдай карту-то свою князю... А я вотъ сейчасъ тебя... тово... пристрою къ мѣстечку... Погоди.

— Нѣтъ-съ право... не безпокойтесь, Андрей Маркычъ... Я даже совсѣмъ не хочу играть!...

— Да что ты, что ты, братецъ... тово... Можетъ ли это быть: ужъ играть не хочешь!.. Что же ты станешь дѣлать?... Ужь не хочешь ли, тово, въ дамскіе кавалеры записаться... ха, ха, ха!..

Алексѣй Алексѣичъ очень сконфузился и чтобы скрыть свое смущеніе засмѣялся каким-то плаксивымъ смѣхомъ; а услужливый хозяинъ сталъ убѣждать остальныхъ гостей составить другую пулечку, въ чемъ и успѣлъ къ величайшей досадѣ несчастнаго Алексѣя Алексѣича Алексѣева, лишеннаго и послѣдняго утѣшенія насладиться лицезрѣніемъ Катеньки.

— Что съ тобой говорилъ князь? спросила Татьяна Ивановна у дочери, когда онѣ остались однѣ въ гостиной.

— Ничего!.. все такъ! грустно отвѣчала Катенька.

— Какъ онъ распространился въ похвалахъ Коркиной...

— Да!... Можетъ-быть, она и въ самомъ дѣлѣ такъ хороша...

Голосъ Катеньки звучалъ еще грустнѣе.

— Полно, пожалуйста, не думаю: не въ кого быть такой красавицей... А просто, его тамъ сбивали... Матушка, я думаю, втолковала дочери, что это выгодный женишекъ, заставила ее ухаживать за нимъ... Я ужъ знаю хорошо эту Катерину Михайловну.... Еще сама-то не любезничала ли съ нимъ... Посмотри, что и доченька-то будетъ такая же, какъ матушка...

— Развѣ она, маменька?... лаконически спросила невинная Катенька.

— О-о! также лаконически отвѣчала строгая блюстительница нравовъ, Татьяна Ивановна, дѣлая многозначительное движеніе головой, глазами и губами.

— Мерзкія! проговорила Катенька и впала въ глубокое раздумье.

— А вотъ увидимъ; а не увидимъ, такъ услышимъ, что это за неземное такое существо...

На устахъ Татьяны Ивановны блеснула роковая улыбка ненависти и вражды.

— Знаете, маменька, что я думаю: отчего вамъ не сдѣлать визитъ Коркинымъ? вѣдь, вы знакомы?

— Что же? я поѣду имъ клтняться?... Она ужъ мѣсяца три не бывала у меня.... Она и то очень много думаетъ о себѣ.... Погоди, вотъ, вѣдь, станутъ же они знакомить свою дочку ... Не будутъ же держать подъ замкомъ это чудо изъ чудесъ ...

Остатокъ вечера дамы провели довольно скучно, переходя изъ гостиной въ залу и обратно, останавливаясь у того стола, за которымъ игралъ князь и не обращая никакого вниманія на тотъ, за которымъ возсѣдалъ Алексѣй Алексѣичъ.

— Счастливо ли вы играете, князь? спросила Татьяна Ивановна, заглядывая въ карты Бандурова.

— Довольно счастливо.

— Какое... тово, довольно! отозвался Андрей Марковичъ: — всѣхъ обыгрываетъ.

— Князь во всемъ счастливъ! многозначительно замѣтила Катенька.

— Напротивъ-съ, я во многомъ несчастливъ! мрачно отвѣтилъ Бандуровъ.

— Какъ... тово... говорится, князь: въ картахъ

счастливъ, а въ барышняхъ несчастливъ... Въ этомъ... тово... что ли князь?.. ха, ха, ха!

Катенька вспыхнула отъ неумышленно-мѣткихъ словъ отца. Князь Бандуровъ нахмурился. Татьяна Ивановна сурово посмотрѣла на мужа. Нѣкоторые изъ гостей усмѣхнулись.

— Нѣтъ-съ, вѣдь я рѣдко выигрываю въ карты! проговорилъ Бандуровъ не безъ умысла.

— А... тово... ваше сіятельство.... хочетъ лучше барынь.... тово... обыгрывать... Хе, хе, хе... Я въ червяхъ...

Татьяна Ивановна еще строже посмотрѣла на мужа. Она была очень недовольна его словоми, но не нашла ни одной приличной настоящему случаю фразы и промолвивши только:

— Мы, кажется, мѣшаемъ вамъ играть! отошла отъ карточнаго стола.

Катенька съ пылающими щечками сѣла за рояль и склонивши голову на бокъ, начала брать аккорды.

Князю показалось, что судья какъ-будто намекаетъ на его ухаживанье за дочерью; а улыбки гостей какъ-будто говорили: мы знаемъ, какъ это ухаживанье неудачно. Щекотливое самолюбіе Бандурова было затронуто: онъ былъ сердитъ на Катеньку, но въ то же время чувствовалъ, что интересуетея ею больше, чѣмъ когда-нибудь... что въ настоящую минуту онъ рѣшительно влюбленъ въ нее... Какъ бы желалъ князь сказать всѣмъ этимъ глупо-улыбающимся гостямъ: неужели вы думаете, что какая нибудь женщина можетъ устоять передо мною и что Катенька въ состояніи мнѣ противиться?.. Она давно уже моя!

Съ этой мыслью онъ вдругъ оборотился къ Катенькѣ, сидящей за фортепіано и сказалъ ей почти повелительнымъ тономъ:

— Сыграйте что-нибудь.

Та какъ-будто ожила при звукахъ милаго голоса, встрепенулась и промолвивши только: съ большимъ удовольствіемъ! — заиграла, заиграла.

Князь съ самодовольной улыбкой посмотрѣлъ на своихъ партнеровъ, но тѣ не видали его улыбки, погруженные въ игру.

Катенька играла долго, очень долго, не смотря на то, что ее никто не слушалъ, даже самъ князь: полька смѣнялась вальсомъ, вальсъ—полькой, потомъ слѣдовалъ галопъ, потомъ что-то такое безъ конца и безъ начала съ забытымъ названіемъ, далѣе опять полька... И толстенькіе, коротенькіе пальчики Катерины Андреевны не знали усталости.

Алексѣй Алексѣичъ, который былъ бы ея усерднымъ слушателемъ и, вѣроятно, таялъ бы отъ восторга, еслибъ не боялся проиграть, отвлекши свое вниманіе отъ картъ, сжалился наконецъ надъ предметомъ своего поклоненія и нѣжно промолвилъ: вы устали! Но Катенька даже не удостоила обратить вниманія на его слова и продолжала высказывать въ очаровательной музыкѣ свою любовь, свою тоску, свои страданія, свои сомнѣнія, все, что наполняло и тревожило ея бѣдное сердце.

Пулька въ которой участвовалъ князь Бандуровъ кончилась очень поздно, но ни Татьяна Ивановна, ни Катенька не ложились спать до ея окончанія.

Прощаясь съ княземъ маменька сказала ему:

— Вѣроятно, вы не забудете насъ завтра, ваше сіятельство!

А дочь ничего не сказала, но смотрѣла на него такимъ взглядомъ, который ясно говорилъ:

— Ты мой кумиръ! Я на все готова!

Князь былъ очень доволенъ этимъ взглядомъ,

обѣщался на другой день быть непремѣнно и уѣхалъ домой совершенно счастливый.

— Нѣтъ, право, Добраго, говорилъ онъ дорогой, я не знаю, которая изъ нихъ лучше: Катенька или Наденька.

— Не знаю! отвѣчалъ Добраго.

— Катенька влюблена въ меня страстно, она только и думаетъ обо мнѣ одномъ; а та, кажется, очень любитъ умничать и думать, что за ней всѣ должны ухаживать... Слишкомъ важничаетъ... Но это роковое: важничаетъ! вдругъ повернуло всѣ мысли и чувства поручика къ Наденькѣ...

— А ужъ не уступлю же я ее Крушинскому! сказалъ онъ.

Татьяна Ивановна съ дочерью не стали ожидать окончанія другой пульки, но тотчасъ по отъѣздѣ Бандурова, ушли одна — спать, другая — проводить томительную ночь.

X.

На другой день послѣ посѣщенія Крушинскаго, Наденька скучала. Она не могла отдать себѣ отчета въ этой скукѣ, но чувствовала, что ей какъ-будто чего-то недостаетъ: ей не хотѣлось ни съ кѣмъ разговаривать, не хотѣлось ничѣмъ заниматься, но чтобы скрыть отъ людей и прогнать чѣмъ-нибудь эту скуку, Наденька сѣла за фортепіано. Нѣсколько разъ пропѣла она Grace, нѣсколько разъ сыграла ту пьесу Тальберга, которую она исполняла при Крушинскомъ и находила въ нихъ новыя прелести; прочія пьесы ея репертуара нравились ей меньше, нежели прежде: чувство вкуса, прирожденное ей, хотя и мало развитое, какъ-будто вдругъ притупилось...

Пересматривая свои ноты, она случайно нашла нѣсколько русскихъ романсовъ и пѣсенъ, очень обрадовалась этой находкѣ и съ особеннымъ жаромъ стала ихъ разучивать.

За пѣніемъ застала ее Клеопатра Петровна, которая слѣдила за племянницей съ особеннымъ любопытствомъ пожилой женщины, прожившей свой періодъ любви и мечтаній, но не отказавшейся отъ нихъ и не перестающей интересоваться мужчинами.

— Ты поешъ русскіе романсы? спросила она Наденьку.

— Да, ma tante.

— Что это тебѣ вздумалось?

— Такъ, ma tante!...

— Да для чего же тебѣ пѣть ихъ, когда ты поешь итальянскія аріи?

— Отчего же не пѣть русскихъ?.. Онѣ мнѣ очень нравятся.

— Нравятся?... Странный вкусъ!... Ты, вѣрно, хочешь сдѣлаться вполнѣ провинціальной барышней?... Русскіе романсы поются только ими.

— Мнѣ кажется, man tante, что для русской всего приличнѣе все русское.

— Вотъ какъ!... Это новая мысль у тебя! Кто это внушилъ тебѣ такую истину?

Наденька вспыхнула: Клеопатрѣ Петровнѣ не нужно было другого отвѣта.

— Но я не совѣтовала бы тебѣ портить голосъ: ты можешь испортить свою манеру этими глупыми романсами! продолжала она тономъ знатока.

— Не думаю, man tante: если хороша музыка, такъ отчего же я испорчу манеру? возразила Наденька, которой досадно было, что тетка заставила ее покраснѣть.

— Давно ли, Надина, ты не стала вѣрить моимъ совѣтамъ? Это также новость...

— Но мнѣ нравятся, ma tante, и слова и музыка русскихъ пѣсенъ... Я даже хотѣла просить папа, чтобъ онъ позволилъ мнѣ выписать ихъ, какъ можно больше.

— А я опять-таки говорю тебѣ, Надина, что это странный, дурной вкусъ, приличный только провинціальной барышнѣ, которая не имѣетъ никакого понятія объ италіанской музыкѣ. Я не понимаю, откуда у тебя взялся такъ скоро этотъ дурной вкусъ и очень жалѣю о тѣхъ невѣждахъ, которые внушили его тебѣ... Ты слышала много разъ оперу, прекрасно исполняешь италіанскую музыку и пѣть послѣ этого русскіе романсы: это, и смѣшно и пошло!

Наденька въ первый еще разъ и не на шутку разсердилась на свою тетеньку, которая умѣла привязать ее къ себѣ и уже имѣла большое вліяніе на ея образъ мыслей. Наденька скрыла свою досаду, ничего не отвѣтила Клеопатрѣ Петровнѣ, но въ первый еще разъ въ жизни подумала:

— Что за дѣло до меня теткѣ? Зачѣмъ она навязываетъ мнѣ свои мысли?... Я должна имѣть свои убѣжденія... Крушинскій умнѣе ея, а онъ говорилъ совсѣмъ другое.

— Что же? ты не хочешь согласиться со мной и остаешься при своемъ мнѣніи? спросила Клеопатра Петровна, досадуя на молчаніе племянницы.

— Я, право, и сама не знаю, ma tante.., У меня нѣтъ никакого мнѣнія! уклончиво отвѣтила Наденька.

— А все-таки будешь пѣть русскіе романсы? настаивала Клеопатра Петровна, которую трудно было сбить съ толку и перехитрить.

— Да, для разнообразія...

— Ты начинаешь упрямиться!.. Желаю тебѣ успѣха... сквозь зубы проговорила тетушка и оставила Наденьку, очень ею недовольная.

Клеопатра Петровна была бездѣтная вдова, оплакивающая свое одиночество. Наденька очень полюбилась ей за оригинальную красоту, искренность, невинность, нѣжность и пылкость души. Незванная и непрошенная тетушка вздумала заняться ея окончательнымъ образованіемъ, привязать ее къ себѣ, возбудитъ къ своей особѣ безграничную довѣренность, привить юному созданію своей образъ мыслей, свои убѣжденія и готовилась слѣдить за развитіемъ молодой души съ тѣмъ наслажденіемъ, съ которымъ читала всякаго рода чувствительные, сантиментальные и страстные, пылкіе романы; она ожидала еще большаго наслажденія: распоряжаться чужой душой по своей волѣ, направлять ее въ ту или другую сторону, дѣлать изъ нея для себя то или другое интересное зрѣлище... И вотъ, на первомъ же, самомъ интересномъ шагѣ въ жизни, юное сердце отъ нея затворилось и не хотѣло пустить въ себя чужую волю... Какъ было не разсердиться Клеопатрѣ Петровнѣ?.. Разсуждая безпристрастно, она находила себя еще болѣе вправѣ быть недовольною племянницей. Она видѣла, что Наденькѣ нравился Крушинскій, она понимала, что для такой пылкой, порывистой и въ то же время сильной натуры первое впечатлѣніе самое опасное... А между тѣмъ, по искренному убѣжденію Клеопатры Петровны умъ и образованіе Крушинскаго, при его бѣдности и незначительности общественнаго положенія, давали ему право развѣ только на самую утонченную и безплодную любезность съ женщиной извѣстныхъ лѣтъ, принадлежащей къ хорошему кругу, а ни-

какъ не на бракъ съ дочерью богатаго помѣщика, красавицей, блестяще-образованной, однимъ словомъ — самой завидной невѣстой... И вслѣдствіе этого Клеопатра Петровна позволила себѣ обратить нѣкоторое вниманіе на Крушинскаго и даже нѣсколько интересоваться имъ. Она не сочла бы страннымъ и не прогнѣвалась, еслибъ даже Наденька немножко и влюбилась въ лекаря, но тотчасъ же, со всею откровенностью чистой дѣвичей души, открылась тетенькѣ... Она бы выслушала ее съ улыбкой на устахъ или съ нѣкоторымъ соболѣзнованіемъ, смотря по силѣ зарождающагося чувства, она дала бы нѣсколько благоразумныхъ совѣтовъ или разсказала бы съ участіемъ къ чужому страданію нѣсколько грустныхъ исторій безнадежной любви изъ собственной жизни, но знала бы, что юное сердце безопасно, потому-что въ ея рукахъ и что все это не больше, какъ шалость... Но влюбиться въ молодого человѣка безъ имени, влюбиться почти съ первой встрѣчи, слушать его съ увлеченіемъ, воспринимать его образъ мыслей, провожать его грустнымъ взглядомъ, скучать безъ него и главное: таить въ сердцѣ, какъ сокровище, новое чувство, не открывать его даже ей, Клеопатрѣ Петровнѣ — о, это совсѣмъ другое дѣло, это не обѣщаетъ ничего хорошаго... И было за что разсердиться, было о чемъ задуматься доброй тетушкѣ.

Оставшись одна, Наденька продолжала пѣть русскіе романсы.

Въ этотъ самый день, который былъ такъ скученъ для Наденьки, Катерина Михайловна почувствовала себя больною и безпрестанно жаловалась своему мужу на свое нездоровье; но Ѳедоръ Иванычъ не обратилъ бы особеннаго вниманія: оно было

не новое, если бы до него не долетали безпрестанные вздохи и оханье Катерины Михайловны, если бы она не подняла на ноги весь домъ, требуя то тѣхъ то другихъ капель, и если бы въ матери не приняла участія добрая и чувствительная Наденька, которая сочла ее дѣйствительно очень-больною. Она нѣсколько разъ прибѣгала къ отцу съ разсказами, полными участія, о болѣзни своей мамаши. Ѳедору Иванычу показалось наконецъ даже неприличнымъ въ глазахъ дочери обнаруживать такое равнодушіе къ женѣ. Онъ самъ пошелъ въ спальню Катерины Михайловны и дѣйствительно ли она была нездорова, или преувеличивала свою болѣзнь, или вслѣдствіе долговременной практики пріобрѣла особенное искусство показывать себя больною, только она дѣйствительно казалась не совсѣмъ здоровою и Ѳедоръ Иванычъ съ участіемъ спросилъ ее:

— Да что ты, матушка, что ты чувствуешь?

— Ничего! съ усиліемъ отвѣчала Катерина Михайловна.

— Какъ ничего: развѣ я не вижу, что ты нездорова?

— Ой! ой! тяжело простонала Катерина Михайловна.

— Да скажи же мнѣ, что съ тобой?

— Ты не любишь . . . когда я жалуюсь, что больна . . . и не вѣришь мнѣ . . . Охъ, Господи! . . .

— Полно говорить пустяки! Я не люблю, когда тебѣ иногда кажется, что ты нездорова . . . А теперь я самъ вижу . . .

— И ночь изволили нехорошо почивать; все метались! подхватила неизмѣнная Глафира.

— Что же съ тобой, мой другъ? Не послать ли за лекаремъ? . . .

— Какъ ... хочешь! простонала больная.

— Пошлите, папаша! сказала Наденька.

— Послать сейчасъ лошадей за Андрей Захарычемъ! приказалъ Ѳедоръ Иванычъ.

— Охъ ... нѣтъ! За нимъ лучше не посылай ... Охъ, охъ, Господи! ... Онъ лечитъ меня пять лѣтъ, а ничего нѣтъ пользы ... Пошли лучше за Крушинскимъ: онъ и тебя вылечилъ ... Ой, охъ!

Ѳедоръ Иванычъ почувствовалъ подозрѣніе и досаду къ своей больной супругѣ, но не высказалъ при дочери ни того, ни другого. Скрѣпя сердце, онъ сталъ отдавать приказаніе, чтобы вмѣстѣ съ Андреемъ Захарычемъ попросили и Крушинскаго.

— Онъ ... вмѣстѣ ... не поѣдетъ ... Ой, батюшки! .. Ты развѣ не знаешь его? ... Да не посылай сегодня, Теодорушка ... Погоди до завтра ... Можетъ быть, и такъ пройдетъ! ..

— Ну, какъ хочешь, матушка! сухо вымолвилъ Коркинъ и не сталъ болѣе настаивать. Разспросивши жену о болѣзни болѣе для виду, нежели изъ участія, онъ ушелъ отъ нея очень мрачный.

Катерина Михайловна продолжала стонать и жаловалась то на боль въ головѣ, то на стѣсненіе въ груди, то на сердцебіеніе, но аппетиту не потеряла: не отказалась ни отъ супу, ни отъ чаю съ бѣлымъ хлѣбомъ, хотя и признавалась, что все ей кажется горькимъ и невкуснымъ, и что она кушаетъ не столько по желанію, сколько для того, чтобы не очень ослабѣть. Къ вечеру она успокоилась и крѣпко заснула. Наденька нѣсколько разъ заглядывала въ спальню больной, спрашивала хорошо ли она спитъ, не просыпалась ли и не жаловалась ли на боль; но весь вечеръ, до самаго того времени, какъ На-

денькѣ пришла пора ложиться спать, Катерина Михайловна не просыпалась.

Отъ зоркихъ глазъ Клеопатры Петровны, присутствовавшей при разговорѣ Ѳедора Иваныча съ больною женой, не укрылось то впечатлѣніе, которое произвело на Наденьку имя Крушинскаго, произнесенное матерью: она замѣтила какъ Наденька вздрогнула при этомъ имени и какъ вдругъ сверкнули весело глаза ея и потомъ, какъ бы инстинктивно, обратились на тетку. Клеопатра Петровна окончательно убѣдилась въ основательности своихъ предположеній о страсти, зараждающейся въ сердцѣ племянницы, но придумала новое средство, чтобы подвинуть ее на откровенность. Когда Наденька, отправляясь спать, стала прощаться съ теткой, Клеопатра Петровна просила ее посидѣть съ нею въ ея комнатѣ. Тамъ, оставшись наединѣ съ племянницей, она нѣжно поцѣловала ее и, смотря ей прямо въ глаза, вдругъ неожиданно спросила:

— Для чего ты скрываешься отъ меня, Надина?

— Въ чемъ, ma tante? спросила въ свою очередь Наденька, нѣсколько сконфузясь.

— Твое смущеніе показываетъ въ чемъ! Зачѣмъ ты не хочешь мнѣ признаться? . . Неужели ты не вѣришь въ мою любовь, неужели я ничѣмъ не доказала тебѣ ея и не заслужила твоей искренности? . . . Ну, признайся: отъ меня нельзя ничего скрыть, я все вижу: тебѣ нравится Крушинскій?

— Да, ma tante, нравится, спокойно отвѣчала Наденька, — онъ такой умный, ученый!

— Ну, такъ значитъ я мало сказала; нравится . . . . ты просто влюблена въ него.

— Какъ влюблена, ma tante?

— Какъ? очень просто! Вотъ, ты опять хочешь хитрить со мной .... Неужели ты не понимаешь, что значитъ: влюблена?

— Нѣтъ, я не влюблена въ него! отвѣчала Наденька твердо, но невольно краснѣя.

Клеопатра Петровна начала свои допросы ловко, но немножко рано: Наденька еще сама не понимала хорошенько и не имѣла времени объяснить себѣ своихъ чувствъ къ Крушинскому, а тетушка междутѣмъ разсердилась на нее и удивлялась, какъ такое невинное и чистосердечное существо могло такъ искусно и смѣло лгать и запираться?

— Богъ съ тобой, Надина, сказала она, я вижу ты не хочешь быть со мною искренна по-прежнему. Не знаю чѣмъ я заслужила отъ тебя эту перемѣну, но не думай обмануть меня, я все вижу: я видѣла съ какимъ удовольствіемъ ты слушала Крушинскаго, какъ тебѣ было грустно, когда онъ уѣзжалъ отсюда, какъ ты скучала эти два дня безъ него .... я увѣрена, что ты изъ угожденія ему, стала разучивать русскіе романсы: самой тебѣ это не могло прійти въ голову, или, по-крайней-мѣрѣ, ты согласилась бы со мною, что ихъ не стоитъ пѣть послѣ италіанской музыки: и ты возражала мнѣ совсѣмъ не своими словами, а конечно тѣми, которыя переняла у Крушинскаго .... Что ты скажешь: это не правда? . . .

— Можетъ быть, и правда ....

— Вотъ видишь, какъ я все понимаю ... Но ты предпочла моимъ совѣтамъ слова молодого человѣка, фанфарона и невѣжды, который не умѣетъ даже говорить пофранцузски, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія объ общественной жизни, а хотѣлъ

блеснуть передъ тобой оригинальнымъ, но очень пошлымъ вкусомъ .... Ты ему повѣрила .... Что же все это доказываетъ, какъ не любовь? Я знаю, ты сердишься на меня, что я такъ хорошо все поняла и не совсѣмъ выгодно говорю о предметѣ твоего поклоненія .... Но я хотѣла тебѣ доказать, что я понимаю людей, да и тебя самую лучше, нежели ты сама .... Конечно, ты, можетъ-быть, уже не любишь меня теперь и потеряла ко мнѣ довѣренность, но я должна тебѣ сказать, что твой отецъ, который также очень хорошо понимаетъ людей и вслѣдствіе своей опытности никогда въ нихъ не ошибается, одного мнѣнія со мною о Крушинскомъ: что этотъ молодой человѣкъ — фанфаронъ, выскочка, слишкомъ много о себѣ думаетъ, не умѣетъ держать себя въ хорошемъ обществѣ и до-сихъ-поръ носитъ на себѣ отпечатокъ своего происхожденія ... Слышишь, мой ангелъ, я повторяю тебѣ: это не одно мое мнѣніе о Крушинскомъ, но мнѣніе твоего отца, который никогда не ошибается въ людяхъ и мнѣніе котораго ты должна уважать ....

О, краснорѣчивая Клеопатра Петровна, зачѣмъ ты произнесла дважды эти послѣднія слова? ... Наденька теперь очень хорошо вспомнила, какъ, нѣсколько дней назадъ, ты очень часто съ соболѣзнованіемъ говорила ей объ отцѣ ея и удивлялась, что онъ, не смотря на свою многолѣтнюю опытность, вовсе не понимаетъ людей, судитъ о нихъ очень превратно, позволяетъ всякому желающему водить себя за носъ, а потому и не совѣтовала слѣдовать его мнѣнію о людяхъ .... Она поняла теперь твою болѣзненную слабость — искать въ людяхъ одной дурной стороны, никогда не замѣчать хорошей, и

на счетъ слабыхъ ближнихъ рисоваться собственными доблестями ... Увы, твой планъ разрушился окончательно: Наденька не только не послушалась твоихъ внушеній, не сочла тебя достойною ея полной довѣренности за твою проницательность, но потеряла къ тебѣ все уваженіе и любовь ... Ждала ли ты, мудрая и проницательная женщина, такихъ печальныхъ результатовъ твоей мудрости и проницательности? ...

Наденька сидѣла передъ Клеопатрой Петровной въ раздумьи, уныло опустивши головку. Тетушка въ самообольщеніи отъ своего краснорѣчія, конечно, не могла подозрѣвать того, что происходило въ душѣ ея, и унылый видъ племянницы объясняла тѣмъ сильнымъ впечатлѣніемъ, которое произвела на нее своими словами.

— Надина, мой ангелъ, я огорчила тебя! продолжала она, лаская племянницу. Ты не знаешь, мой ангелъ, какъ грустно высказывать горькія истины: но если бы я не любила тебя такъ много, я не рѣшилась бы говорить всего этого ... Знаю, моя радость, какъ тяжело разставаться со сладкими мечтами, какъ мучительно разочаровываться въ людяхъ, которыхъ хотѣла бы любить и уважать .... О, я очень хорошо это знаю, потому-что не разъ испытала на себѣ .... Но я сдѣлала тебѣ эту непріятность для твоей же пользы .... Подумай: Крушинскій ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть твоимъ мужемъ: во-первыхъ, онъ бѣднаго происхожденія: во-вторыхъ, онъ не достоинъ тебя .... Не огорчайся же, моя радость .... Еще теперь ты легко можешь отказаться отъ мысли о немъ: ты еще не успѣла къ нему привязаться. Я нарочно поторопилась открыть тебѣ глаза ....

Наденька ни слова не возражала теткѣ; но какъ

ея мысли и чувства были непохожи на тѣ, которыя думала читать въ душѣ ея проницательная Клеопатра Петровна!

— Ну, прощай, мой ангелъ, поди съ Богомъ спать и не думай объ этихъ пустякахъ, которые встревожили твое спокойствіе .... Будь увѣрена, что ты встрѣтишь въ жизни людей въ тысячу разъ выше этого Крушинскаго, которые будутъ благоговѣть передъ тобою, а онъ еще не сумѣетъ понять и оцѣнить твоей высокой, прекрасной души ... Прощай, мой ангелъ! Господь съ тобой!

И она нѣжно цѣловала Наденьку; послѣдняя холодно отвѣчала на ея ласки, но тетушка не замѣтила этой холодности, потому-что внутренно торжествовала и восхищалась силою своего ума и краснорѣчія.

Наденька ушла и Клеопатра Петровна тотчасъ же уснула отраднымъ сномъ на своихъ лаврахъ; а бѣдная дѣвушка, возмущенная до глубины души, долго ворочалась въ своей постели, вспоминая слова тетки, негодуя на нее за то, что она отмѣлилась такъ невыгодно и умышленно-лживо отзываться о Крушинскомъ, уясняя себѣ сколько и прежде было противорѣчій въ ея словахъ, чего она до настоящей минуты не замѣчала и что теперь стало для нея такъ ясно, и остановилась наконецъ на мысли, что она дѣйствительно любитъ Крушинскаго и будетъ любить тѣмъ болѣе, чѣмъ люди будутъ къ нему несправедливѣе, будетъ любить его вѣчно, не смотря ни на какія препятствія, хотя, разумѣется, уже никому, никому въ мірѣ, не откроетъ любви воей ...

XI.

Долго не могла Наденька уснуть, волнуемая разнообразными впечатлѣніями, увлекаемая неясными

мечтами, — то сладкими, пышными, восторженными, то грустными и тяжелыми. То страстно билось и сладостно замирало сердце, объятое новымъ, еще не извѣданнымъ чувствомъ, и пылали щеки яркимъ румянцемъ и съ горячимъ дыханіемъ полураскрывались уста, и трепещущая рука обнимала мягкую подушку, или судорожно переворачивала ея нагрѣтую сторону . . . и далеко, далеко, куда-то въ необъятное пространство летѣла мысль, не нося въ себѣ опредѣленнаго содержанія и первращаясь въ туманныя грезы. То вдругъ начинало болѣзненно ныть больное сердце, даже и тогда, какъ мысль не представляла ничего печальнаго: сочувствіе-ли то другому любящему, но еще чужому и въ то же мгновеніе, можетъ-быть, тоскующему сердцу, или невольное подозрѣніе въ неискренности страсти еще только возчувствованной, но не высказанной, не укрѣпленной взаимными признаніями? . . . Трудно опредѣлить о чемъ думаетъ, что именно чувствуетъ влюбленная дѣвушка, одна, въ бесѣдѣ съ самой собою, послѣ того, какъ провела въ своей памяти и обсудила всѣ обстоятельства любви, всѣ слова, всѣ движенія любимаго человѣка и потомъ отдалась вся безъ изъятія своему чувству и дала свободу фантазіи. Образъ любимаго человѣка ясно представляется воображенію и къ нему стремится все бытіе дѣвицы: его лобзаютъ пылающія уста, его ласкаютъ нѣжныя руки, имъ любуются полныя страстной нѣгой глаза, его голосъ слышитъ напряженно настроенный слухъ, съ нимъ ведетъ несвязную, неясную, но сладкую бесѣду душа. Сонъ слетаетъ въ эти минуты на усталое тѣло, а душа не перестаетъ еще управлять имъ, создавая сладкія грезы во время самаго сна.

Давно уже проснулся отецъ, тетка и больна

мать, а Наденька еще спала. Горничная нѣсколько разъ намѣревалась разбудить ее, но радостная улыбка барышни не позволяла ей нарушить пріятнаго сна. Аграфена была добрая, хотя и грубоватая дѣвка: съ ранняго дѣтства она была неразлучна со своей барышней, росла вмѣстѣ съ нею и любила ее страстно. Пансіонъ разлучилъ было ихъ, но по возвращеніи изъ него, Наденька вспомнила свою любимицу и хотѣла, что-бы она была ея горничной.

— Не разбужу, не разбужу, счастье мое, проговорила Аграфена, подходя къ постели и загладывая на улыбающееся лицо барышни. Неужто стану будить, коли что хорошее снится. Почивай себѣ на здоровье, радость моя, барышня, ангелъ! ... И съ рѣшительнымъ видомъ отходила она отъ постели, осматривая не безпокоитъ ли барышню лучъ солнца, которое ясно горѣло уже на небѣ, заглядывая въ окно къ красавицѣ.

Наконецъ Наденька проснулась.

— Аграфена, спросила она, не разкрывая глазъ, и въ сладкой полу-дремотѣ, — что, еще рано?

— Ну, хоть не больно поздно, барышня, а проснулись, такъ надо вставать ... Всѣ уже встали давно.

— Который часъ? спросила Наденька, приподнимаясь на кровати.

— Да ужъ одиннадцать.

Наденька встрепенулась.

— Ай, какъ поздно. Что ты не разбудила меня, Аграфена?

— Да жалко было васъ будить-то, барышня, больно вы хорошо спали: видно сны хорошіе снились ...

— А что?

Маленькій румянецъ и веелая улыбка блеснули, на лицѣ Наденьки.

— Да, такъ: вотъ этакимъ же піончикомъ почивали, какъ теперь! отвѣтила съ доброй улыбкой, Аграфена. Я говорю, что хорошіе сны видѣлись.

— Хорошіе, Граша, хорошіе, душенька.

— А про кого эти сны хорошіе снятся вамъ? спросила Аграфена уже съ лукавой, хотя и доброй улыбкой, подавая Наденькѣ умываться.

— Мало-ли про кого, Граша.

— То-то, мало-ли про кого . . . Не про того-ли человѣчка, про котораго съ тетенькой-то вчера вечеромъ изволили разговаривать? прибавила вполголоса Аграфена, заглядывая на дверь изъ предосторожности.

— А ты какъ знаешь? спросила Наденька, обращаясь къ горничной пылающее лицо, по которому катились капли воды и которое въ эту минуту было особенно очаровательно.

— Значитъ, знаю.

— Ну, скажи, Граша, душечка, какъ ты знаешь?

— Да какъ барышня? просто: согрѣшила, подслушала.

— Какъ же тебѣ не стыдно, Граша подслушивать?

— Ну что дѣлать-то, барышня, не гнѣвайтесь: кабы не къ вамъ касалось, извѣстно, не пошла бы подслушивать, а туть согрѣшила, не утерпѣла . . . Да мнѣ больно досадно на вашу-то петербургскую тетушку: не люблю я этакихъ, кто больно тоны-то задаетъ: мы деревенскія дуры не привыкли . . . Да и за васъ-то досадно: больно она ласкова не кстати, да все дѣлай по ее; все съ своими нравоученіями, точно безъ нея и не знаютъ: не маленькія . . .

— Ну, послушай, Граша, душечка, ты меня любишь?

— За что мнѣ васъ любить-то? съ улыбкой отвѣтила Аграфена.

— Нѣтъ, полно, скажи правду: любишь ты меня?

— Такъ неужто Клеопатра-то Петровна, или нянька-то Глафира, что и туда и сюда — всѣ дыры затыкать — больше меня васъ любятъ. Поживете, — узнаете.

— Ну, я сама знаю, что ты любишь меня. Ты никому не скажешь, что я тебя спрошу?

— Нѣтъ, пойду, побѣгу по всѣмъ разсказывать, да славить. Вотъ, барышня, и видно, что вы отъ меня отвыкли, въ Питерѣ-то жимши. Я пойду разсказывать, что вы мнѣ скажете!? . . . Не бось, не скажу, что вчерась слышала.

— Ну, такъ скажи, Граша, душечка, всю правду: вѣдь, очень онъ хорошъ?

— Не знаю какъ кому на-скусъ.

— Нѣтъ, а ты скажи мнѣ всю правду: какъ тебѣ кажется.

— Что мнѣ казаться-то? Хоть и досадно мнѣ на Клеопатру Петровну, а я скажу, что дѣло вчера говорила: ну, какая онъ вамъ пара, какой женихъ!

— Что же такое? быстро спросила Наденька.

— Да какъ что, барышня? Мы, по крайности, столбовые дворяне, красавица-то вы у насъ первая изо всѣхъ, приданымъ-то, слава Богу, Богъ не обдѣлилъ: кто здѣсь этакія-то невѣсты? а онъ что: голышъ, лекаришка!

Наденька вздрогнула, глаза ея сердито сверкнули, верхняя губка поднялась и задрожала: все лицо ея выражало сильный гнѣвъ.

— Аграфена, сказала она, если ты еще разъ посмѣешь такъ говорить про него, такъ не смѣй ко мнѣ на глаза показываться: я возненавижу тебя.

— Ну вотъ, барышня, и прогнѣвались. Я вѣдь, не знала, что онъ такъ ужъ вамъ ... Вы, вѣдь, вчера тетенькѣ-то ничего не изволили говорить, что онъ ужъ вамъ очень ... Теперь ни въ жисть не стану слова говорить про него ... Какъ хотите! ...

— Такъ зачѣмъ же ты бранишь его, начала Наденька, смягчая тонъ, говоришь, что я невѣста, онъ женихъ, точно какъ онъ ужъ и сватался ... Я его такъ, просто люблю ...

— Ну, такъ, просто ... Такъ любите ... вотъ онъ ѣдетъ, красное солнышко! ... говорила Аграфена сердитымъ, отрывистымъ голосомъ, показывая въ окно, черезъ которое виднѣлась дорога изъ города и въ настоящую минуту тройка, везшая Крушинскаго.

— Развѣ это онъ?

— Кто же больше? Маменька-то еще съ позаранку за нимъ послали.

Наденька прильнула лицомъ къ стеклу, потомъ вдругъ стремительно бросилась на шею къ Аграфенѣ.

— Душенька, Граша, если бы ты знала, какъ я люблю его! говорила она, цѣлуя горничную.

— Да за что, барышня? протяжно, ласково, но съ полуупрекомъ спрашивала Аграфена.

— За все, за все.

— Да къ чему, зачѣмъ, коли замужъ идти нельзя?

— Я и сама не знаю: я ни о чемъ не думаю. я хочу только любить его ... Вотъ онъ пріѣхалъ ... Граша, душенька, какъ я выйду? Мнѣ и плакать хочется и смѣяться ... Я, Граша, заплачу ...

— Ну, вотъ, еще плакать . . . Пожалуйте-ка перелинку-то оправлю: всю сбили . . . Ахъ, барышня, барышня . . . нечего вамъ дѣлать! Аграфена сердито, но съ очевиднымъ сожалѣніемъ качала головой.

— Граша, не говори ничего . . . Похвали его, Граша, душенька, похвали: я можетъ-быть, ничего не стану сегодня говорить съ нимъ. Ну, похвали его, Граша.

— Да, ну, ну, хорошъ, хорошъ . . . Ужъ очень хорошъ . . . Какъ еще хвалить-то.

— Онъ, Граша, куда прошелъ?

— Куда, чай, въ спальну къ маменькѣ.

— А тетенька тамъ?

— Всѣ тамъ.

— Ахъ, Господи, что ты меня не разбудила раньше? Какъ я теперь пойду . . . Мнѣ не войдти . . . У меня ноги дрожатъ . . . Посмотри — и руки.

— Да чтой-то, батюшки мои, отчего это такъ ужь очень разтревожились? Переведите духъ-отъ маненько . . .

— Погоди, не говори ничего . . . Ничего, я пойду . . . И Наденька вдругъ пошла изъ своей комнаты быстрыми и смѣлыми шагами, въ сопровожденіи Аграфены, которая, слѣдуя за ней, поправляла разныя принадлежности ея туалета.

У дверей въ спальню матери, гдѣ былъ уже Крушинскій, Наденька остановилась на мгновеніе, какъ бы колеблясь, но вдругъ рѣшительно отворила дверь и вошла въ спальню съ лицомъ совершенно спокойнымъ и даже равнодушно-холоднымъ, такъ, что только едва замѣтная блѣдность могла обличить волненіе, которое за минуту происходило въ ея душѣ.

Входя въ комнату, Наденька бѣглымъ взглядомъ окинула всѣхъ присутствующихъ. Катерина Михайловна лежала на постелѣ, въ бѣломъ батистовомъ пеньоарѣ и въ чепцѣ, изъ подъ котораго виднѣлись тщательно причесанные волосы; лицо ея было весело и не выражало физическаго страданія, хотя стоявшій около постели столикъ и былъ уставленъ разными лекарственными снадобьями. Она разговаривала съ Крушинскимъ, который сидѣлъ передъ нею въ креслахъ. Отецъ и тетка сидѣли въ сторонѣ и бесѣдовали между собою въ полголоса. Надежда замѣтила, что Ѳедоръ Иванычъ былъ угрюм[illegible] Клеопатра Петровна, при самомъ появленіи [illegible], устремила на нее свой испытующій взглядъ. Наденька холодно поклонилась Крушинскому, подошла прямо къ матери, поздоровавшись, спросила ее о здоровьѣ.

— Нѣтъ, мой ангелъ, очень нездоровится, отвѣчала Катерина Михайловна, принимая болѣзненный видъ . . . Вотъ, не знаю, что скажетъ о моей болѣзни Аркадій Николаичъ.

— Я употреблю всѣ усилія, чтобы получить отъ васъ дорогую для меня благодарность за скорое выздоровленіе вашей маменьки, сказалъ Крушинскій, обращаясь къ Наденькѣ.

Послѣдняя ни слова не отвѣчала на его любезную фразу и, встрѣтивши совершенно равнодушно, по-видимому, его страстный взглядъ, поспѣшила къ отцу и теткѣ.

— Заспалась ты сегодня, Наденька! ласково замѣтилъ Ѳедоръ Иванычъ.

— Да, папаша . . . Извините.

— Мы вчера вечеромъ очень долго разговаривали съ ней, подхватила Клеопатра Петровна и нѣжно разцѣловала Наденьку, чрезвычайно довольная хо-

лодностью ея съ докторомъ и объяснившая это обращеніе по-своему.

— Садись со мной, мой ангелъ! прибавила она. Я нарочно не приказывала будить тебя . . . Ты такъ вчера была разстроена . . . болѣзнью мамаши . . . Но сегодня, кажется, ей гораздо лучше.

Клеопатра Петровна при послѣднихъ словахъ многозначительно взглянула на Наденьку и улыбнулась едва замѣтной, но ядовитой улыбкой. Лицо племянницы впрочемъ, осталось совершенно холодно, потому-что она не поняла намека и не замѣтила этой улыбки.

Между-тѣмъ, бѣдный Крушинскій жестоко страдалъ. Съ какой радостью летѣлъ онъ въ Родовое-Подгородное, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ Наденьку, какъ радостно затрепетало его сердце, когда вошла она, и какъ вдругъ заныло оно, какъ-будто кто его ранилъ, когда онъ увидѣлъ ея небрежный поклонъ, ея холодность. Неужели, онъ ошибся? Неужели сердце обмануло его? Неужели онъ не произвелъ на нее никакого впечатлѣнія или это впечатлѣніе было только минутное, которое тотчасъ же и замѣнилось совершеннымъ равнодушіемъ? Неужели она такая дѣвушка, у которой чувство мгновенно какъ вспышка, у которой сердце такъ вѣтрено, такъ ничтожно, что можетъ отдаваться сегодня одному человѣку, а завтра другому? Неужели она ничтожная, пустая кокетка, для которой ничего не стоитъ показать чувство, котораго она вовсе не имѣетъ и не можетъ имѣть? Или не ошибся ли онъ, не показалось ли ему? . . Крушинскій совершенно растерялся, почти не слушалъ, что говорила Катерина Михайловна, отвѣчалъ ей не впопадъ, блѣднѣлъ, краснѣлъ. Ему хотѣлось бы убѣдить

себя, по-крайней-мѣрѣ, что онъ не ошибся въ холодности Наденьки; но она разговаривала съ отцомъ и теткой, какъ-будто нарочно оставивъ его на жертву Катерины Михайловны; а послѣдняя, какъ на зло, была очень разговорчива и не умолкала ни на минуту. Крушинскій, наконецъ, рѣшился схитрить.

— Что, какъ ваша голова и грудь? спросилъ онъ больную.

— Очень болятъ еще, Аркадій Николаичъ, отвѣчала Катерина Михайловна болѣзненнымъ голосомъ, совершенно не тѣмъ, какимъ говорила за минуту назадъ.

— Вамъ непремѣнно нужно успокоиться. Вы не спали всю ночь: постарайтесь уснуть . . . Ѳедоръ Иванычъ, намъ не худо бы оставить Катерину Михайловну одну: ей непремѣнно надобно уснуть, а то можетъ повториться вчерашній припадокъ.

— Такъ что же? Пойдемте, пойдемте отсюда.

— Нѣтъ, вѣдь, мнѣ не уснуть, Аркадій Никокаичъ: не уходите отсюда, Теодорушка; мнѣ какъ-то легче, какъ вы всѣ здѣсь.

— Нѣтъ, нѣтъ, Катерина Михайловна, вы много говорите, а вамъ вредно даже и говорить: вамъ нужно совершенное спокойствіе. Вотъ примите лавровишневой воды. Да, вотъ, кажется у васъ есть гофманскія капли — это тоже успокоиваетъ. Позвольте, я вамъ сдѣлаю маленькую микстуру — вы примите и постарайтесь уснуть; а мы оставимъ васъ часика на два, между тѣмъ привезутъ изъ города лекарство.

Катеринѣ Михайловнѣ нечего было возражать: она должна была покориться поневолѣ и, съ неудовольствіемъ принимая изъ рукъ Крушинскаго рюмку воды, въ которую онъ положилъ по каплѣ того и другаго лекарства, бросила на него взглядъ полный упрека.

Что бы подумалъ Крушинскій, если бы увидѣлъ на своемъ мѣстѣ другаго врача, дѣлающаго подобныя распоряженія и лечащаго подобными микстурами? Не назвалъ ли бы онъ его шарлатаномъ или неучемъ? О, конечно, его гордая и благородная до педантизма натура была такъ чужда всякой лжи и обмана, что онъ съ презрѣніемъ посмотрѣлъ бы на своего собрата, дѣйствующаго точно такъ, какъ онъ, и погнушался бы подать ему руку. Въ другое время, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, онъ не позволилъ бы себѣ серьезно лечить болѣзнь Катерины Михайловны, очевидно мнимую или до-крайности преувеличенную, онъ не позволилъ бы себѣ унижать свое искусство, которое такъ много уважалъ; въ другое время онъ прямо бы сказалъ Катеринѣ Михайловнѣ, что она обманываетъ въ своей болѣзни либо его, либо себя . . . А теперь? . . . Онъ чувствовалъ, что унижалъ себя, принимая недостойную роль; но на какое униженіе не обрекся бы онъ за ласковый взглядъ, за привѣтливую улыбку, за малѣйшій признакъ расположенія Наденьки. Такова любовь! Она вырываетъ человѣка изъ обыкновенной жизни, разлучаетъ съ его убѣжденіями, правилами, измѣняетъ его характеръ или, лучше сказать, уничтожаетъ его, однимъ словомъ — переноситъ его въ другой міръ, гдѣ она одна владычицей, гдѣ все ей покоряется и дѣлается во имя ея одной.

Но хитрость Крушинскаго не удалась, и разрушила ее Наденька. Она догадалась отчасти инстинктивно, отчасти по соображенію, о причинѣ, по которой Крушинскому хотѣлось отдѣлаться отъ Катерины Михайловны, — ей показалось, что объ этой причинѣ догадывалась и тетка и, какъ ей ни жалко было подвергать Аркадія Николаича новому испы-

танію, но, чтобъ окончательно замаскировать отъ тетки свое чувство, она рѣшилась сказать матери:

— Мамаша, позвольте мнѣ остаться съ вами: я, васъ не буду безпокоить. Вы извольте почивать, а я посижу здѣсь; можетъ-быть, вамъ угодно будетъ что-нибудь приказать . . .

— Ахъ, ты ангелъ мой, добрая моя! отвѣтила Катерина Михайловна, которая была очень чувствительна и любила, когда ей выражали особенную любовь и вниманіе. Останься, останься! Да не уходите никто: вѣдь, мнѣ, право, не уснуть.

— Ну, по-крайней-мѣрѣ, успокоитесь, сестрица, подхватила Клеопатра Петровна. Въ-самомъ-дѣлѣ, мы ужъ, я думаю, и то вамъ надоѣли; а вамъ такъ нужно спокойствіе. А ты останься, въ-самомъ-дѣлѣ здѣсь, Надина; все на твою заботливость маменькѣ можно положиться больше, нежели на горничную: ты умѣешь ухаживать за больными, я по себѣ это знаю. Совершенный ангелъ! — И послѣ такого комплимента тетушка іудинымъ лобзаніемъ поцѣловала племянницу.

— Пойдемте, Аркадій Николаичъ, ласково обратилась она къ доктору.

Наденька не могла удержаться, чтобы мелькомъ не взглянуть на Крушинскаго и прочла на его лицѣ столько тоски, огорченія, негодованія, что сама готова была заплакать и, если бы не присутствіе проницательной тетушки, она съумѣла бы однимъ взглядомъ, совершенно утѣшить его; но она имѣла силу до конца выдержать роль свою.

Крушинскому было такъ тяжело, такъ тошно, что онъ не имѣлъ силъ, да и не считалъ нужнымъ, быть любезнымъ съ тетушкой. Послѣдняя видѣла ясно дурное состояніе его духа, знала причину его

и была довольна. Она надѣялась, что со временемъ холодность Наденьки надоѣстъ молодому человѣку, что и онъ охладѣетъ къ ней; а между тѣмъ ея любезность, ея умъ . . . чего они не сдѣлаютъ? И она расточала передъ докторомъ великолѣпныя фразы, высказывала глубокомысленныя замѣчанія, намекала на свои высокія нравственныя правила, дѣлала косвенные и очень ловкіе комплименты разнымъ достоинствамъ доктора, вызывала его на откровенность, однимъ словомъ — мучила его до-нельзя. Ѳедоръ Иванычъ, довольный, что кузина взяла гостя, къ которому онъ не чувствовалъ особеннаго расположенія, на свое попеченіе, ушелъ въ кабинетъ; такимъ образомъ Крушинскій не имѣлъ возможности отдѣлаться отъ неотвязной тетушки и волей-неволей долженъ былъ слушать ее, или, по-крайней-мѣрѣ, показывать видъ, что слушаетъ. Впрочемъ, Катерина Михайловна скоро избавила его отъ этого страданія: явилась горничная съ приглашеніемъ пожаловать къ барынѣ.

— Сейчасъ, сейчасъ иду, поспѣшно отвѣчалъ Крушинскій, обрадованный этимъ призывомъ.

— Что такое? для чего? спросила Клеопатра Петровна.

— Не могу вамъ доложить: что-нибудь на-счетъ своего здоровья.

— А барышня гдѣ?

Крушинскій при этомъ вопросѣ замедлилъ шагъ.

— Тамъ-съ, у маменьки.

Крушинскій пошелъ скорѣе. Тетушка послѣдовала за нимъ, поравнялась съ нимъ и, какъ дама, получила право первая войти въ спальню: Наденька видѣла, что взоръ ея слѣдитъ за нею неотступно и опять сохранила свою холодную физіономію: Кру-

шинскій опять не прочиталъ на лицѣ ея ни малѣйшаго признака вниманія къ своей особѣ. Къ тоскѣ начинала присоединяться въ его душѣ досада, но онъ былъ радъ, что по-крайней-мѣрѣ можетъ видѣть Наденьку. Она сидѣла возлѣ постели матери съ книгою въ рукахъ. Крушинскій сѣлъ неподалеку отъ нея.

— Что вамъ угодно, Катерина Михайловна? спросилъ онъ, садясь.

— Ну, что вы меня оставили? Мнѣ, право, не уснуть, какъ я ни стараюсь; а мнѣ гораздо легче и веселѣе, когда вы сидите здѣсь.

— Вѣроятно, васъ развлекала своей бесѣдой Надежда Ѳедоровна, а ей не слѣдовало бы здѣсь оставаться; право, вамъ всего лучше на нѣсколько времени остаться одной. Сюда, вѣроятно, не будетъ слышна музыка и не обезпокоитъ васъ: я просилъ бы Надежду Ѳедоровну сыграть, или спѣть что-нибудь.

— Нѣтъ, извините, я не стану играть.

— Отчего-же?

— Я . . . не расположена . . . да притомъ сюда будетъ слышно.

— Вы, вѣроятно читали маменькѣ вслухъ. Что вы это читали?

— Нѣтъ, я не читала, а такъ . . . перелистывала.

— Вы много читаете?

Крушинскому хотѣлось какимъ-нибудь образомъ вовлечь Наденьку въ разговоръ, но она отвѣчала нé-хотя и сухо: онъ досадовалъ все больше и больше.

— Нѣтъ, не много.

— Отчего-же?

— Не знаю какъ вамъ сказать . . . такъ!

— Что это значитъ; такъ? Простите меня, я не понимаю.

— Очень мало читаю.

— Что же, вы не любите?

— Нѣтъ, люблю.

— Извините, я опять повторю вопросъ: отчего же мало читаете, если любите читать?

— На этотъ вопросъ не мудрено отвѣтить, вмѣшалась тетушка: очень мало книгъ, которыя могла бы читать молодая дѣвушка.

— Почему вы такъ думаете?

— Потому что я сама знакома со всей европейской литературой.

— Прекрасно! Такъ прочитать всѣ произведенія геніальныхъ писателей Европы — это, по-вашему, значитъ мало читать или много?

— Дѣвушка и геніальныя произведенія должна читать съ разборомъ.

— То есть должна понимать то, что прочитаетъ! ... насмѣшливо возразилъ Крушинскій.

— Вы играете словами. Нѣтъ я думаю, что и въ произведеніяхъ геніальныхъ писателей не все можно читать дѣвушкѣ, потому -что въ нихъ много такого, что можетъ испортить душу и благородный образъ мыслей дѣвицы.

— Вы согласны съ этимъ? спросилъ Крушинскій, обращаясь къ Наденькѣ.

— Я вѣрю тетенькѣ.

Клеопатра Петровна была въ восторгѣ отъ этой фразы племянницы.

— Merci, Nadine! сказала она ей, привѣтливо улыбаясь.

— Вы вѣрите вашей тетенькѣ на-слово — это дѣлаетъ честь вашей скромности, сказалъ Крушин-

скій насмѣшливо, но я не обязанъ къ этому и потому позволю себѣ возразить: скажите, пожалуйста, если такъ строги къ произведеніямъ геніальныхъ людей, у которыхъ есть высокій развитый умъ, знаніе человѣческаго сердца, любовь къ истинѣ и ко всему прекрасному, качества, безъ которыхъ и не можетъ быть истинно-геніальная натура, если къ нимъ такъ строги, что боятся знакомствомъ съ ними испортить невинную душу дѣвушки, — скажите: отчего не строги къ обществу, гдѣ люди хорошіе и дурные не сортируются, а если и различаются, такъ не по нравственнымъ ихъ достоинствамъ, а по внѣшнему блеску, по богатству, по всему тому, что составляетъ скорѣе ихъ ничтожность, нежели значеніе? Отчего вывозите вы дѣвицу смѣло во всякое общество, не боясь столкновенія ея съ дурными людьми, которыхъ гораздо больше, нежели дурныхъ книгъ? И неужели вы думаете, что книга можетъ скорѣе испортить, нежели люди: сближеніе съ пустыми и дурными людьми можетъ не только испортить, но и опошлить. Неужели вы думаете, что книга научитъ дѣвицу играть своимъ чувствомъ, забавляться страданіями другаго, неужели книга можетъ сдѣлать дѣвицу кокеткой, опошлить ее до такой степени, чтобъ она могла не уважать самое высокое чувство, какое дано намъ на землѣ, — чувство любви? Нѣтъ, книга никогда этому не научитъ, а если привьетъ эти качества или разовьетъ ихъ въ душѣ уже рожденной съ ними, то скорѣе общество, пошлость общественной жизни, а никакъ не произведенія геніальныхъ людей.

Въ продолженіе этого длиннаго и горячаго монолога, въ которомъ Крушинскій высказалъ отчасти то, что лежало у него на душѣ, онъ нѣсколько разъ

взглядывалъ на Наденьку, но она сидѣла опустя глаза и ни разу не подняла ихъ, боясь измѣнить себѣ въ присутствіи тетки. Такимъ образомъ Крушинскій опять ничего не могъ прочитать на лицѣ ея.

— Вы говорили очень много и горячо, возразила тетушка съ насмѣшливой улыбкой, но доказывали только одно, что книги не могутъ сдѣлать изъ женщины кокетки, а я говорила вообще о нравственности.

— По моему, не быть кокеткой самое главное условіе чистой женской нравственности, запальчиво возразилъ Крушинскій. Въ кокеткѣ испорчено все: она не имѣетъ ни одного достоинства, которыя составляютъ истинную прелесть женщины. Женщина, прежде всего, должна умѣть любить, — кокетка не можетъ любить, потому что въ ней сердце испорчено; женщина должна уважать самое чувство любви какъ въ себѣ, такъ и въ другомъ, — кокетка не уважаетъ его въ себѣ, потому-что играетъ своимъ сердцемъ какъ мячикомъ, не уважаетъ и въ другомъ, потому-что развиваетъ къ себѣ любовь, незаслуженную и ненужную для нея. Женщина должна быть добра, — кокетка зла, потому-что заставляетъ испытывать самыя страшныя муки и тѣшится ими: она въ этомъ случаѣ разыгрываетъ роль ниже роли палача; наконецъ, женщина по самой граціозной и нѣжной натурѣ своей должна быть искренна и благородна, она должна гнушаться всѣмъ поддѣльнымъ, какъ красота гнушается бѣлилами и вставными зубами, она должна или любить и говорить что любитъ, или, если не любитъ, то не мучить человѣкапустой и болѣзненной мечтой, а сказать ему прямо. — У кокетки все поддѣльное, все чужое, все продажное: она не скажетъ рѣшительно, что любитъ, потому-что

не умѣетъ любить; она не скажетъ, что, не любитъ потому-что ей нужна не любовь, а незаслуженнное, обманомъ пріобрѣтенное, поклоненіе .... Согласны ли вы со мною хоть въ этомъ, Надежда Ѳедоровна?

— Я съ вами согласна, но къ чему вы это говорили? тетенька не объ этомъ съ вами спорила, холодно отвѣтила Наденька.

— Grand merci, Nadine! съ колкимъ слѣхомъ подхватила Клеопатра Петровна: ты великолѣпно меня поддерживаешь.

— Если вамъ не понравилась такая строгая оцѣнка кокетки, то въ этомъ прошу у васъ прощенья, съ горечью возразилъ Крушинскій; но я хотѣлъ сказать, что самая дурная страсть женщины: страсть кокекства, прививается къ ней не отъ книгъ, а отъ сближенія съ пошлыми людьми и отъ неумѣнья различать людей по ихъ достоинству; слѣдовательно мои слова имѣли отношеніе къ нашему спору ...

— Ну, полноте-ка, въ самомъ дѣлѣ, Аркадій Николаичъ, вмѣшалась Катерина Михайловна, заботились о моемъ спокойствіи, а сами тамъ спорятъ, что я ужъ испугалась какъ вы бы не поссорились съ кузиной ... Поди-ка, Надя, сыграй лучше что-нибудь Аркадію Николаичу ...

— Вы сдѣлали бы мнѣ величайшее удовольствіе, Надежда Ѳедоровна.

— Если угодно мамашѣ ...

— Въ-самомъ-дѣлѣ пойдемъ, Надина, и я послушаю, примолвила Клеопатра Петровна.

Крушинскій почувствовалъ рѣшительную ненависть къ несносной тетушкѣ, но долженъ былъ слѣдовать за нею и выносить ея совершенно лишнее присутствіе.

Наденька играла съ увлеченьемъ. Она выбрала грустную фантазію изъ Лючіи, желая передать музыкой то, чего не могла высказать словами. Мало-по-малу, увлекаемая музыкой, она позабыла о присутствіи тетки и среди самого грустнаго adagio, которому она придала особенно-тоскливое выраженіе, Наденька взглянула на Крушинскаго и встрѣтилась съ его взглядомъ страстнымъ, любящимъ, но въ то же время печальнымъ, укоряющимъ. Отъ этого взгляда Наденька затрепетала, смутилась, начала играть машинально, безъ смысла, безъ экспрессіи. Наконецъ она совершенно не въ силахъ была владѣть собой: ей было тошно, хотѣлось плакать . . . Вдругъ остановившись на недоконченномъ пассажѣ, она встала изъ-за-рояля.

— Я не могу больше . . . проговорила она.

— Но вы играли восхитительно, несравненно. Вы говорили прямо душѣ . . . Въ первый разъ я слышу такъ много искренняго чувства . . . съ жаромъ говорилъ Крушинскій. Продолжайте, ради Бога . . .

— Благодарю васъ . . . Я не . . . я не стану больше . . .

И Наденька поспѣшила уйти въ свою комнату. Тамъ она была свободна и дала волю слезамъ, которыя давно подступали къ глазамъ и, удерживаемыя, спазматически давили ей горло. Прямая, искренняя натура ея не могла долго выдерживать притворства: ей нуженъ былъ отдыхъ, нужна была свободная бесѣда съ самой собой.

— Барышня, барышня, что вы это, о чемъ плачете? спрашивала Аграфена.

— Ахъ, Граша, душенька, мнѣ тяжело, очень тяжело. Я люблю его.

— Ну, вотъ тебѣ разъ: нѣтъ дружка любез-

наго — слезы, а съ нимъ вмѣстѣ — вдвое. Что онъ поперечилъ что-ли въ чемъ?

— Нѣтъ, Граша, онъ любитъ меня, очень любитъ. Я измучила и его, и себя. За что я его мучила? . . Онъ любитъ меня.

— Полноте, сударыня, что вы? Стоитъ ли онъ того, чтобы такъ отъ него убиваться вамъ. Вишь ты, какой соколъ безперый навязался . . .

— Аграфена, не смѣй такъ говорить про него . . .

— Да, ну, ну, не говорю, ничего не говорю . . . Да что такое случилось? . . . Чѣмъ они еще утѣшили васъ съ большой-то любви своей?

— Я ни слова не говорила съ нимъ, я не смотрѣла на него, не обращала вниманія, какъ-будто для меня онъ все равно . . . Ему грустно бѣдному . . . онъ любитъ меня . . . Онъ думаетъ, что я не люблю его: а если бы онъ зналъ, чего мнѣ это стоило.

Этотъ полу-дѣтской лепетъ невинной дѣвушки сопровождался рыданіями. Аграфенѣ стало жаль своей любимицы.

— Да полноте, полноте, барышня, что вы это надрываетесь такъ? утѣшала она ее. Къ чему это пристало? Зачѣмъ же вы такъ дѣлали? Что вамъ за нужда противъ своего сердца идти: сердцу никто не указъ, кого полюбитъ, такъ какъ ему закажешь? Зачѣмъ вы сами себя мучили? Коли милъ, такъ и смотрѣли бы на него, любовались . . . покудова не досмотрѣлись до чего-нибудь . . .

Послѣднія слова Аграфена проговорила въ полголоса и не безъ горечи; Наденька ихъ не разслушала.

— Ахъ, Граша, такъ развѣ я по своей волѣ такъ дѣлала? Его никто не любитъ, всѣ бранятъ,

никто не хочетъ, чтобъ я любила его, а что онъ кому сдѣлалъ? . . . Мнѣ нельзя показать, что я люблю его: ему, пожалуй, и отъ дома откажутъ, принимать не будутъ . . .

— Ну, такъ какъ же, барышня, быть-то? Значитъ, самъ виноватъ, что не любятъ; не умѣетъ себя ввести въ любовь . . .

— Нѣтъ, Граша, ты не понимаешь: онъ бѣденъ, не знатенъ, за то его и не любятъ . . .

— Ну, и подѣломъ: никто въ томъ не виноватъ, что онъ бѣденъ, да не знатенъ. Извѣстно, кабы былъ богатъ, да рода высокаго, такъ и почетъ бы и любовь была, а теперь и любить не за-что . . . И вамъ нужно это оставить — лучше будетъ . . .

— Ты врешь, ты ничего не понимаешь . . . Я никогда не разлюблю его, никогда: пусть всѣ его ненавидятъ, я одна буду любить на зло всымъ. Онъ всѣхъ лучше, всѣхъ умнѣе, всѣхъ благороднѣе . . .

— Ну-у, вотъ тебѣ на: ужъ всѣхъ лучше . . . Эка еще прелесть какая . . .

— Перестань, Аграфена, молчи: тебя никто не спрашиваетъ, не твое дѣло.

— Ну, такъ и не говорите со мной, и не разсказывайте: я и говорить не стану.

— И не нужно, коли ничего не понимаешь.

— Ну, ну понимаемъ мы чего ему надо, соколу . . . пробормотала Аграфена себѣ подъ носъ.

Наденька высказалась, проплакалась и на душѣ ея стало легче: она опять имѣла силы любить и молчать. Она вытерла глаза, постояла передъ зеркаломъ, пока изгладились слѣды слезъ и, придавши лицу по-прежнему совершенно холодное выраженіе, явилась въ спальню матери, какъ ни въ чемъ не бывало. Крушинскій былъ восхищенъ игрою На-

денька: онъ понималъ, что такая одушевленная музыка доказывала присутствіе или, по крайней мѣрѣ, возможность искренняго и глубокаго чувства въ юной душѣ, но онъ не зналъ, какъ понимать ея взглядъ, такой грустный, печальный: музыка ли произвела его, относился ли онъ къ нему, хотѣла ли Наденька сказать имъ что-нибудь? Онъ надѣялся разрѣшить это недоумѣніе, какъ только Наденька покажется, но ошибся: ничего не могъ прочесть онъ на мраморномъ лицѣ, въ ледяномъ взглядѣ красавицы.

— Нѣтъ, она или не любитъ меня, или издѣвается надо мною. И какимъ высокимъ талантомъ она пользуется для того, что-бы мистифировать людьми . . . Но это слишкомъ много, чтобъ я позволилъ . . .

Гордость заговорила въ сердцѣ Крушинскаго: злоба, почти ненависть, готовы были вторгнуться въ него, чтобы оспорить мѣсто у любви.

Крушинскій былъ въ томъ состояніи раздраженія, когда достаточно одного толчка, чтобъ его любовь къ Наденькѣ завяла въ самомъ цвѣту.

— Скажите, пожалуста, спросилъ онъ Наденьку, отчего вы не кончили той прекрасной фантазіи, которую вы исполняли съ такимъ совершенствомъ?

Клеопатра Петровна впилась глазами въ Наденьку, какъ ястребъ, выглядывающій куда полетитъ его жертва. Наденька это замѣтила.

— Она надоѣла мнѣ, отвѣтила она сухо.

— Какъ? надоѣла та пьеса, въ которую вы, по-видимому, положили такъ много чувства, которую вы играли съ такимъ одушевленіемъ? . . . Это странно.

— Нисколько, я, напротивъ, играла безъ вся-

каго одушевленія, потому-то даже и не хотѣла кончить.

— Но въ такомъ случаѣ, либо я совершенный профанъ, принявшій поддѣльное чувство за искреннее, либо вы великая мастерица показывать въ себѣ присутсвіе чувства тогда, когда его вовсе нѣтъ.

— Можетъ-быть, и то и другое! отвѣтила Наденька, которую оскорбила незаслуженная колкость Крушинскаго.

— Но что же вѣроятнѣе? спросилъ Крушинскій съ невольнымъ горькимъ смѣхомъ.

— Что вамъ угодно: для меня все равно.

— По самолюбію, я не желаю считать себя совершеннымъ профаномъ.

— А я удовольствуюсь той прекрасной ролью, которую вы мнѣ уступаете.

Въ голосѣ Наденьки звучали слезы: она была обижена. Крушинскій замѣтилъ это, и ему было жаль Наденьки: онъ любилъ ее, но гордость и страданія, которыя она причинила ему своею холодностью, требовали, чтобъ она первая искала примиренія.

— Вы выбираете слишкомъ дурную роль, продолжалъ Крушинскій: она къ вамъ нейдетъ: при вашихъ способностяхъ можно взять лучшую.

— Благодарю васъ за великодушіе: я никогда не ищу и не выбираю, а беру только то, что мнѣ даютъ.

— Зачѣмъ же брать то, что дурно? Хорошее лучше дурного.

— Мы часто ошибаемся: дурное принимаемъ за хорошее, и наоборотъ.

Съ этими словами Наденька ушла изъ залы.

Крушинскій задумался: онъ раскаивался, что огорчилъ Наденьку, ему сдѣлалось еще грустнѣе. — Можетъ-быть, она была почему нибудь, не въ духѣ сегодня, можетъ-быть, она огорчена чѣмъ-нибудь, можетъ-быть, эти гордые люди нарочно запретили ей быть любезной со мной? . . . думалъ Крушинскій.

Но, какъ бы то ни было, Клеопатра Петровна оставалась очень довольна происшедшей размолвкой молодыхъ людей.

— Мнѣ кажется, вы monsieur докторъ, сказала она, вовсе не понимаете сердца дѣвушки: вы спрашиваетъ Надину: почему она не кончила пьесу, которую такъ хорошо играла. Развѣ она знаетъ, почему она что-нибудь дѣлаетъ. У насъ, женщинъ, до извѣстныхъ лѣтъ, пока мы совершенно не сформируемся душою, а это бываетъ не въ 17 и не въ 20 лѣтъ, все дѣлается по капризу . . . Такъ точно Надя цѣлый день держитъ себя какъ-то странно, рѣшительно безъ всякой причины, а просто по капризу, такъ точно, если она когда-нибудь полюбитъ человѣка, то она полюбитъ сама не зная за что, а такъ . . . по капризу. И повѣрьте: только вполнѣ развитая женщина можетъ любить сознательно и сильно, потому-что только тогда она научится оцѣнивать людей по достоинству.

— Какихъ же лѣтъ, по вашему, женщина вполнѣ развивается душою?

— О, это различно и зависитъ отъ характера. Но есть и такія дѣтскія натуры, какъ вотъ напримѣръ Надина, которыя никогда не развиваются вполнѣ, а на всю жизнь остаются въ какомъ-то полу-ребяческомъ состояніи.

— Я съ вами согласенъ, что дѣйствительно есть

такія натуры, но почему вы думаете, что къ числу ихъ принадлежитъ и Надажда Ѳедоровна.

— Охъ, я ее знаю, я слѣдила за нею съ дѣтства и вижу, что лѣта ее мало измѣняютъ: она и теперь остается такимъ же ребенкомъ, какимъ была шесть или семь лѣтъ назадъ: у нея до-сихъ-поръ всѣ интересы дѣтскіе; она и теперь чуть-чуть не готова играть въ куклы.

— Ну, это можетъ быть слѣдствіе пансіонскаго воспитанія, незнакомства съ жизнію, съ людьми?

— О, полноте! У нея до сихъ поръ нѣтъ никакой самостоятельности въ характерѣ; а, вѣдь, ей ужъ 17 лѣтъ: ее до сихъ поръ можно увѣрить во всемъ, въ чемъ вы хотите, доказать все, что угодно, она рѣшительно не имѣетъ своего мнѣнія.

— Ну, признаюсь вамъ: въ теченіе моего непродолжительнаго знакомства, я успѣлъ замѣтить совершенно другое: въ ея характерѣ, мнѣ кажется, напротивъ, очень много стойкости и энергіи.

— Стойкость и энергія у Надины! Ха, ха, ха! Цолноте! Изъ чего вы это замѣтили?

— Она всегда такъ настойчиво отстаиваетъ свои убѣжденія . . .

— Которыхъ вовсе нѣтъ, и которыя родятся случайно, покапризу . . .

— Но, тѣмъ не менѣе, она отстаиваетъ ихъ съ энергіей.

— Да, какой же капризный ребенокъ не станетъ спорить до слезъ?

— Притомъ, натура Надежды Ѳедоровны, по моему, вполнѣ артистическая, въ которой необходимо предполагать много силы и опредѣленности. Нужна большая глубина душевная, чтобы такъ по-

нимать и воспроизводить сложныя музыкальныя композиціи, какъ она.

— Мнѣ странно, что вы, monsieur докторъ, при вашемъ блестящемъ умѣ и огромныхъ знаніяхъ, предполагаете, что дѣвушка, еще совершенный ребенокъ, можетъ вполнѣ постигать мысли и чувства великихъ музыкантовъ. Нужно много испытать, много перечувствовать, чтобы дойти до этого.

— Въ молодыхъ талантахъ, въ замѣнъ этой опытности, бываетъ особеннаго рода чутье, которымъ, кажется, съ избыткомъ надѣлена и Надежда Ѳедоровна.

— Нѣтъ, вы черезъ-чуръ пристрастны къ Надѣ, со злымъ смѣхомъ проговорила Клеопатра Петровна, и глаза ея засверкали досадой и ревностью.

— А ты что-то черезъ-чуръ безпристрастна! — подумалъ Крушинскій.

Ему невольно, самъ собою представился вопросъ: почему тетушка съ такимъ усердіемъ старалась унизить въ его глазахъ племянницу, которую она, повидимому, очень любила, и тогда ему тотчасъ стало ясно то, чего онъ до сихъ поръ не замѣчалъ, занятый исключительно одной Наденькой. Онъ припомнилъ особенную любезность тетушки, ея усилія говорить краснорѣчиво, ея желаніе удивить его своею начитанностью, ея тонкіе намеки на способность женщинъ любить исключительно въ извѣстномъ зрѣломъ возрастѣ, ея настойчивость, съ которою она преслѣдовала Наденьку, дабы не допустить ее до уединенной съ нимъ бесѣды — и Крушинскому стало ясно, что разочарованная вдова имѣла намѣреніе вторгнуться въ его сердце, выгнавши изъ него опасную соперницу, которую она отгадала въ Наденькѣ. Въ Крушинскомъ вдругъ родилось подозрѣніе, что, вѣроятно, вмѣшательство тетушки ка-

кимъ-нибудь образомъ произвело такую быструю и рѣзкую перемѣну въ Наденькѣ. Вмѣстѣ съ этимъ открытіемъ Крушинскій почувствовалъ сильное отвращеніе къ чувствительной вдовѣ и совершенное раскаяніе въ своей несправедливости передъ Наденькой. Онъ вспомнилъ ея фразу: мы часто принимаемъ дурное за хорошее и хорошее за дурное, намекавшую на то, что она ошиблась въ немъ и что онъ не умѣлъ понять причины ея холодности: онъ былъ недоволенъ собою и рѣшился употребить всѣ усилія, чтобы примириться съ Наденькой, но она не выходила изъ своей комнаты до самого обѣда. Тутъ она явилась не столько равнодушная, сколько печальная. На всѣ вопросы Крушинскаго она отвѣчала коротко, отрывисто, иногда даже насмѣшливо и скучно. Отецъ замѣтилъ это.

— Что ты такая скучная, Надина? спросилъ онъ.

— Ничего, папа.

— Не болитъ-ли у тебя голова: ты слишкомъ много спала сегодня? подхватила Клеопатра Петровна ласковымъ тономъ, но такъ, что черезъ него могъ быть понятенъ настоящій насмѣшливый смыслъ фразы.

— Да, болитъ, ma tante, спокойно отвѣтила Наденька.

— Вы не здоровы? вмѣшался Аркадій Николаичъ.

— Нѣтъ, здорова, какъ видите.

— Но, вѣдь, вы сами сказали, что у васъ болитъ голова.

— Я это не называю нездоровьемъ.

— Я хотѣлъ предложить вамъ свои услуги, какъ лекарь.

— Благодарю васъ: я не просила о нихъ!

— Но моя обязанность предупреждать желанія больныхъ, возразилъ Крушинскій шутливо.

— Не совсѣмъ впопадъ исполняете вашу обязанность, насмѣшливо отвѣтила Наденька.

— Почему это?

— Потому-что излишной предупредительностью можно надоѣсть.

Крушинскій вспыхнулъ и нахмурился: онъ не сказалъ болѣе ни слова впродолженіе всего обѣда; а Наденька, довольная своимъ мщеніемъ, сдѣлалась весело и разговорчива. Впрочемъ, послѣ обѣда она опять удалилась въ свою комнату и напрасно ждалъ ее Крушинскій: она не вышла даже проводить его Онъ уѣхалъ въ городъ съ растерзанной, измученной душой: и съ любовью, и съ ненавистью, и съ досадой, и съ раскаяніемъ; впрочемъ, прощаясь, далъ слово Катеринѣ Михайловнѣ пріѣхать къ ней въ скоромъ времени.

Что же дѣлала Наденька, когда уѣхалъ Крушинскій? — она плакала, раскаявалась въ своей мстительности, жалѣла Крушинскаго; она все такъ же любила его, но ни за что не хотѣла показать что прощаетъ его. Бѣда задѣть женское самолюбіе! Всего дольше помнитъ женщина оскорбленіе, нанесенное ея самолюбію. Она отомстить за него, хотя бы это мщеніе было для нея гораздо тяжелѣе, нежели для того, на кого устремлено. Лучше не просить у женщины прощенія въ нанесенномъ оскорбленіи; она проститъ наружно, но никогда не забудетъ его; если же она накажетъ оскорбившаго ее любимаго человѣка, она раскается въ этомъ и будетъ любить его еще болѣэ. Разумѣется мы говоримъ о женщинахъ съ сильнымъ характеромъ, хотя въ то же время и чувствительныхъ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Крушинскаго, Наденьку позвали къ матери.

— Гдѣ ты была, Наденька? спросила ее Катерина Михайловна.

— Въ своей комнатѣ, maman.

— Что ты, мой ангелъ, какъ была нелюбезна сегодня съ Аркадіемъ Николаичемъ: не хотѣла сказать съ нимъ двухъ словъ хорошенько. Что за гордость, душа моя? Чѣмъ онъ виноватъ, что такого происхожденія? Все-таки онъ нашъ гость и благодѣтель. Зачѣмъ его такъ обижать: Ѳедоръ Иванычъ съ нимъ ни слова не говоритъ, ты тоже; онъ къ намъ ѣздить не станетъ. Посмотрѣла бы ты, какой онъ уѣхалъ скучный. Отъ самаго обѣда ты не вышла сюда. Ѳедоръ Иванычъ тоже, никто не проводилъ его . . . ахъ, какъ не хорошо, не вѣжливо!

— Но, вѣдь, вы сами, мамаша, изволили бранить меня, что я была въ тотъ разъ внимательна къ нему.

— Ужъ ты была излишне внимательна и не обращала никакого вниманія на другихъ; а сегодня онъ былъ одинъ. Можно было бы заняться съ нимъ. Нѣтъ, мой ангелъ, въ слѣдующій разъ будь съ нимъ ласковѣе, чтобъ онъ видѣлъ, по крайней мѣрѣ, что имъ не гнушаются въ нашемъ домѣ . . .

— Слушаю, мамаша. Онъ развѣ скоро опять пріѣдетъ?

— Да, хотѣлъ быть скоро.

— А что, душенька, какъ ваше здоровье?

— Да, теперь какъ-будто-бы получше. Ахъ, право, вѣдь, вотъ молодой человѣкъ Аркадій Николаевичъ, а какъ лечитъ хорошо, какъ онъ умѣетъ обращаться съ больными: усладить, утѣшить, успо-

коить. При немъ и чувствуешь-то себя какъ-то лучше . . .

Въ это время Клеопатра Петровна пріотворила дверь въ спальню, не входя въ нее.

— Nadine, ты здѣсь? спросила она.

— Здѣсь, ma tante.

— А я искала тебя. Не хочешь ли немного пройтись со мной: чудесное время.

— Съ удовольствіемъ. Позвольте, maman?

— Поди, душенька, только одѣнься по теплѣе, да прикажи послать ко мнѣ Глафиру.

Наденька рада была выйти на свѣжій воздухъ, чтобъ освѣжить голову и нѣсколько разсѣяться отъ тоски, которая душила ее; а тетушкѣ нужно было вывѣдать образъ мыслей и состояніе души племянницы.

Смеркалося. Солнце совсѣмъ закатилось, оставя по себѣ широкую огненную полосу на небѣ, какъ бы край или подолъ своей блестящей ризы. Воздухъ былъ свѣжъ и дышалось свободно. Легкій морозецъ едва щипалъ щеки. Снѣгъ весело хрустѣлъ подъ ногами. Мелкія прихотливой формы, прозрачныя облачка носились по небу. Звѣзды, одна за другой, начали сверкать на небосклонѣ, засвѣтились блѣдные огоньки сквозь тусклыя стекла деревенскихъ оконъ. Весело становится на душѣ русскаго человѣка въ такое зимнее время, но ни Клеопатра Петровна, ни Наденька не восхищались чудеснымъ вечеромъ: каждая изъ нихъ была занята своими мыслями. Нѣсколько времени они шли молча.

— О чемъ ты говорила съ матерью? спросила первая.

— Она выговаривала мнѣ, что я была невнимательна къ Крушинскому и приказывала быть ласковѣе.

— Для чего же это?

— Маменька находитъ, что я держала себя очень холодно, гордо, и вообще обращалась не такъ, какъ нужно обращаться съ гостемъ.

— Кажется, для такого гостя, какъ Крушинскій, достаточно и того излишняго вниманія, которое оказываетъ ему Катерина Михайловна. Право, онъ такой невѣжда: совершенно не приличенъ въ хорошемъ женскомъ обществѣ. Не правда ли?

— Можетъ быть, ma tante: я съ нимъ сегодня почти ничего не говорила.

— Но развѣ ты не слыхала: онъ тебѣ же наговорилъ множество колкостей, множество дерзкихъ и глупыхъ намековъ. Развѣ ты не поняла, что онъ на твой счетъ говорилъ о кокеткахъ?

— Я, право, мало обращала вниманія на его слова.

— И какая дерзость, какая самоувѣренность: видитъ дѣвушку всего два раза и уже воображаетъ, что въ него влюблена. Называетъ кокеткою дѣвицу, которая оказала ему нѣкоторое вниманіе и позволила себѣ поговорить съ нимъ нѣсколько часовъ и потомъ не повѣсилась къ нему тотчасъ же на шею. Я увѣрена, что онъ уже хвастаетъ между своими товарищами побѣдой надъ тобою.

Наденькѣ было очень горько слушать такія рѣчи о Крушинскомъ, но она молчала.

— Ну, признайся, Nadine, вѣдь, онъ очень разсердилъ тебя сегодня?

— Чѣмъ, ma tante?

— Вообще своимъ поведеніемъ, своими рѣзкими фразами.

— Да, иногда мнѣ было досадно.

— Но онъ все еще тебя интересуетъ? Скажи мнѣ откровенно.

— Можетъ ли, ma tante, интересовать такой человѣкъ, какимъ вы его представляете?

— Но можетъ быть ты видишь въ немъ совсѣмъ другое, нежели я.

— Я его очень мало знаю, что бысоставить себѣ о немъ какое-нибудь мнѣніе.

— Но ты такъ хвалила его.

— Я хвалила его только за умъ.

— Но иногда любятъ безсознательно, сами не зная за что и для чего.

Наденька молчала, не отвѣчая на этотъ косвенный вопросъ: тетушка не удовольствовалась этимъ вопросомъ.

— Можетъ-быть ты любишь его такою любовью? настаивала она.

— Я не говорила вамъ, что люблю его.

— Но я тебѣ спрашиваю и увѣрена, что ты не будешь меня обманывать.

— Кажется, я своимъ обращеніемъ не показала къ нему никакой любви.

— О, дѣвушки бываютъ очень хитры: ты могла такъ обращаться для того, чтобы скрыть свою любовь.

— Но для чего же мнѣ скрывать ее, еслибъ она была?

Вопросъ этотъ показался Клеопатрѣ Петровнѣ очень наивенъ и успокоилъ ее; но она хотѣла еще попытать простенькую дѣвушку.

— Для того, чтобы отвлечь подозрѣніе, отвѣчала она; ты знаешь: его не станутъ принимать, если замѣтятъ что ты любишь его.

— Я не думаю, чтобы стали отказывать отъ дому человѣку, который спасъ отъ смерти отца, за то только, что его любитъ дочь, тѣмъ болѣе, что

его принимаютъ не по моему желанію и маменька даже выговаривала мнѣ за то, что я холодно обращаюсь съ нимъ.

— Ну, да, вѣдь, это говорила маменька твоя изъ своихъ видовъ.

— Изъ какихъ видовъ?

— Ахъ, Надина, какъ ты проста! Развѣ ты не замѣчаешь, что Катерина Михайловна покровительствуетъ Крушинскому для того только, чтобы еще болѣе возбудить въ князѣ Бандуровѣ страсть къ тебѣ.

— Не думаю, ma tante; я этого не замѣтила. Притомъ, въ такомъ случаѣ, для чего же маменькѣ желать, чтобъ я была особенно любезна съ Крушинскимъ.

— Разумѣется для того, чтобъ привязать его къ своему дому. Но будь увѣрена, что какъ только она замѣтитъ, что ты оказываешь ему особенное расположеніе, она будетъ недовольна, какъ и въ прошедшій разъ: я тебѣ предсказываю.

— Можетъ-быть, отвѣчала она теткѣ, вы такъ умны, такъ проницательны, что отъ васъ нельзя ничего скрыть: вы все поймете!..

— Да, мой другъ, я много испытала, много видѣла! съ достоинствомъ произнесла Клеопатра Петровна, польщенная этимъ комплиментомъ, сказаннымъ въ насмѣшку. Никогда не должно вѣрить людямъ, особенно въ любовь ихъ: часто подъ видомъ преданности скрывается такъ много злаго, дурнаго, низкаго, что если бы знала это напередъ, то стала бы презирать того человѣка, котораго можешь полюбить.

— Какъ-же, ma tante, различить правду отъ лжи?

— О, это очень трудно, мой ангелъ. Нужно

много пожить, видѣть многихъ людей, чтобы привыкнуть различать ихъ, надобно вполнѣ изучить сердце человѣческое; а это самая мудреная наука и дается не всякому. Вообще первое условіе для всякаго умнаго человѣка: осторожность и недовѣрчивость. Вѣрь только тѣмъ, кто доказалъ тебѣ свою любовь. Сердце человѣческое — это такая бездна, такая смѣсь хорошаго и дурнаго, что не всякій съумѣетъ различить одно отъ другаго. Сначала все представляется прекраснымъ, всѣ люди добрыми, но когда поживешь, то увидишь совсѣмъ другое: въ людяхъ одинъ обманъ, одинъ эгоизмъ, самая жизнь безпрестанно обманываетъ: гдѣ ожидала счастья, тамъ встрѣчаешь горе. Останется въ душѣ одна тоска, скука, отвращеніе отъ всѣхъ земныхъ, скоропреходящихъ удовольствій . . .

Клеопатра Петрова попала на своего любимаго пегаса и долго продолжала краснорѣчивую рѣчь все въ томъ же родѣ; Наденька съ своей стороны была очень рада, что разговоръ отклонился отъ Крушинскаго.

На этомъ изліяніи наблюденій и чувствъ окончилась прогулка. Тетушка почти совершенно убѣдилась въ охлажденіи Наденьки къ доктору: ея обращеніе съ нимъ, ея простодушные и наивные по видимому отвѣты обманули проницательную вдову. Она не могла представить себѣ, чтобъ искренная и простодушная Наденька могла быть способна къ такому притворству и скрытности, но, увы! мудрая дама не знала чему можетъ научить любовь и что̀ можетъ сдѣлать твердая воль. Въ самообольщеніи она не могла подозрѣвать, что Наденька гораздо выше ея. Если въ душѣ ея и осталось нѣкоторое подозрѣніе, то это было подозрѣніе ревности,

боязнь, чтобы Наденька вновь не заинтересовалась Крушинскимъ, что, впрочемъ, она считала возможнымъ устранить постояннымъ наблюденіемъ и предусмотрительностью. Съ своей стороны, она надѣялась побѣдить сердце интереснаго доктора, разсчитывая на свой умъ, краснорѣчіе, остатки красоты на его незнатность, скуку уѣздной жизни и на самую неудачу любви къ Наденькѣ, которая могла по ея мнѣнію, заставить доктора ухаживать за тетушкой на зло цлемянницѣ.

XII

Представьте себѣ въ уѣздномъ городкѣ Д. двухъ-этажный домъ о семи окнахъ, а если вамъ когда-нибудь случится побывать въ этомъ городѣ, то вы его скоро отыщете: онъ принадлежитъ титулярному совѣтнику Обозрѣнскому, бывшему секретарю уѣзднаго суда этого самого города, въ настоящее время находящемуся въ отставкѣ — и отличается тѣмъ, что нижній этажъ его низенькій, каменный, выкрашенъ бѣлой краской, а верхній деревянный — желтой. По крутой деревянной лѣстницѣ поднимитесь въ верхній или бель-этажъ, отворите дверь, обитую войлокомъ и сверхъ него зеленой клеенкой и войдете въ маленькую темную коморку, имѣющую названіе прихожей. На гвоздяхъ, вбитыхъ въ стѣну этой комнаты, висятъ двѣ шинели, обѣ военныя: одна, на энотѣ, офицерская, другая, холодная, но съ мѣховымъ воротникомъ — вѣроятно, принадлежитъ деньщику. На ларѣ, единственномъ мѣстѣ, на которое можно присѣсть въ этой комнатѣ, сидитъ человѣкъ въ полу-военной формѣ, съ краснымъ лицомъ и совершенно черными, какъ

сажа, усами; закинувши голову назадъ и прислоня ее къ стѣнѣ, онъ спитъ, не смотря на двѣнадцатый часъ утра. Какъ только вы входите, онъ быстро вскакиваетъ на ноги. Если хотите, спросите его: дома? Онъ вамъ отвѣтитъ: у себя-съ! Идите смѣло впередъ. Вотъ зала, стѣны которой выкрашены желтой краской; въ ней полдюжины стульевъ съ подушками, обитыми пестрымъ ситцомъ, жесткими какъ кирпичъ, и четыре стола: два ломберныхъ, краснаго дерева, съ нѣсколько покосившимися верхними досками и выдвижными подъ ними ящиками; одна изъ ножекъ каждаго изъ этихъ двухъ столовъ можетъ отодвигаться и встать въ любую позицію всѣхъ пяти фигуръ французской кадрили, остальные два стола простаго, но неизвѣстно какого дерева, потому-что выкрашены красной краской съ черными разводами. На двухъ стѣнахъ висятъ лампы новѣйшаго происхожденія. Далѣе слѣдуетъ гостинная, оклеенная шпалерами, которыя продаются въ табачныхъ лавкахъ губернскаго города по 5 коп. сер. за кусокъ. Въ ней — диванъ, шесть креселъ и столъ великой древности, прочности, неудобности и безобразія и сверхъ-того, два мягкія съ пружинами новѣйшаго происхожденія кресла, обитыя краснымъ сукномъ съ большими бахрамами и бѣлыми пуговками, что очень красиво. Подъ круглымъ столомъ разостланъ коверъ, а на столѣ лампа тоже новѣйшаго происхожденія. Окна гостинной задрапированы синей шерстяной матеріей. За гостиной слѣдуетъ еще комната, назначеніе которой очень не ясно. У одной стѣны стоитъ комодъ, составляющій со шкафомъ, помѣщеннымъ на немъ, нѣчто цѣлое. Сквозь стеклянныя двери этого шкафа вы видите на полкахъ многоразличныя чайныя чашки,

стаканы и чайники. У другой стѣны кровать съ постелью, надъ которой висятъ два ружья, два пистолета и сабля. Ломберный столъ, приставленный къ третьей стѣнѣ, замѣняетъ, должно быть, письменный, потому-что на немъ видна чернильница, нѣсколько листовъ почтовой бумаги, прессъ-папье, изображающее собаку, затѣмъ два подсвѣчника аплике со стеариновыми свѣчами, дагеротипный портретъ какой-то молодой особы женскаго пола, картина, вышитая шерстями и изображающая турецкаго витязя съ обнаженной саблей, очень хорошенькое, прихотливой работы и вѣроятно, дорогое порт-сигаръ и бархатная ермолка, шитая золотой битью, съ золотой же кисточкой. Въ настоящее время лежало еще развернутое письмо на розовой раздушенной бумажкѣ, написанное женской и, вѣроятно, трепетавшей рукой, потому что буквы были очень не равны ростомъ, строчки шли одна сверху внизъ, другая снизу вверхъ, а знаки препинанія помѣщались вовсе не на принадлежащихъ имъ мѣстахъ. Содержаніе письма слѣдующее:

„Очаровательный, несравненный, безцѣнный князь, мой Вольдемаръ! Я никакъ не могу согласиться на предложеніе. Я опасаюсь дурныхъ послѣдствій; ты знаешь какой здѣсь городъ и что могутъ сочинить. Не сердись на меня: ты знаешь какъ я тебя люблю. Я ни въ чемъ не могу отказать тебѣ и готова на все. О, ты не знаешь какъ я люблю тебя! Ты не можешь этого представить себѣ; каждую ночь, когда я ложусь спать, я думаю о тебѣ и воображаю тебя. Ты такъ хорошъ, такъ милъ, такъ очарователенъ, что смотрѣть на тебя, самое лучшее удовольствіе. Вѣрь, что я никого не любила до тебя и никогда

тебя не разлюблю. Ты моя жизнь. Я умру безъ тебя, если ты мнѣ измѣнишь. Когда тебя нѣтъ со мной, я умираю отъ тоски, мнѣ все не нравится и ни на что не могу смотрѣть. Пріѣзжай завтра непремѣнно и привози отвѣтъ на мое письмо. Цѣлую тебя милліоны тысячъ разъ. Помнишь въ залѣ, когда мы бываемъ одни и я играю на рояли: я часто объ этомъ вспоминаю. Пріѣзжай же, я жду тебя. Ты мой геній. Цѣлую твои усики. Твоя неизмѣнная, вѣрная, твоя навсегда Kathérine.

P. S. Видишь — я вѣрю въ тебя и не боюсь подписывать своего имени. Отвѣтъ передай въ залѣ, когда мы будемъ одни, или, если будетъ нельзя, то положи въ рояль, подсунь подъ доску".

На томъ же столѣ, на самой серединѣ его, лежалъ листъ бумаги, на которомъ былъ нарисованъ чернилами контуръ очень безобразной женской головки въ профиль и написано: „милый ангелъ Кети", что потомъ зачеркнуто, далѣе; „очаровательная Katherine! Я пришелъ въ ужасъ отъ твоего письма: ты меня не любишь и измѣнила мнѣ..." Далѣе помарки. Потомъ: „къ чему увѣрять, когда не чувствуешь того. Кататься съ мной — это очень можно сдѣлать и никто не узнаетъ. Если бы ты меня любила, ты бы согласилась..." На сторонѣ: „Милостивый Гос..." и „проба пера".... Болѣе ничего.

Передъ этимъ столомъ, въ большихъ волтеровскихъ креслахъ, работы очень аляповатой, сидѣлъ князь Бандуровъ, по квартирѣ котораго мы давно уже такъ безцеремонно расхаживали. Онъ одѣтъ въ халатъ, лицо его озабочено, брови нахмурены, въ рукахъ перо, которое онъ грызъ зубами съ нѣкоторымъ остервененіемъ. Онъ получилъ письмо отъ

предмета своего обожанія, отъ Катеньки Хрящевой и сочинялъ отвѣтъ на него.

Князь надумалъ какую-то великолѣпную фразу, ударивъ себя по лбу рукой, сказалъ: „чудесно"! и обмакнулъ уже перо въ чернильницу, когда въ кабинетъ къ нему вошелъ одинъ изъ его сослуживцевъ-офицеровъ — подпоручикъ Мармаровскій. Этотъ молодой офицеръ считался въ полку очень умнымъ человѣкомъ: онъ кончилъ курсъ въ гимназіи, любилъ читать книги, говорилъ много, но старался выражаться краснорѣчиво, имѣлъ привычку ходить медленно и придавать физіономіи выраженіе глубокой задумчивости; голова его была всегда склонена нѣсколько на бокъ, брови страшно нахмурены, а на губахъ постоянно саркастическая улыбка. Онъ показывалъ себя разочарованнымъ, восхищался Печоринымъ и вообще всѣми произведеніями Лермонтова, увѣрялъ, что ненавидитъ женщинъ, но костюмомъ своимъ доказывалъ особенное вниманіе къ своей особѣ, не избѣгалъ женскаго общества и очень любилъ общественныя удовольствія, хотя и принималъ въ нихъ участіе по видимому не охотно и съ насмѣшливой улыбкой. Взглядъ Мармаровскаго очень угрюмъ и свирѣпъ, характеръ очень раздражителенъ и задоренъ, лицо, отъ привычки хмурить брови, казалось сердито и сурово, но совсѣмъ этимъ забавный контрастъ составлялъ его очень маленькій ростъ и вообще миніатюрность тѣла, почему одинъ острякъ очень мѣтко назвалъ его маленькой бурей безъ молніи и грома.

— Что ты дѣлаешь, князь? спросилъ онъ входя и лѣниво протягивая хозяину руку.

— А вотъ, братецъ... отвѣчалъ князь съ многозначительной улыбкой, показывая ему на письмо Ка-

теньки: надо отвѣчать. Затѣмъ Бандуровъ отложилъ въ сторону записку и приготовляемый отвѣтъ.

— Какія-нибудь любовныя глупости.

— Да, братецъ. Что дѣлать? Сами льнутъ.

— Скажи, пожалуйста, какое ты въ этомъ находишь физическое или моральное удовольствіе.

— Ахъ. братъ, очень много. Конечно съ тобой объ тэихъ вещахъ толковать нечего: ты человѣкъ разочарованный... а по моему это... это... это — жизнь!..

— Не жизнь, а пошлость жизни, трата дорогого времени, котораго и безъ того недостаточно для развитія человѣческаго... Женщина по моему самое лишнее звѣно: онѣ только смущаютъ спокойствіе дѣйствительной жизни.

— Ну, да ты извѣстный философъ: вогъ бы на одну доску съ Крушинскимъ — тотъ тоже ничего не понимаетъ въ женщинахъ....

— А кстати: вчера я иду съ смотрителемъ уѣзднаго училища, гуляли мы, говорили о разныхъ предметахъ, и вдругъ вижу Крушинскій несется на чужой тройкѣ. Я ужъ думалъ: не купилъ-ли онъ себѣ этакую тройку и удивлялись какъ онъ вдругъ разбогатѣлъ, но смотритель говоритъ, что это лошади какихъ-то здѣшнихъ помѣщиковъ Коркиныхъ.

— Коркиныхъ?... Ахъ, мошенникъ, опять ѣздилъ... Вотъ, вѣдь, тоже философствуетъ, а увѣренъ, что волочится за Наденькой.

— Что это за Наденька?

— Это, братъ, чудо что такое: это перлъ, это созданіе...

— Да что это, дочь что-ли Коркиныхъ? Я слышалъ что-то объ ней, да не обратилъ вниманія...

— Я тебѣ говорю это... это надо умѣть выразить, что это такое. Сверхъ того одна дочь и ты-

сяча душъ... Вотъ, братъ, Мармаровскій, вотъ дѣвушка... я тебѣ это могу сказать.

— Я думаю фантастическіе восторги, либо одна бездушная внѣшность.

— Ну ужъ, братъ, извини не одна внѣшность: съ ней можно поговорить... А какъ играетъ на фортепіано... ну, Мармаровскій...

Князь Бандуровъ щелкнулъ пальцами и мызгнулъ губами.

— А, артистка, это интересно, если правда.

— Я тебѣ говорю: ты бы послушалъ, такъ то же бы сказалъ.

— Да признаюсь, я бы послушалъ съ удовольствіемъ, если она точно музыкантша... Захвати меня, если поѣдешь къ нимъ.

— Изволь. Да знаешь что: поѣдемъ сегодня... Нѣтъ сегодня нельзя: надо къ Хрящевымъ, а завтра... Только, братъ, признаюсь тебѣ: какая кокетка. Вообрази: я заинтересовалъ ее сразу. Ну, мы говорили, болтали, смѣялись... Ну, вѣдь, ужъ вижу, что интересуется: играла для меня. Только вдругъ показываетъ видъ холодности и начинаетъ говорить съ Крушинскимъ. Да, вѣдь, я знаю эти штуки: она думала, что я стану ухаживать; а я взялъ фуражку да и уѣхалъ. Теперь ужъ знаю, что будетъ внимательнѣе.

— А, такъ она не выходитъ изъ колеи ничтожества: тѣ же пошлые интересы, какъ и у всѣхъ женщинъ, а я думалъ, что она какое-нибудь исключительное существо.

— Да ты только посмотри на нее. Ну, вѣдь, согласись: я въ женщинахъ, какъ и въ лошадяхъ долженъ знать: сколько ихъ чрезъ мои руки проходило. Ну, клянусь тебѣ: право, такой не удавалось видѣть. Вотъ, вѣдь, Катенька хороша, а не то: нѣтъ

этого... какъ бы тебѣ сказать, этого очарованія, упоенія этого нѣтъ. Ты съѣзди только...

— Да я, пожалуй, съѣзжу: все равно здѣсь тоска же. Чортъ знаетъ какъ скучно: книгъ нѣтъ, у смотрителя какія были всѣ перечиталъ... А Крушинскій какъ же съ ними познакомился?

— Онъ лечитъ у нихъ. И тоже влюбленъ, ужъ я вижу. Да нѣтъ, шалишь Крушинскій. Поѣдемъ завтра, Мармаровскій, непремѣнно: право, какъ вспомню объ ней, такъ сердце и замретъ... Тебѣ тамъ не скучно будетъ: у нея есть тетка, кажется образованная женщина... изъ Петербурга... съ ней будешь говорить... А ужъ Наденька, Наденька!... Ну!... братъ, Мармаровскій, я просто безъ ума отъ нея... Коли на то пойдетъ, я, право, женюсь на ней.

— Конечно, жениться—значитъ связать себя неразрывными узами безвыходнаго положенія, но это все-таки лучше пустыхъ интригъ... Но развѣ ты имѣешь надежду?...

— Она сама моя надежда! воскликнулъ князь, очень довольный своимъ каламбуромъ.

Мармаровскій насмѣшливо улыбнулся.

— Такъ ѣдемъ, что ли?

— Пожалуй! лѣниво отвѣчалъ разочарованный подпоручикъ. А вечеромъ ты сегодня у Хрящевыхъ?

— Да.

— Вѣдь, и тамъ тоже у тебя сердечная болѣзнь?

— Да, братецъ, это такъ, отъ нечего дѣлать.

— Удивляюсь, право, какъ тебѣ не надоѣстъ эта постоянная возня съ женщинами, въ которыхъ одна пустота.

— Что же тутъ можетъ надоѣсть? Напротивъ, очень пріятно: я, по крайней мѣрѣ, не скучаю вотъ такъ, какъ ты, и не сдѣлался разочарованнымъ.

— Я испилъ чашу до дна, мрачно возразилъ подпоручикъ.

— Послушай, Мармаровскій, признайся откровенно: неужели ты никогда не былъ влюбленъ.

— Былъ, и страстно.

— Ну скажи же, неужели тебѣ было непріятно волочиться?

— Волочиться! воскликнулъ Мармаровскій съ презрительной, горькой улыбкой. Это вы только умѣете волочиться. Я любилъ неистово, вся моя жизнь была въ той любви и у меня разбили эту жизнь. Я нашелъ одно коварство, обманъ въ той, которую любилъ, проклялъ женщинъ и съ тѣхъ поръ ненавижу ихъ всѣхъ.

— Это послѣ одной-то неудачи? Ну, братъ, изсохъ же ты. А то попробуй еще: не удалось съ одной, такъ съ другой удастся.

— У меня не такая натура: я никогда не прощаю обидъ. Рана, которую нанесли моему сердцу никогда не заживаетъ; ее всегда сосетъ змѣя благородной гордости и злобы... Но тебѣ не понять этого, князь.

— Что тутъ понимать? ты просто чудакъ, либо только такъ прикидываешься, что не можешь полюбить; помнишь Машеньку Круглову, которую я у тебя отбилъ, вѣдь, былъ влюбленъ — признайся.

— Какъ странно понимаешь ты слово: влюбленъ. Развѣ это значитъ любовь, когда я хотѣлъ только одурачить дѣвушку.

— Какое хотѣлъ одурачить: она тебя одурачила. Мармаровскій вспыхнулъ.

— Я никому не позволю дурачить себя, а тѣмъ болѣе женщинѣ, сказалъ онъ съ горячностью.

— Да, пожалуй, не позволяй — и не спросятъ.

Князь захохоталъ веселымъ смѣхомъ.

— Перестань, князь: это очень глупо, смѣешься самъ не знаешь чему.

— Да, какъ же, братецъ, не смѣяться, коли смѣшно.

— Ну, оставь для себя свои пошлыя фразы. Послѣ этого я ходить не стану къ тебѣ.

Мармаровскій схватился за каску.

— Да ну, ну, полно! Ну, разочарованный, ненавидишь женщинъ, мнѣ-то что до этого за дѣло. За что же ты сердишься-то?

— Какъ же не сердиться на тебя, если ты хохочешь, ничего не понимая.... Прощай.

— Прощай.... Такъ что же? ты поѣдешь что-ли къ Коркинымъ-то?

Мармаровскій, ничего не отвѣчая, шелъ въ прихожую.

— Эй, Мармаровскій, полно дуться - то: скажи же — заѣзжать ли за тобой завтра или нѣтъ.

— Какъ хочешь!

И маленькая буря скрылась изъ квартиры князя Бандурова, крѣпко захлопнувши за собою двери.

— Нѣтъ, вѣдь, не тебѣ, Мармаровскій, вести дѣло съ женщинами, подумалъ князь Бандуровъ, снова принимаясь за письмо къ Катенькѣ. Хотя говорятъ ты и уменъ и книгъ много читаешь, да физика-то у тебя очень плоха.

И Бандуровъ съ самодовольной улыбкой посмотрѣлся въ зеркало.

Вечеромъ онъ отправился къ Коркинымъ. Катенька находилась въ очень тревожномъ состояніи: теперь у нея была тайна переписки съ любимымъ человѣкомъ и эта тайна еще болѣе волновала влюбленное сердце дѣвы: Что-то онъ чувствовалъ, читая мое

письмо, что-то онъ написалъ въ отвѣтъ, какъ бы не открылась наша переписка? — думала Катенька и сердце ея замирало.

Долго, въ теченіе вечера, не могли они остаться совершенно наединѣ; наконецъ случай представился.

— Получилъ ты мое письмо? спросила она его.

— Получилъ.

— А отвѣтъ написалъ?

— Вотъ онъ.

— Вольдемаръ! пролепетала Катенька, принимая изъ рукъ князя записку, которую она сначала приложила къ груди, противъ того мѣста, гдѣ билось ея нѣжное сердце, потомъ быстро опустила за лифъ.

— Ты не любишь меня, Kathérine, съ упрекомъ сказалъ князь.

— Вольдемаръ, тебѣ не грѣхъ?

— Но отчего ты не соглашаешься на мою просьбу?

— Клянусь тебѣ: я не могу, я не должна этого дѣлать.

— Отчего?

— Я боюсь, Вольдемаръ...

— Бояться нечего: я увѣряю тебя, что никто не узнаетъ.

— Да и для чего это?

— Вотъ вопросъ! Разумѣется, для того, чтобы быть вмѣстѣ.

— Ты можешь быть у насъ каждый день: папа и мама любятъ тебя. Я готова быть твоей женой, твоей рабой, но ни зачто не соглашусь на твое предложеніе.

— Не согласишься?

— Нѣтъ, Вольдемаръ! Князь!... пожалѣй моихъ родителей, пощади меня!

— Тутъ нечего жалѣть, нечего щадить.... Я прошу только доказать мнѣ этимъ любовь твою.

— Нѣтъ, нѣтъ, требуй чего хочешь, только не этого.

— О, въ такомъ случаѣ, прощайте.

— Ты хочешь ѣхать.

— Да, мнѣ пора домой.

— Еще рано.

— Нѣтъ пора, завтра я ѣду къ Коркинымъ.

— Къ Коркинымъ!.... простонала Катенька.

— Да. Вы не любите меня, вы все обманываете: тамъ будутъ меня любить больше вашего....

— Князь, вы измѣняете мнѣ, вы предпочитаете мнѣ другую... Богъ съ вами... Я ожидала этого... Вы убьете меня.

— Но вы сами мучите меня: вы не любите меня, потому что не хотите исполнить моей просьбы, чтобы доказать любовь свою....

— Князь, я для васъ многимъ жертвовала: вспомните эту самую залу.... Вольдемаръ, умоляю тебя, не ѣзди къ Коркинымъ,

— А ты сдѣлаешь, о чемъ я просилъ?...

Катенька молчала.

— Что же вы не говорите?

Катенька безмолвствовала.

— Вы хотите играть мною.... Прощайте.

— Князь, отдайте мнѣ мое письмо.

— Нѣтъ, не отдамъ, оно мое сокровище...

И чтобы предупредить дальнѣйшее объясненіе, которое могло коичиться совершенной размолвкой, и чувствомъ ревности помучить непреклонную, князь поспѣшилъ проститься съ Татьяной Ивановной и уѣхалъ домой.

Катенька побѣжала въ свою комнату, заперла

двери, вынула изъ-за лифа дорогое посланіе, перечитала его нѣсколько разъ, осыпая горячими поцѣлуями, потомъ въ горькихъ слезахъ бросилась на свое дѣвственное ложе, безпрестанно повторяя самой себѣ: что же мнѣ дѣлать? неужели я должна согласиться?...

Бѣдная Катенька!

XIII.

На слѣдующій день, часовъ въ 12 утра, князь Бандуровъ вмѣстѣ съ Мармаровскимъ, все еще сердитымъ на него, но не отказавшимся сопровождать насмѣшливаго товарища, ѣхалъ на своей лихой тройкѣ въ Родовое - Подгородное. Такимъ же молодцемъ, какъ и въ прошедшій разъ, подлетѣлъ онъ къ усадьбѣ.

За полчаса передъ нимъ сюда же пріѣхалъ Крушинскій, за которымъ нарочно посылала лошадей все еще больная Катерина Михайловна. Онъ сидѣлъ глазъ на глазъ съ нею въ ея спальнѣ, когда вбѣжавшая горничная доложила, что пріѣхали гости: князь, да еще какой-то офицеръ незнакомый. При этомъ извѣстіи Крушинскій нахмурился, а Катерина Михайловна весело улыбнулась и была очень довольна: она объявила доктору, что чувствуетъ себя въ силахъ одѣться и выйти къ гостямъ, на что Крушинскій охотно согласился. Пока хозяйка приводила въ порядокъ свой туалетъ, Крушинскій вышелъ къ гостямъ.

— А, Крушинскій, ты здѣсь? спросилъ его князь Бандуровъ, здороваясь.

— Какъ видишь, отвѣчалъ докторъ.

Потомъ, воспользовавшись тѣмъ временемъ, пока

Ѳедоръ Ивановичъ разговаривалъ съ Мармаровскимъ, онъ подошелъ къ Аркадію Николаичу и сказалъ ему на ухо:

— Послушай, Крушинскій, а ты помнишь твое обѣщаніе?

— Какое?

— А не волочиться за Наденькой.

— Ты безумецъ, князь... Крушинскій съ негодованіемъ отвернулся отъ князя Бандурова.

Всѣ трое молодыхъ людей съ нетерпѣніемъ, хотя всякой съ различными чувствами, ожидали Наденьку. Наконецъ она явилась вмѣстѣ съ своей тетушкой... Всѣ встрепенулись.

— А, князь, сказала она Бандурову, ласково здороваясь съ нимъ, наконецъ-то, вы насъ вспомнили.

Съ Мармаровскимъ она также любезно раскланялась, а Крушинскому едва кивнула головой. Кровь остановилась въ жилахъ доктора отъ этого невниманія и предпочтенія, оказаннаго передъ нимъ другому. Ему казалось, что онъ возненавидѣлъ Наденьку. Какъ ошеломленный опустился онъ въ кресла.

Бандуровъ замѣтилъ оказанное ему предпочтеніе, самодовольно взглянулъ на Мармаровскаго, насмѣшливо на Крушинскаго и сталъ разсыпаться передъ Наденькой въ любезностяхъ.

Крушинскій сидѣлъ молча и пожиралъ собесѣдниковъ глазами: гнѣвъ его возрасталъ и ожидалъ только повода, чтобы разразиться на комъ-нибудь ядовитою насмѣшкой или колкостью. Наденька, по видимому, не обращала на него никакого вниманія, что еще больше бѣсило Крушинскаго.

Мармаровскій, представленный дамамъ, раскланялся съ своимъ обычнымъ мрачнымъ видомъ. Хотя разочарованное сердце его, при взглядѣ на Наденьку,

забилось гораздо сильнѣе обыкновеннаго, хотя даже тетушка, какъ столичная жительница, къ которымъ онъ вообще питалъ особенное, слѣпое уваженіе, очень интересовала его, но онъ молчалъ до времени, выжидая случая показать себя лицомъ передъ интересными особами.

— Ну, какъ вы, Надежда Ѳедоровна, послѣ столицы привыкаете къ деревенской жизни? спросилъ между прочимъ князь Бандуровъ: я думаю, скучаете.

— Напротивъ. Я привыкла къ деревенской жизни прежде, нежели узнала столичную: она для меня совсѣмъ не новость, отвѣтила Наденька.

— Мнѣ кажется, подхватилъ Мармаровскій, что деревенская жизнь еще лучше столичной, потому-что скорѣе можетъ успокоить душу.

— А мнѣ кажется, замѣтила Клеопатра Петровна, что спокойствіе душевное зависитъ не отъ города и не отъ деревни, а отъ самого человѣка и отъ обстоятельствъ его жизни.

— Совершенно справедливо. Я и говорю о тѣхъ людяхъ, которымъ все прискучило, которые смотрятъ на все равнодушно и находятся въ постоянной тоскѣ.

— То есть такимъ разочарованнымъ, какъ ты, прибавилъ Бандуровъ.

— Можетъ быть, неопредѣленно отвѣтилъ Мармаровскій.

Такимъ образомъ, отрекомендовавъ себя съ помощью князя Бандурова, Мармаровскій ожидалъ какое впечатлѣніе произведетъ онъ на дамъ. Наденька смотрѣла на него съ любопытствомъ и, если бы находилась въ болѣе веселомъ расположеніе духа, то непремѣнно бы расхохоталась надъ разочарованнымъ подпоручикомъ; но Клеопатра Петровна заинтересовалась имъ больше,нежели Наденька.

— Какъ, вы считаете себя разочарованнымъ жизнію? спросила она.

— Да, признаюсь, мнѣ надоѣла жизнь со всею своею пошлостью, суетой и ничтожностью.

— Но вы такъ молоды еще, чтобы жизнь могла вамъ надоѣсть: вы должны любить ее.

— Хотя я и молодъ, madame, но я испыталъ много непріятнаго въ жизни, много видѣлъ лжи, обмана, коварства, хитрости — и жизнь мнѣ опротивѣла.

Клеопатра Петровна слушала Мармаровскаго съ недовѣрчивостью: она сама любила рисоваться разочарованіемъ, считая его признакомъ высокаго ума, особенной душевной силы и большой жизненной опытности. Въ то же время она знала, какъ мало было правды и искренности въ ея собственномъ разочарованіи.

— Признаюсь, я мало вѣрю въ разочарованную молодость, сказала она: молодость всегда любитъ жизнь и ея наслажденія, она смотритъ на все довѣрчиво и не имѣетъ опытности; а разочарованіе приходитъ только вмѣстѣ съ нею.

— Въ такомъ случаѣ вы не будете вѣрить въ разочарованіе Байрона и Лермонтова, потому-что они оба были молодые люди; а между тѣмъ во всѣхъ ихъ сочиненіяхъ видно, что они смотрѣли на жизнь сквозь призму... сквозь призму...

Мармаровскій никакъ не могъ объяснить сквозь какую именно призму смотрѣли Байронъ и Лермонтовъ.

— Да что это такое за разочарованіе, растолкуйте мнѣ, господа, пожалуста! вмѣшался Ѳедоръ Иванычъ. Въ наше время молодость любила веселиться, прыгать, не знала никакой тоски и не слы-

хала никогда о вашемъ разочарованіи: откуда же оно взялось?

— Я не знаю, что значитъ разочарованіе, отвѣтилъ Крушинскій, но знаю, что если благородное, готовое къ любви сердце разобьютъ злымъ кокетствомъ или оттолкнутъ неблагодарностью и непониманіемъ, если не только не оцѣниваютъ, какъ должно, но осмѣиваютъ истинныя достоинства человѣка, то не мудрено, что задушатъ въ душѣ всѣ прекрасныя начала и вмѣсто любви поселятъ въ сердцѣ злобу и ненависть.

Лицо Крушинскаго, при этихъ словахъ, покрылось багровымъ, болѣзненнымъ румянцемъ, въ голосѣ его слышалось сильное раздраженіе. Наденька съ испугомъ взглянула на Крушинскаго: онъ поймалъ этотъ взглядъ и встрѣтилъ его съ презрительной улыбкой. Наденька опустила глаза, ей сдѣлалось ужасно грустно, но презрительная улыбка Крушинскаго возмутила ея гордость и помѣшала сожалѣнію, которое готово было возбудиться въ душѣ ея. Она рѣшилась продолжать свое мщеніе и заставить Крушинскаго раскаяться въ его неумѣстной раздражительности.

— А по моему, замѣтилъ князь Бандуровъ, разочарованіе — чистѣйшая глупость... Ну, что это такое... разочарованіе?... Это такъ только говорятъ. Всякій гораздо больше любитъ веселиться, проводить время въ пріятныхъ развлеченіяхъ, нежели скучать. Не правда ли, Надежда Ѳедоровна? Вы согласны со мной?

— Совершенно согласна, кокетливо отвѣтила Наденька.

— Еще бы вы, князь, насмѣшливо сказалъ Крушинскій, стали прикидываться разочарованнымъ — это было бы очень забавно... Ваше розовое личико

всегда такъ весело, выражаетъ такое самодовольство, что ручается за ваше счастье и совершенное душевное спокойствіе... Вѣроятно, и сердце ваше такое же спокойное, такое же невозмутимо-веселое, что не способно испытывать никакого тревожнаго и сильнаго чувства.

— Что же, развѣ это дурно, что мое лицо всегда весело? спросилъ князь Бандуровъ, не выразумѣвшій хорошенько, что хотѣлъ сказать докторъ и долженъ ли онъ сердиться на него за эти слова.

— Кто же вамъ говоритъ, что дурно. Напротивъ, вы счастливчикъ: съ вашимъ лицомъ вы можете приносить только счастье другимъ.

Мармаровскій понялъ насмѣшку Крушинскаго и былъ очень ею доволенъ: онъ сердился на князя еще и за вчерашнюю бесѣду и досадовалъ за предпочтеніе, которое оказывала ему Наденька.

Когда вошла Катерина Михайловна и также съ особенною любезностью обратилась къ князю, Мармаровскій подошелъ къ доктору.

— Какъ глупъ и самоувѣренъ этотъ князь! — сказалъ онъ вполголоса.

— Вы находите? неопредѣленно спросилъ Аркадій Николаичъ, не желая ни показать, что онъ раздѣляетъ образъ мыслей Мармаровскаго, ни оспоривать его мнѣніе.

— Вы его отлично отдѣлали; только онъ, кажется, не понялъ.

Крушинскій молчалъ.

— И такое счастье этому олуху, розовому купидону: посмотрите — какое оказываютъ ему всѣ вниманіе.

— Да, вѣдь, вы разочарованный и не любите людей: что же вамъ за дѣло до людскаго вниманія?

— Да досадно смотрѣть... Послушайте: должно быть эта дѣвушка пустая, какъ и все женское, ничтожное поколѣніе.

— А что, вы ужъ успѣли заинтересоваться ею?

— Э, полноте, возразилъ Мармаровскій, нѣсколько смущаясь, меня не можетъ заинтересовать теперь никакое чудо красоты женской. Нѣтъ; но я вижу ее въ первый разъ, а вы давно знакомы, слѣдовательно вполнѣ знаете что это за особа. Говорятъ, она отлично играетъ на фортепіянахъ?

— Я самъ вижу ее въ третій или четвертый разъ и потому ничего не могу вамъ сказать о ней, кромѣ того, что она дѣйствительно хорошо играетъ.

— Я вѣрю вамъ, Крушинскій, но это вниманіе ея къ князю Бандурову доказываетъ въ ней отсутствіе... отсутствіе этого... это неумѣнье... доказываетъ, что ея натура очень мелкая, способная увлекаться такими ничтожными людьми, какъ Бандуровъ... Странно это соединеніе таланта съ... съ такой пустотой душевной... Въ женщинахъ это часто случается.

Но Крушинскій не слушалъ этого ненавистника женщинъ.

— Вижу въ третій или въ четвертый разъ, думалъ онъ, и сколько уже страдалъ, сколько любовь моя въ теченіе короткаго времени дала мнѣ мученій... Что же будетъ дальше и чего ожидаю я, чего надѣюсь, къ чему иду?.. Нѣтъ, мнѣ надобно бѣжать отъ нея, мнѣ должно отказаться отъ этой безнадежной, мучительной страсти. Эта дѣвукка не стоитъ моей любви: она кокетка даже и теперь, въ шестнадцать лѣтъ...

Крушинскій взглянулъ на Наденьку: она превесело разговаривала съ Бандуровымъ, по видимому вовсе

не замѣчая его присутствія. Онъ замѣтимъ въ то же время, что и Катерина Михайлочна и Клеопатра Петровна, забывши о прочихъ своихъ гостяхъ, поддерживали бесѣду молодыхъ людей. Чувство гордости присоединилось къ чувству ревности. Крушинскій внутренно далъ себѣ слово не бывать больше въ этомъ домѣ, отыскалъ Ѳедора Иваныча, который не задолго передъ тѣмъ вышелъ изъ гостинной, и просилъ его приказать приготовить для него лошадей, чтобъ ѣхать въ городъ. Ѳедоръ Иванычъ, послѣ нѣкоторыхъ слабыхъ возраженій, согласился на его просьбы. Это было сдѣлано такимъ образомъ, что Катерина Михайловна и Наденька узнали о намѣреніи доктора уѣхать домой тогда уже, когда онъ съ фуражкою въ рукахъ, подошелъ проститься. Хозяйка возстала противъ этого намѣренія, уговаривала его остаться по крайней мѣрѣ отобѣдать, но Крушинскій настаивалъ на необходимости быть въ городѣ. Впрочемъ, когда, раскланиваясь съ Наденькою и помня, что прощается съ нею можетъ быть на вѣки, онъ съ тоской взглянулъ на нее и встрѣтилъ взглядъ, въ которомъ выражалось такъ много любви, преданности, ласки и въ то же время нѣжнаго упрека, то мгновенно пропала вся его рѣшимость не сближаться болѣе съ Наденькой.... И трудно пересказать, что тогда совершалось въ душѣ доктора: онъ чувствовалъ какъ въ сердцѣ его текло невыразимое блаженство отъ взгляда Наденьки и въ то же время его гнала тоска отъ мысли, что, можетъ быть, этотъ взглядъ не больше, какъ chef-d'oeuvre утонченнаго кокетства. Между тѣмъ ему должно было ѣхать, должно было скрывать то, что происходило въ душѣ его, голова его кружилась, въ глазахъ темнѣло, онъ не помнилъ, какъ вышелъ изъ гостинной, со-

провождаемый Катериною Михайловною, какъ вышелъ изъ дома и сѣлъ въ сани. И долго мысли и чувства его были въ неясномъ, смутномъ состояніи. Только на половинѣ пути онъ почувствовалъ, что шуба, накинутая кое какъ, сползла съ его плечъ и что грудь его была открыта сильному зимнему вѣтру и морозу. Онъ озябъ и чувствовалъ дрожь во всѣмъ тѣлѣ.

— Нѣтъ, она кокетка, злая кокетка. Ей ни почемъ подарить человѣка, котораго она не любитъ, такимъ взглядомъ... Она смѣется надъ моимъ чувствомъ и какимъ чувствомъ, Господи!...

Вотъ на какой опредѣленной мысли, наконецъ, остановился Крушинскій и онъ снова рѣшился разорвать всѣ отношенія съ домомъ Коркиныхъ, онъ хотѣлъ, онъ готовъ былъ просить у Бога ненависти къ Наденькѣ вмѣсто той любви, которою теперь противъ его воли наполнялось сердце.

Но напрасно думалъ Крушинскій, что Наденька не замѣчала его, что она была увлечена бесѣдою съ княземъ. Правда, она не смотрѣла на него, но чувствовала его присутствіе, понимала почти все, что происходило въ душѣ его, страдала за него и за себя, и въ то же время имѣла силы скрывать настоящее свое чувство, показывать себя веселой, довольной, была въ состояніи помучить того, кого любила больше всего на свѣтѣ.

Что происходило въ душѣ Наденьки, которая любила Крушинскаго, понимала его страданія, сознавала, что она сама отчасти виновата въ нихъ, и въ то же время должна была скрывать свои чувства, казаться веселой и быть любезной съ человѣкомъ, общество котораго почти не выносимо — это легко пойметъ каждая изъ моихъ читательницъ, которая когда-либо въ жизни испытала подобное состояніе.

Для прочихъ же сообщу одинъ результатъ этой внутренней пытки, которую переносила наша героиня: она почувствовала совершенное отвращеніе къ князю Бандурову и вскорѣ послѣ отъѣзда Крушинскаго, не переставая быть веселой по видимому и разговорчивой, приняла насмѣшливый тонъ. Она дѣйствовала такъ умно и ловко, что не оскорбляя самолюбія князя и не давая ничего замѣтить окружающимъ, успѣла такъ сбить Бандурова на всѣхъ пунктахъ его разговора, что тотъ совершенно растерялся, не зналъ какъ понимать обращеніе Наденьки, не зналъ о чемъ говорить съ ней и, чтобы хоть чѣмъ-дибудь поддержать бесѣду, началъ просить Наденьку съиграть что нибудь. Она отказалась.

— Ради Бога, Надежда Ѳедоровна, съиграйте что нибудь, настаивалъ Бандуровъ, вы такъ очаровательно играете, а я такъ страстно люблю музыку, что вы мнѣ доставите необыкновенное удовольствіе.

— Неужели я въ самомъ дѣлѣ такъ хорошо играю, а вы такъ любите музыку?

— Увѣряю васъ: я никогда не слыхалъ ничего подобнаго вашей игрѣ; а я ужасно люблю музыку и ищу всегда случая слушать ее.

— Не вѣрю: если бы вы въ самомъ дѣлѣ были такой любитель, а я такая артистка, то вы давно бы уже попросили меня играть.

— Но я не смѣлъ васъ безпокоить.

— Однако теперь безпокоите же, даже тогда, когда я отказалась играть.

— Но... но... Бѣдный князь не нашелся ничего возразить.

— И я слышалъ о вашемъ артистическомъ талантѣ, вмѣшался Мармаровскій, остававшійся до сихъ

поръ въ тѣни, и если позволите, то я тоже просилъ бы васъ доставить вашей игрой высокое эстетическое наслажденіе, которымъ мы, въ нашей скучной жизни здѣсь, почти не пользуемся.

— А вы тоже любите музыку?

— Я не ученый знатокъ въ ней, но я глубоко чувствую впечатлѣнія, которыя производитъ музыка на душу.

— А вы какія впечатлѣнія болѣе любите испытывать: веселыя или грусныя?

— Я люблю болѣе мрачную мелодію.

— Отчего это?

— Мрачная мелодія музыки болѣе соотвѣтствуетъ настроенію моей души.

— Неужели ваша душа всегда въ мрачномъ настроеніи?

— Да, мнѣ рѣдко улыбалась жизнь своей свѣтлой радостью, а потому не мудрено, что моя душа привыкла къ мраку.

— Ахъ, бѣдненькая! ей должно быть очень скучно сидѣть въ потемкахъ.

Наденька сама невольно усмѣхнулась при этой фразѣ. Мармаровскій нѣсколько сконфузился, еще больше нахмурился, но, не желая замолчать и уступить передъ женщиной, произнесъ.

— Эти потемки, можетъ-быть, разсѣетъ ваша игра.

— Нѣтъ, monsieur, pardon: вы просите мрачной музыки, а я очень веселаго характера, и всѣ пьесы, которыя я играю самаго веселаго содержанія.

Мармаровскій тоже долженъ былъ со стыдомъ ретироваться передъ однимъ изъ членовъ ничтожнаго женскаго поколѣнія, но къ нимъ на помощь явилась Катерина Михайловна.

— Что же ты, Надина, не съиграешь ничего: отчего не хочешь доставить удовольствіе?

— Право maman, я что то не расположена; но если моя музыка дѣйствительно можетъ доставить удовольствіе, то я готова.

— О, ради Бога! подхватили въ одинъ голосъ князь Бандуровъ и Мармаровскій.

Въ сопровожденіи молодыхъ людей, Наденька подошла къ роялю.

— Вы, князь, говорили мнѣ въ тотъ разъ, что очень любите танцовальные пьесы и что сами много ихъ играли прежде. Я очень помню ваши слова и, чтобы доставить вамъ удовольствіе, съиграю очень миленькую польку... Послушайте: какъ хороша.

И не давши ничего возразить князю, она начала играть, какъ попало, одну изъ безчисленнаго множества разродившагося на бѣломъ свѣтѣ поколѣнія безтолковыхъ полекъ.

— Не правда ли, messieurs, какъ хороша? спросила она, кончивши.

— Очаровательно хороша! воскликнулъ простодушный князь.

— Но я просилъ бы васъ съиграть что-нибудь болѣе серьезное, прибавилъ Мармаровскій.

— Это въ мрачномъ духѣ, нѣтъ извините: мнѣ такъ теперь весело, что я даже не могу припомнить, есть ли у меня хоть одна пьеса въ такомъ духѣ. А впрочемъ, да, вотъ, вотъ вспомнила: я вамъ съиграю погребальный маршъ! онъ очень не новъ, меня учили ему еще тогда, какъ я только что начала приниматься за фортепіяно, но всетаки онъ очень хорошъ и вамъ понравится, потому что очень мраченъ. Она съиграла маршъ и выщла изъ за рояля со словами: больше не могу, messieurs, я хотѣла только исполнить ваше желаніе.

Оба офицера были поставлены въ тупикъ и не

знали что думать, что говорить: благодарить или сердиться. Между тѣмъ Наденька продолжала вести бесѣду съ гостями въ такомъ духѣ до самаго ихъ отъѣзда, и поведеніе ея съ ними было очень похоже на самое утонченное кокетство: она то привлекала ихъ къ себѣ ласковымъ взглядомъ, привѣтливой улыбкой, то колола очень больно и безнаказанно, какъ умѣютъ колоть только женщины. Она вымѣщала на нихъ свои душевныя страданія, которыя они еще болѣе увеличивали своимъ присутствіемъ. Разставшись съ Наденькой, князь Бандуровъ помнилъ только ея вниманіе къ себѣ и, по самоувѣренности своей, не хотѣлъ придавать никакой важности ея насмѣшкамъ, изъ которыхъ иныя, по ихъ утонченности, не были даже имъ поняты; Мармаровскій, напротивъ, уѣхалъ врагомъ Наденьки: самолюбіе его было болѣзненно раздражительно и потому онъ помнилъ каждую фразу Наденьки, въ которой была хотя малѣйшая тѣнь насмѣшки. Вслѣдствіе этого между молодыми людьми на обратномъ пути ихъ домой, произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Ну что, Мармаровскій, какъ тебѣ нравится Наденька; не правда ли моя, что чудо что такое? спросилъ князь Бандуровъ.

— Самоувѣренная, пустая дѣвчонка и больще ничего. Наговорили Богъ знаетъ что про ея красоту; а рѣшительно ничего нѣтъ особеннаго.

— Что это братъ ты, Мармаровскій, какъ вооружился.... Или оттого, что она на тебя мало обращала вниманія?

— Да, кажется, и на тебя тоже.

— Ну, ужъ извини. Неужели ты не замѣтилъ, что она не равнодушна ко мнѣ?

— Если всѣ также неравнодушны къ тебѣ, такъ

поздравляю: она безпрестанно смѣялась надъ тобой... А ты это и не замѣтилъ?... Ха, ха, ха!

— Когда же, когда она смѣялась надо мной?... Если она что и говорила мнѣ на зло, такъ ты не понимаешь женщинъ: онѣ всегда такъ дѣлаютъ съ тѣми, кто ихъ интересуетъ... нарочно, чтобы немножко посердить...

Мармаровскій принялся хохотать саркастическимъ смѣхомъ.

— Да чему же ты хохочешь? тты совсѣмъ не понимаешъ женщинъ, а смѣешься самъ не знаешь чему.

— Ха, ха, ха! Утѣшайся, утѣшайся: надъ нимъ въ лицо насмѣхаются, его дурачатъ, а онъ воображаетъ, что имъ интересуются... Ахъ, князь... Ха, ха, ха!

— Ну полно, Мармаровскій, это очень глупо: я понимаю, что ты изъ зависти говоришь это. Надъ тобой, такъ вотъ она смѣялась, я самъ видѣлъ, какъ сказала, что у тебя душа-то въ потемкахъ сидитъ. Ха, ха, ха! Эка, вѣдь, милашка, вѣдь какъ скажетъ... А ты думалъ, что очаруешь ее своимъ мракомъ душевнымъ? а? Мармаровскій?

Мармаровскій принялъ серіозный видъ.

— Слишкомъ было бы много чести для такой дѣвушки, сказалъ онъ съ презрительной улыбкой, если бы я хоть минуту подумалъ о ней неравнодушно: я пересталъ бы уважать самого себя... А что она не понимаетъ состоянія разочарованной души — это только доказываетъ ограниченность ея ума, вѣтренность сердца и пошлость ея души... Ну, хорошо же у тебя и пониманіе музыки: разсказывалъ, что она великая артистка, а она просто барабанитъ безъ смысла и чувства.

— Да она не хотѣла играть сегодня: это она на смѣхъ тебѣ съиграла погребальный маршъ, что ты этакая погребальная фигура; а ты послушалъ бы какъ она въ тотъ разъ играла для одного меня...

— Такъ она должно быть въ тотъ разъ и убѣдилась, что ты ничего не можешь понять, кромѣ глупой польки, по этому-то она и играла сегодня для тебя... Ха, ха, ха! Ахъ, князь, князь, хотя бы ужъ не хвалился своими побѣдами!

— Такъ что же ты думаешь: неужели ты воображаешь, что какая нибудь дѣвица предпочтетъ тебя мнѣ?

— Да во первыхъ, братъ, я презираю вообще всѣхъ женщинъ, а во вторыхъ, еслибъ я и могъ влюбиться, такъ ужъ вѣрно не въ такую пошлость, въ какія ты безпрестанно влюбляешься.

— Ахъ, гдѣ это ты видѣлъ такихъ необыкновенныхъ женщинъ?... Позвольте спросить.

— Можетъ быть, ты и больше меня видѣлъ, только не умѣлъ разсмотрѣть, потому-что выборъ твой никогда не обличалъ большого вкуса.

— Ну, а твоего вкуса и совсѣмъ не видали; а видѣли только, что на тебя никто не обращаетъ вниманія.

— Скажи лучше, что я ни на кого не обращаю вниманія.

— Э, да полно, Мармаровскій, фанфаронить ... скучно слушать.

— Мнѣ тебя еще скучнѣе, потому-что ты, не имѣя ни какихъ убѣжденій, основанныхъ на ... на изученіи жизни, горячишься, какъ маленькій ребенокъ.

— А ты не горячишься, что ли? ... Несешь какую-то околесную.

— Ну, конечно, тебѣ всякая здравая мысль, сколько нибудь почерпнутая изъ глубины, непонятна.

— Вычиталъ изъ книгъ, да и говоришь самъ не знаешь что.

— Ахъ, князь, какъ это пошло. Ты самъ не способенъ размышлять, такъ думаешь, что всякая мысль непремѣнно вычитана изъ книги. Право, съ тобой стыдно разговаривать.

— Такъ, сдѣлай милость, не разговаривай. Кто тебя проситъ?

— Я все ждалъ, что не скажешь ли ты что нибудь умненькое.

— А я самъ, какъ ни слушаю тебя ... все слышу одни глупости.

— Ну, братъ, довольно: ты можешь забыться въ пылу своего краснорѣчія.

— Не забывайся самъ.

— Ну, довольно, я не желаю больше съ тобой говорить.

— Ахъ, сдѣлай милость, осчастливь: мнѣ ужъ самому надоѣло.

Пріятели не сказали болѣе ни слова во всю дорогу и разстались другъ съ другомъ очень холодно.

XIV.

Крушинскій имѣлъ натуру энергическую, сильную, но въ то же время нервную и раздражительную, а потому всѣ душевныя страданія дѣйствовали на него вдвое сильнѣе, нежели бы дѣйствовали на человѣка съ болѣе холоднымъ и спокойнымъ характеромъ. Такимъ образомъ всѣ мученія обманутой любви и особенно потрясенія послѣдняго дня не обошлись для него даромъ: онъ слегъ въ постель.

Отрапортовавшись больнымъ, Крушинскій, заперся въ своей квартирѣ и приказалъ своему вѣрному Флегонтову никого не принимать къ себѣ: ему не отъ кого было ожидать особеннаго участія или утѣшенія; ни съ кѣмъ онъ не могъ подѣлиться своими чувствами, своими страданіями. Но въ болѣзни онъ еще сильнѣе чувствовалъ свое одиночество, свое сиротство душевное. Крушинскій не имѣлъ и не могъ имѣть друзей въ томъ кругу, среди котораго жилъ; все препятствовало сближенію его съ людьми этого круга: и образъ мыслей, и образованіе, и происхожденіе, и его излишняя гордость. Крушинскій замкнулся-было въ самомъ себѣ и успокоился въ этой замкнутости такъ же, какъ человѣкъ, привыкшій къ уединенію, любитъ его и только въ немъ бываетъ совершенно спокоенъ; но теперь его душа только что распахнулась-было для существа, въ которомъ онъ видѣлъ живое олицетвореніе своей мечты и онъ обманулся въ этомъ существѣ, по крайней мѣрѣ, ему такъ казалось: оно не признало его, оттолкнуло съ презрѣніемъ; и не съ кѣмъ было подѣлиться ему этимъ горемъ, не кому повѣдать тоску свою. Это одиночество еще болѣе увеличивало страданія Крушинскаго. Бывали такія тяжелыя минуты, когда онъ готовъ былъ просить у Бога сильной физической болѣзни, чтобы не чувствовать страшныхъ душевныхъ мукъ. Между тѣмъ у Коркиныхъ ничего не знали о болѣзни Крушинскаго и Катерина Михайловна, опять почувствовавшая себя нездоровою, послала за нимъ лошадей. Крушинскій отказался ѣхать, отозвавшись болѣзнью. Это извѣстіе ужасно встревожило Катерину Михайловну.

— Теодорушка, приступила она къ мужу, съѣзди, голубчикъ, къ Аркадію Николаичу, онъ очень боленъ.

Онъ такъ добръ къ намъ; вспомни отъ какой болѣзни онъ тебя вылечилъ? Тебѣ давно бы слѣдовало изъ деликатности одной сдѣлать ему визитъ: сколько разъ онъ у насъ былъ, а мы не хотѣли побывать у него ни разу. Съѣзди къ нему, пожалуйста, это будетъ доброе дѣло: у него нѣтъ никого родныхъ здѣсь — ему дорого будетъ твое посѣщеніе!

Ѳедоръ Иванычъ подумалъ и разсудивъ, что его визитъ Крушинскому, собственно по случаю его болѣзни, будетъ очень для него обязателенъ и даже послужитъ какъ-бы нѣкоторымъ вознагражденіемъ за его леченіе, рѣшился ѣхать.

Наденька, которая при извѣстіи о болѣзни Крушинскаго поблѣднѣла, какъ смерть, хотя ни словомъ, ни жестомъ не обнаружила своего участія, съ благодарностью посмотрѣла на отца, когда онъ объявилъ, что ѣдетъ къ доктору.

Флегонтовъ, послушный приказанію господина, и Ѳедору Иванычу отказалъ-было, говоря что баринъ его никого къ себѣ не принимаетъ; но Ѳедору Иванычу хотѣлось непремѣнно видѣть Крушинскаго, чтобы тотъ не принялъ его пріѣздъ за простой визитъ вѣжливости, и потому онъ приказалъ Флегонтову передаль больному, что пріѣхалъ Коркинъ, и именно потому, что услышалъ о его болѣзни и желаетъ его видѣть. Крушинскій очень встревожился при имени Ѳедора Иваныча и тотчасъ же велѣлъ просить его къ себѣ: онъ никакъ не ожидалъ такого вниманія и любезности.

— Что вы это, любезный другъ? говорилъ Ѳедоръ Иванычъ, входя къ Крушинскому. Да не безпокойтесь: сидите, сидите, пожалуйста. Какъ вы перемѣнились. Да вы не лежали ли: лягте, пожалуйста. Скажите: что же съ вами?

Ѳедоръ Иванычъ старался быть особенно любезнымъ, отчасти и для того, чтобы дать молодому человѣку урокъ, какъ онъ долженъ вести себя въ обществѣ.

— Очень разхворался, Ѳедоръ Иванычъ: долженъ былъ лечь въ постель; впрочемъ, надѣюсь, что скоро поправлюсь.

— Ну, давай Богъ. Да скажите: что же съ вами такое? Болѣзнь-то какая?

— Грудь разболѣлась и кашель сильный.

— А, это нехорошо. Простудились должно-быть. А мы услышали о вашей болѣзни и очень перетревожились всѣ, особенно моя Катерина Михайловна. Я тотчасъ же велѣлъ закладывать лошадей и поѣхалъ.

— Чувствительно благодарю васъ, Ѳедоръ Иванычъ. Вы такъ снисходительны ко мнѣ. Мнѣ даже совѣстно, что я былъ причиною вашего безпокойства.

— Что это за безпокойство? Стоитъ ли говорить о немъ послѣ тѣхъ одолженій, которыя вы намъ дѣлаете. Я вашъ вѣчный должникъ.

— Я исполнилъ только свою обязанность, а вы оказываете ко мнѣ особенное, великодушное вниманіе, котораго я не успѣлъ и заслужить. Какъ здоровье Катерины Михайловны?

— Да не знаю, какъ вамъ сказать ... Лежитъ. Да что говорить объ ея здоровьѣ, когда вы у насъ хвораете. Вы будете здоровы, такъ и намъ не дадите хворать.

Въ обмѣнѣ подобныхъ нѣжностей прошло около четверти часа, назначенныхъ Ѳедоромъ Иванычемъ для визита, и хотя эти нѣжности были не совсѣмъ искренни, но въ первый еще разъ оба эти лица разстались довольные другъ другомъ.

Крушинскаго очень удивило посѣщеніе Коркина и за его внимательность и любезность онъ считалъ себя обязаннымъ платить удвоенною любезностью и вѣжливостью. Притомъ это былъ отецъ Наденьки, существа все еще милаго и дорогого его сердцу, о которомъ онъ не переставалъ думать ни на одну минуту. Его душа была смягчена болѣзнію и уединеніемъ, онъ позабылъ даже о негодованіи на Ѳедора Иваныча, которое могло бы помѣшать ему быть столько любезнымъ. Коркинъ былъ доволенъ, замѣтивши, что докторъ далъ должную цѣну его посѣщенію.

О Наденькѣ Крушинскій не имѣлъ духу спросить, но когда уѣхалъ отецъ ея, онъ невольно подумалъ: „Зачѣмъ онъ пріѣзжалъ, зачѣмъ онъ обязалъ меня необходимостью опять быть у него по долгу вѣжливости и опять видѣть Наденьку? Не воля ли это судьбы, что она сталкиваетъ меня съ тѣми людьми, съ которыми я почиталъ за благо разстаться на всегда? Зачѣмъ судьба подвергаетъ меня новымъ испытаніямъ, новымъ мукамъ? Неужели мало тѣхъ, которыя я уже перенесъ? Но что бы ни было, я поѣду къ нимъ, какъ только выздоровѣю, опять и, можетъ-бытъ, въ послѣдній разъ увижу Наденьку“.

Правду сказать, Крушинскій былъ даже радъ отчасти, что случай давалъ ему право измѣнить своей рѣшимости безъ стыда передъ самимъ собой: у него все еще оставалась какая-то смутная, неясная вѣра въ любовь Наденьки, хотя разумъ говорилъ совершенно противное. Но умъ часто ошибается тамъ, гдѣ сердце постигаетъ какимъ-то особеннымъ чутьемъ, хотя сердце чаще довѣряетъ указаніямъ разума, нежели собственному чутью: и радуется и печалится вслѣдствіе убѣжденій разсудка. Оттого-

то, нерѣдко, тоска забирается въ сердце, въ минуты самой шумной радости и радость мгновенно озаряетъ среди тяжелаго горя — это неясный голосъ сердечнаго чутья, которое видитъ дальше разума. И на душѣ Крушинскаго стало вдругъ весело безъ всякой основательной причины, хотя посѣщеніе Ѳедора Иваныча собственно ни въ чемъ не измѣняло его отношеній съ Наденькой, а разумъ предвидѣлъ въ предстоящемъ свиданіи только новыя мученія.

Отъ Крушинскаго Ѳедоръ Иванычъ вздумалъ сдѣлать визитъ князю Бандурову, чтобы на всякій случай знать какъ живетъ молодой человѣкъ, который очевидно интересовался его дочерью. Князь былъ несказанно радъ этому гостю: онъ видѣлъ въ его посѣщеніи доказательство особеннаго вниманія къ себѣ Наденьки. Таково ужъ было самолюбіе этого человѣка; онъ во всемъ хотѣлъ видѣть выгодное и пріятное для себя.

— Какъ я вамъ обязанъ, Ѳедоръ Иванычъ. Очень вамъ благодаренъ. Прошу васъ покорнѣйше садиться. Какъ здоровье Катерины Михайловны и Надежды Ѳедоровны?

— Благодарю васъ.

— Извините, пожалуйста, у меня въ квартирѣ не все еще приведено въ порядокъ ... Но здѣсь это такъ трудно: ничего нельзя достать: нѣтъ даже хорошаго мебельнаго мастера ... а возить все съ собой въ нашихъ походахъ, согласитесь, невозможно.

— Полноте, полноте, молодой человѣкъ, да вы живете вовсе не по военному: вы любите просторъ, какъ нашъ братъ деревенскій житель ...

— Да, признаюсь, я люблю комфортъ ... Знаете: мое образованіе, воспитаніе ... я привыкъ къ этому съ дѣтства ... Я не знаю, какъ случилось, что я попалъ въ пѣхоту: вѣдь я служилъ прежде въ кавалеріи ... Но теперь моя мечта: при первой возможности перейдти въ гвардію.

— Зачѣмъ же вамъ переходить въ гвардію? Гдѣ бы ни служилъ человѣкъ, но если онъ исполняетъ свою обязанность добросовѣстно, онъ вездѣ полезный членъ общества.

— Конечно, я съ вами совершенно согласенъ ... но согласитесь: надобно избирать службу по состоянію и поддерживать общество, къ которому привыкъ ...

— Что же? у васъ общество въ полку, кажется, прекрасное.

— О, превосходное! ... Всѣ отличные товарищи и мы живемъ очень дружно. Признаюсь вамъ, я только потому и пошелъ въ этотъ полкъ, что мнѣ понравилось общество ... Я, знаете, совершенно военный ... Вы изволили служить въ военной службѣ? ...

— Какъ же! Больше пятнадцати лѣтъ.

— Я люблю, чтобы все было по-дружески, потоварищески: знаете, чтобы все по-поламъ.

— Это прекрасно.

— А вы въ какомъ полку изволили служить?

— Въ одномъ изъ гвардейскихъ.

— Я самъ непремѣнно хочу перейдти въ гвардію: знаете, все какъ-то виднѣе ... Я имѣю довольно большое состояніе, одинъ сынъ у матушки: она ни въ чемъ мнѣ не отказываетъ ... Или, по крайней-мѣрѣ, непремѣнно опять поступлю въ кавалерію.

— Желаю вамъ успѣха. Однако позвольте мнѣ проститься съ вами.

— Куда же вы такъ спѣшите, Ѳедоръ Иванычъ?

— Мнѣ ужъ пора домой: я и то давно уже въ городѣ. Былъ у одного изъ вашихъ товарищей, у вашего доктора ...

— А, у Крушинскаго?

— Да, онъ нездоровъ, бѣдный, такъ надо было навѣстить. Я очень ему благодаренъ: онъ спасъ меня почти отъ смерти. Онъ серьезно боленъ. Вы были у него?

— Нѣтъ-съ, не былъ: я рѣдко у него бываю... Да, знаете, право, некогда: здѣсь меня всѣ такъ любятъ, всѣ ласкаютъ, просто, не дадутъ минуты посидѣть дома: у всѣхъ на расхватъ.

— Прощайте, князь ... Не забывайте и насъ.

— Очень вамъ благодаренъ: постараюсь непремѣнно. Мое почтеніе Катеринѣ Михайловнѣ и Надеждѣ Ѳедоровнѣ ... Также и вашей кузинѣ.

Ѳедоръ Иванычъ, не смотря на непродолжительность своего посѣщенія, тщательно замѣтилъ всю обстановку князя и остался при убѣжденіи, что онъ дѣйствительно человѣкъ съ состояніемъ. Коркинъ, какъ человѣкъ практическій и предусмотрительный, считалъ полезнымъ имѣть обо всемъ надлежащее свѣдѣніе на всякій случай: онъ видѣлъ, что князь очень интересуется его Наденькой, что онъ на столько хорошъ лицомъ и развязенъ, чтобы понравиться дѣвушкѣ; ему казалось, что и Наденька не совсѣмъ равнодушна къ нему, потому-что весела и болтлива въ его присутствіи; сверхъ того и Катерина Михайловна успѣла уже шепнуть ему о кое-какихъ соображеніяхъ на этотъ счетъ. О нравственныхъ качествахъ князя Ѳедоръ Иванычъ разсуждалъ

такимъ образомъ: онъ добръ, простодушенъ ... ну, многаго конечно, нельзя и требовать: князь еще такъ молодъ и малоопытенъ — все приходитъ со временемъ. — Притомъ Ѳедоръ Иванычъ зналъ, что мнѣніе о человѣкѣ много зависитъ отъ того, какъ онъ поставленъ въ обществѣ ...

Къ Добраго и Мармаровскому Ѳедоръ Иванычъ не считалъ за нужное сдѣлать визиты: первый, кажется, не взыскателенъ, а второй — еще Богъ его знаетъ, что за человѣкъ — былъ у него только одинъ разъ, да къ тому же онъ очень забавно-оригиналенъ.

Между тѣмъ Ѳедора Иваныча ожидали дома съ нетерпѣніемъ и, когда онъ пріѣхалъ, Катерина Михайловна тотчасъ-же спросила его:

— Ну что, Теодорушка, Аркадій Николаичъ? что съ нимъ?

Наденька молча, но съ напряженнымъ вниманіемъ и съ замирающимъ сердцемъ, ожидала отвѣта отца.

— Что, матушка, боленъ, и, кажется, не на шутку. Очень похудѣлъ и перемѣнился.

Наденька страшно поблѣднѣла при этихъ словахъ, судорожно сжала ручку креселъ, на которыхъ сидѣла и смотрѣла на отца неподвижными, не въ мѣру раскрытыми глазами, какъ бы желая прочесть на его лицѣ или ожидая услышать еще что-нибудь ужасное.

— А я сдѣлалъ еще визитъ, продолжалъ Ѳедоръ Иванычъ съ веселой улыбкой, къ вашему общему знакомому, къ князю Бандурову.

И Коркинъ умышленно посмотрѣлъ на дочь, желая знать, какое впечатлѣніе произведетъ на нее это извѣстіе; но былъ неожиданно удивленъ выраженіемъ лица и блѣдностью Наденьки.

— Что съ тобой? спросилъ онъ.

— Ничего, папаша.

— Какъ ничего? ты блѣдна какъ смерть.

— Нѣтъ, это такъ.

— Какъ, такъ! подозрительно проговорилъ Ѳедоръ Иванычъ и подумалъ: „неужели ужъ она такъ успѣла врѣзаться въ него, что блѣднѣетъ при одномъ его имени? Ну, скоро!“ Онъ разумѣлъ князя, но Клеопатра Петровна поняла настоящую причину движенія Наденьки, поняла и то, что она не вполнѣ достигла своей цѣли.

— Что онъ, Теодорушка, лежитъ? спросила Катерина Михайловна.

— Кто, матушка?

— Аркадій Николаичъ.

— Нѣтъ, при мнѣ сидѣлъ; а должно быть лежитъ, потому-что слабъ.

— И одинъ совершенно; никого нѣтъ при немъ.

— Какъ никого? деньщикъ есть у него.

— Деньщикъ? что онъ понимаетъ? Бѣдненькій, какова тоска: боленъ и одинъ совершенно. Знаешь что, Теодорушка? я пошлю къ нему съ Глафирой варенья, да сиропу ... да еще чего-нибудь ...

— Для чего это, матушка? что еще за вздоръ!

— Пусть же онъ знаетъ, что объ немъ заботятся, что цѣнятъ его услуги и умѣютъ быть благодарны ... Право, я пошлю, Теодорушка.

— Какъ хочешь, матушка, только я не совѣтовалъ бы .... Что за нѣжности такія.

— Да ты вспомни, Теодорушка, что, вѣдь, мы ему ничего не платили, а сколько онъ визитовъ намъ сдѣлалъ: надо чѣмъ-нибудь его поблагодарить.

— Такъ вольно же ему не брать: развѣ я желаю, чтобы онъ даромъ лечилъ?

— Что же ему дѣлать, если онъ такой деликатный, что не можетъ брать денегъ.

— Ну, ну, какъ хочешь, твое дѣло.

Катерина Михайловна, тотчасъ же и приступила къ исполненію своего намѣренія: какъ только осталась одна, она приказала позвать къ себѣ Глафиру.

— Поѣзжай въ городъ, сказала она ей, къ Аркадію Николаичу, возьми у ключницы получше варенья и сироповъ разныхъ, кланяйся ему и скажи, что я очень огорчена его болѣзнью.

— Слушаю, сударыня.

— Да вотъ еще что: не послать ли еще чего ему отъ Наденьки, чтобъ онъ видѣлъ, что все наше семейство принимаетъ въ немъ участіе и благодарно ему.

— И конечно: это ему будетъ еще лестнѣе.

— Право. Позови-ка Надю.

Клеопатра Петровна не ошиблась: Катерина Михайловна замѣчала, что докторъ неравнодушенъ къ его дочери и она не боялась этой любви, она не старалась ее уничтожить въ самомъ началѣ. Она еще не убѣдилась, что Наденька сама отвѣчаетъ Крушинскому такимъ же чувствомъ; но если бы и такъ, то она была увѣрена, что отъ нея зависитъ не дать развиться этой страсти; а между-тѣмъ все-таки она могла имѣть время привязать къ себѣ молодого человѣка, заставить почувствовать свою доброту, снисходительность, любовь. А тамъ .... смотря по обстоятельствамъ: очень далеко никогда не заходила мысль Катерины Михайловны: она всегда подчинялась желанію настоящей минуты. При ея доброй, безхарактерной и мечтательно-чувствительной натурѣ могло случиться, что Катерина Михайловна, растрогавшись страданіями молодыхъ людей,

стала бы даже покровительствовать ихъ любви, лишь бы только Крушинскій умѣлъ сохранить къ себѣ ея расположеніе и оказывалъ съ своей стороны полную преданность. Но это могло быть, а теперь пока Наденька сидѣла въ своей комнатѣ, тщательно стараясь скрыть свою тоску и свои слезы, произведенныя извѣстіемъ о болѣзни Крушинскаго. Почему-то ей представлялось, что ея обращеніе, ея холодность, служили виною болѣзни Крушинскаго и она мечтала о томъ, какъ бы дать ему понять, что она все попрежнему любитъ его, когда за нею пришла Глафира и позвала ее къ матери.

— Барышня, ангелъ вы мой, сокровище вы мое, шепнула она ей между прочимъ, я все вижу, все сердцемъ своимъ понимаю, даромъ, что вы скрываете отъ меня. Подите къ маменькѣ: я ее подбила на одно дѣльцо, чай, вамъ понравится; скажете нянькѣ спасибо.

Наденька посмотрѣла на Глафиру вопросительно и съ удивленіемъ.

— Ужъ маменька вамъ сами скажутъ, только соглашайтесь, да няньку благодарите.

— Надина, послушай, мой ангелъ, сказала Катерина Михайловна, когда дочь вошла къ ней: я посылаю къ Аркадію Николаичу съ Глафирой варенья, — не хочешь ли и ты послать ему отъ себя хоть банку, такъ, для того, чтобы показать ему, что и ты принимаешь въ немъ участіе и жалѣешь его.

Наденька сконфузилась и не знала что ей дѣлать: согласиться или отказаться. Вотъ уже нянька отгадала ея любовь, значитъ, она не совсѣмъ хорошо скрываетъ свое чувство, надо бы отказаться для того, чтобъ еще больше замаскировать себя; но съ другой стороны предстоялъ прекрасный случай об-

радовать Крушинскаго, дать ему понять, что она его помнитъ, а слѣдовательно и любитъ.

— Но будетъ ли это прилично, мамаша? спросила она.

— Что жъ такое, ничего: ты не одна посылаешь, а вмѣстѣ съ матерью. Притомъ онъ вылечилъ тебѣ отца, ты ему обязана.

— Такъ извольте, душенька, послать и отъ меня, если вамъ угодно! проговорила она, краснѣя и, поцѣловавъ руку матери, спѣшила уйти, чтобы скрыть смущеніе.

Получивши отъ Катерины Михайловны окончательныя наставленія относительно своего порученія, Глафира опять пришла къ Наденькѣ.

— Что же, ангелъ мой, мнѣ прикажете сказать отъ васъ-то Аркадію Николаичу?

— Ничего, няня.

— Какъ же ничего: вѣдь, вы варенья ему посылаете?

— Это не я посылаю, маменька; только маменькѣ угодно, чтобъ отъ моего имени.

— Ну, что вы отъ меня скрываетесь, ангелъ вы мой: вѣдь, я всю душу вашу насквозь читаю, весь характеръ вашъ знаю, на своихъ рукахъ васъ выводила. Кому вамъ и открываться-то, какъ не мнѣ.

— Да въ чемъ, няня? Мнѣ нечего тебѣ открывать: у меня нѣтъ никакихъ секретовъ.

Глафирѣ стало досадно.

— Ну, Богъ съ вами, барышня. Не вѣрите вы нянькѣ своей, а я не то что: по кускамъ дамъ себя-то разорвать за васъ. Не знаю чѣмъ не угодила.

— Да полно, няня, что ты?

— Какъ что, ангелъ вы мой? точно я не пони-

маю. Придетъ время, узнаете и няньку. Такъ ничего не прикажете сказать отъ васъ?

— Ничего! сказала Наденька рѣшительно; а между-тѣмъ ей хотѣлось бы сдѣлать много порученій, но какое-то чувство недовѣрія ее останавливало. Глафира ушла рѣшительно недовольная.

Аграфена подслушала весь разговоръ своей барышни съ нянькой, которую ненавидѣла, и, когда та ушла, сказала Наденькѣ:

— И умницы, барышня, что не вѣрите ей. И не вѣрьте: она бѣсъ во плоти ходячій. Десять разъ васъ купитъ и продастъ.

— Я, Граша, никому не говорила про то, кромѣ тебя. Я тебѣ одной вѣрю.

— Развѣ мы не обойдемся что ли безъ Глафиры-то? Коли что нужно будетъ сказать-то, такъ я ночью нарочно въ городъ-то пѣшкомъ сбѣгаю. Да ужъ не бось: во мнѣ умерло.

— Ахъ, Граша, онъ боленъ, бѣдный.

— Ну, такъ что, барышня, мало-ли кто боленъ бываетъ: пройдетъ боль, такъ и выздоровѣетъ.

— Это онъ отъ меня сдѣлался боленъ: я его измучила своей холодностью, своимъ равнодушіемъ; онъ думаетъ, что я его не люблю.

— На что же вы такъ дѣлали?

— Такъ нужно было, Граша, а то бы всѣ замѣтили. Ахъ, Граша, какъ я его люблю; а мнѣ нельзя и показать этого. Охъ, тошно, Граша. Наденька заплакала.

— Э-эхъ, барышня, не умѣете вы и любиться-то: и вы любите и тотъ любитъ, а оба плачутъ. Ну, какъ не показать, коли любишь человѣка? Кто меня остановитъ? Подъ носомъ проведу ...

— Да, Граша, хорошо тебѣ говорить такъ: а попробовала бы ты обмануть тетеньку ....

— Ну надъ ней бы и дѣлалось ... больно хитра и взаправду ... Вездѣ спрашиваютъ.

Аграфена до сихъ поръ была единственною повѣренною Наденьки въ любви ея къ Крушинскому и, несмотря на грубость рѣчи, а отчасти и чувствъ этой преданной горничной, бѣдная страдалица находила утѣшеніе въ откровенной бесѣдѣ съ нею. Она пересказывала ей всѣ свои чувства, мечты и страданія и грубое, но преданное сердце Аграфены вполнѣ ей сочувствовало: она, увѣрившись въ искренности любви Наденьки, уже перестала даже бранить Крушинскаго и развѣ выражала свое негодованіе на него себѣ подъ носъ и то только за то, что барышня ея черезъ него плакала.

Глафиру встрѣтилъ въ квартирѣ Крушинскаго Флегонтовъ.

— Здравствуйте, сказала она, ласково раскланиваясь. Узнали-ли старую знакомую?

— Узналъ. Что вамъ надо?

— А что вашъ баринъ, милый, все еще нездоровы?

— Нездоровы. А вамъ что надо?

— Что это, отъ чего они такъ захворали?

— Болѣзнь такая.

— Простудились что-ли, али отъ чего отъ другого?

— Да вы къ барину что ли?

— Да, да, любезный, доложите-ка, Аркадію Николаичу, что, дескать, пришла женщина отъ Коркиныхъ и проситъ позволенія лично видѣть ихъ: очень дескать нужно.

Флегонтовъ, окинувши Глафиру съ ногъ до головы неопредѣленнымъ взглядомъ, пошелъ къ Крушинскому и, получивши отъ него приказаніе, ввелъ

ее въ кабинетъ доктора. Глафира съ жадностью замѣчала все, что представлялось ея глазамъ. Кабинетъ доктора — была небольшая, въ два окна комната. За ширмами скрывалась постель. На одномъ столѣ стояло зеркало, шкатулка и лежала гребенка; другой столъ, помѣщавшійся у кушетки, на которой лежалъ Крушинскій, весь заваленъ былъ книгами и бумагами.

— Здравствуйте, Аркадій Николаичъ, сказала Глафира, войдя въ кабинелъ.

— Здравстуй, милая. Что тебѣ нужно?

— Какъ ваше драгоцѣнное здоровье, Аркадій Николаичъ? ... Все еще нездоровы, батюшка?

— Да, вотъ, хвораю.

— Катерина Михайловна приказали вамъ кланяться: онѣ очень огорчены вашей болѣзнью, очень изволятъ безпокоиться. Нарочно изволили прислать узнать о вашемъ здоровьи и приказали доставить вамъ вотъ варенья и сиропу своего хозяйства — кушать съ чаемъ, или съ водой. Онѣ надѣются, что вы не откажетесь принять: онѣ сами изволили варить, отъ своихъ трудовъ посылаютъ для вашего здоровья.

— Очень благодаренъ Катеринѣ Михайловнѣ.

— Онѣ такъ васъ любятъ, очень огорчены вашей болѣзнью. А вотъ это барышня, Надежда Ѳеодоровна, приказала вамъ доставить отъ себя.

— Какъ, Надежда Ѳеодоровна? ... спросилъ Крушинскій, измѣнившись въ лицѣ.

— Точно такъ: онѣ тоже очень безпокоятся и грустятъ о вашей болѣзни: безпрестанно изволятъ разговаривать о васъ съ маменькой ... Онѣ очень вамъ благодарны, что вы изволили вылечить ихъ папеньку.

Крушинскій не понималъ, что вдругъ съ нимъ произошло. Взрывъ неожиданной радости, казалось, могъ свести его съ ума. Онъ готовъ былъ заплакать, готовъ былъ броситься на шею къ Глафирѣ. Глаза его сверкали, лицо горѣло, руки дрожали. Онъ не зналъ, что говорилъ, что дѣлалъ.

— Какъ? ... неужели? ... лепеталъ онъ. Садись, милая ... Садись, пожалуйста ... Вотъ возьми себѣ. —

И, вынувши изъ порт-моне какую-то ассигнацію онъ подавалъ ее Глафирѣ.

— Помилуйте, Аркадій Николаичъ, за что же?.. Какъ это возможно. Я и то много вамъ благодарна за ваши ласки. Покорнѣйше васъ благодарю! говорила Глафира, принимая деньги.

— Садись же, пожалуйста, садись ... Вотъ напейся у меня чаю ... Флегонтовъ, согрѣй самоваръ скорѣе.

— Напрасно изволите безпокоиться, Аркадій Николаичъ ... Мы всѣ васъ такъ много любимъ и уважаемъ. У насъ, вѣдь, что господа, то и мы: только и разговоровъ, что объ васъ.

— Ну, скажи, пожалуйста, здоровы ли Катерина Михайловна и Надежда ... Надежда Ѳедоровна?

— Нѣтъ-съ, нельзя сказать, чтобы совершенно были здоровы ... барыня изволятъ все жаловаться на головку, а барышня все что-то скучаютъ, все точно сами не по себѣ ... Вотъ скоро ли вы-то изволите выздоровѣть ...

— Скоро, мнѣ теперь гораздо лучше. И если только будетъ малѣйшая возможность, я, можетъ-быть, завтра же или послѣ завтра пріѣду къ вамъ.

— Дай Господи. Вотъ я обрадую Катерину Михайловну. Онѣ такъ въ васъ вѣрятъ, что только

на васъ однихъ и полагаются въ своей болѣзни. Да, кажется, имъ не то, что ваши лекарства, а васъ-то они видятъ, такъ ужъ отъ этого одного здоровѣе дѣлаются. Кажется, вы не изволите и постигать, какъ онѣ васъ любятъ.

Эти слова были сильными прохладительными въ горячешномъ состояніи Крушинскаго. Онъ раскаявался, что такъ неосторожно выказалъ свою радость, догадавшись, что Глафира была повѣренная Катерины Михайловны.

— Очень благодаренъ за вниманіе Катерины Михайловны. Я ничѣмъ еще особеннымъ не успѣлъ заслужить его. Кланяйся, милая, своей барынѣ и Надеждѣ Ѳедоровнѣ, благодари ихъ за память и вниманіе ко мнѣ. Вотъ поди, пожалуйста, напейся чаю. Какъ тебя зовутъ?

— Глафирой.

— Флегонтовъ, вотъ напой чаемъ Глафиру. Благадарю тебя, милая; кланяйся же своимъ господамъ.

— Буду кланяться-съ. Дай вамъ Богъ здоровья, да къ намъ поскорѣе милости просимъ.

— Спасибо, милая. Напейся же тамъ чаю.

— Много милостей вашихъ, Аркадій Николаичъ. Напрасно изволите безпокоиться: и безъ того много довольна.

Глафира не отказалась отъ напитка, который страстно любила, не отказалась тѣмъ болѣе, что надѣялась повыспросить что-нибудь у Флегонтова, но ошиблась въ разсчетѣ; Флегонтодъ отдѣлывался на всѣ ея вопросы все тѣми же отрывочными, неясными фразами, изъ которыхъ ничего нельзя было понять даже проницательной Глафирѣ.

По возвращеніи домой, Глафира самыми живыми красками описала Катеринѣ Михайловнѣ радость и

благодарность Крушинскаго при полученіи отъ нея цодарковъ; при чемъ умѣла ловко намекнуть барынѣ, что молодой лекарь влюбленъ въ нее, но старается скрыть свои чувства. Катерина Михайловна была восхищена разсказами Глафиры, которая отъ нея отправилась съ своими разсказами къ Наденькѣ.

— Аркадій Николаичъ приказали вамъ кланяться, сказала она ей, и благодарятъ за вашу память. Ну, ангелъ мой, сдѣлали вы его съ праздникомъ: отдала я ему маменькины гостиницы; ну, взялъ, благодаритъ, а ничего такого; а какъ сказала что вотъ это вамъ барышня наша прислала, такъ и ожилъ, такъ и встрепенулся, такъ глаза и загорѣлись. Ужъ онъ благодарилъ, благодарилъ меня. Ожилъ, говоритъ, я теперь отъ этого къ себѣ вниманія; самъ чувствую, какъ стало даже мнѣ лучше; завтра-же, говоритъ, или опослѣ завтра пріѣду къ нимъ.

Наденька показывала видъ, что равнодушно слушаетъ эти разсказы, хотя сердце ея сильно билось.

— Да чему же тутъ особенно было радоваться? спросила она съ притворнымъ спокойствіемъ и удивленіемъ.

— Ахъ, вы, ангелъ мой, барышня, такъ можетъ онъ такого счастья и не ожидалъ, чтобъ ему этакое вниманіе показали. А сказать вамъ, какъ изъ всего я вижу, продолжала она вполголоса, сильно онъ страстенъ къ вамъ.

— Что ты, нянька, врешь? прошу тебя не говорить впередъ подобныхъ глупостей.

— Ну, что же я сказала? Что видѣла, то и сказала. Да и что вы таитесь отъ меня, ласточка вы моя, сокровище мое ненаглядное. Кому вамъ и

открыться-то, какъ не нянькѣ? Кто вамъ больше добра пожелаетъ... Неужто я...

— Послушай, Глафира, хоть ты и нянька моя, а если ты будешь говорить такія глупости... я пожалуюсь на тебя маменькѣ...

Глафира поблѣднѣла.

— Ну, Надежда Ѳедоровна, Богъ съ вами. Не ждала я отъ васъ этихъ рѣчей на старости лѣтъ... И нянька стала не годна. Ну, вспомните няньку, да поздно будетъ... Можетъ вамъ Грашка милѣе няньки... Оставайтесь при ней.

И Глафира удалилась со страшной злобой въ сердцѣ. Наденька нажила себѣ непримиримаго врага; но она не думала объ этомъ, она была такъ рада, такъ счастлива отъ извѣстія, что скоро увидитъ Крушинскаго.

XV.

Былъ день Татьяны Ивановны. Вечеромъ этого дня въ ея гостиной, по обыкновенію, собрались всѣ обычные посѣтители: въ числѣ ихъ находился и Мармаровскій, не было только князя Бандурова. Вслѣдствіе этого Катенька сидѣла скучная и разсѣянная, и сама хозяйка была не въ духѣ.

— Гдѣ скрывается нашъ князь! спросила наконецъ Татьяна Ивановна у Добраго, который, по обыкновенью своему, сидѣлъ въ уголку и потягивалъ изъ трубки.

— Гм... Онъ хотѣлъ быть-съ.

— Онъ у васъ совсѣмъ нынче избаловался, капитанъ. Пропадаетъ неизвѣстно гдѣ и забываетъ своихъ добрыхъ знакомыхъ.

— Онъ, вѣрно, носится мечтами въ новыхъ сферахъ, которыя нашелъ за границею здѣшняго города, насмѣшливо выразился Мармаровскій.

— Что же это за новыя сферы?

— Все его существо въ настоящее время пресмыкается у ногъ новой волшебницы, которую онъ отыскалъ въ пяти верстахъ отъ города.

— Кто это? скажите, пожалуйста! спросила Татьяна Ивановна, какъ будто не понявшая на кого намекалъ Мармаровскій.

— Неужели вы не слыхали, что онъ нынче бредитъ семействомъ Коркиныхъ, съ которымъ и меня почти насильно познакомилъ.

— Какъ, такъ и вы были у Коркиныхъ?

— Къ сожалѣнію былъ и вѣроятно больше не буду.

— Почему же это?

— Потому что я люблю платить за вѣжливость вѣжливостью, а за невѣжество презрѣніемъ: господинъ Коркинъ былъ недавно у князя, а меня не удостоилъ своимъ посѣщеніемъ, хотя этого и требовалъ долгъ приличія.

— Что доказываетъ, monsieur Мармаровскій, что вы не ухаживали за его дочерью и не дали ему надежды расчитывать на васъ, какъ на жениха; а то, будьте увѣрены, не смотря на свою важность, онъ не полѣнился бы пріѣхать къ вамъ два раза сряду... Но скажите, пожалуйста, вы конечно, видѣли дочь Коркиныхъ: что это за неоцѣненное сокровище, которое держатъ подъ замкомъ и никому не показываютъ? Не имѣетъ ли она отъ себя такого ослѣпительнаго сіянія, что боятся ослѣпить насъ, простыхъ смертныхъ, показавши ее вблизи?

— Я успѣлъ замѣтить, что это сокровище очень

дерзко, самоувѣренно, и чрезвычайно пусто. Князь Бандуровъ разсказывалъ, Богъ знаетъ что, объ ея необыкновенной красотѣ, объ ея артистическомъ талантѣ, но, для моихъ глазъ, все это показалось ниже посредственности.

— Чѣмъ же въ ней восхищался такъ князь Бандуровъ? вмѣшалась Катенька, взоръ которой сіялъ злобнымъ удовольствіемъ.

— Право, не знаю-съ... Можетъ быть тѣмъ, что она безпрестанно говорила ему такія колкости и насмѣшки, которыя не могъ бы перенести равнодушно ни одинъ человѣкъ, сколько нибудь уважающій себя... Впрочемъ князь всѣ эти насмѣшки принималъ за признакъ особенной любезности. Онъ обладаетъ необыкновеннымъ терпѣніемъ и снисходительностью.

Мармаровскій саркастически засмѣялся.

— Это дѣлаетъ честь любезности князя, насмѣшливо замѣтила Татьяна Ивановна: въ самомъ дѣлѣ, стоитъ ли возмущаться колкостями молоденькой дѣвушки? ихъ должно переносить великодушно.

— Но къ такому великодушію способенъ развѣ князь Бандуровъ. Признаюсь, я былъ посторонимъ слушателемъ, но у меня былъ ядъ на языкѣ и я едва удерживался, чтобы не вступиться за несчастнаго князя.

— Въ самомъ дѣлѣ, несчастный князь: надъ нимъ смѣются въ глаза, а онъ воображаетъ, что ему говорятъ любезности. — Это пренепріятное положеніе.

Татьяна Ивановна злобно смѣялась. Катенька горько улыбалась.

— Въ жизни это часто случается, вмѣшался

Алексѣй Алексѣичъ: искреннее глубокое чувство осмѣивается, а совершенное холодное равнодушіе или притворство вознаграждается любовью. Великій Пушкинъ правду сказалъ:

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ
Тѣмъ больше нравимся мы ей?

И изъ глубины души влюбленнаго учителя вырвался тяжелый вздохъ, который онъ не въ силахъ былъ подавить. Катенька отвѣчала на этотъ вздохъ и эту фразу самымъ презрительнымъ гордымъ взглядомъ. Такого же рода взглядъ упалъ на него и изъ очей Татьяны Ивановны. Подъ этимъ перекрестнымъ огнемъ бѣдный наставникъ юношества едва усидѣлъ на мѣстѣ и невольно повторилъ внутренно: языкъ мой — врагъ мой.

— Но что же, скажите, пожалуйста, сказала Катенька, обращаясь къ Мармаровскому: вы не слыхали отъ Коркиныхъ: думаютъ они когда-нибудь вывозить свою дочь, или все будутъ держать подъ спудомъ. Интересно бы посмотрѣть на нее.

— Право, не интересовался спросить объ этомъ: да, признаюсь и не желаю опять съ нею гдѣ-нибудь встрѣтиться, потому-что не отвѣчаю за свой языкъ, если при новой встрѣчѣ, она будетъ такъ же дерзка съ кѣмъ-нибудь, какъ въ прошедшій разъ.

— Ну, да оставимте ихъ въ покоѣ: пусть они живутъ отшельниками въ своемъ Подгородномъ; а мы будемъ веселиться въ городѣ. Знаете ли, господа, что я придумала? Устроимте на святкахъ собраніе по подпискѣ. Я уже говорила объ этомъ съ предводительшей: она въ восторгѣ отъ моей мысли. Кавалеровъ у насъ нынче много, дѣвицъ будетъ тоже довольно, потому-что я увѣрена, всѣ

мои знакомые помѣщики примутъ въ этомъ участіе. Предводительша затруднялась залой, но я предлагаю для собранія всю мою квартиру. Хоть это будетъ немножко и безпокойно для меня, но для общественнаго удовольствія меня ничто не остановитъ; а моя зала, кажется, больше всѣхъ въ городѣ: можно легко танцовать въ восемнадцать и даже въ двадцать паръ. Какъ вамъ нравится, господа, эта мысль?

Всѣ молодые люди пришли въ восторгъ отъ этого предположенія Татьяны Ивановны и вдругъ какъ-будто ожили. Начались благодарности Татьянѣ Ивановнѣ, такъ много заботящейся объ общественномъ удовольствіи, совѣщанія, мечты о будущихъ увеселеніяхъ. Хозяйка вполнѣ торжествовала. Среди самаго разгара шумныхъ разговоровъ по этому предмету, въ гостиную поспѣшно вошелъ князь Бандуровъ.

— Ахъ, вотъ, наконецъ, и князь! воскликнула Татьяна Ивановна. Гдѣ вы это пропадали? А мы безъ васъ кое-что надумали хорошенькое. . .

— Что такое? Я самъ съ пріятною новостью. Сейчасъ былъ у полковника, тамъ сидѣлъ предводитель и какъ вы думаете: что они надумали? Отгадайте. . . Устроить собраніе. . .

Гулъ общаго удивленія раздался въ гостиной.

— Это я же предложила предводительшѣ и мы ужъ рѣшили! съ замѣтнымъ неудовольствіемъ возразила Татьяна Ивановна. Я для собранія предлагаю свою залу.

— Нѣтъ, для чего же вамъ такъ стѣсняться; это будетъ и не совсѣмъ ловко. . . Предводитель съ полковникомъ надумали лучше: нанять цѣлый верхній этажъ у здѣшняго купца Сусленикова; домъ

огромный, зала славная, гораздо больше вашей. . . Притомъ, если кто и незнакомъ съ вами, такъ можетъ быть въ собраніи; а къ вамъ незнакомые все какъ-то посовѣстятся ѣхать. . .

— А, вы объ этомъ больше всего заботитесь! колко замѣтила Татьяна Ивановна.

Но Бандуровъ не обратилъ вниманія на намекъ и продолжалъ съ увлеченіемъ.

— Полковникъ съ предводителемъ ужъ все придумали: музыка будетъ наша, полковая, мебель для комнатъ предводитель предлагаетъ свою, даже хочетъ, чего не достанетъ, привести изъ своей усадьбы; оффіціантовъ тоже предлагаетъ своихъ. Буфетъ беретъ на свою отвѣтственность городничій: онъ по этой части отлично знаетъ; вина и конфекты выпишутъ изъ губернскаго города. Подписная цѣна — самая ничтожная: пять цѣлковыхъ съ семейства и съ каждаго молодого человѣка; разумѣется, кто хочетъ, можетъ дать и больше. Предводитель, полковникъ и я уже подписались по 15 цѣлковыхъ. Я взялъ на себя съѣздить ко всѣмъ своимъ знакомымъ и предложить подписаться. У насъ все пойдетъ живо. Что же, Татьяна Ивановна, угодно подписаться?

— Развѣ дамы подписываются? Предложите Андрею Марковичу; я думаю онъ не откажется подписаться, потому-что устроить собраніе была моя первая мысль.

Татьяна Ивановна была глубоко огорчена и оскорблена: она вдругъ слетѣла съ того пьедестала, на которомъ такъ величественно красовалась минуту тому назадъ. И все это надѣлала предводительша. Она воспользовалась мыслью Татьяны Ивановны, и приводитъ ее въ исполненіе безъ ея посредничества,

устраняетъ Татьяну Ивановну отъ всякаго авторитета и даже участія въ собственномъ ея предпріятіи. Это въ своемъ родѣ то же, какъ-бы художникъ воспользовался мыслью своего собрата, которую тотъ ему сообщилъ по дружбѣ и довѣрію, приготовляясь къ пышному ея осуществленію. Теперь ужъ не станетъ весь городъ и весь уѣздъ говорить, что Татьяна Ивановна надумала устроить собранія, что Татьяна Ивановна ихъ устроила. Теперь не станутъ говорить и въ губернскомъ городѣ, что Татьяна Ивановна доставляетъ общественныя удовольствія для цѣлаго уѣзда. О, предводительша! Увы, Татьяна Ивановна! Она была сердита и на князя Бандурова, который оказался совершеннымъ измѣнникомъ: измѣнилъ ея дочери, измѣнилъ и ей, присоединяясь къ врагамъ ея самолюбія. А вѣроломный или простодушный князь и не замѣчалъ этого: онъ хвалилъ предводителя за его предпріимчивость и быстроту, называлъ его молодцомъ, настоящимъ предводителемъ, который заботится объ общественной жизни, старается всѣмъ доставить удовольствіе, не жалѣетъ ни хлопотъ, ни денегъ. Отъ всего этого разрывалось сердце Татьяны Ивановны, и росла, и росла, быстро до громадныхъ размѣровъ ненависть . . . къ Коркинымъ по отраженію отъ князя Бандурова: не привлеки они князя онъ не измѣнилъ бы Татьянѣ Ивановнѣ, онъ не сталъ бы участвовать въ такомъ важномъ дѣлѣ противъ ея интересовъ, даже мимо ея совѣта и указанія . . .

— Что же, господа, кому угодно подписаться? спрашивалъ князь Бяндуровъ, обращаясь къ гостямъ Татьяны Ивановны.

И всѣ охотно подписывались, исключая Мармаровскаго, который, по личной досадѣ на князя Бан-

дурова, не хотѣлъ принять участія въ общемъ дѣлѣ черезъ его посредство и на предложеніе князя холодно отвѣчалъ: „еще успѣю подписаться, когда надумаю“! и кромѣ Алексѣя Алексѣича, который уклонялся отъ подписки отвѣтомъ: „я послѣ-съ“, изъ желанія угодить черезъ то Татьянѣ Ивановнѣ! гнѣвъ и удовольствіе которой онъ одинъ ясно видѣлъ и понималъ.

— Вотъ теперь у меня ужъ порядочный запасъ членовъ сказалъ князь Бандуровъ, складывая листъ бумаги, на которомъ всѣ гости Татьяны Ивановны выставили свои имена съ цифрой противъ нихъ, означающей количество ихъ жертвоприношеній на алтарь общественныхъ радостей.

— А завтра, вѣроятно, поѣдете къ Коркинымъ просить ихъ осчастливить своимъ присутствіемъ ваше ничтожное общество? спросила Татьяна Ивановна.

— Да, нужно будетъ съѣздить: предводитель просилъ меня съѣздить и къ нимъ.

— Онъ не могъ выбрать лучшаго посланника. Да, умоляйте ихъ, пожалуйста, снизойдти до насъ простыхъ смертныхъ. Вѣдь, между ними есть неземныя существа: мы умираемъ отъ желанія ихъ видѣть.

— Я увѣренъ, что они не откажутся принять участіе въ собраніяхъ.

— Особенно, если вы будете просить ихъ! прибавила Татьяна Ивановна язвительно.

Князь Бандуровъ понялъ, что Татьяна Ивановна ревнуетъ къ нему Наденьку и былъ очень этимъ доволенъ: онъ въ-самомъ-дѣлѣ вообразилъ себя рыцаремъ Наденьки, вообразилъ, что она дѣйствительно влюблена въ него и не обращалъ никакого вниманія на Катеньку, которая молчала, вздыхала и кидала на князя взгляды, полные грусти и упрека. Князя вос-

хищала мысль, что его считаютъ всепобѣждающимъ Донъ-Жуаномъ и онъ старался уклоняться отъ дальнѣйшихъ намековъ и насмѣшекъ Татьяны Ивановны, но отвѣчалъ на нихъ съ полною увѣренностью побѣдителя. Такое поведеніе вывело, наконецъ, Катеньку изъ терпѣнія: она начала кокетничать съ Мармаровскимъ, но Бандуровъ какъ-будто не замѣчалъ и этого, что окончательно взбѣсило и маменьку и дочку. Когда князь Бандуровъ сталъ раскланиваться, собираясь уѣхать, съ нимъ простились холодно; а Катенька даже едва отвѣтила на его поклонъ, продолжая любезничать съ Мармаровскимъ. Вообще конецъ этого вечера былъ очень непріятенъ для Татьяны Ивановны: всѣ гости ея были заняты предстоящими собраніями и разговоры объ нихъ не умолкали, къ величайшей досадѣ хозяйки. Она готова была пожертвовать многимъ, очень многимъ, чтобы только не состоялось это предпріятіе и не разъ думала о томъ, какъ-бы разстроить его; но изобрѣтательная голова ея ничего не могла придумать. Одно что могла сдѣлать Татьяна Ивановна — это отказаться самой отъ участія въ собраніяхъ и запретить являться на нихъ Алексѣю Алексѣичу, но это не помѣшало бы общему веселью — и Татьяна Ивановна еще сильнѣе страдала отъ сознанія своего безсилія . . . Татьяна Ивановна долго не могла уснуть въ ночь послѣ этого рокового вечера . . .

Катенька, проведя нѣсколько часовъ въ бесѣдѣ съ Мармаровскимъ, нашла, что онъ гораздо умнѣе и краснорѣчивѣе князя Бандурова и что съ нимъ хотя скучно, но можно съ удовольстіемъ кокетничать, но онъ . . . онъ все-таки не князь, красавецъ, богачъ, и за Мармаровскимъ она будетъ все-таки не

княгиня, а только подпоручица ... И долго плакала Катенька въ своей постелѣ, лобызая письмо князя, которое она нарочно, ради этой цѣли, вынула изъ своей секретной шкатулочки.

А князь? Онъ спалъ богатырскимъ сномъ и во снѣ ему, вѣроломному, представлялся образъ Наденьки, съ которой онъ долженъ былъ завтра увидѣться.

XVI.

Наденька съ едва скрываемой тоской и нетерпѣніемъ ожидала пріѣзда Крушинскаго согласно его обѣщанію; но прошелъ цѣлый томительный день, а онъ не пріѣзжалъ и не давалъ о себѣ никакой вѣсти. Наденька, какъ говорится, не находила себѣ мѣста, ничѣмъ не могла заняться, работа падала изъ ея рукъ, даже музыка ни на минуту не давала ей спокойствія, не освобождала ее отъ мучительной мысли о болѣзни Аркадія Николаича ... И напрасно смотрѣла она на дорогу въ городъ: пустынна и безмолвна была эта дорога, уныло пролегая черной лентой среди бѣлыхъ снѣжныхъ полей ...

Насталъ слѣдующій день, нетерпѣніе и безпокойство Наденьки возросло. Волнуемая ожиданіемъ, она не могла долго спать и встала гораздо раньше обыкновеннаго. Невыносимо долго тянулись минуты и часы, а Крушинскій все не ѣхалъ. Наконецъ вдали по дорогѣ показалась тройка, сердце Наденьки вздрогнуло, замерло ... Вотъ тройка ближе, ближе ... но это не онъ: это князь Бандуровъ. Горько было разочарованіе Наденьки, еще несноснѣе казался ей князь. И зачѣмъ онъ пріѣхалъ, кто его звалъ, кто просилъ; развѣ его ожидали, развѣ онъ не видитъ,

не понимаетъ, что его не любятъ, что онъ скученъ, противенъ? ... Но между тѣмъ Катерина Михайловна присылаетъ за Наденькой, требуетъ, чтобъ она вышла къ гостю ... Князь Бандуровъ разсыпается въ любезностяхъ; онъ чрезвычайно веселъ, разговорчивъ по обыкновенію. Наденька оттого вдвое скучнѣе: и какъ ей непріятно смотрѣть на это вѣчно-улыбающееся, вѣчно-довольное лицо!

— А я пріѣхалъ съ чрезвычайно пріятной новостью, говоритъ Бандуровъ: съ такой новостью, отъ которой вы, Надежда Ѳедоровна, вѣроятно, придете въ восторгъ и будете благодарить меня.

— Что такое? сухо спрашиваетъ Наденька.

— Отгадайте что̀ бы это могло быть такое?

— Я ужасно не люблю, князь, играть въ загадки.

— Ну, вы не въ духѣ сегодня: я васъ сейчасъ развеселю. На святкахъ, мы устраиваемъ въ городѣ благородное собраніе ... Какъ вы это находите? Что же вы не благодарите меня за новость? ...

— Я не понимаю еще что это такое будетъ и за что я должна благодарить васъ.

— Мы устроимъ собранія, которыя ни въ чемъ не будутъ уступать любымъ губернскимъ собраніямъ. Будемъ съѣзжаться каждый вечеръ, танцовать, веселиться. Неужели вы откажетесь отъ этого? Ѳедоръ Иванычъ, Катерина Михайловна, неужели вы не подпишетесь?

— Конечно мы подпишемся съ удовольствіемъ, — только Наденька еще ни съ кѣмъ не знакома ... Сначала надобно ее познакомить съ здѣшнимъ обществомъ. Я вотъ все хвораю и не могу собраться вывезти ее! замѣтила Катерина Михайловна.

— О, да, конечно, за этимъ дѣло не станетъ: здѣсь общество не такъ велико, съ нимъ можно

скоро со всѣмъ познакомиться ... А я вамъ откровенно скажу: здѣсь въ городѣ очень многіе чрезвычайно желаютъ познакомиться съ Надеждой Ѳедоровной ... Всѣ, напередъ, даже не видѣвши васъ, уже заинтересованы и очарованы вами.

— Тѣмъ хуже для меня, возразила Наденька, всѣ про кого вы говорите, такъ же скоро и разочаруются во мнѣ, какъ скоро очаровались.

— Ну, это невозможно, Надежда Ѳедоровна: въ васъ невозможно разочароваться! воскликнулъ князь Бандуровъ, устремляя на Наденьку страстный взглядъ.

— Благодарю васъ за комплиментъ, только признаюсь вамъ откровенно: онъ мнѣ непріятенъ; я никого не желаю очаровывать собой.

— Это не комплиментъ, это сущая истина.

Наденька сдѣлала недовольную гримасу и не сказала ни слова: ей было скучно и не хотѣлось говорить.

Князь Бандуровъ пустился въ длинный и подробный разсказъ о проектѣ относительно предстоящихъ собраній ... Вдругъ въ гостинную вошелъ Крушинскій. Въ деревенской жизни Коркиныхъ не соблюдались строго свѣтскія приличія и потому докторъ вошелъ безъ доклада. Онъ былъ блѣденъ какъ отъ внутренняго волненія, такъ и вслѣдствіе болѣзни, отъ которой еще не успѣлъ оправиться. Неровная поступь обличала его слабость. Крушинскій чувствовалъ себя еще не совсѣмъ здоровымъ, но желаніе его видѣть Наденьку было такъ сильно, что онъ не въ состояніи былъ долѣе переносить уединеніе. Неожиданность появленія Крушинскаго совершенно поразила и смутила Наденьку: она едва удержалась чтобы не вскрикнуть; обильный румянецъ

разлился по всему лицу ея, глаза засверкали и оживились. Крушинскій замѣтилъ это движеніе Наденьки и на душѣ у него вдругъ сдѣлалось такъ свѣтло, такъ радостно.

Катерина Михайловна даже вскрикнула при неожиданномъ входѣ Крушинскаго: она тоже ждала его съ нетерпѣніемъ еще со вчерашняго дня.

— Ахъ, Аркадій Николаичъ, насилу-то вы собрались. Ну, какъ ваше здоровье?

— Я теперь почти совершенно здоровъ и поспѣшилъ поблагодарить васъ и Ѳедора Иваныча за ваше вниманіе ко мнѣ, которое было для меня лучше всякаго лекарства.

Онъ счелъ за нужное умолчать о своей благодарности за вниманіе Наденьки, потому что не зналъ, извѣстно ли было ея родителямъ, что она посылала къ нему варенье, и Наденька была очень ему благодарна за это молчаніе, потому что отецъ дѣйствительно не зналъ объ этомъ и она чувствовала, что совершенно сконфузилась бы и не могла бы скрыть отъ другихъ своего смущенія, если бы Крушинскій сталъ благодаритъ ее. Теперь же она мало-по-малу умѣла подавить свое волненіе и оно осталось незамѣченнымъ, потому-что, къ счастью ея, Клеопатры Петровны не было въ гостиной, когда вошелъ Крушинскій.

Вѣжливый и почтительный тонъ доктора понравился Ѳедору Иванычу и онъ принялъ его ласково, почти дружелюбно, а счастье дѣлало Крушинскаго мягкимъ и снисходительнымъ: онъ умѣлъ поддержать доброе расположеніе хозяина. Присутствіе князя Бандурова не безпокоило его болѣе: онъ и съ нимъ хотѣлъ быть любезнымъ. Явилась Клеопатра Петровна и нашла доктора милымъ, разговорчивымъ: не было

и тѣни прежней раздражительности и суровости. Эта перемѣна показалась ей подозрительною, но Наденька держала себя съ Крушинскимъ, если не холодно и не сухо, то совершенно спокойно и равнодушно, какъ съ человѣкомъ постороннимъ, какъ съ простымъ знакомымъ — не болѣе. Крушинскій понялъ, что Наденька старалась скрыть свое чувство, но почему она прежде была такъ недоступна — холодна? ... онъ не думалъ теперь рѣшать этотъ вопросъ, онъ былъ такъ счастливъ. Князь Бандуровъ, разумѣется, не упустилъ случая разсказать Крушинскому о предстоящихъ собраніяхъ и предложить ему принять въ нихъ участіе.

— Хоть я и не большой охотникъ до общественныхъ удовольствій и плохой танцоръ, но не отказываюсь и готовъ идти вслѣдъ за другими. отвѣчалъ Крушинскій, только бы не быть изъ числа первыхъ.

— О, нѣтъ, ужъ у меня порядочное число подписчиковъ. Вотъ сегодня и Ѳедоръ Иванычъ согласились быть нашимъ почетнымъ членомъ.

— Да, вотъ молодежь затѣваетъ себѣ потѣхи да и насъ стариковъ тащитъ вслѣдъ за собой, волей-неволей.

Крушинскому только этого и хотѣлось знать.

— Вѣдь и я, Ѳедоръ Иванычъ, буду больше зрителемъ, нежели дѣйствующимъ лицомъ. Князь, потрудитесь и меня отмѣтить въ числѣ подписчиковъ.

Аркадію Николаичу хотѣлось показать Наденькѣ, что, если онъ рѣшается бывать въ собраніи, то единственно только потому, что она тамъ будетъ, и Наденька очень хорошо поняла это. Она тотчасъ сообразила, что эти собранія дадутъ ей большую свободу въ обращеніи съ Крушинскимъ, избавивши

ее отъ постояннаго, неотвязнаго преслѣдованія тетки, и была благодарна князю Бандурову за вѣсть, которая для нея сдѣдалась теперь дѣйствительно пріятною.

Вообще этотъ день былъ бы самымъ счастливымъ днемъ для Крушинскаго, если бы одно обстоятельство не возмутило радостнаго состоянія его души. Наденька играла на фортепіано, Крушинскій наслаждался, слушая ея оживленную музыку, когда вдругъ Катерина Михайловна просила его въ свой кабинетъ, чтобы посовѣтоваться о болѣзни. Крушинскій послѣдовалъ за ней съ неудовольствіемъ.

Катерина Михайловна, оставшись наединѣ съ докторомъ, жаловалась ему на боль въ груди и сильное сердцебіеніе. Крушинскому уже не въ первый разъ приходилось слушать эти жалобы, а потому онъ и отдѣлывался ничтожными совѣтами.

— Ахъ, Аркадій Николаичъ, какъ я растревожилась, если бы вы знали, когда мнѣ сказали о вашей болѣзни: я не умѣю вамъ даже выразить, что со мною сдѣлалось; такъ вдругъ схватило грудь и сердце.

Говоря эти слова, Катерина Михайловна смотрѣла на доктора особенно выразительно.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ Крушинскій сухо.

— Ахъ, право, какъ вы не умѣете беречь свое здоровье: оно такъ дорого, такъ нужно для многихъ.

— Я не думаю, чтобъ оно могло быть нужно для кого-нибудь, кромѣ моихъ бѣдныхъ родныхъ.

— Вы, значитъ, мало обращаете вниманія на окружающихъ васъ, а то вы не сказали бы этого, а тотчасъ увидѣла какъ много васъ любятъ и дорожатъ вашимъ здоровьемъ.

— Про кого это она говоритъ? подумалъ Крушинскій и быстро взглянулъ на Катерину Михайлов-

ну: взоръ ея говорилъ яснѣе словъ. Крушинскій нахмурился: онъ понялъ, что это говорила не мать про любовь своей дочери.

— Признаюсь: я не вѣрю ни въ чью любовь: меня не за что любить особенно! сказалъ онъ вслухъ.

— Какъ не за что? А за вашъ умъ, за ваши прекрасныя качества, за доброту и любезность.

— Я не нахожу въ себѣ ни того, ни другого.

— Вы слишкомъ скромны ... Но есть люди, которымъ вы доказали ваше доброе сердце и прекрасную душу.

— Если я и успѣлъ кому-нибудь сдѣлать добро, то вѣроятно, за это мнѣ платятъ признательностью; а отъ признательности до любви еще далеко.

— Но вѣрите ли вы въ любовь по симпатіи?

— Нѣтъ-съ, не вѣрю ... Но мы заговорились, а между тѣмъ Надежда Ѳедоровна перестанетъ играть и я буду лишенъ удовольствія слушать ее.

И Крушинскій опять ускользнулъ отъ Катерины Михайловны, не давши ей высказаться яснѣе. Впрочемъ она не отчаявалась: онъ молодъ, конфузливъ и скрытенъ! думала она.

Но не то думалъ Крушинскій: ему было досадно на Катерину Михайловну. Гордость его опять была ранена; самая любовь къ Наденькѣ была оскорблена разсчетами ея матери. Онъ уѣхалъ отъ Коркиныхъ менѣе веселый, менѣе счастливый, нежели пріѣхалъ и былъ до объясненія съ Катериной Михайловной. Теперь невольно представлялся ему вопросъ: если Наденька дѣйствительно меня любитъ, что же будетъ изъ этого? — гордые родители не отдадутъ ее мнѣ. Но этотъ вопросъ не мѣшалъ любви Крушинскаго, онъ только отравлялъ его счастье. Любовь

сколько нибудь счастливая и вполнѣ искренняя никогда не останавливается на непріятныхъ вопросахъ о будущемъ, напротивъ она старается устранить, забыть ихъ. Тотъ не истинно любитъ, кто безпрестанно спрашиваетъ себя: что же будетъ изъ моей любви? и не находя опредѣленнаго отвѣта, боится предаться чувству. Любовь никогда не разсуждаетъ и не думаетъ о будущемъ, она только вѣритъ въ счастье.

И Крушинскій, несмотря на невольныя грустныя мысли, былъ очень радъ, когда при прощаньи съ нимъ Катерина Михайловна и даже Ѳедоръ Иванычъ просили посѣщать ихъ. Онъ благодарилъ искренно и уѣхалъ отъ Коркиныхъ со сладкой мечтою о скоромъ свиданіи съ Наденькой. Князь Бандуровъ, не замѣчавшій особенной любезности со стороны Наденьки къ Крушинскому, уѣхалъ также вполнѣ довольный ею, хотя она и съ нимъ не была особенно любезна.

Даже проницательная Клеопатра Петровна была обманута совершеннымъ спокойствіемъ Наденьки, расчитывая, что если въ племянницѣ и остался какой нибудь слѣдъ зарождавшагося-было чувства, то онъ изгладится самъ-собою.

XVII.

Рѣшившись вывозить дочь въ собранія, Катерина Михайловна, по обычаямъ уѣздной жизни, должна была предварительно отрекомендовать ее въ знакомыхъ семейныхъ домахъ или, какъ обыкновенно говорится, сдѣлать необходимые визиты. Ѳедоръ Иванычъ хотя и пользовался въ своемъ уѣздѣ извѣст-

ностью, какъ умный человѣкъ и богатый помѣщикъ, но велъ жизнь довольно уединенную: онъ очень рѣдко выѣзжалъ, слѣдовательно и его посѣщали также не часто. Ѳедоръ Иванычъ весь былъ преданъ своему хазяйству; общественная уѣздная жизнь для него не представляла особеннаго интереса, отчасти и нѣкоторая барскаа спѣсь удерживала его больше дома: изрѣдка только онъ дѣлалъ необходимыя посѣщенія къ сосѣдамъ-помѣщикамъ, чтобы поддержать заведенныя уже знакомства. Катерина Михайловна волей-неволей подчинялась образу жизни, который велъ мужъ ея, и хотя очень скучала уединеніемъ, но должна была также ограничиться только необходимыми визитами. Ѳедоръ Иванычъ вообще не стѣснялъ воли жены, но обыкновенно, когда она изъявляла особенное желаніе ѣхать куда-нибудь не по необходимости, онъ дѣлалъ гримасу и старался отговорить ее.

— Ну, къ чему ты поѣдешь? Ну, что тебѣ тамъ дѣлать? Какихъ особенныхъ удовольствій ожидаешь? Тебѣ бы ужъ, матушка, кажется, пора привыкнуть сидѣть дома: не молоденькая, не 20-ти лѣтъ. И для чего ты будешь мучить лошадей: гнать за 15 — за 20 верстъ, Богъ знаетъ зачѣмъ?

Вотъ фразы Ѳедора Иваныча, которыми онъ обыкновенно заставлялъ жену свою не выѣзжать изъ дома. Не странно поэтому, что Катерина Михайловна очень сблизилась съ своими дворовым женщинами и имѣла между ними друзей и повѣренныхъ.

Теперь, съ пріѣздомъ дочери, само-собою разумѣется должна была начаться для Коркиныхъ совершенно иная жизнь. Ѳедоръ Иванычъ это очень хорошо понималъ и потому даже торопилъ Катерину

Михайловну знакомить дочь. Первый выѣздъ Наденьки былъ въ городъ.

Сдѣлавши визитъ предводительшѣ, милой, молодой, веселой дамѣ, съ которой Наденька сошлась очень легко и скоро, Катерина Михайловна приказала ѣхать къ городничихѣ. Ихъ тотчасъ приняли, но минутъ пять они должны были сидѣть въ гостинной одни, ожидая выхода хозяйки, которая въ то время приводила въ порядокъ свой туалетъ, или сказать прямѣе: просто надѣвала совсѣмъ другое, болѣе нарядное платье, нежели то, въ какомъ была. Наконецъ она явилась въ сопровожденіи четырехъ дочерей, довольно спѣлыхъ и притомъ некрасивыхъ невѣстъ.

— Ахъ, Катерина Михайловна, говорила городничиха, протягивая къ гостьѣ обѣ руки, какъ давно не имѣла удовольствіе васъ видѣть. Это вѣрно ваша дочь?

— Да позвольте вамъ представить ее.

— Очень пріятно познакомиться. Это мои дочери: прошу васъ, полюбить ихъ. Катерина Михайловна, прошу васъ: садитесь пожалуйста ... Вотъ сюда на диванъ, вамъ будетъ гораздо покойнѣе. Какъ, я думаю, вы обрадовались пріѣзду вашей милой дочери?

— Ужъ, конечно! отвѣчала Катерина Михайловна, васъ не нужно увѣрять въ этомъ: вы сами мать, знаете материнскія чувства.

— О, да, что можетъ быть пріятнѣе! ... А вы давно не видали вашей дочери? ... Кажется, Надинъ ... Надежда Ѳедоровна, если не ошибаюсь? ...

— Да ... Больше шести лѣтъ: я и теперь еще не могу къ ней привыкнуть, все представляется такой маленькой ..

— Да, шесть лѣтъ — это очень много. А который годъ вашей милой Надеждѣ Ѳедоровнѣ?

— Шестнадцать лѣтъ.

— Какъ еще молода.

Городничиха испытующимъ взглядомъ окинула Наденьку и потомъ опять обратилась къ Катеринѣ Михайловнѣ съ улыбающимся лицомъ.

— Какъ мила! сказала она. Поздравляю васъ.

И по-видимому, отъ чистаго сердца пожала руку гостьи. Катерина Михайловна отъ полноты чувствъ поцѣловала хозяйку. Между тѣмъ у дочерей хозяйки не клеился разговоръ съ Наденькой. Всѣ онѣ усѣлись, принявъ различныя, но граціозныя позы, и ни слова не говоря осматривали Наденьку съ ногъ до головы, какъ-то инквизиторски и даже не дружелюбно. Этотъ осмотръ и сердилъ и смущалъ Наденьку: она сама не знала чѣмъ начать разговоръ.

— Вы пріѣхали изъ Петербурга? спросила наконецъ одна изъ сестеръ.

— Да.

— Вы тамъ воспитывались? спросила другая.

— Да.

— Въ институтѣ? спросила третья.

— Нѣтъ, въ пансіонѣ.

— Въ какомъ пансіонѣ? спросила четвертая.

— Въ частномъ.

— Давно вы пріѣхали изъ Петербурга? спросила первая сестра.

— Уже около мѣсяца.

— Скучаете о Петербургѣ? спрашивала вторая сестра.

— Нѣтъ, не скучаю.

— Не можетъ быть, возразила третья сестра: у насъ такъ скучно.

— О, да, ужасно скучно! подхватила четвертая сестра.

— Мы всѣ ужасно здѣсь скучаемъ! подтвердили въ одинъ голосъ остальныя сестрицы.

— Я такъ давно не видала родителей и такъ рада, что теперь вмѣстѣ съ ними! ... Мнѣ еще нѣкогда соскучиться.

— Чѣмъ вы занимаетесь теперь? опять начали спрашивать сестры по-очередно одна за другою, послѣ нѣкоторой паузы.

— Какъ вамъ сказать? почти ничѣмъ!

— Не можетъ быть, вѣрно занимаетесь какимъ-нибудь рукодѣльемъ ...

— Нѣтъ, я почти совсѣмъ ничего не работаю.

— Вѣрно, вы играете на фортепіанахъ?

— Да, иногда играю.

— Мы слышали, что вы отличная музыкантша.

— Напротивъ, очень посредственная.

— Нѣтъ, не правда, это вы говорите изъ скромности. Мы навѣрно знаемъ, что вы отлично играете.

— Какъ это вы знаете?

— Намъ сказывали.

— Вамъ сказали неправду.

— Нѣтъ, нѣтъ, намъ сказывали люди, которые васъ слышали ...

— Для которыхъ вы играли ... подхватила другая сестра.

— Эти люди въ восторгѣ отъ вашей игры, прибавила третья.

— Не могутъ говорить о ней равнодушно! заключила четвертая.

И всѣ четыре сестрицы устремили на Наденьку испытующіе взгляды, желая прочесть на лицѣ ея то впечатлѣніе, которое произведутъ ихъ слова.

— Очень благодарна за такіе лестные отзывы, отвѣчала Наденька съ насмѣшливой улыбкой, только прошу васъ не вѣрить имъ: они несправедливы.

— А знаете кто говорилъ намъ о вашей игрѣ?

— Нѣтъ, не знаю.

— Вспомните, для кого вы играли?

— Я играла при нѣкоторыхъ знакомыхъ папа.

— Но намъ говорилъ одинъ человѣкъ ...

— Кто же это? ...

Наденька боялась! — неужели Крушинскій говорилъ что-нибудь о ней съ этими дѣвицами.

— Отгадайте ...

— Это очень мудрено.

— Князь Бандуровъ!

И всѣ четыре сестры опять устремили свои взоры на лицо Наденьки, желая знать какое впечатлѣніе произведетъ на нее это роковое имя. Наденька усмѣхнулась.

— А, князь, сказала она. Ну, дурно же онъ рекомендуетъ свой музыкальный вкусъ, когда расточаетъ мнѣ такія незаслуженныя похвалы ...

И она взглянула на мать, желая ей напомнить, что время проститься: четыре сестрицы ужасно ей не понравились и наскучили. — Катерина Михайловна приподнялась съ своего мѣста.

— Куда же вы, Катерина Михайловна, такъ торопитесь? заговорила городничиха, посидите, пожалуйста, сейчасъ подадутъ кофе. Раичка, поди скажи, чтобы подавали поскорѣе, прибавила она, обратясь къ одной изъ дочерей. — Пожалуйста, посидите, Катерина Михайловна, вы у насъ такая рѣдкая, дорогая гостья ... И ваша милая Надежда Ѳедоровна познакомится съ моими дочерьми.

Катерина Михайловна, довольная радушнымъ и

почтительнымъ пріемомъ городничихи, а также и похвалами, которыя она разсыпала на счетъ ея дочери, готова бы была и еще посидѣть здѣсь, но Наденька взглядомъ умоляла ее ѣхать. И Катерина Михайловна, извинясь тѣмъ, что ей предстоитъ еще много визитовъ, простилась съ городничихой.

— Я увѣрена, что вы теперь съ Надеждой Ѳедоровной будете насъ чаще посѣщать, говорила городничиха, провожая гостей. Надѣюсь, что и вы, Надежда Ѳедоровна, полюбите моихъ дочерей и сойдетесь съ ними.

Катерина Михайловна отвѣчала обѣщаніями, Наденька, молча раскланивалась.

— Не правда ли какое доброе это семейство? замѣтила Коркина дочери, когда онѣ сѣли въ экипажъ.

— Можетъ быть, мамаша, только мнѣ очень не понравились эти дѣвицы.

— Отчего это?

— Не умѣю вамъ сказать: такъ что-то онѣ странно себя держатъ.

— Ну, душенька, а ты не думай, что вездѣ петербургскіе жители. Внушенія-то своей тетушки позабудь: привыкай къ нашей деревенской жизни, къ нашему обществу. Что дѣлать, что онѣ не такъ образованы, какъ ты, за то какія онѣ добрыя, привѣтливыя. Какъ тебя хвалила городничиха!

— Я ничего не говорю про нихъ худаго, мамаша, только онѣ мнѣ не по-вкусу ...

Но долгъ платежемъ красенъ или сердце сердцу вѣсть подаетъ. Наденька ужасно не понравилась всему семейству городничаго.

— Какая она гордячка! Какъ носъ деретъ! Думаетъ о себѣ и Богъ знаетъ что, что изъ Петер-

бурга пріѣхала: А сама слова не имѣетъ сказать: какъ ни заговаривали, только и есть, — что да, да нѣтъ. Это все отъ гордости! А видѣла, какъ она торопила мать, чтобъ уѣхать по-скорѣе ... А ужасно нужно! ... Мармаровскій славно ее отдѣлываетъ!

Такія фразы сыпались на-счетъ Наденьки изъ устъ городничихи и четырехъ ея дочерей, послѣ ея отъѣзда; хорошо что ихъ не слыхала добродушная и чувствительная къ ласкамъ, но знающая себѣ цѣну Катерина Михайловна. Отъ городничаго по дорогѣ пришлось сдѣлать визитъ исправницѣ. Исправница уѣзднаго городка Д. была дама лѣтъ подъ тридцать, бездѣтная, но съ сильнымъ желаніемъ нравиться и морочить влюбчивыхъ молодыхъ людей. Она рядилась и молодилась на пропалую: всѣ костюмы свои выписывала изъ губернскаго города, а иногда даже изъ Москвы; на лицо ей ни кто бы не далъ болѣе двадцати-четырехъ лѣтъ, но опытный глазъ нашелъ бы на этомъ лицѣ слѣды разлизныхъ притираній, хотя употребленіе косметическихъ средствъ для усовершенствованіл своей физіономіи, исправница считала сокровеннѣйшей въ мірѣ тайной. Любовь Ивановна (такъ звали исправницу) любила общество, веселости, уважала свѣтскія приличія и комфортъ; вслѣдствіе этого Любовь Ивановна непремѣнно встрѣтила бы себѣ врага въ Татьянѣ Ивановнѣ, если бы самолюбіе первой устремлялось ни что нибудь-иное, кромѣ привлеченія сердецъ молодыхъ людей: политическаго, такъ-сказать честолюбія, Любовь Ивановна вовсе не имѣла и это спасало ее отъ ненависти и преслѣдованія Татьяны Ивановны. Исправница сверхъ того славилась умѣньемъ говорить, хотя не краснорѣчиво, но много и

скоро; а также и привлекательностью манеръ граціозныхъ, всегда плавныхъ и величественныхъ въ спокойномъ состояніи духа, быстрыхъ и рѣшительныхъ во время одушевленія. Супругъ Любови Ивановны — человѣкъ простодушнѣйшій, весельчакъ и волокита, вслѣдствіе чего Любовь Ивановна держала его въ рукахъ, и ревновала ко всякой сколько-нибудь миловидной особѣ женскаго пола. За всѣмъ тѣмъ супруги жили какъ нельзя лучше, душа-въ-душу, потому-что всѣ маленькія размолвки очень скоро забывались между ними.

Оба супруга были дома, когда къ нимъ пріѣхала Коркина съ дочерью. Любовь Ивановна, сдѣлавшій мгновенный женскій экзаменъ всей особѣ Наденька, по внутренному безпристрастному убѣжденію, нашла ее красавицей и въ то же мгновеніе почувствовала къ ней антипатію, потому-что вообще не видѣла краслвицъ. Вслѣдствіе этого она приняла свои величественныя манеры и озадачила Наденьку картинностью позы и вообще величіемъ всей своей особы; рѣчь свою она начала свысока и зная, что Наденька недавно пріѣхала изъ Петербурга, тотчасъ же дала ей понять, что она тоже бывала и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ.

— Я не знаю какъ я могу жить здѣсь, въ этой глуши, говорила исправница: конечно вы, какъ пансіонерка, не привыкшая къ большому обществу, можете легко теперь привыкнуть къ нашей скучной жизни ... А я не могла, бывало, прожить недѣли безъ того, чтобы не побывать на балу ... Здѣсь же вовсе нѣтъ никакихъ общественныхъ удовольствій.

— Вотъ у насъ скоро будутъ собранія! замѣтилъ исправникъ, какъ бы въ утѣшеніе женѣ.

— Ну, что здѣшнія собранія: можно ли быть на нихъ тому, кто бывалъ въ московскомъ собраніи. Ахъ, что за зала: я до-сихъ-поръ не могу ее вспомнить безъ восторга! ... И потомъ здѣшнія собранія! ... Ха, ха, ха ... Признаюсь, если бы не страсть мужа къ службѣ, я ни за что на свѣтѣ не рѣшилась бы прожить недѣли въ этомъ городѣ.

— Такъ что же, матушка, въ деревнѣ-то развѣ веселѣе?

— Что же намъ за необходимость жить въ деревнѣ: мы стали бы жить въ столицѣ ...

— Да, оно, конечно хорошо въ столицѣ ... А по моему, такъ и здѣсь можно проводить время съ удовольствіемъ.

— Да, для васъ удовольствіе въ чемъ состоитъ? только бы были карты — вамъ ничего больше не надо. А для того, кто привыкъ къ большому обществу, къ веселостямъ, къ свѣтскимъ развлеченіямъ, непремѣнно надобно жить въ столицѣ, а въ уѣздномъ городѣ онъ долженъ просто сойти съ ума. Если вы, mademoiselle, хоть сколько нибудь выѣзжали въ Петербургѣ, вы умрете съ тоски въ нашей уѣздной жизни.

— Ничего, ничего, Надежда Ѳедоровна, мы и здѣсь сумѣемъ доставить вамъ разныя удовольствія. Вотъ посмотрите-ка какія у насъ будутъ собранія ... говорилъ исправникъ.

Любовь Ивановна съ жаромъ возстала противъ мужа и начала смѣяться надъ предстоящими увеселеніями.

Такимъ образомъ въ этотъ визитъ Катеринѣ Михайловнѣ и Наденькѣ удалось сказать не болѣе двухъ-трехъ словъ: разговаривали между собою только хозяева.

Наденька уѣхала отъ исправницы, какъ-бы оглушенная и ослѣпленная: она не слыхала никогда такъ много рѣчей въ такое короткое время, никогда не видала столько величія и въ то же время рѣзкости и бойкости въ одной и той-же особѣ.

— Вотъ кусочикъ: лакомый! замѣтилъ исправникъ о Наденькѣ. Кому-то достанется.

— Ну, ужъ пашелъ чѣмъ восхищаться, возразила исправница. Мямля какая-то, слова не умѣла сказать. И какъ держитъ себя. Точно связанная. Сейчасъ видно, что недалека и воспитывалась въ какомъ-нибудь дурномъ пансіонѣ: нѣтъ ни одной миленькой манеры.

— А вотъ, посмотри, какого она себѣ молодца подхватитъ.

— Развѣ такого пустоголоваго, какъ сама. Если она и можетъ кого заинтересовать, такъ развѣ человѣка съ такимъ прекраснымъ вкусомъ, какъ ты. Въ истинно-образованномъ обществѣ она вовсе не будетъ замѣчена.

— Этакая-то красавица? какъ же!

— Да уже полно, пожалуйста: я вижу, что ты растаялъ. Во-первыхъ она вовсе не красавица; а просто восковая кукла безъ жизни.

— Какъ же, безъ жизни! А глаза то? такъ и горятъ! ...

— Ну, оставь, пожалуйста. Я знаю, что ты не можешь смотрѣть равнодушно ни на какое смазливенькое личико, только ужъ не высказывалъ бы свое безвкусіе. Ты вовсе не понимаешь, что въ женщинѣ составляетъ настоящую красоту прелесть и пріятность. Дѣвочка только и умѣетъ, что таращить глаза; а онъ вообразилъ, что это значитъ огонь въ глазахъ ... Ха, ха, ха! Да при-

томъ я прошу тебя покорнѣйше не очень выказывать ваше особенное вниманіе и вашъ восторгъ къ этой куклѣ. Помни, что у тебя жена молодая, которая привыкла всегда быть на первомъ мѣстѣ во всякомъ обществѣ. Ты долженъ любоваться на меня одну и ни на кого больше.

— Эхъ, матушка, на тебя-то я любуюсь каждый день, каждую минуту, а на этакую-то штучку не часто удается посмотрѣть.

— Ну, ну, прошу покорно. Что это въ самомъ дѣлѣ; дразнить ты меня хочешь, что-ли? прикрикнула Любовь Ивановна.

Исправникъ замолчалъ; исправница чувствовала окончательную ненависть къ Наденькѣ.

Наконецъ Коркины пріѣхали къ Хрящевымъ.

Какъ только человѣкъ доложилъ Татьянѣ Ивановнѣ о гостяхъ, она начала звать старшую дочь. Катенька явилась.

— Коркина съ дочерью пріѣхали, сказала мать съ особенной многозначительной улыбкой.

Катенька тотчасъ бросилась къ зеркалу и начала поправлять волосы и костюмъ свой. Татьяна Ивановна зоркимъ окомъ своимъ быстро осмотрѣла все-ли въ порядкѣ въ комнатахъ и, обратившись къ человѣку, спокойно и важно произнесла: проси!

Затѣмъ мать усѣлась въ гостинной на диванѣ, дочь неподалеку отъ нея въ креслахъ. Татьяна Ивановна была невозмутимо спокойна и приготовлялась встрѣтить гостей, какъ слѣдуетъ: съ сознаніемъ собственнаго достоинства. Катенька чувствовала безпокойство и волненіе.

— Посмотримъ: что такое? съ увѣренностью знатока и строгаго судьи произнесла мать. Дочь отвѣчала на эти слова улыбкой.

Въ залѣ послышались шаги: ни Татьяна Ивановна, ни Катенька не приподнялись съ мѣста, а только переглянулись между собой.

Между-тѣмъ ни Катерина Михайловна, ни Наденька не подозрѣвали, что встрѣтятъ своихъ заклятыхъ враговъ въ гостиной, въ которую такъ спокойно шли.

Когда онѣ показались въ дверяхъ гостиной, Татьяна Ивановна встала съ дивана и встрѣтила гостей на серединѣ комнаты. Послѣ обычныхъ рекомендацій, при которыхъ хозяйка держала себя важно и съ достоинствомъ, она сказала Катеринѣ Михайловнѣ:

— Наконецъ мы имѣемъ удовольствіе видѣть вашу дочь ... Кажется, она давно уже пріѣхала.

— Да, давно! сухо отвѣчала Катерина Михайловна, которой не понравился гордый пріемъ и важный видъ хозяйки: она была тоже спѣсивая женщина и любила, чтобъ ей выражали надлежащее почтеніе. — Уже болѣе трехъ недѣль! прибавила она для поясненія.

— И вы сами давно, кажется, не бывали въ нашемъ городѣ!

— Да, я нынче рѣдко выѣзжаю.

— Но теперь для дочери, конечно, будете чаще выѣзжать? ... Вы слышали, вѣроятно, у насъ затѣваются собранія.

— Да, слышала. Къ намъ съ предложеніемъ отъ предводителя, чтобы принять участіе въ собраніи, пріѣзжалъ на дняхъ одинъ офицеръ, князь Бандуровъ, если знаете.

Катенька вспыхнула при этомъ имени и устремила на Наденьку злобный взглядъ: та встрѣтила этотъ взгладъ совершенно твердо и спокойно, что еще болѣе раздражило и сконфузило Катеньку.

— Какъ же не знать князя Бандурова, отвѣчала между-тѣмъ Татьяна Ивановна: съ самого вступленія полка въ нашъ городъ, онъ бывалъ у насъ почти каждый день ... Такой мальчикъ, болтливый, вѣтренникъ: онъ забавлялъ насъ своей болтовней ... А знаете-ли вы, что собственно я устроила эти собранія: первой мнѣ пришла эта мысль и я уговорила предводительшу заняться этимъ серьезно. Ваша дочь, вѣроятно, будетъ рада повеселиться? Вы, вѣрно, съ нетерпѣніемъ ожидаете собраній? обратилась она къ Наденькѣ.

— Не скажу, чтобъ ожидала съ особеннымъ нетерпѣніемъ, я еще не знаю будутъ ли веселы эти собранія.

— О, конечно будутъ веселы: у насъ такъ много теперь милыхъ любезныхъ кавалеровъ.

— Весело вы проводите время? рѣшилась наконецъ проговорить Катенька, обращаясь къ своей мнимой соперницѣ.

— Очень весело.

— Много бываетъ у васъ гостей?

— Нѣтъ, очень немного.

— У насъ такъ часто собирается почти все здѣшнее общество и ужъ каждый вечеръ непремѣнно человѣкъ пять-шесть офицеровъ.

— Вамъ должно быть очень весело! сказала Наденька не безъ ироніи.

— Да, мы проводимъ время чрезвычайно пріятно.

— Мы слышали, что ваша дочь большая музыкантша! сказала Татьяна Ивановна.

— Матери нельзя судить безпристрастно, отвѣчала Катерина Михайловна, но Наденька впрочемъ считалась первой игрицей во всемъ пансіонѣ, въ которомъ она воспитывалась.

— Не хотите-ли сыграть что-нибудь на нашемъ роялѣ: онъ очень хорошъ, недавно выписанъ изъ Петербурга.

— Нѣтъ, благодарю васъ.

— Отчего же не хотите?

— Я не расположена теперь.

— Намъ пора ужъ и ѣхать! сказала Катерина Михайловна, приподнимаясь.

— Куда же вы такъ торопитесь?

— Теперь ужъ домой: мы и то давно въ городѣ: были у предводительши, у городничихи, у исправницы. Ѳедоръ Иванычъ, я думаю, ожидаетъ насъ обѣдать.

Катерина Михайловна была довольна, что она пріѣхала къ ней послѣдней. Хотя это обстоятельство было и случайное, но Катерина Михайловна, разсерженная гордымъ обращеніемъ хозяйки, поспѣшила обратить его въ шпильку, очень чувствительную для самолюбія Татьяны Ивановны — и Татьяна Ивановна очень хорошо ее почувствовала. Женщины удивительно хорошо понимаютъ другъ друга: имъ не нужно много говорить, чтобы передать, что лежитъ на душѣ; одной ничтожной и незначущей, повидимому, фразы, даже одного взгляда, одного поклона достаточно для этого.

Наденька была удивлена той явной непріязнью, съ которой встрѣтили ее Хрящевы, но не понимала причины. Катерина Михайловна объяснила поведеніе Хрящевыхъ по-своему:

— Какова дрянь, какъ важничаетъ, говорила она, сѣвши въ возокъ. Думаетъ, что нѣтъ ея умнѣе, ни выше. А чѣмъ важничаетъ? Ну, что такое судейша? Она всегда такъ заносилась; а сегодня что-то особенно: хотѣла что-ли показать, что она сердится на меня, что я давно не бывала у нея. Или

хотѣла тебя озадачить на первый разъ? Ну, да я ей дала понять, что считаю ее вовсе не за важную птицу.

Татьяна Ивановна и Катенька, какъ только проводили гостей (до дверей въ залу) тотчасъ, какъ бы по сочувствію, взглянули другъ на друга и злобно улыбнулись.

— Ну, вотъ и неземную видѣли! вымолвила Татьяна Ивановна. Теперь можно будетъ посмѣяться надъ княземъ.

— Кажется, мамаша, въ ней ничего нѣтъ особеннаго?

— Какое же особенное: этакихъ красавицъ неземныхъ на каждомъ шагу можно встрѣтить; высока, бѣла, да черные глаза, вѣдь ужъ больше ничего нельзя сказать.

— А какъ собой занимается: затянута, кажется, такъ, что едва дышать можетъ. А вотъ, мамаша, шляпа на ней, такъ прехорошенькая.

— Да видно только, что петербургской работы и послѣднихъ фасоновъ; а особеннаго тоже ничего нѣтъ и матерія-то очень не богатая. А ты замѣтила, что она ее и надѣть хорошенько не умѣла: держалась, вѣдь, только на одной косѣ ... А ужъ матушка, матушка, какъ одѣта — это прелесть.

— Да, да! ахъ мамаша, что это!

И мать и дочь разразились громкимъ истерическимъ смѣхомъ.

— Ну, положимъ, что эта, живя въ деревнѣ, отвыкла отъ всего, продолжала Татьяна Ивановна. Ну, а дочь-то чего же смотрѣла? Неужели она не могла замѣтить матери, что она не хорошо одѣта? Это значитъ, что у ней у самой вовсе нѣтъ вкуса: а ее одѣла въ Петербургѣ, какъ куклу, какая-ни-

будь магазинщица: она и очень довольна, и рядится какъ указали. А матушка, матушка! Какъ шаль надѣта, какъ платье сшито ...

И маменька съ дочкой опять засмѣялись.

— А тоже рядится какъ двадцати-пяти-лѣтная дама, прибавила Татьяна Ивановна. Странно, какъ еще не съ открытымъ лифомъ нарядилась ...

— Да на визиты-то бы ... подхватила Катенька. Вотъ бы чудесно! ... Что за мамаша, право! ...

— Да этого только и нужно ждать! ...

И снова истерическій смѣхъ овладѣлъ разговаривающими.

— А вы замѣтили, мамаша, съ какимъ она торжествомъ разсказывала, что къ нимъ пріѣзжалъ князь съ предложеніемъ подписаться на собраніе?

— Да, да! Ну, я ей и показала какой важной особой считаемъ мы князя.

— А дочь, мамаша, вдругъ начинаетъ мнѣ разсказывать, что она проводитъ время чрезвычайно весело. Я и спрашиваю ее: что же у васъ много гостей бываетъ? Нѣтъ, говоритъ, очень не много. Такъ отъ чего же она такъ веселится? ... Развѣ одна, сама съ собой разговариваетъ отъ скуки?

— А жалко, что она ничего не сыграла на рояли.

— Да! Я, говоритъ, не въ расположеніи духа, точно какъ надобно непремѣнно быть въ какомъ-нибудь особенномъ расположеніи духа, чтобъ играть ... Какъ важничаетъ!

— Да, можетъ-быть, она такъ затянута, что ей и руки-то поднять нельзя, вотъ и говоритъ, что не въ расположеніи.

— Ахъ, что за мамаша, право! воскликнула Катенька, заливаясь смѣхомъ безсильной злобы.

И такъ Наденька въ обществѣ уѣзднаго городка произвела неблагопріятное впечатлѣніе, но она не знала этого и не заботилась о томъ, какъ на нее будутъ смотрѣть: она только удивлялась странности пріема, который ей сдѣлали въ нѣкоторыхъ домахъ.

— —

Катерина Михайловна отъ Хрящевыхъ приказала было ѣхать домой, но вдругъ сдѣлала Наденькѣ такое предложеніе:

— А что, Наденька, не послать ли намъ человѣка къ Аркадію Николаичу спросить его о здоровьи: онъ, вѣдь, еще не совсѣмъ былъ здоровъ, какъ пріѣзжалъ къ намъ въ послѣдній разъ. А? какъ ты думаешь?

— Какъ вамъ угодно, мамаша! отвѣчала Наденька, вспыхнувши.

— Я велю заѣхать! проговорила Катерина Михайловна и, приказавши остановиться возку, подозвала къ себѣ человѣка.

— Родіонъ! спроси Кондратья, сказала она ему, знаетъ-ли онъ квартиру лекаря военнаго, что къ намъ ѣздитъ и на какой улицѣ.

— Знаемъ-съ: въ Прямой улицѣ, отвѣчалъ Родіонъ, переговоривши съ Кондратьемъ.

— Ну, такъ вели ѣхать по этой улицѣ и остановиться противъ квартиры лекаря, и когда остановятся, ты зайди къ Аркадію Наколаичу, и скажи, что Катерина Михайловна приказали кланяться и узнать о здоровьи.

— Слушаю-съ! отвѣчалъ слуга.

И возокъ, принявши данное направленіе, черезъ нѣсколько времени остановился противъ дома мѣщанки Шилохвостовой: Родіонъ тотчасъ отправился

исполнять приказаніе барыни. Черезъ нѣсколько минутъ у возка явился самъ Крушинскій, узнавши отъ посланнаго, что у его дома остановилась Катерина Михайловна съ дочерью. Онъ выбѣжалъ въ одномъ сертукѣ, на радостяхъ и второпяхъ позабывши накинуть шубу и надѣть фуражку.

— Здравствуйте, Катерина Михайловна! Здравствуйте, Надежда Ѳедоровна! говорилъ онъ, заглядывая въ окно возка.

— Ахъ, Аркадій Николаичъ, что вы это дѣлаете: безъ шубы и безъ фуражки, воскликнула Катерина Михайловна: вы простудитесь.

— Ничего, ничего, не безпокойтесь! Я такъ радъ, что васъ вижу. Благодарю васъ, что вспомнили обо мнѣ.

— Я хотѣла непремѣнно узнать о вашемъ здоровьи.

— Я теперь совершенно здоровъ, совершенно. Какими судьбами вы пожаловали сюда?

— А вотъ вывозила Наденьку.

— Ну какъ же вамъ понравилось здѣшнее общество, Надежда Ѳедоровна?

— Ничего ... Но вы, право, можете простудиться: теперь зима, холодно! съ заботливостю проговорила Наденька.

— Не безпокойтесь, пожалуйста, я не озябну: меня согрѣваетъ ваше вниманіе.

— Крушинскій съ глубокой любовью и благодарностью посмотрѣлъ на Наденьку: она покраснѣла.

— Да нѣтъ, безъ шутокъ, вы можете простудиться! сказала Катерина Михайловна, прощайте! Когда вы къ намъ?

— Когда прикажите или позволите! ... Ахъ, право, какъ я вамъ благодаренъ, что вы вспомнили обо

мнѣ; для меня такое вниманіе большая рѣдкость. Но неужели же я въ самомъ дѣлѣ долженъ уйти, такъ не долго видѣвши васъ. Катерина Михайловна, у васъ, кажется, четверомѣстный возокъ, позвольте мнѣ проводить васъ не далеко, а оттуда я приду пѣшкомъ. Простите мою смѣлость.

— Что же, и прекрасно: садитесь. Да поѣдемте лучше къ намъ.

— Нѣтъ, мнѣ совѣстно къ вамъ ѣхать: я такъ недавно былъ у васъ и опять ...

— Да что же за важность: мы скажемъ Ѳедору Иванычу, что вы съ нами встрѣтились и мы васъ пригласили.

— Нѣтъ, нѣтъ, благодарю васъ, позвольте мнѣ лучше немножко проводить васъ.

Ну, такъ надѣвайте скорѣе шубу.

— Сейчасъ.

Крушинскій побѣжалъ за шубой и черезъ минуту уже сидѣлъ въ одномъ экипажѣ съ Наденькой, съ глазу на глазъ, безъ докучливаго надзора тетушки. Присутствіе Катерины Михайловны почему-то не стѣсняло Наденьку: она чувствовала, что за ней не наблюдаютъ и хотя говорила не много, и о пустякахъ, за то свободно, мило и любезно; а глаза ея вели съ глазами Аркадіи Николаича другую болѣе задушевную, болѣе интересную бесѣду. Крушинскій первый разъ въ жизни былъ такъ веселъ, такъ счастливъ. Разговоръ шелъ ничтожный, большею частью о сдѣланныхъ визитахъ, но чрезвычайно весело, и время летѣло быстро такъ, что никто изъ разговаривающихъ и не замѣтилъ, какъ проѣхали цѣлую версту за городъ, гдѣ назначено было остановиться, хотя приказано было ѣхать шагомъ.

Катерина Михайловна опять-было повторила при-

глашеніе Крушинскому отправиться вмѣстѣ съ ними, но Аркадій Николаичъ не согласился; онъ видѣлъ, что Катерина Михайловна дѣлала это приглашеніе не очень настойчиво и усердно. Наденька тоже не показывала виду, что желаетъ, чтобы онъ ѣхалъ съ ними, да и самъ Крушинскій чувствовалъ, что былъ бы не совсѣмъ въ ловкомъ положеніи, если бы пріѣхалъ вдругъ незваный, непрошеный. въ одномъ экипажѣ съ матушкой, которая за нимъ ухаживала и съ дочкой, къ которой онъ самъ былъ неравнодушенъ ... Онъ рѣшительно отказался.

— Ну, такъ смотрите же, сказала Катерина Михайловна, мы и Ѳедору Иванычу не будемъ говорить, что вы насъ провожали; а то онъ разсердится, отчего мы не уговорили васъ къ себѣ обѣдать.

Крушинскій съ своей стороны очень хорошо понималъ, почему не слѣдовало сказывать Ѳедору Иванычу объ его путешествіи.

На прощаньи Катерина Михайловна взяла съ него слово пріѣхать къ нимъ хоть одинъ разъ до Святокъ, до которыхъ оставалось всего недѣли полторы. Само собою разумѣется, что онъ охотно далъ это слово.

Такое ничтожное обстоятельство, какъ прогулка молодого человѣка съ дамами, хотя и въ одномъ экипажѣ, но середи бѣлаго дня, по-видимому должно бы остаться незамѣченнымъ, но въ уѣздномъ городѣ и не такія обстоятельства замѣчаются и наводятъ на размышленіе. Изъ домовъ, сосѣднихъ съ квартирою Крушинскаго, видѣли какъ остановился передъ этой квартирой возокъ, въ которомъ сидѣла барыня Коркина съ барышней, какъ потомъ выскочилъ къ этому возку лекарь, поговорилъ съ барыней и съ

барышней, а тутъ вдругъ сѣлъ съ ними, да уѣхалъ. А хозяйка Крушинскаго добавляла, что уѣзжалъ лекарь не надолго и ужъ домой не пріѣхалъ, а пришолъ пѣшкомъ. За чѣмъ же и куда ѣздилъ лекарь съ барыней и барышней и отчего онъ послѣ пришолъ пѣшкомъ? какъ не подумать и не потолковать о такомъ обстоятельствѣ празднымъ головамъ и словоохотливымъ языкамъ ... Какими путями — этого мы не знаемъ, — но дѣло въ томъ, что къ празднику, вмѣстѣ съ обновами, Татьяна Ивановна съ Катенькой имѣли и эту свѣжую новость, но еще не знали какъ взяться за нее и какому подвергнуть истолкованію. Рѣшительные выводы и окончательные результаты покоились пока въ головѣ Татьяны Ивановны.

Часть вторая.

I.

Если какому-нибудь столичному жителю привелось проѣзжать по главной улицѣ уѣзднаго городка Д. въ томъ году, къ которому относится нашъ разсказъ, на третій день Святокъ, въ 9 часовъ вечера, то онъ, конечно, замѣтилъ, что одинъ изъ домовъ этого города, самый высокій и самый большой, былъ великолѣпно освѣщенъ, между-тѣмъ какъ въ другихъ домахъ огонь мерцалъ только черезъ нѣсколько оконъ, очевидно изъ одной-двухъ комнатъ, тогда-какъ во всѣхъ остальныхъ окнахъ господствовалъ мракъ. Вѣроятно, путешественникъ заключилъ, что въ освѣщенномъ домѣ былъ балъ и что на немъ собравшіеся изъ неосвѣщенныхъ домовъ гости веселились со всею патріархальною простотою провинціальной жизни: играли въ фанты, танцовали подъ звуки разстроеннаго фортепіано или дурно-настроенной скрипки, дружелюбно разговаривали, смѣялись, лакомились продуктами можетъ-быть единственной москательной лавки городка. И, вѣроятно, со снисходительною улыбкою подумалъ путешественникъ: — „вотъ какъ рано начинаетъ свои вечера уѣздное общество! — и прекрасно: оно умѣетъ навеселиться, натѣшиться

вволю и даже уснуть до того времени, когда наши столичныя дамы только-что начинаютъ съѣзжаться!..." Но жестоко ошибется столичный житель, подумавши такимъ образомъ; глубокимъ невѣденіемъ провинціальной жизни отзовутся его слова; высокомѣрной улыбкой сознанія собственнаго достоинства отвѣтило бы ему уѣздное общество за такое неправильное и даже обидное для него мнѣніе, если бы могло узнать его. Нѣтъ, теперь уже не то время, когда могли смѣяться надъ патріархальностью нашей жизни: и мы теперь знаемъ свѣтскія приличія, и мы умѣемъ жить! сказало бы уѣздное общество. — Хотя домъ купца Сусленикова и былъ освѣщенъ для предстоящаго перваго благороднаго собранія, но въ 9 часовъ вечера въ немъ не было еще ни одного посѣтителя, кромѣ нѣсколькихъ членовъ-распорядителей, которые, ходя изъ одной комнаты въ другую, приводили все въ надлежащій порядокъ; общество же еще и не думало съѣзжаться: все оно, — разумѣя, по-преимуществу дамъ, — только приготовлялось къ собранію. И въ тѣхъ комнатахъ, изъ которыхъ мерцалъ огонь путешественнику, въ это время происходило особенное движеніе, была усиленная, оживленная дѣятельность: шумѣли крахмаленныя юбки и шелковыя платья, ссорились госпожи со служанками, толкались и перебранивались горничныя. И если бы скромность не запрещала намъ, мы заглянули бы въ нѣкоторыя изъ этихъ комнатъ, полныя толкотни и суматохи, и увидѣли бы какъ, напримѣръ, въ одной изъ нихъ, двѣ горничныя дѣвушки съ необыкновенными усиліями затягиваютъ корсетъ на довольно полной барышнѣ и послѣдняя, не смотря на то, что вся кровь прилила къ головѣ и красными пятнами выступила на лицо, говоритъ задыхающимся голосомъ: „еще!...

еще! ... можно еще! ... ничего, ничего: стягивайте еще". Мы увидѣли бы какъ въ другой комнатѣ дама среднихъ лѣтъ, только-что реставрировавшая свое лицо и еще полуодѣтая, сидя передъ зеркаломъ, принимаетъ то ту, то другую граціозную позу и придаетъ своимъ глазамъ и всей физіономіи разнообразныя выраженія: то шикарно-насмѣшливое, то гордо презрительное, то нѣжно-улыбающееся, то пламенно-страстное, между-тѣмъ какъ горничная дѣвушка поспѣшно пришиваетъ къ шемизеткѣ новый борокъ, вмѣсто оказавшагося негоднымъ. Какъ въ третьей комнатѣ — четыре граціи, четыре сестрицы, ссорятся не на-шутку изъ-за одного зеркала и двухъ горничныхъ, услуги которыхъ необходимы каждой изъ нихъ въ одно и то же время. Мы увидѣли бы все это и много, много подобнаго, но мы скромны и деликатны, а потому лучше отправимся въ великолѣпно освѣщенный домъ купца Сусленикова, чтобы посмотрѣть наобщество уѣзднаго города Д. въ томъ видѣ, въ какомъ оно желаетъ себя показать, а не въ томъ, въ какомъ оно не хочетъ показываться.

Домъ купца Сусленикова, по мнѣнію всего уѣзднаго общества, былъ очень удобенъ для собранія: зала огромная, гостиная тоже огромная, за ней комната неизвѣстнаго назначенія — тоже огромная, за ней еще комната чрезвычайно маленькая, рядомъ съ ней еще меньше; нѣтъ только прихожей, зато есть большія, просторныя сѣни, правда, холодныя, но онѣ могутъ нагрѣться, когда въ нихъ соберется значительное число слугъ съ господскими шубами. По другую сторону сѣней — еще двѣ комнаты, назначенныя для буфета и карточной.

Купецъ Сусленниковъ, разбогатѣвшій чрезвычайно быстро отъ хлѣбной торговли, задумалъ выстроить

этотъ домъ и выстроилъ его мгновенно и по собственному плану. Весь нижній этажъ занимали лавки; второй этажъ предназначенъ для жилья, хотя въ немъ никто не жилъ, потому-что хозяинъ съ женой и единственной дочерью помѣщался въ мезонинѣ, который онъ надумалъ нагромоздить сверхъ бельэтажа. Для чего выстроилъ купецъ такой домъ, тогда какъ самъ помѣщался весьма тѣсно, а въ среднемъ этажѣ ни самъ не жилъ, ни постояльцевъ не пускалъ, ни даже мебели не заводилъ, хотя и отдѣлалъ стѣны подъ мраморъ и развѣсилъ по нимъ зеркала? — долго этотъ вопросъ оставался не разрѣшеннымъ, пока владѣлецъ самъ не разъяснилъ его. Когда дочка выйдетъ замужъ, — говорилъ онъ, тогда пусть живетъ въ большихъ хоромахъ: и небель себѣ заведетъ по-модному фасону; а стѣны подъ мраморъ, да зеркала хорошія всегда въ своемъ видѣ и изъ моды не выйдутъ. А пускать мнѣ постояльцевъ — никакой крайности не имѣю. Захотѣлъ разгуляться въ свои, или женины именины: съ верху столовъ да стульевъ натаскалъ и милости просимъ дорогіе гости: хоть двѣсти человѣкъ, есть гдѣ разойтиться! Большого труда стоило предводителю, съ помощью городничаго, уговорить Сусленикова уступить свой домъ подъ собраніе. Онъ согласился на это только изъ одного уваженія, какъ самъ выразился, и съ условіемъ, чтобы женѣ и дочкѣ позволено было смотрѣть на танцующихъ господъ хоть изъ дальной комнаты. Денежнаго вознагражденія Сусленикова не хотѣлъ, а только требовалъ, чтобы комнаты, по окончаніи собраній, были въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ихъ отдавалъ, т. е. чтобы всѣ поврежденія, какія могутъ случиться, были исправлены.

Итакъ, въ 9 часовъ вечера зала собранія была

еще пуста, хотя совершенно готова къ пріему посѣтителей: стулья разставлены въ строгомъ порядкѣ, свѣчи зажжены, черная доска съ изображеннымъ на ней посредствомъ мѣла реестромъ танцевъ (сочиненія князя Бандурова), повѣшена на самомъ видномъ мѣстѣ; музыканты помѣщены въ одномъ углу залы. Долго совѣщались члены-распорядители о томъ, куда поставить музыкантовъ: въ сѣняхъ — холодно, въ залѣ — отнимутъ много мѣста у танцующихъ, въ гостиной — ужъ совершенно неприлично, въ слѣдующей за нею комнатѣ — не слышно будетъ музыки. Необходимость заставила помѣстить оркестръ въ залѣ съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ тѣсноты, танцовать и въ гостиной. Самымъ заботливымъ и суетливымъ распорядителемъ былъ князь Бандуровъ. Онъ напросился въ помощники предводителю во всѣхъ его хлопотахъ по собранію и съ необыкновеннымъ усердіемъ исполнялъ всѣ его порученія. Въ настоящій день онъ не выходилъ изъ дома купца Суслеников съ самаго утра, и теперь, когда все уже было приготовлено, онъ, тоже совершенно готовый, сидѣлъ въ буфетѣ, отдыхая отъ своихъ трудовъ, либо съ заботливостью пробѣгалъ черезъ всѣ комнаты, замѣчая все-ли въ порядкѣ и приказывая двумъ доморощеннымъ оффиціантамъ, въ сюртукахъ и бѣлыхъ перчаткахъ, исправлять малѣйшія упущенія.

Онъ проникалъ даже въ двѣ самыя заднія и самыя маленькія комнатки, обращенныя въ уборныя для дамъ, гдѣ стоялъ тоалетъ, принесенный изъ дома предводителя и находились двѣ горничныя, наряженныя тѣмъ же щедрымъ предводителемъ, для услугъ, которыя отъ нихъ потребуются пострадавшими дамскими тоалетами. И здѣсь находила для себя мѣсто и дѣло заботливость распорядительнаго князя.

Многіе изъ молодыхъ офицеровъ, горѣвшіе желаніемъ поѣанцовать, явились въ залу собранія вмѣстѣ съ первой зажженной въ ней свѣчей и въ ожиданіи начала собранія сидѣли въ буфетѣ. Нетерпѣніе ихъ дѣятельныхъ ногъ возрастало съ каждой минутой и они часто выходили въ залу и вальсировали или полькировали другъ съ другомъ, какъ бы дѣлая пробу или предвкушая предстоящее наслажденіе. Князь Бандуровъ и здѣсь успѣвалъ участвовать.

— Послушайте, господа, сказалъ, между прочимъ, веселый поручикъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ: вы не знаете, что насъ сегодня ожидаетъ. Сегодня вы будете имѣть удовольствіе видѣть и танцовать съ такой штучкой, что растаете.

— Кто это, кто? раздалось нѣсколько голосовъ.

— Наденька, дочь здѣшняго помѣщика Коркина.

— Слышали, слышали! говорятъ, очаровательна! говорятъ, прелестна!

— Ужъ я вамъ говорю: это чудо что такое, и вы мнѣ обязаны, что она будетъ здѣсь сегодня: я упросилъ отца ѣхать въ собраніе ... Мы съ нимъ очень коротки. Только, господа, прошу знать: она моя ... Чуръ, не отбивать.

— Какъ твоя? раздалось нѣсколько голосовъ въ одно время.

— Ну, какъ моя? Моя! воскликнулъ Бандуровъ и, съ силою ударивши себя по лѣвой сторонѣ груди, противъ сердца, быстро подхватилъ одного изъ товарищей и пошелъ вальсировать, подмигивая и прищелкивая языкомъ и каблуками.

— Князь, князь! кричали вслѣдъ ему, — что же, развѣ сдѣлалъ предложеніе?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! отвѣчалъ Бандуровъ въ тактъ танца.

— А будешь дѣлать?

— Не знаю, не знаю, не знаю ...

— Такъ что же, говори толкомъ: влюблена, что-ли?

— А вотъ увидите! многозначительно проговорилъ князь, останавливаясь передъ толпою офицеровъ. Сердца любовниковъ смыкаетъ ... прибавилъ онъ, какъ бы въ поясненіе.

— Экой ты Донъ Жуанъ, князь, сказалъ совершенно розовый прапорщикъ: чортъ его знаетъ, какъ пронюхаетъ, подъ землей отыщетъ. Ну, ужь, братъ, если бы мнѣ сначала досталась такая штучка, не уступилъ бы тебѣ ...

— Конечно ... Я думаю ... насмѣшливо отвѣчалъ поручикъ. Полно, мамочка безусая, гдѣ ужь тебѣ! ... прибавилъ онъ весело, взявши прапорщика за подбородокъ.

Послѣдній съ неудовольствіемъ оттолкнулъ руку князя.

Между-тѣмъ всѣ молодые люди были сильно заинтересованы особой Наденьки и всякой, посматриваясь въ зеркало, мечталъ о возможности побѣдить сердце незнакомки. Ничье самолюбіе не преклонялось передъ особой князя, какъ опаснаго и сильнаго соперника, всякой разсчитывалъ на свои собственныя достоинства, хорошо имъ сознаваемыя, хотя, можетъ-быть, и не признанныя другими. И нетерпѣніе молодыхъ людей возрастало съ каждымъ часомъ; безпрестанно подбѣгали они къ окнамъ и смотрѣли въ темную улицу: не ѣдетъ-ли кто.

Наконецъ, въ 11 часовъ у подъѣзда дома купца Сусленикова скрипнули полозья экипажа: пріѣхала городничиха съ дочерьми. Четыре юныя дѣвы, давно уже одѣтыя, затянутыя до-нельзя, напомаженныя и надушинныя, сначала уговаривали мать не торопить-

ся ѣхать въ собраніе, чтобы раннимъ пріѣздомъ не показать въ себѣ большихъ провинціалокъ; а между-тѣмъ безпрестанно посылали справляться: не пріѣхалъ ли кто; но, наконецъ, потерявши терпѣніе въ продолжительномъ ожиданіи, и узнавши, что въ собраніи уже много офицеровъ, стали доказывать матери, что въ собраніе никто не поѣдетъ прежде нихъ, что всѣ ждутъ ихъ примѣра и что имъ, какъ первымъ лицамъ въ городѣ непремѣнно должно явиться прежде другихъ. Городничиха согласилась на такіе убѣдительные доводы и отправилась.

Оставивши въ сѣняхъ свои салопы, оправивши прически и отряхнувши платья, городничиха торжественно вошла въ залу, въ сопровожденіи четырехъ своихъ дщерей, которыя слѣдовали за нею по-парно, взявшись подъ руки. Молодые люди тотчасъ окружили ихъ: они были рады, что наконецъ пріѣхалъ хоть кто-нибудь, съ кѣмъ можно танцовать.

— Еще никого нѣтъ! сказала городничиха, обращаясь къ офицерамъ съ привѣтливой улыбкой.

— Еще никого! отвѣчали ей.

— Скажите, какъ долго не съѣзжаются: 12-й часъ. Я рѣшилась ѣхать первая, чтобы показать примѣръ другимъ, а то согласитесь: въ нашемъ маленькомъ городкѣ, и такъ поздно съѣзжаться, къ чему это?

— Разумѣется, разумѣется! Вы прекрасно сдѣлали, мы вамъ за это очень благодарны! говорили молодые люди.

Но не то подумала и не то сказала Татьяна Ивановна, которая, войдя въ залу собранія, увидѣла дочерей городничихи танцующими и потомъ узнала, что городничиха пріѣхала въ собраніе первая, и чтобы показать всему обществу время для съѣзда.

— Любовь Ивановна, Любовь Ивановна, послушайте! — это преинтересно, говорила она исправницѣ: вообразите какой тонъ задаетъ наша городничиха: прискакала въ собраніе, когда еще здѣсь свѣчь не зажигали и теперь разсказываетъ, что она хотѣла показать собою примѣръ всему обществу, когда надо собираться въ собраніе ... А просто, я думаю, ея дочки не дали ей покою: не знали какъ дождаться этакого счастья — потанцовать.

— Смѣшныя провинціалки: онѣ не видали ничего лучше! отвѣчала исправница.

Сама Татьяна Ивановна пріѣхала позже предводительши: она не рѣшилась сѣсть въ экипажъ дотѣхъ-поръ, пока человѣкъ, нарочно посланный сторожить, не прибѣжалъ сказать, что предводительша уже въ собраніи. Катенька явилась во всемъ блескѣ своей красоты, и такъ ли это было или нѣтъ, но Татьяна Ивановна думала, что она затмила собою всѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ только явилась она, се тотчасъ окружила толпа офицеровъ и приглашенія на танцы слѣдовали безпрерывно. Катенька была счастлива и кокетничала со всѣми безъ разбора: сначала ее безпокоило нѣсколько невниманіе князя Бандурова, но скоро и въ этомъ отношеніи она была успокоена: увлеченный общимъ поклоненіемъ и нѣсколько раздосадованный кокетствомъ Катеньки, онъ не выдержалъ роли и сталъ ухаживать за нею. Катенька торжествовала передъ лицемъ всего уѣзднаго общества, но звѣзда ея сіяла не долго: по залѣ прошелъ говоръ, отъ котораго вздрогнула и она и ея маменька. Коркины пріѣхали, Коркины пріѣхали! переходило изъ устъ въ уста ... И вѣроломный князь Бандуровъ, сидѣвшій въ это время около Катеньки и очень любезно-разговаривавшій съ нею, вдругъ

вскочилъ и побѣжалъ встрѣчать новоприѣхавшихъ. И Татьяна Ивановна и Катенька позеленѣли вслѣдствіе этого поступка князя. Катерина Михайловна, которая нисколько не была чужда мелочныхъ претензій провинціальной жизни, непремѣнно хотѣла пріѣхать въ собраніе, какъ можно позже и пріѣхала почти послѣдняя.

Наденька была одѣта съ большимъ вкусомъ и чрезвычайно къ лицу, и казалась еще прекраснѣе: она хотѣла сегодня нравиться, а это желаніе, какъ извѣстно, всего сильнѣе возвышаетъ красоту женщины. Глаза всѣхъ находившихся въ залѣ, были обращены на нее, лишь только она показалась въ дверяхъ ... И сколько различныхъ чувствъ въ одно мгновеніе закипѣло во множествѣ сердецъ: и любовь, и ревность, и ненависть, и зависть ... Съ первой же минуты появленія Наденьки всѣ мужчины были на ея сторонѣ, слѣдовательно всѣ женщины противъ нея. Однимъ словомъ она произвела фуроръ: Катенька мгновенно осиротѣла, была брошена, позабыта; толпа, за минуту окружавшая ее, кружилась уже около Наденьки. Но какъ не-кстати было это общее вниманіе ... Нельзя сказать, чтобъ оно было очень непріятно для Наденьки, но она не искала его и потому не восхищалась, напротивъ, она лучше хотѣла бы быть не замѣченною, чтобы свободнѣе вести бесѣду съ тѣмъ, кого давно искали и давно замѣтили глаза ея ... Но Крушинскій стоялъ одинъ, въ самомъ дальнемъ углу залы и не подходилъ къ ней ... Съ Наденькой провальсировалъ князь Бандуровъ, потомъ безусый прапорщикъ, потомъ усатый капитанъ, потомъ князь Бандуровъ пригласилъ ее на кадриль; а Крушинскій все неподвижно стоялъ въ своемъ углу: онъ хотѣлъ посмотрѣть какое впечатлѣніе произве-

детъ на Наденьку общество и его вниманіе, онъ хотѣлъ знать: вспомнитъ ли она его, замѣтитъ ли; и онъ былъ счастливъ, когда увидѣлъ, что Наденька искала его глазами, что она, хотя бѣгло, но часто, останавливала на немъ свои взгляды, что общее вниманіе, общій восторгъ не вскружилъ ей голову, не заставилъ забыть о немъ. Сверхъ того, ему хотѣлось замаскировать свое чувство отъ подозрительныхъ и проницательныхъ глазъ общества и особенно Клеопатры Петровны, которая также пріѣхала въ собраніе — изъ любопытства, какъ говорила она.

Когда начался кадриль, въ которомъ Наденька танцовала съ Бандуровымъ, Крушинскій проскользнулъ въ гостиную. Здѣсь сидѣли не-танцующія и не имѣющія претензіи танцовать и ходили танцующія, но не ангажированныя: къ первымъ принадлежали маменьки, тетеньки и т. д., ко вторымъ — дочери и племянницы.

Аркадій Николаевичъ подошелъ къ Катеринѣ Михайловнѣ, которая сидѣла рядомъ съ сестрой. Онъ былъ веселъ, хотѣлъ быть любезнымъ и разговоръ скоро завязался.

— Отчего вы не танцуете, молодой человѣкъ? спросила его, между прочимъ, Клеопатра Петровна.

— Я и не мастеръ и не охотникъ танцовать.

— Пустяки, пустяки, не можетъ быть.

— Увѣряю васъ. Да къ тому же, я почти ни съ кѣмъ здѣсь не знакомъ, если же и знакомъ, такъ очень рѣдко бываю; а здѣшнія дамы ужасно сердиты: боюсь, что даже не пойдутъ и танцовать со мной.

Отвѣтъ этотъ понравился петербургской гостьѣ, которая давно уже съ улыбкой насмѣшки и презрѣнія посматривала на уѣздное общество.

— Ахъ, какой вы проказникъ! сказала она со

смѣхомъ. Такъ ангажируйте какую-нибудь скромную и великодушную особу, вотъ хоть изъ тѣхъ, что здѣсь прохаживаются: я увѣрена, что онѣ очень снисходительны.

— Видите, какія вы: рекомендуете мнѣ отверженныхъ ... Гдѣ же мое самолюбіе? ... При томъ эти особы чрезвычайно строги къ танцовальному искусству; я же, какъ вамъ извѣстно, плохой танцоръ: послушайте, я увѣренъ, что онѣ теперь самымъ строгимъ образомъ разбираютъ всѣхъ, кто танцуетъ въ залѣ. Что же будетъ со мной? Не лучше ли мнѣ записать себя въ цѣхъ вовсе-нетанцующихъ и помѣститься рядомъ съ вами, Катерина Михайловна? ...

— Нѣтъ, нѣтъ, танцуйте: я хочу посмотрѣть какъ вы танцуете ... Не хорошо, въ самомъ дѣлѣ, молодому человѣку быть такимъ старикомъ.

— Ну, извольте, я буду танцовать, только укажите мнѣ даму ...

— Танцуйте съ Наденькой.

— Благодарю васъ ... А если Надежда Ѳедоровна будетъ такъ немилостива, что откажетъ мнѣ, или, увидя мое искусство, раскается, что пошла танцовать со мной. Нѣтъ, ужь я лучше выберу себѣ сначала даму подъ пару и покажу вамъ свое искусство, а вы между тѣмъ задобрите Надежду Ѳедоровну въ мою пользу, а то она теперь танцуетъ съ княземъ Бандуровымъ. Онъ такой отличный танцоръ, такъ ужь я-то буду для нея очень непріятный контрастъ.

Крушинскій хитрилъ: онъ приготовлялся многое сказать Наденькѣ во время кадриля, который будетъ танцовать съ нею, и ожидалъ его съ нетерпѣніемъ, но зналъ что за нимъ будутъ слѣдить ревнивые

глаза тетушки и матушки, а потому и притворялся совершенно равнодушнымъ къ танцамъ.

Вскорѣ послѣ перваго кадриля Наденька подошла къ матери: та встрѣтила ее съ тою нѣжною и снисходительною улыбкой, съ какою матери обыкновенно смотрятъ на юныхъ дѣтей своихъ, когда они, среди игръ и увлеченія безотчетной веселости, вспоминаютъ о матеряхъ и бѣгутъ къ нимъ, какъ бы желая подѣлиться своей душевною радостью. Но Наденька въ настоящую минуту была вовсе не безотчетно-веселящійся ребенокъ: она, во время кадриля, среди веселой и безпечной по-видимому болтовни съ Бандуровымъ, думала о Крушинскомъ; она видѣла, какъ онъ прошелъ въ гостиную и, направляясь къ матери, была увѣрена, что найдетъ около нея того, кого искало ея сердце. Крушинскій также былъ вполнѣ увѣренъ, что Наденька подойдетъ къ матери и ожидалъ ее. Но тѣмъ не менѣе они привѣтствовали другъ-друга простымъ и довольно холоднымъ поклономъ. Глаза всѣхъ, засѣдавшихъ въ гостиной, были устремлены на Наденьку. Князь Бандуровъ не отходилъ отъ нея и разсыпался въ свойственныхъ ему любезностяхъ передъ Катериной Михайловной. Крушинскій сталъ просить Наденьку на кадриль.

— Я ангажирована, отвѣчала она.

— Въ такомъ случаѣ на слѣдующую.

— Тоже ангажирована. Меня пригласили на всѣ шесть кадрилей.

— Уже! Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ танцовать съ вами мазурку ...

— Съ удовольствіемъ.

Князь Бандуровъ съ досадой взглянулъ на Крушинскаго: онъ думалъ, что мазурка съ Наденькой, по праву любящаго сердца, безспорно принадлежитъ ему.

— Вотъ видите, Катерина Михайловна, съ умысломъ громко сказалъ докторъ, ваше желаніе, чтобъ я танцовалъ съ Надеждой Ѳедоровной можетъ исполниться еще очень не скоро: Надежда Ѳедоровна ангажирована уже на всѣ танцы ... Знаете, князь! — продолжалъ онъ, Надежда Ѳедоровна непремѣнно хочетъ позабавиться на мой счетъ: желаетъ, чтобъ я танцовалъ: не правда ли, вы пріобрѣтаете себѣ опаснаго соперника на этомъ поприщѣ ...

— Я никогда не видалъ, какъ вы танцуете ...

— Вотъ увидите ... Приготовьтесь восхищаться ...

Крушинскій ангажировалъ одну изъ дочерей городничихи. Онъ никогда не любилъ танцевъ, учился имъ кое-какъ, практиковался рѣдко, а оттого и танцовалъ весьма посредственно. Но онъ не опасался уронить себя этимъ въ глазахъ Наденьки: онъ слишкомъ уважалъ ее для этого ... А между-тѣмъ Наденькѣ хотѣлось бы, чтобы онъ вездѣ и во всемъ бралъ первенство и ей было досадно, даже и оттого, что въ танцахъ онъ долженъ былъ уступить очень многимъ.

— Не правда-ли, какъ забавно танцуетъ Крушинскій? сказалъ князь Бандуровъ, подойдя послѣ кадрили къ Наденькѣ. Ха, ха, ха ... Совсѣмъ не умѣетъ, а тоже идетъ танцовать ... И вы дали ему слово на мазурку: онъ собьется на первомъ же шагу ... Ужь сидѣлъ бы лучше за своими книгами нежели смѣшить общество.

Наденькѣ было горько, что такой человѣкъ, какъ Бандуровъ имѣлъ право смѣяться надъ Крушинскимъ: она рѣшилась защитить одного, наказать за дерзость другаго и мысли ея вдругъ приняли другое направленіе въ пользу Крушинскаго: такимъ об-

разомъ насмѣшки князя Бандурова были очень полезны для него.

— Вы, князь, кажется, считаете самымъ высшимъ достоинствомъ человѣка умѣнье танцовать, отвѣчала Наденька, а по-моему, это необходимая принадлежность и достоинство только балетныхъ танцовщиковъ; — умный и образованный человѣкъ постыдится рисоваться этимъ искусствомъ ... Онъ можетъ оставаться очень достойнымъ человѣкомъ, даже вовсе не умѣя танцовать ...

— Но согласитесь, Надежда Ѳедоровна, что все-таки въ обществѣ ... для дамъ ... это необходимо.

— Будьте увѣрены, князь, что не всѣ дамы такъ глупы, чтобы цѣнить мужчинъ только по одному искусству въ танцахъ ...

И Наденька отошла отъ князя, не выслушавъ его возраженія. Бандуровъ чувствовалъ себя очень не ловко: онъ понималъ, что его отдѣлали, по его собственному выраженію.

— Фу, ты, чортъ возьми, какъ носъ деретъ! подумалъ онъ про себя. Погоди же! ... И чтобы отомстить ей, князь началъ усиленно любезничать и танцовать съ Катенькой Хрящевой: къ несчастью, Наденька этого не замѣчала, потому-что вовсе о немъ не думала.

Катенька ожила, какъ только вниманіе очаровательнаго князя снова перешло на нее. Послѣ нѣсколькихъ укорительныхъ взглядовъ и тонкихъ намековъ на непостоянство нѣкоторыхъ людей, она совершенно успокоилась и въ самозабвеніи любви лежала въ объятіяхъ князя, кружившагося вмѣстѣ съ нею подъ звуки вальса; а еще болѣе послѣ нѣсколькихъ вальсовъ съ княземъ, она снова съ самодоволь-

ствіемъ и гордостью смотрѣла на всѣхъ прочихъ дѣвицъ, особенно же на несчастную, оставленную Наденьку.

Танцы шли за танцами и для танцующихъ время летѣло быстро. Но его надо было чѣмъ-нибудь наполнять всему нетанцующему отдѣленію собранія, ибо празднаго времени оставалось все-таки много, не смотря на безспрестанно разносимыя, оффиціантами въ бѣлыхъ перчаткахъ, оршады съ лимонадомъ, мороженое, конфекты съ яблоками ... Всѣ солидные мужчины чрезвычайно пріятно убивали время за картами; дамы же, наполнявшія гостиную, не могли утолить свои страсти различными сластями ... И страсти кипѣли.

Городничиха, дочери которой танцовали меньше исправницы и Катеньки, посматривала съ недоброжелательствомъ на исправницу и на судейшу, — исправница и судейша съ досадой и негодованіемъ слѣдили за Катериной Михайловной и съ презрѣніемъ смотрѣли на Наденьку; дочери городничихи и прочія, мало ангажируемыя дѣвицы, обращали свою досаду также на Наденьку, какъ на центръ общаго вниманія непостоянныхъ мужчинъ. Къ числу недовольныхъ присоединился и Мармаровскій, неспособный унизиться до второстепенной роли и неистовствовавшій, что не могъ захватить одной изъ первыхъ. Желчь его искала только случая и жертвы, чтобъ излиться. Инстинктивно надѣялся онъ найдти сочувствіе въ душѣ Татьяны Ивановны и — не ошибся: Мармаровскій подошелъ къ ней въ самую счастливую для себя минуту, когда Татьяна Ивановна была сильно раздражена тѣмъ предпочтительнымъ вниманіемъ, которое оказывалось Наденькѣ всѣмъ обществомъ мужчинъ, а главное княземъ Бандуро-

вымъ. Разочарованный подпоручикъ питалъ особенную досаду на Наденьку, которая очень смущала своею красотою его невозмутимое сердце и которая такъ жестоко оттолкнула его при первой же встрѣчѣ, и на князя, которымъ очевидно и предпочтительно интересовались всѣ дѣвицы. Ясно, что ни на кого болѣе, какъ на этихъ двухъ лицъ, долженъ былъ обрушиться потокъ саркастическихъ и колкихъ выходокъ Мармаровскаго и что ничѣмъ болѣе не могъ онъ такъ кстати угодить Татьянѣ Ивановнѣ, какъ разговоромъ въ такомъ тонѣ:

— Какъ пошла и ничтожна наша молодежь, говорилъ Мармаровскій: посмотрите, какъ она увивается около этой дѣвчонки Коркиной и какъ она деретъ свой носъ оттого, что такой идіотъ, какъ Бандуровъ, оказываетъ ей вниманіе ... Скажите, пожалуйста; можно-ли послѣ этого смотрѣть на людей безъ презрѣнія? ...

— Ну, князю еще можно нѣсколько извинить, отвѣчала Татьяна Ивановна, онъ молодъ, его завлекаютъ, ему дѣлаютъ глазки, ухаживаютъ цѣлой семьей ... Но дѣвицѣ позволять себѣ такое поведеніе, какое позволяетъ эта Коркина — для меня непостижимо ... Какъ ломается, показываетъ свои плечики, свою ножку, кокетничаетъ такъ, что даже гадко, неприлично видѣть ... Чего смотритъ эта матушка ... Впрочемъ, она сама ... Вы ничего не слыхали объ этой прекрасной женщинѣ? ... Она образецъ нравственности ... Ха, ха, ха ... Да и по дочкѣ можете судить ... Послушайте: а вы не знаете что за человѣкъ этотъ вашъ докторъ: я его совсѣмъ не знаю ...

— Какъ вамъ сказать? Онъ не глупъ, но пустой малый: слишкомъ много о себѣ думаетъ ... Надутое

созданіе: воображаетъ, что выше лекаря нѣтъ ничего на свѣтѣ ... У насъ въ полку его не любятъ ... Знаете: я его называю вонючей микстурой ... ха, ха ... потому-что онъ ужасно нестерпимъ своимъ чванствомъ.

— Что онъ такъ ухаживаетъ за самой Коркиной? почти не отходитъ отъ нея!

— Онъ лечитъ ее и, вѣрно, получаетъ хорошія деньги ... А для лекаря, вы знаете: это всего привлекательнѣе ...

— Лечитъ? ... А, я понимаю теперь отъ какой болѣзни онъ ее пользуетъ ... Послушайте, monsieur Мармаровскій, я вамъ скажу по секрету, какъ короткому знакомому ... Я не хотѣла вѣрить, но объ этомъ теперь говоритъ весь городъ ... Вы ничего не слыхали?

— Нѣтъ, скажите, пожалуйста ...

— Послушайте monsieur Мармаровскій, я вамъ скажу, только, пожалуйста ... Впрочемъ, это всѣ знаютъ, я удивляюсь какъ вы не слыхали ... Мнѣ, право, даже совѣстно говорить о такихъ вещахъ ... Это ужасъ до какой степени ...

— Что-жъ такое? Если всѣ говорятъ, отчего же и вамъ не говорить? Скажите, пожалуйста, что такое ... настаивалъ Мармаровскій, который, не смотря на свою разочарованность, страдалъ почти женскимъ любопытствомъ.

— Вѣрно, у Коркиной такая болѣзнь, которая требуетъ, чтобъ она ѣздила на домъ къ молодому доктору ... прошептала Татьяна Ивановна на ухо Мармаровскому и потомъ откинулась на спинку креселъ съ видомъ негодованія оскорбленной невинности ...

— Что вы говорите?

— Это ужасно! это верхъ безстыдства! ... И Татьяна Ивановна съ ужасомъ пожала плечами.

— Но какимъ же это образомъ? разскажите пожалуйста!

— Да чего разсказывать? Вы только посмотрите на ихъ обращеніе — и все поймете ... Она однажды даже пріѣзжала въ квартиру этого лекаря вмѣстѣ съ дочерью ... Вотъ какъ заботится о нравственности дѣвушки ...

— Что вы говорите, Татьяна Ивановна? Да это преинтересное обстоятельство ... Ай да аристократы! ... Къ лекаришкѣ, къ семинаристу, ѣздятъ на любовное свиданіе .. ха, ха, ха! ... это отлично! ...

— Я вамъ говорю, что это ужасно! ... Я не могла бы этому повѣрить, еслибъ не знала такъ вѣрно, вотъ какъ то, что я теперь разговариваю съ вами ... Ну, скажите же, пожалуйста, на что это похоже ... Стоятъ ли послѣ того эти люди какого-нибудь вниманія ... Я даже запретила моей Катѣ сближаться съ этой дѣвчонкой, которая посвящена во всѣ любовныя похожденія своей матери и, конечно, ни въ чемъ не уступаетъ ей сама ... Ахъ, еслибъ вы только знали все, что я знаю про это семейство! ...

Послѣ такой задушевной бесѣды, Мармаровскій и Татьяна Ивановна разошлись: первый взялъ подъ руку одного изъ своихъ товарищей, человѣка солидныхъ лѣтъ, но живаго, неутомимаго танцора и говоруна — и началъ разсказывать ему что-то въ полголоса. Собесѣдникъ, слушая его, лукаво улыбался, подмигивалъ, подергивалъ плечами и, въ заключеніе разговора, торжественно и довольно громко щелкнулъ пальцами, примолвивъ: — „вотъ такъ штука,

братецъ ты мой!“ Татьяна Ивановна въ это время вела секретную бесѣду съ исправницей и та безпрестанно хохотала, кидая насмѣшливые и презрительные взгляды на Катерину Михайловну и ея дочь.

— Это въ высшей степени провинціализмъ, сказала она въ заключеніе: даже не умѣютъ прилично поддержать интриги.

Крушинскій впродолженіе всего вечера ни разу не подошелъ къ Наденькѣ, но большую часть времени проводилъ около Катерины Михайловны и Клеопатры Петровны; Наденька въ антрактахъ между танцами не рѣдко подходила къ матери и теткѣ — и Крушинскій встрѣчался съ нею взглядами, которые говорили многое. Они оба были счастливы и не подозрѣвали, что надъ ними поднималась гроза оттуда, откуда они вовсе не ожидали ея: сплетня, сочиненная Татьяной Ивановной, была извѣстна уже всему собранію въ то время, какъ Крушинскій въ первый разъ съ трепетомъ прикасался къ рукѣ Наденьки, чтобы вести ее танцовать мазурку.

Мазурка началась. Князь Бандуровъ съ Катенькой открыли ее и всѣ любовались на эту пару: князь, вывернувши не много локти, прихлопывая каблуками и притопывая, леталъ по залѣ.

Крушинскій и Наденька молча слѣдили за этой очаровательно парой: имъ обоимъ хотѣлось такъ много сказать другъ-другу, оба они были возволнованы и не знали съ чего начать разговоръ.

— Не правда ли, какъ хорошо танцуетъ князь? ... сказалъ наконецъ Крушинскій.

— Да, отвѣчала Наденька.

— Вамъ будетъ непріятно танцовать со мной: я вамъ покажусь смѣшонь подлѣ князя.

Наденька ничего не отвѣчала.

— Вы соглашаетесь со мной? Мое предположеніе основательно? настаивалъ Крушинскій.

— Зачѣмъ вы такъ мало цѣните себя и меня: неужели вы можете быть поставлены на одну доску съ княземъ? отвѣтила Наденька со всею искренностью невиннаго сердца, не выдержавшаго напора чувствъ и — обильный румянецъ покрылъ ея щеки.

Крушинскій поблагодарилъ ее взглядомъ, полнымъ любви.

— Послушайте, Надежда Ѳедоровна, сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія: я вовсе не знаю женскаго сердца, вы должны его лучше понимать; скажите мнѣ: неужели всѣ женщины такъ непонятны, какъ вы?

— Что вы хотите сказать?

— Послушайте ... простите меня ... я вездѣ привыкъ дѣйствовать прямо и честно. Признайтесь мнѣ: вы сердились на меня или были мною недовольны нѣсколько времени назадъ?

— Я не сердилась, но вы меня обидѣли тогда, какъ я этого не заслуживала: мнѣ было досадно и грустно.

— Признаюсь и прошу у насъ прощенія: я держалъ себя глупо, неловко, я былъ раздраженъ ... но, неужели вы не понимали причины моей раздражительности? ... Зачѣмъ была эта ледяная, отталкивающая холодность, похожая на презрѣніе? ... Я помню васъ съ первой встрѣчи: я тогда же убѣдился, что у васъ возвышенная, благородная душа: я помню, вы однѣ не смутились, вы однѣ не показали ко мнѣ презрѣнія, когда я признался въ своемъ происхожденіи ... Отчего же вы вдругъ, безъ всякой причины, безъ всякаго повода съ моей стороны, совершенно перемѣнились? скажите мнѣ откровенно: для чего вы это сдѣлали?

— Для чего? ... Я не могу вамъ сказать ... Оставьте это ... Лицо Наденки пылало.

— Я васъ умоляю сказать ради того, что я осмѣливался унижать васъ: считалъ способною къ кокетству ... Я такъ много ... уважаю васъ, такъ высоко ставлю ваши достоинства, что мнѣ хотѣлось бы, чтобы ничто, никакое малѣйшее недоумѣніе не возмущало моей ... моего благовѣнія къ вамъ. Скажите же мнѣ, ради Бога ...

— Нѣтъ ... Прошу васъ: оставьте это ... Если вы вѣрите мнѣ ... такъ нужно было.

— По-крайней-мѣрѣ, скажите мнѣ: за что вашъ папенька не расположенъ ко мнѣ?

— Онъ считаетъ васъ гордецомъ ... Будьте съ нимъ ласковѣе, любезнѣе, учтивѣе: онъ васъ полюбитъ ...

— Можетъ быть ваши родители такъ презираютъ меня, что запрещаютъ вамъ быть внимательной ко мнѣ ... Или наконецъ ваша тетка? ...

— Тетенька? ... пріѣзжайте къ намъ чаще ... Не смотрите на то, какъ я держу себя ... Не вините меня ни въ чемъ.

Наденька трепетала, забывала все окружающее въ этой бесѣдѣ полу-шопотомъ: только какой-то страхъ, стыдъ, малое сближеніе съ человѣкомъ, котораго она любила, сковывало ея языкъ и не давало силы говорить откровенно и высказать все, что лежало на душѣ.

— Благодарю васъ! сказалъ Крушинскій. Намъ танцовать! прибавилъ онъ. Взявши руку Наденьки, онъ чувствовалъ какъ рука эта дрожала и пожалъ ее.

Наденька, разговаривая съ докторомъ, не поднимала глазъ, не думала о томъ смотрятъ на нее или вовсе не обращаютъ вниманія; она вся была пре-

дана одному чувству; но когда поднялась съ мѣста, готовясь идти танцовать, она вспомнила, что сотни глазъ могутъ быть устремлены на нее и мгновенно все лицо ея измѣнилось: одно совершенное равнодушіе изображалось на немъ, когда она проходила залу съ Крушинскимъ и привѣтливая улыбка явилась на это лицо, когда она, слѣдуя фигурѣ, стала приглашать кавалеровъ.

— Сядемте поближе къ мамашѣ! сказала Наденька, когда фигура кончилась. Она боялась снова увлечься бесѣдой съ Крушинскимъ, боялась возбудить подозрѣніе родныхъ и общества, расказавалась въ томъ что сказала и что позволила говорить Аркадію Николаичу.

Крушинскій исполнилъ ея просьбу.

— Мамаша, не пора ли намъ домой: ужъ поздно и я устала! сказала она съ умысломъ, который на этотъ разъ былъ понятенъ Крушинскому.

— Отличное доказательство моего искусства въ танцахъ и моей любезности! прибавилъ онъ съ притворнымъ упрекомъ.

— Нѣтъ, я, право, устало: поѣдемте, мамаша.

— Въ самомъ дѣлѣ, пора! поддержала тетушка. Мнѣ такъ было весело здѣсь, что въ другой разъ врядъ-ли Надина упроситъ меня ѣхать съ нею. Ѳеодоръ Иванычъ прекрасно сдѣлалъ, что не поѣхалъ.

Коркины собрались домой. Крушинскій почелъ долгомъ простой и извинительной вѣжливости проводить дамъ и проводилъ ихъ до возка. Усаживая въ экипажъ Катерину Михайловну, онъ по чувствовалъ крѣпкое пожатіе ея руки и не отвѣтилъ на него; помогяа помѣститься Клеопатрѣ Петровнѣ, которая была сегодня очень довольна любезностью молодаго человѣка, онъ испыталъ такое же счастье отъ тетушки, но так-

же не умѣлъ имъ воспользоваться. Зато самъ пожалъ ручку Наденьки въ то время, какъ она порхнула въ возокъ и былъ невыразимо счастливъ, что ему отвѣтили лекимъ, трепещущимъ пожатіемъ ... О, люди, люди! всегда вы эгоисты: съ презрѣніемъ отталкиваете вы сердце, которое вамъ не нужно и сѣтуете, что иногда отталкиваютъ ваше собственное; не цѣните сильную страсть, которая вамъ не пріятна, и думаете, что ваша любовь должна быть непремѣнно оцѣнена.

— Пріѣзжайте къ намъ завтра! сказала Катерина Михайловна. Вы ужъ давно у насъ не были.

Крушинскій поблагодарилъ и, проводивши глазами возокъ, съ веселымъ сердцемъ возвратился въ залу. Но какъ пусто, какъ скучно, какъ уныло показалось ему здѣсь! Какъ смѣшны и безтолковы всѣ эти улыбающіяся, разговаривающія, прыгающія фигуры! Только изъ приличія онъ пробылъ еще нѣсколько времени въ опустѣвшей для него залѣ и поспѣшилъ домой.

Но какъ ни хитрили Крушинскій и Наденька, они могли обмануть только мать и тетку, но зоркій общественный глазъ видѣлъ все; и послѣ отъѣзда Коркиныхъ изъ устъ въ уста полетѣла новая сплетня, что Наденька посредница въ интригѣ матери съ докторомъ: матушки ужасались при этой новости, молодые люди негодовали и въ тайникѣ души своей давали свободу зарождаться различнымъ надеждамъ относительно такой хорошенькой, молоденькой и уже развращенной дѣвицы; а барышни, съ которыми еще не говорили объ этомъ новомъ открытіи, показывали видъ, что ничего не понимаютъ.

Къ счастью еще, Крушинскій въ продолженіе всего вечера, повидимому не обращалъ никакого

вниманія на Наденьку, а то непремѣнно сочинили бы, что докторъ въ связи и съ маменькой и съ дочкой. Одинъ только Мармаровскій съ помощью своего ревниваго самолюбія отгадалъ настоящую причину тайной бесѣды и смущенія Наденьки во время мазурки, отгадалъ тѣмъ скорѣе, что постоянно слѣдилъ за Наденькой и успѣлъ изловить нѣсколько ея взглядовъ, брошенныхъ на Крушинскаго еще прежде мазурки.

Но вотъ кончилась и мазурка, протанцовали еще сверхъ комплекта гросфатеръ и кадриль; дочки расплясались до такой степени, что готовы были повторить опять сверху весь реестръ танцевъ, составленный княземъ Бандуровымъ; но маменьки, утомленныя разнообразными, сильными движеніями истекшаго вечера, едва въ силахъ были сидѣть на стульяхъ, едва могли различать свою отъ чужой, и совершенно не въ состояніи уже были слѣдить: прилично-ли держитъ себя ихъ Сашенка или Дашенька, или не очень ли много и что именно позволяетъ себѣ говорить Соничка, нѣсколько танцевъ сряду прыгающая съ однимъ и тѣмъ же безусымъ прапорщикомъ. Посмотрите, вонъ даже и папеньки стали выходить изъ игорной въ залу: веселые, значитъ, выигравшіе, — угрюмые, значитъ, проигравшіе, сонные — значитъ, вовсе не игравшіе, а только смотрѣвшіе на играющихъ.

— Нѣтъ, дѣти, пора, пора домой!

— Позвольте еще одну кадрильку, или хоть вальсикъ.

— Нѣтъ, право, моя Соничка преслабенькая: она сегодня готова прыгать, а завтра весь день пролежитъ.

— Мамаша, погодите ещё минутку.

— Ахъ, Александра, какъ ты не устанешь? Цѣлый день готова плясать дома одна, такъ и тутъ хоть со стуломъ потанцуешь. Нѣтъ, пора, пора. Я ужасно устала.

И такъ волей — неволей конецъ сегодняшнимъ радостямъ. Разговаривая, цѣлой толпой выходятъ дамы въ сѣни, разговаривая надѣваютъ салопы и большіе платки или капоры на голову, разговаривая садятся, въ экипажи и уѣзжаютъ домой. Собраніе кончилось.

— Князь, довези меня, пожалуйста, домой! говоритъ Мармаровскій Бандурову, который только-что усадилъ въ экипажи Татьяна Ивановну и Катеньку и далъ имъ слово завтра на цѣлый день.

— Пожалуй, изволь!

И знакомая намъ тройка везетъ двухъ пріятелей, потому-что Мармаровскій не хочетъ показывать себя врагомъ князя: это для него невыгодно, по многимъ причинамъ: у князя всегда есть деньги, хотя не извѣстно откуда онъ ихъ беретъ; у князя можно пообѣдать и на его счетъ выпить бутылку чего бы то ни было; притомъ князь хоть гораздо глупѣе Мармаровскаго и языкъ у него вовсе не такъ остеръ и ѣдокъ, но онъ не имѣетъ никакой деликатности и въ сердцахъ иногда брякнетъ такую пошлость, которая, несмотря на свою очевидную ничтожность, заставляетъ смѣяться товарищей, преданныхъ князю, а смѣхъ всегда оскорбителенъ для человѣка, сознающаго свое достоинство и неприкосновенность своей особы.

Князь Бандуровъ повеселился на славу, видѣлъ общее къ себѣ вниманіе, замѣчалъ, что отъ него кружилась не одна юная, прекрасная головка, убѣдился, что ему открытъ доступъ во всякое женское

сердце — и былъ какъ нельзя болѣе въ хорошемъ расположеніи духа.

— А что, Мармаровскій, вѣдь, премиленькое собраніе мы устроили? а? какъ тебѣ кажется?

— Для меня, братъ, право, рѣшительно все равно.

— Ну, а меня, братъ, поздравь съ новыми! . . .

— Что — съ новыми? . . .

— О Катенькѣ я ужъ не говорю — это старое и крѣпостное. А ты видѣлъ блондиночку изъ уѣзда: Таничка Веброва. . . Премилашка, вѣдь? . . . Кончено, братъ, безъ ума. . .

— Кто? ты?

— Ну, вотъ я! . . . Она! . . . А Полинька Уздечкина? . . . Я никогда у нихъ не бывалъ . . . Совсѣмъ, братъ! . . Непремѣнно къ нимъ поѣду . . . А всего, вѣдь, и протанцовали-то по одной кадрили, да по вальсу. . . Вотъ, братъ, Мармаровскій, какъ дѣла-то обдѣлываемъ. Ну . . . а Любовь Ивановна мнѣ даже надоѣла сегодня . . .

— А что Наденька Коркина? Ты и не замѣтилъ, какъ ее у тебя изъ подъ носа украли, да еще кто? стыдъ сказать.

— Э, что мнѣ до нея: я самъ бросилъ ее. Очень ужъ важничаетъ.

— Да пусть ее важничаетъ, а Крушинскій свое дѣло обдѣлываетъ.

— Это съ матушкой-то . . . Ха, ха, ха! Слышалъ я, слышалъ.

— Да нѣтъ, не съ матушкой, а съ дочкой.

— Это, что она между ними переводитъ-то . . . Не знаю, братъ, чортъ знаетъ, какъ это и понять . . .

— Эхъ, ты! Въ томъ-то и штука, что онъ въ

интригѣ ли съ матушкой — это еще вопросъ, а ужъ съ твоей-то Наденькой — навѣрное. Вотъ тебѣ и важничаетъ: лѣкарь, семинаристъ успѣлъ овладѣть непреклоннымъ сердцемъ, а надъ тобой, надъ всеобщимъ побѣдителемъ, посмѣиваются ...

— Вотъ вздоръ, да этой быть не можетъ ...

— Не вздоръ, а если я тебѣ говорю, значитъ вѣрно: я видѣлъ, какъ они переглядывались; слышалъ, какъ шептались за мазуркой: она была сама не своя, вся дрожала ... А ужъ, братъ, эта штучка не чета твоимъ Таничкамъ, да Соничкамъ ...

Князь Бандуровъ вскипѣлъ гнѣвомъ, завистью, ревностью: любовь мгновенно опять вспыхнула въ его сердцѣ.

— Такъ не бываетъ же этому ... Крушинскій... Крушинскій у меня отбивать! ... Никогда этому не бывать ... Я тебѣ докажу.

— Что же ты сдѣлаешь?

— А вотъ увидишь.

— Да, что такое? скажи?

— Что? предложеніе ... Я знаю, что за меня отдадутъ... Ты не знаешь: я не могу равнодушно подумать объ этой дѣвушкѣ ... И чтобъ ее у меня отбилъ Крушинскій ... Крушинскій?! ... Нѣтъ, ужъ это будетъ, да послѣ ... Завтра же ѣду къ нимъ.

— Ну, а если не отдадутъ за тебя?

— Этого быть не можетъ.

— Ну, а если? ...

— Такъ, вѣдь, ужъ не отдадутъ же и за Крушинскаго.

— Да, онъ объ этомъ, можетъ быть, и не думаетъ и не желаетъ: его и безъ того любятъ ...

— Полно, Мармаровскій, врать ... Чтобъ я уступилъ Крушинскому ... Наденька ... Посмотримъ ...

Князь Бандуровъ рѣшительно бѣсновался и, пріѣхавши домой, не могъ уснуть: это случилось съ нимъ еще первый разъ въ жизни.

Мармаровскій также не спалъ всю ночь: онъ чувствовалъ, что страстно влюбился въ Наденьку и что доступъ къ ней для него невозможенъ. Лежа въ постели, онъ плакалъ и проклиналъ свое невзрачное лицо и свою маленькую фигуру, которая заставляла его разъигрывать скучную роль разочарованнаго, тогда какъ влюбчивое сердце его неодолимо влекло къ каждому хорошенькому личику. Было время, когда Мармаровскій давалъ свободу этому сердцу и открывалъ его не разъ многимъ прекраснымъ особамъ, но всегда отвергали его, а сильно раздражительное самолюбіе, которымъ природа въ то же время наградила Мармаровскаго, заставило его бороться съ наклонностями сердца. Бѣдный, онъ испытывалъ теперь муки хуже Тантала: чувствовалъ сильный аппетитъ, видѣлъ передъ собою роскошныя вкусныя явства и не только не могъ прикоснуться къ нимъ, но еще самъ себѣ выдумалъ лишнюю казнь — притворяться пресыщеннымъ . . .

II.

На другой день утромъ, часовъ въ 11, князь Бандуровъ одѣвался, чтобъ ѣхать къ Коркинымъ, позабывши, что наканунѣ онъ далъ слово Татьянѣ Ивановнѣ на цѣлый день. Если онъ и помнилъ объ этомъ обѣщаніи, то не считалъ за важное не исполнить его. Во время его сборовъ, пришелъ къ нему Добраго и съ обыкновеннымъ своимъ покрякиваніемъ, ни слова не говоря, подалъ руку хозяину и, закуривши трубку, усѣлся.

— А я только-что хотѣлъ за тобой посылать.

Добраго . . . Знаешь что: я, можетъ быть, тебя буду просить объ одномъ . . .

— Гм . . . У меня теперь ничего нѣтъ . . .

— Чего нѣтъ?

— Ни копѣйки . . . гм . . .

— Да не о деньгахъ . . . Ты видѣлъ вчера Наденьку?

— Видѣлъ.

— Вѣдь, хорошо, чортъ возьми? . . .

— Гм . . . гм . . . хороша . . .

— Послушай, Добраго — и Бандуровъ оглянулся нѣтъ-ли кого лишняго въ комнатѣ: я хочу къ ней свататься.

— Жениться? живо спросилъ Добраго.

— Да . . . Что, братъ? право, этакой партіи нескоро найдешь: пятьсотъ душъ, ну хоть и триста, красавица, изъ хорошей фамиліи . . . А тамъ что про мать говорятъ, мнѣ до этого нѣтъ дѣла, только бы раздѣлались честно въ приданомъ . . . А на пятьсотъ душъ, Добраго, можно жить . . .

— Тебѣ промотать?

— Ну, промотать! . . . Разумѣется, не стану же я скряжничать, а жить прилично, съ комфортомъ, omme il faut.

— Рано еще тебѣ . . . гм . . . молодъ . . . Вѣтеръ въ головѣ: влюбишься въ другую.

— Ну, полно философствовать-то . . . А ты вотъ-что мнѣ скажи: съѣздишь ты къ нимъ сдѣлать отъ меня предложеніе Ѳедору Ивановичу, когда я попрошу тебя? . . .

— Не знаю . . . гм!

— Чего не знаешь. Я сначала съ ней переговорю, такъ, намеками: узнаю ея чувства къ себѣ, сбразъ мыслей . . . А? Добраго? вѣдь, съѣздишь? . . .

Мнѣ самому какъ-то не ловко говорить съ отцомъ: узнавать о приданомъ и все; а ты человѣкъ посторонній, можешь обо всемъ распросить подробно ... Ты только подумай, какъ бы я зажилъ: какъ бы квартирку отдѣлалъ, какихъ бы рысаковъ купилъ, какой бы экипажъ завелъ ... Прелесть! ... Князь Бандуровъ, для поясненія, какъ бы все это было хорошо, приложилъ къ устамъ пять пальцевъ правой руки и чмокнулъ ихъ.

— Право, Добраго, мнѣ ужъ давно хочется этакъ устроиться ... Я сегодня всю ночь продумалъ и рѣшился ...

— А если откажутъ? ...

— Откажутъ? За кого же они ее отдадутъ? за Крушинскаго что ли? ... Ужъ этому не бывать, чтобъ я позволилъ какому-нибудь Крушинскому смѣяться надо мною въ глаза ... хоть Мармаровскій и говоритъ, что они ужъ въ связи, да этого быть не можетъ ... Я сейчасъ къ нимъ ѣду, поѣдемъ со мной, Добраго ... Поѣдемъ ... Я тебѣ покажу, какъ она будетъ интересоваться Крушинскимъ ... Ха, ха, ха! У меня будетъ отбивать Крушинскій! .. Поѣдемъ, Добраго.

— Да, вѣдь, ты сегодня обѣщался къ Татьянѣ Ивановнѣ.

— Ну, ихъ! надоѣли они мнѣ. Не думаютъ ли они, что я женюсь на ихъ толстой фефелѣ... Будетъ съ нея и того, что подурачу...

— Не хорошо ... гм ... очень не хорошо!

— Не хорошо? ... Ха, ха! полно, Добраго! Сама вѣшается, такъ тутъ нечего разсуждать... Ну, поѣдемъ же.

— Надо мундиръ надѣть ...

— Такъ заѣдемъ къ тебѣ, ты и переодѣнешься.

Добраго безмолвно повиновался.

Черезъ полчаса лихая тройка князя Бандурова нагнала на половинѣ дороги къ усадьбѣ Коркина тоже тройку ямскихъ лошадей.

— Держи! громовымъ голосомъ закричалъ кучеръ князя. Ямщикъ обернулся на козлахъ, но не торопился сворачивать, желая по-видимому сначала узнать, кому онъ долженъ уступить дорогу.

— Держи, олухъ! — еще громче закричалъ нарядный кучеръ князя ... Что уши-то развѣсилъ? Али не видишь. И онъ погрозилъ ямщику кнутомъ.

— Видимъ мы, отозвался ямщикъ. Больно прытокъ! Въ суметъ что-ли лезти? ... Объѣзжай, коли больно скоро надо ...

— Я тебѣ дамъ, мерзавецъ! Сворачивай сейчасъ! прикрикнулъ разсердившійся князь, привставая въ саняхъ, чтобы показать дерзкому ямщику съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло.

Ямщикъ повиновался и своротилъ съ узкой зимней дороги: лошади его сѣли по шею въ снѣгъ.

— На станцію пріѣхали: распрягай лошадей! — со смѣхомъ проговорилъ Филиппъ, объѣзжая увязнувшую тройку. Князь Бандуровъ весело захохоталъ остротѣ своего кучера, но въ эту минуту изъ кибитки выглянулъ Крушинскій.

— А, Крушинскій! счастливаго пути! насмѣшливо сказалъ князь. Пошелъ, Филиппъ.

— Славно мы сдѣлали, что усадили его въ суметъ! продолжалъ онъ, обращаясь къ Добраго. Вѣдь, посмотри, онъ тоже ѣдетъ къ Коркинымъ! Хороши лошадки, хорошъ экипажъ! Ха, ха, ха, Добраго, а? ... Уродъ! а тоже ѣдетъ ухаживать за Наденькой ... тоже мечтаетъ о себѣ ... Право!

мы чудесно сдѣлали ... Вотъ посмѣюсь-то надъ нимъ. Филиппъ, пошелъ скорѣе.

Пріѣздъ князя Бандурова вмѣсто Крушинскаго снова обманулъ Наденьку въ ея ожиданіяхъ: облако досады омрачило ея прекрасное личико и она едва могла скрывать свое неудовольствіе на незваннаго и нежданнаго гостя.

Послѣ первыхъ привѣтствій, князь имѣлъ неблагоразуміе разсказать о своемъ подвигѣ, чтобъ одурачить соперника въ глазахъ красавицы.

— А я ѣду къ вамъ, сказалъ онъ, — вдругъ вижу впереди тащатся какія-то клячи, едва ноги передвигаютъ, кибитчонка рогоженная въ родѣ ... какого-то курятника ... Кучеръ мой кричитъ, чтобы сворачивали съ дороги — не слушаетъ. Я прикрикнулъ, ямщикъ испугался, въ сторону, лошади по горло въ суметъ, кибитка на бокъ ... Что же? смотрю, изъ нея выглядываетъ Крушинскій ... Ужъ не знаю въ какомъ онъ былъ положеніи. Ха, ха, ха! Пресмѣшная исторія! ...

Но эта исторія никому не показалась забавна и разсказъ о ней никому не понравился: даже никто не улыбнулся при этомъ повѣствованіи.

— Какъ вы деликатны! сказала Наденька съ замѣтнымъ негодованіемъ.

Князь Бандуровъ смутился и вспыхнулъ.

— Что жъ такое! Я никому не позволю загораживать мнѣ дорогу! сказалъ онъ запальчиво.

— Такъ и мы можемъ ожидать отъ васъ той же любезности при первой встрѣчѣ съ вами.

— Гм ... дорога очень узка ... суметно-съ! примолвилъ Добраго, въ оправданіе своего любимца.

Князь былъ сконфуженъ и разсерженъ неудачею своего подвига, отъ котораго ожидалъ совсѣмъ дру-

гихъ результатовъ. Подстрекаемый внушеніями Мармаровскаго, онъ, въ словахъ Наденьки, видѣлъ доказательство ея любви къ Крушинскому и ревность забушевала въ груди его. Грозными взглядами встрѣтилъ онъ Крушинскаго, который черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ къ Коркинымъ.

— Не озябли-ли вы? спросила доктора Катерина Михайловна: васъ опрокинули?

— А вы ужъ слышали! неужели князю не было стыдно разсказывать объ этомъ поступкѣ? Мнѣ-то онъ не причинилъ никакого вреда, кромѣ потери лишнихъ десяти минутъ; а вотъ бѣдный ямщикъ, такъ долженъ былъ по грудь лазить въ снѣгу, ужасно измучился и перезябъ, а гловное лошади его пересѣклись ... Да, эта шутка ваша, князь, довольно ребяческая и не любезная!

И не желая долго продолжать разговоръ съ Бандуровымъ, докторъ обратился къ хозяевамъ: князь былъ окончательно уничтоженъ, но не хотѣлъ показывать своего смущенія, и крутя усы, презрительно посмѣивался. Слѣдуя совѣтамъ Наденьки, Крушинскій старался быть особенно вѣжливъ, почтителенъ и внимателенъ съ Ѳедоромъ Иванычемъ: усѣвшись возлѣ него, онъ завелъ съ нимъ разговоръ. Умный и влюбленный человѣкъ всегда найдетъ средство снискать расположеніе тѣхъ людей, которые окружаютъ его возлюбленную и съ которыми ему полезно находиться въ хорошихъ отношеніяхъ. Ѳедоръ Иванычъ, не смотря на всю свою гордость, любилъ толковать съ умными людьми, кто бы они не были, если только они оказываютъ ему должное почтеніе. Ѳедоръ Иванычъ, былъ нѣсколько резонеръ, имѣлъ нѣкоторые оригинальные взгляды, любилъ ихъ высказывать и ему нравилось, когда съ

нимъ соглашались послѣ слабыхъ возраженій, которыя бы доказывали, что собесѣдникъ его соглашается съ нимъ не изъ одного угодничества, или желанія польстить, но потому, что убѣждается неопровержимостью его доводовъ. На эту слабую сторону весьма удачно попалъ Крушинскій: и мало-по-малу бесѣда ихъ оживилась и Коркинъ увлекся ею. Вечеромъ, когда докторъ прощался, Ѳедоръ Иванычъ уже чувствовалъ къ нему нѣкоторое расположеніе, какъ къ умному человѣку и пріятному собесѣднику, дружелюбно жалъ ему руку и просилъ навѣщать по-чаще. Когда самолюбіе его было успокоено почтительностью Аркадія Николаича, онъ сталъ болѣе безпристрастенъ къ его достоинствамъ и снисходительнѣе къ его недостаткамъ: онъ пока еще не имѣлъ никакого права особенно негодовать на доктора: онъ зналъ расположеніе своей жены ко всѣмъ молодымъ людямъ, но не замѣчалъ, чтобы лекарь искалъ этого расположенія. Итакъ, Аркадій Николаичъ могъ еще быть въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ къ Коркинымъ: онъ это понялъ послѣ настоящаго дня и уѣхалъ домой довольный собою и счастливый, хотя Наденька и держала себя съ нимъ, повидимому, все такъ же холодно и ему мало удалось поговорить съ нею: Крушинскій надѣялся на будущее.

Съ другой стороны этотъ день былъ однимъ изъ самыхъ несчастныхъ въ безмятежной жизни князя Бандурова; онъ поступилъ глупо, неосторожно и его заставили почувствовать эту неосторожность, онъ былъ сконфуженъ, а это весьма рѣдко съ нимъ случалось: онъ видѣлъ нерасположеніе къ себѣ и замѣчалъ расположеніе къ другому, ничтожному, по его мнѣнію, человѣку, отъ особы, которою онъ инте-

ресовался. Сначала князь Бандуровъ хмурился и молчалъ, но видя, что это средство не дѣйствительно надъ Наденькою, сталъ заговаривать съ нею: она отвѣчала ему весело и непринужденно, но подъ-часъ довольно колко, когда они были не одни, и принимала совершенно презрительный или насмѣшливый тонъ, когда оставались наединѣ.

— Послушайте, Надежда Ѳедоровна, спросилъ онъ ее, между прочимъ: что вамъ всего больше нравится въ мужчинѣ?

Наденька засмѣялась.

— Хоть этотъ вопросъ довольно страненъ, отвѣчала она, но я вамъ скажу: — умъ и скромность.

— Умъ и скромность! повторилъ Бандуровъ. Ну, умъ — конечно, положимъ такъ ... Но однако же скромность ... Что вы такое разумѣете подъ этимъ?

— Неужели, князь, вы такъ не понятливы? Это слово, кажется, очень ясно ... его не нужно растолковывать ...

— Но ... но ... послушайте: въ мужчинѣ могутъ быть другія качества: красота, храбрость ... образованность...

— И умѣнье танцовать! прибавила Наденька со смѣхомъ.

— Конечно, что же такое? и это тоже качество ... и безъ него нельзя въ обществѣ.

— Я не спорю! отвѣчала Наденька все въ томъ же тонѣ.

— Ну, если бы васъ любилъ такой человѣкъ...

— Какой? спросила Наденька, забавляясь надъ княземъ.

— Такой ... который бы имѣлъ ... всѣ качества мужчины ...

— Что же бы было изъ этого?

— Если бы онъ васъ любилъ неистово, пламенно ...

— Ну-съ? ...

— Что же ... вы бы полюбили его?

Наденька захохотала.

— Ахъ, князь, какіе вы задаете мнѣ мудреные вопросы? Скажите, пожалуйста, вы всегда съ дамами говорите о подобныхъ предметахъ!

Князь обидѣлся.

— Чтожъ такое? сказалъ онъ: я знаю дѣвушекъ, которыя интересуются людьми, у которыхъ нѣтъ рѣшительно никакихъ достоинствъ ...

И сдѣлавъ презрительную гримасу, сощуривъ глаза, князь началъ крутить усы.

— Неужели въ самомъ дѣлѣ есть такія несчастныя дѣвушки, князь? Да, впрочемъ, если вы говорите, стало-быть это вамъ хорошо извѣстно ...

— Да-съ, я все очень хорошо знаю-съ!

Наденька поняла, что князь намекалъ на нее, и въ душѣ почувствовала невольный страхъ, но не хотѣла показать его. Неужели и онъ понялъ? мелькнуло въ головѣ ея: надо быть еще осторожнѣе, надо запутать его, сбить съ толку.

— Хорошо, князь, что вы не знаете кѣмъ я интересуюсь, а то я могла бы принять ваши слова на свой счетъ! сказала она шутливо и ласково.

— Почему вы думаете, что я не знаю? Напротивъ, я знаю.

— Нѣтъ, не можетъ быть: я вижу, что не знаете. И никто въ мірѣ, никогда не узнаетъ, потому-что я всегда держу себя противъ своихъ чувствъ.

Все это было сказано необыкновенно лукаво,

такъ что могло обмануть и не князя Бандурова; а у него на душѣ отъ этихъ словъ вдругъ сдѣлалось весело: обычная его самонадѣянность подняла голову, онъ перетолковалъ слова Наденьки въ свою пользу.

— Но узналъ ли бы ваши чувства тотъ человѣкъ, котораго вы любите?

— Никогда: онъ всегда бы думалъ, что я люблю другого.

— Но для чего же такъ скрывать свои чувства?

— Потому что я не вѣрю въ любовь мужчинъ.

Наденька отгадала перемѣну, происшедшую въ душѣ князя Бандурова; не давая далѣе развиваться непріятному для нея разговору, и желая оставить князя въ самолюбивомъ заблужденіи, она искусно увлекла его въ комнату, гдѣ находились отецъ съ матерью и гости. Тамъ она продолжала бесѣдовать съ повеселѣвшимъ княземъ и оказывала ему то особенную любезность, то совершенную холодность, чтобъ еще болѣе сбить его съ толку. Впрочемъ, князь видѣлъ, что Наденька не обращаетъ никакого вниманія на Крушинскаго и что говоритъ только съ нимъ однимъ, хотя и не одинаковымъ тономъ: „она притворяется, скрываетъ, но любитъ меня“, — убѣдился онъ наконецъ. Мармаровскій вретъ про Крушинскаго: она не такая дѣвушка, она покажетъ свою любовь только тогда, когда сдѣлается женою или невѣстою. Она, можетъ быть, и сердилась на меня, потому что догадалась, что такъ хочу за ней ухаживать. Она будетъ чудная жена! женюсь непремѣнно! Крушинскій? Гдѣ ему? Станетъ она на него смотрѣть. А это въ собраніи говорила съ нимъ нарочно, чтобы поддразнить меня ... Она, вѣрно, узнала про Катеньку? ... Нѣтъ, кончено: женюсь!

Съ такими мыслями пріѣхалъ Бандуровъ домой отъ Коркиныхъ и такія убѣжденія высказывалъ Добраго.

— Съѣзди, братъ, Добраго, пожалуйста, сдѣлай предложеніе. Я вижу: она не откажетъ, только съ отцемъ на счетъ приданаго ...

— Да погоди ... гм ... не хорошо такъ скоро ... недавно узналъ ... и ужъ предложеніе...

— Что же за важность такая? Развѣ нельзя въ это время влюбиться? Влюбиться можно въ одну минуту. Ты скажи, что я ночи не сплю, что жить не могу безъ нея.

— Да ты погоди ... гм ... можетъ быть ... гм ... самъ еще раздумаешь...

— Никогда не раздумаю: ужъ сказалъ, такъ кончено.

— Вѣдь жениться одинъ разъ, а тутъ что будетъ? ... гм ... ты подумай хорошенько.

— Ужъ я думалъ много: больше нечего думать.

— Ну, а если откажутъ ... гм ... стыдно будетъ.

— Не откажутъ. Ужъ ты знаешь меня: коли я что говорю, значитъ вѣрно ... Я сегодня съ ней говорилъ, она почти призналась, что любитъ меня. Теперь я все понялъ: она притворялась, потому что не знала сдѣлаю ли я предложеніе. Она сегодня сама мнѣ почти сказало это.

— Ну, а если отецъ скажетъ, что ... гм ... не знаетъ тебя ...

— Чего же ему знать еще? онъ не одинъ разъ видѣлъ. Послушай, Добраго: коли любишь меня, коли хочешь быть другомъ, съѣзди. А то я самъ сдѣлаю предложеніе и тогда знать тебя не хочу...

— Гм ... гм ... молодъ ты ... обижаешь меня, что говоришь... Я съѣзжу, только ты хоть къ

матушкѣ напиши ... чтобъ она благословила тебя ... гм! А то они скажутъ: позволили-ль тебѣ родители? Напиши къ матушкѣ, а между тѣмъ ... гм ... чаще будемъ ѣздить... А то, все равно, они ничего не отвѣтятъ рѣшительно ... гм ... гм ... А наши узнаютъ какъ-нибудь, станутъ смѣяться, что отказали... И матушка огорчится, что безъ ея благословенія сватался...

— Ну, изволь! Это я для тебя сдѣлаю: къ матушкѣ напишу, только, когда отвѣтъ получу, тотчасъ и предложеніе... Согласенъ?

— Гм ... Хорошо!

— Ну, слово?

— Да.

— Такъ по рукамъ! Завтра же пишу къ матушкѣ: и въ самомъ дѣлѣ не ловко не написать къ ней сначала: и къ концу скорѣе, какъ получу ея благословеніе. Полковнику показалъ письмо и дѣло кончено ... Вотъ братъ, заживемъ, Добраго ... Ахъ, Надя, Надя, что за красотка, что за трелесть ... Не стыдно этакую женку куда угодно вывести ... Я, я думаю, Добраго, въ отставку выйду, либо въ гвардію перейду непремѣнно: ужъ съ женой какое дѣло таскаться изъ мѣста въ мѣсто ... Фу, чортъ возьми, вотъ заживетъ князь Бандуровъ! ... Тогда ужъ не бойся: не стану у тебя занимать по пяти цѣлковыхъ, а самому дамъ взаймы хоть пять тысячъ серебромъ ... А весь свой долгъ выплачу съ процентами по 10 рублей на рубль ... Сумма выйдетъ большая, Добраго: я думаю рублей 500 серебромъ? а? Ха, ха, ха? А что? намъ не выпить ли бутылочку за успѣхъ нашего дѣла? а? Добраго? ... Съ тобой есть деньги? У меня, братъ, чортъ знаетъ, опять всѣ вышли.

— Ну, что за бутылочка? гм ... гм ... Спать пора.

— Ну, полно! Вотъ погоди: у меня есть цѣлковыхъ два, дайка еще одинъ? На той почтѣ мнѣ должны прислать изъ дому. Да не послать ли еще за кѣмъ?

— Нѣтъ, прощай ... гм... Я пойду домой! ... Поздно и вина не достанешь.

— Вотъ вздоръ какой... Я не отпущу тебя ... Эй, кто тамъ есть ... Дай-ка цѣлковый-то, полно скряжничать.

Добраго имѣлъ единственную можетъ быть слабость: распить иногда бутылочку Редерера, хотя и боролся съ этой слабостью, но теперь не могъ устоять передъ настойчивостью Бандурова ...

И Добраго ночевалъ у князя въ гостиной на диванѣ, а утро слѣдующаго дня освѣтило на столѣ княжескаго кабинета не одну, а двѣ пустыя бутылки: вторая изъ нихъ была куплена въ счетъ денегъ, которыя князь долженъ получить по слѣдующей почтѣ.

Въ эту же ночь, на другомъ концѣ города Д., въ домѣ мѣщанки Шилохвостовой, молодой человѣкъ долго и усердно молился передъ небольшою иконою, въ мѣдной, посребренной ризѣ благословенія родительскаго ...

Напрасно Татьяна Ивановна и Катенька въ назначенный день ожидали къ себѣ князя Бандурова: онъ не являлся. Катенька выбилась изъ силъ, перебѣгая отъ зеркала къ окну и обратно. Она провела ночь въ такихъ пріятныхъ грезахъ, ей снились такіе очаровательные сны, что она никакъ не ожидала провести наступившій день въ скукѣ. Теперь она вспомнала одинъ сонъ. Ей снилась огромныя,

великолѣпно-освѣщенныя залы, наполненныя князьями, графами и генералами, со звѣздами и эполетами, важными дамами въ роскошныхъ уборахъ, и ловкими, разговорчивыми (все по-французски) дѣвицами, въ чудныхъ платьяхъ самой послѣдней моды. Среди самыхъ блестящихъ мужчинъ она видѣла себя, но только гораздо выше ростомъ, нежели она есть на самомъ дѣлѣ, съ чрезвычайно тонкою таліей, почти въ половину противъ дѣйствительной и одѣтую въ какое-то невообразимо прелестное платье, брилліантовый фермоаръ на шеѣ и ослѣпительныя серьги въ ушахъ. Всѣ самые избранные мужчины окружали ее, говорили ей комплименты и любезности, она кокетничала со всѣми ими безъ исключенія и всѣхъ умѣла очаровать собою и всѣ ее называютъ княгиней или: „ваше сіятельство“ ... А тамъ среди дѣвицъ разговариваетъ князь Бандуровъ, и такой хорошенькій, такой хорошенькій, какимъ она никогда не видала его на яву ... Княгинѣ, то есть ей, Катенькѣ, очень захотѣлось поцѣловать своего мужа, князя Бандурова, она закричала ему: conte Woldemar, venezici! ... А онъ, не оборачиваясь къ ней, отвѣтилъ: attendez! — и сталъ что-то очень весело разговаривать и смѣяться съ одной самой хорошенькой и самой нарядной дамой ... Катенькѣ сдѣлалось досадно, она выбрала изъ окружавшихъ ее мужчинъ одного молоденькаго и хорошенькаго графа со звѣздой и подала ему руку; онъ взялъ ее и сталъ крѣпко и нѣжно пожимать и Катенька отвѣчала ему тѣмъ же... Только смотритъ: въ то же время князь Бандуровъ, ея Вольдемаръ, цѣлуется съ той дамой, съ которой разговаривалъ ... цѣлуется ... и при всѣхъ! ... Какой странный сонъ! Горничная увѣряла, что это значитъ къ жениху и къ свадьбѣ;

Катенька сама также думала, но теперь она вспомнила, что видѣть кого-нибудь хорошенькимъ, значитъ тотъ человѣкъ боленъ ... Ахъ, неужели князь нездоровъ? Она высказываетъ свое опасеніе матери и та рѣшается послать освѣдомиться о здоровьѣ князя, если онъ не пріѣдетъ и къ обѣду. Князь не пріѣхалъ и къ обѣду. Человѣкъ посланный освѣдомиться о его здоровьѣ принесъ извѣстіе, что его сіятельства нѣтъ въ городѣ, что они изволили уѣхать еще рано утромъ къ Коркинымъ... Какое перо опишетъ негодованіе Татьяны Ивановны и огорченіе Катеньки при этомъ извѣстіи? Дать слово на цѣлый день и уѣхать къ заклятымъ врагамъ! Этотъ поступокъ Татьяна Ивановна принимала за насмѣшку, за личное для себя оскорбленіе, Катенька за явное доказательство нелюбви.

— Каковъ?! ...

Одно только это слово вырвалось изъ стѣсненной груди, изъ стиснутыхъ зубовъ, изъ крѣпко сжатыхъ устъ Татьяны Ивановны ... Но, Боже мой, сколько смысла, сколько значенія было въ этомъ словѣ! Татьяна Ивановна съ этимъ словомъ выходила на бой, этимъ словомъ она измѣряла силу противника, этимъ словомъ она выражала свое презрѣніе къ нему.

Катенька не сказала ни слова. Жалобно взглянула на мать, потомъ опустила глаза и головку, задумалась и черезъ минуту убѣжала въ свою комнату, чтобы на свободѣ, въ стенаніяхъ и вопляхъ, облегчить свое разбитое сердце... Богъ знаетъ какими путями узнала Татьяна Ивановна о намѣреніи князя Бандурова сдѣлать предложеніе Наденькѣ, на другой же день послѣ ночной пирушки князя съ Добраго. Впрочемъ, деньщикъ князя былъ въ дружескихъ

отношеніяхъ съ дворовыми Хрящевыхъ и не рѣдко получалъ на водку изъ рукъ самой Татьяны Ивановны.

Въ тотъ же день, какъ дошло до Татьяны Ивановны это извѣстіе, она съ дочкой поѣхала къ городничихѣ. Въ то время, какъ Катенька съ дочерьми городничихи, ходя по залѣ, разговаривали о прошедшемъ собраніи и злобно критиковали Наденьку, Татьяна Ивановна, въ гостиной, сидя на одномъ диванѣ съ хозяйкой, спросила послѣднюю въ полголоса:

— А вы слышали, Анна Павловна, о Коркиной ... матери? ...

— На счетъ лекаря? ...

— Да.

— Слышала ... Это ужасъ!

— Не правда ли? ... какъ вамъ это нравится? ... мать семейства! ... женщинѣ слишкомъ за сорокъ лѣтъ ... я думаю, подъ пятьдесять...

— Не говорите! ... она всегда была этимъ извѣстна ...

— Вѣдь, и дочь тутъ ... слышали?

— Признаюсь, я этому не вѣрю.

— Я васъ увѣряю ... Вы видѣли вчера за мазуркой: что-то такое пошептались, потомъ она подошла къ матери, сказала ей что-то по-тихоньку и тотчасъ же уѣхали, не дотанцовавши мазурки, онъ пошелъ ихъ провожать, а потомъ минутъ черезъ пять и совсѣмъ ушелъ изъ собранія: вѣроятно, они къ нему заѣзжали, либо гдѣ-нибудь было свиданіе.

— Но, вѣдь, тутъ была съ ними тетка — эта, изъ Петербурга.

— Ну, чтожь такое тетка? ... она сама такая же ... да развѣ нельзя обмануть ...

— Но къ чему путать дочь? ... Я этого не могу себѣ представить безъ ужаса.

— Ахъ, очень понятно къ чему: чтобъ отвлечь подозрѣніе, чтобы лучше провести мужа ... За то она ей потакаетъ ... Князь Бандуровъ самъ мнѣ признавался, что онъ съ дочкой въ связи: онъ такой болтунъ, я его за это и люблю: пустой, вѣтреной мальчишка, но ужасно смѣшитъ меня: рѣшительно все разсказываетъ ... Они теперь его и завлекаютъ, чтобы какъ нибудь женить, потому что, хоть онъ такой женихъ, что я бы за него своей гувернанткѣ не посовѣтовала идти ... ну, да вы понимаете ...

— Неужели? Да вѣдь они недавно и познакомились ...

— Такъ чтожь такое? Развѣ долго нужно, если она нарочно оставляла ихъ однихъ ... и все ... Ну, натурально, чтобы самой не совѣстно было тѣмъ же заниматься ... Онъ теперь рѣдкій день не бываетъ у нихъ и сегодня тамъ ...

— Но, вѣдь, это, Татьяна Ивановна... Я не знаю что же это такое! ...

— Я вамъ говорю, Анна Павловна, что это просто ужасъ что такое ... Это какой-то Содомъ! ... Я теперь не знаю какъ и поѣду къ нимъ платить визитъ: изъ приличія я это должна сдѣлать, но мнѣ гадко будетъ войдти въ ихъ домъ... Я Катенькѣ запретила всякое сближеніе съ этой дѣвчонкой... Вы поѣдете къ нимъ? ...

— Да, разумѣется, нужно съѣздить изъ приличія ... только я право не знаю ... мнѣ, кажется, будетъ совѣстно смотрѣть на нихъ ...

— Да, помилуйте, какая же порядочная женщина ... Вѣдь это надо чѣмъ быть, чтобы даже

смотрѣть на это снисходительно? ... Это стыдъ всему нашему дворянству ... Я не понимаю, что предводительша? изъ какихъ видовъ съ ними очень любезна? развѣ для того, чтобы былъ лишній шаръ на выборахъ ... Или, можетъ быть, у самой совѣсть не чиста, такъ и смотритъ на все это очень равнодушно ... Любовь Ивановна, кажется, тоже не любитъ этого семейства?

— Ужасно! ... Она-то, вѣдь, мнѣ и сказала вчера объ этомъ по секрету: я не знаю отъ кого она это слышала!

— Такъ неужели вы прежде не слыхали объ этомъ? Помилуйте, да объ этомъ теперь весь городъ знаетъ ... теперь всѣ говорятъ и смѣются надъ ними ... Но нѣтъ, меня вотъ что занимаетъ: если они выдадутъ дочь за князя ... За ней, вѣдь, очень порядочное приданое ... Къ чему послужитъ все это петербургское образованіе и состояніе ея ... Князь, вѣдь очень недалекъ, пустой мальчишка: у него въ головѣ только танцы, да карты, да шампанское: притомъ онъ мотушка большой: онъ промотаетъ все ея состояніе и потомъ броситъ ее... Впрочемъ, судьба можетъ быть нарочно сама такъ распоряжается, чтобы наказать ихъ за такой соблазнъ ... Такія вещи не проходятъ даромъ ...

— О, конечно! ... судьба ... ужъ знаете: кто можетъ ея избѣгнуть? ... все взыщется по дѣламъ! ...

И Татьяна Ивановна и Анна Павловна глубоко вздохнули.

Послѣ этой назидательной бесѣды, судейша съ городничихой и дочь судейши съ дочерьми городничихи разстались большими друзьями, тогда какъ прежде не могли похвастаться особенно дружелюбными отношеніями ... Татьяна Ивановна, впрочемъ,

владѣла необыкновенною способностью привлекать сердца, а городничиха съ дочерьми предаваться сердцами, когда имъ этого хотѣлось, или было по чему-либо выгодно ... А у городничихи, кромѣ четырехъ дочерей-невѣстъ, былъ еще сынъ-женихъ, служившій въ губернскомъ городѣ и не отличавшійся особенными умственными способностями: и городничиха никогда не была прочь отъ сближенія съ Татьяной Ивановной, еслибъ она не держала себя такъ важно и не прочила своихъ дочерей за князей да за графовъ.

III.

Нравственное чувство уѣзднаго общества было сильно оскорблено и вооружено противъ семейства Коркиныхъ, но никого, впрочемъ, не заставляло оставить знакомство съ ними: и уѣздныя дамы одна за другою дѣлали свои визиты въ Родовое-Подгородное, оправдывая свою снисходительность требованіемъ приличій свѣтской жизни. Татьяна Ивановна съ Катенькою была одна изъ первыхъ посѣтительницъ. Катерина Михайловна и Наденька принимала всѣхъ своихъ гостей любезно, не подозрѣвая въ нихъ неумолимыхъ судей и заклятыхъ враговъ. Между тѣмъ каждое изъ такихъ посѣщеній Подгороднаго убѣждало уѣздное общество въ основательности слуховъ, распущенныхъ Татьяной Ивановной, потому-что каждая изъ посѣтительницъ заставала у Коркиныхъ либо князя Бандурова, либо Крушинскаго, и могла сообщить, по секрету, своимъ знакомымъ все, что она замѣтила въ доказательство странныхъ отношеній матери съ докторомъ и дочери съ княземъ. Сплетня росла и негодованіе общества доходило до крайнихъ предѣловъ; впро-

чемъ, никто не показывалъ этого негодованія въ лицо виновнымъ, но разражался имъ за глазами, въ дружескихъ бесѣдахъ: богатство Коркиныхъ было сильнымъ ихъ защитникомъ. Городничиха даже оказывала Катеринѣ Михайловнѣ особенное, почти раболѣпное уваженіе и просила Наденьку осчастливить своимъ расположеніемъ ея дочерей: городничій трѣбовалъ этого отъ своей супруги, внушая ей, что онъ знать не хочетъ какая жена у Ѳедора Иваныча, а знаетъ то, что самъ онъ лично знакомъ съ губернаторомъ. Разумѣется, впрочемъ, что это не помѣшало городничихѣ порядкомъ злословить Коркиныхъ въ тихомолку.

Татьяна Ивановна застала у Коркиныхъ князя Бандурова и едва кивнула головой на его поклонъ, а Катенька не хотѣла даже смотрѣть на него и замѣчать его присутствіе. Онъ же, вѣроломный, неблагодарный, безчувственный какъ-будто на зло расточалъ передъ Наденькою всю свою любезность. Катенька, не смотря на свое видимое равнодушіе и пріязнь къ Наденькѣ, готова была плакать отъ досады, готова была изцарапать хорошенькое лицо соперницы собственными своими пухленькими ручками. Въ душѣ Татьяны Ивановны бушевалъ неудержимый гнѣвъ.

— А что этотъ молодой человѣкъ часто бываетъ у васъ? спросила она хозяйку, какъ бы мимоходомъ, указывая на князя.

— Да, довольно часто! А вы развѣ не знакомы съ нимъ?

— Какъ не знакома! отвѣчала Татьяна Ивановна съ презрительной усмѣшкой. Вотъ три мѣсяца, какъ вступилъ ихъ полкъ, онъ почти безвыходно жилъ у меня. Мой домъ для всѣхъ открытъ — и онъ

рѣдкій день не обѣдалъ у меня, даже надоѣлъ своимъ безстыдствомъ ... Я увѣрена, что онъ и къ вамъ старается пріѣхать всегда къ обѣду ...

— Не знаю: я не замѣчаю этого! отвѣчала Катерина Михайловна, недовольная словами Татьяны Ивановны. Я очень рада кто у меня откушаетъ.

— Да, конечно ... кому же жаль? ... а онъ ужасно надоѣдаетъ своей болтовней: вѣдь очень не далекъ, даже глуповатъ, а говоритъ безъ умолку и все такъ пошло, что нестерпимо слушать ...

— Не знаю ... мы не замѣчали, чтобы князь былъ такъ глупъ! сухо возразила Катерина Михайловна, имѣвшая свои основанія, чтобы защищать Бандурова.

— Какъ не замѣчали? ... это странно ... Да вы прислушайтесь къ его разговорамъ ... У него въ головѣ только и есть одна забота, какъ бы въ карты поиграть, да, при случаѣ, напиться ... Притомъ мотушка страшный: говорятъ, прежде было порядочное состояніе, теперь все промоталъ ... и старается жить на чужой счетъ ... Нѣтъ, признаюсь, я не люблю этого молодаго человѣка.

— Что же? знаете: о вкусахъ спорить нельзя...

— Нѣтъ, да, вѣдь, къ тому говорю, что онъ очень много о себѣ думаетъ: воображаетъ, что имъ всѣ интересуются, что онъ всѣхъ побѣждаетъ, а мнѣ кажется, въ него можетъ влюбиться только развѣ какая-нибудь горничная: моя гувернантка говоритъ, что она ни за-что не пошла бы за него ...

— Ну, да, конечно! потому-что онъ и не посватался бы ... съ колкимъ смѣхомъ, проговорила Катерина Михайловна, которая поняла въ чей огородъ Татьяна Ивановна бросала камешки.

— Онъ не посватается? полноте: онъ готовъ

сдѣлать предложеніе каждой дѣвицѣ, только не всякая обратитъ на него вниманіе.

Катерина Михайловна не нашлась что возразить и злобно сверкала глазами. Татьяна Ивановна была довольна собою и торжествовала, какъ побѣдительница. Обѣ дамы чувствоаали, что онѣ уже враги, но Татьяна Ивановна не желала показывать своего недоброжелательства и, высказавши все, что ей хотѣлось, начала любезничать съ Катериной Михайловной и расточать комплименты ея дочери ... Такая тонкая женщина была Татьяна Ивановна! Но она могла только поколебать, а не сбить вовсе съ толку прозорливость Катерины Михайловны: ей казались подозрительными сильные нападки судейши на молодаго человѣка и она рѣшилась хорошенько разузнать о князѣ и его отношеніяхъ къ Хрящевымъ. Съ этою цѣлью, тотчасъ по отъѣздѣ гостьи, она обратилась къ своей вѣрной Глафирѣ.

— Послушай, Глафира, начала барыня, смотришь ты на этого хорошенькаго офицера, что сталъ часто-то ѣздить къ намъ — князь-то Бандуровъ?

— Ну, какъ, сударыня не смотрѣть; все любуюсь, да думаю, что вотъ бы парочка, такъ ужъ парочка...

— Да это, кажется, такъ и идетъ къ тому, что онъ станетъ дѣлать предложеніе: ужъ я вижу, что онъ души не слышитъ въ Наденькѣ, да и она-то, кажется, не равнодушна къ нему ...

— Дай-то Господи ...

— А ты ничего не слыхала про него?

— Это на-счетъ чего?

— Такъ, вообще?

— Нѣтъ, не слыхала ничего ... Да, вѣдь, что, сударына, слышать-то: видно по всему, что князь ...

— Его что-то очень не хвалитъ вотъ эта ... судейша ...

— Ну, вотъ нашли кого слушать ... Извѣстно дѣло, чай, ловила для своей, да не удалось, такъ и злится и ругаетъ ...

— Я сама тоже думаю ... А все надо бы разузнать хорошенько; сколько у него душъ и что у нихъ было съ Хрящевыми. Она говорила: онъ мотушка, будто все состояніе промоталъ, въ карты очень играетъ и пьетъ...

— Да это все враки, повѣрьте мнѣ: не тѣмъ онъ смотритъ ... Ну, разумѣется, онъ своихъ достатковъ ничего не жалѣетъ, а этимъ крохоборкамъ, прости Господи, и въ диковинку... А узнать, все можно узнать ... Да вотъ хоть сейчасъ, покудова князь-отъ гоститъ, можно ихняго кучера позвать, водочкой да чайкомъ угостить и все узнать, что нужно...

— Ну, вотъ, Глафира, въ самъ дѣлѣ распроси-ка его ... Ужъ ты у меня ... золото, какъ что захочешь сдѣлать ...

— Ахъ, матушка, да я, кажется, для васъ, да для моего антела не то, что это ... духъ-то мой изъ меня выжми ...

— Ну, Глафира, спасибо тебѣ за твою преданность: молодую-то барышню выдадимъ, такъ, можетъ, захочетъ, чтобы и нянька ея была вольная ...

— Акъ, матушка, Катерина Михайловна, да развѣ мнѣ у васъ не жизнь по вашей господской милости? Да, гдѣ въ другомъ мѣстѣ этакъ люди-то живутъ, какъ я вашей милостью взыскана? ... Я не живу, а царствую ... А на счетъ моего батюшки, барышни, можетъ ужъ, вѣдь, я и не угодна стала, стара — не потрафляю ... Можетъ имъ, Грашка милѣе меня, что языкомъ-то намелетъ, а сама смо-

тритъ какъ-бы что по ихъ добротѣ выманить, да выпросить, а коли, такъ и своя рука — не дура ... и изъ комплекту вонъ: у барышни, молъ, много всего, это лишнее, а мнѣ все пригодится ... Нѣтъ, не такъ, бывало, мы служили, не такъ чувствовали господскія милости ...

— Ну, такъ неужели можно Грашку къ тебѣ прировнять ... Что? дѣвка — дура, грубая ...

— Значитъ дура, да умѣетъ угодить ... Нѣтъ, она не дура ... Конечно, какъ Надежда Ѳедоровна, по своей добротѣ, ничего не замѣчаютъ, а мы тоже видимъ, да и вы, матушка, Катерина Михайловна присмотрите: она и несетъ и тащитъ изъ барскаго-то комода ... Мало чего, такъ и юбки-то барышнины носитъ, а откуда пошли и ленточки, и платочки! ... на какой капиталъ накупила? ... Конечно, у Надежды Ѳедоровны ... все отдастъ, только попроси, потому-что ангелъ, добрая душа ... да, вѣдь, надо и совѣсть знать ... а не то, что самой взять, а послѣ сказать: сами изволили пожаловать ... Нѣтъ; да она по всему нейдетъ къ барышнѣ: ни одѣть, ни причесать нъ личику ... Ну, что? дѣвка-мужикъ мужикомъ ... Али деликатность, да манера какая есть у нея? все на-бросокъ, да на-кидокъ! Эко обращеніе съ барышней ...

— Я и сама удивляюсь, что она такъ понравилась Наденькѣ: я ей не разъ говорила, чтобъ она взяла другую дѣвку, такъ не хочетъ.

— Ну, да послѣ окажется чѣмъ такъ мила стала, какъ кругомъ оберетъ, да еще убѣжитъ ... А по всему бы лучше заблаговременно ее отъ барышни отставить ... А то право убѣжитъ, либо конфузъ какой сдѣлаетъ: наведетъ въ барышнину-то комнату своихъ любителей; больно дѣвушка-то честна, прав-

ственности-то хорошей — за барышней ходитъ! ... Не надо бы мнѣ говорить-то ...

— Да кто же станетъ говорить, коли не ты Глафира? ...

— Только мой характеръ, да моя приверженность, потому и сказала ... А то барышня ни въ чемъ мнѣ не вѣрятъ: и отъ меня-то она ихъ отвратила ...

— А вотъ погоди: я съ ней расправлюсь, только бы первое что замѣтить ...

— Какъ вамъ угодно; матушка, не мое дѣло: я только потому сказала, что кто же и скажетъ, коли я не скажу ... Такъ я пойду ... на счетъ кучера-то ...

— Поди, поди, Глафира: пока не уѣхали

Кучеръ князя Бандурова былъ чрезвычайно подвижнаго, сангвиническаго темперамента; любилъ поговорить и прихвастнуть, показать себя лицомъ, особенно когда испытывалъ матеріальное благосостояніе, то-есть былъ сытъ и пьянъ ... но иногда впадалъ въ мрачную меланхолію, когда былъ чѣмъ-нибудь недоволенъ ... Въ настоящее время онъ находился въ прекрасномъ расположеніи духа: онъ свелъ пріятное знакомство съ гостепріимной дворней богатаго и хлѣбосольнаго помѣщика и, чтобы не уронить своего достоинства, разыгрывалъ роль пресыщеннаго земными благами княжескаго человѣка, какъ онъ любилъ себя называть, вслѣдствіе чего привлекалъ къ своей особѣ еще больше вниманія и уваженія.

Когда Глафира отъ имени барыни поднесла ему двѣ рюмки, Филиппъ почувствовалъ и самъ къ себѣ особенное уваженіе.

— Да вы, любезный, не лучше ли выкушаете бѣленькаго? спросила его Глафира.

— Да мы, какъ по военной части, употребляемъ и простое, отвѣчалъ Филиппъ, а и въ бѣломъ знаемъ скусъ: отъ княжеской чести сами почти за всякой праздникъ имѣемъ при столѣ бутылочку маскатели.

— Такъ выкушайте стаканчикъ бѣленькаго ... А то пунтштику? ...

— Покорнѣйше благодаримъ ... Можно-съ, ничего!

— Садитесь-ка, любезный, я вотъ велю самоварчикъ наставить.

Филиппъ принималъ это вниманіе, какъ должное и, нисколько не стѣсняясь, усѣлся ...

— Видно, вы у господина своего какъ сыръ въ маслѣ катаетесь? спросила Глафира, подавая кучеру стаканъ пуншу.

— Нашъ князь ничего для насъ не жалѣетъ, потому онъ чувствуетъ ... Люди княжескіе! ...

— Значитъ, они очень богаты, когда васъ такъ содержатъ ...

— Одно слово: князь! ... Можетъ имѣть себѣ капиталъ какой угодно.

— А ваше гдѣ имѣніе?

— Наше имѣніе не въ одномъ мѣстѣ: въ разныхъ губерніяхъ.

— А сколько душъ у васъ?

— У насъ? сколько вамъ сказать? ... тысячи двѣ! ...

— А что? сестрица есть у барина-то, али братцы?

— Одна княгиня старая ... больше никого!

— Такъ видно, много вашъ баринъ получаетъ дохода съ имѣнія?

— Можете судить! ... Теперича однихъ мун-

дировъ у него ... двѣнадцать! ... Сбруя? ... можете сами видѣть ... всякой мѣсяцъ новая! ... И чтобъ уже чисто было ... на отчетѣ! ..

— Ну, что же, коли вамъ такая жизнь, что всегда имѣете себѣ бѣлое вино къ столу, чай, самъ-то князь, все шампанское кушаетъ?

— Князь? ... У него эти, то есть вина ... всякія ...

— Чай и товарищей-то своихъ подчуетъ?

— У него вотъ какъ: сейчасъ вздумалъ, сейчасъ посылаетъ: Филиппъ, съѣзди, привези ко мнѣ всѣхъ офицеровъ ... Сейчасъ ... пріѣхали ... Кушайте, господа, сколько душѣ угодно ...

— Ну, а потомъ, чай, и въ карточки?

— По тысячѣ за-разъ и ничего не жаль ... потому ... много ...

— А шибко играетъ?

— О-о! что ему! десять, такъ десять тысячъ, двадцать, такъ двадцать! ...

— Такъ, вѣдь, этакъ, пожалуй, и состояніе все проиграютъ ...

— Мы? ... гм! Къ старой княгинѣ написали: такъ и такъ, по весьма крайней надобности вышлите столько-то тысячъ — и вышлетъ.

— Такъ еще княгиня имѣніемъ-то управляетъ ...

— То-есть она — такъ! ... мы все ... а она то-есть такъ ... Жительство тамъ имѣетъ, потому ...

— Въ городѣ-то къ кому больше князь-то вашъ ѣздитъ?

— Онъ, ко всѣмъ ... Всѣ къ нему съ уваженіемъ и почитаніемъ ... потому нельзя — князь! ... одно слово!

— А, вѣдь, вотъ онъ къ этимъ господамъ, что

здѣсь-то сегодня были, чаще ѣздитъ ... Я въ комнатахъ по разговору слышала ...

— Къ этимъ ... да! да! Вѣдь, онъ тутъ! У-у, вѣдь, онъ какой на эти дѣла ...

— Что, за барышней-то что-ли ухаживаетъ?

— Ну, извѣстно!

Филиппъ лукаво подмигнулъ.

— Что же, жениться хочетъ?

— Нѣтъ, мелко плаваетъ! ... молода въ Саксонѣ не была ... Не такую намъ надо: дай тысячу душъ — изволь! ...

— А они-то, чай, его ловятъ, чтобы какъ выдать за этакого жениха?

— Да они-то ... что угодно!

— Да онъ-то не дается? А пора бы вашему, барину и жениться ... коли бы этакая невѣста пришлась ему подъ руку ... Кушайте-ка еще стаканчикъ ...

— Да-ка-те, да-ка-те! ... ухо-то, ухо-то! ... согласенъ, очень согласенъ! можетъ породнимся! ... имѣетъ, имѣетъ желаніе ... къ вашей ... Вѣрно, знаю! ...

— Что же? давай Богъ! наша барышня ... ужъ такихъ невѣстъ не много: княгиней и смотритъ.

— Вѣрно, вѣрно, говорю: и къ старой княгинѣ писалъ ... Только отвѣта ждетъ ... То-есть нашелъ, говоритъ, по душѣ-сердцу и желаю, говоритъ ... Вотъ! ужъ это вѣрно! ...

— Дай Богъ, дай Богъ! и мы такому барину рады ...

— Одно слово: князь! ... княжескіе люди!

— Да ужъ это конечно! ... ужъ что говорить: другъ-друга стоятъ ... Выкушайте-ка еще пунштикъ ...

— Да это все можно! ... это что же? ... намъ это ничего не составляетъ ... а еще потому должны больше стараться, чтобы, напримѣръ ... и все такое ...

Для поясненія своей мысли Филиппъ произвелъ въ воздухѣ колебательное движеніе правою рукою ...

— Да, да! это точно! подтвердила Глафира, желая показать, что она вполнѣ понимаетъ неясныя фразы и знаки собесѣдника.

— Потому собча ... прибавилъ Филиппъ многозначительно, не твердой рукой поднося стаканъ къ своимъ благоухающимъ устамъ.

— Какъ же? какъ же? ... будемте знакомы ... Кушайте же на доброе здоровье ... А я пойду: какъ бы барыня не спросила.

И Глафира поспѣшила передать госпожѣ своей интересныя открытія.

— Вотъ теперь того только и ждать надо, заключила она свой разсказъ, что наша королева княгиней сдѣлается ...

— А вотъ это, Глафира, плохо, что онъ въ карты-то шибко играетъ ...

— Ахъ, матушка! Значитъ есть отъ чего, такъ и играетъ ... А вы знаете ли пословицу: женится-перемѣнится ... Нашъ-то ангелъ кого не передѣлаетъ ...

— А какъ будетъ досадно этой дряни-то: Хрящевой-то ...

— Ужъ не говорите: она всѣ и зубы-то у себя объѣстъ со злости ... Ну, какъ же: вѣдь виды тоже простирали ... Экъ, куда махнула! ... свою дочку да тоже бы за князя ... а ей вся дорога, какъ быть, за какого-нибудь приказнаго, судейскаго ...

Катерина Михайловна покровительственно засмѣялась и удалилась расточать любезности будущему зятю. Подъ вліяніемъ этихъ любезностей и милаго, простого обращенія Наденьки, которая, примирившись съ Крушинскимъ, была счастлива и не чувствовала потребности вымещать на князѣ дурное расположеніе духа, онъ, князь, считалъ себя совершеннымъ побѣдителемъ непреклонной до-сихъ-поръ красавицы — и въ этотъ разъ уѣзжалъ отъ Коркиныхъ, давши обѣщаніе быть у нихъ опять въ скоромъ времени.

Дорогою въ городъ, замечтавшись о Наденькѣ, князь, можетъ-быть, позабылъ бы и о своей тройкѣ, если бы его вниманіе не обратила на себя необыкновенно неровная ѣзда, до такой степени неровная, что коренная нѣсколько разъ сбивалась съ рыси и принималась скакать, и особенная заботливость Филиппа, который безпрестанно передергивалъ возжами и то осаживалъ лошадей, закручивая на руки возжи, то вытягивалъ руки впередъ, понукая лошадей молодецкими вскриками.

— Да что у тебя какъ скверно идутъ сегодня лошади? замѣтилъ князь Бандуровъ кучеру.

— Скверно идутъ? отвѣчалъ тотъ съ лукавой улыбкой. Нѣтъ, ваше сіятельство, не скверно идутъ! ... У насъ не такія лошади, чтобы скверно идти, да и кучеръ не такой ... У насъ лошади княжескія, да и кучеръ ...

— Да что ты, оселъ, пьянъ?

— Нѣтъ, ваше сіятельство, я не пьянъ, а выпивши — это точно — выпивши ... А лошади у насъ не такія ... Ну! ...

И Филиппъ вдругъ такъ осадилъ коренную, что она совсѣмъ сѣла на заднія ноги.

— Что ты дѣлаешь, мошенникъ! вскричалъ князь ...

— А что, ваше сіятельство? ... Ну, эхъ вы! — и Филиппъ, пріударивши лошадей возжами, вытянулъ руки, ослабляя возжи и давая тройкѣ полную свободу бѣжать. Вотъ извольте смотрѣть ... Вотъ у насъ какъ! ...

— А вотъ я тебѣ покажу какъ, когда пріѣдемъ домой! ... угрожающимъ тономъ замѣтилъ князь.

— Что жъ такое, ваше сіятельство? потому мы за ваше здоровье ... какъ мы люди княжескіе ...

— Молчать!

— Это молчать можно ... А то есть какъ сама нянюшка отъ самой барыни ... какъ, то-есть мы люди княжескіе, значитъ больше ихъ ... и намъ угощеніе ... отъ всей души, отъ всего сердца — что мы, значитъ, невѣсту сосватали ... значитъ молодую княгиню ... Что жъ? мы оченно рады ... что у насъ князь, а мы люди княжескіе, значитъ больше ...

— Что ты такое мелешь? спросилъ князь, заинтересованный несвязнымъ разсказомъ кучера.

— Нѣтъ, ваше сіятельство! А это самая истинная ... Какъ вамъ угодно ... А то есть я старался ... Эта нянюшка ... ну, говоритъ, пунштику ... Что жъ такое? пунштику, такъ пунштику ... Мы отъ князя и не это видали ... А что княгиню намъ надо, что барышня, молъ, ваша пріятная ... Что жъ? Это, виноватъ, я все это изъяснилъ ... И что-молъ, у нашего князя тысячи ... то есть душъ ... А судейская? ... нѣтъ, нѣтъ, намъ судейской мало ... птфу, судейская! ... А эту барышню, Коркину ... что жъ? — мы рады служить ... Барышня пріятная ... и князь очень согласенъ ... Что-жъ, я это

все дѣло изъяснилъ ... А лошади у насъ ... Ну! ... Вотъ смотри, какія у насъ лошади! ... Вотъ извольте смотрѣть, ваше сіятельство! ...

— Да ты не трогай лошадей ... Что жъ, тебя разспрашивалъ что ли кто обо мнѣ? ...

— А какъ же? ... эта нянюшка барышнина, то-есть, говоритъ, у насъ первая невѣста, говоритъ ... А я, то есть, я говорю: а у насъ князь ... первой ... И мы очень согласны, чтобы напримѣръ ... ну, въ законный бракъ ... А она говоритъ: и наша, говоритъ, барышня очень, говоритъ, согласна за вашего князя, а я говорю ... Ну, мы такъ и порѣшили ...

— Филиппъ, послушай: а что она, эта нянька, не говорила сколько за барышней даютъ въ приданое-то?

— То есть ... говорила, все говорила ... какъ же? много даютъ ... А я говорю: нашъ князь мало не возьметъ, потому тысячи у самаго ... Я того маненько ... ну!

Филиппъ, полуоборотился къ князю и лукаво подмигнулъ ему.

— Ну, ты, ты! ... смотри у меня! прошу безъ этихъ выходокъ! говори просто: о чемъ еще она разспрашивала тебя? ...

Филиппъ мгновенно сдѣлался печаленъ и нахмурилъ брови.

— Что-жъ, ваше сіятельство? мы ничего! это какъ вамъ угодно ...

— Да ну, ну! о чемъ же вы еще разговаривали?

— Что намъ разговаривать? ни объ чемъ не разговаривали ... потому ... мы не можемъ ... мы почемъ знаемъ ... это дѣло господское ... Это я виноватъ! Что же? наша вина! ...

— Ну, полно же! ничего: я не сердитъ, разсказывай все ...

— Ничего не можемъ знать! ... Эхъ, значитъ, старался ... значитъ, обиженъ! ... Эхъ только! ... жисть наша горькая! ...

Филиппъ впалъ въ совершенно мрачное расположеніе и князь Бандуровъ ничего болѣе не могъ отъ него добиться: оскорбленный среди самаго разгара своего витіеватаго разсказа, Филиппъ предался грустнымъ размышленіямъ и не хотѣлъ возобновлять бесѣды. Но князь былъ вполнѣ доволенъ тѣмъ, что узналъ. Онъ былъ счастливъ, вслѣдствіе полученныхъ свѣдѣній, такъ счастливъ, что даже простилъ великодушно упорное молчаніе своего кучера и только замѣтилъ ему:

— Ну, смотри же, никому не говорить о томъ, что разсказалъ мнѣ ... А впрочемъ ... ничего, пожалуй говори ... какъ хочешь! ...

И въ-самомъ-дѣлѣ князь Бандуровъ разсчиталъ, что слухъ о побѣдѣ, которую онъ такъ скоро одержалъ надъ сердцемъ Наденьки, можетъ только служить къ его славѣ: ничего болѣе или менѣе ...

— Пошелъ скорѣй домой! заключилъ онъ послѣ непродолжительнаго размышленія.

Пріѣхавши въ свою квартиру, онъ тотчасъ же послалъ лошадей за Добраго и встрѣтилъ его радостной улыбкой и словами:

— Поздравь, поздравь меня, Добраго.

— Гм ... съ чѣмъ?

— Съ побѣдой, съ побѣдой ... Я разбилъ ... разбилъ всѣхъ, я покорилъ непокорное сердце — и оно теперь у моихъ ногъ ... Поздравь: я женюсь на Наденькѣ.

— Гм ... сдѣлалъ предложеніе? ...

— Нѣтъ еще ... Слушай! ...

И Бандуровъ разсказалъ слышанное отъ кучера, прибавивши въ разсказъ нѣсколько яркихъ красокъ.

— Это ясно, заключилъ онъ, что это она, мое сокровище, моя Надина, моя Надежда, подсылала свою няньку, чтобы передать мнѣ какимъ-нибудь образомъ свои чувства ... Вѣдь, какая плутовочка, вѣдь, какая хитрячка ... Вѣдь ... вѣдь, я не знаю Добраго, что это за созданіе ... вѣдь, это просто: я въ состояніи теперь ... я не знаю, чего я не въ состояніи сдѣлать ... И вздумали говорить о Крушинскомъ ... Ха, ха, ха! ... Ну, гдѣ же ему тягаться со мной? ... Нѣтъ, послушай Добраго, нѣтъ ты послушай: каковы мы? а? ... Нѣтъ, не правда ли: вѣдь, не долго работали? ... а? ... какъ ты находишь? ... а?

Она моя, она моя,
Она моя Надежда!

началъ распѣвать князь Бандуровъ, повертываясь на одной ножкѣ. Восторгъ его дошелъ до поэтическаго творчества.

— Ну-съ, что вы мнѣ теперь скажете, господинъ филозо̀фъ, ваше благородіе, господинъ капитанъ? заключилъ Бандуровъ, остановясь передъ Добраго, выставляя впередъ правую ногу, молодецки подбоченившись и приподнявши правое плечо. — Что вы мнѣ теперь скажете?

— А, вѣдь, Филиппъ-то пьяный ... гм ... гм ... онъ можетъ быть, и навралъ ...

Бандуровъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, Добраго спѣшилъ договорить:

— Либо, нянька эта, такъ, отъ себя ...

— Э, полно, Добраго! терпѣть не могу ... ум-

ничаешь, а ничего не понимаешь ... Ну, съ какой стати, нянька пойдетъ подчивать моего кучера и разсказывать ему такія вещи, есла бы ее не послали? ... И къ чему Филиппъ станетъ врать? это надо понять, братецъ ты мой ...

— Такъ развѣ барышня станетъ ... гм ... гм ... посылать къ кучеру? ... А эти женщины дворовыя любопытны ... она и отъ себя ...

— Э, да полно! ... Все равно отъ кого бы она не приходила, а дѣло въ томъ: она говорила, что Надина въ меня влюблена ... Не могла же она отъ себя это выдумать ... Да что тутъ разсуждать: дѣло кончено! ... Ты долженъ завтра же ѣхать къ Коркинымъ и сдѣлать отъ меня предложеніе ...

— Да погоди же: что матушка напишетъ ... гм ... Ты, вѣдь, обѣщался подождать ... Безъ ея согласія я не поѣду ...

— Да она будетъ согласна, я тебѣ ручаюсь ...

— Ну, и погоди ...

— Нечего ждать ... Я не могу больше ждать ... Коли ты не хочешь быть моимъ другомъ, не поѣдешь: я самъ сдѣлаю предложеніе прямо Наденькѣ ... А тебя послѣ этого и знать не хочу ...

— Какъ хочешь ... гм ... гм! ... пока княгиня не напишетъ, я не поѣду ... Что же? гм ... она будетъ мной не довольна ... я не желаю этого ...

— Да и не надо, не просятъ: я и безъ тебя обойдусь, сухо проговорилъ князь Бандуровъ и, надувши губы, усѣлся въ свои волтеровскія кресла.

— Что же? отчего же тебѣ не подождать? ... гм ... вотъ скоро княгиня напишетъ, пришлетъ письмо ...

— А тебѣ что за дѣло? тебя не спрашиваютъ ... Какъ хочу, такъ и поступаю: твоего совѣта и не

спрашиваютъ. Не думаешь ли ты, что я тебѣ долженъ, такъ ты и можешь мной распоряжаться. Сдѣлай милость, не безпокойся ...

— Да я ... и не думаю ... и не безпокоюсь ... гм ... гм ... гм ... Богъ съ тобой! ... гм! прощай ...

Добраго поднялся съ мѣста, готовясь уйдти.

Князь Бандуровъ, какъ балованный, капризный ребенокъ, привыкшій, чтобъ исполняли всѣ его желанія, сердился на Добраго за отказъ и не сознавалъ, что обидѣлъ его своими выходками.

— Прощай! сказалъ онъ сухо и насмѣшливо, вполнѣ увѣренный, что Добраго снова явится по первому его призыву.

Капитанъ посмотрѣлъ на Бандурова съ горькимъ упрекомъ, между-тѣмъ какъ на лицѣ его не выражалось никакого душевнаго движенія — и вышелъ изъ квартиры князя. Послѣдній насмѣшливо посмотрѣлъ вслѣдъ ему. Добраго дѣйствительно былъ очень оскорбленъ, но не дерзкими выходками своего любимца, а тѣмъ, что онъ отталкивалъ его отъ себя въ одну изъ самыхъ важныхъ минутъ въ своей жизни: онъ былъ увѣренъ, что князь его любитъ по-крайней-мѣрѣ настолько, что не сдѣлаетъ никакого рѣшительнаго шага въ жизни безъ его участія или совѣта ... Онъ видѣлъ противное и уѣхалъ отъ князя съ грустью, но рѣшимостью не возвращаться къ нему болѣе. Въ душѣ самаго добраго, самаго безкорыстнаго человѣка невольно остается сознаніе того добра, которое онъ сдѣлалъ, и тѣмъ или другимъ путемъ, но онъ желаетъ выраженія признательности со стороны человѣка имъ обязаннаго: и какъ бы ни любилъ одинъ человѣкъ другого, какъ бы ни были безкорыстны его услуги, дѣлаемыя во имя

только одной любви, но отсутствіе признательности въ душѣ любимаго человѣка оскорбляетъ и отталкиваетъ дѣлавшаго добро. Добраго никогда не придавалъ цѣны тому, что дѣлалъ для Бандурова, онъ великодушно прощалъ ему его насмѣшки, его вѣтреность и малодушіе, но надѣялся, что князь питаетъ къ нему признательность — и оскорбился, когда замѣтилъ отсутствіе ея въ душѣ своего любимца. — И между-тѣмъ какъ капитанъ, въ грустномъ раздумьи, шелъ домой, князь Бандуровъ мечталъ о Наденькѣ и рѣшился въ возможной скорости ѣхать въ Подгородное и сдѣлать предложеніе лично ей самой.

IV.

Крушинскій съ каждымъ посѣщеніемъ дома Коркиныхъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе расположеніе Ѳедора Иваныча. Коркинъ не замѣчалъ уже въ немъ ни возмутительной гордости и самоувѣренности, которыя такъ возмущали прежде самолюбіе старика; ему нравилось его уклончивое, осторожное обращеніе съ Катериной Михайловной, настоящій смыслъ котораго Крушинскій умѣлъ понять и оцѣнить. Чувство благодарности за излеченіе отъ опасной болѣзни, не стѣсняемое теперь ни оскорбленныхъ самолюбіемъ, ни заботами и осторожностью ревности, получило полную свободу и развилось подъ благопріятнымъ вліяніемъ личнаго расположенія Ѳедора Иваныча къ умному, многосторонне-образованному молодому человѣку. Коркинъ не видѣлъ уже въ Крушинскомъ неприличнаго гостя и опаснаго посѣтителя, напротивъ, онъ находилъ въ немъ пріятнаго собесѣдника и преданнаго друга дому. О возможности какихъ-либо сердечныхъ отношеній доктора съ дочерью онъ даже и не думалъ.

Тяжело было Крушинскому скрывать свою любовь къ Наденькѣ, труднѣе того уклоняться отъ преслѣдованій Катерины Михайловны, но всего тяжелѣе обманывать проницательность Клеопатры Петровны и сохранять въ приличныхъ предѣлахъ ея расположеніе, готовое перейдти въ совершенную короткость. Но чему не научитъ любовь? Онъ уклонялся отъ преслѣдованій первой, представляя себя совершенно непонимающимъ ея намека, и въ уединенныхъ бесѣдахъ съ нею, принимавшихъ сантиментальный характеръ, сконялъ рѣчь на важность и трудность ея супружескихъ и родительскихъ обязанностей. Бесѣдуя съ Клеопатрой Петровной, онъ увѣрялъ, что не вѣритъ въ женщинъ и ихъ любовь, а тѣмъ болѣе въ прочность взаимнаго чувства, льстилъ ей, говоря, что любитъ бесѣду съ умными и образованными женщинами, но вѣруетъ только въ мудрость науки и ея вѣчныя истины; вообще старался придавать разговору философскій характеръ, который, увлекая тетушку въ потокъ краснорѣчія, отвлекалъ ее отъ цѣли, представлялся то мечтателемъ, полнымъ юношескаго жара, чтобы разнѣжить ее, то скептикомъ, чтобы раздражить. Хорошія отношенія его съ Ѳедоромъ Иванычемъ такимъ образомъ были упрочены и онъ понималъ это. Но для чего всѣ эти усилія? ... Для того, чтобы изрѣдка перекинуться съ Наденькой холодными незначущими словами, чтобы, съ замираніемъ сердца и страхомъ быть пойманнымъ, изловить ея нѣжный, любящій взоръ, чтобы забыться и унестись мечтою за предѣлы дѣйствительнаго при звукахъ ея музыки или пѣнія ... Но для любви и этого довольно: она растетъ и развивается, не думая какъ и для чего. Правда, она никогда вполнѣ не довольна настоящимъ, но это томительное ожиданіе

чего-то въ будущемъ, составляетъ ея наслажденіе, а потому каждое мгновеніе взаимной любви, есть уже счастье; а минута счастья чужда вопроса: къ чему она поведетъ, для чего она существуетъ? ... И въ самомъ дѣлѣ, ни Крушинскій, ни Наденька, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, не думали о будущемъ: вся жизнь ихъ, всѣ помыслы, всѣ желанія сосредоточивались на одной мысли, что они любятъ другъ-друга и эта мысль вполнѣ удовлетворяла ихъ. Не боясь произнести парадоксъ, мы скажемъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что только общественныя условія, только обстановка жизни, ея внѣшняя сторона возбуждаютъ въ двухъ любящихся вопросъ о будущемъ. Вообразите себѣ двухъ любовниковъ, внѣ общества, на какомъ-нибудь пустынномъ островѣ, гдѣ бы только они могли удовлетворятъ самымъ главнымъ матеріальнымъ потребностямъ, и вы согласитесь, что они не стали бы думать ни о чемъ другомъ, кромѣ своей любви, не стали бы ничего говорить, кромѣ словъ нѣжности, ласки и восторга. А развѣ для влюбленныхъ членовъ общества не бываетъ періода времени, когда они похожи на этихъ влюбленныхъ пустыннаго острова, развѣ не бываетъ для нихъ времени, когда свѣтъ и общество кажутся ими совершенной пустыней, среди которой они видятъ только себя и свою любовь. Разумѣется, общественная жизнь не позволитъ продлиться этому счастливому періоду и поторопится дать приличный толчекъ забывшейся четѣ, чтобы напомнить, что на нее смотрятъ тысячи глазъ и ждутъ, что̀ она будетъ дѣлать ... Тогда-то настаетъ періодъ вопросовъ, сомнѣній, страданій ... Счастья нашихъ героевъ пока еще не возмутилъ такой толчекъ — и они были дѣйствительно счастливы ...

Сегодня, а это было на другой день послѣ размолвки Бандурова съ Добраго, сегодня Крушинскій особенно долго засидѣлся у Коркиныхъ. Время шло далеко уже за полночь, когда живой, одушевленный споръ все еще кипѣлъ между всѣми членами небольшого общества сельца Подгороднаго. Кромѣ Крушинскаго изъ гостей никого не было, бесѣда шла сначала не скучно и не весело. Клеопатра Петровна, извѣдывавшая достоинства доктора со всѣхъ сторонъ, какимъ-то образомъ узнала, что докторъ мастеръ читать и просила его прочесть какую-то книгу. Эта книга и была причиной такого продолжительнаго пребыванія Крушинскаго у Коркиныхъ и такого оживленнаго спора. Этотъ споръ былъ такого рода, гдѣ всякій высказывалъ свое мнѣніе, не боясь упрека или насмѣшки за его неосновательность, гдѣ смѣло высказывались парадоксы и софизмы, возбуждая только общій смѣхъ и усиливая веселость, — однимъ словомъ, такой споръ, который возможенъ только въ дружескомъ кружкѣ, гдѣ всѣ довольны другъ-другомъ и который не только не разъединяетъ, но даже еще увеличиваетъ взаимное расположеніе ...

— Ну, мы однако, господа, такъ затолковались, что, пожалуй, просидимъ до свѣту! замѣтилъ наконецъ Ѳедоръ Иванычъ.

— Да, мнѣ бы надо особенно объ этомъ подумать, отвѣчалъ Крушинскій: потому-что отъ этой комнаты до моего кабинета ровно пять верстъ.

— Сегодня, можетъ быть, будетъ и меньше, потому-что я не отпущу васъ домой въ такую глухую ночь. Ночуйте, пожалуйста, у меня.

— Благодарю васъ, Ѳедоръ Иванычъ, но завтра утромъ, я непремѣнно доженъ быть въ госпиталѣ ...

— Кто же вамъ помѣшаетъ? Завтра васъ разбу-

дятъ, когда прикажете, подадутъ вамъ чаю и, если хотите, можете ѣхать даже не дожидаясь, пока мы всѣ поднимемся ... А дадите на себя посмотрѣть утромъ, обяжете еще больше ... Такъ такъ?

— Очень вамъ благодаренъ.

— Ну, и прекрасно! Хозяюшки мои: и старая и молодая, прошу же васъ заняться, чтобы нашъ гость не уѣхалъ завтра безъ чаю.

— Я никакъ себѣ не позволю уѣхать безъ благодарности за гостепріимство.

— Ну, тѣмъ лучше: вмѣстѣ чай будемъ пить ... Я, вѣдь, встаю всѣхъ раньше, барыни мои всѣ еще спятъ, а я ужъ на ногахъ, по-военному.

— Извините, папаша, я всегда раньше васъ встаю! сказала Наденька весело и простодушно, но не безъ умыслу, какъ показалось Крушинскому.

— Да, да, по пословицѣ: рано встала, да мало напряла.

Всѣ засмѣялись и, простившись, разошлись, каждый неся своей подушкѣ свои замыслы, чувства и желанія.

Крушинскій и Наденька долго не могли уснуть въ эту ночь. Спать въ первый разъ въ жизни подъ одной кровлей съ предметомъ своего обожанія, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ ночи, таинственныхъ часовъ грезъ и призрачныхъ мечтаній, сознавать близкое присутствіе любимаго человѣка въ тѣ минуты, когда и мысль и сердце, отрѣшившись отъ всѣхъ житейскихъ столкновеній, обращается къ нему одному — это величайшее счастье для влюбленнаго. За приглашеніе остаться ночевать Крушинскій почувствовалъ искреннюю любовь къ Ѳедору Иванычу. Наденькѣ тоже казалось, что она его стала любить еще болѣе и вотъ почему она съ такой нѣжностью и лаской цѣловала отца, прощаясь.

Крушинскій долго ходилъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ, въ которой была приготовлена для него постель. Что-то невѣроятно-отрадное и тревожное чувствовалъ онъ при мысли, что теперь, когда всѣ спятъ, когда никто не думаетъ о немъ, никто не смотритъ на него, когда онъ совершенно одинъ, такъ близко отъ Наденьки, въ одномъ съ ней домѣ, подъ одной съ нею кровлей, — какъ-будто родной, близкій ей человѣкъ. И ему не разъ представлялось, что онъ слышитъ ея дыханіе, видитъ ея улыбающееся, любящее личико, цѣлуетъ протянутую дружески руку ... И сердце его билось такъ радостно, но въ то же время тревожно: онъ бросался въ постель свою ничкомъ, цѣловалъ подушку, воображая, что къ ней можетъ-быть прикасалась ея рука, снова вставалъ и снова ходилъ ускореннымъ шагомъ ... Не разъ послѣ этой ночи случалось Крушинскому ночевать въ этомъ самомъ домѣ, въ этой самой комнатѣ, но онъ уже никогда не испытывалъ такого впечатлѣнія, какъ въ эту первую ночь ... Онъ ходилъ и мысль его ни на минуту не разставалась съ милымъ образомъ Наденьки ... вдругъ послышался легкій стукъ въ дверь его комнаты снаружи, изъ корридора, въ который выходила она. Крушинскій остановился среди комнаты въ недоумѣніи. Стукъ повторился.

— Кто тутъ? спросилъ Крушинскій вполголоса.

— Я-съ! отозвался тихій женскій голосъ, въ которомъ Крушинскій тотчасъ же узналъ голосъ Глафиры.

— Что тебѣ надо, милая? спросилъ онъ, пріотворяя дверь.

— Можно взойти-съ?

— Войди, пожалуй, если извинишь, что я въ халатѣ.

— Помилуйте-съ! отвѣчала Глафира, проскользнувши въ двери и быстрымъ взглядомъ окинувъ всю комнату,

— Ну, что скажешь?

— Катерина Михайловна приказали узнать: покойно ли вамъ почивать ... Я вотъ проходила по корридору, услышала, что вы изволите ходить и подумала, что, вѣрно, вамъ что-нибудь безпокойно ... Не холодно-ли здѣсь? ... Не прикажете ли подать еще теплое одѣяло? ...

— Нѣтъ, нѣтъ, все очень хорошо ... Очень благодаренъ! ... Не безпокойся, моя милая ...

— Или можетъ-быть вамъ не започивается, такъ неугодно ли вотъ книжку почитать: Катерина Михайловна изволили прислать вамъ ... Вотъ я оставлю-съ! ...

И Глафира, не ожидая приказанія положила книгу на столъ.

— Напрасно! ... Я сейчасъ лягу спать ... Благодари Катерину Михайловну ... Возьми книгу, мнѣ не нужно: я не буду читать.

— Да ничего-съ! на всякой случай, можетъ, не изволите започивать ... Пусть тутъ полежитъ. Еще чего не прикажете ли подать? Можетъ кисленькаго чего, сиропу какого, на ночь не прикажете ли принести: неравно кушать изволите ...

— Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога, ничего не нужно. Я хочу спать ... Прощай, милая.

— Желаю покойной ночи, пріятнаго сна-съ!

— Прощай, прощай!

Крушинскій заперъ дверь за Глафирой, изъ любопытства развернулъ онъ книгу: это былъ томъ сочиненій Марлинскаго; нѣкоторыя особенно чувствительныя сентенціи этого чувствительнаго писателя были

отмѣчены ногтемъ Катерины Михайловны. Горькая, презрительная улыбка пробѣжала по устамъ доктора, онъ оставилъ книгу, погасилъ свѣчу и бросился въ постель. Восторгъ его мечтаній былъ прекращенъ самымъ жестокимъ образомъ ...

Наденька вошла въ свою спальню веселая, довольная, улыбающаяся, за то Аграфена встрѣтила ее съ самымъ угрюмымъ лицомъ.

— Что ты какая, Граша, сердитая? спросила Наденька у своей горничной.

— Что не посидѣли еще часа два, такъ бы ужъ до самаго до-свѣту ... Переслушали ли бы всѣ лясы-то балясника-то своего ...

— Ну, Граша, я, ей Богу, не буду тебя любить за это ... За что ты его не любишь?

— Не всѣмъ же любить: ужъ больно счастливъ будетъ ...

— Ты должна его любить, потому-что я его люблю.

— Ну, да какъ-же! Есть кого! ...

— Перестань же злиться! ... улыбнись сейчасъ! слышишь? сейчасъ улыбнись, да скажи, что ты его любишь ... а то мнѣ тебя совсѣмъ не надо ... слышишь? ... Ну, скажи же сейчасъ ...

— Полноте-ка, барышня, и вы въ-самомъ-дѣлѣ ... точно малой ребенокъ, и вправду ... Ложитесь-ка почивать лучше ...

— Аграфена, глупая, такъ неужели ты не можешь понять ... Я ни съ кѣмъ не говорю про него, ни съ однимъ человѣкомъ, только съ тобой ... Вѣдь, мнѣ нужно же съ кѣмъ-нибудь поговорить про него ... Мнѣ, вѣдь, тяжело все молчать, да скрытничать ... Вѣдь, я его какъ люблю? больше всего на свѣтѣ, какъ никого, никогда не любила ... А ты

не умѣешь даже того понять, что я только съ тобой одной откровенна, что мнѣ некому больше признаться ... А ты только сердишься, да бранишь его ... Поди, я не люблю тебя ...

— Ангелъ вы мой, счастіе, радость моя, такъ неужели же я и въ-самъ-дѣлѣ этого не понимаю ... Неужто вы меня не знаете, что̀ я за васъ сдѣлаю ?.. Да ужъ кто вамъ милъ, такъ и мнѣ дорогъ ... А мнѣ все хочется, какъ бы васъ остановить, потому не дѣло вы дѣлаете — вѣдь ничего добраго изъ этого не выйдетъ ... вѣдь, васъ не отдадутъ за него ... Что же вы даромъ-то привяжетесь къ нему? вѣдь только муку одну себѣ получите на всю жизнь ...

— Не говори мнѣ про это, никогда, ничего не говори ... Я ни объ чемъ не хочу думать, я только люблю его.

— Ахъ, барышня! ... да какъ же не думать-то ...

— Ну, перестань же объ этомъ ...

А теперь раздѣнь меня, да сядь ко мнѣ на постель, поговоримъ объ немъ.

Аграфена не возражала болѣе, но поспѣшила раздѣть и уложить свою красавицу. Потомъ, по просьбѣ ея, присѣла къ ней на постель — и между ними начался вполголоса разговоръ, котораго мы не будемъ передавать: говорила почти одна Наденька и надо правду сказать — въ рѣчахъ ея не было никакого опредѣленнаго смысла и содержанія, но зато въ каждомъ словѣ слышалась полная, горячая, безпредѣльная любовь. Среди этой бесѣды въ спальню тихими шагами вошла Глафира, но чуткая Аграфена тотчасъ замѣтила ея присутствіе и знакомъ остановила Наденьку.

— А вы еще все не почиваете, моя горлинка сизокрылая! ... вкрадчиво сказала нянька, подходя къ постели.

— Нѣтъ еще! ...

— Пора бы, моя радость милая ... Ужъ который часъ! ... Что ты безпокоишь барышню-то своими разговорами, прибавила она, обращаясь къ Аграфенѣ. Чѣмъ бы ...

— Да я сама не хочу спать! Что тебѣ за дѣло?

— Вотъ и гостекъ-отъ нашъ не спитъ до сей поры.

— А мнѣ-то что до него! проворчала Наденька нетвердымъ голосомъ.

— Право! ходитъ изъ угла въ уголъ, точно помѣшанный какой ...

— А ты что же, нянька, сама-то не спишь?

— А вотъ сейчасъ только мамашеньку уложила ... Да пересидѣла что-ли, такъ спать-то что-то не хочется. Коли угодно, я посижу около васъ, мое дитятко ...

— Нѣтъ, поди спать — и я спать лягу. Поди, Граша! Прощай! ... прощай, няня! ...

— Ну, Господь съ вами, моя писаная кралечка! Покойной ночи! Пожалуйте-ка, я вамъ спинку поглажу: скорѣе започиваете.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, няня! Не тронь меня, пожалуйста. Я терпѣть этого не могу.

— Ну, какъ угодно! Богъ съ вами! не угодна нынче стала нянька. — И Глафира удалилась, метнувши свирѣпый взглядъ на Аграфену.

— Граша! позвала Наденька черезъ нѣсколько времени.

— Чего изволите?

— Нянька ушла?

— Ушла.

— Она не слыхала, что мы говорили?

— И, нѣту ... Я, вѣдь сейчасъ услышала, какъ она подкралась ...

— Граша, разбуди же меня завтра какъ можно раньше ... Смотри же! Пока еще онъ не всталъ. Слышишь?

— Хорошо, хорошо! ...

— И до папеньки.

— Хорошо, ужъ разбужу.

— Ну, прощай же, Граша ... Поцѣлуй меня.

Аграфена съ горячей любовью прильнула своими грубыми губами къ устамъ Наденьки.

— Я люблю тебя, Граша! сказала Наденька.

Аграфена ни слова не отвѣтила, только поцѣловала руку Наденьки, задернула занавѣсъ постели, благословила ее и отерла слезу которая невольно выкатилась изъ ея глазъ.

На слѣдующее утро Крушинскій проснулся рано, когда мракъ длинной зимней ночи только-что сталъ смѣняться голубымъ разсвѣтомъ дня. Онъ поспѣшилъ одѣться.

— Что? господа еще никто не вставали? спросилъ Аркадій Николаичъ у прислуживавшаго ему лакея.

— Никакъ нѣтъ-съ: всѣ еще изволятъ почивать Чай прикажете подавать?

— Нѣтъ, благодарю, я подожду, когда всѣ встанутъ. Пожалуйста, не безпокой никого, не говори, что я проснулся.

— Слушаю-съ!

Крушинскій вышелъ въ отдѣленіе парадныхъ комнатъ, какъ называютъ въ нѣкоторыхъ усадьбахъ

тѣ комнаты, въ которыхъ принимаютъ гостей и которыя составляютъ зала, гостиныя и диванныя. Онъ сталъ ходить взадъ и впередъ по длинной анфиладѣ, въ раздумьи любуясь на длинныя голубыя полосы свѣта, которыя пробивались сквозь узорчатыя украшенія, оставленныя на стеклахъ крѣпкимъ русскимъ морозомъ. Большія, свѣтлыя комнаты барскаго дома Коркиныхъ не отличались особеннымъ великолѣпіемъ и роскошью, но ясно говорили о любви къ простору, простотѣ жизни, о довольствѣ и гостепріимномъ хлѣбосольствѣ русслаго помѣщика. Не было особенной затѣйливости и утонченнаго вкуса въ меблировкѣ; иное кресло, столъ, или диванъ, такъ и рекомандовали себя произведеніемъ доморощеннаго Гамбса. Въ гостиной неловкому гостю не нужно было опасаться запутаться въ мебели, наставленной въ безпорядочномъ порядкѣ, ни опрокинуть какой-нибудь жиденькій столикъ ити этажерку съ бездѣлушками, ни наткнуться на какое-нибудь изогнутое кресло, поставленное середи дороги, ни затрудниться въ отысканіи хозяйки, которая не имѣетъ своего почетнаго, привиллегированнаго мѣста: здѣсь, напротивъ, кресла и диваны тянулись длинными рядами по стѣнамъ; здѣсь человѣкъ не скрывался за мебелью и не уничтожался за великолѣпными, но безполезными украшеніями, здѣсь хозяйка знала свое мѣсто и гость зналъ ея мѣсто, здѣсь хозяйка видѣла всѣхъ своихъ гостей и гости видѣли хозяйку. Въ залѣ стулья и столы стояли также въ строгомъ порядкѣ, а самую середину ея занималъ круглый столъ съ безчисленнымъ количествомъ ножекъ, готовый раздвинуться, чтобы дать мѣсто хотъ полу-сотнѣ пирующихъ. Въ другой сосѣдней залѣ стоялъ огромный бильярдъ. Рядомъ съ главной

гостиной находились еще двѣ комнаты, изъ которыхъ одна называлась диванною, другая попросту — угольною, потому-что приходилась на углу дома. Въ послѣдней рѣдко сидѣли хозяева, въ нее рѣдко заходили и гости, а между-тѣмъ она существовала. Но все это отдѣленіе парадныхъ комнатъ не составляло и третьей части всего дома. Если бы вамъ было нужно, мы показали бы читателю нѣсколько комнатъ, въ которыхъ никто не жилъ, которыя ничѣмъ не бѣли заняты и существовали только на случай пріѣзда: эти комнаты служили мѣстомъ ночлега для гостей, которые могли съѣхаться издалека, чтобы погостить, т. е. пробыть въ гостяхъ дня два—три, а, можетъ-быть, и недѣлю.

Пройдясь нѣсколько разъ вдоль всѣхъ комнатъ, Крушинскій остановился у рояля и сталъ разсматривать ноты, лежавшія на этажеркѣ. Съ особеннымъ удовольствіемъ перелистывалъ онъ тѣ пьесы, которыя Наденька исполняла при немъ, воображая за роялемъ ея одушевленную фигуру. Вдругъ, въ гостиной послышались ему легкіе, знакомые шаги: Крушинскій подошелъ къ двери и увидѣлъ въ гостиной Наденьку. Она шла робко и нерѣшительно; при появленіи Аркадія Николаича, она вспыхнула смутилась, но не казалась испуганною или удивленною неожиданностью встрѣчи. Докторъ пошелъ къ ней.

— Вы уже встали?! ... сказалъ онъ, смотря ей прямо въ глаза.

— Да, я давно уже проснулась ...

— Вы всегда такъ рано встаете?

— Да ... почти всегда ...

Разговоръ прекратился и они стояли неподвижно

среди гостиной, не спуская глазъ другъ съ друга, оба смущенные, трепещущіе и безмолвные ...

— Я шла ... проговорила наконецъ Наденька, опуская глаза ... я шла ... спросить васъ ... вы кушали чай? ...

— Вы знали что я здѣсь?

— Нѣтъ ... да ... я думала ... Она снова подняла глаза на доктора. — Садитесь пожалуйста ...

Но между тѣмъ ни онъ, ни она не сдѣлали ни малѣйшаго движенія, оставаясь, какъ бы прикованными къ одному мѣсту.

— Надежда Ѳедоровна! ... сказалъ вдругъ Крушинскій, порывисто взявши ее за руку ... Она не отняла ее, но вздрогнула и опустила глаза ... Простите меня! ... я люблю васъ! ... Я бѣдный, ничтожный, низкаго происхожденія ... Я люблю васъ ... Вы не посмѣетесь надо мной? не оттолкнете меня съ презрѣніемъ? ...

Наденька молчала, но рука ея трепетала въ рукѣ Крушинскаго и была холодна.

— Вы не презираете меня? вы не скажите мнѣ, что я даже лишенъ права любить васъ? ... вы не любите меня, но по-крайней мѣрѣ пожалѣйте ...

— Нѣтъ, я ... я люблю васъ! быстро проговорила Наденька и на глазахъ ея навернулись слезы. Я люблю васъ! повторила она твердо, съ нѣжностью и лаской смотря прямо въ глаза доктору. Въ свою очередь онъ затрепеталъ всѣми членами и слезы брызнули изъ его глазъ, онъ прильнулъ устами къ рукѣ Наденьки и не могъ промолвить ни одного слова отъ избытка счастья. Она нѣжно цѣловала его голову.

— Вы ангелъ, вы моя судьба, моя роковая звѣз-

да! проговорилъ онъ, наконецъ, смотря на нее съ любовью, нѣжностью и благодарностью. Въ васъ моя жизнь, или смерть! ...

— Зачѣмъ это слово? вы должны жить: я васъ люблю, вы меня любите ... Я васъ никогда не разлюблю, вы меня не разлюбите ...

— Никогда, никогда! Да, это жизнь, это счастье, это блаженство на землѣ. — И вы мнѣ даете его! ... А я сомнѣвался въ васъ ... Я виноватъ передъ вами! ... Простите, простите меня! ...

— Нѣтъ, я сама была виновата передъ вами ... я мучила васъ! ... Но я ... всегда любила васъ ...

— Господи, за что мнѣ это счастье? ... И это не сонъ, не мечта? ... Скажите мнѣ, скажите еще разъ ... что вы любите меня ...

— Да! ... я люблю васъ ... я ваша! ...

И Наденька, съ довѣрчивостью ребенка, протянула Крушинскому и другую свою руку. Онъ цѣловалъ ихъ и плакалъ и смѣялся ... Онъ приложилъ обѣ ея руки къ своимъ пылающимъ щекамъ и смотрѣлъ на нее: она улыбалась ему невыразимой улыбкой любви.

— Не плачьте же: я, вѣдь, люблю васъ! проговорила она, приклоняясь къ нему головою ... и уста ихъ слились въ первомъ поцѣлуѣ ... Они почувствовали ... Но есть душевныя движенія, которыя не подчиняются анализу, не выражаются языкомъ человѣческимъ ... Эти движенія мгновенны, но никогда не забываются и повторяются рѣдко.

— Барышня, тетенька встала! сказала Аграфена изъ сосѣдней комнаты: она стояла на стражѣ у своей любимицы, и скрѣпя сердце, слышала многое, что говорилось въ гостиной.

Наденька вздрогнула, смутилась при этомъ голосѣ, но скоро оправилась.

— Ничего, это моя дѣвушка! сказала она Крушинскому, замѣтивъ его тревожный взглядъ. Будьте осторожны: обходитесь со мной холодно и старайтесь пріобрѣсти расположеніе папаши. Остерегайтесь тетеньки!

Проговоря эти слова, она быстро удалилась изъ гостиной. Крушинскій долго смотрѣлъ ей вслѣдъ, потомъ опустился на кресла съ крѣпко сжатыми на груди руками: онъ никогда не былъ такъ счастливъ, какъ въ настоящее время. Но, какъ иногда сквозь яркіе лучи солнца проносится густое темное облако, застилая ихъ на минуту, такъ черезъ ликующую радостью душу Крушинскаго пронеслась мысль: будетъ ли она моею, можетъ ли быть она моею? ... Но мысль эта скоро разсѣялась, не оставя по себѣ ни малѣйшаго слѣда: вѣдь она сказала: я васъ люблю, я ваша!

Чтобъ объяснить читателю описанную встрѣчу, надобно сказать, что Наденька еще наканунѣ, ложась спать, рѣшилась на другой день постараться увидѣть Крушинскаго прежде, нежели всѣ встанутъ, чтобы въ свободной бесѣдѣ съ нимъ на-единѣ, вознаградить и себя и его за мученіе постояннаго притворства: но она никакъ не приготовлялась сдѣлать ему такъ скоро, и такъ откровенно, полное признаніе въ своей любви. По приказанію своей барышни, вѣрная Аграфена разбудила ее рано поутру, и когда она пошла въ парадныя комноты, гдѣ надѣялась встрѣтить Крушинскато, сторожила ея безопасность. Такимъ-образомъ, эта встрѣча и объясненіе остались тайной для всего дома. Никто не зналъ, что Наденька встала такъ рано, никто не видалъ, какъ она прошла въ гостиную и возвратилась въ свою комна-

ту. Даже Глафира была обманута: она и не подозрѣвала, что дѣло зашло такъ далеко.

Придя въ свою комнату, Наденька тотчасъ велѣла запереть ее изнутри, потомъ бросилась на шею къ Аграфенѣ.

— Я ему все сказала, Граша, все ...

— Слышала я, слышала ... Что пути только будетъ изъ этого.

— Ну, все равно! ... Какъ онъ счастливъ, Граша, какъ онъ радъ ... Бѣдненькій, его никто не любитъ, кромѣ меня ... А никто, Граша, не видалъ?

— Ну, неужто ужъ я просмотрѣла бы ...

— Милая, добрая, Граша! я этого никогда не забуду. Мнѣ теперь такъ хорошо, Граша, такъ весело, какъ никогда не бывало ... Господи, какъ онъ меня любитъ! онъ плакалъ, Граша, отъ радости, что я его люблю ... А вотъ что, Граша: я теперь раздѣнусь и лягу спать, какъ-будто и не вставала ... А какъ папаша проснется, ты мнѣ и скажи.

И Наденька не полѣнилась снова раздѣться и лечь въ постель.

Крушинскій и Наденька явились къ чаю, какъ ни въ чемъ не бывало. Наденька вошла вмѣстѣ съ теткой.

— Что̀ хвастала, что раньше-то меня встанешь? шутливо сказалъ Ѳедоръ Иванычъ, здороваясь съ дочерью.

— Я папаша, просыпалась очень рано, да мнѣ сказали, что вы еще почиваете, я опять и легла.

— И лжешь, плутовка! весело замѣтилъ Ѳедоръ Иванычъ.

Наденька улыбнулась, но ничего не отвѣчала.

— А вотъ Аркадій Николаичъ, такъ, говорятъ, очень рано всталъ, подхватила Катерина Михайловна. Вѣрно, вамъ безпокойно было спать.

— О, напротивъ, я спалъ отлично. Но я вообще мало сплю.

— Это и видно. И вчера вечеромъ мнѣ пришли сказать, что вы долго не ложились; я думала не имѣете ли вы привычки читать и велѣла вамъ отнести какую-то книгу. Читали ли вы ее?

— Благодарю васъ: мнѣ дѣйствительно принесли какую-то книгу, но я такъ хотѣлъ спать, что, извините, даже не заглянулъ въ нее.

Катерина Михайловна осталась очень недовольна этимъ отвѣтомъ.

Послѣ чаю, Крушинскій тотчасъ же уѣхалъ въ городъ, получивши отъ Ѳедора Иваныча просьбу навѣщать ихъ какъ можно чаще, безъ всякой церемоніи и, если можно, не на нѣсколько часовъ, а и на ночь, какъ нынче.

— Въ деревню, батюшка, съ визитами не ѣздятъ прибавилъ онъ.

Крушинскій, разумѣется, благодарилъ.

V.

Князь Бандуровъ считалъ себя рѣшительно влюбленнымъ и, вслѣдствіе этого убѣжденія, старался даже умѣрять свою веселость, принимая видъ человѣка мечтающаго или сосредоточеннаго. Внутренно онъ рѣшился черезъ нѣсколько дней ѣхать къ Коркинымъ, чтобы лично сдѣлать Наденькѣ предложеніе, и въ мечтахъ своихъ строилъ уже планы будущей семейной жизни. Впрочемъ, эти мечты и это особенное состояніе душевное не мѣшали ему сходиться съ своими товарищами, принимать гостей; но у Хрящевыхъ онъ не бывалъ, считая неприличнымъ возмущать своимъ присутствіемъ преданное

ему сердце, возмущать въ то время, когда онъ приготовлялся на-вѣки оттолкнуть его отъ себя.

— Что ты какой сталъ, братецъ, странный, князь? говорили ему товарищи.

— А что такое, господа? кажется, ничего особеннаго.

— Какъ, братецъ, ничего? Совсѣмъ сталъ не тотъ: задумываешься, мечтаешь; иногда говоришь тебѣ что-нибудь, а ты даже и не слышишь ...

— Это такъ, господа! это скоро пройдетъ! отвѣчалъ князь съ таинственной или сантиментальной улыбкой, весьма довольный сдѣланнымъ ему замѣчаніемъ.

— Значитъ, у тебя есть что-нибудь на умѣ или на сердцѣ?

— Можетъ-быть! — И опять та же многозначительная улыбка появлялась на устахъ князя.

— Нельзя ли узнать: что такое?

— Скоро узнаете, господа, очень скоро!

— А что твоя Nadine? ужъ не отъ нея ли ты такъ страдаешь?

— Страдаю? возражалъ Бандуровъ уже съ улыбкой самодовольствія. Напротивъ я очень счастливъ.

— А, такъ вотъ что ...

— Только, господа, прошу васъ ... Я говорю только по товарищески ... Понимаете?

— Чортъ тебя знаетъ, князь ... ты просто счастливецъ ... Вездѣ ему везетъ! замѣтилъ одинъ изъ товарищей.

— Ну, а къ твоей Cathérine, кажется, ужасно поддѣлывается Мармаровскій съ своей разочарованностью! замѣтилъ другой изъ офицеровъ.

— А, Мармаровскій?! ха, ха, ха! Ну! что же?

желаю ему полнаго счастья: въ такомъ случаѣ, онъ будетъ моимъ наслѣдникомъ? .. возражалъ Бандуровъ насмѣшливо и съ такимъ видомъ, какъ-будто потеря сердца Катеньки не составляетъ для него никакой важности; впрочемъ онъ прибавлялъ: а какъ замѣтно: съ успѣхомъ идутъ его дѣла? благоволятъ къ нему, или нѣтъ?

— Не знаю еще, а только онъ очень часто тамъ бываетъ: кажется, что съ успѣхомъ; а впрочемъ, можетъ-бытъ, его просто дурачатъ.

Такая странная натура у князя Бандурова: ему казалось, что онъ теперь вовсе не любитъ Катеньки, что онъ даже не любилъ ее никогда, но, при одной мысли о счастливомъ соперникѣ, сердце его уже становилось неспокойно, жаждало любви извѣстной особы, между-тѣмъ какъ воображеніе рисовало ее въ самыхъ очаровательныхъ краскахъ; счастье соперника казалось ему гораздо привлекательнѣе его собственнаго счастья.

— Разумѣется, дурачитъ! подхватилъ Бандуровъ, чтобы успокоить свое ревнивое сердце. Быть не можетъ, чтобы Катенька измѣнила мнѣ такъ скоро ... Да и гдѣ ему? ...

А впрочемъ, онъ былъ смущенъ этимъ извѣстіемъ и готовъ былъ тотчасъ ѣхать къ Хрящевымъ, чтобы снова обратить къ себѣ сердце Катеньки и уничтожить соперника. Но онъ не поѣхалъ, потому-что всѣ товарищи его согласились, что Мармаровскій со своимъ разочарованіемъ ничего не сдѣлаетъ. Князь захохоталъ и успокоился.

Наконецъ насталъ день, въ который Бандуровъ намѣревался ѣхать въ Подгородное съ извѣстной цѣлью. Долго занимался онъ въ этотъ роковой день своимъ туалетомъ, долго разчесывалъ и помадилъ передъ зер-

каломъ свои волосы, которые были тщательно завиты, и усы, которые были красиво закручены. Лихая тройка была наславу вычищена и выхолена, ради такого торжественнаго случая, каждая бляха на сбруѣ блистала какъ зеркало, свидѣтельствуя, что Филиппъ не жалѣлъ ни кирпичу, ни суконки, ни рукъ.

Князь полетѣлъ въ Подгородное самонадѣянный, но нѣсколько смущенный: онъ и не предполагалъ возможности отказа, но еще въ первый разъ рѣшался на такой важный шагъ — смущеніе въ такомъ случаѣ извинительно. Это смущеніе было замѣтно въ Бандуровѣ даже тогда, когда онъ входилъ въ гостиную Коркиныхъ: оно заставило Катерину Михайловну улыбнуться и повело ее къ быстрымъ и основательнымъ соображеніямъ, которыя побуждали ее быть особенно любезной и внимательной съ княземъ. По этимъ же соображеніямъ она старалась оставлять князя на-единѣ съ Ѳедоромъ Иванычемъ; осталась на-единѣ съ нимъ сама; наконецъ разсудила, что всего лучше оставить князя на-единѣ съ дочерью. Ловко усадила она ее за рояль, чтобы та съиграла что-нибудь для князя, и еще искуснѣе оставила ихъ вдвоемъ. Бандуровъ только того и ждалъ.

Нужно ли говоритъ, что ни Ѳедоръ Иванычъ, ни Клеопатра Петровна, ни Наденька, ни даже самъ Бандуровъ не подозрѣвали особенныхъ стратегическихъ соображеній въ нѣсколько суетливой дѣятельности Катерины Михайловны? Нужно ли даже недовѣрчивому и подозрительному читателю объяснять излишнюю заботливость материнскаго сердца Катерины Михайловны? Правда, Наденька была не переспѣлая невѣста: хорошенькая и богатая, она всегда могла найти выгоднаго жениха — Катерина Михай-

ловна знала это очень хорошо, можетъ-быть, лучше всѣхъ, но ей казалось, что Наденька влюблена въ Бандурова, а Бандуровъ — хорошъ собой, богатъ, князь, и въ свою очередь тоже влюбленъ въ Наденьку; нѣжное сердце Катерины Михайловны таяло при мысли, что она устроиваетъ счастье своей дочери и что судьба такъ скоро доставляетъ возможность исполнить одну изъ самыхъ трудныхъ материнскихъ обязанностей. Притомъ, въ глазахъ Катерины Михайловны — хорошенькое личико, молодость и нѣжное любящее сердце въ мужчинѣ составляли большое достоинство, и это достоиство она находила вполнѣ въ князѣ Бандуровѣ, а титулъ князя очень льстилъ ея самолюбію. О недостаткахъ, возможныхъ въ немъ, она не хотѣла думать потому, что не придавала имъ большой важности при тѣхъ достоинствахъ, которыя видѣла, а изслѣдовать ихъ и обдумать: не могутъ-ли они погубить будущей судьбы замужней дочери — на это Катерина Михайловна не имѣла ни достатка терпѣнія, ни разсудительности. Мы уже, кажется, имѣли случай замѣтить, что Катерина Михайловна поступала всегда подъ впечатлѣніемъ минуты: князь Бандуровъ понравился ей, онъ казался выгоднымъ женихомъ, судейша злилась, что онъ не дѣлалъ предложенія ея дочери, она будетъ злиться еще болѣе, когда узнаетъ, что князь оказалъ предпочтеніе Наденькѣ — этого было весьма достаточно для Коркиной, чтобы желать князя въ мужья Наденькѣ.

— Надежда Ѳедоровна, заговорилъ Бандуровъ взволнованнымъ голосомъ, когда Наденька перестала играть на фортепіяно, — я давно искалъ случая говорить съ вами на-единѣ.

Наденька вглянула на него быстро и подозрительно.

— Не хотите ли вы повѣрить мнѣ какой-нибудь секретъ, такъ ради Бога, не дѣлайте этого, потому что я непремѣнно его разболтаю.

— Надежда Ѳедоровна, продолжалъ Бандуровъ тѣмъ же тономъ: скажите откровенно — какъ вы меня понимаете: способенъ ли я на этакую ... на постоянную, вѣчную любовь? ...

— Вотъ вопросъ! возразила Наденька, засмѣявшись: я полагаю, что это вамъ самимъ извѣстно лучше, нежели мнѣ.

— Но я желалъ бы знать ваше мнѣніе ...

— Мое мнѣніе?.. Но я имѣю какое нибудь мнѣніе только о тѣхъ предметахъ, которые знаю ... а съ вами я знакома еще очень недавно, чтобы знать васъ ...

— Но однако все можно замѣтить ... Скажите: повѣрили ли бы вы, если бъ услышали, что я кого-нибудь люблю сильно, страстно, пламенно и страдаю?..

— Ахъ, князь, какъ это смѣшно!

— Вамъ кажется это смѣшно? спросилъ князь, нѣсколько обиженнымъ тономъ.

— Конечно смѣшно! Не все ли равно для васъ: повѣрила бы я или нѣтъ?

— Нѣтъ, не все равно! возразилъ Бандуровъ съ упрекомъ. Для меня это очень важно!

— Важно! вскричала Наденька съ громкимъ смѣхомъ. Ну, — такъ я вамъ, пожалуй, скажу: нѣтъ, не повѣрила бы.

— Отчего это?

— И это вамъ нужно знать?

— Даже очень нужно.

— Оттого, что я совершенно согласна съ мнѣніемъ Крушинскаго, что ваше лицо доказываетъ по-

стоянное веселье и душевное спокойствіе и что вы созданы веселиться, а не страдать.

— Какъ вы помните слова Крушинскаго ...

— Слова умнаго человѣка должно всегда помнить.

— Но Крушинскій, мнѣ кажется, вовсе не уменъ, а только такъ ... очень умничаетъ ...

— Тѣмъ хуже для васъ, что вы не умѣете понять и оцѣнить его ума.

Князь Бандуровъ обидѣлся-было, но подумалъ: она меня нарочно дразнитъ, испытываетъ — и продолжалъ:

— Но развѣ Крушинскій ужъ такого необыкновеннаго ума, что не можетъ ошибаться? Можетъ-быть, онъ ошибается во мнѣ?

— Въ такомъ случаѣ ошибаюсь и я ... Извините меня, но вы просили откровеннаго мнѣнія.

— Но почему же вы думаете, что я не могу любить страстно и вѣчно, когда я можетъ-быть уже люблю.

— Да я, право, ничего не думаю, князь. И признаюсь вамъ, для меня рѣшительно все равно: любите ли вы кого-нибудь и какъ вы любите ... И потому всего лучше прекратить этотъ разговоръ.

Наденька встала, чтобы уйти изъ залы.

— Но если это касается васъ? спросилъ князь съ рѣшимостью.

— Какъ меня?.. Наденька вспыхнула и нахмурилась.

— Да, я люблю васъ, больше жизни, больше ...

— Князь, вы забываетесь!.. проговорила Наденька строго, и краснѣя еще болѣе. Она пошла къ дверямъ.

— Но вы, можетъ-быть, не такъ меня поняли ... говорилъ Бандуровъ, преслѣдуя ее. Вы не дали мнѣ

договорить ... Я прошу васъ осчастливить меня ... я хочу просить вашей руки ... Надежда Ѳедоровна, ради Бога ...

Наденька вздрогнула, но показала видъ, что не слышитъ послѣднихъ словъ князя и вышла изъ залы. Князь нѣсколько секундъ оставался въ залѣ въ недоумѣніи и сконфуженный, но тотчасъ же разсудилъ такимъ образомъ: она покраснѣла, сконфузилась, когда я сталъ говорить о любви своей, слѣдовательно она меня любитъ; но она думала, что я только такъ ... не стану дѣлать предложенія и оттого разсердилась ... Надо было прямо сдѣлать предложеніе ... Пошлю Добраго ... Это разсужденіе успокоило его.

Наденька, съ быстротою соображенія дѣвушки и влюбленной, въ минуту догадалась, что̀ ей нужно дѣлать. Она отыскала тетку и вызвала ее въ свою комнату.

— Ma tante, зачѣмъ меня оставляютъ одну съ этимъ невѣжей, Бандуровымъ?

— Что онъ такое сдѣлалъ?

— Сталъ говорить пошлыя любезности, даже признаваться въ любви ...

— Неужели?

— Да ... Я буду жаловаться папашѣ и попрошу его, чтобы ему отказали отъ дома ...

— Ну, полно, мой ангелъ, стоитъ ли возмущаться подобными пустяками!.. какъ ты еще молода и не опытна!.. Всѣ молодые люди позволяютъ себѣ это ...

— Да что же, ma tante, развѣ я дала ему право на такое обращеніе ...

— Но, можетъ быть, онъ хотѣлъ сдѣлать тебѣ предложеніе?..

— Предложеніе?.. Да я за одинъ этотъ поступокъ не пойду за него, какъ бы онъ мнѣ ни нравился.

— Ну, полно, полно, моя душа! Нынче ужъ не то время, когда молодые люди не смѣли говорить о любви ...

— Я по-крайнѣй-мѣрѣ никогда не позволю съ собой подобнаго обращенія и непремѣнно все разскажу папашѣ ...

— Ну, послушай же меня: твоя скромность и стыдливость очень меня радуютъ и заставляютъ меня гордиться тобой, какъ своей воспитанницей ... Я вижу, что ты приняла мои правила и мои совѣты, но послушайся меня: молодой человѣкъ не такъ виноватъ, какъ тебѣ кажется; нынче весь свѣтъ испорченъ, а особенно молодые люди; ты прекрасно сдѣлала, что не повѣрила его признаніямъ и не вѣрь никогда, никому, пока не убѣдишься въ искренности чувствъ годами испытаній; но тебѣ еще придется много разъ слышать подобныя признанія — и что же ты за смѣшную роль станешь играть и въ какое положеніе поставишь отца, если будешь жаловаться ему на каждаго молодого человѣка, который станетъ говорить тебѣ любезности? Молодые люди очень влюбчивы, хотя любовь ихъ такъ же скоро проходитъ, какъ скоро является; а ты такъ хороша и неопытна, что никакой молодой человѣкъ не откажется поволочиться за тобой съ надеждой увлечь твое сердце, слѣдовательно отецъ твой будетъ поставленъ въ необходимость отказывать отъ дома всѣмъ молодымъ людямъ? По-крайней-мѣрѣ будь въ томъ увѣрена, что если ты не станешь вѣрить любви на-слово, и на пустыя клятвы и увѣренія будешь отвѣчать равнодушно и холодно, то молодые люди поймутъ, что тебя нельзя обмануть и не во-

зобновятъ своихъ любезностей. Будь увѣрена, что и князь Бандуровъ въ другой разъ не позволитъ себѣ никакихъ признаній, а будетъ твоимъ молчаливымъ вздыхателемъ или сдѣлаетъ предложеніе, если имѣетъ намѣреніе ...

— Да я не пойду за него послѣ его дерзкой выходки: онъ воображаетъ, что всякая дѣвица должна влюбиться въ него съ перваго взгляда; а я не позволю такъ думать о себѣ ...

— Да это все прекрасно и я не сватаю тебя за него, а только говорю къ тому, что тебѣ не слѣдуетъ жаловаться отцу, а тѣмъ больше вести себя какъ-нибудь неприлично съ княземъ.

— Ma tante, я послушаю васъ: не стану говорить папа, а какъ-же мнѣ держать себя съ княземъ послѣ этого?

— Всего лучше такъ, какъ-будто между вами ничего не было: свободно и непринужденно ...

— А, если онъ, ma tante, вообразитъ, что я заинтересована имъ и позволитъ себѣ опять то же?

— Вотъ видишь-ли: если ты приняла его любезности холодно и насмѣшливо, или строго, то онъ не осмѣлится возобновить ихъ, и если ты будешь послѣ того держать себя съ нимъ любезно и привѣтливо, какъ всегда, это будетъ въ тебѣ признакомъ de grand ton et savoir-vivre; если-же ты примешь на себя послѣ этого видъ оскорбленной невинности, это будетъ въ высшей степени провинціализмъ и plus mauvais genre ... Слѣдовательно самое лучшее: какъ ни въ чемъ не бывало.

— Merci, ma tante, я послѣдую вашему совѣту.

— Отъ твоего ума и воспитанія ничего другого и ожидать нельзя.

Затѣмъ Клеопатра Петровна съ достоинствомъ

наставницы, довольной своей ученицей, поцѣловала Наденьку. Но она имѣла еще большее удовольствіе видѣть, что племянница не только слушаетъ, но и исполняетъ ея совѣты: въ самомъ дѣлѣ она держала себя съ княземъ такъ мило и непринужденно, что онъ уѣхалъ отъ Коркиныхъ совершенно убѣжденный въ томъ, что Наденька влюблена въ него, что онъ не такъ повелъ дѣло и что надо послать Добраго.

Съ этой послѣдней мыслью, Бандуровъ приказалъ везти себя прямо къ капитану, который послѣ извѣстной читателю размолвки очевидно сердился на князя, потому что не былъ у него въ теченіе нѣсколькихъ дней и почти никуда не выходилъ изъ дому.

Квартира Добраго была очень не великолѣпна и состояла ни больше ни меньше, какъ изъ двухъ комнатъ, изъ которыхъ первая служила прихожей и помѣщеніемъ деньщика, говорившаго съ полнымъ убѣжденіемъ, что нѣтъ на свѣтѣ жизни лучше его и человѣка добрѣе капитана, а другая представляла въ себѣ гостиную, залу, кабинетъ и спальню самаго хозяина. Въ этой послѣдней находился столъ, на которомъ капитанъ обѣдалъ, пилъ чай и писалъ, если случалась въ томъ необходимость, — нѣсколько, но очень не много стульевъ, кровать съ совершенно-каменнымъ тюфякомъ и такой же подушкой, полдюжины черешневыхъ чубуковъ съ трубками, кисетъ съ табакомъ, шитый бисеромъ и страшно поношенный, можетъ-быть, памятникъ молодости капитана, каска его, полусабля, сводъ военныхъ постановленій, чемоданъ и погребецъ. По стѣнамъ вы-

сѣли: двухствольное охотничье ружье, патронташъ съ ягташемъ, черкесская шашка и, вѣроятно, позабытая хозяиномъ дома картина, изображавшая полуобнаженную женщину, на которую, мы увѣрены, скромный капитанъ никогда не смотрѣлъ, но которая, тѣмъ не менѣе, служила поводомъ разныхъ шутокъ на счетъ капитана со стороны его товарищей, изрѣдка его навѣщавшихъ, такъ-что въ послѣднее время Добраго счелъ за лучшее прикрывать картину патронташемъ, который онъ вѣшалъ на одинъ гвоздь съ изображеніемъ полуобнаженной женщины. Капитанъ имѣлъ очень скромныя привычки, или лучше сказать, не имѣлъ ихъ вовсе, кромѣ привычки курить табакъ и непремѣнно производства Василья Жукова: сигаръ, новѣйшаго происхожденія папиросъ и всякаго другого рода табака онъ не любилъ, говоря, что въ немъ нѣтъ никакой пріятности. Затѣмъ для капитана было все равно: жить въ большомъ просторномъ домѣ, или въ маленькой тѣсной комнатѣ, имѣть хорошій, разнообразный, столъ или питаться безсмѣнно щами и кашей (послѣдніе онъ еще предпочиталъ), пить чай или вовсе не имѣть его, спать на матрасѣ или на соломѣ; правда, любилъ онъ выпить передъ обѣдомъ рюмку водки и никогда не отказывался отъ бутылки редереру, распитой въ пріятельской компаніи, но и они не составляли для него необходимости. Предметами привязанности Добраго, кромѣ князя Бандурова были: его деньщикъ Петръ Аристарховъ, лягавая собака, неразлучный его спутникъ въ походахъ и вѣрный сторожъ, Камрадъ, да двухствольное ружье, которымъ онъ дорожилъ, какъ зеницей ока. Другихъ сердечныхъ исключительныхъ склонностей Добраго не имѣлъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время.

Дѣятельный и исправный по службѣ, онъ любилъ общество, гдѣ хотя и не былъ пріятнымъ собесѣдникомъ, но никому не мѣшалъ, а потому рѣдко бывалъ дома; когда же это случалось, проводилъ скучные часы одиночества въ чтеніи Свода военныхъ постановленій, который зналъ почти наизустъ или другой какой-либо книги, если она случалась подъ рукою, въ хожденіи по комнатѣ, насвистываніи какихъ-то мало-извѣстныхъ мотивовъ. Послѣдними двумя предметами онъ занимался и теперь, когда къ нему вдругъ, совершенно неожиданно, вошелъ князь Бандуровъ.

Добраго былъ нѣсколько изумленъ и въ то же время обрадованъ неожиданнымъ посѣщеніемъ своего любимца, но лицо его не выразило никакого особеннаго чувства.

— Здравствуй, Добраго.

— А ... гм ... Здравствуй!

— Ты на на меня сердишься?.. ну, полно, перестань ... я тогда сгоряча ... Ну, что за вздоръ! извини меня.

Лицо Добраго просіяло.

— Я ... ничего ... ты меня точно обидѣлъ ... да гм ... ну, ничего!.. теперь ничего ...

— А я оттуда ...

— Откуда? гм ... хочешь трубку?

— Дай, братъ, дай!... я, вѣдь, прямо къ тебѣ отъ нихъ, отъ Коркиныхъ .. Ну, что, Добраго, вѣдь, дѣлалъ предложеніе ...

— Дѣлалъ?.. ну, что же?.. гм ...

— Да что, братъ?.. дѣло-то идетъ отлично: она меня любитъ, безъ памяти — это я вижу ... только не такъ началъ ... я, знаешь, объ любви, о страсти ... ну, знаешь?.. она и обидѣлась ...

Ахъ, что это за сокровище, Добраго?.. я не знаю что это за дѣвушка!.. вотъ нравственность! вотъ жена!.. Я, Добраго, просто съ ума схожу ...

— Ну ... гм ...

— Ну, она, знаешь, сконфузилась, какъ-будто обидѣлась ... Думала, что я такъ ... ну, понимаешь ... я было сейчасъ предложеніе: и слушать не могла, такъ сконфузилась, что ушла ... Я ужъ, признаться, подумалъ, что не испортилъ-ли совсѣмъ дѣла, только она, знаешь, оправилась тамъ, собралась съ духомъ, выходитъ: и совершенно по прежнему, еще ласковѣе стала ... Добраго, ты долженъ съѣздить, сдѣлать предложеніе отъ меня, а то я съ ума сойду, клянусь тебѣ, сойду съ ума ... Я жить безъ нея не могу ... Это моя планета, моя звѣзда ... Я, знаешь, Добраго, что хотѣлъ сдѣлать?.. при всѣхъ броситься на колѣни и просить ея руки ... Ну, ты разсуди, что это за дѣвушка! какова нравственность! вѣдь, ужъ видно, что любитъ; если бы не любила, не сконфузилась бы, или пожаловалась бы отцу и стала бы обходиться со мной холодно послѣ того, какъ я объяснился, а она ничего — еще ласковѣе стала. То есть, прямо, хотѣла показать: я тебя люблю, но не говори мнѣ о любви, пока не сдѣлаешь предложенія ...

— А, можетъ, она отъ того ... гм ... отъ кокетства ...

— Ахъ, Добраго, развѣ я не знаю, развѣ она похожа на кокетку ... Ну, да если бы она хотѣла кокетничать со мной, она бы тутъ же, когда я объяснялся, показала бы видъ, что не понимаетъ меня, или бы тоже притворилась, что неравнодушна ко мнѣ, начала бы хитрить, сбивать со словъ; а она тотчасъ, какъ я сказалъ ей это, сконфузилась

до того, что не могла ничего говорить и убѣжала ... Развѣ я не знаю? Я, вѣдь, ужъ привыкъ: знаю всѣ эти фокусы ... Ну, и отецъ и мать такъ со мной любезны, даже ухаживаютъ ... Нѣтъ, Добраго, нѣтъ! Кончено: жениться и остепениться .. Прочь всѣ забавы, прочь всѣ утѣхи.

Радости, смѣхи ...
Для нея, для нея
Я на свѣтѣ живу ...

Вотъ какъ, Добраго: въ поэты пустился! ... я такъ счастливъ сегодня, такъ счастливъ ... я убѣдился, что она любитъ меня и что она дѣвушка ... дѣвушка съ высокой нравственностью ... Ну, Добраго, если любишь меня, съѣзди къ нимъ сдѣлать предложеніе ...

— Да я съѣзжу ... гм. ... только бы письмо ... гм. ... отъ матушки ...

— Да ну, привязался къ письму ... Матушка, вѣдь, ужъ не откажетъ: я навѣрно знаю ... Да и письмо скоро должно придти ...

— Ну, тогда тотчасъ ... А лучше бы подождать ...

— Нѣтъ, ужъ ты мнѣ этого и не говори ... Я ждать рѣшительно не могу ... Понимаешь ты, что вотъ она тутъ, тутъ, въ моемъ сердцѣ ... Она сосетъ меня каждую минуту ... Знаешь, что̀ я тебѣ скажу: если она ... чего, конечно, быть не можетъ ... Но если такъ случится, что родители откажутъ, я ее силой увезу ... я тебѣ даю честное слово ... ты не знаешь какъ я страдаю эти дни ... даже товарищи замѣтили, ужъ спрашивали: что такое значитъ ...

— Это такъ ... это, можетъ-быть, пройдетъ ...

— Ну, нѣтъ, Добраго, не пройдетъ: я не такой человѣкъ, я себя знаю ... Я рѣшился — и кончено! ... Да что объ этомъ толковать: его сіятельство, князь Бандуровъ женится, и заживетъ! ... А если, Добраго, ты будешь помогать мнѣ въ этомъ, въ такомъ случаѣ я приглашаю тебя крестить перваго моего сына — слышишь?

Добраго весело улыбнулся.

— Ну, за это спасибо! ... сказалъ онъ.

Но, впрочемъ, все-таки отказался сватать Бандурова безъ согласія его матери. Такимъ-образомъ князю оставалось только ожидать вожделѣннаго письма.

VI.

Уѣздное общество веселилось и вело жизнь праздничную. Святки давно прошли, но собранія не прекратились: предположено было продолжать ихъ до масляницы, но собираться только одинъ разъ въ недѣлю — по воскресеньямъ, на масляницѣ же снова открыть каждодневные вечера. Общество было оживлено, душа настроена на веселый ладъ, умъ сосредоточенъ на сочиненіи новыхъ уборовъ и платьевъ, даже торговля уѣзднаго городка поднялась отъ безпрестанной потребности то въ ленточкахъ, то въ тюлѣ, то въ шолкѣ, то въ булавкахъ: одинъ купецъ, хозяинъ галантерейной лавки, говорятъ, поправилъ въ это время свои дѣла и возстановилъ упадавшій кредитъ, выписавши изъ губернскаго города нѣсколько дюжинъ бѣлыхъ лайковыхъ перчатокъ, духовъ и помады (на которыя была особенно-усиленная потребность) и распродавши ихъ весьма быстро и по дорогой цѣнѣ; сапожный и башмачный мастера

торжествовали; уѣздныя барышни цвѣли, какъ маковъ цвѣтъ, среди бѣлоснѣжной и морозной русской зимы: сердца ихъ прыгали вмѣстѣ съ ножками подъ веселые звуки полекъ и вальсовъ. Но что было за-дѣло бѣдной Катенькѣ до этого всеобщаго сживленія, когда ея сердце, такое маленькое, слабое, нѣжное сердце страдало ревностью и печалью отъ измѣны вѣроломнаго? Не лучше ли было бы для нея, чтобы скорѣе прошло это веселое время и наступили тихіе и унылые дни великаго поста! ... нѣтъ, нѣтъ, она никому не хотѣла показывать свое раздираемое тоскою сердце, она, можетъ-быть, лила горькія слезы, но одна, втайнѣ отъ постороннихъ взоровъ, она не хотѣла дать новаго торжества измѣннику своею печалью, скрывала ее въ глубинѣ души своей, — и являлась въ собранія и встрѣчала гостей у себя на вечерахъ, попрежнему: все такая же полная, розовая, веселая, улыбающаяся, опасная для всякаго нѣжнаго сердца. Къ несчастью, она не имѣла удовольствія показать публично свое презрѣніе къ счастливой соперницѣ: Наденька, не находившая никакого удовольствія въ танцахъ, послѣ объясненія съ Крушинскимъ, не ѣздила въ собраніе ... Но и это къ лучшему: Катенька была царицей вечеровъ, она истощила всеобщее вниманіе, на ней сосредоточивались надежды всѣхъ молодыхъ людей, она была ангажирована еще наканунѣ на всѣ французскія кадрили, ея слабая память была причиною споровъ и даже ссоръ кавалеровъ за право танцовать съ нею третью, или четвертую кадриль ... Катенька веселилась до самозабвенія, танцовала до обмороку, кокетничала напропалую, сокрушила недоступное до той поры сердце Мармаровскаго, все на зло ему, ему — коварному ... и только из-

рѣдка, только нечаянно, или невольно останавливался ея взоръ, томный, печальный и страстный на князѣ. Но когда онъ, замѣтя этотъ нечаянный или невольный взглядъ, подходилъ къ ней просить на какой-нибудь танецъ, вся гордость оскорбленнаго достоинства возвращалась въ сердце Катеньки и она отказывала ему ... А онъ, о, дерзкій и самонадѣянный! онъ отходилъ съ насмѣшливой улыбкой и любезничалъ съ другою ... Нѣтъ, нѣтъ, не надо и этихъ нечаянныхъ взглядовъ, надо строже наблюдать за собою, надо показать ему, что онъ презрѣнъ, забыть, что выборъ сдѣланъ, что Мармаровскимъ интересуются исключительно, Мармаровскимъ, потому-что онъ умнѣе и образованнѣе его и что красота ни во что не ставится ...

Съ такими-то убѣжденіями дѣйствовала Катенька въ послѣднее время, съ такими-то мыслями и намѣреніями ѣхала она въ воскресное собраніе, первое послѣ извѣстнаго намъ объясненія Бандурова съ Наденькой ..

Увы, Мармаровскій! Разочарованное сердце его, чувствуя безнадежность любви къ Наденькѣ страдало сильно, но не долго и ожило, очаровавшись Катенькою, которая была болѣе доступна, подавала болѣе надежды на взаимность. Въ собраніи онъ почти не отходилъ отъ Катеньки и танцовалъ исключительно съ нею одной; когда же она была ангажирована кѣмъ-либо другимъ, Мармаровскій удалялся въ буфетъ или бесѣдовалъ съ Татьяной Ивановной, которая была, какъ видно, очень расположена къ нему. Катенькѣ, слѣдовательно, оставалось только отвѣчая Мармаровскому вниманіемъ, показать совершенное презрѣніе и равнодушіе къ князю. Она отлично выдержала задуманную роль и достигла цѣли.

Князь Бандуровъ сначала посмѣивался на невниманіе Катеньки, потомъ ему становилось досадно, что она излишне внимательна къ Мармаровскому, который казался очень обиднымъ и ничтожнымъ соперникомъ, наконецъ, онъ не выдержалъ и подошелъ ангажировать ее на вальсъ.

— Благодарю васъ: я устала! отвѣчала Катенька небрежно и отвернулась отъ князя съ улыбкою къ Марморовскому, который сидѣлъ съ нею рядомъ.

— Ого? подумалъ Бандуровъ. А вотъ посмотримъ! ...

—А на слѣдующую французскую кадриль вы не ангажированы? спросилъ онъ вслухъ, садясь по другую сторону ея.

— Нѣтъ, ангажирована.

— А на слѣдующую ... это, кажется, будетъ четвертая.

— Ангажирована на всѣ ...

— Какъ вы нынче много танцуете! замѣтилъ Бандуровъ.

— Какъ всегда! ... Я, кажется, не привыкла сидѣть во время танцовъ.

— Да, я знаю: у васъ такъ много кавалеровъ, считающихъ за счастье танцовать съ вами.

— Что жъ изъ этого?

— Ничего-съ.

— Я думаю, что ничего! подтвердила Катенька съ колкимъ смѣхомъ. Мармаровскій взглянулъ на нее страстнымъ торжествующимъ взглядомъ и потомъ улыбнулся насмѣшливо.

— Вы нынче такъ устаете, танцуя съ нѣкоторыми, что отказываете другимъ! продолжалъ князь.

— Я танцую сколько хочу и съ кѣмъ хочу!

— Вотъ какъ она нынче поговариваетъ! съ досадой подумалъ князь: надо ее проучить за это.

— Какъ мы давно не видались съ вами! — сказалъ онъ вслухъ.

— Я не помню, право, когда васъ видѣла въ послѣдній разъ ... Но вы, кажется, рѣдко бываете въ городѣ.

— Да, я часто ѣзжу за городъ, къ Коркинымъ.

— Что же? вѣроятно, очень весело проводите у нихъ время? спросила она и глазки ея невольно блеснули досадой.

— О, да, чрезвычайно весело: mademoiselle Коркина такъ любезна.

— Ужъ не поете ли вы вмѣстѣ съ ней дуэтовъ? спросила она усмѣхнувшись. Мармаровскому такъ смѣшонъ показался этотъ вопросъ, что онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ помощи носового платка, чтобы не фыркнуть.

— Нѣтъ, но она для меня поетъ и играетъ: у нея такой восхитительный голосъ, она такая удивительная артистка.

Катенька замѣтно позеленѣла.

— И вы всегда бываете единственнымъ ея слушателемъ и собесѣдникомъ? сказала она съ колкостью.

— Да, я такъ счастливъ, что Надежда Ѳедоровна не отказываетъ мнѣ въ этомъ высокомъ удовольствіи.

— Но, когда васъ не бываетъ, она, вѣроятно, очень скучаетъ одна? ...

— Не знаю! ... можетъ-быть? ...

— Но неужели она никогда не говорила вамъ объ этомъ?

— Отчего же ей скучать? быстро спросилъ князь

Бандуровъ, надѣясь поставить Катеньку этимъ вопросомъ втупикъ.

— Ну, оттого, что ей не передъ кѣмъ показывать своихъ талантовъ! ... Катенька засмѣялась.

Мармаровскій закрылся носовымъ платкомъ.

— Чему вы смѣетесь? сцросилъ Бандуровъ съ досадою. Не я одинъ восхищаюсь ея игрой ... Вотъ, Мармаровскій тоже былъ отъ нея въ восторгѣ ...

Князь захохоталъ въ свою очередь.

— Я не только не былъ въ восторгѣ, но тотчасъ замѣтилъ, что она бездарная ... и только барабанитъ, безъ всякой души! возразилъ Мармаровскій, принимая свое обычное мрачное выраженіе лица.

— Да, да, вѣдь, я и забылъ, что тебѣ тогда сыграли погребальный маршъ ... Но, вѣдь, ты тогда былъ такой разочарованный ... Вотъ бы тебѣ теперь послушать, когда ты, кажется, снова очаровался!

И Бандуровъ опять залился веселымъ, но нѣсколько злобнымъ смѣхомъ.

Мармаровскій вспыхнулъ, нахмурился и не находилъ отвѣта.

— Послушай, Бандуровъ, сказалъ онъ наконецъ, собравшись съ духомъ, я не знаю, какъ можетъ человѣкъ развитой и ... и ... смѣяться такимъ безсмысленнымъ смѣхомъ ... и говорить такія слова, которыя ... которыя ... совершенно ничего не значатъ и ребяческія ...

— Что жъ, братецъ, ты не можешь запретить мнѣ говорить и смѣяться, когда я хочу ... А я говорю правду: мнѣ кажется, ты дѣйствительно очаровался ... Я, вѣдь, не говорю кѣмъ ...

— Но однако, послушай: и я могъ бы ска-

зать, что ты скитаешься по мрачнымъ пустынямъ Сахары, преслѣдуя какую-то неуловимую богиню.

Присутствіе Катеньки воодушевляло Мармаровскаго въ спорѣ и дѣлало его еще болѣе злымъ и и краснорѣчивымъ.

— Это изъ какой книги, Мармаровскій?

— Это онъ, онъ, его голосъ! думала Катенька, это онъ, остроумный и находчивый. Невольная улыбка мелькнула на ея устахъ.

Кровь вскипѣла въ Мармаровскомъ и прилила къ лицу отъ этой улыбки: неужели онъ уронитъ себя въ ея глазахъ и уступитъ — кому же? — князю Бандурову.

— Изъ той книги, князь, — отвѣчалъ онъ, которой ты никогда не читалъ и читать не умѣешь, изъ книги ума ... Не правда ли, ты кажется, ее въ глаза не видалъ? ...

Ничто не можетъ быть пріятнѣе для барышни (и не только провинціальной), какъ состязаніе двухъ молодыхъ людей ради нея и за нее.

Катенька испытывала это удовольствіе и улыбнулась не для того, чтобы показать свое сочувствіе этому отвѣту, но вообще отъ удовольствія. Но Бандуровъ оскорбился этой улыбкой и самолюбіе его было сильно поражено.

— Вѣрно, ты часто читаешь эту книгу, отвѣчалъ онъ Мармаровскому, и изъ нея научился обожать покинутыхъ и восхищаться тѣми, кто оставленъ безъ вниманія ...

Точно обожгли Катеньку эти слова Бандурова; она вздрогнула, покраснѣла, поблѣднѣла и въ первый еще разъ взглянула на князя съ рѣшительной ненавистью. Князь почувствовалъ, что сказалъ слишкомъ рѣзко, но не смутился: э, думалъ онъ; все это можно поправить, лишь бы поговорить наединѣ!

Ни онъ, ни она не слыхали отвѣта Мармаровскаго ... да и слушать было нечего: Мармаровскій тоже смутился отъ выходки князя и отвѣчалъ на нее какимъ то страннымъ наборомъ словъ.

— Вы, кажется, тоже принадлежите къ покинутымъ жертвамъ, выговорила наконецъ Катенька, пылая злобой, потому-что на васъ здѣсь не обращаютъ вниманія; а Коркиной нѣтъ здѣсь, чтобы утѣшить васъ ... Monsieur Мармаровскій хотите польку? ...

Мармаровскій встрепенулся, всталъ, подхватилъ Катеньку подъ руку и пустился полькировать, бросивши предварительно на Бандурова взглядъ, полный презрѣнія. Князь посмотрѣлъ нѣсколько секундъ на удалившуюся пару какъ-то неопредѣленно, но не безъ досады, потомъ всталъ съ мѣста, весело покручивая усы и мысленно повторяя: а очень нужно! она моя, она моя надежда! Впродолженіе этого вечера, проходя мимо Катеньки, или Мармаровскаго онъ смотрѣлъ на нихъ съ презрительной улыбкой.

Потерявши всякую надежду на возвращеніе сердца князя, пылая злобой и негодованіемъ, Катенька съ горя принялась любезничать съ Мармаровскимъ ... — Онъ умнѣе князя, думала она, онъ ни въ чемъ не уступитъ ему, и какъ краснорѣчивъ! Не хорошъ собой, но онъ такъ интересенъ, у него, вѣрно, есть какая нибудь тайна! ... Онъ такъ не любитъ женщинъ и, кажется, полюбилъ меня первую ... Онъ такой несчастный: его никто не умѣетъ понять и оцѣнить ... И только я одна понимаю его! ... А князь? ... о, какой онъ противный, неблагородный! онъ, пожалуй, въ состояніи показать кому-нибудь мои письма ... Говорить, что я имъ брошена, пренебрежена! О, Мармаровскій, по-крайней-мѣрѣ, поможетъ мнѣ отмстить ему и ей ...

Мазурку Катенька танцовала съ Мармаровскимъ.

— Какъ глупъ и дерзокъ этотъ князь, сказалъ Мармаровскій, посмотрите съ какой насмѣшкой онъ смотритъ на насъ!

— Онъ очень самонадѣянъ! проговорила Катенька, задыхаясь отъ злобы.

— Я не понимаю, на чемъ основывается его самонадѣянность: только развѣ на его розовой маскѣ ... Но, вѣдь, его лицо, право, совершенная маска безъ всякой мысли и выраженія ... Онъ такъ глупъ, такъ пустъ, что умная дѣвица можетъ заинтересоваться имъ развѣ только не надолго, пока не увидитъ и не убѣдится въ его нравственномъ и душевномъ ничтожествѣ .. Женщинѣ нужна красота внѣшняя, но мужчинѣ нуженъ внутренній огонь, эта сожигающая энергія, это могущество ... Не правда ли, Катерина Андревна?

— Конечно! ... Но этого дерзкаго князя нужно проучить хорошенько.

— Разумѣется, нужно проучить ... Хотите я его вызову на дуэль? ...

Воображенію Катеньки мысль о дуэли за нее — очень понравилась ... Она улыбнулась, задумалась, потомъ подняла глаза на Мармаровскаго.

— А если онъ убьетъ васъ?

— О, не безпокойтесь: онъ трусъ! гдѣ ему убить меня. А если и убьетъ ... Что же? Развѣ мнѣ жизнь дорога? Я десять разъ пожертвую ею, если вы только этого потребуете ... Я столько испыталъ въ жизни, что она мнѣ надоѣла ... И чего мнѣ жалѣть! Меня никто не любитъ ...

— Почемъ вы знаете? спросила Катенька, опуская глаза.

— О, я знаю! Да и скажите, прибавилъ онъ съ горечью: за что меня любить? я не имѣю красоты ...

Я имѣю только умъ, образованіе и пламенное, страстное сердце, способное къ вѣчной, неистощимой любви, а этого слишкомъ мало для женщины.

— Но вотъ, видите, что не всѣ же любятъ Бандурова и есть можетъ быть такія, которыя предпочитаютъ васъ за тѣ достоинства, которыми вы владѣете и которыхъ нѣтъ у него.

— О, меня могла бы понять и оцѣнить только такая необыкновенная женщина, какъ вы ... Но, я знаю, что ваше сердце не принадлежитъ мнѣ ... между тѣмъ какъ ... но что говорить? ... Позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, умереть за васъ: тогда я буду хоть утѣшенъ мыслью, что вы оплачете мою смерть, пожалѣете обо мнѣ и хоть изрѣдка вспомните, среди земного счастья, о томъ, который ... не вкусилъ на землѣ блаженства ... и умеръ, произнося ваше имя ...

— О, полноте, полноте! Мнѣ ужасно даже слышать о вашей смерти ...

— Но для чего моя жизнь? настаивалъ Мармаровскій съ мрачнымъ видомъ.

— Не говорите объ этомъ, ради Бога! ... Вы должны жить: можетъ-быть вы еще полюбите когонибудь ...

— Я люблю и теперь! едва слышно прошепталъ Мармаровскій съ глубокимъ вздохомъ.

— Можетъ-быть, и васъ полюбятъ ...

— Никогда.

— Почемъ вы знаете? ... Можетъ-быть, васъ уже и любятъ, только вы не можете отгадать кто ...

Мармаровскій устремилъ страстный, восторженный взглядъ на Катеньку: она стыдливо потупила свои очи.

— Но кто же это?

— Вы должны сами отгадать: вамъ не откроютъ пока не увидятъ доказательства вашей любви ...

— Но какія доказательства? жизнь моя, смерть моя, мой умъ, моя энергія, моя воля — все для той, которую я люблю, лишь бы только она могла вполовину любить меня. Но, если меня любитъ не та, которую я люблю, я не хочу ея любви.

— Но я не знаю кого вы любите! застѣнчиво пролепетала Катенька.

— Сказать вамъ?... Я люблю ту, которая такъ прелестна, такъ очаровательна, которой нѣтъ подобной на землѣ, которая мила, какъ пери, легка, какъ зефиръ, умна, какъ Жоржъ Сандъ, граціозна, какъ ... какъ нимфа, которую я полюбилъ съ перваго взгляда, но передъ которой я долженъ былъ скрывать свою любовь, потому-что ея сердце принадлежало другому, человѣку ничтожному, недостойному ея, котораго она, наконецъ, поняла и разлюбила, оттолкнула съ презрѣніемъ ... Вы отгадали кого я люблю?...

— Нѣтъ!... отвѣчала Катенька, не поднимая опущенныхъ глазъ.

— Нѣтъ, вы отгадали: я люблю ... люблю васъ!...

— Перестаньте!... я совсѣмъ не похожа на этотъ портретъ.

— Вы не похожи? вы?

— Ну, полноте, перестаньте! ... Мы говорили о томъ, что надо проучить князя ...

— Я готовъ: приказывайте. Я все сдѣлаю, что вы прикажете.

— Что бы съ нимъ сдѣлать? я не знаю, право!... Но не лучше ли наказать ту, которую онъ любитъ и которая, кажется, оскорбила васъ ... Но можетъ быть, вы сами не равнодушны къ ней: мнѣ кажется, тотъ портретъ больше похожъ на нее, нежели на меня ... Да, вы ее любите ...

— Ее? чтобы доказать вамъ, что я ненавижу ее я готовъ на все. Придумывайте: какое вы хотите доказательство, я все сдѣлаю.

— Вы даете слово?

— Честное слово.

— Хорошо, я подумаю.

— Я люблю ее? съ негодованіемъ повторялъ Мармаровскій. Развѣ она имѣетъ хоть каплю тѣхъ достоинствъ, которыя необходимы для женщины, способной воспламенить мое сердце ... Я презираю, ненавижу ее, какъ гордое, самоувѣренное и въ то же время ничтожное существо ...

— Мармаровскій, вамъ начинать: и то ужъ вы пропустили цѣлую фигуру! послышался насмѣшливый голосъ князя Бандурова.

Мармаровскій и Катенька вспыхнули и встрепенулись, но не забыли метнуть по свирѣпому взгляду на презрительно улыбающагося князя.

— Да, клянусь, я отмщу ему! прошепталъ Мармаровскій, танцуя съ Катенькой мазурку, и почувствовалъ самое легкое, едва слышное пожатіе руки ея.

Наконецъ, вечеръ кончился и посѣтители разъѣхались: дочки до усталости напрыгавшись, маменьки донельзя истомившись неподвижностью и досыта натолковавшись о томъ, отчего Коркины и Крушинскій не ѣздятъ въ собраніе. А отчего въ самомъ дѣлѣ? Да просто за просто оттого, рѣшилъ весь конклавъ сплетницъ, что матушкѣ гораздо свободнѣе сидѣть дома съ лекаремъ, а дочкѣ не съ кѣмъ выѣхать. Съ петербургской тетушкой? Но какъ это можно: поѣдетъ ли она въ наше общество простыхъ смертныхъ, провинціалокъ, довольно и того, что одинъ разъ пріѣхала посмотрѣть, чтобы послѣ посмѣяться въ Петербургѣ съ такими же, какъ сама,

пересудницами. А можетъ быть, вѣдь, отецъ и не довѣряетъ дочку-то петербургской тетушкѣ: знаетъ, что на нее не очень можно положиться ...

Мармаровскій не спалъ всю ночь, думая о Катенькѣ и о томъ какъ бы отмстить Бандурову и Коркиной и не могъ ничего придумать опредѣленнаго; но онъ остановился на мысли, что необходимо сообщить Катенькѣ свое подозрѣніе относительно любви Наденьки къ Крушинскому.

Съ этимъ намѣреніемъ онъ явился къ Хрящевымъ и, какъ только остался наединѣ съ Катенькой, тотчасъ передалъ ей свои подозрѣнія. Онъ не ожидалъ, чтобы эта новость произвела на нее такое сильное впечатлѣніе. Катенька едва не вспрыгнула отъ радости.

— Вы увѣрены въ этомъ?

— Совершенно увѣренъ, и кажется, не ошибаюсь.

Онъ передалъ свои наблюденія.

— Слѣдовательно, она его дурачитъ?

— Кого?

— Ну, князя?

— Конечно!

— Это чудесно!... Но, что же мы сдѣлаемъ?

— Я еще ничего не могъ придумать; но по-моему, мстить врагу не значитъ наказать его одинъ разъ, а вредить ему всю жизнь, на каждомъ шагу, всѣми возможными средствами. И такъ, мы на первое время распустимъ по городу слухъ объ этой связи, тогда Коркина упадетъ въ общественномъ мнѣніи, а надъ княземъ будутъ смѣяться, какъ надъ обманутымъ любовникомъ.

— Но что значитъ для нея общественное мнѣніе, когда она можетъ быть имъ не дорожитъ?... При томъ, знаете ли вы, что князь хотѣлъ дѣлать ей предложеніе?

— Неужели?

— Да, и ужъ писалъ къ матери, просилъ позволенія жениться ... Можетъ-быть они ужъ и помолвлены! прибавила Катенька, поблѣднѣвъ.

— Такъ что же? это будетъ самое лучшее для него наказаніе, когда онъ женится на дѣвушкѣ, потерявшей репутацію, и когда на жену его будутъ указывать пальцами ...

— Э, полноте! Вы пустяки говорите! Не надо, чтобы онъ женился на ней, надо чтобы онъ узналъ объ ея связи съ Крушинскимъ, надо, чтобы отецъ ея узналъ объ этомъ, надо, чтобы князю отказали — вотъ что надо сдѣлать.

— Но какъ же все это сдѣлать?

— Погодите: я сама не знаю. Надо объ этомъ открытіи сказать мамашѣ. А, Надежда Ѳедоровна, очаровательное неземное существо!... Лекарь, семинаристъ — вотъ кто вашъ возлюбленный!... А—ахъ, гордячка, злая, гадкая!... Съ однимъ любезничаетъ, за другаго замужъ идетъ, оттого, что хорошъ собой, богатъ, — князь ... Послушайте: я не знаю какъ это сдѣлать, но нужно сдѣлать то, что я говорю, непремѣнно нужно, чтобы все вверхъ дномъ перевернуть, чтобы отмстить ей, растерзать ее, растоптать ногами и доказать князю, что она его обманывала, дурачила, осмѣяла, что только я одна...

Катенька остановилась во время, а то бы могла сказать что-нибудь такое, что ослабило бы вѣру Мармаровскаго въ любовь ея къ нему, ради которой онъ готовъ былъ вредить людямъ, самъ не зная за что.

— Теперь я не знаю еще что будетъ, но пока вотъ что надо сдѣлать: разскажите вашимъ товарищамъ про ея связь и подговорите кого-нибудь

сдѣлать ей оскорбленіе публично такое, чтобы ей больно было, очень больно, и придраться нельзя было. Хоть вотъ такъ: я попрошу мамашу сдѣлать балъ и пригласить ихъ; они пріѣдутъ: и чтобы никто ее не ангажировалъ, а если будутъ ангажировать, такъ чтобы только приглашали танцовать, а потомъ не шли, какъ-будто позабыли, или чтобы дурачились танцуя съ ней: вотъ что-нибудь въ этомъ родѣ, чтобы я хоть посмотрѣла, какъ она станетъ бѣситься ... Но это еще только начало, это только одна проба: послѣ, послѣ будетъ настоящее мщеніе. Я это все придумаю хорошенько, устрою: вы пока распустите этотъ слухъ объ ней и скажите мнѣ, что станутъ говорить ваши товарищи ... О, неземное существо! Да ты очень земная! ...

Катенька была сильно взволнована и горѣла нетерпѣніемъ остаться поскорѣе наединѣ съ матерью, чтобъ поговорить о такомъ важномъ предметѣ. Мармаровскій не могъ дождаться отъ нея ни ласковаго слова, ни намека на любовь.

— О, какая сильная, могучая, байроновская натура, эта Катенька! Она вся поглощается одной страстью, и забываетъ все остальное, весь міръ. Эту женщину можно любить: ее сталъ бы любить и великій поэтъ.

Такъ думалъ Мармаровскій, уходя отъ Хрящевыхъ.

— Мамаша, мамаша, какое удивительное открытіе сообщилъ мнѣ Мармаровскій! воскликнула Катенька въ первую минуту, какъ осталась глазъ на глазъ съ Татьяной Ивановной.

— Что, что такое? спросила послѣдняя съ быстротою и живостью, не совсѣмъ приличными достоинству матери семейства и почтеннѣйшему, если не главному члену уѣзднаго общества.

Катенька съ поспѣшностью удовлетворила любопытство своей мамаши. На лицѣ Татьяны Ивановны мгновенно выразилось недоумѣніе, вслѣдъ за нимъ торжество, доходящее почти до восторга, далѣе на этомъ лицѣ изобразилось важное спокойствіе чистой совѣсти и сознанія собственнаго достоинства, наконецъ всѣ черты его приняли выраженіе совершеннаго призрѣнія ... и даже грустнаго убѣжденія въ людскомъ ничтожествѣ.

— Я это предвидѣла, я это подозрѣвала! — говорила Татьяна Ивановна съ важностью и грустью, покачивая головою.

— Мамаша, надо ее уничтожить, надо, чтобы не только весь городъ, но и отецъ, и мать ея, узнали объ этой связи ...

Катенька говорила съ неприличною запальчивостью, которую могла оправдать развѣ только страшная буря страстей, шумѣвшая въ ея маленькомъ сердечкѣ; но строгая Татьяна Ивановна не хотѣла оправдать этой немножко странной выходки дочери.

— Кетти, — замѣтила она дочери съ легкимъ упрекомъ: тебѣ неприлично объ этомъ говорить.

— Но, мамаша, возразила Катенька, — вы не знаете, что она со мной сдѣлала: развѣ вы не помните какъ она драла носъ, когда мы были у нихъ, она не велѣла князю ѣздить къ намъ, она вооружила его противъ насъ и, наконецъ, научила его сказать мнѣ вчера при Мармаровскомъ, что я ... (Катенька вспыхнула) что я ... я ... (Катенька позеленѣла) покинутая, презрѣнная жертва ... (горькія ядовитыя слезы потекли изъ глазъ Катеньки и горькими рыданіями разрѣшилось душевное страданіе).

— Какъ, онъ это сказалъ? спросила Татьяна Ивановна тихо и сквозь зубы, между-тѣмъ какъ

глаза ея блистали зловѣщимъ огнемъ, а лицо покрылось блѣдностью, сквозь которую скоро выступили багровыя пятна.

— Да, мамаша, онъ сказалъ это! — проговорила Катенька голосомъ, прерывающимся отъ рыданій.

— Каковъ! сказала Татьяна Ивановна съ такимъ величественнымъ выраженіемъ, которое напоминало древнихъ великихъ женщинъ ... Татьяна Ивановна ополчалась на брань.

— Перестань, Катя, не плачь: положись на меня! ... я не позволю тебя оскорблять, никому не позволю.

— Мамаша, я объ чемъ хочу просить васъ, начала Катенька, вытирая глаза.

— О чемъ, мой ангелъ?

— Сдѣлайте, маменька, балъ, удивите ихъ всѣхъ; докажите, что вы никому не уступите, что вы первые всегда доставляете удовольствіе ...

— На той же недѣлѣ! рѣшительно отвѣчала Татьяна Ивановна.

— И ихъ пригласите, мамаша ... Чтобы непремѣнно пріѣхали ...

Татьяна Ивановна быстро взглянула на дочь ... и мгновенно отгадала ея намѣреніе.

— Мармаровскій не любитъ ее? спросила она.

— Ненавидитъ отъ всей души! ...

Больше ничего не спрашивала Татьяна Ивановна: вѣрно или нѣтъ поняла она намѣреніе дочери, но видѣла, что она задумала что-то, что не противорѣчить ея собственнымъ планамъ и о чемъ не должно требовать признанія отъ дочери, чтобы не уронить достоинства матери ... Притомъ подробности она всегда могла узнать отъ Мармаровскаго и со-

дѣйствовать словомъ и дѣломъ, если ея помощь потребуется ... Удивительно тонкое соображеніе у Татьяны Ивановны! Великое дѣло: кровныя узы, единство крови, столько способствующія взаимной любви, взаимному пониманію! ...

VII.

— Добраго, получилъ, получилъ! ... радостно кричалъ князь Бандуровъ, встрѣчая капитана еще на порогѣ изъ прихожей въ залу, и подавая ему листъ почтовой бумаги: на, читай! ...

— Да погоди ... гм ... давай вотъ ... трубку бы.

— Эй, трубку! закричалъ князь своему деньщику, да никого не принимать; слышишь? ... Ну, пойдемъ же въ кабинетъ, Добраго, да читай скорѣе ...

Но Добраго не спѣшилъ: онъ сначала закурилъ трубку, потомъ усѣлся въ кресла и тогда уже приступилъ къ чтенію слѣдующаго письма:

Безцѣнный мой сынъ, князь Владиміръ!

„Какъ пріятно мнѣ было въ преклонности лѣтъ моихъ жизни получить отъ тебя драгоцѣнное твое письмо съ радостнымъ извѣстіемъ о твоей судьбѣ. Это было завѣтное желаніе души моей: видѣть твое счастье, если Богъ благословитъ тебя приличной партіей. Ты описываешь ее, что она красавица, знатной фамиліи и что за ней даютъ тысячу душъ ...

Добраго остановился и взглянулъ на Бандурова.

— Ну, я тутъ, знаешь, немного ... для красоты слога! замѣтилъ князь, отгадавши мысль капитана. Это все равно: дадутъ пятьсотъ ... да иныя и пятьсотъ стоятъ двухъ тысячъ ... знаешь ...

— Это ... гм ... ничего еще неизвѣстно!

— Ну, какъ неизвѣстно: ты знаешь ихъ состояніе ... Да это все пустяки, не въ томъ дѣло: читай дальше!

Добраго продолжалъ:

„Тысячу душъ и сто тысячъ серебромъ деньгами ...“ Добраго опять остановился.

— Эхъ, Добраго, ну что еще? что̀ останавливаешься? Я говорю тебѣ, что это такъ ... всегда такъ пишутъ. Читай же скорѣе ...

Капитанъ продолжалъ:

„... деньгами ... хотя я по опытно́сти жизни знаю, что всегда обѣщаютъ больше, нежели даютъ потомъ, но какъ ты описываешь ихъ, то они должны быть люди очень богатые и во всякомъ случаѣ не обманутъ тебя — притомъ у нихъ одинъ сынъ ...

Вотъ видишь! замѣтилъ Бандуровъ.

„... это очень приличная партія для тебя, которой ты и заслуживаешь вполнѣ своимъ званіемъ и воспитаніемъ ... Я была увѣрена въ тебѣ, что ты не унизишь нашъ родъ своимъ выборомъ и обрадуешь меня на закатѣ дней моихъ жизни. Благословляю тебя во всѣхъ твоихъ добрыхъ желаніяхъ и намѣреніяхъ. Душевно бы желала быть на твоей свадьбѣ и порадоваться твоему счастью, но болѣзнь не позволяетъ рѣшиться мнѣ на такой дальній путь. Ты пишешь, что свадьба будетъ скоро и просишь прислать ...

— Ну это ... такъ! сказалъ Бандуровъ и вырвалъ письмо изъ рукъ Добраго, не давши ему дочитать до конца, а конецъ письма былъ вотъ какой:

„Ты пишешь, что свадьба будетъ скоро и просишь прислать денегъ: двѣ тысячи рублей серебромъ. Я въ сильномъ огорченіи, что не могу исполнить всей твоей просьбы: наши хозяйственныя

дѣла идутъ очень плохо и я едва могла съ большими хлопотами занять три тысячи пятьсотъ рублей ассигнаціями подъ большіе проценты, которые тебѣ и посылаю, а остальную тысячу серебромъ пришлю, какъ только успѣю гдѣ-нибудь занять, а не то ужъ продамъ весь хлѣбъ и все лишнее изъ лошадей и скота. Надо будетъ продать Олониху: покупатель есть, да даетъ очень дешево, видитъ что нужда, а деревня хорошая, жаль; а дѣлать нечего: надо будетъ продать. Можно бы отложить свадьбу, хоть не надолго, чтобы собраться съ силами, но я не хочу лишать тебя счастья. Да и то сказать: имѣніе твое, распоряжайся, какъ хочешь, только бы далъ Богъ устроиться тебѣ, а ты по своей сыновней любви и преданности меня не оставишь въ преклонности лѣтъ моихъ. Старайся, чтобы свадьба была прилична твоему званію, не жалѣй ничего; жениться одинъ разъ, не надо себя ронять. Впрочемъ при пожеланіи тебѣ полнаго здоровья, посылаю тебѣ мое благословеніе и остаюсь твоя любящая мать княгиня Вѣра."

— Ну, что ты теперь скажешь? говорилъ — князь Бандуровъ, спрятавши письмо матери и смотря съ торжествомъ на Добраго. Что не вѣрилъ? что бранился и ссорился? Видишь: полное и рѣшительное согласіе ...

— Теперь вижу ... гм ...

— Ну такъ слѣдовательно дѣло кончено: ты сейчасъ же долженъ отправиться съ предложеніемъ. Довольно ужъ я помучился, потерпѣлъ ... Изволь-ка снаряжаться, да и въ путь: лошади готовы, я ужъ нанялъ тройку, свои самому нужны.

Лицо Добраго выражало безпокойство.

— Ну, что еще? нетерпѣливо спросилъ князь.

— Не поздно ли ужъ сегодня? не лучше ли завтра?

— Что же это такое, Добраго? вѣдь, это низость: далъ слово и теперь на поъятный дворъ.

— Да я ... нѣтъ! гм ... я поѣду, только ...

— Ну, что, только? совсѣмъ не поздно: еще только 12 часовъ, мы еще успѣемъ распить бутылочку шампанскаго за успѣхъ .,.

— Нѣтъ, нѣтъ ... я не стану теперь ...

— Отчего это? ... Не бойся, не опьянѣешь, еще храбрѣе будешь ... я вѣдь, знаю: ты трусишь, точно самъ женихъ и ѣдешь дѣлать предложеніе отъ себя ... ха, ха, ха! Ну, такъ какъ? разопьемъ что ли? ... Не безпокойся; у меня деньги есть ... Да, кстати: сколько я тебѣ долженъ: двадцать пять, что ли?

— Тридцать.

— О, какая сумма ужасная! И не расплатишься съ тобой ... Приношу мою чувствительную благодарность, господинъ капитанъ! заключилъ князь Бандуровъ, подавая Добраго нѣсколько ассигнацій, которыя вынулъ изъ своего письменнаго стола.

— Что? видно ... гм ... получилъ?

— Есть отчасти-съ! Мало только: старуха скупится ... Всего двѣ тысячи прислала.

— Ассигнаціями?

— Ассигнаціями? серебромъ! кто нынче считаетъ на ассигнаціи.

— Зачѣмъ такъ много? ... гм ...

— Зачѣмъ? разумѣется, зачѣмъ? на свадьбу; я ее откладывать не буду ... чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше ... Еще столько же пришлетъ ... Лицо Добраго опять выразило безпокойство и отчасти удовольствіе, но князь Бандуровъ ничего не замѣтилъ.

— Такъ выпьемъ, что-ли, Добраго? За ея здоровье!

— Какъ хочешь ... пожалуй! ...

Князь Бандуровъ распорядился и вино было принесено.

— Ну, ты смотри же, Добраго, не забудь о приданомъ: сколько душъ и тамъ деньгами что-ли... Постарайся разспросить все подробно ... Ахъ, Добраго, вѣдь, милка она, душка! а? не правда ли?

— Да ... гм! ...

— Ты, смотри же, не долго тамъ засиживайся: какъ все кончишь, такъ и пріѣзжай поскорѣе ... Я просто умру отъ нетерпѣнія ... Ну, допивай же стаканъ, да и въ путь ... съ Богомъ! Кланяйся же ей отъ меня, да скажи ... нѣтъ, ничего не говори ... Ахъ, Добраго, вотъ что значитъ жениться: вѣдь, знаю, что беру ангела, сокровище, увѣренъ, что получу полное согласіе, а какъ-то страшно ... или не то, что страшно, а такъ, знаешь, хочется поскорѣе узнать ... Ну, прощай же, душка! ... Дай я тебя поцѣлую на счастье! ... Да не смотри же такимъ букой, будь повеселѣе ...

О вѣтреный поручикъ, о легкомысленный князь! если бы ты могъ подумать и понять на какой подвигъ рѣшается, ради тебя, твой другъ, ты не удивлялся бы, что онъ смотритъ такой букой. Какъ, онъ, капитанъ Добраго, молчаливый, не словоохотливый, затрудняющійся въ выраженіяхъ самыхъ простыхъ, повседневныхъ ощущеній и самыхъ обыкновенныхъ мыслей, онъ, человѣкъ скромный и конфузливый, онъ, знающій тебя такъ хорошо и понимающій, что твое желаніе жениться есть не больше какъ капризъ, минутное увлеченіе и прихоть самолюбія, мало убѣжденный въ способности твоей къ скромной жизни, онъ, честная благородная душа — рѣшается дѣлать отъ твоего лица предложеніе только

для того, чтобы угодить тебѣ, чтобы не потерять твоей мнимой любви и дружбы, чтобы съ великимъ трудомъ и почти самоотверженіемъ, быть посредникомъ твоего счастья! ...

Усѣвшись въ сани съ стѣсненнымъ сердцемъ, Добраго предался размышленіямъ о томъ, какимъ образомъ приступить ему къ исполненію своего предпріятія, какими словами начать его, какія убѣжденія представить въ пользу Бандурова, если дѣло пойдетъ для него неблагопріятно — и совершенно терялся бѣдный капитанъ, и ни на чемъ не могъ онъ остановиться, и казалось ему не безосновательно, что не выговорить ему ни одной изъ задуманныхъ, великолѣпныхъ, по его мнѣнію, фразъ ...

И вотъ, наконецъ, виднѣется усадьба Коркиныхъ: о, какъ забилось и стѣснилось сердце Добраго, этого неустрашимаго воина, который ни на шагъ не отступилъ бы передъ смертью.

— Ну, какъ я начну? ну, какъ я стану говорить? повторялъ онъ мысленно съ замирающимъ сердцемъ. Но чего же я боюсь въ самомъ дѣлѣ? ... И ему пришли на мысль слова Бандурова: „точно ты самъ женихъ и ѣдешь дѣлать предложеніе отъ себя!“ Добраго улыбнулся при этой мысли. Но, вотъ сани остановились у подъѣзда, и совершенно смущенный капитанъ вошелъ на крыльцо.

Радушный пріемъ хозяевъ нѣсколько успокоилъ Добраго.

— Насилу-то вы надумали къ намъ пріѣхать! говорилъ Ѳедоръ Иванычъ. Но что же вы одни: отчего же не пріѣхалъ князь Бандуровъ?

— Онъ ... гм ... гм ... онъ не пріѣхалъ! отвѣчалъ Добраго, снова смутившись, и потомъ

быстро обратившись къ Наденькѣ прибавилъ: онъ вамъ приказалъ кланяться! ...

Наденька отвѣчала на это привѣтствіе легкимъ поклономъ и съ лукавой улыбкой взглянула на Клеопатру Петровну. Тетушка, встрѣтясь съ нею взглядомъ, снисходительно улыбнулась.

— Здоровъ ли его сіятельство? спросила Катерина Михайловна.

— Гм ... ничего-съ! только ... гм ... груститъ очень ... отвѣчалъ Добраго, желая дать отдаленный намекъ на цѣль своего пріѣзда, но тотчасъ же подумалъ: ахъ, ахъ, не такъ я это сказалъ! зачѣмъ я такъ сказалъ? лучше бы можно было ...

— Груститъ? о чемъ это?

— Вотъ такъ и есть! думалъ капитанъ: что я имъ теперь отвѣчу? ...

Придумывая отвѣтъ, онъ покашливалъ и улыбался.

— Не случилось ли чего непріятнаго? настаивала Катерина Михайловна.

— Нѣтъ-съ! это ... нѣтъ-съ! гм ... гм! ... а знаете, отъ скуки ...

— Вотъ какъ: и князь началъ скучать! съ улыбкою замѣтилъ Ѳедоръ Иванычъ: а я его считалъ человѣкомъ веселымъ.

— Да онъ точно ... гм ... всегда этакой ... веселый ...

— Что же съ нимъ за перемѣна такая вдругъ случилась?

— Экъ пристала! думалъ капитанъ. Это пройдетъ ... гм ... отвѣчалъ онъ вслухъ.

— Ужъ не влюбился ли князь? спросила Клеопатра Петровна.

— Гм ... гм ... Что же мнѣ имъ отвѣтить на

это! ... Капитанъ опустилъ глаза и сконфузился, какъ красная дѣвушка. Между тѣмъ онъ чувствовалъ, что всѣ смотрятъ на него и ожидаютъ отвѣта ... Какъ вамъ сказать? гм ... невольно высказалъ онъ вслухъ свою тайную мысль.

— Такъ, значитъ, влюбленъ? повторила Клеопатра Петровна.

— Вотъ тебѣ на! думалъ Добраго. Какъ же тутъ быть? Развѣ махнуть на пропалую? Да и что же такое въ самомъ дѣлѣ? все равно надо же будетъ говоритъ ... по крайней-мѣрѣ узнаю: что̀ будетъ ...

— Точно такъ-съ! отвѣчалъ онъ вслухъ.

Наденька вдругъ вспыхнула при этомъ отвѣтѣ и безпокойство закралось ей въ душу.

Тутъ Катерина Михайловна поняла цѣль пріѣзда капитана и, улыбнувшись отъ удовольствія, сочла за нужное не продолжать болѣе этого разговора при всѣхъ.

Ѳедоръ Иванычъ тоже не былъ чуждъ этого предположенія хотя и сомнѣвался, чтобы князь Бандуровъ рѣшился прислать такого не краснорѣчиваго ходатая. Замѣтивши смущеніе Наденьки, Ѳедоръ Иванычъ шутливо сказалъ, обращаясь къ капитану:

— О, такъ эта грусть скоро пройдетъ: вѣроятно, князь не въ первый разъ страдаетъ этой болѣзнью и знаетъ какъ отъ нея вылечиться. Не правда ли, капитанъ?

Подозрѣвая, что Наденька неравнодушна къ князю, Ѳедоръ Иванычъ находилъ тайное удовольствіе немного подразнить дочь этими словами, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ благоразумный отецъ, считалъ своею обязанностью дать намекъ дочери, чтобы она не очень вѣрила въ скоропостижную любовь моло-

даго человѣка и не предавалась ей необдуманно. Но тѣмъ не менѣе это замѣчаніе поставило капитана втупикъ: надо было ему или лгать и противорѣчить личному убѣжденію, на что онъ не рѣшался, или вредить выгодамъ князя въ настоящемъ предпріятіи.

— Да, гм ... нѣтъ, гм ... онъ ... конечно, по молодости лѣтъ ... гм ... гм ... а теперь ужъ не такъ ... онъ теперь страдаетъ, ночи не спитъ ... гм ... гм ... проговорилъ Добраго.

— Да, вѣдь, это всегда такъ бываетъ: сначала молодые люди бѣснуются, ночи не спятъ, ѣдятъ даже мало, а потомъ все это проходитъ и забывается ...

— Нѣтъ, теперь онъ ... гм ... гм ... совсѣмъ не такъ, теперь онъ очень безпокоится ... и никогда не забудетъ ... гм ... этакъ никогда не бывало ...

— Да когда же они перестанутъ, думалъ между тѣмъ Добраго, пусть бы ужъ говорилъ это одинъ на одинъ, а то при барыняхъ-то ... Вѣдь, нельзя же мнѣ при всѣхъ съ нимъ объясняться ...

Катерина Михайловна поняла затруднительность положенія капитана и спѣшила перемѣнить предметъ разговора, за что Добраго былъ ей чрезвычайно благодаренъ. Но время шло, и капитанъ все не могъ приступить къ исполненію своего порученія, потому-что не находилъ удобной минуты: то въ комнатѣ былъ кто-нибудь лишній, то, когда они оставались наединѣ съ Ѳедорымъ Ивановичемъ, у Добраго не доставало духа начать. Наконецъ послѣ обѣда онъ рѣшился прибѣгнуть къ хитрости, чтобы вызвать хозяина дома на уединенную бесѣду.

— Позвольте, сказалъ онъ Ѳедору Иванычу, выкурить трубку въ вашемъ кабинетѣ ... гм ...

— Да не стѣсняйтесь, капитанъ, пожалуйста: курите здѣсь, если угодно: мои барыни безъ претензій.

— Нѣтъ ... гм ... гм ... я ужъ тамъ ...

Ѳедоръ Иванычъ наконецъ сжалился надъ нимъ, видя въ какомъ онъ безпокойномъ состояніи и желая помочь ему.

— Да, вы, можетъ быть, хотите быть посвободнѣе: пойдемте, пойдемте, въ самомъ дѣлѣ въ кабинетъ ...

Пришедши въ кабинетъ, Добраго закурилъ трубку, усѣлся поближе къ Ѳедору Иванычу и обведя глазами нѣсколько разъ по всей комнатѣ, онъ прокашлялся и остановилъ нѣсколько косвенный взглядъ на хозяинѣ, который, повидимому, не хотѣлъ начинать разговора и давалъ свободу приступить къ нему собесѣднику.

— Я къ вамъ по дѣлу ... гм ... сказалъ, наконецъ, Добраго.

— Что такое, капитанъ?

— Князь Бандуровъ ... гм ... мой другъ ... служилъ у меня въ ротѣ юнкеромъ ... онъ ... гм ... гм ... очень добрый и этакой ... гм ... прекрасный ... онъ неравнодушенъ къ вашей гм ... гм ... милой ... гм ... дочери и просилъ меня ходатайствовать, на счетъ ея руки ...

— Это я, кажется, хорошо началъ! подумалъ Добраго и ободрился.

Ѳедоръ Иванычъ, хотя вполнѣ ожидалъ подобнаго рода объясненія, но показалъ видъ изумленія.

— Вы меня чрезвычайно удивили, капитанъ, отвѣчалъ Коркинъ. Хотя я очень мало знаю князя, но считаю его прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, и благодарю его за честь, которую онъ дѣлаетъ

моему семейству и моей дочери, но признаюсь, мнѣ кажется, онъ еще не успѣлъ хорошенько узнать Наденьку, чтобы рѣшиться на такой важный шагъ въ жизни.

— Вотъ, вѣдь, какъ онъ поговариваетъ: и ласково, и тово ... Съ нимъ мудрено говорить! подумалъ Добраго, однако собрался съ духомъ и отвѣчалъ:

— Онъ очень сильно влюбленъ ... гм ... не можетъ ни о чемъ думать, кромѣ ... гм ... онъ говоритъ, что можетъ даже разсудку лишиться отъ этого ...

— Да это всегда такъ говорятъ, капитанъ: мы съ вами люди пожилые, тоже были молоды, тоже влюблялись, и знаемъ, какъ эта пылкая страсть скоро проходитъ ...

— Гм ... гм ... это точно ... можетъ быть! ...

— Вотъ видите: вы со мной соглашаетесь! Я и говорю: я ничего не имѣю противъ квязя, напротивъ, я совершенно убѣжденъ, что онъ прекрасный молодой человѣкъ, только сомнѣваюсь: не очень ли поспѣшно рѣшается онъ дѣлать предложеніе, не воображеніе ли это только одно? ... Онъ еще такъ молодъ, обдумалъ ли онъ хорошенко свое намѣреніе? ...

— Онъ гм ... давно ужъ думаетъ объ этомъ ... онъ обдумалъ.

Ѳедоръ Иванычъ помолчалъ нѣсколько секундъ.

— У него живы родители?

— Одна матушка ...

— Больше у него развѣ никого родныхъ: онъ единственный сынъ? ...

— Да, онъ одинъ! гм! ...

— Ну, вотъ видите: я не захочу, чтобы онъ огор-

чилъ свою матушку ... Можетъ быть, она не будетъ согласна на этотъ бракъ, не зная вовсе насъ ...

— Нѣтъ, она согласна ... Онъ ужъ писалъ къ ней ... и получилъ позволеніе.

— Вотъ этотъ поступокъ еще болѣе рекомендуетъ князя какъ покорнаго и преданнаго сына, который не рѣшается на такой важный шагъ, не испросивши сначала благословенія у своей родительницы ... Но можетъ-быть, его матушка очень богатая женщина и дала свое согласіе сыну на бракъ съ неизвѣстной ей дѣвушкой только по неотступнымъ его просьбамъ, а впослѣдствіи, если бы это дѣло устроилось, была бы недовольна поступкомъ сына ... А это можетъ имѣть очень непріятныя послѣдствія, особенно, если князь во всемъ зависитъ отъ своей матушки ...

— Княгиня соглашается ... гм ... съ полнымъ удовольствіемъ: я читалъ письмо ...

— Но, согласитесь, капитанъ: она не знаетъ совершенно ни моей дочери, ни сколько за ней приданаго, точно также какъ я не знаю ничего, кромѣ того, что онъ прекраснаго происхожденія и человѣкъ, вѣроятно, не бѣдный ...

Ѳедоръ Иванычъ вопросительно смотрѣлъ на Добраго; послѣдній молчалъ и въ раздумьи поправлялъ пальцами табакъ въ трубкѣ.

— Можетъ-быть, вы, какъ другъ его, продолжалъ Ѳедоръ Иванычъ, можете сообщить мнѣ что-нибудь о состояніи князя.

— Его считаютъ у насъ богачомъ ... Матушка его прекрасная дама ... гм ... самая добрѣйшая! ... Онъ очень проситъ осчастливить его ... и будетъ сыномъ ... гм ... онъ очень добрый ...

— Ну, а я съ вами буду говорить откровенно,

какъ военный съ военнымъ: я не могу ни отказать князю, ни принять его предложенія до-тѣхъ-поръ, пока не узнаю согласія моей дочери; я не буду принуждать ее: выборъ мужа зависитъ отъ нея ... Но князь долженъ знать, что въ настоящее время, я могу дать за дочерью только двѣсти душъ, потому, что у меня есть сынъ и большая часть имѣнія принадлежитъ матери: она, можетъ-быть, захочетъ дать и больше; а послѣ нашей смерти дѣти мои, конечно, получатъ все наше имѣніе ... Я нарочно вамъ говорю это, чтобы князь зналъ съ какимъ приданымъ беретъ онъ дѣвушку; тѣмъ болѣе, что я съ своей стороны не имѣю ни малѣйшаго понятія о его состояніи ... Но, во всякомъ случаѣ, рѣшительный отвѣтъ онъ получитъ только тогда, когда я узнаю мнѣніе моей дочери. И даже въ такомъ случаѣ, если она изъявитъ свое согласіе, я не буду спѣшить не только бракомъ, но даже и помолвкой, чтобы дать время и себѣ узнать князя и молодымъ людямъ поознакомиться. Согласны вы, капитанъ, что я, какъ отецъ, долженъ поступить такимъ образомъ, ибо князь еще очень молодъ, а дочь моя — совершенный ребенокъ ...

— Это точно ... справедливо очень ... гм ...

— Ну, и такъ, слѣдовательно, мы кончили объясненіе ... и разстаемся, надѣюсь, друзьями ...

— А на-счетъ согласія Надежды Ѳедоровны ...

— Какъ же! я спрошу: потрудитесь попросить князя пріѣхать дня черезъ два, тогда я передамъ ему отвѣтъ Нади.

— А теперь гм ... нельзя ли спросить? чтобы мнѣ князя успокоить ...

Ѳедоръ Иванычъ улыбнулся простодушію капитана.

— И видно, что вы, капитанъ, посланникъ влюбленнаго ... Нѣтъ, къ чему же торопиться ... Пусть его, молодой человѣкъ немножко привыкаетъ къ терпѣнію: для человѣка, приготовляющагося къ семейной жизни, это необходимо ... Пойдемте-ка, капитанъ, къ барынямъ.

— Нѣтъ, ужъ мнѣ ... гм ... позвольте проститься ...

— Что это вы, что вы? ...

— Да ужъ такъ, князь просилъ поскорѣе ... гм ... онъ ожидаетъ ...

— О, да какой вы баловникъ! Ну, радуюсь за князя, что онъ имѣетъ такого вѣрнаго друга, какъ вы ...

— Такъ я ему такъ ... гм ... и постараюсь передать ... гм ... съ вашихъ словъ ...

— Да, да, пожалуйста, передайте князю все, что я говорилъ вамъ ...

— Гм ... гм ... позвольте проститься.

— Ну, Богъ съ вами: не хотите побесѣдовать, но дружба дѣло святое. Прощайте, мой почтеннѣйшій капитанъ. Очень счастливъ, что имѣлъ удовольствіе покороче познакомиться съ вами. Пожалуйста, не забывайте насъ. Кланяйтесь отъ меня князю.

Поспѣшно раскланявшись съ дамами и, по возможности, нѣжно улыбнувшись Наденькѣ, которая смотрѣла на него не очень ласково, Добраго уѣхалъ.

— Добраго, душка, ну что, сказывай скорѣе! ... Я просто чуть съ-ума но сошелъ отъ нетерпѣнія ... Ну, говори: согласна? дала слово? — такими вопро-

сами и восклицаніями закидалъ князь Бандуровъ капитана, какъ только онъ показался въ дверяхъ его квартиры.

— Да ну-же, откашливайся, да говори скорѣе.

— Гм ... гм ... погоди, я тебѣ все по-порядку ...

— Что тутъ за порядокъ! говори просто: согласилась? ...

— Да нѣтъ, погоди ...

— Не согласилась? ... я застрѣлюсь! ... да ты врешь? ...

— Да погоди ... гм ... ничего еще не было ...

— Какъ, не было? за чѣмъ же ты ѣздилъ?

— Да слушай же ... гм ... я только съ однимъ Ѳедоромъ Иванычемъ ...

— Ну ...

— Ну ... онъ ничего, согласенъ ...

— Согласенъ! ура! значитъ, кончено: женюсь! ... Вотъ, Добраго, вотъ спасибо, удружилъ! ... А я было думалъ, что ты ничего не умѣлъ сдѣлать, хотѣлъ разругать тебя ... Ну, сколько же за ней? ...

— Онъ говоритъ только двѣсти ... гм ... а то, можетъ-быть, мать прибавитъ ...

— Ну, разумѣется, прибавитъ: мы къ матушкѣ такъ поддѣлаемся, что все отдастъ ... А сколько деньгами?

— Про деньги ничего не говорилъ ... Да дай я все по-порядку лучше ... Онъ велѣлъ еще много сказать ...

— Да, ну, ну, говори, ораторствуй: теперь будемъ слушать ... Ай, да Добраго: вотъ молодецъ-то! ... ну, разсказывай главное: какъ она, что, все разсказывай ...

Капитанъ собрался съ духомъ и передалъ Банду-

рову весь свой разговоръ съ Ѳедоромъ Иванычемъ.

— Значитъ все идетъ отлично: въ Надинѣ я не сомнѣваюсь. Теперь ты смѣло можешь меня поздравить ... А это, что онъ думаетъ отложить свадьбу, это пустяки: мы съ Надиной такъ къ нему пристанемъ, что черезъ недѣлю же сдѣлаютъ ... Такъ неужели же я стану мучиться! этого быть не можетъ. Ну, да это все увидимъ послѣ ... А теперь надо отпраздновать сегодняшній день ... Я сейчасъ распоряжусь позвать кой кого и кутнемъ ...

— Ты погоди: не говори никому ...

— Отчего это?

— Да для чего? ... гм ... почемъ знать: ну, какъ-нибудь ...

— Что? ... э, полно, Добраго! Вѣчно у тебя подозрѣнія, да сомнѣнія ... Чего тутъ еще? кажется, ясно ... А у меня не такой характеръ, чтобы я не подѣлился съ пріятелями радостью ... Я люблю жить потоварищески ... А ты подумай: какъ озлится Крушинскій, когда узнаетъ ... Опасный соперникъ? а? ... Не пригласить ли и его на вечеринку, да и утѣшить ... а?

— Онъ не поѣдетъ ... гм ...

— Только что не поѣдетъ развѣ ... Такъ пошлю за Мармаровскимъ: пусть онъ утѣшится, что предметъ его обожанія оставляется ему въ цѣлости ... Вотъ озлятся-то, какъ узнаютъ: тоже, вѣдь, имѣли смѣлость думать, что я желаю съ ними породниться ...

— Да этого ничего ... гм ... не надо бы дѣлать ... Подожди лучше немножко ...

— Ахъ, Добраго! я тебя за это терпѣть не могу ... Ну что тутъ: подожди, подожди! ... Если

я хочу, чтобы всѣ поздравили меня съ моей радостью, что̀ тебѣ за дѣло? ...

Добраго болѣе не возражалъ, а князь въ минуту распорядился: послалъ деньщика и кучера звать офицеровъ, съ которыми онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, къ себѣ на вечеринку, въ числѣ назначенныхъ къ приглашенію былъ и Мармаровскій.

Мармаровскій не отказался отъ приглашенія: хотя онъ и былъ сердитъ на князя и, руководимый Катенькою, строилъ противъ него ковы, но считалъ благоразумныхъ скрывать свое недоброжелательство, особенно когда самъ князь первый протягивалъ ему руку.

Нѣсколько человѣкъ молодежи собралось у князя въ очень скоромъ времени. Никто не удивлялся импровизированной вечеринкѣ, которыя случались всякой разъ, какъ Бандуровъ получалъ деньги, никто не подозрѣвалъ главной причины пиршества. Конечно, по нѣкоторой торжественности, съ которою держалъ себя Бандуровъ, по многозначительнымъ улыбкамъ, съ которыми встрѣчалъ онъ своихъ пріятелей, молодые люди могли бы подумать, что тутъ что то не даромъ, но никто изъ нихъ не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія. Только одинъ самолюбивый и вслѣдствіе того подозрительный Мармаровскій замѣтилъ насмѣшливую улыбку, которая появилась на устахъ князя при его появленіи и лукавый взглядъ, который бросилъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ на капитана.

— Ахъ, Мармаровскій, сказалъ Бандуровъ не безъ лукавства: какъ я радъ, что ты пріѣхалъ ко мнѣ сегодня, въ этотъ счастливый для меня день ...

— Счастливый? спросилъ Мармаровскій.

— Какъ счастливый? подхватили прочіе офицеры.

— Такъ, господа! ничего! увѣряю васъ ничего! (Князь Бандуровъ приготовлялъ неожиданный сюрпризъ и не хотѣлъ говорить до времени).

— Какъ ничего? скажи, братецъ, что такое?

— Да такъ, господа, право, такъ, ничего!

Губы князя измѣняли ему и улыбались невольно, все лицо его сіяло какой-то тайной радостью.

— Ну, а ты, надѣюсь, братецъ Мармаровскій не сердишься на меня?

— За что? помилуй!

— Ну, а что я въ прошедшее собраніе ... помнишь: слилъ тебѣ пулю ...

— Это такія ничтожныя глупости и съ твоей стороны были такія пошлыя фразы, что всякому развитому человѣку смѣшно даже было бы обращать на нихъ вниманіе, не только сердиться! отвѣчалъ Мармаровскій.

— Ну, а тогда, признайся, вѣдь немножко, того ... забрало тебя за живое отъ этихъ пошлыхъ фразъ? а? ха, ха, ха!

— Я удивляюсь тебѣ, князь, возразилъ Мармаровскій, съ горькой ироніей: если ты такъ великодушно перенесъ то, что тебѣ было сказано, — я и подавно могъ не обратить вниманія на твои слова.

— Да что такое было? вмѣшалось нѣсколько человѣкъ.

— Такъ, господа, пустяки, глупости, пустая борьба словъ ... я не знаю — къ чему князю хочется вспоминать объ этомъ! отвѣчалъ Мармаровскій.

— Нѣтъ, постой, Мармаровскій ... Вотъ видите ли, господа, въ чемъ дѣло ...

— Послушай, князь: я прошу тебя не разсказывать этого глупаго обстоятельства, хоть изъ состра-

данія къ себѣ, потому что ты игралъ въ немъ очень жалкую роль ...

— Я игралъ жалкую роль? Ну, такъ послушайте же, господа: вы, вѣдь, знаете, что онъ волочится за Катенькой? ...

— Конечно, этому никто не повѣритъ, кто только можетъ понимать меня! ... Я не способенъ волочиться ... отозвался Мармаровскій.

— Ну, ну, влюбленъ! отъ этого ужъ, братъ, нечего отпираться: это всѣ видятъ! ... А это тоже штука въ своемъ родѣ: разочарованный и влюбленъ! ... ха, ха, ха! ...

— Послушайте, князь: если вы пригласили меня для того, чтобы смѣяться надо мной, такъ это .. это ...

— Ну, вотъ видишь, Мармаровскій, вотъ ужъ ты и сердишься, какъ я хочу только разсказать нашъ разговоръ, а увѣряешь, что тогда не обратилъ даже вниманія.

— Да, да! подтвердило нѣсколько веселыхъ голосовъ; ты говорилъ, что нисколько не разсердился тогда, а теперь не даешь даже и разсказать, — значитъ и теперь еще сердишься ...

— Было бы недостойно меня принимать къ сердцу подобныя вещи! возразилъ Мармаровскій; но если вы такъ интересуетесь, господа, этимъ обстоятельствомъ, продолжалъ онъ съ насмѣшливой улыбкой, такъ пусть разсказываетъ князь и вы увидите: кто былъ смѣшнѣе въ этой исторіи ...

— Ну, ну, князь! ... воскликнули нетерпѣливо слушатели.

— Ну, вотъ въ прошедшее собраніе я вижу, что Мармаровскій цѣлый вечеръ не отходитъ отъ Катеньки: вы, вѣдь, и сами это видѣли ...

— Да, да!

— Ну, а, вѣдь признаться вамъ по-товарищески, я тоже въ былое время, грѣшный человѣкъ, сокрушалъ ея сердечко, да потомъ она мнѣ понаскучила ...

— Либо ты ей наскучилъ! отозвался Мармаровскій съ насильственнымъ смѣхомъ.

— Ну, это еще историки не доказали! возразилъ Бандуровъ.

— Ну, только у насъ съ ней какъ-то слово за слово, ну, потому, разумѣется, что она сердится на меня за измѣну; Мармаровскій вступился за нее, я тутъ наговорилъ ему порядочно, и, чтобы подразнить ихъ обоихъ, сказалъ, что Мармаровскій обожаетъ покинутыхъ ... ха, ха, ха! ну, вотъ и все! ...

— Нѣтъ не все! возразилъ Мармаровскій: а ему, господа, отвѣтилъ, что онъ самъ покинутая, отвергнутая жертва! вотъ это лучше: не правда-ли? ха, ха, ха!

— Ну, господа, вамъ, видно, обоимъ на орѣхи досталось! замѣтилъ нѣсколько знакомый намъ офицеръ солидныхъ лѣтъ, но неутомимый танцоръ, весельчакъ и говорунъ, которому Мармаровскій въ первое собраніе разсказывалъ, по секрету, сплетню, сочиненную Татьяной Ивановной о непозволительныхъ отношеніяхъ Коркиной съ докторомъ.

— Да, да! это похоже на то! подтвердило нѣсколько голосовъ.

— Вы такъ думаете, господа? ... вспыхнувши возразилъ Бандуровъ. Ну, такъ, чтобы доказать вамъ, что меня никогда еще не отвергали ... Человѣкъ, шампанскаго.

— Гм ... гм ... гм ... отозвался Добраго, лицо котораго выражало неудовольствіе, но на него никто

не обратилъ вниманія, напротивъ, всѣ были удивлены и заинтересованы неожиданнымъ восклицаніемъ князя. Мармаровскій поблѣднѣлъ отъ волненія.

— Что, что такое?

— А вотъ сейчасъ услышите ... Наливай! обратился онъ къ вошедшему съ бутылкою шампанскаго деньщику и съ торжественнымъ лицомъ сталъ ходить по комнатѣ.

— Ну-съ, господа, произнесъ князь, когда стаканы, налитые виномъ, были въ рукахъ гостей: поздравьте меня: въ скоромъ времени я женюсь на Надеждѣ Ѳедоровнѣ Коркиной ... Сегодня получилъ рѣшительное согласіе ...

— Еще не совсѣмъ ... гм ... замѣтилъ смущенный капитанъ; но его словъ никто не слыхалъ за возгласами удивленія, огласившими комнату.

Выразивши удивленіе, всѣ гости спѣшили поздравлять счастливаго хозяина, нѣкоторые брасались къ нему на шею, цѣловались съ нимъ и выражали искреннее удовольствіе, что у нихъ въ полку будетъ такая хорошенькая дама; подъ привѣтствіями другихъ скрывалась какъ-будто зависть и даже ревность.

На душу Мармаровскаго это извѣстіе произвело самое неопредѣленное впечатлѣніе: оно радовало его, потому-что онъ могъ не опасаться, что сердце Катеньки, когда-нибудь возвратится къ Бандурову, — оно огорчало его, какъ торжество соперника, возбуждало его самолюбіе, тревожило завистью и ревностью, потому-что на глубинѣ души его лежало воспоминаніе о Наденькѣ, какъ существѣ восхитительномъ, необыкновенномъ, къ которому онъ питалъ нѣсколько времени страстную любовь. Среди этихъ неясныхъ ощущеній, Мармаровскій вспомнилъ, что

разсчетъ его съ Бандуровымъ еще не конченъ, что теперь-то настаетъ для него настоящая пора дѣйствовать — и потому онъ поздравилъ князя съ притворною искренностью.

— Желаю тебѣ быть счастливымъ мужемъ и никогда не раскаиваться въ выборѣ, прибавилъ Мармаровскій. Желаю тебѣ никогда не сомнѣваться въ вѣрности твоей будущей жены.

— О, съ такимъ ангеломъ можно быть вѣчно счастливымъ! возразилъ Бандуровъ.

— Не думаю! шепнулъ Мармаровскій на ухо господину солидныхъ лѣтъ, но неутомимому танцору и говоруну.

— А что? спросилъ тотъ съ любопытствомъ.

— Она теперь же въ связи съ Крушинскимъ.

— Вотъ? да, вѣдь, говорили про мать.

— Пустяки! съ дочерью: я навѣрно знаю. Приходите ко мнѣ завтра, я вамъ все разскажу. Князя славно провели: ширмочки очень приличныя! ... Неправда ли?

— Да — а! вотъ такъ штука!

То же самое успѣлъ Мармаровскій шепнуть подъ шумокъ еще двумъ своимъ товарищамъ, по лицамъ которыхъ онъ замѣтилъ, что они не совсѣмъ рады успѣху князя, и также пригласилъ ихъ завтра къ себѣ, чтобы разсказать все подробно.

Не смотря на это, вечеръ былъ проведенъ у князя очень весело, шумно и дружественно.

VIII.

Когда Добраго, распрощавшись такъ любезно съ дамами, уѣхалъ отъ Коркиныхъ, Наденька засмѣялась вслѣдъ ему.

— Какой онъ смѣшной! замѣтила она.

— Да, онъ простой, но прекрасной души человѣкъ! возразилъ Ѳедоръ Иванычъ. Какъ онъ искренно любитъ князя Бандурова ...

— За что это, папаша?

— Они съ нимъ друзья и такой другъ, какъ Добраго, большая рѣдкость въ нынѣшнемъ вѣкѣ.

— Вотъ мнѣ никакъ бы не пришло въ голову, что князь и этотъ капитанъ могутъ быть друзья между собою.

— Отчего же имъ не быть друзьями, если князь находитъ, что капитанъ добрый, прекрасный человѣкъ и любитъ его! возразила Катерина Михайловна.

— Но они не похожи другъ на друга.

— А ты знаешь, Nadine: крайности сходятся ... замѣтила Клеопатра Петровна.

— Да развѣ только это ... Но, вѣдь, какія крайности, ma tante? съ веселымъ смѣхомъ отвѣтила, Наденька.

— А какія, напримѣръ, ты находишь въ нихъ: нельзя ли узнать? спросилъ Ѳедоръ Иванычъ съ ласковой улыбкой, ожидая, что Наденька начнетъ хвалить князя насчетъ капитана.

— Какъ же, папаша? Одинъ очень молчаливъ, другой ни на минуту не умолкаетъ; одинъ очень скроменъ, другой дерзокъ и самоувѣренъ; одинъ конфузится передъ дамами, другой влюбляется съ первой встрѣчи и ухаживаетъ за всѣми; одинъ, какъ вы говорите, простой, но прекрасной души человѣкъ, другой, мнѣ кажется, пустъ и ничтоженъ во всѣхъ отношеніяхъ ...

Отецъ и мать были поставлены втупикъ этими словами Наденьки: они не знали, что дочь очень хорошо понимаетъ цѣль пріѣзда капитана и содер-

жаніе его бесѣды съ Ѳедоромъ Иванычемъ — и хотѣла выразить свое настоящее мнѣніе о князѣ. Но Ѳедоръ Иванычъ, подумавши, иначе объяснилъ слова Наденьки: хитритъ дѣвчонка, чтобы скрыть настоящія чувства, и сердится, думая, что князь влюбленъ въ другую ... Впрочемъ, вотъ ужъ этотъ одинъ поступокъ, что князь не хотѣлъ увлекать сердце дѣвушки, а прямо сдѣлалъ предложеніе, рекомендуетъ его съ весьма хорошей стороны.

— Смотри, замѣтилъ онъ весело, не раскайся въ своемъ приговорѣ: послѣ, можетъ-быть, станешь отказываться отъ своихъ словъ, да я не повѣрю ...

— Никогда, папаша, не стану отказываться отъ своихъ словъ: что я говорю, то и чувствую ...

— Полно, не попадись въ-просакъ ...

— Нѣтъ, папаша, не попадусь! рѣшительно возразила Наденька.

— Ну, смотри! ...

Черезъ нѣсколько времени Ѳедоръ Иванычъ позвалъ жену къ себѣ въ кабинетъ и тамъ передалъ ей весь свой разговоръ съ Добраго.

— Я этого ожидала! съ улыбкой удовольствія замѣтила Катерина Михайловна. Что же, Теодорушка? я полагаю, эта партія прилична для Наденьки. Жаль вотъ только, что ты не узналъ какое у князя состояніе, а, впрочемъ, видно по всему, что онъ богатый человѣкъ ...

— Да, вѣдь это обманчиво! ... Но во всякомъ случаѣ, конечно, прежде всего надо спросить Надю.

— О, она будетъ согласна: я увѣрена. Позвать ее сюда?

— Да! да попроси и сестру, а то она обидится: подумаетъ, что мы отъ нея серкретничаемъ ...

Наденька вошла въ кабинетъ отца блѣдная и взволнованная: она знала зачѣмъ звали ее.

— Что у васъ такое, братъ? спросила Клеопатра Петровна.

— А вотъ такъ, маленькое домашнее совѣщаніе. Ну ка, поди сюда, обратился Ѳедоръ Иванычъ къ дочери: не откажешься ли ты отъ давишнихъ словъ. Да что какая ты блѣдная?

— Нѣтъ, такъ, папаша. Я немного удивилась и испугалась: мамаша такъ таинственно позвала меня и тетеньку къ вамъ въ кабинетъ ...

— Ну, такъ вотъ я сейчасъ объясню тебѣ весь секретъ: мнѣ не нужно говорить тебѣ никакихъ предисловій; ты знаешь, что я люблю тебя и зла не пожелаю. Видишь въ чемъ дѣло: князь Бандуровъ дѣлаетъ тебѣ предложеніе ...

Наденька вспыхнула и прижалась лицомъ къ плечу отца.

—Ну, что же? продолжалъ Ѳедоръ Иванычъ, съ улыбкой: не правда ли онъ пустой и ничтожный человѣкъ?

— Да, папаша!

— О, да какая ты упрямая: ей не хочется признаться, что попалась въ просакъ! Вѣдь, если князь таковъ, значитъ ему надо отказать.

— Разумѣется, папаша! отвѣчала Наденька, не поднимая головы съ отцовскаго плеча.

— Ого, да ты просто капризна! Ну, такъ мы оставимъ въ сторону нашъ давишній разговоръ: я, вѣдь, не шучу, мой ангелъ, а говорю серьезно. Капитанъ Добраго отъ лица князя просилъ твоей руки; я и мать съ своей стороны ничего не имѣемъ сказать противъ князя и, если ты согласна, то считаемъ его достойнымъ тебя женихомъ. Слѣдовательно ты должна говорить подумавши и посовѣтовавшись съ своими чувствами, если тебѣ нравится князъ Банду-

ровъ; но, если ты думаешь, что еще мало знаешь его, — мы торопиться не будемъ и ты должна только сказать: нравится ли онъ тебѣ и согласна ли ты идти за него, когда узнаешь хорошенько ...

— Мнѣ не нравится князь и я никогда не пойду за него.

— Что это значитъ? вскричала въ изумленіи Катерина Михайловна.

— Правду ли ты говоришь? спросилъ Ѳедоръ Иванычъ, также изумленный.

— Совершенную правду, папаша!

— За что же онъ тебѣ не нравится и почему ты не хочешь идти за него? ... спросила Катерина Михайловна.

— Онъ очень дерзокъ и самоувѣренъ ...

— Да ты все настаиваешь на своемъ мнѣніи, но я тебя спрошу теперь: почему ты такъ невыгодно думаешь о князѣ? спросилъ Ѳедоръ Иванычъ.

— Я вамъ скажу, папаша: въ прошедшій разъ, какъ пріѣзжалъ къ намъ, князь признавался мнѣ въ любви и говорилъ любезности ... Я тогда же разсказала все тетенькѣ, хотѣла разсказать и вамъ но тетенька мнѣ отсовѣтовала, предполагая, что князь не осмѣлится опять повторять своихъ признаній ...

— Что же изъ этого? Конечно, я не могу похвалитъ князя за его поступокъ и мнѣ пріятнѣе было бы узнать, что онъ умѣлъ пріобрѣсти твое расположеніе и потомъ сдѣлалъ предложеніе безъ всякихъ секретныхъ объясненій съ тобою. Но если онъ и позволилъ себѣ это, — это еще не даетъ тебѣ права такъ дурно думать о немъ.

— Разумѣется ... Вотъ еще какіе пустяки! подтвердила Катерина Михайловна.

— Но онъ мнѣ не нравится. Сама не знаю за что, но я не люблю его.

— По крайней мѣрѣ, ты можетъ быть, не хочешь рѣшительно отказать князю и постараешься узнать и полюбить его?

— Нѣтъ, папаша, нѣтъ! откажите ему рѣшительно: я никогда не пойду за него.

— Но, вѣдь, онъ тебѣ прежде нравился? замѣтила Катерина Михайловна.

— Никогда не нравился: онъ мнѣ всегда казался такимъ, какъ и теперь ... Я его не любила.

— Что же тутъ дѣлать? спросилъ Ѳедоръ Иванычъ, обращаясь къ Клеопатрѣ Петровнѣ.

— Сердцемъ нельзя повелѣвать, отвѣчала тетушка. Князь не послѣдній женихъ Надины: она можетъ найдти лучше его.

— Да чѣмъ же дуренъ князь, сестрица? спросила Катерина Михайловна съ досадою.

— Я ничего не говорю противъ князя, но вы слышите: онъ не нравится Наденькѣ ...

— Она сама себя не понимаетъ: теперь отказываетъ, а послѣ, можетъ-быть, будетъ жалѣть.

— Никогда не пожалѣю о князѣ ... Откажите ему, ради Бога ... У Наденьки на глазахъ навернулись слезы.

— Дай ей, Ѳедоръ Иванычъ, по крайней мѣрѣ подумать! можетъ быть она одумается и перемѣнитъ свое намѣреніе.

— Хорошо, пусть подумаетъ ...

— Но мнѣ нечего думать, папаша ... Я ненавижу князя ...

— Ну, ну, хорошо, ты мнѣ послѣзавтра скажешь свое рѣшительное намѣреніе ... А теперь

успокойся: вѣдь, тебя не хотятъ отдать насильно ... Вѣдь еще не успѣла совсѣмъ надоѣсть.

— Папаша, ангелъ мой, откажите ему ...

— Ну, я тебѣ сказалъ: послѣзавтра мы увидимъ. Поцѣлуй же меня, да поди отсюда ...

Оставшись одни, Ѳедоръ Иванычъ, Катерина Михайловна и Клеопатра Петровна потолковали нѣсколько времени о причинѣ неожиданнаго отказа Наденьки на предложеніе Бандурова и, наконецъ, разошлись, не отгадавъ настоящей причины. Правда, на одну минуту, въ головѣ Клеопатры Петровны мелькнула мысль о любви Наденьки къ Крушинскому, но вѣра въ свою проницательность не позволила ей остановиться на этой мысли, напротивъ, она оттолкнула ее съ пренебреженіемъ, какъ неосновательную. Клеопатра Петровна хотѣла лучше думать, что Наденька поняла какъ мало выгодную партію представлялъ для нея князь Бандуровъ и надѣется составить себѣ болѣе блестящую въ Петербургѣ. Ѳедоръ Иванычъ былъ поставленъ въ недоумѣніе поступкомъ дочери и спрашивалъ себя: неужели онъ ошибся и не умѣлъ прочитать сердца такого ребенка, какъ Наденька? Впрочемъ, онъ не былъ огорченъ отказомъ дочери и потому не считалъ за нужное тщательно разсматривать это обстоятельство.

Катерина Михайловна отправилась высказать свое удивленіе и посовѣтоваться съ Глафирой.

— Ну, что матушка? спросила послѣдняя, заблаговременно уже узнавшая отъ своей барыни о предложеніи, сдѣланномъ княземъ Бандуровымъ. Покончили дѣльцо?

— Какое покончили! Не могу понять, что съ ней сдѣлалось: наотрѣзъ отказала! отвѣчала Катерина Михайловна.

— Отказали? да что же это такое значитъ? съ какой это стати? этакому-то жениху прекрасному отказать?

— Ну, вотъ поди, говори съ ней, а она и слушать ничего не хочетъ ...

— Аха-ха-ха ... Что это значитъ такое? Что за причина такая?

— Я и сама не могу понять что за причина: говоритъ тамъ какія-то глупости, что будто она разсердилась на него, что онъ признаніе ей дѣлалъ, да, разумѣется, это все пустяки, одна отговорка ...

— Извѣстно, что одна отговорка ... Нѣтъ, тутъ надо быть что-нибудь да другое.

— И я тоже думаю, что тутъ что нибудь да есть такое ... Ужъ не тетушка то ли стоумная наговорила ей ...

— Не знаю какъ сказать, а кажется, что бы хоть и Клеопатрѣ Петровнѣ ... чѣмъ не женихъ князь? ... Нѣтъ, тутъ надо быть что нибудь другое! прибавила Глафира съ таинственнымъ видомъ.

— Да что же такое? какъ, все былъ хорошъ, а тутъ вдругъ никуда не годится ... Полюбить, кажется, кого другаго, такъ некого; кто лучше-то князя!

— Ну, да вѣдь, матушка, пословица недаромъ говорится: не по хорошу милъ, а по милу хорошъ ...

— Да въ кого влюбиться-то? не въ кого, кажется?

— Ну, почемъ знать? вѣдь ихъ скоро не разберешь, хоть бы и барышню ... Вы бы поговорили, да поразспросили ихъ хорошенько ... можетъ что и скажутъ, и признаются ...

Коварная, многозначительная улыбка играла на губахъ Глафиры.

— Ты, вѣрно, знаешь что-нибудь? спросила Катерина Михайловна, пристально смотря на няньку.

— Какъ мнѣ знать-то, сударыня? Нынче отъ меня, отъ няньки, что на своихъ рукахъ выводила, да выняньчила, ихная душа закрыта: Грашка больше меня знаетъ, съ ней всѣ секреты, да тайности ... А мое дѣло, развѣ только изъ любви, да изъ жалости, что присмотрѣть, да увидѣть ...

— Глафира, говори же скорѣй, не мучь меня: ты знаешь, что я нетерпѣлива: коли что знаешь, такъ скажи скорѣй ...

— Да, вѣдь, это какъ, матушка, знать? это одно только мое мнѣніе, а, вѣдь, можетъ и не правда.

— Все равно: говори.

— Да вѣдь, какъ сказать? сказать не устать, а, вѣдь, я не отвѣчаю, коли что не такъ скажу, что не изволите повѣрить, али прогнѣваетесь ...

— Да что́ такое? Терпѣть я не могу тебя, что ты никогда прямо не скажешь ... говори сейчасъ все ...

— Сказать, матушка, недолго ... Сказать я скажу ... что на мои глаза сердечно барышня не равнодушны къ полковому лекарю - вотъ что́ ...

— Что́ ты, Глафира? вскрикнула Катерина Михайловна съ невольнымъ движеніемъ удивленія и гнѣва. Можетъ ли это быть? ...

— Ужъ повѣрьте совѣсти, матушка: мой глазъ меня не обманетъ, не даромъ пятой десятокъ на свѣтѣ доживаю ... Не знаю, что́ ужъ тамъ у нихъ, какъ идетъ насчетъ ихъ чувствъ, а ужъ и онъ всей душой къ ней. — Поприсмотрите сами ...

— Да этого быть не можетъ: они и не смотрятъ другъ на друга и не говорятъ почти между собою ...

— Ну, да это ничего: при васъ не говорятъ, такъ безъ васъ наговорятся ... Барышня-то тоже сумѣетъ себя скрыть ... Ну, а онъ, извѣстное дѣло, мужчина и есть ... А можетъ-быть, и Грашка между ими переводитъ ...

— Да какъ же ты могла это замѣтить? ...

— А какъ? я ужъ давно примѣчаю ...

И Глафира подробно разсказала Катеринѣ Михайловнѣ всѣ свои открытія, о которыхъ читатель уже знаетъ изъ предыдущихъ главъ.

— Отчего же ты мнѣ, Глафира, всего этого прежде не сказала, какъ только замѣтила?

— Ахъ, матушка, такъ развѣ бы вы изволили мнѣ повѣрить безъ сегодняшнаго случаю ... Кто это могъ представить, чтобы. наша барышня занялась кѣмъ же? ... лекаремъ, семинаристомъ? ... Ну-те-ка вы сами извольте разсудить! ... Что бы я сказала, только бы васъ обезпокоила, да разстроила ... А можетъ, думаю, и то: можетъ, я ошибаюсь, чего нѣтъ — во мнѣніе беру; какъ же такъ я осмѣлюсь наобумъ про этакое дѣло говорить ...

— А все бы тебѣ надо было сказать ... Ну, Надежда Ѳедоровна, я этого тебѣ вѣкъ не за буду, — не за то, что ты лекаря полюбила, а за то, что меня проводила, да обманывала, а дѣвкѣ больше довѣрія дѣлала, точно я не мать ...

— Э, матушка, дѣло молодое: позовите, да погнѣвайтесь и всю любовь ихъ эту, какъ рукой сниметъ и пойдутъ за того же князя ... и будетъ наша барышня княгиней ... А то, что это ужъ такъ себя этимъ разстроивать ... И всѣ-то они, хоть бы Надежда Ѳедоровна, ну, что еще? дитя-дитей ...

— Нѣтъ, видно, не очень дитя, коли умѣла и

отца и мать провести ... И видно, что тетушкина воспитанница ... Очень ужъ нѣжна, да ласкова къ ней, больше матери родной цѣнитъ ... Ужъ не тетушка ли тутъ имъ покровительствовала? ...

— И, нѣтъ, матушка, наврядъ ли? Станутъ ли Клеопатра Петровна, при своей гордости, поблажать этому: хоть бы былъ какой въ большихъ чинахъ, али богатой, такъ такъ, что женихъ, а то нѣтъ ... не полагаю я этого ...

— Вѣдь, и я сначала подумала, какъ онъ только-что ѣздить-то сталъ къ намъ, что ему Наденька понравилась, а послѣ и виду этого не давалъ замѣтить, и она тоже ... Ну! ... что же мнѣ теперь съ ней дѣлать? ...

— А что? извольте позвать къ себѣ, да безо всякаго безъ гнѣва извольте сдѣлать ваши родительскія наставленія, да постыдите, — вотъ и все тутъ ...

Катерина Михайловна подумала немного и приказала Глафирѣ позвать къ себѣ Наденьку.

Хотя Катерина Михайловна была сильно озадачена и взволнована новымъ для нея открытіемъ, но она была раздражена не столько любовью дочери къ Крушинскому, за которымъ сама ухаживала, сколько тѣмъ, что Наденька такъ искусно умѣла скрывать отъ нея любовь свою, показала совершенное недовѣріе къ такой нѣжной матери, какою Катерина Михайловна считала себя, особенно же тѣмъ, что она вслѣдствіе своего невѣдѣнія играла такую смѣшную роль въ глазахъ Крушинскаго. Катерина Михайловна имѣла очень нѣжное сердце и вѣрила, что имъ управлять нельзя; а потому великодушно прощала любовь дочери, ревность также не мучила ее, ибо она ухаживала за Крушинскимъ не вслѣдствіе страстной любви, а по какой то особенной склонности къ

красивымъ молодымъ людямъ. Слѣдовательно въ настоящемъ случаѣ страдало только самолюбіе матери и женщины, не оскорбленной, но поставленной немного въ невыгодное положеніе.

Наденька явилась по требованію матери. Глафира оставила ихъ наединѣ, а сама помѣстилась за дверью.

— Чего изволите, мамаша?

— Вотъ я чего изволю, рѣзко отвѣчала Катерина Михайловна, бросивъ сердитый взглядъ на дочь: отчего ты не хочешь идти за князя?

Наденьку испугалъ этотъ рѣзкій тонъ, но она собралась съ духомъ и отвѣчала:

— Я ужъ говорила вамъ, мамаша: онъ мнѣ не нравится: я не могу его ни любить, ни уважать.

— Кого же ты любишь и уважаешь?

— Какъ кого? . . .

— Да, да, я тебя спрашиваю: кого? отвѣчай.

— Я люблю папашу, васъ, всѣхъ родныхъ . . .

— А еще кого? . . .

— Какъ кого? . . . опять невольно повторила Наденька.

— Кажется, ясно тебя спрашиваютъ: кого ты любишь? . . .

— Я не знаю, мамаша, про что вы говорите . . . робко проговорила Наденька.

— А, ты не знаешь . . . такъ я знаю . . . Ты думала обмануть меня, одурачить, но я все узнала, все . . . Ты завела связь въ родительскомъ домѣ, въ глазахъ матери и отца . . . Ты дорого за это поплатишься, такъ дорого, что ты и не воображаешь . . .

Наденька поблѣднѣла отъ испуга, въ безсиліи прислонилась къ стѣнкѣ и со страхомъ проговорила:

— Мамаша, что вы хотите со мной дѣлать?

— Что? А ты знаешь своего отца? если я скажу ему, онъ либо заставитъ тебя поневолѣ выйдти за князя, либо прогонитъ изъ дому, запретъ въ монастырь, перестанетъ считать себѣ дочерью . . . Вотъ что я сдѣлаю . . .

Наденька опустилась въ кресла, рыдая истерически.

— Но за что же? чѣмъ же я виновата, что люблю его? . . . пролепетала она прерывающимся голосомъ.

Катерина Михайловна мгновенно смягчилась. Быстро подошла она къ дочери и нѣжно обняла ее съ навернувшимися на глазахъ слезами.

— Надя, ангелъ мой, говорила она ласково, неужели ты сомнѣвалась во мнѣ, неужели ты позабыла, что я тебѣ мать? . . . Можетъ быть тетушка твоя успѣла уже очернить меня въ твоихъ глазахъ, но тебя никто не можетъ любить такъ, какъ мать; какова бы я ни была, но во мнѣ есть сердце . . . Зачѣмъ ты скрывалась передо мною, обманывала меня? . . . ты этимъ меня оскорбила . . .

— Мамаша . . . я не знала, что вы такія . . . говорила Наденька, рыдая и цѣлуя руки матери — спасите меня, защитите меня . . . простите . . . Что мнѣ дѣлать, что я люблю его? . . .

— Ну, перестань же плакать . . . перестань . . . не мучь меня . . . Ты знаешь, какая я нервная . . . я не хочу тебѣ зла . . . Утри же слезы . . .

Катерина Михайловна собственными руками отирала слезы дочери и готова была расплакаться вмѣстѣ съ ней.

— Глупенькая, говорила она ласково и сквозь слезы, неужели ты не понимаешь меня, неужели ты думаешь, я не умѣю понять какъ можетъ быть сильна любовь: у меня у самой чувствительное сердце, я сама еще не старуха . . . я понимаю, что значитъ

страстная любовь ... и я не въ силахъ обвинять тебя, если ты любишь доктора искренно и сильно ...

— О, да, мамаша, ангелъ, душенька ... я люблю его, такъ люблю! ... говорила Наденька, продолжая плакать. Не гнѣвайтесь на меня, что я не сказала вамъ: я не смѣла ... а я не могу его разлюбить ...

— Ну, я прощаю тебѣ все за это признаніе ... Но понимаешь ли ты, мой ангелъ, что не можешь быть счастлива отъ этой любви? ...

— О, нѣтъ, мамаша, я такъ счастлива: онъ любитъ меня ...

— Да что же изъ этого, Надина? ты не можешь принадлежать ему: папаша никогда не рѣшится отдать тебя за него ...

— Я никогда и не думала объ этомъ ...

— Какъ не думала? что же за любовь твоя? Какъ же ты его любишь и не думаешь о томъ, чтобы никогда не разставаться съ нимъ, чтобы принадлежать ему вѣчно.

— Я ни о чемъ не думала, мамаша ... я такъ любила его ...

— Другъ мой, такъ любить нельзя: тебѣ не позволятъ ... Дѣвушка должна любить только того, кому можетъ принадлежать ...

— Что же мнѣ дѣлать мамаша ... я буду принадлежать ему: я ни за кого не пойду, кромѣ его ... Я упрошу папа: онъ согласится отдать меня за него ...

— Объ этомъ и не думай: Крушинскій не знатенъ, не извѣстенъ, бѣденъ ... притомъ такого происхожденія ...

— Онъ будетъ и богатъ, и извѣстенъ ... онъ всего достигнетъ ... А мнѣ что за дѣло до его происхожденія: мнѣ все равно ...

— Тебѣ ... я знаю, все равно, но папенька не такъ будетъ думать: онъ ни за что въ мірѣ не согласится выдать дочь за сына дьячка и не рѣшится вступить въ такое родство. Тебѣ нечего и надѣяться.

— Нѣтъ, папаша добръ, онъ любитъ меня, не захочетъ, чтобы я страдала, онъ все сдѣлаетъ для меня: я увѣрена ...

— Ну, если увѣрена, такъ попробуй, сухо сказала Катерина Михайлавна, только ужъ не жди отъ меня помощи и знай, что отецъ не только не согласится на этотъ бракъ, но даже откажетъ Крушинскому отъ дома и ты никогда не увидишь его ... Попробуй ...

— Мамаша; вскрикнула Наденька, бросаясь къ матери, такъ что же мнѣ дѣлать? Пожалѣйте меня ... Научите: какъ мнѣ быть?

— Мнѣ жалко тебя, Надя ... Но тебѣ нужно ждать и надѣяться. Аркадій Николаичъ долженъ пріобрѣсти славу извѣстность и только тогда развѣ папаша согласится отдать тебя за него ... Вы оба еще такъ молоды, что вамъ можно подождать, а Аркадій Николаичъ такъ уменъ, что можетъ всего достигнуть при своихъ способностяхъ ...

— О, да, да, мамаша, онъ всѣхъ умнѣе ... Онъ прославится, будетъ первымъ лекаремъ ...

— Но, вѣдь, это не такъ скоро можетъ случиться, какъ ты думаешь ...

— Какъ бы ни было долго, я буду ждать ...

— Но, можетъ-быть, вамъ надобно будетъ для этого разстаться ...

— Разстаться? ... Онъ уѣдетъ?

— Да ... это случится непремѣнно: полкъ ихъ не будетъ стоять здѣсь постоянно ...

— Я никогда не думала объ этомъ: мнѣ и въ голову не приходило ... О, какъ это тяжело, мамаша! ... Я не буду видѣть его ... Нѣтъ, нѣтъ, я не могу разстаться съ нимъ ...

— Но безъ этого нельзя ... здѣсь ему нельзя прославиться ... Онъ, я думаю, долженъ будетъ ѣхать въ Петербургъ или въ Москву, и тамъ поступитьна службу ...

— А потомъ онъ будетъ мой? ...

Катерина Михайловна невольно улыбнулась наивности своей дочери.

— Охъ, какой еще ты ребенокъ, Надя ... Это все зависитъ отъ обстоятельствъ: не такъ легко пріобрѣсти знаменитость, какъ ты думаешь ... Можетъ быть, пройдетъ не одинъ, не два и не три года ... Притомъ и тогда будетъ трудно убѣдить Ѳедора Иваныча но ты должна надѣяться на меня, если вѣришь мнѣ ...

— О, да, я вѣрю вамъ, мамаша? ... Но пусть онъ нескоро уѣзжаетъ ... Я не могу скоро ... разстаться съ нимъ ...

Наденька рыдала.

— Мамаша, душенька, продолжала она, цѣлуя руки матери, я буду долго ждать пока онъ прославится, но только, чтобы онъ былъ мой ... Скажите мнѣ, ручаетесь ли вы, что когда-нибудь придетъ время, что мы не будемъ разставаться съ нимъ, что папаша отдастъ меня за него ...

— Я сдѣлаю для тебя все, что могу и, кажется, что успѣю побѣдить гордость отца ... Но, Надина, ты должна надѣяться только на меня одну ... Скажи мнѣ откровенно: видишь ли ты теперь, что только одна мать можетъ любить тебя искренно, что только она одна можетъ сочувствовать тебѣ? ...

— Да, да, мамаша, я это вижу ... я теперь убѣдилась въ этомъ ...

— Ну, признайся же мнѣ, отчего до сихъ поръ ты не только не была откровенна со мною, но всегда такъ недовѣрчива и холодна? ...

— Мамаша, я не понимала васъ, я не такъ объ васъ думала ... отвѣчала Наденька, опуская глаза. Простите меня ... Я теперь буду любить васъ много, много ...

— Но скажи мнѣ: вѣрно Клеопатра Петровна говорила тебѣ что нибудь про меня... Скажи правду...

— Да, мамаша ... Но не говорите объ этомъ больше ... Наденька обняла Катерину Михайлову и скрыла лицо свое у нея на груди, что она дѣлала съ необыкновенной граціей и нѣжностью, свойственной ея искренной, благородной натурѣ и доброму сердцу.

— Нѣтъ, Наденька, я хочу говоритъ объ этомъ ... Ты какъ то размягчила мое сердце, мнѣ что то такъ легко и хорошо: твои ласки и твоя любовь что ли это сдѣлали, я не знаю ... Мнѣ хочется, чтобы ты знала о моихъ прошедшихъ страданіяхъ. Ѳеодоръ Иванычъ отказалъ мнѣ въ послѣднемъ удовольствіи: пересталъ ѣздить по зимамъ въ Москву и Петербургъ. Я скучала въ деревенской жизни ... неудачи и скука раздражали меня, разстроивали мои нервы — иногда страшная тоска грызла меня, наконецъ мнѣ стало казаться, что я безпрестанно больна ... Я чувствую даже, что въ послѣдніе годы совершенно измѣнилась и что характеръ мой испортился ... Васъ, дѣтей, не было со мной, чтобы вы своею любовью и ласками могли вознаградить во мнѣ потребность сочувствія; потомъ Полю отдали въ корпусъ, тебя въ пансіонъ ... Теперь ты пріѣхала такая

холодная, равнодушная ко мнѣ, а мнѣ нужно, чтобы меня любили безпредѣльно ... Можетъ-быть, если бы тетушка не постаралась очернить меня въ твоихъ глазахъ, ты не такъ бы любила меня?

Катерина Михайловна опустила голову и задумалась, глаза ея были полны слезъ: она говорила искренно, можетъ быть, она прикрасила себя, но, по крайней мѣрѣ, была вполнѣ убѣждена въ томъ, что говорила и потому то рѣчь ея была такъ задушевна, такъ складна ...

— Нѣтъ, нѣтъ, мамаша! я была виновата передъ вами, но теперь я знаю каковы вы и буду любить васъ всей душой.

— Да, да, мой ангелъ, люби меня и не суди строго ... Мнѣ нужна твоя любовь и ласка, какъ всякому страдающему, болѣзненному существу. Я тебѣ первой открыла свою душу и ты должна меня цѣнить и понимать! говорила Катерина Михайловна, съ величайшимъ удовольствіемъ предаваясь ласкамъ дочери.

Великія мастерицы женщины притворяться, обманывать, но еще искуснѣе умѣютъ оправдывать себя. Дѣло не въ томъ только, что онѣ успѣваютъ, если захотятъ, оправдать себя въ глазахъ другого, онѣ оправдываютъ себя передъ самими собой; во всѣхъ своихъ неправильныхъ поступкахъ онѣ видятъ необходимость слѣдовательно почти законность: рѣдко согласятся онѣ, что виноваты въ чемъ нибудь сами, но непремѣнно винятъ судьбу, обстоятельства или другихъ людей. Если васъ, неопытнаго и довѣрчиваго, увлекала въ свои сѣти кокетка и вы, узнавши лживость ея чувствъ и поступковъ, вздумаете упрекать ее, она вамъ докажетъ очень ясно, что виноваты вы сами: зачѣмъ дались въ обманъ, а

не она, обманувшая васъ. Если вы встрѣчаете женщину, которая вслѣдствіе страсти къ нарядамъ, роскошной жизни, вообще вслѣдствіе мотовства, прожила все свое состояніе и впала въ нищету, она, навѣрно, винитъ въ этомъ общество, среди котораго вращалась, и которое не умѣло примѣнять своихъ требованій къ ея средствамъ, или оправдываетъ себя неопытностью въ денежныхъ разсчетахъ. Если жена своими капризами, претензіями, незаслуженными упреками, ревностью или чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ умѣла охладить любовь къ себѣ мужа — виноватъ онъ, мужъ, который не умѣлъ понять ее, а не она. Если женщина измѣнила мужу, который былъ очень добръ и довѣрчивъ, а потомъ, открывши ея невѣрность, разошелся съ нею, виноватъ конечно мужъ, который былъ очень равнодушенъ и невнимателенъ къ своей женѣ, который, зная слабость женской натуры, не умѣлъ отклонить ее отъ опасности, или, поддержать во время паденія, который, не любя ее, можетъ быть, даже нарочно давалъ ей полную свободу, чтобы послѣ разойтись съ нею. Если мужъ старъ, а жена молода и позволяетъ себѣ нѣкоторыя уклоненія отъ супружескихъ обязанностей, то виновата судьба, устроившая такой неровный бракъ. Если мать не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на воспитаніе дѣтей и дѣти дѣлаются дурными людьми и забываютъ всякое почтеніе къ матери, виноваты, конечно, они, дурные дѣти, а она, она несчастная мать ... Такъ оправдываютъ себя подобныя женщины — и что всего удивительнѣе — оправдываютъ съ полнымъ убѣжденіемъ въ своей невинности тогда, какъ, повидимому, трудно даже умышленно придумать какое-нибудь оправданіе. Мудрено ли же, что оправдывала себя Катерина Михайловна, на-

сторонѣ которой дѣиствительно было еще нѣсколько правды, по крайней мѣрѣ въ томъ, что она дѣйствительно скучала и тосковала, но оттого, что не умѣла ни чѣмъ серьезно заняться, ни въ чемъ найдти пищи для своего ума и сердца: что она имѣла нѣжное доброе сердце, зато никакихъ убѣжденій. Наденька была еще очень молода, неопытна, къ тому же слишкомъ добра и воспріимчива, чтобы понять справедливость жалобъ матери: она могла только разстрогаться, сочувствовать матери, жалѣть о ней, раскаивалась въ своей прежней холодности, чувствовала, что любитъ ее болѣе и внутренно давала себѣ слово преданностью, нѣжностью и ласками залѣчить раны больного сердца матери и загладить свое прежнее съ нею поведеніе.

— А Клеопатрѣ Петровнѣ грѣхъ и стыдно чернить мать въ глазахъ дочери, продолжала Катерина Михайловна: если я и имѣю какіе-нибудь недостатки, — она должна бы скрывать ихъ передъ тобою, чтобы не разрушать любви между нами ... Ну, да кто, впрочемъ, очень осуждаетъ другихъ за какіе нибудь поступки, навѣрно, самъ виноватъ въ нихъ еще больше ... Скажи, что она такое говорила тебѣ про меня ...

— Ну, что, мамаша, объ этомъ вспоминать теперь: я не вѣрю!

— Нѣтъ, нѣтъ, скажи, что-нибудь ...

— Что же, мамаша, вамъ сказать? ... Вотъ напримѣръ . . да, нѣтъ, это вздоръ! ...

— Скажи, скажи: я хочу непремѣнно знать ...

— Говорила, что вы ... нѣтъ, мамаша, избавьте: мнѣ стыдно говоритъ объ этомъ.

— Ничего, ничего! говори: я требую.

— Что вы будто бы ... не равнодушны къ Кру

шинскому ... Катерина Михайловна вспыхнула, глаза ея заблистали, но она скоро оправилась.

— Ну, видишь-ли, мой другъ, какая она низкая сплетница: похоже ли хоть сколько нибудь это на правду — ты сама можешь судить изъ сегодняшняго нашего разговора.

— Я вижу, что вздоръ!

— Вотъ такъ-то справедливы всѣ ея разсказы обо мнѣ; вотъ слушай ее и вѣрь, если хочешь. Какъ скверно! ... А вотъ она сама, такъ я вижу, что неравнодушна къ нему — это я давно замѣчаю ...

— Неужели, мамаша?

— Ну, посмотри сама, если не вѣришь ...

У Наденьки тотчасъ явились въ головѣ какія то смутныя, неясныя представленія, которыми слова матери какъ будто оправдывались; сердце ея сжалось отъ ревности и досада закралась въ душу: равнодушіе, которое она чувствовала къ тетушкѣ вмѣсто прежней любви, готово было превратиться въ ненависть.

— Теперь я понимаю, почему она такъ старалась вооружить меня противъ него ... Ахъ, какая дурная женщина — тетенька ... Богъ съ ней, я не стану любить ее ...

— Вѣрь, мой ангелъ, что одна мать можетъ быть тебѣ вѣрнымъ другомъ ...

— Мамаша, такъ онъ будетъ мой? Я могу любить его?

— Я тебѣ сказала, что сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ ... Но ты ото всѣхъ, кромѣ меня, должна скрывать любовь свою и главное! отъ отца ... А то, если онъ замѣтитъ прежде времени, можетъ разстроиться все твое счастье ...

— Благодарю васъ, мамаша, душенька ... А князю откажите: мнѣ противно и думать о немъ ...

— А, вѣдь, князь, Надя, лучше Крушинскаго лицомъ ...

— Не говорите, ради Бога, мамаша, этого: Крушинскій для меня всѣхъ лучше, всѣхъ на свѣтѣ ... И какъ можно сравнивать съ нимъ кого-нибудь ...

— Ахъ, ты дурочка, дурочка! ... съ улыбкою сказала Катерина Михайловна. Ты теперь пока совершенно счастлива!

— Да, мамаша, совершенно счастлива, только бы онъ не уѣзжалъ скоро ...

Разговоръ продолжался еще нѣсколько времени о Крушинскомъ. Катерина Михайловна интересовалась узнать въ подробности: какимъ-образомъ полюбила Наденька Крушинскаго, какъ она убѣдилась въ его любви, гдѣ и когда они объяснились. Наденька разсказала все, но умолчала, изъ какой-то невольной стыдливости, о поцѣлуѣ послѣдняго свиданія. Катерина Михайловна слушала эти разсказы съ глубочайшимъ сочувствіемъ и очевиднымъ удовольствіемъ: какъ будто мысленно она переживала всѣ ощущенія любящаго сердца Наденьки. Съ жаднымъ любопытствомъ, но съ иными чувствами, слушала всѣ эти разговоры Глафира въ сосѣдней комнатѣ, за дверями.

— И онъ никогда ничего не говорилъ тебѣ о своемъ намѣреніи просить твоей руки? спросила Катерина Михайловна.

— Нѣтъ, мамаша, ни одного слова!

— Видно, онъ самъ, бѣдный, понимаетъ, что это не возможно. Но Богъ милостивъ, я какъ нибудь устрою ваше счастье! ...

Наденька горячо благодарила мать.

Она удалилась съ успокоеннымъ сердцемъ, но съ невольной, безсознательной грустью: эта грусть про-

исходила, можетъ быть, оттого, что Наденька, наконецъ, должна была подумать о своей любви и своемъ будущемъ, что она вышла изъ того мечтательнаго міра любви, въ которомъ жила до сихъ поръ и обратилась къ дѣйствительности. Правда, эта дѣйствительность была скрашена мечтами и надеждами, но все таки она была горька. Наденька была рада, что получила право любить Крушинскаго, что пріобрѣла себѣ защитницу, что избавилась отъ преслѣдованій князя, но что же изъ этого? будетъ ли она когда нибудь вполнѣ счастлива, будетъ ли принадлежать ему одному нераздѣльно? она поняла теперь, что для полнаго счастья не достаточно еще любить и быть любимой, что для этого надо еще принадлежать любимому человѣку ...

Въ глубокомъ раздумьи сидѣла она въ своей комнатѣ, положивши голову на руку и устремивши глаза вдаль по снѣжному полю, виднѣвшемуся изъ оконъ: не скоро замѣтила она стоявшую передъ ней нѣжно улыбающуюся Глафиру.

— Что, няня? спросила Наденька, разсѣянно взглянувши на нее.

— А вотъ, моя красавица, стою да любуюсь на васъ: о чемъ задумались, моя кралечка? теперь горевать не объ чемъ, Богъ дастъ все уладится; маменька васъ не покинутъ, моя сизокрылая, только во всемъ положитесь на нихъ.

— Про что ты говоришь, няня?

— Ахъ, вы мои красавицы писаныя, отвѣчала Глафира съ улыбкой: кабы вы знали, кто все это для васъ сдѣлалъ: кто маменькѣ вашу душу открылъ и всѣ чувства разсказалъ, кто ихъ сердце вашимъ горемъ разжалобилъ, да любезнаго-то нахваливалъ, кабы

знали вы, барышня, все это, да вѣдали, такъ бы и не думали, что нянька-то у васъ извергъ, али ехидна какая ...

— Такъ ты все это разсказала маменькѣ? быстро спросила Наденька, устремляя на Глафиру свои большіе глаза.

— То-то и есть, моя ненаглядная! ... а вамъ-бы и грѣхъ отъ няньки таиться: ужъ я, кажется, всю душу то вашу на скрось вижу: вы поглядите только на человѣка-то, такъ я знаю, что у васъ на сердечкѣ лежитъ, такъ ужъ отъ меня нечего скрываться ... А вы все какъ бы отъ старой няньки прочь, да дальше ... Развѣ это не обидно? Да другая на моемъ мѣстѣ, узнавши все это, того бы наговорила, да напутала ... А я вотъ, небось, вамъ же порадѣла, даромъ, что вы меня не жалуете, да гнушаетесь за мою любовь ... Кабы не я, такъ не то, чтобы этакъ маменька за васъ вступилась, а и дохтура то бы вы въ глаза не видали ... А теперь вотъ какъ все дѣло обошлось: къ полному удовольствію ...

— Почемъ же ты знаешь, няня, что у насъ было съ маменькой? ...

— Ахъ, ангелъ вы мой, какъ же мнѣ не знать, коли все это отъ меня и сталося... Сначала, вѣдь, маменька-то какъ огнѣвилась, узнавши про вашу любовь! ... Ну, а тутъ я такъ ихъ душеньку разжалобила, такъ всѣ ваши чувства имъ представила, что маменька-то индо всплакались, а я и говорю: ужъ, я говорю, матушка, судьбы не обойдешь, а вы то, я говорю, подумайте, что каковъ человѣкъ прекрасный Аркадій Николаичъ, да и пожалѣйте нашу барышню красавицу, наше счастье ненаглядное, что каковы ихныя смертельныя чувствованія ...

Все въ той же позѣ, положивши голову на руку, сидѣла Наденька и слушала длинныя рѣчи няньки, не сводя съ нея равнодушнаго, разсѣяннаго взгляда. Этотъ взглядъ ясно показывалъ, что Наденька не чувствуетъ особенной благодарности за услужливость няньки и что инстинктивно, не вполнѣ вѣритъ ея искренности. Этотъ взглядъ могъ бы смутить кого-нибудь другого, но не Глафиру.

— Такъ-то, моя кралечка, такъ и нечего вамъ безпокоиться .. Нянька-то хоть и старая, и отставная, и нелюбимая, для васъ то сдѣлала, чего никакая ваша фаворитка не сдѣлаетъ.

Глафира наклонилась къ Наденькѣ, обняла ее и поцѣловала. Наденька слегка оттолкнула ее.

— А зачѣмъ ты сказала, няня, маменькѣ? вѣдь я тебя не просила объ этомъ.

— Ахъ, мой ангелъ, зачѣмъ сказала? для вашей же пользы! ...

— А можетъ быть, лучше бы было, если бъ ты не сказывала ...

— Да чѣмъ же лучше, моя радость? Теперь, покрайности, маменька знаютъ, чего вашему сердечку нужно, да во всемъ порадѣть могутъ, и нянька старая все сдѣлаетъ, что только бы было къ вашему удовольствію ... Вѣдь мы, радость моя, привыкли служить господамъ-то не такъ, какъ нынѣшнія, не на однихъ словахъ, а дѣломъ, да правдой ... А нынче послуга-то какая? пришла, да наговорила вамъ, что и слушать нечего, да и вся услуга въ томъ ...

— А зачѣмъ же, нянька, ты нахваливала мнѣ князя, зачѣмъ ты разспрашивала обо всемъ его кучера, да сватала меня? ... вѣдь я все знаю ...

Глаза Глафиры злобно заблистали ...

— А! это вамъ Грашка-то насплетничала ... То-то она подсмотрѣть-то, да языкомъ поболтать горазда, да на послугу-то ея нѣтъ ... Радость моя, не вѣрьте вы ей: и купитъ и продастъ она васъ ни за-что ... Я вамъ истинно говорю ... Если я что и дѣлала, такъ для васъ же, старалась какъ бы все узнать, да устроить какъ бы все лучше ... А ужъ, кажется, не выдамъ свою барышню, хоть кровь изъ меня ручьемъ сочи ... А вотъ она, такъ небось, побѣжала, да по всей дворнѣ все разславила.

— Какъ? я разсказала? отозвалась Аграфена грозная и гнѣвная являясь изъ сосѣдней комнаты, гдѣ она имѣла свою постоянную резиденцію, окруженная шкапами, комодами и сундуками, хранившими платья и бѣлье ея барышни.

— Я разсказала? ...

— Такъ какъ же, матка, али нѣтъ? отозвалась Глафира, перемѣняя тонъ: отъ кого же я-то узнала? ...

— Ахъ ты ядъ! какъ тебя земля то держитъ на себѣ, экое мѣсто? ... Полно, ехидна ты этакая, аспидъ живой ...

— Аграфена, можешь замолчать! замѣтила Наденька.

— Вотъ нынче какое уваженіе къ господамъ-то: какъ при барышнѣ горничная дѣвушка поговариваетъ! ... Хороша же и горничная! ... говорила Глафира, сдерживая свой гнѣвъ, готовый перейдти въ остервененіе.

— Няня, уйди отсюда, пожалуйста, продолжала Наденька. Я очень тебѣ благодарна за твою услужливость, только прошу тебя, не заботься обо мнѣ, пожалуйста, и не обращай на меня никакого вниманія, какъ будто меня совсѣмъ и на свѣтѣ нѣтъ ...

— Не могу я этого сдѣлать, мой ангелъ! не такъ мы отъ господъ своихъ пріучены: мы пріучены служить вѣрой и правдой ...

— Къ чему-же навязываться съ услугой тамъ, гдѣ она не нужна ... Ты только дѣлай то, о чемъ я тебя попрошу ... Ну, подите отсюда, пожалуйста, обѣ ... Да Аграфена, прошу, чтобы я не слыхала никакой брани и спора ...

— Покорно благодарю на ласковомъ словѣ, да на привѣтѣ! язвительно проговорила Глафира, насильно цѣлуя ручку Наденьки. Можетъ, Богъ приведетъ, и безъ няньки не обойдетесь ...

Съ этими словами она ушла изъ комнаты Наденьки, бросая свирѣпые взгляды на Аграфену, которая отвѣчала ей также безмолвно и выразительно.

Наденька снова предалась своимъ думамъ.

— Да, теперь многіе, а скоро всѣ узнаютъ, что я люблю его, думала Наденька. Что же? пусть узнаютъ: я не побоюсь всѣмъ сказать, что люблю его и не хочу никому принадлежать, кромѣ его ... Никакія силы не отнимутъ его у меня! ...

А между тѣмъ невольная тоска овладѣла сердцемъ Наденьки.

IX.

На слѣдующій день послѣ посѣщенія Добраго. Крушинскій пріѣхалъ къ Коркинымъ, ничего не подозрѣвая о случившемся наканунѣ. Онъ былъ принятъ по обыкновенію дружественно и привѣтливо, но въ обращеніи Катерины Михайловны была замѣтна перемѣна: она не кидала на доктора быстрыхъ и страстныхъ взглядовъ, какъ прежде, не говорила при всякомъ удобномъ случаѣ многозначительныхъ

намековъ, не опускала глазъ при встрѣчѣ съ его взглядомъ, не преслѣдовала его и не надоѣдала неутомимой угодительностью; напротивъ, она говорила и смотрѣла на доктора съ лаской нѣжной матери, съ сознаніемъ своихъ правъ, она ожидала отъ него вниманія и угодительности. Крушинскій, вниманіе котораго было сосредоточено исключительно на Наденькѣ, не замѣчалъ этой перемѣны, но чувствовалъ себя какъ-то свободнѣе въ этотъ разъ съ Катериною Михайловною. Зато онъ замѣтилъ, что Наденька гораздо ласковѣе обыкновеннаго съ матерью и что послѣдняя часто взглядываетъ на нее съ улыбкою, отъ которой Наденька конфузится. Впрочемъ, эти наблюденія не измѣнили ни въ чемъ внѣшнюю холодность между Крушинскимъ и Наденькою.

Время проходило въ обыкновенныхъ, не важныхъ разговорахъ, пока не явился слуга съ докладомъ: — человѣкъ отъ Хрящевыхъ съ письмомъ.

— Что такое? былъ общій вопросъ, высказанный или мысленный.

Ѳедоръ Иванычъ приказалъ принести къ себѣ письмо.

Изъ конверта былъ вынутъ сначала листъ почтовой бумаги, на которомъ было написано слѣдующее:

Андрей Марковичъ и Татьяна Ивановна Хрящевы покорнѣйше просятъ пожаловать 5 сего февраля, въ 8 часовъ вечера, на балъ и ужинъ въ свой собственный домъ.

На оборотѣ значилось: его высокородію, Ѳедору Иванычу Коркину, со всѣмъ семействомъ.

— Вотъ какъ! замѣтила Катерина Михайловна, когда Ѳедоръ Иванычъ прочелъ приглашеніе. Какіе парады! хотятъ пыль задать, по столичному, не правда ли, сестрица?

— Можетъ-быть! отвѣчала Клеопатра Петровна. Только замѣтьте: они просятъ васъ пожаловать на балъ въ вашъ собственный домъ. — Не правда ли, докторъ? — и тетушка взглянула на Аркадія Николаича съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣла сказать: не правда ли, какая я насмѣшница и какъ наблюдательна!

Всѣ засмѣялись.

— Погодите! Вотъ еще письмо ко мнѣ, сказалъ Ѳедоръ Иванычъ и прочиталъ вслухъ:

Милостивый Государь мой,

Ѳедоръ Иванычъ!

Пользуясь всегдашнимъ вашимъ расположеніемъ, считаю для себя наипріятнѣйшею обязанностью просить васъ, милостивый государь, осчатливить насъ своимъ посѣщеніемъ на предполагаемую вечеринку, со всѣмъ любезнѣйшимъ вашимъ семействомъ. Жена моя, совокупно со мною усерднѣйше просимъ почтеннѣйшую супругу вашу, Катерину Михайловну и любезнѣйшую дочь, Надежду Ѳедоровну, не отказать намъ въ семъ посѣщеніи. А также, хотя не имѣемъ чести пользоваться знакомствомъ домами почтеннѣйшей сестрицы вашей Клеопатры Петровны, но много бы и сердечно одолжили, если бы не отказлли въ своемъ посѣщеніи. Впрочемъ, съ глубочайшимъ моимъ уваженіемъ и совершенной преданностью имѣю честь быть и проч.

Андрей Хрящевъ.

— Ну, что вы скажете, барыни? спросилъ Ѳедоръ Иванычъ, прочитавши письмо.

— За меня вы, братецъ, смѣло можете отвѣтить: я не поѣду.

— Ну, а намъ надо съѣздить, возразилъ Коркинъ, неловко: такъ убѣдительно просятъ. — По слабости человѣческой, Ѳедоръ Иванычъ былъ польщенъ вѣжливымъ письмомъ Хрящева.

— И бѣдную Надину повезете въ эту тоску, къ этимъ оригиналамъ? спросила Клеопатра Петровна.

— Что за тоска, сестрица? Мы сами живемъ въ деревнѣ и такіе же оригиналы, какъ и всѣ другіе, и Надя должна жить въ томъ же обществѣ, не должна ни кѣмъ гнушаться! съ колкостью возразила Катерина Михайловна. Мы сами, можетъ быть, всѣхъ смѣшнѣе. Надя, ты вѣрно, поѣдешь?

— Если вамъ угодно, мамаша, съ удовольствіемъ, отвѣчала Наденька.

Тетушка была сконфужена и оскорблена, но отвѣчала только легкой усмѣшкой и презрительной улыбкой.

— Поди, скажи, обратился Ѳедоръ Иванычъ къ своему слугѣ, чтобы клянялся господамъ и доложилъ, что постараемся быть.

— А вы, Аркадій Николаичъ, будете у нихъ? спросила Катерина Михайловна.

— Нѣтъ, вѣдь я незнакомъ!

— Очень жаль.

— Но я воображаю, что это будетъ за балъ; вѣроятно съ фейерверкомъ! сказала Клеопатра Петровна со смѣхомъ.

— Охъ, вы, столичные жители! бѣда отъ васъ намъ, провинціаламъ! шутливо замѣтилъ Ѳедоръ Иванычъ. А впрочемъ, мы того и стоимъ: ну, къ чему вотъ, напримѣръ, хоть бы Хрящевы, затѣваютъ этотъ балъ? къ чему эти лишнія траты? ...

— Ахъ, Теодорушка: у нихъ дочь невѣста: можетъ быть, ей хотятъ доставить удовольствіе.

— Ну, что же такое, что дочь невѣста? Любитъ поплясать? такъ для этого вотъ устроены собранія. Чего же имъ еще больше? Нѣтъ, а мы любимъ тоже потщеславиться, что, вотъ дескать, мы каковы: балы даемъ ...

— Нѣтъ ли тутъ особенной причины, замѣтилъ Крушинскій: не будетъ ли объявленія о помолвкѣ дочери Хрящевыхъ за князя Бандурова: говорятъ, они давно считаются женихомъ и невѣстой! ... Меня наводитъ на эту мысль особенная торжественность приглашенія черезъ билеты ...

Всѣ Коркины многозначительно переглянулись при этихъ словахъ доктора. Наденька сконфузилась. Ѳедоръ Иванычъ спѣшилъ скрыть свое изумленіе отъ вниманія доктора.

— Да, но, вѣдь, знаете, сказалъ онъ: эти слухи о женихахъ и невѣстахъ въ уѣздныхъ городкахъ мѣняются каждый день по нѣскольку разъ.

Крушинскій, впрочемъ, замѣтилъ общее движеніе, замѣтилъ и смущеніе Наденьки: зная, что Бандуровъ неравнодушенъ къ ней, онъ умышленно повторилъ общій городской слухъ. Вліяніе его словъ на Коркиныхъ, а особенно на Наденьку, сильно его встревожило.

— Нѣтъ, этотъ слухъ держится въ нашемъ городкѣ уже давно, да и самъ я слыхалъ отъ князя восторженные разсказы о Хрящевой и знаю, что онъ, по крайней мѣрѣ, прежде бывалъ у нихъ почти каждый день.

— Да! ... Ну, знаете, какъ молодой человѣкъ! ... А впрочемъ, что же! дай Богъ: эта партія очень хорошая для Хрящевой, да она и стоитъ: дѣвушка

миленькая и я отъ души порадуюсь, если это правда.

— Впрочемъ, Ѳедоръ Иванычъ, я не ручаюсь за этотъ слухъ, продолжалъ докторъ, да и вообще не охотникъ слушать и передавать городскіе слухи, и сказалъ только кстати, тѣмъ болѣе, что въ характерѣ князя сегодня восхищаться одною, а завтра другою ...

— Какъ и всѣ молодые люди! замѣтилъ Коркинъ, а между тѣмъ подумалъ: однако хорошо, что я узналъ это о князѣ! Какъ видно, онъ молодой человѣкъ не совсѣмъ надежный, если правду говоритъ докторъ! Видно, Наденька справедлива, и женское чутье сильнѣе опытности въ этомъ дѣлѣ ...

— Вы очень строги, Ѳедоръ Иванычъ, къ молодымъ людямъ въ вашемъ приговорѣ! возразилъ докторъ.

— Я сужу по опытности.

— Не спорю съ вами, что большинство таково: но неужели вы не допускаете исключеній?

— Да, въ романахъ.

— Такъ по вашему мнѣнію: счастливаго супружества, основаннаго на постоянной любви, и быть не можетъ?

— Супружество дѣло другое. Женясь, молодой человѣкъ измѣняется.

— Такъ, значитъ дѣвушка должна дѣлать выборъ мужа на счастье: вѣдь, нельзя же сказать, что всякой, вступая въ бракъ, измѣняется.

— Почти что такъ и потому-то я считаю совершенно благоразумнымъ и законнымъ право родителей управлять дочерью въ выборѣ мужа: ихъ опытность рѣдко ошибется.

— Не смѣю спорить противъ правъ родителей

на дѣтей, но если выборъ родителей не согласенъ съ выборомъ дочери: неужели вы допускаете принужденіе?

— Отчасти — да! Потому что выборъ дѣвушки часто бываетъ совершенно безуменъ и происходитъ или изъ каприза, или изъ временной привязанности ...

— Такъ вы совершенно отвергаете возможность страстной любви, которая родится въ сердцѣ безсознательно и отъ которой человѣкъ можетъ умереть, если ее будетъ насильственно уничтожать ...

— Вотъ ужъ, признаюсь, рѣшительно не вѣрю ...

— Ѳедоръ Иванычъ, но неужели вамъ въ жизни не удавалось знать или слышать о людяхъ, которые убивали сами себя отъ безнадежной страсти?

— Случалось, но это люди сумасшедшіе и невѣрующіе ...

— Соглашаюсь, что тутъ есть и сумасшествіе и невѣріе, но, вѣдь, эти страшныя болѣзни происходятъ отъ любви же.

— Ну, а люди, склонные къ такимъ болѣзнямъ, еще опаснѣе непостоянныхъ: говорятъ, всякой молодой человѣкъ перебѣсится и потомъ дѣлается степеннымъ и любящимъ мужемъ; а если такой господинъ, ужъ женясь то, влюбится опять въ кого-нибудь, такъ непремѣнно застрѣлится и оставитъ бѣдную вдову ...

— Но, вѣдь, бываютъ и другіе исходы несчастной любви: человѣкъ чахнетъ отъ постоянной тоски и умираетъ, не дѣлаясь ни сумасшедшимъ, ни невѣрующимъ.

— Ну, подобныхъ примѣровъ я не видалъ, и признаюсь, не вѣрю, чтобы это могло быть.

— Да не видали потому, что подобные люди

не любятъ высказывать своихъ чувствъ и таютъ незамѣтно для другихъ и даже для самихъ себя ...

Невольный вздохъ вырвался изъ груди Крушинскаго.

— И, полноте, молодой человѣкъ, все это романтическія идеи: въ жизни этого никогда не бываетъ ...

Крушинскій не возражалъ болѣе, чувствуя, что можетъ зайти очень далеко, но былъ огорченъ словами Ѳедора Иваныча, которыя онъ считалъ выраженіемъ его неизмѣнныхъ убѣжденій. Мало утѣшительнаго представлялось ему въ будущемъ, когда онъ вспомнилъ при этомъ о гордости Коркина Грустно взглянулъ онъ на Наденьку и уныло опустилъ голову, забывая, что за нимъ въ это самое время могла слѣдить Клеопатра Петровна, которая сначала слушала споръ, чтобы наслаждаться, ибо она, какъ извѣстно, очень любила споры умныхъ людей, а потомъ уже дѣйствительно наблюдала за докторомъ и замѣтила его взглядъ, брошенный на Наденьку. Но послѣдняя не поднимала глазъ въ продолженіе всего спора и трепетала при мысли, что Крушинскій, увлеченный такимъ опаснымъ разговоромъ, выскажетъ отцу свои чувства и возбудитъ его подозрѣнія.

— Такъ онъ все еще любитъ ее, думала Клеопатра Петровна съ внутреннимъ волненіемъ, да и откуда же я взяла, что онъ разлюбилъ ее? Онъ скрывается, хитритъ! ... А она? неужели и она также? О, въ такомъ случаѣ, значитъ, они имѣютъ тайную переписку или тайныя свиданія ... Но послѣднее невозможно, значитъ первое ... Черезъ кого же, какъ? Надо удвоить вниманіе — и наказать хитрячку, открывши глаза отцу! ...

Катерина Михайловна также замѣтила, въ какой степени былъ огорченъ Аркадій Николаичъ словами ея мужа и понимала причину эгого огорченія. Она рѣшилась утѣшить его.

— Я такъ вѣрю въ постоянную, страстную любовь, сказала она, и убѣждена, что рано ли, поздно ли, но она все можетъ преодолѣть и достигнуть своей цѣли.

Но эти слова не утѣшили, а только раздражили Крушинскаго, потому-что онъ принялъ ихъ за одинъ изъ тысячи подобныхъ намековъ, слышанныхъ имъ изъ устъ Катерины Михайловны.

— А я такъ думаю, что надо различать страстную любовь, замѣтила Клеопатра Петровна: иногда она бываетъ ребяческая шалость, не больше, которая тотчасъ проходитъ какъ только запретятъ ребенку играть въ такую опасную и дурную игру.

Медленно, но смѣло подняла Наденька свои прекрасные глаза на тетку и гордо взглянула на нее. Клеопатра Петровна была поражена этою дерзкою выходкою смѣлаго ребенка и пріискивала въ изобрѣтательной головѣ еще болѣе чувствительную шпильку, когда Катерина Михайловна сказала совершенно неожиданно:

— Въ эту игру дѣти не играютъ, сестрица, а играютъ въ нее больше пожилыя женщины.

Клеопатра Петровна вздрогнула какъ ужаленная и отвѣчала съ какой-то особенной улыбкой:

— Да, это правда, и согласитесь, что пожилыя женщины бываютъ очень смѣшны, когда начинаютъ шалить такимъ непозволительнымъ образомъ, особенно если онѣ замужемъ.

Клеопатра Петровна взглянула на сестрицу такимъ взглядомъ, какъ будто хотѣла сказать: что, каково? будешь въ другой разъ затрогивать?

Катерина Михайловна была не изъ такихъ, чтобы уступить своей сестрѣ и на устахъ ея вертѣлся отвѣтъ для сестрицы очень опредѣленный и рѣзкій, но по долгу гостепріимства она не высказала его, за то еще глубже затаила въ душѣ злобу противъ любезной кузины.

Ѳедоръ Иванычъ понялъ смыслъ деликатной перебранки свояченицъ и, снисходительный къ тому, что говорила жена, былъ очень недоволенъ словами сестры и, давши разговору другое направленіе, довольно сухо отвѣчалъ на слова Клеопатры Петровны, а потомъ вскорѣ и вовсе остановилъ бесѣду, которая тянулась вяло, ибо Крушинскій былъ мраченъ и молчаливъ.

Тетушка была очень разсержена и, посидѣвши нѣсколько минутъ въ отсутствіи брата, молча, надувшись, также удалилась въ свою комнату. Катерина Михайловна проводила ее презрительной улыбкой, потомъ съ усмѣшкой взглянула на дочь.

— Что вы какой скучный? сдросила она Крушинскаго.

— Нѣтъ ... Ничего особеннаго: я, кажется, въ обыкновенномъ расположеніи духа.

— Нѣтъ, я вижу, что вы разстроены чѣмъ-то ... Знаете, что я вамъ скажу въ утѣшеніе: вы еще молоды, вамъ надо вѣрить въ счастье.

Крушинскій быстро и вопросительно взглянулъ на Катерину Михайловну, можетъ быть, удивляясь, что она при дочери рѣшилась начать разговоръ, отъ котораго онъ всегда уклонялся, оставаясь съ нею наединѣ.

— Я вамъ говорю, какъ мать сыну! сказала Катерина Михайловна многозначительно.

Крушинскій вздрогнулъ.

— Наденька, хоть бы ты сыграла что-нибудь для Аркадія Николаича: можетъ-быть, онъ сдѣлался бы повеселѣе.

— Хотите? спросила Наденька Крушинскаго такимъ ласковымъ, непринужденнымъ тономъ, какъ-будто говорила съ нимъ наединѣ.

Докторъ встрепенулся отъ этого голоса, былъ совершенно озадаченъ и смущенъ, но высказалъ благодарность за предложеніе и желаніе слушать музыку.

— Ну, такъ я вамъ не буду мѣшать: мнѣ надо распорядиться кое-чѣмъ ... Говорю вамъ еще разъ, Аркадій Николаичъ, прибавила Катерина Михайловна таинственно, вы должны вѣрить въ счастье потому, что заслуживаете его. Наденька вамъ объяснитъ это.

И весело улыбнувшись, Катерина Михайловна оставила Крушинскаго и дочь вдвоемъ.

— Что это значитъ? спросилъ Аркадій Николаичъ взволнованнымъ голосомъ.

— Пойдемте! отвѣтила Наденька.

Придя въ залу, гдѣ стоялъ рояль, и убѣдившись, что ихъ никто не можетъ слышать, и что они одни, Наденька быстро проговорила.

— Маменька все знаетъ ... Я ей во всемъ призналась ...

— Что вы сдѣлали! ... вскричалъ Крушинскій, поблѣднѣвъ.

— А что же? ... вы слышали, что говорила мамаша? ...

Крушинскій схватилъ руку Наденьки. Лицо ея вспыхнуло, глаза блистали.

— Какъ? ... Я могу быть совершенно счастливъ? Надежда Ѳедоровна, не во снѣ ли это, не схожу ли

я съ-ума? ... Такъ ли я понялъ? ... Скажите скорѣе, скорѣе ... Нѣтъ, я обманулся, ошибся, я не стою такого счастья ... Да? Такъ? Господи, что же это? ... Скажите же, скажите скорѣе ...

— Да, мамаша говорила, что я могу любить васъ, что мы будемъ принадлежать другъ другу ...

— Надежда Ѳедоровна ... Надежда! ... моя? ... оя? ... навсегда, навѣки ... Ты моя? ...

Крушинскій покрывалъ поцѣлуями руку Наденьки.

— Но еще не скоро ... Вы должны прославиться, сдѣлаться извѣстнымъ ...

— Да, я ничтоженъ, неизвѣстенъ, низкаго происхожденія ... Да, знаю, знаю! ...

Аркадій Николаичъ вдругъ перешелъ отъ восторга къ отчаянію, выпустилъ руку Наденьки и закрылъ лицо.

— Да, мнѣ всѣ объ этомъ напоминаютъ ... Да, я не заслуживаю счастья ... Даже теперь, даже въ эту минуту, когда жизнь улыбнулась было мнѣ, когда я слышалъ какъ будто голосъ ангела утѣшителя, даже этотъ голосъ напоминаетъ мнѣ то же ... Гдѣ же это счастье, гдѣ оно? ...

Теперь Крушинскій былъ дѣйствительно въ состояніи горячки и казался въ бреду: онъ бросился на стулъ и, облокотившись локтями о столъ, схватилъ себя за голову,

— Но развѣ я говорю это? развѣ это мое желаніе? говорила Наденька, трепещующею рукою обнимая голову Крушинскаго. Не все ли мнѣ равно, кто бы ты ни былъ? Аркадій, развѣ я не люблю тебя и теперь, такимъ, каковъ ты есть? ...

Крушинскій поднялъ свои глаза на Наденьку и, въ изступленіи страсти, обвилъ ее руками.

— О, клянусь, для тебя, для тебя одной, моя

Надежда, хочу я жить, для тебя я сдѣлаюсь и славенъ, и знаменитъ, и извѣстенъ ... а до-тѣхъ-поръ никто, никто, ни отецъ твой, ни мать твоя не услышатъ изъ моихъ устъ просьбы о рукѣ твоей ... Я тогда только буду просить о ней, когда увижу, что они почтутъ за честь, а не за стыдъ назвать меня своимъ сыномъ ... О, какая въ этой мысли дивная сладость, какое наказаніе для незаконной гордости, какое несравненное торжество ... И я достигну этого торжества, я чувствую: во мнѣ станетъ силъ на все для тебя ... Но поклянись, Надежда, что ты никому не будешь принадлежать кромѣ меня! ...

— Да, никому, никому, клянусь тебѣ! Я и не могу никому принадлежать, кромѣ тебя ... Не дальше, какъ вчера я отказала князю Бандурову, который дѣлалъ формальное предложеніе ...

— Какъ? ты рѣшительно отказала ему?

— Да.

— Скажи же мнѣ, скажи мнѣ искренно: тебя не соблазняли ни его красота, ни княжескій титулъ, ни его мнимое богатство; ты не раздѣляешь убѣжденія твоихъ родителей, что это сколько нибудь важно для человѣка, ты понимаешь, что есть высшія достоинства, по которымъ человѣкъ пріобрѣтаетъ права на любовь и уваженіе? ... Ты понимаешь это, моя Надежда?

— Да.

— О, я докажу и имъ, твоимъ родителямъ, что достоинство и величіе человѣка не въ богатствѣ и не въ происхожденіи, а въ томъ, что онъ человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова, въ его нравственномъ могуществѣ ... Но понимаютъ ли твои родители, что̀ такое личная слава и знаменитость? ...

— Аркадій, зачѣмъ ты такой злой? ... зачѣмъ ты мнѣ говоришь такъ о моихъ родителяхъ? ... Ты долженъ быть благодаренъ мамашѣ: она позволила мнѣ любить тебя, она поняла мою любовь къ тебѣ и хотѣла помогать намъ сколько можетъ.

— Виноватъ, я ошибался въ твоей матери, но я все таки не буду просить твоей руки, пока не буду ея достоинъ во мнѣніи твоихъ родителей ... Да, я былъ сумасшедшимъ до-сихъ-поръ: я не зналъ и не думалъ, зачѣмъ люблю тебя, не умѣлъ отгадать, къ чему поведетъ меня эта любовь. Но теперь въ любви твоей для меня двойное счастье: она поведетъ меня къ славѣ, она будетъ моимъ лавровымъ вѣнкомъ, котораго я достигну, хотя бы цѣною нѣсколькихъ лѣтъ ожиданія ...

— А ты долженъ будешь уѣхать, ты разстанешься со мной? ...

— Да, вотъ уже и испытаніе! ... Но не говори объ этомъ, объ этомъ послѣ ... Предадимъ все на волю судьбы. Мнѣ теперь такъ хорошо, легко ... О, Надежда, Надежда, счастье мое, награда за всѣ мои страданія, все мое благо земное, вся моя радость ... Скажи мнѣ, научи меня: можетъ ли человѣкъ желать что нибудь, кромѣ тебя, есть-ли другая цѣль въ жизни, можетъ-ли жить человѣкъ, если у него нѣтъ такой звѣзды путеводной, какъ ты? ... Что же ты не говоришь ничего? ... не отвѣчаешь мнѣ? ...

Но Наденька вся превратилась въ слухъ: какъ чарующіе звуки вливались ей въ уши эти страстныя рѣчи; она забыла все на свѣтѣ, кромѣ того, на котораго смотрѣли ея глаза, изъ устъ котораго неслись эти звуки, она трепетала какъ будто подъ обаяніемъ какой то волшебной силы. Въ эту минуту она могла только любить и слушать ... но не говорить ...

И вотъ опять, какъ будто подъ вліяніемъ какой то особенной невидимой силы, ея уста прикоснулись къ устамъ Крушинскаго и поцѣлуемъ отвѣтила она на его вопросъ ...

— Барышня, какъ бы кто не увидѣлъ! ... послышался чей-то голосъ.

Наденька быстро оглянулась. Крушинскій поблѣднѣлъ. Неподалеку отъ нихъ стояла Глафира, лукаво улыбаясь.

— Экія какія вы, моя радость, безо всякой осторожности ...

— Что тебѣ надо? сурово спросилъ Крушинскій.

— Ничего мнѣ, сударь, не надо: васъ же предостерегаю.

Крушинскій хотѣлъ-было горячиться и угрожать; Наденька, угадавши это движеніе, остановила его однимъ взглядомъ.

— Няня, душенька, благодарю тебя! сказала она ласково.

— То-то, ангелъ мой, видно, и старая нянька пригодилась ... Ну, ну, Богъ съ вами, я не какъ другія прочія, во мнѣ умерло.

— Няня, гдѣ тетенька?

— Въ своей комнатѣ; да долго ли бы до грѣха — вышли; папенька то заняты, по хозяйству изволятъ съ бурмистромъ разговаривать.

— Ну, няня, спасибо! ... Поди же ... я буду играть на фортепіянахъ.

— Ну, ну, играйте, играйте ... Вѣдь, королева, да и только! ... вотъ какую, сударь, выводила! какое сокровище-то неопасанное! ...

Съ послѣдними словами Глафира относилась къ Крушинскому; но онъ былъ сильно раздраженъ неожиданнымъ появленіемъ няньки и вообще ея то-

номъ ... Онъ не отвѣчалъ ей даже улыбкою. Наденька поспѣшила начать пьесу, чтобы удалить Глафиру, и когда она вышла въ сосѣднюю комнату, Крушинскій, скрѣпя сердце, догналъ ее и сунулъ ей въ руку ассигнацію. Глафира изловила руку доктора и неожиданно поцѣловала.

Крушинскій совершенно смутился и поспѣшилъ уйдти. Но не смотря на это видимое уничиженіе Глафира чувствовала, что пріобрѣла вліяніе на свою барышню: ассигнація, которая лежала у нея въ рукѣ, была тому неопровержимымъ доказательствомъ.

Впрочемъ, нянька очень кстати предупредила молодыхъ людей, потому что, какъ только Наденька начала играть на фортепіяно, новый дозоръ, въ лицѣ Клеопатры Петровны, тихими шагами вошелъ въ залу, но не нашелъ ничего подозрительнаго: племянница съ достаточной небрежностью исполняла какой-то Concert-Stück, попавшійся подъ руку; молодой человѣкъ сидѣлъ въ приличномъ разстояніи отъ нея и слушалъ, повидимому, съ нѣкоторою разсѣянностью.

— Какую дрянную пьесу выбрала ты, Надина, и какъ дурно играешь, замѣтила тетушка.

— Можетъ быть, ma tante ... я играю такъ, безъ всякаго желанія.

— Я замѣчаю, что ты въ послѣднее время очень охладѣла къ музыкѣ и нисколько не подвигаешься впередъ: твой талантъ гибнетъ, да и не мудрено: здѣсь некому оцѣнивать музыку и поощрять тебя. Въ этой глуши можно совершенно поглупѣть ...

Тетушка была въ дурномъ расположеніи духа, а въ такомъ состояніи она дѣлалась особенно раздражительна и зла, и теперь она умѣла сказать колкость въ одно время и виртуозкѣ и слушателю.

— Мнѣ нравится здѣшняя глушь, ma tante, и я

не замѣчаю, чтобы перестала любить музыку: а строгихъ цѣнителей я и не ищу и не люблю. Я предпочитаю, чтобы меня больше хвалили, нежели порицали ...

Наденька отвѣчала теткѣ довольно рѣзко и сухо: она не любила ее болѣе, а передъ тѣми, кого не любила, Наденька никогда не была уступчива.

— Твой отвѣтъ доказываетъ, что и характеръ твой начинаетъ портиться! возразила тетенька наставительно.

— Благодарю васъ, ma tante, за ваше вниманіе, но только вы начинаете быть ко мнѣ очень строги: браните даже при постороннихъ ... сказала Наденька пофранцузски.

— При постороннихъ?! повторила Клеопатра Петровна съ насмѣшливой улыбкой.

Наденька слегка покраснѣла, но скоро оправилась.

— Аркадій Николаичъ, выберите какую нибудь пьесу, которая вамъ особенно нравится: я хочу указать тетенькѣ, что она дѣлаетъ мнѣ несправедливыя замѣчанія.

— Что бы вы ни захотѣли сыграть, все будетъ прекрасно при вашемъ искусномъ исполненіи ... отвѣчалъ Крушинскій.

— Прежде вы были строже ко мнѣ и я находила въ васъ всегда строгаго и справедливаго цѣнителя, какихъ никогда не удавалось мнѣ встрѣчать въ Петербургѣ ... Я привыкла вѣрить вашему вкусу ... Выберите же мнѣ пьесу ...

— Monsieur Крушинскій хочетъ заслужить твое расположеніе: онъ слышалъ сейчасъ, что ты не любишь порицаній и потому изъ роли судьи хочетъ перейти въ роль поклонника! ... насмѣшливо говорила Клеопатра Петровна.

— А я хочу, monsieur Крушинскій, чтобы вы были моимъ судьей, потому что вѣрю въ вашъ приговоръ. Я знаю какую вы пьесу любите: слушайте же и скажите: правду ли говоритъ тетенька, что я стала здѣсь играть хуже прежняго.

Наденька смѣло поддразнивала тетку: она принадлежала къ числу тѣхъ людей, которые бываютъ осторожны и осмотрительны только до перваго рѣшительнаго шага, сдѣлавши же его, рѣшившись на что нибудь, они не выносятъ стѣсненія и препятствій: и Наденька, признаваясь въ любви Крушинскому, открывши свое сердце матери, и къ тому еще одобренная ею, убѣдивши себя, что рано ли, поздно ли, она будетъ принадлежать Аркадію Николаичу и никому другому, не побоялась бы объявить о своей любви даже отцу, если бы была поставлена въ необходимость, а вліянію тетки она не подчинилась бы теперь ни въ какомъ случаѣ. Клеопатра Петровна возмутилась дерзостью племянницы: женское сердце ея требовало мести. Въ эту минуту она внутренно рѣшилась во что бы то ни стало сдѣлать непріятность Наденькѣ, дать ей приличный урокъ и доказать, что она еще очень молода и безсильна, чтобы вступать въ борьбу съ такой опытной и искушенной жизнью женщиной, какъ Клеопатра Петровна. Что сдѣлаетъ почтенная дама, мы увидимъ впослѣдствіи, но планъ мщенія былъ уже составленъ въ головѣ ея.

Наденька играла съ тѣмъ одушевленіемъ, которое всегда сопровождаетъ оскорбленное достоинство, желающее защищаться; она желала блеснуть, доказать свою талантливость передъ человѣкомъ, котораго любила — и играла прекрасно.

— Ну, что вы скажете, ma tante, спросила На-

денька, кончивши пьесу и смѣло взглянувши въ глаза тетушки, которая слушала ее съ досадой и негодованіемъ.

— Я предоставляю отвѣтъ судьѣ, котораго ты выбрала для себя! отвѣтила Клеопатра Петровна, повернулась спиной къ племянницѣ и съ достоинствомъ удалилась.

— Зачѣмъ ты раздражаешь тетушку? замѣтилъ Крушинскій, когда дверь затворилась за Клеопатрой Петровной.

— Оттого, что я не люблю ее ...

— Она можетъ повредить намъ ...

— Я теперь ничего не боюсь ... Сегодня все знаетъ мать, завтра, можетъ быть, узнаетъ отецъ ... Чего же мнѣ бояться? Ты любишь меня и будешь мой во что бы то ни стало ... Меня никто не разлучитъ съ тобой.

— Стою ли я такого сокровища, какъ ты ... О, я буду достоинъ тебя ...

Крушинскій поцѣловалъ руку Наденьки и потомъ они долго смотрѣли другъ на друга, безмолвно, но глаза лучше словъ выражали ихъ чувства ...

— Пойдемъ туда, сказала наконецъ Наденька. Папаша, можетъ быть, вышелъ уже изъ кабинета. Но на половинѣ пути къ той комнатѣ, въ которой обыкновенно любилъ сидѣть Ѳедоръ Иванычъ, когда не было гостей или были только свои люди, ихъ встрѣтила Катерина Михайловна.

— Аркадій Николаичъ, мнѣ надо посовѣтоваться съ вами о своемъ здоровьи! сказала она съ хитрой, но добродушной улыбкой. Надя, поди! ...

Наденька повиновалась; Крушинскій послѣдовалъ за Катериной Михайловной.

— Садитесь, Аркадій Николаичъ, сказала она, приведя его, по обыкновенію, въ свою спальню. Я хочу говорить съ вами, какъ мать ...

— Я вамъ буду отвѣчать, какъ благодарный сынъ, если позволите! отвѣчалъ Крушинскій, почтительно цѣлуя ея руку.

Этотъ отвѣтъ и этотъ поступокъ понравились Катеринѣ Михайловнѣ.

— Вамъ говорила что нибудь Наденька вотъ теперь, когда вы были одни? ...

— Да, она мнѣ сказала, какая вы добрая, рѣдкая мать ... Простите меня: я до сихъ поръ не умѣлъ достойно оцѣнить ваше сердце, теперь я благоговѣю передъ вами.

Крушинскій опять поцѣловалъ руку рѣдкой матери. Онъ не хитрилъ, говорилъ отъ души, но держалъ себя именно такъ, какъ слѣдовало: Катерина Михайловна таяла отъ удовольствія.

— Да, я рѣдко испытывала счастье: быть понятой! отвѣчала она сантиментальнымъ тономъ, но я не сержусь на васъ за это: нѣжное, безхитростное сердце рѣдко оцѣниваютъ ... Даже Надю умѣли вооружить противъ меня добрые люди ... Я знаю, многіе бы меня осудили и теперь, что я такъ прямо говорю и поступаю съ вами, но божусь вамъ: я полюбила васъ съ первой встрѣчи какъ сына ... я считаю васъ истинно достойнымъ молодымъ человѣкомъ, котораго тоже, кажется, не умѣютъ понять и оцѣнить ... Можетъ быть, это и симпатія ...

— Благодарю васъ! отвѣчалъ Крушинскій со вздохомъ, невольно поддаваясь сантиментальному настроенію Катерины Михайловны. Благодарю васъ! Позвольте же мнѣ быть достойнымъ вашей довѣренности и откровенности, позвольте мнѣ прямо

высказать мою душу: я люблю вашу дочь такъ, какъ только можетъ любить человѣкъ: всѣмъ, что только есть для меня святого, клянусь вамъ, что я никого не любилъ до нея и не могу любить ... никогда, никого другого ... Вся моя жизнь, все мое счастье, все мое блаженство земное заключается въ ней, въ вашемъ ангелѣ-дочери ... Но я понимаю, что въ настоящее время не стою ни ея, ни васъ ... Не возражайте мнѣ: я знаю, что вы такъ думаете и не оскорбляюсь этимъ; вы владѣете такимъ сокровищемъ, которое надо заслужить ... Ваша благородная душа побѣдила въ себѣ предразсудокъ противъ моего происхожденія, но вы думаете, что я долженъ, по крайней мѣрѣ, пріобрѣсти славу и извѣстность, чтобы быть достойнымъ вашей дочери: вы правы и я поклялся уже, что не стану у васъ просить ея руки, пока не почувствую себя достойнымъ ея ... Но умоляю васъ: позвольте мнѣ любить вашу Надежду тою чистою, святою любовью, которою я люблю ее, дайте мнѣ слово, что вы не будете принуждать ее выйти за кого нибудь другаго ... Ваше сердце пойметъ и проститъ мою просьбу ...

Крушинскій бросился на колѣни передъ Катериной Михайловной.

— На колѣнахъ прошу я васъ объ этомъ.

— Полноте, встаньте, Аркадій Николаичъ! Что вы это?

— Нѣтъ, нѣтъ, дайте мнѣ услышать вашъ отвѣтъ на колѣнахъ передъ вами; но знайте, что я никогда, никого, ни о чемъ не просилъ такъ униженно, какъ васъ ... И, вѣроятно, никто не увидитъ меня передъ собой въ такомъ униженіи ... Оцѣните это ...

Сантиментальному сердцу Катерины Михайловны вся эта сцена чрезвычайно нравилась.

— Аркадій Николаичъ, встаньте, ради Бога ... я люблю васъ какъ сына, и готова сдѣлать для васъ все, что̀ вы хотите ... Я не видала еще человѣка съ такими достоинствами, какъ вы ... я гордилась бы такимъ сыномъ ... Но Ѳедоръ Иванычъ ... онъ такъ гордъ, такъ высоко цѣнитъ происхожденіе ... Встаньте же, ради Бога ...

Крушинскій сѣлъ.

— Но въ состояніи ли Ѳедоръ Иванычъ оцѣнить человѣческое достоинство, ставитъ ли онъ во что-нибудь личныя заслуги человѣка, съумѣетъ ли онъ понять, что слава, пріобрѣтенная самимъ, выше славы наслѣдственной? спрашивалъ Крушинскій съ горечью и негодованіемъ.

— Не огорчайтесь этимъ, Аркадій Николаичъ: вы знаете, что мужчины капризны и никогда не могутъ отказаться отъ своихъ убѣжденій ... но я заставлю мужа понять и оцѣнить васъ, онъ и теперь часто говоритъ съ восторгомъ о вашихъ достоинствахъ, а когда вы прославите себя, я съумѣю побѣдить его предразсудокъ и устрою ваше счастье ...

— Благодарю васъ, тысячу разъ благодарю! ... Но вотъ что еще: я могу прославить себя только своимъ искусствомъ, ничѣмъ болѣе: не покажется ли вамъ ничтожна слава доктора? ...

— О, что̀ можетъ быть выше этого? Докторъ другъ человѣчества, въ его рукахъ наша жизнь ... Иногда одного его взгляда достаточно, чтобы спасти слабое человѣческое существо ...

— Вы удивляете меня ... И я достигну того, что заслужу ваше уваженіе ... Всѣ мои способ-

ности, всѣ силы моей воли употреблю на это, буду трудиться день и ночь ... Наша наука представляетъ обширное поле для дѣятельности талантливаго человѣка, въ ней много можно сдѣлать ...

Разговоръ продолжался въ этомъ тонѣ: обѣ стороны хвалили то себя, то другъ друга, говорили отъ сердца, искренно, съ полнымъ убѣжденіемъ, но были въ то же время смѣшны ... Между прочимъ, Крушинскій, въ увлеченіи гордости и самонадѣянности, высказалъ свои надежды: выдержать экзаменъ на доктора, получить мѣсто въ одной изъ столицъ, сдѣлать нѣсколько замѣчательныхъ операцій, написать новое, великое медицинское сочиненіе, пріобрѣсти огромную практику и вслѣдъ за нею состояніе и тогда явиться достойнымъ руки Наденьки. Конечно, онъ не думалъ, что всего этого можно достигнуть въ одинъ годъ, но пять лѣтъ казались ему очень продолжительнымъ срокомъ.

— Я знаю, что вы можете всего этого достигнуть, говорила Катерина Михайловна, только вынесетъ ли ваше слабое здоровье? ...

— О, здоровье мнѣ не измѣнитъ, лишь бы только я могъ надѣяться, что получу такую неоцѣненную награду за всѣ мои труды и усилія ...

Но въ то самое время, какъ въ спальнѣ Катерины Михайловны шла такая одушевленная бесѣда, гдѣ мечтамъ и надеждамъ дана была полная свобода, а дѣйствительность совсѣмъ позабыта, въ кабинетѣ Ѳедора Иваныча происходилъ разговоръ тоже одушевленный, но въ иномъ родѣ, гдѣ дѣйствительность играла главную роль и гдѣ ополчались противъ всѣхъ надеждъ и мечтаній.

Клеопатра Петровна, оставивши племянницу у

рояля съ Крушинскимъ, отправилась въ кабинетъ Ѳедора Иваныча, гдѣ и нашла его.

— Братъ, я не помѣшала тебѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ, сестра, я только что кончилъ разныя хозяйственныя дрязги и радъ поболтать ...

— Но я хочу говорить съ тобой о предметѣ очень серьезномъ и даже, можетъ быть, весьма важномъ ...

— Что такое?

— Братъ, ты знаешь нашу постоянную дружбу съ тобой; ты знаешь, какъ я люблю Надину, какъ желаю ей добра и сколько старалась для нея сдѣлать, хотя, можетъ быть, и не умѣла, поэтому тебѣ не покажется страннымъ, что я хочу говорить съ тобой о ней ...

— Помилуй, матушка, сестрица, ты знаешь, какъ я цѣню твою любовь къ Надѣ и всѣ твои хлопоты о ней, но въ чемъ же дѣло?

— Скажи мнѣ откровенно: ты ничего не замѣчаешь страннаго въ ея поведеніи? ...

— Признаюсь тебѣ: рѣшительно ничего. Дѣвчонка, какъ дѣвчонка. Неопытна, глуповата, можетъ быть, немножко ...

— Мужчины, мужчины! гдѣ же ваша опытность и проницательность? Чего же ждать отъ другихъ, если ты, съ твоимъ необыкновеннымъ умомъ, позволяешь дѣвочкѣ, ребенку, проводить себя, обманывать, какъ говорится подъ носомъ ...

— Да что же такое случилось? Ты меня пугаешь ...

— Пугаться нечего, но знать тебѣ слѣдуетъ, и должно принять мѣры ... Меня упрекала бы совѣсть, если бъ я не открыла тебѣ глаза: чѣмъ ты объясняешь себѣ отказъ Наденьки князю Бандурову?

— Да ничѣмъ особеннымъ: онъ ей не нравится ...

— А отчего не нравится? Неужели ты думаешь, что молодой человѣкъ съ такимъ красивымъ лицомъ, какъ князь, могъ бы не понравиться такому ребенку какъ Надя, который можетъ любить мужчину только за одну внѣшность, не умѣя еще оцѣнивать нравственныя достоинства, если бы тутъ не было особенной причины ... если бы ей не нравился кто нибудь другой, кто прежде князя успѣлъ овладѣть ея сердцемъ? ...

— Я думалъ объ этомъ; но кто же можетъ ей нравиться? она никого почти не видитъ здѣсь ...

— Ты меня удивляешь, братъ ... А этотъ лекарь, который тоже не очень дуренъ собой, котораго узнала Наденька прежде князя, который довольно не глупъ и мастеръ говорить ... Что ты думаешь о немъ?

— Ты меня какъ будто выводишь изъ темноты на свѣтъ ... Но послушай, сестра, онъ не осмѣлится; притомъ онъ, кажется, такъ холоденъ, невнимателенъ къ Надѣ, также, какъ и она къ нему ...

— Гм ... Развѣ ты не знаешь, какъ онъ много о себѣ думаетъ, какъ онъ дерзокъ и самоувѣренъ? ... И развѣ ты не былъ молодъ и не умѣлъ скрывать своей страсти, когда это было нужно; а за то, что дѣвушка, какъ бы она ни была молода и неопытна, сумѣетъ притвориться равнодушной, любя, я тебѣ ручаюсь моимъ знаніемъ женскаго сердца ... Подумай, къ чему ѣздитъ сюда такъ часто Крушинскій, что могло бы его привлекать въ вашъ домъ, если не любовь?. ... Оставь самолюбіе и разсуди: неужели такую гордую натуру можетъ привлекать твоя любезность къ нему

и твое вниманіе? онъ всегда принялъ бы ихъ за должное. Вспомни давишній разговоръ вашъ, гдѣ онъ хотѣлъ доказать тебѣ возможность вѣчной страсти и вывѣдать твой образъ мыслей относительно твоего взгляда на право дочери въ выборѣ мужа и гдѣ ты такъ умно и такъ ловко отвѣчалъ ему, что онъ повѣсилъ носъ и сдѣлался мраченъ ...

— Сестра, я почти готовъ съ тобою согласиться, но скажи мнѣ всю правду, если ты замѣтила еще что нибудь ...

— Вотъ видишь, я давно уже замѣчала, что Наденька неравнодушна къ Крушинскому, говорила съ ней объ этомъ, заставляла ее конфузиться и убѣдилась, что не ошибаюсь въ своемъ подозрѣніи, но потомъ она такъ искусно умѣла замаскировать себя, что я готова была сомнѣваться; когда же Наденька отказала Бандурову и такъ испугалась его предложенія, я снова стала подозрѣвать, а сегодняшній день совершенно убѣдилъ меня въ основательности моихъ подозрѣній. Не знаю когда, гдѣ, какимъ образомъ, но убѣждена, что они уже объяснились во взаимной любви и условились какъ держать себя, чтобы скрыть ее ... Если не вѣришь мнѣ, наблюдай самъ, но смотри — не опоздай предупредить несчастье ...

— Что ты говоришь, сестра! ... я ее заставлю выйти за Бандурова.

— Заставить ты не можешь!

— Я? отецъ? ...

— Ну, положимъ, что и можешь, но ты будешь упрекать себя послѣ, если она не будетъ счастлива за нелюбимымъ мужемъ ... А всего лучше, по моему, тебѣ удалить Крушинскаго изъ дома холод-

ностью обращенія, напомнить ему при случаѣ разницу, которая лежитъ между вами — это всего скорѣе его выгонитъ. И, кромѣ того, не дѣлать рѣшительнаго отказа князю, позволить ему ѣздить къ тебѣ почаще; тогда, повѣрь мнѣ: не видя одного, она полюбитъ другого и ты отдашь ее за князя, по ея собственному желанію, а не по принужденію.

— Но я всетаки сомнѣваюсь, сестра въ возможности какихъ нибудь отношеній у ней съ Крушинскимъ ...

— Я увѣрена въ этомъ и не ошибаюсь; а впрочемъ ... ты можешь не довѣрять моей проницательности: но что же изъ этого выйдетъ? ...

— Хочешь: я призову ее сюда сейчасъ же и неожиданностью допроса заставлю признаться во всемъ ...

— Это ни къ чему не поведетъ: она ничего не скажетъ, а если и признается, то будетъ умолять о томъ, чтобы ты ее отдалъ за Крушинскаго, и будетъ винить тебя въ своемъ несчастіи, если ты откажешь ей, и станетъ упорствовать еще болѣе идти за другого. Всего лучше поступить такъ, какъ я совѣтую ... Положимъ даже, что я ошибаюсь, и тогда кончится только тѣмъ, что ты потеряешь знакомство господина Крушинскаго, которымъ ты, вѣроятно, не очень дорожишь.

— Ты золотая головушка, сестра ... Я совершенно согласенъ съ тобой и отъ всего сердца благодарю тебя, родная.

— Я только желаю добра Надинѣ, которую люблю такъ, какъ не могла бы, кажется, любить родную дочь. — Скажу тебѣ еще вотъ что въ доказательство: послѣ того, какъ я начала говорить Надинѣ противъ любви ея къ Крушинскому, она стала холодна и недовѣрчива ко мнѣ, тогда какъ прежде

не было ни одного чувства, ни одной мысли, которою бы она не дѣлилась со мною: я пользовалась ея совершенною довѣренностью ... Кажется, это достаточное доказательство?

— Да, это правда ... Ну, признаюсь: меня сильно огорчаетъ это обстоятельство. Надя, натура привязчивая; если она дѣйствительно полюбила, то не скоро разлюбитъ ... А такой женихъ для Нади! ... Дай Богъ: не дожить до такого стыда! ...

— Ты слишкомъ много вѣришь въ дѣтскую привязанность ... Надина дитя, и будь увѣренъ, она забудетъ Крушинскаго, если ты искусно разлучишь ее съ нимъ: капризъ пройдетъ самъ собою ...

Ѳедоръ Иванычъ почти убѣдился въ основательности подозрѣній Клеопатры Петровны; ему помогли въ этомъ нѣкоторыя собственныя соображенія. И страшно возмутилось и оскорбилось его самолюбіе при мысли, что какой-нибудь Крушинскій осмѣлился влюбиться въ его дочь и перехитрить его. Ѳедору Ивановичу, слѣдовательно, не нужно было принуждать себя къ холодности обращенія съ гостемъ, который еще не уѣхалъ. Очень естественно, изъ состоянія его души происходило то отталкивающее высокомѣріе, тотъ важный надменный тонъ, съ которымъ онъ держалъ себя, сошедшись съ Крушинскимъ послѣ секретнаго совѣщанія. Аркадій Николаичъ былъ пораженъ перемѣной обращенія хозяина, тѣмъ болѣе, что теперь-то именно онъ не ожидалъ его. Наденьку встревожила эта перемѣна не менѣе доктора. Впрочемъ, ни тотъ, ни другая не подозрѣвали настоящей причины, и объясняли поведеніе Ѳедора Иваныча тѣмъ, что онъ былъ сердитъ за возраженія, которыя дѣлалъ ему Крушинскій въ спорѣ и которыхъ, какъ извѣстно, старикъ

не любилъ, и сверхъ того былъ еще разстроенъ чѣмъ нибудь постороннимъ. Аркадій Николаичъ, руководимый этимъ предположеніемъ, старался было загладить свою ошибку угодительностью, но Коркинъ былъ недоступенъ и не измѣнялъ своего обращенія. Крушинскій наконецъ, оскорбился однимъ довольно колкимъ замѣчаніемъ хозяина о выскочкахъ, которое даже не совсѣмъ вязалось съ разговоромъ и было сказано очевидно съ намѣреніемъ кольнуть Крушинскаго. Гордость его была сильно поражена, но у Аркадія Николаича уже не ставало духа отвѣчать на гордость гордостью, на высокомѣріе неуступчивостью; онъ помнилъ, что въ рукахъ Ѳедора Иваныча его судьба, его счастье и страдалъ молча, но тѣмъ чувствительнѣе. Когда же онъ замѣтилъ, что Коркинъ не только не поддается его уступчивости, но какъ будто ищетъ случая оскорбить его, Крушинскій совершенно упалъ духомъ и только любовь къ Наденькѣ могла удерживать его отъ какой нибудь дерзкой выходки, которая могла бы разорвать навсегда всѣ сношенія его съ домомъ Коркиныхъ. Но и любовь не могла совершенно покорить гордости доктора: онъ не могъ выносить болѣе того, что слышалъ, и поспѣшилъ уѣхать домой огорченный, оскорбленный, уничтоженный.

Ѳедоръ Иванычъ, прощаясь съ нимъ, не хотя, важно подалъ руку, едва привсталъ съ своего мѣста и не пригласилъ, какъ обыкновенно дѣлалъ посѣщать его почаще. Катерина Михайловна, удивленная перемѣной мужа къ доктору, употребляла всѣ усилія, чтобы своимъ вниманіемъ смягчить обращеніе мужа, но Крушинскій былъ очень чувствителенъ къ малѣйшимъ, даже неумышленнымъ оскорбленіямъ. Вниманіе Катерины Михайловны не смягчало ранъ,

наносимыхъ его самолюбію, но заставлало ихъ страдать еще сильнѣе. Онъ не могъ ничего отвѣчать на настоятельныя просьбы хозяйки пріѣзжать поскорѣе и только съ глазами, полными слезъ, поцѣловалъ ея руку, когда она провожала его въ прихожую.

— Да скажите: скоро ли же вы пріѣдете? настаивала она. Чѣмъ вы такъ разстроились? ... Онъ, вѣрно, чѣмъ нибудь раздосадованъ по хозяйству ... Пріѣзжайте же поскорѣе ...

— Пріѣду ... едва выговорилъ Крушинскій. Благодарю васъ. Поклонитесь отъ меня Надеждѣ ...

— Ну, какой вы, право, чувствительный ко всему: онъ, вѣдь, не на вашъ счетъ говорилъ ...

Но Крушинскій не слушалъ ее и выбѣжалъ изъ дому, какъ сумасшедшій ...

Ѳедоръ Иванычъ наблюдалъ за дочерью и видѣлъ, какъ испугало ее обращеніе съ докторомъ, какъ она возмущалась каждою сколько-нибудь щекотливою для самолюбія доктора фразой, какъ поблѣднѣла она, когда Крушинскій сталъ прощаться, и какимъ грустнымъ, безпокойнымъ взоромъ проводила она его. Ѳедоръ Иванычъ убѣдился, что проницательная тетушка права, а ударъ для Наденьки былъ такъ неожиданъ, что она не приготовилась скрывать свои впечатлѣнія. Она хотѣла уйти вслѣдъ за Крушинскимъ, но отецъ остановилъ ее.

— Надя, куда ты?

— Въ свою комнату, папаша.

— Зачѣмъ это?

— Такъ!

— Посиди съ нами ... Что тебѣ тамъ дѣлать! ... сказалъ Ѳедоръ Иванычъ притворно ласковымъ голосомъ.

Наденька повиновалась.

— Что ты, Теодорушка, не разсердился ли за что на Аркадія Николаича? спросила Катерина Михайловна, проводивши гостя.

— Съ чего ты взяла, матушка?

— Да какъ же? ты обращался съ нимъ такъ непривѣтливо, даже презрительно ...

— Я, право, даже не обратилъ вниманія на то, какъ я держалъ себя съ нимъ.

— Ты говорилъ такія вещи и держалъ себя такъ, какъ будто хотѣлъ оскорбить его.

— Что за вздоръ! съ чего ты это взяла?

— Онъ уѣхалъ разстроенный ...

— Ахъ, матушка, такъ неужели я долженъ стѣснять себя передъ каждымъ ничтожнымъ мальчишкой и остерегаться какъ бы не сказать ему чего нибудь непріятнаго ... Если онъ сколько нибудъ уменъ, — долженъ извинить мнѣ, когда я что-нибудь и скажу для него непріятное: полагаю, онъ долженъ помнить, что бывать иногда въ нашемъ домѣ — и это для него уже большая честь.

Наденька едва въ силахъ была удерживать слезы, едва въ состояніи была сидѣть ... Еще нѣсколько подобныхъ фразъ и она разрыдалась бы или убѣжала вонъ изъ комнаты, но, къ счастью ея, разговоръ прекратился: Катерина Михайловна не возражала мужу, но только глубоко вздохнула и грустно взглянула на дочь.

— Ну, Надя, началъ Ѳедоръ Иванычъ тѣмъ же притворно-ласковымъ тономъ! Завтра пріѣдетъ князь: что же прикажешь сказать ему?

— Что я не пойду за него, папаша ...

— Это твой рѣшительный отвѣтъ?

— Рѣшительный! ...

— Ну, такъ я скажу тебѣ мое мнѣніе: если ты любишь меня и считаешь себя обязанною исполнить волю отца, — я сооѣтовалъ бы тебѣ идти за князя.

— Ни за что на свѣтѣ, папаша! вскрикнула Наденька и слезы, сдерживаемыя до сихъ поръ, полились ручьемъ изъ ея глазъ.

— Ну, ты хочешь доказать, что мало любишь меня ... ты отказываешь въ моей просьбѣ, я буду тебѣ отказывать въ твоихъ: долгъ платежомъ красенъ! ... Я скажу князю, что ты не рѣшаешься идти за него въ настоящее время, потому что еще мало знаешь его, но не лишу его надежды получить твою руку ... Я увѣренъ, что онъ тебѣ впослѣдствіи понравится ...

Съ этими словами Ѳедоръ Иванычъ пошелъ вонъ изъ комнаты.

— Папаша! ... вскрикнула Наденька, рыдая.

Но этотъ крикъ не остановилъ отца: онъ ушелъ. Катерина Михайловна стала утѣшать дочь; Наденька обвила ея шею руками и рыдала на груди матери.

Клеопатра Петровна была молчаливой, какъ бы посторонней свидѣтельницей всѣхъ этихъ сценъ и ушла въ свою комнату, когда Катерина Михайловна увела дочь. — Она очень удачно начала свое мщеніе ... что̀ будетъ дальше? ...

X.

Въ назначенный день князь Бандуровъ явился къ Коркинымъ съ увѣренностью счастливаго избраннаго жениха. Покровительственно кивнулъ онъ головою

прислугѣ Коркиныхъ, непостижимыми путями узнавшей о сватовствѣ князя и въ этотъ разъ встрѣтившей его съ особеннымъ подобострастіемъ и съ многозначительными улыбками, и чуть чуть не спросилъ ее: гдѣ папенька? вмѣсто вопроса: гдѣ Ѳеодоръ Иванычъ.

— Въ обнокновенной комнатѣ, ваше сіятельство! отвѣчали слуги въ одинъ голосъ. Такъ называли они ту комнату, въ которой господа обыкновенно проводили дни.

— Пожалуйте, батюшка, ваше сіятельство, прибавилъ самый старшій изъ нихъ; давно уже васъ изволятъ дожидать.

— Ага! подумалъ Бандуровъ.

Въ названной комнатѣ онъ нашелъ только Ѳедора Иваныча и Катерину Михайловну. Первый встрѣтилъ князя съ особенною любезностью, желая смягчить ею горечь предстоящаго, не совсѣмъ пріятнаго для князя извѣстія. Катерина Михайловна была, напротивъ, холодна и важна. Бандуровъ искалъ глазами Наденьки, но ея не было. Послѣ первыхъ привѣтствій, онъ обратился съ вопросомъ къ Катеринѣ Михайловнѣ.

— Какъ здоровье Надежды Ѳеодовны?

— Она не совсѣмъ здорова.

— Что съ ней? спросилъ Ѳедоръ Иванычъ. Я не слыхалъ, чтобы она была нездорова.

— Что съ ними такое? подхватилъ съ участіемъ Бандуровъ.

— Такъ, что-то дурно себя чувствуетъ.

— Но, вѣроятно, она можетъ выйти? спросилъ Ѳедоръ Иванычъ.

— Не знаю ... я думаю ... Впрочемъ, я спрошу ее ... Она жаловалась на головную боль.

Катерина Михайловна удалилась.

Оставшись наединѣ съ Ѳедоромъ Иванычемъ, князь Бандуровъ счелъ настоящую минуту самою удобною для объясненія, которое надѣялся кончить весьма скоро. Нѣсколько времени сидѣлъ онъ молча, задумчиво покручивая усы и размышляя о томъ, какимъ образомъ приступить ему къ дѣлу: до сихъ поръ онъ не имѣлъ еще времени подумать объ этомъ. Съ чего же начать? не упасть ли на колѣни для эфекта, но это старо, да и лишнее, потому что въ полномъ согласіи нѣтъ никакого сомнѣнья. Во всякомъ случаѣ однако не мѣшаетъ объяснить сильныя чувства, которыми полна душа, показать свои благородныя намѣренія и расположить къ себѣ будущаго родителя ради будущихъ благъ.

— Ѳедоръ Иванычъ, началъ наконецъ князь Бандуровъ, я могу съ вами объясниться?

— Сдѣлайте милость!

— Вы, конечно, знаете отъ Добраго о моихъ пламенныхъ чувствахъ, которыя сжигаютъ меня совершенно. Я такъ страдаю, что ... даже не могу вамъ выразить этого ... Вы, конечно, изволите знать, кто предметъ моихъ страданій ... Я теперь въ совершенномъ отчаяніи, если вы не осчастливите меня вашимъ родительскимъ согласіемъ ... Будьте увѣрены, Ѳедоръ Иванычъ, что мое единственное желаніе доставить все возможное счастіе очаровательной Надеждѣ Ѳедоровнѣ ... все мое помышленіе и всѣ мои чувства въ этомъ заключаются ... Будьте увѣрены, что я буду самымъ преданнымъ зятемъ и постараюсь оправдать себя передъ вами ... мое единственное попеченіе будетъ, чтобы успокоить вашу старость ... Вы знаете, Ѳедоръ Иванычъ, мое происхожденіе: маменька моя, княгиня, говорила мнѣ, что нашей фамиліи слишкомъ тысяча лѣтъ ... Она

совершенно согласна на мое счастье: теперь все зависитъ отъ васъ ... Добраго передавалъ мнѣ, съ вашихъ словъ, что вы изволите обѣщать за Надеждой Ѳедоровной двѣсти душъ, но я увѣренъ, Ѳедоръ Иванычъ, что вы не лишите насъ вашихъ милостей ... Я у моей матушки, княгини, единственный сынъ и наслѣдникъ. Состояніе наше очень большое — слишкомъ пять сотъ душъ и я увѣренъ, что ...

— Дѣло не въ вашемъ состояніи, князь, и не. въ приданомъ Наденьки ... Я уважаю въ васъ прекраснаго молодаго человѣка и, признаюсь вамъ, съ удовольствіемъ готовъ назвать васъ своимъ затемъ ...

— Вы меня дѣлаете счастливымъ! ... воскликулъ князь съ сіяющимъ лицомъ.

— Готовъ тѣмъ болѣе, продолжалъ Ѳедоръ Иванычъ, что увѣренъ: вы, какъ богатый и благородный человѣкъ, просите руки Нади моей не по какимъ либо разсчетамъ, а потому, что дѣйствительно полюбили ее и надѣетесь сдѣлать счастливою ...

— О, конечно, Ѳедоръ Иванычъ! ... я не могу вамъ выразить, что̀ почувствовалъ съ перваго же раза, какъ увидѣлъ Надежду Ѳедоровну ... Я не знаю, Ѳедоръ Иванычъ, я, кажется, чувствовалъ себя не на землѣ, а какъ будто на седьмомъ небѣ ... Я много страдалъ, Ѳедоръ Иванычъ, отъ неизвѣстности ... И когда вы мнѣ теперь объявили ваше согласіе, вы доставляете мнѣ такое счастіе, такое блаженство ...

Князь Бандуровъ въ порывѣ благодарности, бросился на шею къ Ѳедору Иванычу и ловилъ его руку, чтобы поцѣловать ...

Коркинъ смутился.

— Но позвольте, князь ... что̀ вы? что̀ вы? ...

Вы забываете, что мое согласіе еще не конецъ дѣлу ...

— О, въ Надинѣ ... въ согласіи Надежды Ѳедоровны я совершенно увѣренъ! воскликнулъ князь съ увлеченіемъ.

— Ну, жалко мнѣ васъ, молодой человѣкъ, но вамъ придется еще подождать: Наденька моя еще не изъявляетъ своего окончательнаго согласія ...

— Не можетъ быть! вскричалъ Бандуровъ забывшись.

Ѳедоръ Иванычъ улыбнулся.

— Къ сожалѣнію, я говорю правду! сказалъ онъ. Надина моя не дѣлаетъ вамъ рѣшительнаго отказа, но и не даетъ согласія: и согласитесь, князь, она еще слишкомъ мало васъ знаетъ, чтобы рѣшиться окончательно ...

— Но какъ же, Ѳедоръ Иванычъ: я былъ совершенно увѣренъ: Добраго съ вашихъ словъ передавалъ мнѣ ... что Надежда Ѳедоровна ... я былъ такъ увѣренъ въ Надеждѣ Ѳедоровнѣ.

— Она, вѣдь, вамъ и не отказываетъ ... Конечно, если вы будете теперь съ ней говорить, я васъ предупреждаю: она, можетъ-быть скажетъ вамъ, что рѣшительно не пойдетъ за васъ ... Вы знаете женщинъ: онѣ бываютъ капризны ... Но вы можете ѣздить къ намъ такъ часто, какъ вамъ захочется: старайтесь доказать, что вы искренно любите, что ваша любовь не минутное увлеченіе ...

— Но что же это значитъ, Ѳедоръ Иванычъ? какая же можетъ быть тому причина? Я совершенно этимъ убитъ ... Неужели Надежда Ѳедоровна сомнѣваются въ моей страсти?

— А не знаю, можетъ быть, и это отчасти ... съ улыбкою говорилъ Ѳедоръ Иванычъ. Женщины

очень подозрительны: можетъ быть, она имѣетъ какое-нибудь основаніе думать, что ваше сердце не ей одной принадлежитъ ...

— О, если это, то клянусь вамъ, Ѳедоръ Иванычъ, я не любилъ никого, кромѣ Надежды Ѳедоровны.

— Ну, не клянитесь, можетъ быть, она имѣетъ другія свѣдѣнія относительно этого обстоятельства.

— Божусь вамъ, Ѳедоръ Иванычъ, все это вздоръ .. Позвольте мнѣ объясниться съ Надеждой Ѳедоровной и я докажу имъ ...

— Ну, нѣтъ, не совѣтую вамъ ... Дѣвушку трудно убѣдить въ подобномъ случаѣ одними словами ... Лучше послѣдуйте моему совѣту ...

— Но я готовъ на все ... я готовъ доказать свои чувства къ Надеждѣ Ѳедоровнѣ чѣмъ только имъ угодно ... я ... нѣтъ, позвольте Ѳедоръ Иванычъ, я непремѣнно объяснюсь съ Надеждой Ѳедоровной и знаю, что ...

Приходъ Катерины Михайновны и Наденьки прервалъ рѣчь князя. Наденька вошла блѣдная, съ признаками подавленнаго душевнаго волненія, но съ выраженіемъ на лицѣ готовности и рѣшимости сопротивляться. Отецъ при первомъ взглядѣ на дочь остался недоволенъ выраженіемъ ея лица и нахмурился.

Князь Бандуровъ не имѣлъ способности проникать взглядомъ въ тайники душевные и потому не замѣтилъ ничего особеннаго въ лицѣ Наденьки и при появленіи ея поклонился ей молча, пославши ей впрочемъ весьма страстный и вмѣстѣ грустный, по его мнѣнію, взглядъ. Затѣмъ онъ поспѣшилъ принять убитый видъ несчастнаго любовника, который былъ давно заученъ имъ передъ зеркаломъ. Принять убитый видъ нечастнаго любовника, по понятіямъ князя Бандурова, значило склонить на

бокъ голову, нахмурить брови и, покручивая правый усъ, кидать изъ подлобья взгляды мрачные и полные горькаго упрека на предметъ своего обожанія, что и было имъ исполнено, при настоящемъ случаѣ, въ точности.

Клеопатра Петровна вошла вслѣдъ за Наденькой и усѣвшись въ сторонку, приготовилась наблюдать, что будетъ ...

— Ты нездорова? спросилъ Ѳедоръ Иванычъ дочь.

— Да, немножко, папа ...

— Но надѣюсь, что ты чувствуешь себя теперь лучше? — Притворная искусственная улыбка мелькнула на губахъ Ѳедора Иваныча: эта улыбка была сочинена въ пользу Бандурова.

— Все равно ... но, вѣдь, у меня такъ, слегка болитъ голова.

Ѳедоръ Иванычъ нахмурился было, но брови его тотчасъ опять разгладились и онъ съ прежней улыбкой сказалъ:

— То есть слѣдовательно, наша болѣзнь не помѣшаетъ намъ ѣхать на вечеръ къ Хрящевымъ ... Вы, князь, конечно тамъ будете? ...

— Да, я получилъ приглашеніе.

— Да! Впрочемъ что же я спрашиваю: вы, вѣдь, тамъ домашній человѣкъ ...

— А какая миленькая дочь у Хрящевыхъ! ... не правда ли, князь? подхватила Катерина Михайловна.

— Ну, такъ и есть: Наденька ревнуетъ меня къ Катенькѣ: вѣрно, дошли какіе-нибудь слухи! догадался Бандуровъ.

— Нѣтъ, я не нахожу, чтобы она была хороша! проговорилъ онъ вслухъ.

— Отчего же? нѣтъ, она очень, очень недурна. — Да, лучше всѣхъ здѣсь въ околодкѣ! .,.

— Она? Хрящева? воскликнулъ Бандуровъ. Да, можетъ быть, прежде была лучше всѣхъ, но не теперь ...

При этомъ Бандуровъ бросилъ страстный взглядъ на Наденьку.

— Теперь ея звѣзда померкла! прибавилъ онъ, громко вздохнулъ и снова принялъ убитый видъ несчастнаго любовника.

— Отчего же она померкла? отозвалась Клеопатра Петровна.

— Отчего-съ? ... я не могу вамъ этого сказать ... Вы сами очень хорошо знаете отчего ...

Князь опять громко вздохнулъ и устремилъ глаза на Наденьку.

Наденька вспыхнула: ей было и досадно, и стыдно. Она встала, намѣреваясь уйти въ свою комнату, но не успѣла сдѣлать двухъ шаговъ къ двери, какъ князь Бандуровъ обратился къ ней съ просьбой:

— Надежда Ѳедоровна, сыграйте что нибудь.

Она хотѣла было отказаться, но вдругъ перемѣнила намѣреніе и согласилась.

Идя къ роялю, князь Бандуровъ обдумывалъ, что онъ будетъ говорить; Наденька приготовлялась отвѣчать: ихъ никто не сопровождалъ — и она предчувствовала, что ей придется выдержать рѣшительное объясненіе. Молча, подошла Наденька къ этажеркѣ съ нотами, чтобы взять одну изъ тететрадей.

— Надежда Ѳедоровна! заговорилъ Бандуровъ: я это только такъ просилъ васъ играть, но мнѣ нужно переговорить съ вами серьезно ...

— Что̀ вамъ угодно?

— Ѳедоръ Иванычъ, вѣроятно, изволили передавать вамъ мои чувства и мое предложеніе .. Вѣрьте Богу, Надежда Ѳедоровна ... страсть моя самая ужасная ... отъ васъ зависитъ мое счастье ... я не могу жить безъ васъ ...

— Развѣ, папаша, не передавалъ еще вамъ моего отвѣта?

— Этотъ отвѣтъ меня убиваетъ ... онъ можетъ свести меня съума ... Надежда Ѳедоровна, клянусь вамъ: я люблю только васъ однѣхъ ... Если до васъ дошли какіе-нибудь слухи объ этой Хрящевой, такъ это все вздоръ, пустяки ... Я никогда не любилъ ее ...

— Какіе слухи? что̀ мнѣ за дѣло до Хрящевой ... да что вамъ папаша сказалъ о моемъ отвѣтѣ? ...

— Ѳедоръ Иванычъ сказалъ мнѣ, что вы не даете окончательнаго согласія, но и не отказываете мнѣ, что вы не вѣрите въ мою любовь и имѣете какія то подозрѣнья ... Но, Надежда Ѳедоровна, если вы чувствуете хоть маленькое расположеніе ... сдѣлайте меня счастливымъ ... Повѣрьте мнѣ: я живу только вами одной ... Я докажу вамъ, что я ненавижу, презираю эту Хрящеву ... я готовъ доказать вамъ чѣмъ угодно, что ...

— Но позвольте, позвольте, князь, перебила его Наденька ... Папаша не такъ передалъ вамъ мой отвѣтъ.

— Надежда Ѳедоровна, ради Бога скорѣе осчастливьте меня .:. Надина, счастье мое, скажите, что вы моя ... я у вашихъ ногъ.

Князь Бандуровъ бросился на колѣни передъ Наденькой и ловилъ ея руку.

Наденька въ испугѣ и негодованіи отскочила отъ него на нѣсколько шаговъ.

— Князь, встаньте, пожалуйста ... или иначе я уйду отсюда ... И если вы не въ состояніи выслушать меня спокойно, я не буду говорить съ вами.

— О, нѣтъ, нѣтъ, говорите, ради Бога ... не уходите отсюда ... Я готовъ дѣлать все, что вы прикажете, лишь бы не потерять надежды ...

Князь поднялся на ноги, довольный сказаннымъ случайно каламбуромъ. Онъ не ожидалъ услышать то, что Наденька готовилась сказать ему: онъ думалъ, что Ѳедоръ Иванычъ, по свойственной старикамъ осторожности, не хотѣлъ съ перваго раза объявить согласія дочери ...

— Послушайте, князь: по какому поводу рѣшились вы дѣлать мнѣ предложеніе?

— Потому, что я васъ люблю пламенно, страстно ... Я не могу жить безъ васъ ... Ахъ Надежда Ѳедоровна, если бы вы знали, чего мнѣ стоило прожить все это время съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ васъ ... Я совсѣмъ измучился, истерзался ... Я не могъ ни о чемъ думать, кромѣ васъ ...

— Но, полноте, это неправда: вамъ не за что было полюбить меня: вы такъ недавно меня знаете ...

— Но развѣ можно видѣть васъ и не любить? Развѣ недостаточно одного взгляда на васъ, чтобъ пожертвовать для васъ жизнью и всѣмъ на свѣтѣ ... О, нѣтъ, вѣрьте, Надежда Ѳедоровна, вѣрьте моей вѣчной, пламенной любви къ вамъ ...

— Я не имѣю права и не хочу думать объ этомъ. Но если вы рѣшились дѣлать мнѣ предложеніе, значитъ надѣялись на мое согласіе ...

— Да, я надѣялся, я былъ увѣренъ, что вы поймете мою любовь ... Притомъ мнѣ казалось ...

— Что вамъ казалось? ...

— Мнѣ казалось, что и вы не совсѣмъ равнодушны ко мнѣ ...

Наденька вспыхнула ...

— Развѣ я подала вамъ какой нибудь поводъ думать это?

— О, нѣтъ, нѣтъ, вы были всегда такъ безжалостны, такъ жестоки ко мнѣ ...

— Съ какой же стати вы вообразили, что я неравнодушна къ вамъ? ...

— Извините меня: можетъ-быть, я ошибался ... Но я надѣялся, по крайней мѣрѣ, что вы оцѣните мои чувства и поймете меня.

— Я признаю, князь, всѣ ваши достоинства. Можетъ-быть, я не способна понять и оцѣнить васъ, можетъ-быть, я вовсе васъ недостойна, но не сердитесь, ради Бога, я должна сказать вамъ всю правду: я совершенно къ вамъ равнодушна и чувствую, что никогда не могу любить васъ ...

Князь вспыхнулъ.

— Какъ, Надежда Ѳедоровна: это значитъ, что вы мнѣ отказываете наотрѣзъ? ... вы хотите убить меня ... Но вашъ папенька сказалъ мнѣ, что вы только не даете рѣшительнаго согласія, но и не отказываете... Ради Бога, не вѣрьте тѣмъ сплетнямъ, которыя дошли до васъ: я никого не люблю,кромѣ васъ ...

— Я васъ не спрашиваю объ этомъ и не хочу знать кого вы любите, но прошу васъ: оставьте всякую мысль обо мнѣ. Повторяю вамъ: я не могу васъ любить и не могу идти за васъ ...

— Но пощадите меня, Надежда Ѳедоровна: я не могу жить безъ васъ, я умру, зачахну, убью себя ... Пожалѣйте меня!

Князь Бандуровъ опять бросился на колѣни передъ Наденькой.

— Ахъ, князь, встаньте: къ чему эти сцены? развѣ я могу заставить себя любить васъ?

— Значитъ, вы любите другого ... О, я знаю кого! ... И кого вы выбрали, кого вы предпочли! ...

Бандуровъ притворно захохоталъ.

— Князь, вы забываетесь! Развѣ я говорю о томъ, кого вы любите и развѣ нельзя оставаться равнодушною къ вамъ, не любя никого другого.

— Но что̀ вы дѣлаете со мной, Надежда Ѳедоровна! какимъ адскимъ мукамъ вы меня подвергаете. Я никому не могу уступить васъ. Папенька вашъ приглашалъ меня ѣздить какъ можно чаще: я буду бывать у васъ каждый день, я не позволю никому завладѣть вами ... Я докажу вамъ, какъ сильна моя любовь.

— Но я прошу васъ, князь, какъ благороднаго человѣка, отказаться отъ меня, даю вамъ право сказать моимъ родителямъ, что вы сами берете назадъ ваше предложеніе, что вы считаете меня недостойною его, что вы ошиблись во мнѣ.

— Нѣтъ-съ, я не могу этого сдѣлать.

— Что̀ же вы намѣрены дѣлать?

— Что-съ? я буду слѣдить за вами, какъ тѣнь; я не отдамъ васъ никому, хотя бы это стоило мнѣ жизни ... Я заставлю васъ полюбить себя и вы будете принадлежать мнѣ во что бы то ни стало ...

— Никогда на свѣтѣ! проговорила пылко Надежда и быстро пошла вонъ изъ комнаты.

— Надежда Ѳедоровна, ради Бога, пощадите меня! ... заговорилъ Бандуровъ, мгновенно упавшій духомъ при рѣшительномъ движеніи Наденьки; но она уже скрылась изъ залы.

— Э, вздоръ, чортъ возьми! ужъ коли на то пошло; будешь моей! проговорилъ Бандуровъ,

ободряя самого себя, прошелся нѣсколько разъ по залѣ, подошелъ къ зеркалу, поправилъ растрепавшуюся отъ изъясненія сильныхъ чувствъ прическу, посмотрѣлъ не пристала ли съ полу пыль къ колѣнамъ, прорепетировалъ предъ зеркаломъ убитый видъ несчастнаго любовника и отправился съ такимъ видомъ въ комнату, гдѣ сидѣлъ Ѳедоръ Иванычъ.

Супруги во время объясненія князя Бандурова съ Наденькой были одни: Клеопатра Петровна ихъ оставила, не желая стѣснять своимъ присутствіемъ ихъ бесѣду, которую они, можетъ быть, хотѣли бы вести въ тайнѣ. И если бы Наденька, при неожиданномъ выходѣ изъ залы послѣ объясненія съ Бандуровымъ, не была такъ разстроена и взволнована, она конечно замѣтила бы въ гостиной свою тетушку, которая сидѣла около самыхъ дверей въ залу и была невидимой свидѣтельницей всего разговора жениха съ невѣстой — положеніе не совѣмъ приличное разочарованной вдовѣ и не совсѣмъ достойное дамы такихъ высокихъ правилъ и мыслей, какъ Клеопатра Петровна; но она оправдывала и извиняла себя желаніемъ добра племянницѣ, наивной, простодушной и неопытной дѣвушкѣ. Впрочемъ, Клеопатра Петровна нѣсколько сконфузилась, когда Наденька неожиданно вошла въ гостиную, но племянница прошла мимо, не замѣтивши ее ... Клеопатра Петровна успокоилась — и такими же тихими шагами вышла изъ гостиной, какими и вошла.

Оставшись наединѣ съ мужемъ, Катерина Михайловна тотчасъ же обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Ну, что, князь говорилъ съ тобой?

— Говорилъ.

— Что же ты ему отвѣтилъ?

— То, что обѣщалъ: что Наденька теперь еще не изъявляетъ согласія, но и не отказываетъ ему, что онъ можетъ ѣздить къ намъ и стараться пріобрѣсти ея расположеніе.

— Отчего тебѣ такъ хочется отдать за него Надину? Неужели онъ такой дорогой женихъ, что стоитъ принуждать Надю идти за него?

— Ахъ, Боже мой! развѣ я принуждаю? Я хочу только дать ей время обдуматься: можетъ быть она и полюбитъ князя ... А отказать ему всегда можно.

— Но вѣдь, Надя говоритъ, что она никогда не полюбитъ его и что рѣшительно отказываетъ ему ... Зачѣмъ же ее мучить?

— Гдѣ же я ее мучу? Развѣ я принуждаю ее сію минуту идти за князя? Я хочу только испытать ея сердце, потому что она еще ребенокъ, не понимаетъ сама себя: сегодня не любитъ, а завтра можетъ полюбить ... Но вотъ что скажи мнѣ: отчего Надя съ такимъ упорствомъ отказываетъ Бандурову?

— Отчего? — очень просто: оттого, что онъ ей не нравится.

— Да отчего же до такой степени не можетъ нравиться князь, тогда какъ онъ имѣетъ всѣ условія, чтобы заинтересовать такую неопытную дѣвчонку, какъ Надя: онъ молодъ и хорошъ собой, веселъ, болтливъ ... Нѣтъ ли тутъ особенной какой нибудь причины? ...

— Не думаю! ... какая же можетъ быть особенная причина?.. Ты что же предполагаешь?

— Да я ничего не могу предполагать: я только удивляюсь ... А вотъ ты, какъ мать, гораздо ближе къ дочери: не замѣтила ли ты чего нибудь особеннаго ...

— Нѣтъ, ничего не замѣчала ... Притомъ сердце Нади совершенно закрыто: твоя добрая кузина, кажется, успѣла уже вооружить дочь противъ матери ... Богъ ее за это накажетъ ... А ты вѣрно что нибудь предполагаешь, Теодорушка, и не хочешь сказать мнѣ.

— Если ты хочешь знать правду и обѣщаешь быть благоразумной, — я тебѣ скажу ... Послушай, Катерина Михайловна, я знаю твою глупую сантиментальность и чувствительность, и потому не хотѣлъ говорить тебѣ, но такъ какъ дѣло касается счастья дочери, я надѣюсь, что ты оставишь въ сторонѣ твою чувствительность и не будешь мѣшать въ моихъ намѣреніяхъ ... Слышишь, Катерина Михайловна: я повторяю тебѣ, что это касается счастья дочери ...

— Да что̀ такое, Теодорушка? ты меня пугаешь ...

— Пугаться нечего, а слѣдовало бы быть повнимательнѣе къ дочери и побольше о ней заботиться ... Посмотри: нѣтъ ли кого за дверями ... у нашихъ людей есть скверная привычка: слова нельзя сказать по секрету ...

— Что̀ же такое, Теодорушка? спрашивала Катерина Михайловна, исполнивъ приказаніе мужа и на этотъ разъ не найдя никого за дверями, потому что Глафира была занята на другомъ пунктѣ. Сердце Катерины Михайловны сильно билось: она догадалась что хочетъ сообщить ей мужъ. Но какъ онъ узналъ? Что ей теперь дѣлать, какъ держать себя?

— Что такое? повторила она.

— А вотъ что: я вижу, что Надя неравнодушна къ этому молокососу, выскочкѣ, къ этому семинаристу — лекарю! ...

Катерина Михайловна постаралась выразить на своемъ лицѣ совершенное удивленіе и даже испугъ

— Что, матушка? ... Вотъ до чего довело тебя твое ухаживанье, твое вниманіе особенное. Отличнаго жениха приготовила дочкѣ! ...

— Да это вздоръ! этого не можетъ быть! .. ты только вдругъ меня испугалъ, а теперь я обдумалась и вижу, что это пустяки, не можетъ быть ...

— Нѣтъ, не пустяки; а если я тебѣ говорю, значитъ, это такъ: я наобумъ не люблю ничего говорить ...

— Такъ неужели бы я, Теодорушка, не замѣтила, если бъ это случилось ...

— Ну, я не знаю, почему ты не замѣтила! ... но я убѣжденъ въ томъ, что говорю, и, чтобы кончить все это однимъ разомъ, я буду держать себя съ этимъ негодяемъ такъ, что онъ не рѣшится носу показать ко мнѣ — и ты должна оставить съ нимъ всѣ твои нѣжности ... Слышишь, Катерина Михайловна, я этого требую отъ тебя для счастья дочери ... И если ты не станешь поступать такъ, какъ я тебѣ говорю, я просто, безъ зазрѣнія совѣсти, скажу ему, чтобъ онъ не надоѣдалъ своими посѣщеніями ...

Катерина Михайловна смутилась, но только на одно мгновеніе ... Женщины, женщины, изъ какихъ запутанныхъ обстоятельствъ, вы не вывернетесь!

— И тебѣ это не стыдно, Теодорушка? заговорила Катерина Михайловна съ улыбкой легкаго упрека, пристально смотря въ глаза мужа, — тебѣ это не совѣстно? ...

— Тутъ нечего заботиться о приличіяхъ, когда

дѣло идетъ о судьбѣ дочери и о гордости цѣлой фамиліи ...

— Да полно! развѣ я не понимаю, что Наденька служитъ только пустымъ предлогомъ, а что ты просто ревнуешь къ лекарю меня ... И тебѣ это не стыдно, не совѣстно? Не грѣхъ тебѣ такъ низко думать обо мнѣ? ...

— Ну, полно, матушка, говорить вздоръ: о тебѣ у меня и мысли небывало ...

— Такъ неужели ты думаешь, я этому повѣрю? Развѣ я не знаю тебя? Ты всегда говоришь, что даешь мнѣ полную свободу, а между тѣмъ безпрестанно оскорбляешь подозрѣніями ... И не стыдно тебѣ употребить такое средство, чтобы скрыть свою ревность: выдумать, что дочь неравнодушна ... И кого же ты ревнуешь? старуху, у которой сынъ женихъ и дочь невѣста, ревнуешь къ мальчишкѣ, котораго я приласкала за то, что онъ спасъ жизнь мужу ...

— Катерина Михайловна, да божусь тебѣ, что это совсѣмъ не то ...

Но Катерина Михайловна чувствовала, что маневръ ея удаченъ и не давала отдыха мужу.

— Ну, полно пожалуйста! продолжала она. Достойно ли это тебя! Гдѣ тутъ благородство: только по одному глупому подозрѣнію стараться выжить изъ дома молодого человѣка, который спасъ тебѣ жизнь! И хотѣлъ ты заставить меня быть тебѣ помощницей въ такомъ благородномъ дѣлѣ ... И за что ты меня оскорбляешь? Богъ съ тобой, Ѳедоръ Иванычъ, я, кажется, ничѣмъ этого не заслужила ...

Ѳедоръ Иванычъ наконецъ разсердился.

— Да говорятъ тебѣ, матушка, что тутъ и помину нѣтъ объ тебѣ! ... прикрикнулъ онъ.

— Дѣлай какъ хочешь: ты хозяинъ въ домѣ! можешь, кого хочешь принять, кого хочешь выгнать ... но знай, что ежели ты выгонишь изъ нашего дому Крушинскаго, я это приму за личное себѣ оскорбленіе, потому что Наденька совершенно равнодушна къ Крушинскому ... И не дожидайся, чтобъ я стала помогать тебѣ обижать бѣднаго молодого человѣка за то только, что ты не имѣешь ни довѣрія, ни уваженія къ женѣ ... Я прямо тебѣ говорю, что останусь къ нему ласкова попрежнему ...

И Катерина Михайловна удалилась, представляя изъ себя женщину, оскорбленную до глубины души.

Ѳедоръ Иванычъ былъ разсерженъ, разстроенъ, и сбитъ съ толку не на шутку. Строгимъ правиломъ его супружеской тактики, которымъ онъ руководствовался съ успѣхомъ двадцать лѣтъ, было: показывать, что онъ даетъ женѣ полную свободу, не унижать ее подозрѣніемъ и никогда не препятствовать насильственно ея склонностямъ, но дѣйствовать въ подобныхъ случаяхъ, какъ можно скрытнѣе и незамѣтнѣе для нея. Это правило, по мнѣнію Ѳедора Иваныча, всегда помогало ему достигать желанной цѣли, не давало женѣ ни малѣйшаго права роптать на него и оставляло въ постоянной силѣ его вліяніе на жену. Отступить отъ какого либо однажды принятаго правила для упрямой натуры Ѳедора Иваныча было тяжело, почти невозможно, а теперь, при настоящемъ случаѣ, казалось даже неблагоразумно. Чѣмъ докажетъ онъ женѣ, что дѣйствуетъ въ настоящемъ случаѣ для пользы дочери, а не по оскорбительному для Катерины Михайловны подозрѣнію? .. И пусть бы въ самомъ дѣлѣ можно подозрѣвать ее въ связи съ Крушинскимъ, такъ и того нѣтъ: она

такъ прямо и такъ пристально смотрѣла въ глаза мужу, такъ смѣло говорила, была такъ оскорблена, что ее подозрѣваютъ ... Будь что нибудь на совѣсти у Катерины Михайловны, тонъ ея былъ бы совсѣмъ не таковъ: Ѳедоръ Иванычъ хорошо ее зналъ ... Поступить въ настоящемъ случаѣ рѣшительно, значитъ подать поводъ къ вѣчнымъ жалобамъ, упрекамъ, ссорамъ, даже потерять нѣсколько вліяніе на жену; а совершенное спокойствіе и полная власть въ семействѣ — первое благо для Ѳедора Иваныча. А, вѣдь, если заберетъ себѣ въ голову женщина какую нибудь мысль, — какими силами ее выбить оттуда! ... Чѣмъ докажешь Катеринѣ Михайловнѣ любовь Наденьки къ Крушинскому? Вѣдь это одно только предположеніе, а Катерина Михайловна не вѣритъ ему ...

Среди этихъ размышленій засталъ князь Ѳедора Иваныча.

— Ну, что вы, князь, натѣшились музыкой? спросилъ онъ, съ усиліемъ скрывая дурное расположеніе духа.

— Нѣтъ-съ, Надежда Ѳедоровна не играла ... Мы все разговаривали.

— И вы, вѣроятно, старались разсѣять въ Надѣ ея подозрѣнія.

— Да ... но ...

— Погодите, я вамъ доскажу: ну, и Надя вѣроятно, говорила вамъ, что не вѣритъ въ вашу любовь ...

— Надежда Ѳедоровна даже сказали, что онѣ никогда не могутъ меня любить и никогда не будутъ принадлежать мнѣ.

— А я вамъ что̀ предсказывалъ? говорилъ ли я вамъ, что дѣвушку, забравшую себѣ что нибудь въ

голову, невозможно разувѣрить словами? что ее можно побѣдить только терпѣніемъ и доказательствами очевидными ...

Ѳедоръ Иванычъ, говоря съ княземъ, улыбался, но на душѣ у него было вовсе не весело и брови его невольно хмурились, лобъ морщился.

— Впрочемъ, послушайте, князь: такъ какъ вы сами объяснялись съ моей дочерью, слѣдовательно отъ нея самой получили отвѣтъ на ваше предложеніе, то, чтобы мнѣ остаться передъ вами благороднымъ человѣкомъ, я предоставляю вамъ дѣйствовать, по вашему собственному усмотрѣнію. Съ моей стороны, я считалъ бы за удовольствіе имѣть въ васъ зятя, но и воли дочери въ выборѣ мужа я не хочу стѣснять. Ея сердце еще не занято и если вы надѣетесь овладѣть имъ, она будетъ принадлежать вамъ; если же вамъ продолжительныя исканія покажутся скучны, вы теперь же можете отказаться отъ моей дочери ...

— О, нѣтъ-съ, Ѳедоръ Иванычъ, ни за что на свѣтѣ! ... Я такъ люблю Надежду Ѳедоровну, что не могу жить безъ нея ... Ради Бога, только вы не отказывайте мнѣ, а я надѣюсь со временемъ пріобрѣсти ихъ расположеніе.

— И такъ, слѣдовательно, если не будетъ успѣха, вы на меня не останетесь въ претензіи?

— О, ни въ какомъ случаѣ ... Но, Ѳедоръ Иванычъ, ради Бога, примите во мнѣ участіе ... Я, ей-Богу, умираю отъ любви ... Помогите мнѣ ... Ваше мнѣніе много значитъ для Надежды Ѳедоровны.

— Что касается до этого, — будьте увѣрены, князь, что я о васъ самаго высокаго мнѣнія, слѣдовательно, кромѣ похвалъ, дочь моя ничего не услышитъ отъ меня о васъ ...

— Благодарю васъ, Ѳедоръ Иванычъ! О, если бъ я могъ назвать васъ своимъ папенькой.

Князь Бандуровъ бросился на шею къ Ѳедору Иванычу, но тому вовсе было не до такихъ нѣжностей. Оградивъ себя отъ всякой отвѣтственности передъ Бандуровымъ, онъ уклонился отъ продолженія непріятнаго разговора и повелъ бесѣду о совершенно постороннемъ.

Къ обѣду вся семья снова сошлась. Князь Бандуровъ не сводилъ глазъ съ Наденьки, надоѣдалъ ей своею услужливостью, вздохами и грустными взглядами. Послѣ обѣда она снова ушла въ свою комнату, жалуясь на головную боль — и князь Бандуровъ уѣхалъ.

Ѳедоръ Иванычъ былъ угрюмъ, сердитъ, ничего не говорилъ съ дочерью и не скрывалъ отъ нея своего неудовольствія. Онъ не только не обнялъ, не расцѣловалъ ее по обыкновенію, прощаясь съ нею послѣ ужина, но даже не благословилъ и не далъ поцѣловать руки. Все это сильно огорчало бѣдную дѣвушку. И горько, и долго плакала она, придя въ свою комнату.

Всѣ уже спали въ домѣ, огни были погашены и только мерцающій свѣтъ лампады, зажженной передъ образомъ, слабо освѣщалъ комнату Наденьки. Она лежала въ постели, но не могла уснуть. Тихо вошла къ ней Катерина Михайловна въ спальномъ платьѣ, тихо открыла занавѣсъ постели.

— Ахъ, мамаша!

— Ты еще не спишь, моя радость?

— Нѣтъ, мамаша, душенька, не спится, грустно очень.

Наденька поцѣловала руку матери.

— А я нарочно пришла къ тебѣ попозже, поговорить, если ты не спишь.

Катерина Михайловна присѣла на постель дочери.

— Знаешь ли что, мой ангелъ? отецъ подозрѣваетъ и убжденъ, что ты влюблена въ Крушинскаго.

— Какъ, ужъ и папаша знаетъ! проговорила Наденка. Ну, что же! пусть будетъ, что Богу угодно. Я ожидала этого ...

— Но ты смотри же: не вздумай признаться отцу, если онъ станетъ тебя спрашивать ... Я для тебя сегодня, Надина, такую услугу сдѣлала, что ты должна быть мнѣ благодарна.

— Я знаю, мамаша, душенька, какой вы ангелъ ...

— Ну, послушай, что было выдумалъ сдѣлать Ѳедоръ Иванычъ ...

Тутъ Катерина Михайловна разсказала подробно весь свой разговоръ съ мужемъ по поводу любви Наденьки къ Крушинскому — и какъ она ловко вывернулась изъ затруднительнаго положенія. Далеко за полночь продолжалась такая бесѣда чувствительной матери и влюбленной дочери ... И сколько слезъ было пролито, сколько нѣжныхъ словъ было сказано, сколько различныхъ плановъ построено для будущаго! И какъ раскаивалась Наденька, что была такъ долго несправедлива къ такой доброй, къ такой нѣжной маменькѣ. И какъ шло къ этой тайной сантиментальной бесѣдѣ слабое освѣщеніе комнаты мерцающимъ свѣтомъ лампады ...

XI.

Наденькѣ не хотѣлось ѣхать къ Хрящевымъ на вечеръ. Крушинскій съ ними не знакомъ, онъ не будетъ тамъ: что же ей дѣлать, для чего ѣхать къ людямъ, которыхъ она не любитъ и которымъ тоже не за что любить ее. Притомъ тамъ будетъ этотъ

ненавистный князь, будутъ всѣ эти скучные городскіе знакомые ... съ своими испытующими взглядами, съ своими недоброжелательными, или двусмысленными улыбками. Наденька просила мать избавить ее отъ этого непріятнаго вечера. Катерина Михайловна обѣщала.

Ѳедоръ Иванычъ въ день бала былъ особенно сердитъ, мраченъ и неприступенъ. Клеопатра Петровна нашла время сообщить ему, что изъ нѣкоторыхъ фразъ князя Бандурова, случайно долетѣвшихъ до ея слуха, изъ разговора его съ Наденькой, надо заключить, что князь также подозрѣваетъ о любви ея къ Крушинскому. Это извѣстіе окончательно разстроило старика: онъ понималъ, что если князь потеряетъ надежду получить руку его дочери, то постарается распустить слухъ по городу о любви ея и къ кому же, къ кому?

— Ѳедоръ Иванычъ, ты сегодня думаешь ѣхать къ Хрящевымъ?

— Да, поѣдемъ.

— Но Надя чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровою и не хочетъ ѣхать ...

— Пустяки, пусть ѣдетъ! ...

— Какъ пусть ѣдетъ? больная?

— Я не знаю; больна она или здорова, но хочу, чтобъ ѣхала ...

— Да, помилуй, Ѳедоръ Иванычъ, я говорю тебѣ, что она нездорова и не можетъ ѣхать ...

— Да, не можетъ ѣхать къ Хрящевымъ, потому что семинариста тамъ не будетъ ... Скажи ей, чтобъ собиралась ...

Ѳедоръ Иванычъ ушелъ отъ жены и хлопнулъ дверью. Возражать значить нельзя болѣе: Наденька стала приготовляться къ вечеру.

Но для нея приготовлялся сюрпризъ неожиданный: Крушинскій также собирался къ Хрящевымъ. Возвратившись въ послѣдній разъ отъ Коркиныхъ, онъ нашелъ у себя на столѣ точно такой же пригласительный билетъ, какой былъ полученъ тамъ при немъ.

— Что бы это значило, подумалъ Крушинскій, балъ совсѣмъ на широкую руку: приглашаютъ даже незнакомыхъ.

На другой день пришелъ къ нему Мармаровскій.

— Я къ вамъ, докторъ, мимоходомъ ... Скука страшная ... Не знаешь куда дѣвать время ... Книгъ нѣтъ. Зашелъ попросить васъ: ради Бога, нѣтъ ли чего почитать у васъ? ...

— Да, вѣдь, все, что есть у меня литературнаго, вы читали, а то медицинскія книги ...

— Я, право, готовъ даже читать медицинскія сочиненія ... такая тоска! ... Дайте, пожалуйста, что можно читать намъ, не посвященнымъ въ таинства вашей великой науки ... Чортъ знаетъ, что̀ это за городишко, что̀ здѣсь за общество. Никуда нельзя показаться ... Какая то неразвитость ... глупыя претензіи ... даютъ какіе-то безтолковые балы съ сальнымъ освѣщеніемъ. Вотъ и завтра еще балъ затѣвается ... у Хрящевыхъ ... вы слышали?

— Я даже, къ удивленію, получилъ пригласительный билетъ, хотя даже вовсе не знакомъ съ ними.

— Они зовутъ рѣшительно всѣхъ ... Говорятъ, хотятъ задать пиръ на удивленье всей губерніи ... выписываютъ вина и конфекты изъ губернскаго города. Смѣшной народъ! и къ чему? ... Вы поѣдете?

— Не знаю, право ... Еще не рѣшился ...

— Нѣтъ, пріѣзжайте: что же? интересно посмотрѣть даже изъ наблюдательности: тутъ же будутъ и женихъ съ невѣстой.

— Какіе это женихъ съ невѣстой?

— Помилуйте, да развѣ вы не слыхали, отвѣчалъ Мармаровскій, пристально смотря на Крушинскаго: Бандуровъ женится на Коркиной ... На дняхъ онъ объявилъ намъ торжественно о согласіи Коркиныхъ на его предложеніе и мы пили шампанское, поздравляли его ... неужели вы не слыхали?

Крушинскій поблѣднѣлъ и сидѣлъ, какъ пораженный молніей.

— Что, неправда ли, васъ это поразило? И мы тоже были удивлены ... И вообразите, какъ все это было сдѣлано скоро и секретно: никто даже и не предполагалъ ничего подобнаго ... Князь даже говорилъ, что у нихъ скоро будетъ свадьба ...

— Но это вздоръ! этого быть не можетъ! онъ вретъ! проговорилъ Крушинскій, въ совершенномъ недоумѣніи.

— Конечно, отъ князя всего можно ожидать ... Но согласитесь, что въ настоящемъ случаѣ онъ не рѣшился бы такъ торжественно лгать: вѣдь, это значило бы подвергать себя всеобщимъ насмѣшкамъ ...

Крушинскій растерялся: онъ не зналъ что подумать, на чемъ остановиться. Молча, неподвижно сидѣлъ онъ передъ Мармаровскимъ и безсознательно смотрѣлъ на него.

— Однако, прощайте, докторъ! Извините, что я васъ обезпокоилъ ... Что же, вы одолжите мнѣ книгъ? ...

— Съ удовольствіемъ, но лучше когда нибудь послѣ ... Теперь я не знаю ... право ..!

— Какъ васъ удивило это извѣстіе ... Да и не

мудрено: мы всѣ были изумлены ... Такъ вы поѣдете завтра къ Хрящевымъ? ...

— Да, я думаю ... можетъ-быть.

— Пріѣзжайте. Это интересно посмотрѣть ... балъ въ уѣздномъ городишкѣ ... И жениха съ невѣстой увидите: они тоже будутъ тамъ, вѣроятно.

Мармаровскій ушелъ совершенно довольный исполненіемъ возложеннаго на него Катенькою порученія: узнать — будетъ ли Крушинскій у нихъ на балѣ и какое впечатлѣніе произвело на него извѣстіе о свадьбѣ Бандурова, о которой Мармаровскій уже сообщилъ ей и которая поразила ее не меньше Крушинскаго, возбудивъ въ ней страстную злобу и усиливъ лютое желаніе отмстить.

— Что же это значитъ? думалъ Крушинскій, оставшись одинъ. Неужели же Наденька и ея мать издѣвались надо мной? .. Но это вздоръ: Наденька любитъ меня! .. Но какъ же рѣшился князь, безъ всякаго повода, такъ смѣло объявлять о согласіи на его предложеніе ... Неужели же Наденьку хотятъ выдать замужъ поневолѣ и дали согласіе безъ ея вѣдома? Но мать? .. Какъ же понимать ея слова?

Бѣдный Крушинскій совсѣмъ потерялъ голову; для его натуры не могло быть ничего тяжелѣе неизвѣстности: нѣсколько времени онъ былъ въ состояніи полусумасшедшаго человѣка, черезъ голову котораго проходитъ одна за другою неясныя, смутныя мысли и представленія, нервы котораго разстроены и раздражены до послѣдней степени, ловятъ впечатлѣнія и не даютъ яснаго въ нихъ отчета. Но мало помалу благоразуміе наконецъ явилось къ нему на помощь: онъ разсудилъ, что еще не зналъ ничего навѣрно. Вечеръ у Хрящевыхъ долженъ былъ объяс-

нить ему все ... И съ какимъ нетерпѣніемъ сталъ онъ ожидать этого вечера!

Приготовленія къ балу шли не на шутку и носили въ себѣ какую то особенную торжественность и отчасти таинственность. Татьяна Ивановна и Катенька были въ постоянной ажитаціи и выказывали дѣятельность и энергію необыкновенную. Слухъ о женитьбѣ Бандурова на Коркиной хотя сильно поразилъ и разстроилъ ихъ, но, казалось, придавалъ еще больше силъ, какъ утопавшему придаетъ новыя силы отчаяніе. Мармаровскій былъ, повидимому, ихъ дѣятельнымъ сотрудникомъ и какъ бы членомъ семейства: тайно и долго бесѣдовалъ онъ то съ Татьяной Ивановной, то съ Катенькой. Андрей Марковичъ былъ совершенно устраненъ отъ всякаго участія въ совѣщаніяхъ, какъ человѣкъ неспособный: онъ могъ быть только слѣпымъ исполнителемъ высшихъ соображеній Татьяны Ивановны; ему безпрестанно были сообщаемы собственною рукою Татьяны Ивановны составленныя и написанныя реестры различныхъ вещей, которыя представлялось Андрею Марковичу выписать, купить, достать, по возможности, за самую сходную цѣну. Передъ нѣкоторыми вещами, вписанными Татьяной Ивановной, по совѣту Мармаровскаго, Андрей Марковичъ становился втупикъ. Такъ напр., его весьма затрудняли живыя деревья и цвѣты для украшенія лѣстницы, серебрянные холодильники для шампанскаго, карсели для дамскаго будоара, серебрянные колпаки на блюда и т. п. Татьяна Ивановна сама не совсѣмъ могла дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что совѣтовалъ ей Мармаровскій пріобрѣсти для бала, но не хотѣла уронить своего достоинства, признавшись въ невѣдѣніи, записывала безсознательно все, что ни говорилъ онъ

и чувствовала невольное уваженіе къ опытности Мармаровскаго въ потребностяхъ комфорта и знаніи жизни большого свѣта. Мармаровскій былъ счастливъ въ эти дни, тщательно припоминалъ все, почерпнутое имъ изъ романовъ, описывающихъ великосвѣтскую жизнь, увеличивалъ реестры Татьяны Ивановны, увеличивалъ къ себѣ уваженіе ... а бѣдный Андрей Марковичъ не могъ надивиться откуда такія претензіи у его супруги ... Много сблизилъ предстоящій балъ разочароваинаго подпоручика съ Катенькой, много надежды подавалъ онъ ему въ будущемъ, много ожидала Катенька отъ Мармаровскаго въ видахъ своего мщенія измѣннику, и смотрѣла на него какъ не необходимый резервъ, ибо всякой благоразумной дѣвицѣ, желающей выйти замужъ, должно имѣть жениха въ резервѣ.

Наканунѣ бала Татьяна Ивановна дѣлала визиты всѣмъ своимъ городскимъ знакомымъ.

— Любовь Ивановна, а вы слышали, говорила Татьяна Ивановна исправницѣ, мое предсказаніе сбылось: Коркины отдаютъ свою дочь за Бандурова, ужъ была помоловка и свадьба назначена какъ можно скорѣе ...

— Ахъ, Боже мой ... Ну, что же: я и не ожидала, чтобъ она сдѣлала себѣ партію лучше ... Это мой супругъ вообразилъ только, что она необыкновенная красавица и выйдетъ Богъ знаетъ за кого ... А я всегда говорила, что она кукла, безъ всякихъ манеръ и безъ всякаго обращенія ...

— Нѣтъ, но это-то, это-то, Любовь Ивановна ... Каково петербургское высшее образованіе? а?

— Ахъ, не говорите, ради Бога, Татьяна Ивановна! ну, что у нея за образованіе: была въ какомъ-то пансіонѣ, гдѣ ей не умѣли даже дать при-

личныхъ манеръ, и не видала совсѣмъ свѣта, нигдѣ не бывала, кромѣ своей тетушки, которая, признаюсь вамъ, хотя и въ Петербургѣ живетъ, но на мои глаза большая mauvais genre ... Я тоже видала свѣтъ и общество: знаю большой свѣтъ ... Развѣ такія бываютъ свѣтскія женщины? ... А эта умѣетъ только ломаться, кобениться, да закатывать глаза подъ лобъ ...

— Ахъ, что за Любовь Ивановна! едва могла выговорить Татьяна Ивановна сквозь взрывъ неудержаннаго смѣха, которымъ она надѣялась угодить и дѣйствительно угодила Любови Ивановнѣ.

— Но, нѣтъ, кромѣ шутокъ, Любовь Ивановна, какова дѣвочка? ... Ну, кто же онъ? вѣдь не больше какъ семинаристъ? И какова матушка? каково семейство? ... вѣдь, это, я признаюсь вамъ, считаю за оскорбленіе всего нашего дворянства ... Да какъ же Любовь Ивановна? ... Они хотятъ быть первыми въ нашемъ уѣздѣ и что же они дѣлаютъ? Развѣ такъ слѣдуетъ себя держать, если хотятъ быть первыми? ... Вѣдь, теперь кого же они не вооружили противъ себя? Одна развѣ предводительша ...

— Ну, что предводительша? Развѣ она понимаетъ что нибудь? рѣзко отозвалась Любовь Ивановна. И тоже воображаетъ себя красавицей ... ха, ха, ха! ... Я навѣрно знаю, что она говорила своей горничной, что во всей губерніи ни у кого нѣтъ такой хорошенькой ножки, какъ у нея ... А, говорятъ, у нея мозоли на всѣхъ пальцахъ отъ узкихъ башмаковъ.

— Нѣтъ, да она и важничаетъ, несносно важничаетъ, какъ будто предводительша Богъ знаетъ что такое, какъ будто и каждая изъ насъ не можетъ быть такой же предводительшей: мы же, дворяне,

выбрали ея мужа, а вотъ на будущіе выборы не выболтируютъ, тогда спѣсь то и спадетъ. Я, признаюсь, очень рада, что ея не будетъ у меня на балѣ: посылала пригласительный билетъ въ деревню къ нимъ, и какъ вы думаете, чѣмъ отозвались? что у нихъ малютка боленъ! ... Какъ вамъ это нравится? ... Какъ будто это причина? ... Точно нельзя оставить ребенка на одинъ вечеръ? А мнѣ рѣшительно все равно: я еще и очень рада, что ея не будетъ ...

— Да у нея, можетъ быть, просто нечего надѣть! Ахъ, какъ скверно одѣвается, ахъ, какъ скверно! Ни вкусу, ничего!

— По сочувствію со своими друзьями — съ Коркиными. Вы замѣчали, какъ одѣвается сама Коркина? ни на что не похоже! ... А знаете, Любовь Ивановна, поведеніе ихъ обѣихъ — и матери и дочки, меня такъ возмущаетъ — ну, что же, вѣдь, онѣ въ нашемъ обществѣ, въ нашемъ кругу! — что я рѣшилась показать имъ, что мы все понимаемъ, и что ... Однимъ словомъ, хоть я и пригласила ихъ къ себѣ на балъ, но сдѣлаю такой пріемъ, что они почувствуютъ ... Катенькѣ у меня запрещено всякое сближеніе съ этой дѣвчонкой ... Офицеры всѣ вооружены противъ нея за то, что она очень важничала и что этого глупенькаго князя дѣлаютъ ширмами и для кого же? ... для семинариста ... Я вамъ по секрету скажу, Любовь Ивановна ... Я надѣюсь, что вы ... офицеры никто не хотятъ танцовать съ ней, такъ что она должна будетъ просидѣть цѣлый вечеръ такъ, или танцовать съ своимъ женихомъ или со своимъ обже ... Тогда всѣ будутъ смотрѣть ...

— Ахъ, да это чудесно! Вотъ наказаніе! ... Я сама съ ней ни слова не скажу ...

— Да и кто же станетъ говорить съ ней, Любовь Ивановна, кто уважаетъ себя ...

— Это будетъ чудесно ... Это превосходно! ... лучше ничего выдумать нельзя ... И я скажу всѣмъ знакомымъ молодымъ людямъ, чтобы они не танцовали съ ней.

Судейша и исправница разстались друзьями.

Татьяна Ивановна отправилась къ городничихѣ и взяла съ собой Катеньку.

— Ну, Анна Павловна, правда ли моя? исполнились ли мои слова, что, помните, я съ вами говорила? ...

— На счетъ чего, Татьяна Ивановна?

— Ну, на счетъ Коркиной дочери ... что она въ связи съ тѣмъ, и что ее стараются выдать за князя ... Вы слышали: помолвлены и скоро свадьба ...

— Какъ, ужъ и свадьба?

— Какъ же? неужели вы не слыхали? спѣшатъ, торопятся, шьютъ приданое ...

— Ахъ, Боже мой, это ужасно! ...

— Но, какъ вы хотите, Анна Павловна, намъ надо строго запретить нашимъ дочерямъ сближаться съ этой дѣвчонкой ... это зараза! ...

— Ужъ, разумѣется, что̀ тутъ перенять хорошаго ...

— Хоть я и пригласила ихъ къ себѣ на балъ, но дамъ имъ почувствовать, какъ смотритъ на нихъ все наше общество ... Катенькѣ у меня запрещено даже говорить съ ней, кромѣ „да“ и „нѣтъ“, и стараться какъ можно удаляться ея ... Любовь Ивановна тоже не хочетъ говорить съ ней, потому, говоритъ, въ нашемъ обществѣ этого никогда не бывало ... И въ самомъ дѣлѣ, скажите, Анна Пав-

ловна, ну что это такое: не успѣла пріѣхать, показаться въ свѣтъ и ужъ ... это я не знаю съ чѣмъ сравнить ...

— Да ужъ, Тятьяна Ивановна, подумать только объ этомъ такъ ужасно ... И чего родители смотрѣли? у меня четыре дочери, да, кажется, что онѣ только подумаютъ, такъ я знаю.

— Ну, что же вы говорите, Анна Павловна? какое же тутъ сравненіе? Вы мать ... ваши дочери прелестныя образцовыя дѣвицы ... Я всегда говорю свой Катѣ, чтобы она брала примѣръ во всемъ съ вашихъ дочерей ... А это что? одна безнравственность ... Да если ей позволить только сблизиться съ нашими дочерьми, она ихъ Богъ знаетъ чему научитъ ...

— Да ужъ тутъ, правда, не чему хорошему научиться ... Я своимъ тоже запрещу, чтобы онѣ не очень съ ней сближались ...

— Да съ ней вовсе не надо позволять ничего говорить ... Вы посмотрите: моя Катя съ ней слова не скажетъ, даромъ, что она будетъ у насъ въ гостяхъ ... Ну, а что вашъ сынъ Петръ Игнатьичъ?

— Ахъ, онъ обѣщаетъ скоро къ намъ пріѣхать погостить! необыкновенно оживившись, отвѣчала городничиха.

— Прекрасный молодой человѣкъ: я его очень люблю ... Какъ досадно, что онъ не пріѣдетъ къ нашему балу ... А что какъ бы пріѣхалъ ...

— Нѣтъ, не успѣетъ! ...

— Жалко ... Анна Павловна, пріѣзжайте же, пожалуйста, къ намъ ...

— Непремѣнно, непремѣнно, Татьяна Ивановна. Между тѣмъ, какъ Татьяна Ивановна такимъ обра-

зомъ вооружала противъ Наденьки простодушную городничиху, Катенька въ другой комнатѣ дѣйствовала на ея дочерей.

— Ахъ, mesdames, говорятъ, она надо всѣми нами ужасно насмѣхалась: говорила, что мы провинціалки, ничего не видали, ничего не понимаемъ, не умѣемъ ни держать себя, ни одѣваться.

— Это сейчасъ было видно, что она такая насмѣшница: я сейчасъ же сказала сестрамъ! отвѣтила одна изъ сестеръ.

— И я это тотчасъ же замѣтила, подхватила другая.

— Мы ее не полюбили съ перваго разу, замѣтила третья.

— А теперь сама-то, какъ себя отлично показала, продолжала Катенька. Говорятъ, у нея съ этимъ Крушинскимъ все было.

— Неужели все? съ ужасомъ спросила старшая сестра.

— Неужели и цѣловались? спросила самая младшая.

— И цѣловались, и переписывались.

— Какъ же она теперь идетъ за Бандурова? значитъ, она его не любитъ?

— Вовсе не любитъ. Онъ остается въ дуракахъ ...

— Зачѣмъ же она идетъ за него, если не любитъ? спросила самая младшая и самая наивная сестра.

— Ну, полно, Раичка, отстань: ну, что ты спрашиваешь, когда ничего не понимаешь! замѣтила старшая сестра.

— Mesdames, мы не станемте ничего съ ней говорить ... Она гадкая, безнравственная! ... да и надо ее отдѣлать, чтобы не важничала. Послушайте,

mesdames, я вамъ скажу по секрету: офицеры не хотятъ съ ней ни танцовать, ни говорить и мы не будемте подходить къ ней: пусть просидитъ цѣлый вечеръ одна.

— Разумѣется, не станемъ! сказали въ одинъ голосъ всѣ четыре сестрицы.

— А что, ma chère, князь очень влюбленъ въ Коркину?

— Князь? да развѣ онъ можетъ кого нибудь любить? Онъ безпрестанно во всѣхъ влюбляется ... Онъ и мнѣ надоѣлъ своими признаніями, клятвами, только я ему никогда не вѣрила ... Вотъ ужъ бы, кажется, ни за что на свѣтѣ не пошла за него.

— Неужели? Ахъ, нѣтъ, онъ красавецъ!

— Да сказать вамъ, mesdames? ... да нѣтъ, не скажу! ...

— Скажите, скажите! ma chère, Катерина Андревна, скажите! ... заговорили въ одинъ голосъ сестрицы.

— Ну, mesdames, извольте — скажу: онъ и мнѣ нѣсколько разъ дѣлалъ предложеніе, да я всякой разъ отказывала ...

Всѣ четыре сестрицы молча улыбнулись и переглянулись между собой. Этотъ взглядъ ясно говорилъ: знаемъ мы, какъ бы ты отказала, если бъ онъ сдѣлалъ предложеніе! ...

Катенька замѣтила и поняла эти взгляды. Сердце ея, самолюбивое, хотя и маленькое сердце, болѣзненно сжалось; но она была умнѣе всѣхъ четырехъ сестрицъ и знала какъ заставить ихъ повѣрить себѣ.

— Вы не вѣрите, mesdames? сказала она смиренно. Да что же за него идти? Онъ сейчасъ бы разлюбилъ меня, взялъ бы мое приданое и промоталъ ... Сдѣлалъ бы меня несчастной ...

— Конечно, разумѣется! ... но всетаки онъ душка, красавецъ! ...

— Такъ какъ же, mesdames, намъ нужно проучить эту гордячку, Коркину ...

— Непремѣнно, непремѣнно нужно проучить.

— Вы только вообразите, какъ это будетъ смѣшно, что она цѣлый вечеръ просидитъ одна, молча и безъ танцевъ ... Вы вообразите только ...

Всѣ сестрицы засмѣялись, вообразивши такую смѣшную картину и дали Катенькѣ слово, что ни одна изъ нихъ не подойдетъ и не заговоритъ съ Коркиной. Катенькѣ только этого и нужно было.

Такимъ образомъ устроивали свое мщеніе Татьяна Ивановна и Катенька. Съ прочими членами своего общества имъ легче было сладить: они находились совершенно подъ вліяніемъ Тятьяны Ивановны.

XII.

Наступилъ роковой день бала. Сколько хлопотъ, заботъ и безпокойства у Татьяны Ивановны! Надо было все сообразить, все приготовить, ничего не упустить изъ виду, всѣмъ заняться самой. Хотя Татьяна Ивановна имѣла домъ открытый и говорила при всякомъ удобномъ случаѣ, что у нея люди такъ пріучены къ порядку, что понимаютъ всѣ ея взгляды, хотя она торжественно и съ гордостью признавалась, что вовсе не занимается хозяйствомъ, что у нея есть для этого опытная ключница и еще болѣе опытная экономка, но это была совершенная неправда: въ глубинѣ души Татьяна Ивановна оставалась всегда недовольна своими людьми, къ ключницѣ и экономкѣ не чувствовала никакого довѣрія, всѣмъ распоряжалась сама, и болѣе цѣнные хозяй-

ственные припасы, какъ-то: чай, сахаръ, миндаль, рыбій клей и т. п., а равно и различныя цѣнныя вещи держала подъ замками, ключи отъ которыхъ имѣла всегда при себѣ. Впрочемъ, надо отдать справедливость Татьянѣ Ивановнѣ въ томъ, что чаю и супу, она никогда сама не разливала. Хотя Татьяна Ивановна держала открытый домъ и ради самолюбія ничего бы не пожалѣла, но она знала всему цѣну, время и мѣсто, а потому самыя драгоцѣнныя вещи пускались въ ходъ только въ извѣстныхъ торжественныхъ случаяхъ, въ обыкновенное же время таились подъ спудомъ. Теперь же, по случаю предстоящаго бала, разумѣется, все вынималось на показъ изъ разныхъ шкафовъ, сундуковъ, чулановъ. Появились на свѣтъ Божій серебряныя канделябры, серебряный чайникъ и молочникъ, серебряная корзинка подъ сухари, накладного серебра подносы, двѣ дюжины ножей и вилокъ съ рукоятками накладного серебра, позолоченыя солонки, дюжина чашекъ чайныхъ китайскаго фарфора, разныя фаянсовыя блюда и тарелки совершенно бѣлыя и съ рисунками — все это вынималось, записывалось и отдавалось Татьяной Ивановной кому слѣдовало, съ приличными наставленіями беречь, не разбить, не затерять. Каждому изъ прислуги надо было растолковать его обязанность: и какъ держать себя, и какъ на столъ накрыть, и гдѣ что поставить, и когда что подавать. Татьяна Ивановна не забыла даже напомнить лакеямъ, чтобы они надѣли фраки и бѣлые жилеты, при чемъ невольно улыбнулась, подумавши: „въ собраніи даже лакеи были въ сюртукахъ, а мои будутъ во фракахъ! ...“ А тамъ поваръ присылаетъ безпрестанно: пожалуйте то того, то другого! сколько хлопотъ, сколька тревоги душевной! ...

Ужинъ на преполагаемомъ балѣ давно уже безпокоилъ Татьяну Ивановну ... Собственный поваръ ея, недоученый мальчишка, рѣшительно сказалъ, что ему одному не управиться съ большимъ ужиномъ. Надо было попросить другого повара у когонибудь изъ знакомыхъ, но у кого же? ... Говорятъ, хороши повара у Коркина и у предводителя, но рѣшится ли Татьяна Ивановна унизиться передъ ними, обратившись съ какою либо просьбой? О, ни за что! ... Долго думала Татьяна Ивановна, какъ бы обойдтись въ настоящихъ обстоятельствахъ, наконецъ придумала. Въ сосѣднемъ уѣздѣ, верстахъ въ 40 отъ города, жилъ въ своемъ помѣстьѣ отставной богатый генералъ. Этотъ генералъ славился во всемъ околодокѣ своимъ столомъ и отличными поварами. Татьяна Ивановна не была знакома съ генераломъ, но не затруднилась обратиться къ нему съ просьбой одолжить дня на два одного изъ его поваровъ. Посланному съ этой просьбой было поручено Татьяной Ивановной ходатайствовать у генерала, чтобы онъ отпустилъ къ ней самаго лучшаго повара, при чемъ велѣно объяснить генералу, что у Татьяны Ивановны есть и свои повара, но что она даетъ балъ, на которомъ будетъ столько гостей, что собственнымъ поварамъ не управиться. Генералъ былъ очень доволенъ, что слава о его поварахъ распространилась такъ далеко и согласился отпустить повара, но не самаго лучшаго, а который былъ немного похуже самаго лучшаго. Татьяна Ивановна была въ восторгѣ, но генеральскій поваръ оказался человѣкомъ очень важнымъ, съ сознаніемъ собственнаго достоинства и немножко озадачилъ Татьяну Ивановну своимъ самоувѣреннымъ тономъ, критическимъ взглядомъ на вещи и отрицательнымъ направленіемъ харак-

тера. Наканунѣ бала, вечеромъ, Татьяна Ивановна призвала его къ себѣ, чтобы заказать ужинъ.

Поваръ едва кивнулъ головой Татьянѣ Ивановнѣ и съ какой-то особенной улыбкой, даже дерзкой улыбкой, какъ показалось Татьянѣ Ивановнѣ, смотрѣлъ на нее, ожидая приказаній.

— Ну, какой же ты, мой другъ, сдѣлаешь супъ? спросила Татьянка Ивановна.

— Супъ-съ? да, вѣдь, суповъ, сударыня, нынче не готовятъ для ужиновъ.

— Какъ не готовятъ? Это если закуска ... а то, вѣдь, я хочу, чтобъ былъ полный ужинъ.

— Все равно не готовятъ ... нынче не принято ...

Татьяна Ивановна нѣсколько сконфузилась.

— Развѣ канцомей въ чашкахъ ... Это еще бываетъ ... Это можно сдѣлать, если угодно. Чашки такія имѣете ... для этого случая? ...

Татьяна Ивановна ничего не отвѣчала: не могла же она признаться, что не знаетъ, что за супъ канцомей и въ какихъ чашкахъ онъ подается.

— А если нѣтъ нарочныхъ такихъ чашекъ, такъ можно и въ чайныхъ подать ...

— Да, конечно можно и въ чайныхъ ... подтвердила Татьяна Ивановна.

— За недостаткомъ бываетъ-съ ...

— Ну, а потомъ ты сдѣлаешь галантиръ! повелительно произнесла Татьяна Ивановна.

— Галантиръ-съ? съ насмѣшливой улыбкой повторилъ поваръ ... Пожалуй, можно и галантиръ, если угодно.

— Да ... да смотри хорошенько изготовить, чтобы было съ видомъ ...

— Да это, разумѣется ... была бы только у

васъ форма хорошенькая, а сдѣлать съ видомъ мое дѣло ... можно пустить слоями: слой бѣлаго, а то сахаромъ подсвѣтить, а то клюквой ... Каперцы и оливки имѣете?

— Ну, разумѣется ...

— Хорошо, сдѣлаю ... коли такъ вамъ угодно, чтобы непремѣнно галантиръ на холодное ...

— Ну, а какой же думаешь соусъ?

— Да, вѣдь, соусовъ мало ли ... всякой соусъ могу сдѣлать... Вѣдь, трюфелей, я думаю, не имѣете?

— Нѣтъ ...

— Ну, значитъ, вамъ попроще ... подъ горошкомъ котлеты, или цыплята ... А тутъ еще пудинъ хорошо ...

— Ну, приготовь пудинъ ... Да смотри, чтобъ соусъ былъ получше ...

— Да ужъ это не извольте безпокоиться ... у нашего генерала столъ ... теперь по всей губерніи нѣтъ этакого стола. Теперь этакія простыя блюда, что изволите приказывать, такъ приготовлю, что гости ваши не узнаютъ изъ чего что приготовлено ...

— Я, мой другъ, не хочу, чтобы это просто было ... Я тебя призвала только для того, чтобы спросить тебя чего тебѣ нужно ... Ты можешь выдумывать блюда, какія знаешь ... Мнѣ ничего не жалко ... у меня балъ будетъ большой — весь уѣздъ будетъ на балѣ

— Такъ это всего лучше, сударыня; вы извольте предоставить мнѣ: я вамъ самъ придумаю, какія кушанья изготовить и составлю этакую записку, какихъ матеріаловъ нужно ... А то вамъ гдѣ же самимъ все знать ...

— Ну, пожалуй ... только смотри хорошенько приготовить ...

— Да это, не извольте безпокоиться: мое дѣло ... А на пудинъ, сударыня, нужно, по крайности, четыре бутылки рому ...

— Отчего такъ много?

— Оттого ... хорошо будетъ ... А пудинъ поданъ будетъ въ тонѣ ... А пирожное я вамъ сдѣлаю особенное, только, нужно двѣ бутылки бѣлаго и двѣ бутылки мадеры хорошей, и бутылку хереса ... да полпуда сахару ...

— Ну, голубчикъ, можетъ быть, ты и хорошій поваръ, только ужасно всего много требуешь ...

— Много-съ? ... нѣтъ, не много ... Конечно, можно, вѣдь, и меньше, да за то не будетъ ни такого вида, ни вкусу ... Коли, сударыня, желаете, чтобъ было хорошо, такъ нечего жалѣть ... Балъ у васъ, вѣдь, я думаю, не каждый день бываетъ, а, можетъ, въ пять лѣтъ разъ, такъ тутъ нечего жалѣть, лишь бы хорошо было ...

— Ну, ну, хорошо, ступай, пожалуйста, безъ разсужденій, только хорошенько готовь ... Тебя, вѣдь, генералъ прислалъ мнѣ ужинъ приготовить, а не разсуждать ... Чѣмъ лучше ты приготовишь, тѣмъ больше получишь за труды ...

Генеральскій поваръ насмѣшливо улыбался. Татьяна Ивановна было рѣшительно оскорблена его поведеніемъ, и даже начинала жалѣть, что позвала его.

И далъ же себя знать ей генеральскій поваръ: всякой провизіи требовалъ втрое противъ того, сколько бы слѣдовало по соображеніямъ Татьяны Ивановны.

Среди такого рода душевныхъ тревогъ и волненій проходило для Татьяны Ивановны время до предстоящаго бала: Андрей Марковичъ не мало также

сердилъ ее, ибо ни серебряныхъ холодиленъ для шампанскаго, ни карселей для дамскаго будоара, ни даже живыхъ деревьевъ для лѣстницы онъ не досталъ.

Но вотъ девять часовъ вечера. Домъ Хрящевыхъ сіяетъ огнями, лакеи, въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ жилетахъ, ходятъ по комнатамъ, приводятъ все въ окончательный порядокъ и душатъ курительными свѣчками. Андрей Марковичъ въ форменномъ вице-мундирѣ, съ орденомъ въ петлицѣ, уже нѣсколько разъ толковалъ людямъ, что три стола для картъ поставить въ столовой, а если еще составится пулька, такъ можно одинъ столъ раскрыть и въ гостиной. Татьяна Ивановна и Катенька уже совсѣмъ одѣты по бальному: Татьяна Ивановна богато, но солидно, Катенька вѣликолѣпно, но легко и съ необыкновеннымъ вкусомъ. Бѣлое тюлевое платье на розовомъ атласномъ чехлѣ, тюникъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ подобранъ и приколотъ поддѣльными розами, на головѣ гирлянда также изъ искусственныхъ цвѣтовъ; въ этой гирляндѣ розы, знаменующія любовь, перевиты плющемъ, означающимъ вѣрность; шея и маленькая, самая маленькая, частица груди, и руки, бѣлыя, полныя руки съ красными локотками — открыты; на шеѣ фермоаръ изъ нѣсколькихъ нитокъ жемчуга съ бриліантовымъ замкомъ, въ ушахъ бриліантовыя же серьги съ подвѣсками, на рукахъ браслеты; изъ подъ юбки можетъ мелькнуть сокрушительная ножка въ бѣломъ, атласномъ башмачкѣ — однимъ словомъ, восхитительно, несравненно! ... или горе или радость вамъ, поклонники! Трепещите, или радуйтесь! ... Катенька безпрестанно смотрится то въ одно зеркало, то въ другое — и остается собою совершенно довольна. Вотъ она, одна, пока на свободѣ, безъ гостей, экзаменуетъ себя передъ

заркаломъ: вотъ она кокетливо улыбнулась, опустила немного рѣсницы, но такъ, что лукавый глазокъ смотритъ изъ подъ нихъ еще лукавѣе и ярче; вотъ она приподняла лѣвую руку, согнула ее, какъ будто готовясь положить на плечо кавалера, ангажировавшаго ее на вальсъ или на польку, и сама приподнялась на носочки, готовая полетѣть; вотъ, едва прихвативши пальчиками юбку платья и слегка приподнимая ее, она дѣлаетъ шенъ и ножка мелькаетъ изъ подъ платья; вотъ она быстро кружится, легкое платье раздувается и приподнимается ... сколько слѣдуетъ ... о, трепещите, трепещите! ... Катенька довольна собой, она улыбается, она дѣлаетъ невинно-дѣтскій прыжокъ ... но вдругъ улыбка исчезаетъ съ лица, брови невольно сближаются, глаза блистаютъ гнѣвомъ, досадой ... Полненькія ручки сжимаютъ одна другую и судорожно прижимаются къ волнующейся груди. Катенька вспомнила князя, вспомнила свою соперницу ... О, она отмститъ ей сегодня, отмститъ жестоко! ...

Прежде всѣхъ является Мармаровскій и съ нимъ Алексѣй Алексѣичъ Алексѣевъ. Катенька видитъ восторгъ въ ихъ глазахъ, улыбается дружески Мармаровскому, снисходительно Алексѣю Алексѣичу.

— Катерина Андреевна, говоритъ Мармаровскій, блистая взорами: передъ вами сегодня должно пасть все ... какъ передъ царицей красоты ...

— Комплименты! ... говоритъ Катенка, мило грозя пальчикомъ.

Алексѣй Алексѣичъ не можетъ ничего говорить: у него захватило дыханье, стѣснило грудь, перестало биться сердце: онъ весь созерцаніе и восторгъ.

— А вы помните ваше обѣщаніе? говоритъ ему Катенька.

— Я-съ? ... развѣ я могу что нибудь забыть, что ...

— И вы исполните, что обѣщали?

— Для васъ, Катерина Андревна? ... развѣ я могу не исполнить что нибудь, что вы приказали ... говоритъ учитель дрожащимъ отъ страстнаго волненія голосомъ.

— Ну, смотрите же ... А на васъ я надѣюсь! обращается Катенька къ Мармаровскому, восхитительно улыбаясь.

— Я думаю, можно понадѣяться на это вамъ, Катерина Андреевна ... отвѣчаетъ Мармаровскій, прижимая кулакъ къ своей груди.

— Только не пропустите времени: какъ войдетъ, такъ и ангажируйте ...

Оба эти гостя были приняты весьма любезно Татьяной Ивьновной: даже Алексѣй Алексѣичъ былъ обласканъ болѣе обыкновеннаго.

Мало по малу зала начала наполняться гостями — холостыми мужчинами, но дамы еще не пріѣзжали. Явился смотритель уѣзднаго училища — высокій брюнетъ, съ роскошными, тщательно расчесанными бакенбардами, съ туловищемъ прямымъ, какъ стрѣла, со строгимъ педагогически-серьезнымъ выраженіемъ лица, безъ малѣйшей улыбки, съ напыщенною рѣчью, строгій начальникъ и женихъ въ 45 лѣтъ. Пріѣхали на одной лошади и вошли вмѣстѣ два секретаря: секретарь уѣзднаго суда — худой и тощій, какъ спица, но, не смотря на худобу свою, насидѣвшій себѣ за секретарскимъ и карточнымъ столами сутулину и геморрой, и секретарь магистрата — кругленькій, гладенькій и полненькій, какъ будто выросшій на сдобныхъ купеческихъ кулебякахъ. Оба секретаря вошли въ залу какъ то робко, пробираясь около

стѣнки, и какъ-то особенно сильно и порывисто потрясли протянутую имъ руку хозяина.

— А вы, господа, милости просимъ ... тово ... въ столовую, сказалъ имъ Андрей Марковичъ, тамъ ... тово ... будетъ наша экспедиція ... Вотъ какъ понаберется, такъ мы сейчасъ ... тово ... и за работку ...

Татьяна Ивановна едва кивнула головой въ отвѣтъ на низкіе поклоны секретарей и сказала сидѣвшему возлѣ нея Мармаровскому: — „какъ ни просила Андрея Марковича не приглашать этихъ господъ, нѣтъ, не могъ удержаться!“

Мармаровскій презрительно улыбнулся.

Явился винный приставъ, молодой человѣкъ, служившій прежде въ Казенной палатѣ и, по особенной протекціи получившій настоящую должность, — франтъ неимовѣрный, въ перчаткахъ совершенно тѣльнаго цвѣта. Пріѣхали два засѣдателя: одинъ старикъ, весь сѣдой, изъ отставныхъ военныхъ, украшенный медалью 12-го года, — другой молодой человѣкъ, получившій аттестатъ изъ уѣзднаго училища о своемъ образованіи, затѣмъ чинъ 14-го класса и правящій теперь должность засѣдателя. Вслѣдъ за ними цѣлой гурьбой вошло въ залу нѣсколько человѣкъ военныхъ. Балъ могъ бы начаться, но дамъ еще не было.

Наконецъ, часовъ въ десять начали появляться и дамы: однѣ въ сопровожденіи своихъ супруговъ, другія сами по себѣ ... И что значатъ женщины, въ обществѣ человѣческомъ: достаточно было показаться нѣсколькимъ существамъ женскаго пола въ залѣ Татьяны Ивановны, чтобы вся эта толпа мужчинъ, до сихъ поръ безсмысленно толкавшаяся и шумѣвшая, получила другой характеръ, заговорила

другимъ языкомъ, измѣнила манеры, взглядъ, улыбку. О, женщины, женщины! отчего авторъ не имѣетъ столько краснорѣчія и силы слова, чтобы достойно воспѣть васъ, чтобы выразить всю глубину уваженія и удивленія, которымъ онъ къ вамъ преисполненъ, чтобы показать, какъ сознаетъ онъ все ваше могущество, все ваше вліяніе на родъ человѣческій, всю пользу, которую вы ему приносите? ... О, какъ бы былъ счастливъ авторъ, если бы могъ быть достойнымъ васъ пѣвцомъ! ... Вы любили бы своего пѣвца, вы увѣнчали бы его голову лаврами столь же вѣчными и прочными, какъ ваша любовь, вы взяли бы его подъ свое непосредственное покровительство, а ваше покровительство есть вѣрный и самый ближайшій путь къ славѣ и безсмертію ... Но, увы! судьба судила автору быть только скромнымъ лѣтописцемъ.

Всѣ дамы, пріѣхавшія къ Татьянѣ Ивановнѣ, слышали о мнимой помолвкѣ князя Бандурова на Коркиной и приготовлялись наблюдать, какъ будетъ держать себя женихъ съ невѣстой и невѣста съ женихомъ, и родители съ будущимъ зятемъ. Появленіе Крушинскаго произвело даже сильное волненіе въ женскомъ обществѣ. Десятки глазъ изловили его при самомъ входѣ въ залу и неотступно слѣдили за каждымъ его шагомъ, послышался легкій шопотъ между дамами: Крушинскій! Крушинскій! — хотя вслѣдъ за этимъ шопотомъ на лицахъ всѣхъ, произносившихъ это имя, мгновенно изобразилось совершенное равнодушіе ... Хозяйка и ея дочь встрѣтила Крушинскаго важно и съ достоинствомъ.

— Я нарочно позвала его къ себѣ на балъ, чтобы посмотрѣть, что будетъ у него съ Коркиными и княземъ! шепнула Татьяна Ивановна исправницѣ и городничихѣ.

— Я нарочно упросила мамашу пригласить его, чтобы посмотрѣть, какъ та будетъ скрывать при женихѣ свою прежнюю страсть! шепнула Катенька своимъ подругамъ.

— Какъ онъ, бѣдненькій, скученъ и блѣденъ! видѣли? замѣтила младшая изъ дочерей городничихи.

— Раичкѣ всѣхъ жалко! насмѣшливо отозвались прочія сестры. А онъ, mesdames, говорятъ, большой гордецъ и насмѣшникъ: ни къ кому не ѣздитъ и всѣхъ критикуетъ! Будемте же смотрѣть, mesdames, какъ онъ встрѣтится со своей ... Да что они долго не ѣдутъ? И князя нѣтъ: должно быть явятся вмѣстѣ, какъ женихъ съ невѣстой.

И мы оставимъ на минуту балъ Татьяны Ивановны, чтобы потомъ явиться на него вмѣстѣ съ тѣми, кого такъ нетерпѣливо ожидали всѣ, собравшіеся уже къ Татьянѣ Ивановнѣ гости.

Князь Бандуровъ не упадалъ духомъ, получивъ отказъ Наденьки: онъ вѣрилъ въ свое счастье и былъ убѣжденъ, что ему стоитъ только доказать влюбленной, но ревнивой дѣвушкѣ, что онъ совершенно равнодушенъ къ Хрящевой, чтобы тотчасъ получить ея согласіе. Князь до такой степени вѣрилъ въ себя, что даже прогонялъ съ пренебреженіемъ мысль о соперничествѣ Крушинскаго, которая иногда невольно приходила ему въ голову. Одно только обстоятельство нѣсколько затрудняло князя, что онъ не можетъ тотчасъ же объявить своимъ товарищамъ о времени свадьбы. Онъ рѣшился никому не говорить объ отказѣ Наденьки, самолюбіе не позволило ему даже сказать объ этомъ Добраго. На предстоящемъ балѣ князю очень хотѣлось бы явиться на правахъ жениха, т. е. пріѣхать вмѣстѣ

съ невѣстой, танцовать съ ней больше всѣхъ ... Но какъ это сдѣлать? — Около девяти часовъ вечера онъ приказалъ заложить свою тройку и отправился по дорогѣ въ Родовое-Подгородное, разсчитывая встрѣтить Коркиныхъ, заблаговременно ангажировать Наденьку прежде всѣхъ, и явиться на вечеръ вмѣстѣ съ нею.

Князь дѣйствительно встрѣтилъ Коркиныхъ, выскочилъ изъ саней и подбѣжалъ къ ихъ возку. Человѣкъ отворилъ двери.

— Князь, откуда это и куда? спросилъ Ѳедоръ Иванычъ, удивленный остановкою экипажа и неожиданнымъ появленіемъ Бандурова.

— Васъ встрѣтить!

— Что это? да къ чему же? Вотъ охота!

— Мнѣ это доставило величайшее удовольствіе. Какъ ваше здоровье, Надежда Ѳедоровна?

— Благодарю васъ! отвѣчала Наденька, напрасно стараясь скрыть досаду, которая слышалась даже въ звукахъ ея голоса. И безъ того ей было грустно: отецъ на нее сердился, она принуждена была противъ воли ѣхать на скучный балъ; а тутъ еще князь неожиданно явился на половинѣ дороги, чтобы не дать ей даже доѣхать покойно, чтобы помѣшать даже ея грустнымъ мечтамъ, которымъ она предалась было, усѣвшись въ уголокъ экипажа.

— Нѣтъ, она не совсѣмъ здорова! отозвалась Катерина Михайловна.

— Но не удержались, чтобы не повеселиться, даже несмотря на болѣзнь ... Вотъ это чудесно! это доказываетъ веселый характеръ ... Однако извините, я отворилъ двери: какъ бы не простудились, довольно холодно! ...

— Да, храни Богъ: у нея голова открыта!

— Ахъ, pardon. Я надѣюсь съ вами танцовать Надежда Ѳедоровна, первую кадриль и мазурку ... Позволите надѣяться ...

— Если вамъ угодно ...

— Такъ до свиданія! я вслѣдъ за вами ...

Князь захлопнулъ дверцы возка и закричалъ кучеру Коркиныхъ: пошелъ!

— Однако, какой еще мальчикъ князь, замѣтила Катерина Михайловна, когда возокъ тронулся съ мѣста: остановилъ экипажъ, растворилъ двери и разговариваетъ преспокойно и не подумаетъ, что можетъ простудить ... И къ чему было гонять лошадей: встрѣчать и провожать насъ, точно мы сами безъ него не нашли бы дороги.

— Вы всему умѣете дать толкъ, какой вамъ хочется! сухо возразилъ Ѳедоръ Иванычъ. Вы либо очень сниходительны къ человѣку, либо очень взыскательны. По моему, такъ это доказываетъ только особенную любезность и внимательность князя къ намъ, за которую онъ и съ нашей стороны заслуживаетъ тоже особеннаго вниманія и любезности, а не этакихъ фразъ.

— Ты тоже мастеръ все толковать по своему, сказала Катерина Михайловна, и даже иногда клевещешь на людей понапрасну.

Ѳедоръ Иванычъ понялъ, на что намекаетъ жена и угрюмо молчалъ.

Наденькѣ было грустно до слезъ.

Князь Бандуровъ встрѣтилъ Коркиныхъ уже на крыльцѣ дома Татьяны Ивановны, освѣщенномъ фонарями и плошками. Вмѣстѣ со слугою онъ помогъ выйдти изъ возка Ѳедору Иванычу, который за это дружески пожалъ ему руку, Катеринѣ Михайловнѣ, которая за это только сухо поблагодарила его, про-

тянулъ руку Наденькѣ, но она не дала ему своей руки, которую Бандуровъ имѣлъ намѣреніе пожать, и выскочила изъ возка съ помощью одного лакея. Князь Бандуровъ, впрочемъ, не смутился отъ этого и когда слуга повелъ Катерину Михайловну на высокую лѣстницу, онъ почти насильно взялъ подъ руку Наденьку.

— Отчего вы не хотѣли подать мнѣ руку, выходя изъ возка? спрашивалъ онъ ее вполголоса, ведя на лѣстницу.

— Потому же, почему мнѣ очень непріятно, что вы и теперь ведете меня.

— А почему это?

— Потому что я очень не люблю услужливости, которой не просятъ.

— Сегодня вы убѣдитесь, что ваши подозрѣнія неосновательны: только посмотрите, какъ я буду съ ней обращаться ...

— Я не имѣю никакихъ подозрѣній, и мнѣ рѣшительно все равно, какъ вы съ кѣмъ обращаетесь ... Можете быть увѣрены, что я не стану слѣдить за вами ...

— Знаемъ мы васъ! подумалъ князь Бандуровъ.

— Но все-таки, надѣюсь, что первую, третью, пятую, шестую и мазурку я танцую съ вами? спросилъ онъ у Наденьки.

— Мнѣ рѣшительно все равно съ кѣмъ бы ни танцовать. Но я дала вамъ слово только на первую кадриль, а на прочія вы можете ангажировать въ свое время.

— Ну, а мазурку, смотрите же, со мной, Надежда Ѳедоровна.

— Отъ мазурки я постараюсь уѣхать.

— Ну, нѣтъ ужъ, этого быть не можетъ: васъ ни за что не отпустятъ такъ рано ...

Вотъ настала торжественная минута вступленія Коркиныхъ въ залу Татьяны Ивановны. Глаза всѣхъ дамъ и танцовавшихъ уже и нетанцующихъ обратились на Наденьку, потомъ перебѣжали на Бандурова, потомъ на Крушинскаго. И всѣ тотчасъ замѣтили, что Наденька сегодня была блѣдна, скучна и неавантажна, что Бандуровъ, напротивъ, выступалъ вслѣдъ за нею веселый, розовый и самодовольный, что Крушинскій нѣсколько поблѣднѣлъ, и, кажется, вздрогнулъ, увидѣвши Наденьку. Многія изъ дамъ вслѣдъ за этимъ быстрымъ осмотромъ, переглянулись и многозначительно улыбнулись. — Но никто не замѣтилъ, какъ засверкали глаза Катеньки, какъ неестественный румянцевъ вспыхнулъ на ея лицѣ, какъ исказилось досадой и злобой ея личико, когда она увидѣла Наденьку и идущаго вслѣдъ за нею князя, никто, кромѣ одного человѣка, кромѣ Мармаровскаго. Онъ кинулъ на Катеньку выразительный взглядъ, потомъ такимъ же взглядомъ обмѣнялся съ Алексѣемъ Алексѣичемъ и быстро подошелъ къ Наденькѣ, которая успѣла сдѣлать лишь нѣсколько шашаговъ по залѣ.

— Позвольте васъ ангажировать на французскую кадриль.

— На первый я ангажирована.

— Въ такомъ случаѣ на вторую и на четвертую.

— Извольте.

Вслѣдъ за Мармаровскимъ робко и поблѣднѣвши столько, сколько было возможно и безъ того блѣдному лицу, подошелъ къ Наденькѣ Алексѣй Алексѣичъ.

— А мнѣ позвольте на третью и пятую! съ усиліемъ проговорилъ учитель.

Наденька изъявила согласіе: она не замѣтила еще Крушинскаго и рада была танцовать съ кѣмъ бы-то ни было, лишь бы не съ княземъ.

Татьяна Ивановна приняла Катерину Михайловну необыкновенно важно и сухо. Князя Бандурова окинула ледянымъ взглядомъ, подарила ядовито-насмѣшливой улыбкой и едва кивнула головой на его поклонъ. Катенька встрѣтила Наденьку съ какой-то кислой гримасой и отвернулась отъ нея, не сказавши ни слова. Наденьку, можетъ быть, оскорбилъ бы и огорчилъ подобной пріемъ, если бъ она могла обратить на него вниманіе, но въ эту самую минуту она замѣтила Крушинскаго, была поражена неожиданностью и испугана выраженіемъ его лица. Наденька не замѣчала и того, что она уже не была, какъ прежде, центромъ общаго вниманія: къ ней никто не подходилъ, никто не разговорилъ съ нею, но, напротивъ, какъ будто всѣ чуждались.

Дали ритурнель. Бандуровъ подошелъ къ Наденькѣ.

— Гдѣ вамъ угодно сѣсть?

— Мнѣ все равно.

Началась кадриль. Наденька была смущена и задумчива.

— Отчего вы такія скучныя? спросилъ ее Бандуровъ.

— Мнѣ кажется, я въ обыкновеннномъ расположеніи духа.

— Нѣтъ, вы очень скучны.

— Можетъ быть.

— Надежда Ѳедоровна, вы все еще не вѣрите мнѣ?

— Князь, вы ангажировали меня для того, чтобы мучить подобными вопросами?

— Но если бы вы знали, Надежда Ѳедоровна,

какъ вы меня мучите! Неужели вы думаете, что я могу предпочитать вамъ кого нибудь? Вы посмотрите: я не стану сегодня съ ней танцовать ни одного танца ... Или скажите мнѣ: какого доказательства хотите вы отъ меня въ томъ, что я совершенно къ ней равнодушенъ?

— Послушайте, князь: вы выводите меня изъ терпѣнія. Я ужъ говорила, что совершенно къ вамъ равнодушна и для меня рѣшительно все равно: кѣмъ вы интересуетесь и что вы дѣлаете. Одна моя просьба: оставьте меня, ради Бога, въ покоѣ. Чего же вы еще хотите отъ меня?

Князь Бандуровъ надулся, не хотѣлъ было говорить съ Наденькой, но не выдержалъ и въ концѣ кадрили спросилъ ее:

— Что же вы не хотите танцовать со мной третью и пятую кадриль?

— Я уже ангажирована.

— Кѣмъ это? ... вѣроятно, Крушинскимъ? Бандуровъ злобно засмѣялся. Наденька вспыхнула отъ досады.

— Правда ли моя, Надежда Ѳедоровна, продолжалъ Бандуровъ, ободренный смущеніемъ Наденьки, вѣроятно танцуете съ Крушинскимъ?

— Хъ сожалѣнію, нѣтъ ... Но если бы и съ нимъ? что же изъ этого?

— Ничего-съ! ... пріятный кавалеръ! изъ семинаристовъ! Будете говорить съ нимъ по-латынски. Ха, ха, ха! ...

— По крайней мѣрѣ, онъ не такой невѣжда, какъ вы, хотя онъ и изъ семинаристовъ, а вы князь.

Теперь только послѣ такой фразы, князь Бандуровъ, понялъ наконецъ, что Наденька къ нему равнодушна и вскипѣлъ гнѣвомъ.

— Благодарю васъ за комплиментъ! проговорилъ онъ. Я не зналъ, что этотъ семинаристъ такъ близокъ вашему сердцу: теперь узналъ и постарюсь разсказать всѣмъ.

— Вы хотите показать, что способны даже и къ сплетнямъ ... Я этого ожидала отъ васъ.

Наденька въ досадѣ позабыла и объ осторожности, и о необходимости скрывать свое чувство.

— О, если вы ожидали, такъ я постараюсь передать объ этомъ вашему папенькѣ, чтобы онъ поспѣшилъ устроить ваше счастье.

— Не думаете ли вы подобными угрозами испугать меня или заставить полюбить себя?

— Нѣтъ-съ! ... я ничего не думаю: ...

— Это и видно ...

— Да гдѣ же намъ, помилуйте! ... Что мы значимъ послѣ такихъ филозофовъ ...

Разговоръ прекратился. Надо было танцовать. Но кончилась кадриль, Бандуровъ съ гримасой, которою желалъ выразить насмѣшку и презрѣніе, раскланялся Наденькѣ.

— Желаю вамъ наслаждаться ... сказалъ онъ.

Наденька была рада, что освободилась наконецъ отъ тягостной бесѣды и поспѣшила отойдти прочь. Быстрымъ взглядомъ окинула она всю залу и увидѣла Крушинскаго опять такого же грустнаго, такого же разстроеннаго, какимъ онъ показался ей при входѣ въ залу. Онъ стоялъ неподвижно на одномъ и томъ же мѣстѣ и, какъ видно, наблюдалъ за Наденькой. Когда глаза ихъ встрѣтились, Наденькѣ показалось, что лицо Крушинскаго сдѣлалось еще печальнѣе. Она сѣла на ближайшій стулъ. Крушинскій вскорѣ подошелъ къ ней.

— Вы имѣете хоть одну кадриль свободную?

Да: шестую.

— Позвольте мнѣ танцовать ее съ вами?

— Да ... Отчего вы не сказали, что будете здѣсь?

— Я попалъ сюда неожиданно. Мнѣ нужно вамъ сказать очень многое! прибавилъ Крушинскій вполголоса и поспѣшилъ отойди прочь. Ему надо было ангажировать даму, хоть на одну изъ кадрилей, чтобы не могли сказать, что онъ танцовалъ съ одной Коркиной.

Наденька нѣсколько минутъ оставалась совершенно одна, какъ будто никто не замѣчалъ ея присутствія на балѣ. Князь Бандуровъ былъ обиженъ и не хотѣлъ говорить съ ней: онъ уже сталъ поглядывать на Катеньку, съ которою было такъ сухо и невнимательно встрѣтился. Никто изъ дѣвицъ, даже никто изъ офицеровъ не подходилъ къ ней. Катенька съ дочерьми городничихи нарочно проходила нѣсколько разъ мимо ея, какъ буто не замѣчая. Начались такъ называемые легкіе танцы. Наденьку никто не ангажировалъ изъ офицеровъ. Между тѣмъ Катенька безпрестанно кружилась по залѣ, и пролетая мимо соперницы, кидала на нее насмѣшливые взгляды. Какъ ни была Наденька встревожена грустнымъ лицомъ Крушинскаго, какъ ни была равнодушна ко всему, что дѣлалось вокругъ нея, но она не могла не почувствовать общаго невниманія: ей сдѣлалось досадно и какъ то невольно стыдно. Она искала глазами матери, но ея не было въ залѣ; Катерина Михайловна сидѣла въ гостиной и также страдала и досадовала на малое вниманіе къ своей особѣ. Ѳедоръ Иванычъ игралъ въ карты и не могъ видѣть, что дѣлается въ залѣ и гостиной.

— Что братецъ, ты не танцуешь со своей невѣстой?

спросилъ Мармаровскій Бандурова. Посмотри: ее никто не ангажируетъ, всѣ уступаютъ тебѣ эту честь.

— Я съ ней въ ссорѣ, отвѣчалъ Бандуровъ, краснѣя: нужно немножко повыдержать.

— А, скоро поссорились ...

Началась вторая кадриль. Мармаровскій пошелъ танцовать съ Катенькой. Наденька ждала его, искала глазами и поблѣднѣла, едва не заплакала отъ этого новаго оскорбленія: прежде всего она была дѣвушка, воспитанная въ извѣстныхъ понятіяхъ. Крушинскій тоже танцовалъ и не могъ подойти къ ней.

Катенька была въ восторгѣ. Замыслъ ея удавался, какъ нельзя лучше. Дружески жала она руку своему помощнику — Мармаровскому.

— Теперь вы вѣрите, что для васъ я готовъ на все? спрашивалъ онъ ее, тая отъ любви и умиленія душевнаго. Вѣрите въ это сердце и въ эту волю?

— Да ... но отчего князь не танцовалъ съ ней вальсъ и польку?

— Я спрашивалъ: они въ ссорѣ.

— Въ ссорѣ? воскликнула Катенька. Это чудесно! ... Прикажите третью кадриль начинать тотчасъ же послѣ второй.

Катенька посмотрѣла на князя и вспыхнула отъ удовольствія: его глаза были обращены на нее и выражали страсть. Она взглянула на него печально, съ упрекомъ и грудь ея заколыхалась отъ тяжелаго взгляда. Конечно, Бандуровъ все это замѣтилъ и, какъ только кончилась кадриль, поспѣшилъ подойти къ Катенькѣ, ангажируя ее на одну изъ слѣдующихъ.

— Я уже дала слово на всѣ, отвѣчала она: вы очень поздно вспоминаете покинутыхъ. Что вы

не танцуете со своей невѣстой; посмотрите она чуть не плачетъ, что на нее никто не обращаетъ вниманія. Скажите хоть Крушинскому, чтобъ онъ ее утѣшилъ. Ахъ, князь, князь! заключила Катенька со вздохомъ.

— Отъ васъ зависитъ, чтобы она не была моей невѣстой! проговорилъ Бандуровъ вполголоса. Катенька вздрогнула Глаза ея засверкали.

— Вы привыкли обманывать: я вамъ не вѣрю, проговорила она и пошла на встрѣчу дочерямъ городничихи.

— Нѣтъ, она лучше Наденьки, да и любитъ меня страстно, думалъ князь. Но, ужъ я же дамъ себя знать этой гордячкѣ! Князь взглянулъ на Наденьку: около нея сидѣлъ Крушинскій.

— Такъ неужели же я долженъ уступить ее этому семинаристу?

Въ головѣ и сердцѣ князя поднялась суматоха: по совѣсти, онъ не могъ бы дать отчета даже самому себѣ: кого же онъ любитъ въ настоящую минуту — Наденьку или Катеньку? Его, бѣднаго даже кидало въ потъ отъ этой неясности чувства.

— Отчего вы не танцовали этой кадрили? спросилъ Крушинскій, подойдя къ Наденькѣ и замѣчая, что она опять остается совершенно одна, какъ обыкновенно остаются однѣ, среди большого общества, скромныя гувернантки, бѣдныя, случайно приглашенныя на вечеръ, и некрасивыя дѣвушки.

— Не знаю почему не пошолъ со мной танцовать Мармаровскій: онъ меня приглашалъ.

— Но, вѣдь, это считается дерзостью; онъ долженъ по крайней мѣрѣ извиниться ... хотите я ему напомню?

— Нѣтъ, къ чему же? оставьте! мнѣ все равно

Сегодня никто не замѣчаетъ меня: я еще отчасти рада этому.

— Но отчего же такъ мало обращаетъ на васъ вниманія вашъ женихъ? — это бы его обязанность.

— Какой женихъ?

Въ эту минуту подошла къ нимъ Катенька вмѣстѣ съ дочерьми городничихи, съ которыми она о чемъ-то предварительно пошепталась.

— Pardon, мы не помѣшаемъ вашей бесѣдѣ? спросила она съ двусмысленной улыбкой.

— Нѣтъ, отвѣчала Наденька сухо.

— Мы виноваты передъ вами, ma chére, не поздравили васъ до сихъ поръ ...

— Съ чѣмъ? ...

— Какъ же? вѣдь, вы помолвлены за князя Бандурова ...

— Съ чего вы взяли?

— Ахъ, pardon! мы не знали, что это еще секретъ; но здѣсь всѣ уже знаютъ объ этомъ, потому что князь не скрываетъ своего счастья ... Его уже всѣ поздравляли.

Наденька едва сидѣла на стулѣ блѣдная, сконфуженная.

— Это неправда ... Что же это такое? едва могла она выговорить. Князь лжетъ; я не давала ему слова ...

Наденька растерялась и готова была заплакать.

— Ну, для чего скрываться? продолжала безжалостная Катенька. Это всѣ знаютъ: князь давалъ вечеръ, на которомъ объявлялъ о своей помолвкѣ ... И мы всѣ очень рады ... Вы не были ли на этомъ вечерѣ, M-r Крушинскій, или, вѣроятно, слышали?

— Да, я слышалъ, но слухамъ никогда не надо вѣрить, особенно, если они выходятъ изъ такого

источника, какъ князь Бандуровъ и ему подобные! отвѣчалъ Крушинскій, который тотчасъ отгадалъ по лицу Наденьки, что ей ничего неизвѣстно.

— Ахъ, pardon, ma chère, право, я не знала, что это такой секретъ.

— Тутъ нѣтъ секрета; а князь Бандуровъ безстыдный лжецъ ... Пусть онъ подойдетъ сюда: я скажу ему это въ глаза.

Наденька едва удерживала слезы отъ огорченія и негодованія. Катенька нарочно выбрала ту минуту, когда Крушинскій сидѣлъ возлѣ нея, чтобы своимъ поздравленіемъ еще больше сконфузить Наденьку, и неожиданно была сконфужена сама. Но она осталась по краней мѣрѣ довольна, узнавши, что князь Бандуровъ еще не навѣрное женится на Коркиной, слѣдовательно есть недежда снова возвратить его къ себѣ, за то дочери городничихи были совершенно смущены и со стыдомъ ретировались вслѣдъ за Катенькой.

— Какъ же, ma chère, это значитъ все вздоръ, князь все нахвасталъ? ... приставили онѣ къ своей предводительницѣ.

— Ахъ, Боже мой, развѣ вы не догадываетесь, что она боится сказывать, чтобы какъ не разстроилась свадьба! отвѣчала находчивая Катенька. Она знаетъ, что князь вдругъ можетъ узнать все про нее ... Ну, и боится, какъ бы онъ не отказался. Это очень понятно! ...

Дочери городничихи не знали, понятно ли это въ самомъ дѣлѣ.

— Либо, можетъ-быть, она скрываетъ это отъ Крушинскаго, чтобы не вышло скандала какого нибудь.

Дочери городничихи не знали: можно ли согласиться и съ этимъ предположеніемъ.

Между тѣмъ дали повѣстку на третью кадриль, При этомъ можно было замѣтить, въ какое безпокойство пришелъ Алексѣй Алексѣичъ: покраснѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ, робко перебѣгалъ глазами съ Наденьки на Катеньку, сдѣлалъ нѣсколько нерѣшительныхъ шаговъ къ дверямъ, какъ бы съ намѣреніемъ уйдти совсѣмъ изъ дома, съ бала, а можетъ быть, даже со свѣта. Ему приказано было ангажировать Наденьку и не идти танцовать съ ней, а вмѣсто ея идти съ Катенькой. Теперь настала роковая минута.

— Что-жъ вы? спроислъ его Мармаровскій. Катерина Андреевна васъ ждетъ.

Алексѣй Алексѣичъ поднялъ глаза на Катеньку: она смотрѣла на него выразительно. Алексѣй Алексѣичъ съ отчаяніемъ въ сердцѣ бросился къ ней и занялъ мѣсто, стараясь не встрѣтиться глазами съ Наденькой.

— Что-же это такое? надо мной смѣются здѣсь? проговорила Наденька, опять оставшись за рядами танцующихъ. Ей показалось даже, что всѣ присутствовавшіе въ залѣ замѣтили ея смущеніе и смотрѣли на нее съ насмѣшкой.

— Кто васъ ангажировалъ? спросилъ Крушинскій.

— Вотъ этотъ штатскій, что танцуетъ съ Хрящевой.

— Да, это похоже на заговоръ.

— Прощайте ... Я пойду просить мамашу уѣхать отсюда. Голосъ Наденьки дрожалъ; она говорила сквозь слезы.

— Погодите минутку, проговорилъ Крушинскій и всталъ. Онъ былъ блѣденъ.

— Что вы хотите дѣлать? спросила Наденька.

Но не давши отвѣта Наденькѣ, Крушинскій подошелъ къ Алексѣю Алексѣичу и Катенькѣ.

— Извините, что я помѣшаю вамъ, сказалъ онъ относясь къ Хрящевой. Я обращаюсь къ вамъ, какъ къ хозяйкѣ. Въ вашемъ домѣ оскорбляютъ вашихъ гостей: я просилъ на предыдущую и на эту кадриль Надежду Ѳедоровну Коркину, но она мнѣ отказала потому, что на ту кадриль ее ангажировалъ Мармаровскій, а на эту — вотъ онъ. Между тѣмъ оба они, вмѣсто ея танцуютъ съ вами. Я прошу васъ, какъ хозяйку, приказать этимъ господамъ извиниться передъ Надеждой Ѳедоровной.

— Я не ... я не ангажировалъ! лепеталъ оробѣвшій учитель.

— Вы могли бы высказывать ваши претензіи послѣ, а теперь вы мѣшаете танцовать: вы видите, что теперь танцуютъ! возразила Катенька.

— Но я не позволю этому господину танцовать, пока онъ не испроситъ извиненія въ своей забывчивости!

Крушинскій взялъ Алексѣя Алексѣича за руку.

— Но помилуйте ... что же вы? ... я не ... совсѣмъ ихъ не ангажировалъ ...

— Ну, такъ не угодно ли вамъ идти оправдаться передъ дамой, и, пока вы этого не сдѣлаете, я вамъ не позволю танцовать. Пойдемте.

Крушинскій повлекъ растерявшагося учителя и тотъ слѣдовалъ за нимъ машинально. Катенька осталась одна сконфуженная, уничтоженная. Кадриль остановилась. Всѣ обратили вниманіе на неожиданную сцену, даже музыканты вдругъ перестали играть, замѣтя, что никто не танцуетъ. Въ залѣ воцарилась тишина, нарушаемая лишь шопотомъ.

— Что такое? спросилъ Мармаровскій, подбѣжавши къ Катенькѣ.

Та разсказала ему въ чемъ дѣло.

— Но какъ же онъ смѣлъ. Ахъ Алексѣевъ, не умѣлъ отдѣлаться! Счастливъ, что не на меня наскочилъ!

Но Катенькѣ хотѣлось бы, чтобы Мармаровскій не только говорилъ въ настоящемъ случаѣ, а чтобы онъ, что-нибудь такое сдѣлалъ.

Дамы, засѣдавшія въ гостиной, были удивлены неожиданнымъ прекращеніемъ музыки и всѣ высыпали въ залу. Съ ними вмѣстѣ и Катерина Михайловна. Она испугалась, отыскавши глазами дочь: съ Наденькой было почти дурно, когда Крушинскій подвелъ къ ней учителя.

— Извольте извиниться! сказалъ онъ ему.

— Но въ чемъ же? ... я не ...

— Вы знаете въ чемъ и я знаю! сказалъ Крушинскій, выразительно глядя на учителя ...

Алексѣй Алексѣичъ сробѣлъ окончательно.

— Извините меня, сдѣлайте милость ... если я ... проговорилъ онъ.

Наденька могла только кивнуть головой.

— Теперь пойдемте: я васъ возвращу вашей дамѣ.

Онъ подвелъ учителя къ Катенькѣ.

— Онъ просилъ прощенія и можетъ танцовать ... сказалъ Крушинскій и оставилъ Алексѣя Алексѣича возлѣ Катеньки и подошедшей къ ней въ эту минуту Татьяны Ивановны.

— Что такое случилось?

— Это, мамаша, ни на что не похоже, что дѣлается въ нашемъ домѣ ... начала Катенька со слезами на глазахъ.

Татьяна Ивановна, выслушавши дочь, только позеленѣла, но не могла вдругъ придумать, что ей нужно дѣлать.

Всѣ гости переглядывались, перешептывались. Балъ Тятьяны Ивановы былъ испорченъ въ самомъ разгарѣ, домъ ея скомпрометированъ исторіей. Татьяна Ивановна даже упала духомъ.

Князь Бандуровъ вертѣлся около Наденьки, не зная, какую роль онъ долженъ играть въ настоящемъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что ни она, ни Катерина Михайловна не обращали на него никакого вниманія. Наденькѣ дали стаканъ воды, она оправилась и тотчасъ уѣхала домой, вмѣстѣ съ матерью. За карточными столами происшествіе въ залѣ оставалось совершенно неизвѣстнымъ: тамъ были заняты своимъ дѣломъ и затѣмъ не обращали вниманія ни на что на свѣтѣ. Катерина Михайловна шепнула мужу, что Наденькѣ нездоровится, что онѣ уѣзжаютъ и пришлютъ за нимъ лошадей. Ѳедоръ Иванычъ остался очень спокоенъ.

Послѣ отъѣзда Коркиныхъ танцы снова возстановились, хотя происшествіе и не переставало быть предметомъ общаго разговора. Татьяна Ивановна тоже мало по малу возстала духомъ.

— Ну, можно ли было дѣвушкѣ поставить себя такимъ образомъ, говорила она то тому, то другому изъ гостей: можно ли такъ уронить себя въ общемъ мнѣніи, чтобы какой нибудь учитель рѣшился ее оскорблять, а она искала защиты въ комъ же? — въ семинаристѣ! ... Вотъ кто ея рыцарь! ... Теперь, кажется, нельзя и сомнѣватся въ ихней связи ... это ужасъ что такое!

Князь Бандуровъ былъ очень радъ, что мнимая его невѣста уѣхала: онъ надѣялся теперь освободиться отъ докучныхъ, смущавшихъ его вопросовъ о причинѣ такой холодности съ невѣстой. Но князь ошибался: всѣ видѣли, какую жалкую роль игралъ

онъ возлѣ Наденьки, замѣтили, съ какимъ пренебреженіемъ говорила съ нимъ она — и всѣ разсуждали, всѣ толковали объ этомъ обстоятельствѣ по своему, пока слухъ о томъ, что князю Бандурову не дано еще рѣшительнаго слова и что онъ праздновалъ свою помолвку прежде времени, не сдѣлался общимъ достояніемъ. Офицеры не давали прохода Бандурову, съ усмѣшкой спрашивая его: скоро ли свадьба?

Въ комнатѣ, отведенной для куренія, князь уже боялся показаться: всякій разъ, какъ онъ появлялся туда, насмѣшки сыпались градомъ и смѣхъ не умолкалъ. Наконецъ, сама Татьяна Ивановна надоумила князя, что онъ долженъ отвѣчать на подобныя насмѣшки.

Татьяна Ивановна, также какъ Катенька Наденьку, вздумала было поздравлять Катерину Михайловну съ помолвкой дочери, но та очень рѣзко и прямо отвѣтила, что, хотя князь Бандуровъ и дѣлалъ предложеніе, но согласіе еще ему не дано и, вѣроятно, дано не будетъ. Затѣмъ Татьяна Ивановна замѣтила и приняла къ свѣдѣнію, что не князь Бандуровъ былъ защитникомъ Наденьки, что та не глядѣла на него и не говорила съ нимъ, что, по отъѣздѣ Коркиныхъ князь почти не спускалъ глазъ и не отходилъ отъ Катеньки, что офицеры посмѣиваются надъ Бандуровымъ и тотъ не знаетъ какъ отыгрываться. Руководствуясь извѣстными только ей самой соображеніями, Татьяна Ивановна подозвала Бандурова.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, ваше сіятельство, спросила она его самымъ ласковымъ тономъ, какъ понимать мнѣ и чему вѣрить: офицеры ваши увѣряли меня, что вы помолвлены на Коркиной и праз-

дновали уже вашу помолвку; а между тѣмъ Коркина сказала мнѣ, что вамъ отказано?

— Вотъ, видите, Татьяна Ивановна, отвѣчалъ смущенный князь, тутъ вышло ... такое обстоятельство ... мы поссорились ... можетъ быть, все разстроится ... она такая дѣвушка ... я не понималъ ее ...

— Ну, признайтесь мнѣ откровенно, князь, какъ старый, короткій знакомый, такъ ли я отгадываю ... Вы, какъ благородный человѣкъ, не хотите всѣмъ разсказывать, но мнѣ вы можете открыться .. Вамъ дали согласіе ... васъ помолвили, а потомъ, когда вы узнали, что эта дѣвушка давно уже въ связи съ такимъ человѣкомъ ... — сегодня ужъ это всѣ замѣтили, — вы сами отказались, а онѣ теперь разсказываютъ, что отказали вамъ ... Вѣроятно такъ? Ну, не скрывайтесь: признайтесь мнѣ откровенно ..

— Да, вы отгадали ... это правда ...

— Но, послушайте, князь: я полагаю, вы должны благодарить судьбу, что она спасла васъ отъ партіи ... Посмотрите: вѣдь ею всѣ гнушаются ... Вы видѣли сегодня: говорилъ ли съ ней кто нибудь, обращалъ ли на нее кто нибудь вниманіе? ... Я вамъ скажу откровенно: офицеры сегодня всѣ согласились не танцовать съ ней за то, что она вошла въ интригу — и съ кѣмъ же? ... Вы видѣли; вступился ли за нее кто нибудь, кромѣ этого лекаря ... И уѣхали вмѣстѣ ... Конечно, я могла бы сердиться, что вы позабыли совершенно вашихъ старыхъ знакомыхъ, но я, по добротѣ своей, право, радуюсь за васъ ...

— Знаете, Татьяна Ивановна, я былъ совершенно увлеченъ ...

— Да, я вполнѣ понимаю васъ ... Помилуйте,

какого же молодого человѣка нельзя увлечь, когда дѣвушка сама вѣшается къ нему на шею ... Но представьте себѣ: быть мужемъ такой испорченной особы, навѣки, на всю жизнь ... переносить, что станутъ смѣяться, указывать пальцами — это ужасно! ...

— Теперь я самъ не могу себѣ представить этого безъ ужаса.

— Ну, надѣюсь, что вы теперь не станете забывать вашихъ прежнихъ знакомыхъ.

— Помилуйте, Татьяна Ивановна, я всегда такъ много уважалъ вашъ домъ ...

Татьяна Ивановна милостиво отпустила Бандурова.

— Ну, теперь все очень ясно, говорила она городничихѣ, исправницѣ и всѣмъ, кому слѣдовало: князь сейчасъ самъ мнѣ откровенно признался; ему дали полное согласіе, была уже и помолвка, но князь, разумѣется, отказался, когда узналъ про нее все ... Ну, разумѣется, они и увѣряютъ, что сами отказали князю ... Да кто же этому повѣритъ? Князь не сталъ же бы разсказывать о помолвкѣ, если бъ ничего не было. Вы видѣли: онъ даже мало танцовалъ сегодня съ ней и вниманія не обращалъ, что ее никто не ангажируетъ и она сидитъ какъ статуя какая — одна-одинешенька ...

Князь Бандуровъ уже смѣло отправился въ комнату, назначенную для куренія.

— Князь, что же ты не вступился давеча за свою невѣсту?

— Князь, князь, пригласи же, братецъ, меня на свадьбу ...

— Ты сколько берешь, князь, приданаго: тысячу или двѣ?

Такіе вопросы, сопровождаемые веселымъ смѣхомъ,

посыпались со всѣхъ сторонъ при появленіи Бандурова.

— Послушайте, господа, отвѣчалъ онъ, возвыся голосъ: ваши насмѣшки мнѣ надоѣли ... Я, какъ благородный человѣкъ, не хотѣлъ говорить, но вы вывели меня изъ терпѣнія ... Такъ знайте же, что я самъ отказался отъ Коркиной, потому что узналъ объ ея интригѣ съ Крушинскимъ ... Мнѣ не мудрено было увлечься, когда ко мнѣ на шею вѣшались ... притомъ я ничего не подозрѣвалъ ... Ну, а ужъ когда узналъ, такъ мое почтеніе ... я не хочу ходить съ ослиными ушами ...

— Ну, нѣтъ ... гм ... гм ... оскорблять барышню, когда ничего неизвѣстно ... это не хорошо ... гм ... не благородно! ... отозвался Добраго, тоже пріѣхавшій на балъ и почти не выходившій изъ трубочной.

— Что, неизвѣстно? ты ничего не знаешь, Добраго, а вмѣшиваешься ...

— Нѣтъ, положимъ, это видно, сказалъ Мармаровскій: это сейчасъ можно замѣтить, что Крушинскій отбилъ ее у Бандурова, а вѣдь, признайся князь, ты былъ влюбленъ и у тебя отняли твою звѣзду ...

— Я самъ не захотѣлъ взять ее, когда узналъ поближе ... я люблю владѣть одинъ ...

— Нѣтъ, а погорячился ... гм ... поторопился ... не надо бы объявлять ... твердилъ Добраго, который былъ очень недоволенъ поступкомъ своего любимца: говорить, не знавши про дѣвицу ... гм ... это не хорошо! ...

— Если ты не знаешь, такъ и не говори, а я говорю что знаю ... возразилъ Бандуровъ, и ушелъ изъ трубочной, разсерженный на Добраго.

— Скажите, капитанъ, откровенно, вы вѣрно

знаете: вѣдь отказали Бандурову? спрашивалъ Мармаровскій, когда князь вышелъ.

— Нѣтъ, отказа не было ... гм ... я самъ ѣздилъ ...

— Каковъ же Крушинскій, господа ... славно дѣло обдѣлалъ! ... раздался голосъ одного изъ офицеровъ.

— Какъ вы, господа, про дѣвушку ... гм ... вамъ ничего: дурное сказать! ... У насъ прежде такъ не дѣлали ... гм ... не хорошо, господа! ...

Но общій смѣхъ былъ только отвѣтомъ на замѣчаніе капитана; а между тѣмъ насмѣшки надъ Бандуровымъ прекратились: всѣ повѣрили, что онъ самъ отказался отъ Наденьки.

Балъ шелъ своимъ чередомъ и, чѣмъ ближе приходилъ онъ къ концу, тѣмъ тяжелѣе становилось на душѣ Мармаровскаго. А какъ онъ счастливъ былъ въ началѣ бала, когда князь Бандуровъ еще считался женихомъ Наденьки; когда Мармаровкій былъ орудіемъ мщенія дѣвушки съ энергической, страстной натурой, достойной любви Байрона и Лермонтова, когда все вниманіе этой дѣвушки, повидимому, было сосредоточено на немъ одномъ; когда она дарила его то нѣжнымъ взглядомъ, то страстнымъ пожатіемъ руки, то очаровательной улыбкой. Теперь все измѣнилось: Катенька говорила съ Мармаровскимъ какъ-то нехотя; онъ часто видѣлъ ея глаза обращенными на князя; онъ замѣчалъ, что съ Бандуровымъ танцовали не безъ удовольствія; что съ нимъ говорили ласково, даже какъ будто искали случая говорить съ нимъ. Неужели? неужели? ... спрашивалъ себя Мармаровскій — и, Боже, что было въ душѣ его! ...

Настала мазурка. Она обѣщана была Мармаров-

скому еще наканунѣ — и сколько надѣялся и приготовлялся онъ сказать и услышать въ теченіе этого благодѣтельнаго для влюбленныхъ танца! Но не показалось ли тебѣ, Мармаровскій, какъ-будто Катенькѣ было досадно и непріятно, что она должна танцовать мазурку съ тобою, какъ будто она сдѣлала гримасу, подавая тебѣ руку? ...

— Знаете ли, что я имѣю способность читать въ душѣ человѣка, началъ Мармаровскій, обращаясь къ Катенькѣ съ мрачнымъ видомъ: и то, что я читаю теперь въ вашей душѣ, заставляетъ меня ужасаться и не вѣрить, что есть прекрасное на землѣ ...

— Что же такое ужасное читаете вы въ моей душѣ? ... спросила Катенька какъ то лѣниво и не смотря на Мармаровскаго.

— И вы хотите, чтобъ я сказалъ, когда можетъ быть, отъ этого человѣкъ готовъ сойти съ ума, лишиться жизни, возненавидѣть весь міръ?

— Что вы такое говорите, Мармаровскій? .. право, я не понимаю! ...

— А, вы не понимаете! ... Давно ли вы стали не понимать меня? Ахъ, Катерина Андреевна, неужели я долженъ ошибиться даже въ васъ, которую считалъ образцомъ благородства, силы душевной, передъ которою преклонялся, какъ передъ дивомъ природы человѣческой, для которой готовъ былъ жертвовать всѣмъ на свѣтѣ, даже жизнью ...

— Я еще, кажется, отъ васъ не просила никакой жертвы, а вы говорите, что жертвовали для меня даже жизнью ... Ужъ ничего не видя, упрекаете меня; что же было бы, если бъ вы въ самомъ дѣлѣ что нибудь сдѣлали по моей просьбѣ?

— Что же, вы думаете, что я упрекаю васъ, я остановлюсь что нибудь сдѣлать по вашему при-

казанію? ... Скажите-же: какихъ вы хотите отъ меня доказательствъ моей преданности? Или вы до тѣхъ только поръ ласкаете человѣка и обращаете на него вниманіе, пока онъ нуженъ для вашихъ цѣлей, а потомъ бросаете, какъ негодную, дрянную вещь? ...

— Вотъ видите ли, какъ вы упрекаете меня! ... Развѣ это значитъ преданность? Я теперь вижу, какъ нужно понимать васъ.

— Да, и я теперь вижу, что вы цѣните только людей, которые не имѣютъ въ душѣ своей ни искры чувства къ вамъ, ни капли способности любить; которые, какъ флюгера, по волѣ вѣтра, ворочаются то въ ту, то въ другую сторону; которые глупы ... какъ попугаи; которые смѣются надъ вами, покидаютъ для другихъ и снова возвращаются, когда ихъ тамъ прогонятъ съ безчестьемъ ... Такихъ людей вы цѣните и любите ...

— Тѣ люди по крайней мѣрѣ не говорятъ колкостей и дерзостей.

— Нѣтъ, это не колкости и не дерзости — эти слова выкованы огнемъ, рязогрѣты кипящей лавой огорченнаго, разбитаго сердца, которое все принадлежитъ вамъ нераздѣльно, вѣчно ... Если бы вы знали, что заключается въ этомъ сердцѣ, если бы вы знали какая сильная страсть къ вамъ горитъ въ немъ, вы постыдились бы предпочитать его безсмысленной, глупой маскѣ.

— Что же дѣлать, если я такъ глупа и ничтожна... что не могу понять васъ ... Ищите стоющихъ ...

— Нѣтъ, мнѣ нечего искать: для меня жребій выпалъ ... Огонь, который горитъ въ моей груди, не можетъ погаснуть, онъ можетъ только сожечь меня... Однѣ только вы могли зажечь этотъ огонь ...

— Вы, я думаю, говорите это каждой дѣвушкѣ ...

— Вы думаете? Почему же вы такъ думаете?

— Что же говорить мужчинамъ съ дѣвицами, какъ не любезности?

— Нѣтъ, я неспособенъ говорить любезности! я не такимъ рожденъ ... Страсть меня охватываетъ, какъ пламя, она клокочетъ въ моихъ жилахъ, отъ нея трепещетъ каждый мой фибръ, она, какъ язва, точитъ мое сердце ...

— Полноте, Мармаровскій, мнѣ стыдно слушать, что вы говорите ... я не привыкла къ этому ... Говорите тѣмъ, кто любитъ это слушать ...

— Да, вы больше любите слушать безсмысленную болтовню, безтолковый наборъ словъ ...

— Ну, что же дѣлать? ... Я, вѣдь, ужъ вамъ говорила, что считаю себя недостойною васъ ... Зачѣмъ вы говорите съ такой глупой, которая даже не можетъ понять ...

— Нѣтъ, вы можете, но не хотите понять: васъ интересуютъ другіе ... вѣчно улыбающіеся розовые купидоны ...

— Разумѣется ... неужели ты? ... ахъ, какъ надоѣлъ, противный! ... подумала и чуть чуть не сказала Катенька.

— И вы измѣняете для этой лжи, для этой пошлости, для этой безчувственной маски, измѣняете такому сердцу, такой душѣ, которой до сихъ поръ не могли разогрѣть никакія женскія ласки, которая была глуха и слѣпа ... для ... передъ женщинами и которую могли воспламенить только вы, для которой и жизнь и счастье и блаженство заключается въ васъ однѣхъ.

— Ну, полноте, Мармаровскій, я, кажется, не подала вамъ повода говорить мнѣ подобныя вещи ... Развѣ я вамъ когда признавалась въ любви, что вы

мнѣ безпрестанно говорите про нее? ... Неужели вы не умѣете говорить о чемъ другомъ? ... А этотъ разговоръ оставьте для тѣхъ, которыя его любятъ ...

— Богъ съ вами, Катерина Андреевна, сказалъ Мармаровскій съ глубокимъ вздохомъ! вы играете жизнью человѣка и будете отвѣчать за нее передъ Богомъ.

Затѣмъ Мармаровскій сдѣлался печаленъ и мраченъ, какъ самъ мракъ, а Катенька не переставала посматривать въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ князь Бандуровъ и почти во всѣхъ фигурахъ мазурки выбирала его.

Мы не беремся разсказывать, что дѣлалось въ сердцѣ Мармаровскаго.

„Это былъ адъ, нѣтъ хуже ада, писалъ онъ въ своемъ дневникѣ, который велъ акуратно день за днемъ: это были страданія невыразимыя: только женщина и сатана могли ихъ выдумать ... О, женщины, прибавилъ онъ: — я желалъ бы, чтобы вы испытали хоть частицу тѣхъ мученій, которыя вы мнѣ причинили — и вы были бы великодушнѣе къ человѣчеству".

Зя ужиномъ князь Бандуровъ помѣстился рядомъ съ Катенькой. Онъ былъ веселъ и болтливъ, по обыкновенію, Катенька была счастлива: она видѣла опять его подлѣ себя. О прошедшемъ и помину не было, какъ будто нѣжные любовники никогда не разлучались, какъ будто ни малѣйшей размолвки между ними не было. Князь оправился отъ минутнаго смущенія; обычная самоувѣренность опять къ нему воротилась. Онъ снова чувствовалъ себя влюбленнымъ въ Катеньку, а Наденька не приходила ему даже на мысль.

Все это видѣлъ и понималъ бѣдный Мармаровскій, страдалъ и не могъ проглотить ни одного куска; онъ только не сводилъ глазъ съ Катеньки и Бандурова, и презрительная, язвительная улыбка не ос-

тавляла его устъ ... Но счастливцы не обращали на него вниманія и не видали ни свирѣпыхъ взглядовъ, ни убійственной улыбки ...

Но не одинъ Мармаровскій видѣлъ и возмущался столь неожиданнымъ и скорымъ сближеніемъ Катеньки съ Бандуровымъ: всѣ дамы были удивлены и оскорблены ... Того ли онѣ ожидали, собираясь на балъ? то ли должно было случиться? И гдѣ благородство, гдѣ гордость, гдѣ уваженіе къ своему достоинству въ этихъ людяхъ? ... Развѣ никто не въ состояніи понять, что Татьяна Ивановна и Катенька сначала злились на Бандурова, что онъ ускользалъ отъ ихъ рукъ, а потомъ обрадовались, когда снова поймали дурака, и даже не умѣли скрыть своей радости? Особенно сердились на Татьяну Ивановну городничиха, которая писала уже къ сыну, чтобы онъ пріѣзжалъ на масляницу погостить домой, и намекала при этомъ, какое прекрасное семейство судьи, какъ она дружна съ нимъ и какая прекрасная, воспитанная дѣвушка дочь судьи, и какъ дружны съ ней его сестры. Городничиха раскаивалась теперь и бранила себя, что поддалась коварнымъ совѣтамъ Татьяны Ивановны и не велѣла дочерямъ своимъ очень сближаться съ Коркиной: она даже опасалась отъ этого дурныхъ послѣдствій, вспомнивъ что Ѳедоръ Иванычъ лично знакомъ съ губернаторомъ: развѣ не могло случиться, что когда-нибудь въ разговорѣ съ губернаторомъ, онъ могъ вспомнить о невнимательности ея дочерей къ его дочери, и за это насказать губернатору много дурного объ ея мужѣ и даже повредить его службѣ? ...

Возмущались и оскорблялись безстыдствомъ Катеньки, такъ поспѣшно бросившейся на шею князю Бандурову, и дочери городничихи, которыя до сихъ

поръ безпрестанно шептались съ нею и смѣялись надъ Коркиной, и о которыхъ теперь Катенька совсѣмъ позабыла ...

Мы уже не разсказываемъ о несчастномъ Алексѣе Алексѣевичѣ: онъ совсѣмъ упалъ духомъ, совсѣмъ уничтожился, считалъ себя на-вѣки упавшимъ въ общественномъ мнѣніи послѣ извѣстной исторіи.

— Вы даже этого не умѣли сдѣлать хорошенько, сказала ему Катенька. Не умѣли даже отыграться отъ Крушинскаго: испугались его и бросили свою даму во время танцевъ, и какъ мальчишка пошли просить прощенія, по приказанію кого же? Вамъ бы не учителемъ быть, а мальчишкой, школьникомъ ... Я, думаю и ученики-то васъ не боятся.

Офицеры надъ нимъ посмѣивались, а смотритель сдѣлалъ ему выговоръ и замѣтилъ, что наставнику юношества неприлично позволять себѣ подобные поступки, что наставникъ юношества долженъ подавать собою примѣръ знанія общественныхъ приличій и возбуждать въ обществѣ своимъ поведеніемъ уваженіе съ себѣ, а слѣдовательно и къ тому учебному заведенію, котораго онъ нѣкоторымъ образомъ служитъ представителемъ.

Ужинъ, изготовленный генеральскимъ поваромъ, не произвелъ ожидаемаго эфекта. Супъ въ чашкахъ, какъ новость, къ которымъ уѣздное общество вообще очень строго и недовѣрчиво, и къ тому же новость, являющаяся на томъ самомъ балѣ, гдѣ произошла исторія и гдѣ ловятъ жениховъ, возбудилъ только двусмысленныя улыбки и далъ поводъ къ разнымъ насмѣшливымъ замѣчаніямъ, а прочія кушанья оказались очень просты, скудны и безъ особеннаго вида, а тоже съ претензіями ... Вообще, Татьяна Ивановна могла очень

упасть въ глазахъ своего общества, гдѣ какой-нибудь лекарь изъ семинаристовъ позволилъ себѣ остановить танцы и сдѣлать такую исторію, и на которомъ явился не признанный супъ въ чашкахъ, если бы еще не спасало ее вниманіе князя Бандурова, который опять торжественно сталъ въ отношенія будущаго жениха Катеньки. Уѣздное общество настроено такимъ образомъ, что если бы на балѣ у какой-нибудь Татьяны Ивановны, или ей подобной особы, усиленно удерживающей за собою первенство, по волѣ ея, незаслуженно оскорбили бѣдную дѣвушку, и если это оскорбленіе осталось безнаказаннымъ и не повело за собою никакой исторіи, тогда Татьяна Ивановна можетъ подчивать своихъ гостей хоть китайскими кушаньями — и всѣ будутъ ѣсть и хвалить, и повѣрятъ, что должно быть въ модѣ угощать по-китайски. Но если вечеръ чѣмъ нибудь скомпрометированъ, если на немъ случилась какая-нибудь исторія, доказывающая, что не всѣ признаютъ вліяніе Татьяны Ивановны, а что есть люди, имѣющіе свое мнѣніе и свой голосъ, тогда хозяйка держи ухо востро и не думай удивить какими-нибудь нововведеніями; тогда общественное мнѣніе дѣлается ко всему строго и недовѣрчиво ... И если ужъ рѣшилась Татьяна Ивановна послѣ исторіи, случившейся у нея на балѣ, подать супъ въ чайныхъ чашкахъ и ужинъ самый легкій, такъ должна имѣть въ резервѣ по крайней мѣрѣ такого выгоднаго жениха для дочери, какъ князь Бандуровъ, чтобы удержать за собою общественное уваженіе и право на первенство въ обществѣ.

Наша Татьяна Ивановна знала, что за ужинъ въ новомъ вкусѣ надъ нею посмѣются немного, но простятъ, лишь бы не упустить изъ рукъ князя Бандурова — и потому, послѣ бала, когда счаст-

ливая Катенька, оставшись съ нею наединѣ, цѣловала ея руку и благодарила за доставленное удовольствіе, Татьяна Ивановна сказала:

— Только этотъ Алексѣй Алексѣичъ испортилъ, да не надо было звать Крушинскаго, а то, кажется, все хорошо ... Напрасно я тебя послушала — позвала этого невѣжду, семинариста ...

— Кто же, мамаша, могъ этого ожидать?

— Князь хотѣлъ скоро пріѣхать?

— Онъ обѣщалъ, душенька, непремѣнно завтра быть ... онъ извинялся, мамаша, что давно не былъ у насъ: чуть не со слезами ...

— Ну! ... поговорила Татьяна Ивановна съ улыбкой удовольствія.

— Поди же спать! прибавила она, цѣлуя дочь: я ужасно устала ...

— Да, эй! прошу у меня стеариновые огарки собирать всѣ, не раскидывать! обратилась она къ прислугѣ. Да повѣрить: серебро все ли? Я завтра приму счетомъ: соберите и заприте ... Сказать ключницѣ, чтобы пока заперла у себя ... А то вы, пожалуй, все бросите и уляжетесь спать, а тутъ послѣ пропадетъ что-нибудь ... и виноватаго не найдешь! ...

Мало по малу все стихло и заснуло въ домѣ Татьяны Ивановны, гдѣ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ было столько жизни, движенія и шума. Заснула Татьяна Ивановна съ Андремъ Марковичемъ, заснули лакеи кое-какъ поскидавшіе съ себя половину платья и посовавшіеся куда попало въ другой половинѣ его, заснула ключница, заснула даже Катенька, дольше всѣхъ бодрствовавшая и мечтавшая ... о комъ? ... мудрено ли отгадать ...

Часть третья.

I.

Крушинскій проводилъ Коркиныхъ съ бала до ихъ возка. Катерина Михайловна благодарила его за то, что онъ не позволилъ этимъ невѣждамъ оскорбить Наденьку, и просила на другой же день пріѣхать къ нимъ, увѣряя, что Ѳедоръ Иванычъ также будетъ благодарить его. Наденька была огорчена и испугана общимъ недоброжелательствомъ къ ней цѣлаго общества, среди котораго никто не нашелся, чтобы вступиться за нее; чувство собственнаго достоинства было оскорблено въ ней уже однимъ тѣмъ, что на нее мало обращали вниманія, что она была какъ бы лишнею, какъ бы послѣднею среди цѣлаго общества. Мысль, что надъ нею смѣялись, что ее хотѣли унизить и оскорбить, что она теперь служитъ предметомъ насмѣшекъ или, по крайней мѣрѣ сдѣлалась басней цѣлаго города, заставила ее рыдать, какъ ребенка, когда она осталась вдвоемъ только съ матерью. Она была очень горда отъ природы, но жизнь еще не научила ее пренебрегать мнѣніемъ людей, недостойныхъ уваженія; притомъ общественное мнѣніе, какому бы обществу оно не принадлежало, всегда страшно для женщины, не испытавшей всей его шаткости и несостоятельности.

Наденька даже не знала, должна ли она благодарить Крушинскаго за то, что онъ заставилъ извиниться передъ нею учителя: она тогда особенно сильно почувствовала нанесенное ей оскорбленіе, когда замѣтила, что на нее всѣ смотрятъ ... Катерина Михайловна напрасно утѣшала ее. Наденька была ранена въ самое чувствительное мѣсто женскаго сердца.

— И за что, за что они всѣ такъ не любятъ меня? за что хотятъ оскорбить? твердила она.

— Ты хочешь знать: я тебѣ растолкую. За то, что ты всѣхъ ихъ лучше, образованнѣе и богаче. А главное: тутъ штуки этой Хрящевой — князь Бандуровъ распустилъ слухъ, что ты помолвлена съ нимъ, а она прочила за него свою дочку — вотъ и подговорила сдѣлать тебѣ такое оскорбленіе ... Я сейчасъ, какъ только вошла къ нимъ въ домъ, тотчасъ, по пріему ихъ, замѣтила, что они рады бы были растерзать тебя. Будь увѣрена, что это ихъ штуки.

Наденька согласилась съ матерью, припомнивши тонъ Катеньки и злобное выраженіе лица, съ какимъ она поздравляла ее съ мнимой помолвкой. Она передала это матери.

— Такъ и тебя тоже поздравляли? ... Ну, такъ и есть ...

Катерина Михайловна окончательно утвердилась въ своемъ предположеніи.

— Впрочемъ, все къ лучшему, сказала она, чтобы утѣшить дочь: теперь я буду настоятельно требовать, чтобы Ѳедоръ Иванычъ отказалъ князю, да онъ и самъ не захочетъ, чтобы изъ за него оскорбляли его дочь ...

— Что вы такъ рано воротились? спросила Клеопатра Петровна, встрѣчая Катерину Михайловну. Надина, что̀ съ тобой: ты плакала?

— Какъ не плакать, сестрица? не даромъ мнѣ не хотѣлось ѣхать: послушай-тека, что съ ней сдѣлали въ этомъ прекрасномъ домѣ ...

Катерина Михайловна разсказала все случившееся.

— Какъ вамъ это нравится? заключила она. И какъ вы думаете, изъ за кого Наденька должна была это перенести? — Изъ за князя Бандурова, за котораго Хрящевой хотѣлось выдать дочь и который успѣлъ уже распустить вездѣ слухъ, что онъ помолвленъ на Наденькѣ ... такъ, что когда мы пріѣхали, и меня, и Наденьку всѣ поздравляютъ ... Хорошъ женишокъ! А Ѳедоръ Иванычъ еще настаиваетъ, чтобъ Наденька шла за него.

— Теперь, конечно, онъ ему откажетъ, потому что распустить слухъ о женитьбѣ на дѣвушкѣ, не получивши еще никакого опредѣленнаго отвѣта — это тоже своего рода оскорбленіе или, по крайней мѣрѣ, доказываетъ, что онъ пустой мальчишка, не знающій даже свѣтскихъ приличій ... Но, Боже, что здѣсь за люди, что за общество! ... Я бы на вашемъ мѣстѣ, просто бѣжала отсюда ... Вы просто погубите Надину, если она поживетъ здѣсь подольше ...

— И вы думаете, сестрица, князь, что-ли, вступился за Наденьку? ... Нѣтъ, онъ умѣетъ только хвастать прежде времени ... Крушинскій же заставилъ извиниться передъ нею того невѣжу.

— Крушинскій! ... Я думаю, это всѣхъ удивило, что Крушинскій является защитникомъ Надины ...

— Чему же тутъ удивляться? Крушинскій нашъ хорошій знакомый ...

— Ну, не совсѣмъ лестно, что въ цѣломъ обществѣ не нашелся никто получше и позначительнѣе Крушинскаго, чтобы защитить отъ оскорбленія вашу

дочь ... Крушинскій, кажется, очень ничтожное лицо, даже въ здѣшнемъ уѣздномъ обществѣ ...

— Я, право, удивляюсь, сестрица, отчего вы вдругъ сдѣлались такого дурнаго мнѣнія о Крушинскомъ, тогда какъ прежде сами хвалили его ...

— Съ чего вы взяли, что я высказываю свое мнѣніе о Крушинскомъ? я только говорю, что человѣкъ такого происхожденія не можетъ принести особенной чести своимъ вниманіемъ никакой дѣвушкѣ, а не только вашей дочери.

— Такъ вотъ лучше вашъ князь, черезъ котораго Наденьку оскорбили и который не умѣлъ даже вступиться за нее ...

— Почему же мой князь? Я всегда говорила Ѳедору Иванычу, что Наденька можетъ ожидать не такого жениха ... Я очень хорошо понимаю, что князь Бандуровъ не стоитъ Надины, но не хочу, какъ вы, превозносить до небесъ вашего Крушинскаго ...

Сестрицы враждебно взглянули другъ на друга; подобныя стычки часто происходили между ними при малѣйшемъ поводѣ.

— Я привыкла, сестрица, быть благодарною за всякую услугу, кто бы мнѣ ее не сдѣлалъ; а вы любите только оскорблять и говорить колкости.

— Я не думала и не желала оскорбить васъ, но я люблю, чтобы всякой зналъ свое мѣсто, которое дала ему судьба по его происхожденію и ненавижу выскочекъ.

Бѣдная Наденька слышала весь этотъ разговоръ и думала: неужели же происхожденіе такъ много значитъ? неужели низкое происхожденіе, какъ несмываемое пятно, всю жизнь должно лежать на человѣкѣ? неужели мнѣ всегда и вездѣ придется слу-

шать эти оскорбительные намеки о Крушинскомъ? ... Не умѣла рѣшить Наденька этого вопроса, но вопросъ былъ уже сдѣланъ ... онъ получилъ мѣсто въ душѣ ея ...

Ѳедоръ Иванычъ уѣхалъ отъ Хрящевыхъ тотчасъ по окончаніи пульки, задолго еще до ужина. Катерина Михайловна еще не спала: она ожидала его.

— Что Надя? спросилъ онъ, входя.

— Послушай, батюшка, что тамъ сдѣлали съ Надей.

И Катерина Михайловна разсказала мужу все по порядку. Она умѣла такъ живо и чувствительно для самолюбія Ѳедора Иваныча представить смѣшное положеніе, въ которомъ была она, когда ее поздравили съ помолвкой дочери, такъ неопровержимо доказать, что Наденьку хотѣли оскорбить именно за Бандурова, что старикъ ей повѣрилъ.

— Неужели, Теодорушка, заключила она со слезами: неужели ужъ наша фамилія сдѣлалась такъ ничтожна, что нашимъ именемъ осмѣлится всякой хвастать, какъ ему вздумается, и неужели наша Наденька можетъ имѣть такого же жениха, какъ какая-нибудь Хрящева? Что это, Ѳедоръ Иванычъ, ужъ насъ нынче стали ни во что ставить: думаютъ, что мы, Богъ знаетъ, какъ дорожимъ первымъ попавшимся женихомъ ... По-мòему, такъ намъ, кажется, стыдно и думать о такомъ женихѣ для нашей дочери, на котораго имѣетъ виды Хрящева ...

Ѳедоръ Иванычъ молчалъ, но думалъ то же самое, что и жена. Никогда, во всю свою жизнь въ провинціи, не былъ онъ такъ оскорбленъ, какъ въ настоящемъ случаѣ. Онъ не высказывалъ, что̀ у него было на душѣ, но никогда такъ не страдала его гордость, какъ теперь. Ни слова не говоря женѣ о

своихъ намѣреніяхъ, Коркинъ приказалъ подать себѣ бумаги и началъ писать къ князю Бандурову письмо слѣдующаго содержанія:

„Вы, вѣроятно очень хорошо помните, князь, что на вашу просьбу о рукѣ моей дочери я не далъ вамъ никакого опредѣленнаго отвѣта; между-тѣмъ слышу, что вы уже объявили о помолвкѣ вашей на моей дочери. Сверхъ того, въ одномъ извѣстномъ вамъ домѣ оказали явное недоброжелательство къ моей дочери, какъ надо полагать, вслѣдствіе того, что вамъ угодно было прежде времени объявить ее своей невѣстой. Извиняя вашей молодости, незнанію жизни и простительной въ ваши лѣта вѣтренности — вашу излишнюю поспѣшность, и не желая препятствовать счастью тѣхъ лицъ, которыя такъ дорожатъ вашей особой, покорнѣйше прошу васъ избавить мою дочь отъ вашихъ исканій, а также и мой домъ отъ вашихъ посѣщеній. Впрочемъ, имѣю честь быть съ душевнымъ уваженіемъ и таковой же преданностью вашъ и пр.“

Написавши это письмо, Ѳедоръ Иванычъ молча подалъ его женѣ. Та прочитала.

— Это будетъ прекрасно: онъ того стоитъ! ... сказала Катерина Михайловна.

Ѳедоръ Иванычъ запечаталъ письмо и приказалъ на другой же день утромъ отвезти его къ князю Бандурову.

— А вотъ, Теодорушка, какъ не сказать, что Крушинскій ужъ истинный нашъ другъ ... Какъ бы онъ не вступился за Наденьку, никто бы и не подумалъ: можетъ-быть, и Богъ знаетъ какія бы ей надѣлали невѣжества ...

— Крушинскій! Крушинскій! ... вѣчно и вездѣ онъ ... А съ какой стати вздумалъ онъ принимать

участіе въ Надеждѣ и лѣзть къ намъ въ друзья? ... Боже мой, что это въ-самомъ-дѣлѣ, какую роль я начинаю играть здѣсь? кто мои друзья, и защитники моего семейства въ обществѣ? ...

— Вотъ вѣдь ты какой, Теодорушка ...

— Не говори ничего, Катерина Михайловна, не дразни меня ... Я все понимаю, и чувствую какъ срамъ начинаетъ ложиться мало-по-малу на наше имя ... Проклятая болѣзнь, проклятый случай, который свелъ меня съ этимъ человѣкомъ ...

Ѳедоръ Иванычъ не далъ возражать женѣ, и быстро ушелъ, крѣпко хлопнувши за собою дверью.

Катерина Михайловна поспѣшила сообщить дочери о письмѣ отца къ князю Бандурову.

— А Аркадій Николаичъ и тѣмъ не угодилъ твоему папенькѣ, что вступился за тебя, говорила Катерина Михайловна. Удивительный, право человѣкъ! ... Плохи твои дѣла, Надежичка ... да, впрочемъ, Богъ милостивъ: надѣйся на меня! ... Время все можетъ передѣлать ...

Молча слушала Наденька слова матери: душа ея какъ будто была придавлена всѣми тревогами дня, она не могла ни сильно радоваться, ни сильно горевать. Кто не знаетъ этого состоянія тупости, усталости душевной, когда человѣкъ, достигая цѣли, встрѣчаетъ препятствія, борется съ ними, побѣждаетъ и встрѣчаетъ новыя, неожиданно, какъ будто имъ нѣтъ и конца.

Всѣ перевороты дня не произвели въ душѣ князя Бандурова особенныхъ потрясеній: онъ спалъ богатырскимъ сномъ, уставшій послѣ бала Хрящевыхъ, на которомъ такъ много танцовали. На другой день онъ былъ еще въ постели, когда деньщикъ подалъ ему письмо отъ Ѳедора Иваныча. Вскипѣлъ гнѣ-

вомъ князь Бандуровъ, прочитавши это посланіе. Быстро вскочилъ онъ съ постели, на-скоро надѣлъ халатъ и, приказавши человѣку Коркиныхъ, привезшему письмо, дожидаться, принялся сочинять отвѣтъ.

— Погоди же ты, старый, я тебя отдѣлаю! я тебѣ покажу себя! ... твердилъ онъ, ходя по своему кабинету и придумывая фразы.

Долго ли, коротко ли трудился князь за непривычной и тяжелой для него работой, но, наконецъ, изъ-подъ пера его вылилось слѣдующее сочиненіе:

„Милостивый Государь
Ѳедоръ Иванычъ!

Сколь ни прискорбно мнѣ было читать ваше несправедливое письмо. Жалѣю очень, что вы такъ меня поняли, потому-что я никогда не былъ такимъ человѣкомъ. Я не объявлялъ о помолвкѣ на вашей дочери, потому-что напротивъ имѣлъ намѣреніе отказаться отъ чести ея руки, ибо по нѣкоторымъ слухамъ дошедшимъ, не могъ на это рѣшиться, потому-что былъ очень обиженъ слухами будто бы ваша дочь влюблена въ нашего лекаря, который, по своему происхожденію не заслуживаетъ, что было очень для меня обидно, потому-что я сватался къ вашей дочери. — Поэтому я хотѣлъ самъ отказаться и офицеры наши узнавши, что ваша дочь предпочитаетъ какого-нибудь неизвѣстнаго семинариста, очень были разсержены и не хотѣли танцовать съ нею; а тотъ домъ нисколько въ этомъ не виноватъ и я также. Въ томъ домѣ мной дорожатъ и никого не предпочитаютъ изъ низкихъ — и я тамъ дорожу: мнѣ никто въ этомъ не можетъ запретить. Вашего дома я не стану безпокоить, если вы не желаете,

потому-что и самъ не желаю послѣ всего этого, когда вы меня такъ обидѣли, потому-что вотъ вся причина, о которой пишу".

Князь Бандуровъ остался очень доволенъ своимъ сочиненіемъ.

— Не по губѣ придется тебѣ это! думалъ онъ, запечатывая письмо. Самъ виноватъ: не затрогивай меня. Мнѣ еще никто не отказывалъ отъ дома ... Пусть и ей достанется хорошенько: очень важничала. Со мной даромъ не раздѣлается: я никому не позволю надъ собой смѣяться.

Князь Бандуровъ отправилъ письмо съ человѣкомъ Коркиныхъ, который въ то время, какъ князь сочинялъ письмо, успѣлъ разсказать людямъ князя, что „барину ихнему присланъ отказъ на-счетъ барышни, въ чистую: значитъ, не изгодился, не желаютъ получить въ женихи".

Филиппъ былъ въ дурномъ расположеніи духа и потому не показалъ особеннаго сочувствія къ барину.

— Ну его! проговорилъ онъ съ сердцемъ. Кто за этакого пойдетъ изъ хорошихъ господъ? ... Вчера ни за что обидѣлъ: зачѣмъ, чу, спишь, когда я танцы танцую. Зачѣмъ спишь? ... Извѣстно: зачѣмъ? Ты бы тутъ до обѣденъ плясалъ, а человѣкъ не усни ... Зачѣмъ спишь? ... Пойдетъ ли кто за этакого! ... Его бы дѣло ... Да ну его! говорить-то, только себя надсажать ...

Филиппъ махнулъ рукой и съ досадой плюнулъ. Отправивъ письмо, Бандуровъ почувствовалъ какъ-будто угрызенія совѣсти, что онъ, не имѣя никакого права, обличалъ Наденьку передъ отцомъ. Но измѣнить сдѣланнаго было нельзя, а князь не любилъ считать себя въ чемъ-либо виноватымъ и не привыкъ обсуживать своихъ поступковъ: онъ скоро успокоился,

а когда вспомнилъ, что Наденька, можетъ-быть, дѣйствительно въ связи съ Крушинскимъ и предпочла ему лекаря, то даже вполнѣ оправдалъ себя и похвалилъ за сдѣланное.

Князь Бандуровъ уже сталъ собираться къ Хрящевымъ, когда къ нему пришелъ Добраго.

— Посмотри-ка, братъ, какую штуку ко мнѣ прислали: думали меня озадачить, да я самъ хорошо отвѣтилъ, говорилъ онъ капитану, подавая письмо Коркина. На-ка, прочти вотъ это, а послѣ я тебѣ скажу, что я написалъ.

Добраго прочиталъ, сопровождая свое чтеніе безпрестаннымъ покрякиваніемъ, что выражало у него всегда особенное душевное безпокойство.

— Я тебѣ говорилъ, что не надо было ... гм ...

— Ну, что ты говорилъ? ... говорилъ! ... все пустяки! ... развѣ я не знаю самъ ... А ты послушай, какъ я ихъ за это отдѣлалъ: я просто написалъ, что самъ не хотѣлъ жениться на дѣвушкѣ, которая находится въ связи съ семинаристомъ ...

Капитанъ побагровѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ; маленькіе глазки его забѣгали быстро и даже волосы какъ-будто зашевелились и ощетинились.

— Какъ? ... гм ... неужели ты написалъ это?

— А что же такое? ... Неужели мнѣ молчать, когда мнѣ дѣлаютъ дерзости? Я никому не позволю надо мной смѣяться ...

— Ты ... гм ... ты скверный человѣкъ! проговорилъ капитанъ съ такой яростью, какой нельзя было и ожидать отъ этого добродушнаго человѣка.

Повидимому, онъ хотѣлъ бы многое сказать, но не могъ отъ внутренняго волненія, раздраженія и негодованія.

— Да что ты? Какъ ты смѣешь мнѣ говорить?

Учить, что ли ты меня хочешь? ... Мальчишка я что ли какой? ... Да убирайся ты къ чорту! ... горячился князь.

— Я теперь уйду ... гм ... уйду, и никогда не прійду ... Мы больше не знакомы ... гм ...

Добраго былъ блѣденъ, что съ нимъ рѣдко случалось.

— Ахъ, какъ испугалъ! Очень много я потеряю, лишась такого знакомства! ...

Капитанъ, ни слова не говоря, не взглянувши даже на Бандурова, ушелъ отъ него. Горько, тяжело было Добраго: у него какъ-будто оторвалось что отъ сердца: навсегда разставался онъ съ человѣкомъ, котораго любилъ, разрушилась его единственная привязанность ... А князь Бандуровъ смѣялся вслѣдъ уходящему вѣрному другу ... онъ смѣялся бы даже и тогда, если бы зналъ, что Добраго никогда не возвратится къ нему.

Князь Бандуровъ одѣлся, припомадилъ усы, опрыскалъ себя духами, со всѣхъ сторонъ осмотрѣлъ себя въ зеркало и остался совершенно доволенъ собою; приказалъ запречь свою тройку въ самую лучшую сбрую, покрыть сани самымъ лучшимъ ковромъ — и полетѣлъ къ Хрящевымъ.

Весело забилось сердце Катеньки при видѣ роковой тройки, влетѣвшей въ ворота.

— Мамаша, какъ князь держитъ свое слово: онъ пріѣхалъ! сказала она матери съ лицомъ, сіяющимъ отъ радости.

Татьяна Ивановна снисходительно улыбнулась.

— Прими же князя и займи его, сказала она: а я пока пойду; еще не все принято и уложено послѣ вчерашняго вечера.

Татьяна Ивановна удалилась, возлагая полную

надежду на благоразуміе и прочія достоинства своей Катеньки.

Князь вошелъ. Катенька выразила изумленіе при появленіи его, какъ бы отъ неожиданности.

— Bonjour, Катерина Андреевна!

— Bonjour, князь.

— Гдѣ же Татьяна Ивановна?

— Она сейчасъ выйдетъ; тамъ пришли за приказаніями ... А папаша въ судѣ ... Я не ожидала васъ сегодня.

— Отчего же? вѣдь, я сказалъ, что пріѣду ...

— Мало ли что, говорится? нельзя всему вѣрить ... Я знаю людей, которые всегда говорятъ не то, что думаютъ и чувствуютъ ...

Катенька вздохнула и грустно опустила головку.

— Что же, вы и меня считаете, Cathérine, въ числѣ этихъ людей? ...

— Спросите свою совѣсть: что она вамъ скажетъ? ...

Князь Бандуровъ пересѣлъ рядомъ съ Катенькой.

— Но, Cathérine, ты сама была во всемъ виновата! сказалъ онъ вполголоса.

— Я? ... меня совѣсть ни въ чемъ не упрекаетъ: я не измѣнилась, осталась такою же, какъ была ... А вы насмѣхались надо мной, бросили меня, сдѣлали предложеніе другой ... Въ чемъ же я виновата?

— Но вспомни, Cathérine, я просилъ доказательства твоей любви, самаго пустого, самаго ничтожнаго, которое ничего тебѣ не стоило — и ты не хотѣла исполнить моей просьбы ...

— Да, вамъ хотѣлось, чтобы я пожертвовала своимъ добрымъ именемъ, чтобы надо мной могли всѣ смѣяться, указывать пальцами, тогда какъ вы думали о другой и намѣревались ей сдѣлать предложеніе ...

— Но ты не такъ поняла меня, Cathérine, клянусь тебѣ: я хотѣлъ только испытать твою любовь, я только съ горя сталъ ухаживать за другою, а я вовсе не любилъ ея ... я безпрестанно думалъ о тебѣ одной и любилъ только тебя ...

Князь Бандуровъ хотѣлъ взять руку Катеньки, но она не дала ея и отодвинулась отъ князя.

— Прекрасная любовь: жениться на другой! ... Полноте, князь! вы считаете меня вовсе за глупую. Неужели, любя одну, можно жениться на другой? ...

— Ну, прости же меня: я тебѣ говорю, что сдѣлалъ это съ горя, съ досады ...

— Прекрасное оправданіе! Значитъ, каждый разъ какъ вы разсердитесь за что-нибудь, вы будете искать утѣшенья съ другой? ...

— Ну, полно, прости же меня: я тебя умоляю ... Я говорю тебѣ, что любилъ только тебя одну ... Князь пододвинулся къ Катенькѣ и снова хотѣлъ-было взять ея руку, но Катенька опять не дала руки и пересѣла на дальній отъ Бандурова стулъ.

— Оставьте, князь: вы уже обманули меня одинъ разъ, теперь я не повѣрю однимъ словамъ ... Вы сами бы стали смѣяться надъ моей легковѣрностью ... Я не перестану васъ любить, я, можетъ-быть, умру, зачахну отъ этой любви, но прежняго уже не будетъ между нами ... до-тѣхъ-поръ, пока я не увижу, что вы дѣйствительно любите только меня одну ...

— Нѣтъ, вы сами не любите меня: вы хотите удалить меня отъ себя — это я вижу ...

— Нѣтъ, князь: кто дѣйствительно любитъ, тотъ не уйдетъ ... Нельзя же мнѣ позволить съ собой все — человѣку, который не любитъ меня... Лучше же любить и страдать, нежели позволить смѣяться надъ собой ...

Всякое сопротивленіе раздражало и подзадоривало князя; давно бы Катенькѣ приняться за эту тактику ...

— Но клянусь тебѣ: повѣрь же, что я люблю только тебя одну ...

— Говорить можно все, князь ...

— Но я тебѣ докажу любовь свою, а теперь прости меня, по-крайней-мѣрѣ за все прошлое ...

— Что вамъ въ моемъ прощеніи? Развѣ вамъ не все равно?

— Нѣтъ, не все равно: я хочу знать прощаешь ты меня или нѣтъ?

— Въ чемъ? въ томъ, что вы смѣялись надо мной, увѣряли въ своей любви, а сами хотѣли жениться на другой? ... Вы развѣ это не дѣлали, князь? ...

— Ну, не мучь же меня, Cathérine, умоляю тебя: прости мнѣ все и забудь ... Вотъ я на колѣняхъ передъ тобой ...

— Что это, князь: встаньте, ради Бога ...

— Нѣтъ, не встану, пока ты не простишь меня и не дашь свою руку ...

— Полноте, князь: для чего такъ притворяться? что вамъ въ моемъ прощеньѣ? Встаньте, пожалуйста: еще войдетъ кто-нибудь. Подумаютъ Богъ знаетъ что ...

— Пусть думаютъ, что хотятъ: мнѣ все равно, но я не встану до-тѣхъ-поръ, пока ты не простишь меня и не скажешь, что любишь попрежнему ...

— Я не переставала любить васъ, князь, но что вамъ въ моей любви? ... Полноте, встаньте, ради Бога ... Къ чему дурачить меня и напрасно притворяться ...

У Катеньки давно уже сильно билось и замирало

сердце, давно уже хотѣлось ей сказать князю: прощаю, и подать ему свою руку, чтобы чувствовать его поцѣлуй; но она понимала, что попала въ настоящій тонъ и хотѣла выдержать роль до конца: въ первый еще разъ князь Бандуровъ ползалъ у ея ножекъ.

— Нѣтъ, я не притворяюсь: я хочу, чтобы ты была моей, моей на-вѣки ...

Руки князя уже лежали на колѣняхъ Катеньки; она дала ему свою руку и князь покрывалъ ее поцѣлуями ...

— Ты хочешь быть моимъ мужемъ? спросила Катенька, приклоняясь своимъ лицомъ къ головѣ Бандурова.

— Да! проговорилъ князь, — по искреннему ли движенію сердца или подъ вліяніемъ кипѣвшей въ эту минуту молодой крови — Богъ его знаетъ, да онъ и самъ не зналъ.

— И ты не разлюбишь меня? лепетала Катенька, лаская благоухающую головку князя.

— Никогда, никогда! ... во всю жизнь ...

Въ эту минуту въ гостиную вошла Татьяна Ивановна.

— Что это? что я вижу? ... князь! ... Катерина Андреевна ...

На лицѣ Татьяны Ивановны изображалось такое изумленіе и негодованіе, что никто не догадался бы, что она слышала весь разговоръ дочери съ Бандуровымъ изъ сосѣдней комнаты и вошла именно въ ту минуту, когда было нужно; не догадалась даже Катенька.

Князь Бандуровъ быстро вскочилъ на ноги.

— Татьяна Ивановна, осчастливьте меня, сказалъ онъ: я прошу руку Катерины Андреевны.

— Какъ, князь, такъ скоро послѣ предложенія Коркиной ... Не хотите ли вы и надъ моей дочерью также насмѣяться, какъ надъ той? ...

— Татьяна Ивановна, ради Бога, забудьте все и сдѣлайте меня счастливымъ ... Отъ васъ зависитъ моя судьба ...

— Но подумайте, князь: искренно ли вы рѣшились? Я не позволю играть именемъ моей дочери ...

— Татьяна Ивановна, за кого вы меня принимате! ... Развѣ я такой человѣкъ? ... Я давно уже люблю Катерину Андреевну, давно имѣлъ это намѣреніе ... Не дѣлайте меня несчастнымъ ...

— Но какъ же, князь? ... Такъ скоро послѣ предложенія Коркиной ... Я, право, не знаю какъ это понимать ...

— Татьяна Ивановна, ради Бога, забудьте все ... то была ошибка ... то я сдѣлалъ съ досады ... я объяснялъ уже Катеринѣ Андреевнѣ ... Умоляю васъ: рѣшите мою судьбу ...

— Но я, право, князь, въ такомъ удивленіи ... Я никакъ этого не ожидала ... Это такая для меня неожиданность ... Я не знаю даже чувствъ Кати ...

— Катерина Андреевна согласны: все зависитъ отъ васъ, чтобы осчастливить меня.

— Право, не знаю, князь, что вамъ и сказать: я совсѣмъ растерялась ... Катя, ты слышишь, что говоритъ князь? ...

Катенька до-сихъ-поръ сидѣла молча, закрывши лицо руками, и горько плакала. При этихъ словахъ она быстро приподнялась и съ рыданіями бросилась на шею матери.

— Мамаша, я люблю князя! говорила она, всхлипывая.

Татьяна Ивановна тоже прослезилась.

— Татьяна Ивановна, ради Бога, рѣшите поскорѣе мою участь, чтобы я могъ считать себя счастливымъ ...

— Ахъ, князь, дайте мнѣ придти въ себя ... Позвольте, я пошлю за Андреемъ Марковичемъ ...

Къ Андрею Марковичу тотчасъ же былъ посланъ человѣкъ съ приказаніемъ явиться какъ можно скорѣе.

— Князь, понимаете ли вы какое сокровище хотите отнять у меня? ... говорила Татьяна Ивановна, лаская свою Катеньку.

— Вы пріобрѣтете покорнаго и преданнаго сына ... отвѣчалъ князь, цѣлую ручку будущей маменьки.

— Ахъ, князь, она было у меня счастлива, не знала ни горя, ни заботы.

— Я не сдѣлаю несчастною Катерину Андреевну ... я употреблю всѣ усилія, чтобы составить ихъ счастье ...

— Теперь для нея одно счастье въ томъ, чтобы вы любили ее такъ же, какъ она васъ ... Потерять вашу любовь для нея теперь все равно, что лишиться жизни ...

— Я никогда не измѣнюсь въ своихъ чувствахъ ...

— Но вы еще такъ молоды, князь ...

— Молодость ничего не значитъ, Татьяна Ивановна. Я молодъ, но понимаю себя ...

— Ахъ, князь, если бъ вы знали, что хотите оторвать у меня половину сердца ... Вы должны мнѣ дать клятву именемъ вашей матушки, вашимъ собственнымъ счастьемъ, что вы дѣйствительно любите Катю и что дѣлаете ей предложеніе съ твер-

дымъ намѣреніемъ составить ея счастье и не измѣнять ей.

— Клянусь вамъ, Татьяна Ивановна ... клянусь всѣмъ на свѣтѣ ...

— Помните, князь: это страшная клятва! ... Вы дадите страшный отвѣтъ передъ Богомъ, если не исполните ея ...

— Я увѣренъ въ себѣ, Татьяна Ивановна, говорилъ Бандуровъ — и вдругъ почувствовалъ, что у него какъ-будто что-то легло на сердце тяжелое: ему сдѣлалось какъ-то неловко и грустно. Какъ-будто сердце вдругъ почуяло, что у него отнимаютъ свободу ...

Но Татьяна Ивановна не давала князю задуматься: до самаго прихода Андрея Марковича она толковала ему то о достоинствахъ Катеньки, то о томъ, какой жертвы требуетъ отъ нея князь, прося руки дочери, то о важности супружескихъ обязанностей и при этомъ каждый разъ напоминала князю его клятву. Катенька то плакала, то нѣжно посматривала на князя ... И сколько невинности, наивности и чистоты душевной сіяло въ ея взорахъ! ... А князь — онъ продолжалъ увѣрять Татьяну Ивановну въ своей любви къ Катенькѣ, въ искренности и твердости своихъ намѣреній, и между тѣмъ онъ ничего не думалъ, и нельзя сказать, чтобы на душѣ у него было свѣтло и радостно ...

Наконецъ явился Андрей Марковичъ ...

— Ахъ ... тово ... ваше сіятельство ... какъ ваше здоровье? Что это ... тово ... матушка, что понадобилось? меня, тово, Степка совсѣмъ напугалъ: сейчасъ, говоритъ, къ барынѣ пожалуйте ... Очень, тово, нужно, крайне ... Что, тово, за необходимость? ...

— Вотъ князь тебѣ объяснитъ эту надобность ... отвѣчала Татьяна Ивановна.

— Андрей Марковичъ, осчастливьте меня: я прошу руки вашей Катерины Андреевны.

— Какъ, того, ваше сіятельство ... Извините! ... да вѣдь, я слышалъ на-счетъ Коркиной дочери ...

— Нѣтъ, то вздоръ, то было одно недоразумѣніе, одна ошибка: я уже объяснилъ и Татьянѣ Ивановнѣ и Катеринѣ Андреевнѣ ... Теперь отъ васъ зависитъ сдѣлать меня счастливымъ ...

— Вотъ, тово, ваше, сіятельство ... извините! .., для меня, тово, это право ... тово ... Это такая тово, для меня нечаянность ...

— Отъ вашего слова зависитъ все, Андрей Марковичъ ...

— Какъ, тово, матушка, Татьяна Ивановна ... Я, право, тово, не знаю ... Хе, хе, хе! ... тово ... Степка, тово, даже напугалъ меня: я думалъ, не случилось ли чего даже ... А онъ, тово ... вотъ какое обстоятельство ... Какъ, тово, матушка? ...

Татьяна Ивановна посмотрѣла на мужа сердито и выразительно.

— Катя согласна, сказа она съ улыбкой: князь поклялся мнѣ страшной клятвой, что онъ рѣшился сдѣлать ей предложеніе, обдумавши свое намѣреніе и по истинной любви къ Катенькѣ ... Въ этихъ случаяхъ прежде всего воля Божія — противъ нея идти нельзя ...

— Да я, тово ... я очень уважаю ваше сіятельство. Мнѣ очень пріятно ... Только такъ вдругъ, право ... того ... хе, хе, хе ...

Татьяна Ивановна строго посмотрѣла на мужа.

— Намъ остается только желать, сказала она, чтобы князь никогда не измѣнился въ своихъ

чувствахъ къ Катенькѣ, и потомъ возложить все упованіе на Бога ... Мы давно уже знаемъ князя, онъ также могъ узнать и насъ, и Катю ... Видно, такъ Богу угодно! заключила Татьяна Ивановна со вздохомъ.

— Надѣюсь, Андрей Марковичъ, что вы найдете во мнѣ достойнаго вамъ сына ...

— Да очень, тово, пріятно, ваше сіятельство ... Что Катя, тово ... желаешь, тово ... чувствуешь желаніе ... тово? ...

— Я, папаша, люблю князя! проговорила Катенька, съ новымъ взрывомъ рыданій, бросаясь въ объятія отца.

— Ну, а желаешь, тово ... и я согласенъ ... Будь счастлива ... А на-счетъ приданаго, тово ... я тебя не обижу ... все мое — ваше ...

Татьяна Ивановна поблѣднѣла: объ этомъ-то именно ей и не хотѣлось начинать рѣчь.

— Князь такъ благороденъ, сказала она медовымъ голосомъ: что даже и не заикнулся о приданомъ; этимъ онъ больше всего доказалъ мнѣ любовь свою къ Катенькѣ. И я даже не хочу и знать, что имѣетъ князь ... Онъ видитъ какъ мы любимъ Катю и знаетъ, что не пожалѣемъ ничего длл нея ...: Ну, Андрей Марковичъ, видно, такъ Богу угодно: пусть будетъ Его святая воля ...

И откуда вдругъ явились слезы въ глазахъ Татьяны Ивановны — она зарыдала ...

— Ну, ваше сіятельство ... тово ... Пусть будетъ Божья воля и мое грѣшное благословеніе ... Вотъ вамъ моя Катенька ... Любите ее ...

И Андрей Марковичъ подалъ руку дочери князю.

Князь бросился обнимать будущаго тестя и тещу.

— Очень ... тово, радъ ... Не ожидалъ, тово ...

такъ скоро ... говорилъ Андрей Марковичъ, обнимаясь съ княземъ.

— Все въ рукахъ Божьихъ ... Князь, сдѣлайте счастливой нашу Катю: она стоитъ этого ... говорила Татьяна Ивановна, всхлипывая. Позвольте васъ благословить образомъ: я люблю все дѣлать съ молитвой ...

Принесли образъ; съ новыми слезами благословили жениха съ невѣстой.

— Теперь вполовину вы уже обвѣнчаны! сказала Татьяна Ивановна — и зарыдала громче прежняго.

— Да, ужь, тово ... теперь, ужъ тово ... дѣло сдѣлано ...

Князь снова благодарилъ и просилъ позволенія называть Андрея Марковича папенькой, а Татьяну Ивановну — маменькой. Ему позволили, — позволили даже поцѣловать Катеньку — и любовались какъ она сконфузилась отъ поцѣлуя жениха своего ...

Долго толковали потомъ о неисповѣдимости Промысла, о томъ, какъ все странно и неожиданно устраивается въ жизни человѣка ...

Татьяна Ивановна призналась, что она съ первой встрѣчи почувствовала къ князю что-то особенное, какъ-будто сердце сказало ей, что она видитъ въ немъ своего будущаго сына. При этомъ Татьяна Ивановна съ нѣжностью матери протягивала руку свою князю, а тотъ съ сыновней признательностью цѣловалъ ее.

Катенька, по праву невѣсты, не спускала глазъ съ своего красавца жениха, а князь, по праву жениха, ни на минуту не выпускалъ изъ своихъ рукъ пухленькой ручки своей невѣсты и безпрестанно цѣловалъ ее; а когда они оставались вдвоемъ наединѣ, то не скупились и на горячіе, страстные поцѣлуи.

Князь пробылъ у Хрящевыхъ цѣлый день. Роль жениха ему очень нравилась и онъ уѣхалъ домой счастливый и довольный. И не смотря на то, что отправлялся къ Хрящевымъ вовсе безъ намѣренія сдѣлать предложеніе Катенькѣ, онъ, возвратясь домой формальнымъ женихомъ, подумалъ только: какъ все это устроилось скоро и неожиданно! — Больше онъ ни о чемъ не думалъ и, пославши Катенькѣ заочно горячій поцѣлуй, обнялъ подушку и заснулъ сномъ богатырскимъ.

II.

Семейство Коркиныхъ только-что кончило утренній чай, который сегодня былъ позже обыкновеннаго, потому-что всѣ проспали послѣ вчерашняго бала. Ѳедоръ Иванычъ пожелалъ изъ устъ самой Наденьки слышать разсказъ объ оскорбленіи, которое ей нанесли. Наденька повиновалась. Отецъ слушалъ ее молча и угрюмо, но не спускалъ съ нея глазъ, особенно когда рѣчь дошла до Крушинскаго.

— Почему же именно Крышинскій принялъ на себя роль твоего защитника? спросилъ онъ сурово.

— Я не знаю, папа ... Около меня никого не было, кромѣ его ... Онъ видѣлъ, что я не танцую сряду двѣ кадрили, тогда какъ была ангажирована ...

— Гм ... достойный защитникъ для дѣвушки, которою гнушается цѣлое общество! ... съ горькой усмѣшкой проговорилъ Ѳедоръ Иванычъ.

— Что это, кузенъ! ... развѣ Надина виновата? ...

— Ѳедоръ Иванычъ всегда готовъ обвинить Наденьку, а точно не знаетъ нашего общества ...

Право, досадно слушать: Надя и безъ того убита, а ты радъ ее мучить ...

— Я знаю одно: что дѣвушку, которая ведетъ себя прилично ея положенію, въ обществѣ никто не осмѣлится оскорбить ... Какъ не рѣшиться осокорбить дѣвушку, у которой среди цѣлаго общества только и есть одинъ защитникъ — какая-нибудь дрянь, какой-нибудь выскочка изъ семинаристовъ, который едва только можетъ быть терпимъ въ порядочномъ, обществѣ ...

— Нѣтъ, cousin, надо сказать правду: въ томъ обществѣ, въ которое вы рѣшаетесь вывозить Надину, и Крушинскій на своемъ мѣстѣ! замѣтила Клеопатра Петровна ... Если бы Наденька жила въ такомъ обществѣ, которое прилично ей по ея воспитанію и происхожденію, то — будь увѣренъ — не могло бы случиться ничего подобнаго ...

— Полноте, сестрица, Крушинскій такъ уменъ и образованъ, что его приняли бы во всякое, лучшее общество, а это только въ нашемъ гнушаются такими людьми ... сказала Катерина Михайловна.

— Не знаю, сестрица; можетъ-быть, вы лучше меня знаете высшее общество ... а я не слыхивала, чтобы тамъ были подобные люди! ... отозвалась Клеопатра Петровна.

— Полно, Катерина Михайловна, не стыди себя: человѣкъ, который недавно только узналъ какъ ходятъ въ сапогахъ ... такой человѣкъ въ высшемъ обществѣ ... Стыдись, матушка, говорить подобныя вещи! ...

Наденька молча слушала всѣ эти разговоры. Ей было тѣмъ болѣе грустно и тяжело, что она не могла возразить на слова отца и тетки, не могла высказать своихъ убѣжденій, и ложныя, по ея по-

нятіямъ, мнѣнія, должна была принимать, какъ непреложную истину. Она чувствовала, что лишилась свободы съ-тѣхъ-поръ, какъ полюбила Крушинскаго; она начинала понимать, что выше ея воли и ея образа мыслей — есть воля и мнѣнье общественное. Страшно ей становилось передъ этой властью, которой бы она не хотѣла признать и которая междутѣмъ тяготѣла надъ ней. Но все это были одни смутныя представленія, которыя производили въ душѣ Наденьки неясную тоску, похожую на предчувствіе какого-то несчастья. Впрочемъ, всѣ эти смутныя мысли, вся эта тоска не мѣшали ей по-прежнему любить Крушинскаго, не разрушали ея рѣшимости не принадлежать никому, кромѣ его: они только какимъ-то тяжкимъ гнетомъ ложились ей на душу и не ставало у нея силъ сбросить эту тяжесть ...

Вдругъ явился человѣкъ, посланный съ письмомъ къ князю.

— Ихъ сіятельство приказали кланяться и прислали отвѣтъ! сказалъ онъ, подавая Ѳедору Иванычу письмо.

Ѳедоръ Иванычъ сорвалъ печать, пробѣжалъ глазами письмо и вдругъ вся кровь бросилась ему въ голову, лицо побагровѣло, зашумѣло въ головѣ, застучало въ ушахъ, въ глазахъ потемнѣло.

— Что такое? Что съ тобою, Теодорушка? Что съ тобой, кузенъ? Папаша, что съ вами? спрашивали всѣ, испуганныя перемѣной въ лицѣ Ѳедора Иваныча.

Вмѣсто отвѣта Ѳедоръ Иванычъ судорожно стиснулъ въ рукѣ письмо князя и какъ мертвый покатился съ кресла, на которомъ сидѣлъ. Едва успѣли удержать его и не дали упасть на полъ. Со старикомъ повторился ударъ. И опять началась сума-

тоха, бѣготня, опять раздались стоны и вопли Катерины Михайловны ... Наденька блѣдная и испуганная безмолвно стояла на колѣняхъ около дивана, на который положили отца.

— Лекаря, лекаря? кричала Клеопатра Петровна.

— Послать за Аркадіемъ Николаичемъ! приказала Катерина Михайловна.

Посланный встрѣтилъ Крушинскаго на половинѣ дороги въ Родовое-Подгородное. Когда онъ явился, Ѳедоръ Иванычъ все еще лежалъ безъ движенія.

— Опять на васъ надежда ... Спасете ли вы его намъ во второй разъ? сказала Катерина Михайловна, увидя доктора.

— Спасите папашу, ради меня! говорила Наденька, позабывши о присутствіи тетушки.

— Ничего, не безпокойтесь: Богъ милостивъ! сказалъ Крушинскій, осматривая больнаго. Это не больше, какъ сильный обморокъ ... Вѣроятно, пройдетъ отъ одного кровопусканья ...

Крушинскій просилъ-было, чтобы всѣ вышли, но Наденька, рѣшительно сказала, что она не отойдетъ отъ отца, пока не увидитъ, что ему лучше.

— Давно-ли это случилось? спросилъ Крушинскій, приготовляясь пустить кровь больному.

— Сію-минуту: получилъ письмо отъ князя Бандурова, сталъ читать, вдругъ измѣнился въ лицѣ и упалъ! отвѣчала Катерина Михайловна. Кажется, это письмо его разстроило: оно и осталось въ рукѣ у него: мы боялись взять его, чтобы не обезпокоить.

Крушинскій осторожно вынулъ письмо изъ руки Ѳедора Иваныча и подалъ Катеринѣ Михайловнѣ. Та прочитала его и не знала что дѣлать ...

Вскорѣ послѣ кровопусканія Ѳедоръ Иванычъ

пришелъ въ себя, открылъ глаза, и первый, на комъ остановился его взглядъ, былъ Крушинскій.

— Опять онъ ... проговорилъ больной и снова впалъ въ забытье.

Крушинскій смутился.

— Это письмо касается до меня? спросилъ онъ у Катерины Михайловны, которая горько плакала.

— Да! отвѣчала она.

— Можно мнѣ прочесть?

— Если вы дадите мнѣ честное слово, что будете благоразумны.

— Даю ...

Катерина Михайловна подала доктору письмо. Крушинскій покраснѣлъ и задрожалъ, прочитавши посланіе Бандурова.

— Негодяй! проговорилъ онъ, стиснувши зубы.

— Послушайте, Аркадій Николаичъ, вы обѣщали быть благоразумнымъ, и не должны ссориться съ Бандуровымъ изъ-за этого письма.

— Чего вы хотите отъ меня? ... проговорилъ Крушинскій сурово.

— Ахъ, зачѣмъ я дала вамъ это письмо! ... говорила Кетерина Михайловна. Чувствовало мое сердце, что будетъ несчастье.

Наденька, вслушавшись въ разговоръ, быстро подошла къ Крушинскому, неожиданно взяла у него изъ рукъ письмо Бандурова и прочитала.

— Послушайте, Аркадій Николаичъ, я требую, чтобы вы дали мнѣ слово не подавать даже вида Бандурову, что знаете объ этомъ письмѣ.

— Надежда Ѳедоровна, ради Бога ..,

— Но я требую этого ... Я требую этой жертвы для меня ...

Крушинскій молчалъ, стараясь подавить внутреннее волненіе.

— Это письмо не къ вамъ: вы не должны были и знать его ... продолжала Наденька. Вы повредите мнѣ, если вступитесь за него ...

— Да что такое въ этомъ письмѣ? спросила Клеопатра Петровна, о которй всѣ позабыли, но которая слушала весь разговоръ, не понимая ею ...

— Это до васъ не касается, ma tante ... рѣзко отвѣчала Наденька.

— Но, я думаю, касается по-крайней-мѣрѣ отца, который умираетъ и о которомъ всѣ позабыли ... отвѣчала Клеопатра Петровна, позеленѣвшая отъ злости.

— Аркадій Николаичъ, я прошу первой и послѣдней жертвы для меня ... говорила Наденька.

— Пусть будетъ по-вашему ... съ усиліемъ проговорилъ Крушинскій ... Пусть всѣ меня оскорбляютъ: я стою этого! прибавилъ онъ съ горечью.

— Ну, успокойтесь же и займитесь папашей: вы должны спасти его.

— Ѳедоръ Иванычъ скоро придетъ въ чувство, но мнѣ нужно уйдти отсюда: мое присутствіе будетъ его разстроивать.

Отдавши приказанія, какъ поступать, когда больной опять опомнится, Крушинскій вышелъ.

Легко понять, что происходило въ душѣ Крушинскаго: кромѣ того, что нѣтъ, можетъ-быть, страданія столь тяжелаго для гордой натуры, какъ невозможность отомстить за оскорбленіе, онъ видѣлъ теперь, какъ мало для него надежды получить руку Наденьки, когда одинъ только слухъ о любви его произвелъ такое потрясеніе въ старикѣ. Крушинскій понималъ, что Коркинъ считаетъ пятномъ для своей чести даже любовь его къ дочери ..

Между-тѣмъ Ѳедоръ Иванычъ опять открылъ глаза: всѣ бросились къ нему съ выраженіемъ участія — онъ далъ знакъ рукою, чтобы молчали.

— Гдѣ же докторъ? спросилъ больной, обведя глазами всю комнату.

— Онъ въ тѣхъ комнатахъ ... отвѣчала Катерина Михайловна. Какъ ты себя чувствуешь, Теодорушка? ...

Ѳедоръ Иванычъ ничего не отвѣчалъ и какъ-будто собиралъ въ головѣ мысли.

— Гдѣ письмо? спросилъ онъ вдругъ.

— Какое письмо, Теодорушка? ...

Катеринѣ Михайловнѣ хотѣлось отстранить отъ мужа воспоминаніе объ обстоятельствѣ, служившемъ причиною болѣзни.

— Письмо князя ... съ сердцемъ проговорилъ Ѳедоръ Иванычъ.

— У меня, Теодорушка ...

— Ты читала его?

— Читала ...

— Теперь видишь, что я не ошибся.

— Полно, Теодорушка: неужели тебя могло такъ разстроить, что написалъ съ досады какой-нибудь взбалмошный мальчишка ...

— Все равно ... Говоритъ онъ, говорятъ и другіе — срамъ одинъ ...

— Полно, Теодорушка: ты не думай теперь объ этомъ ...

Ѳедоръ Иванычъ нетерпѣливо махнулъ рукой. Катерина Михайловна замолчала.

Наденька стояла передъ отцомъ ни жива, ни мертва: она считала себя виновницей его болѣзни, но не смѣла выражать своей любви и участія, не знала, что̀ на душѣ у отца, и трепетала за будущее. Ѳедоръ Иванычъ пристально посмотрѣлъ на нее.

— Ты читала письмо Бандурова? спросилъ онъ ее.

— Читала, папаша ... Простите меня ... Я причина вашей болѣзни ...

Наденька съ рыданіями обнимала ноги отца.

— Гм ... моей болѣзни! повторилъ Ѳедоръ Иванычъ, стараясь подавить душевное волненіе ... Болѣзнь пройдетъ, а пятно, которое однажды ляжетъ на имя, не смывается во всю жизнь ... Довольно ... Ты теперь видѣла, до чего доводитъ только одно неосторожное поведеніе ... Мальчишка, молокососъ рѣшается оскорблять твоего старика отца, котораго никто никогда не оскорблялъ ... Я прощаю тебя и надѣюсь, что ты будешь осторожнѣе ... Перестань плакать ... не тревожь меня.

Ѳедоръ Иванычъ не хотѣлъ слышать отъ дочери откровеннаго признанья въ ея любви, чтобы не имѣть необходимости дать ей рѣшительный отказъ и тѣмъ не навлечь на себя, въ будущемъ, ея упрековъ: онъ надѣялся, что любовь ея пройдетъ самасобою, отъ времени и отъ уроковъ, которые ей дала уже жизнь. А Наденька не рѣшалась признаться отцу во всемъ, боясь еще больше разстроить и увеличить болѣзнь его.

— Отчего здѣсь нѣтъ доктора? онъ, вѣрно, тоже читалъ письмо, князя? спросилъ Ѳедоръ Иванычъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Нѣтъ, не читалъ ... нерѣшительно отвѣчала Катерина Михайловна.

— Скажи правду!

— Да, Теодорушка ... Извини меня: я дала ему прочитать письмо, боясь, что его присутствіе будетъ разстроивать тебя ...

— Пустяки ... развѣ онъ виноватъ въ томъ,

что на него клевещутъ? Помогите мнѣ сѣсть и попросите его сюда, а сами всѣ выйдите.

— Успокойся немного: ты еще такъ слабъ! говорила Катерина Михайловна, видя, что мужъ дѣлаетъ надъ собою усилія.

— Ничего: я чувствую теперь себя хорошо ... Пойдите же всѣ отсюда и попросите его сюда.

— Онъ уже далъ намъ слово, Теодорушка, что не будетъ заводить ссоры съ княземъ ... сказала Катерина Михайловна, предполагая, что мужъ хочетъ объ этомъ просить Крушинскаго.

— Все равно: я хочу слышать это отъ него самъ и успокоить его ...

У Наденьки болѣзненно сжалось сердце: она боялась чего-то, хотя не могла дать себѣ отчета въ своемъ страхѣ. Ей казалась настоящая минута самой удобной, чтобы открыть отцу свою душу, и признаться въ любви къ Крушинскому; нѣсколько разъ покушалась она броситься къ отцу съ этой исповѣдью душевной, но не могла рѣшиться.

Всякой понимаетъ вещи такъ, какъ его учили понимать ихъ, всякій живетъ съ тѣми убѣжденіями, которыя даны ему воспитаніемъ и жизнью, и считаетъ себя правымъ, поступая согласно съ общественнымъ мнѣніемъ, хотя бы дѣлалъ вопіющую несправедливость передъ судомъ разума, свободнаго отъ предразсудковъ и совѣсти, способной возвыситься надъ предубѣжденіями. И потому нельзя судить очень строго Ѳедора Иваныча за то, что онъ хотѣлъ разорвать любовь между дочерью и докторомъ, которая казалась ему пятномъ для его и ея чести, которая не могла бы дать, по его убѣжденіямъ, ни ей счастья, ни ему утѣшенія и радости. Въ этомъ случаѣ Ѳедоръ Иванычъ былъ только рабъ

тѣхъ убѣжденій, того образа мыслей, на которыхъ онъ вырɔсъ, съ которыми онъ жилъ — и, ожидая Крушинскаго, онъ не стыдился просить у Бога помощи въ своемъ предпріятіи ...

Крушинскій вошелъ. Онъ старался сохранить хладнокровіе, приготовлялся быть мужественнымъ.

— Вы уже сидите ... очень радъ: сказалъ онъ но не худо, если бы вы взяли нѣсколько терпѣнья полежать.

— Вы опять возвратили меня къ жизни: но я не знаю: не лучше ли бы мнѣ было разстаться съ ней ... Скажите мнѣ: какой вы хотите отъ меня благодарности?

— Одно только спѣшу вамъ сказать, что вы обязаны мнѣ своей жизнью столько же, сколько были бы обязаны послѣднему цирюльнику, который умѣлъ бы во время пустить вамъ кровь. Я очень радъ, что услуга эта оказана мною, но прошу васъ не считать себя обязаннымъ мнѣ за нее.

— Но вы не были бы рады тому, что спасли жизнь, которая отравлена вами же, хотя, можетъ-быть, и безъ вашего желанія.

— Въ отношеніи васъ я исполнилъ только свой долгъ, который обязался исполнять для кого бы то ни было, и потому, повторяю, вамъ благодарить меня не за что ... Но почему я отравляю вашу жизнь, я просилъ бы васъ объяснить мнѣ.

— Вы читали письмо Бандурова и дали слово не ссориться за него съ княземъ?

— Да.

— И повторите мнѣ ваше слово?

— Если вы способны мнѣ вѣрить — повторяю.

— Я до такой степени вѣрю вамъ, что хочу говорить съ вами прямо и откровенно о дѣлѣ, мо-

жетъ быть, очень для васъ чувстительномъ и увѣренъ, что вы, какъ честный и благоразумный человѣкъ, выслушаете меня великодушно.

— Я готовъ слушать все, но прошу васъ объ одномъ: пощадите мое человѣческое достоинство. Я, можетъ быть, догадываюсь, о чемъ вы хотите говорить, и если мнѣ позволительно имѣть какія-нибудь чувства, то предупреждаю васъ, что я уважаю себя столько, сколько долженъ уважать себя каждый.

— Храни меня Богъ даже отъ мысли оскорбить васъ. Но согласитесь: равенства нѣтъ и быть не можетъ на землѣ. Всякому указана своя дорога и всякой долженъ идти по ней. Вы не виноваты, что судьба, при вашихъ высокихъ достоинствахъ дала вамъ такое происхожденіе; но пути наши различны и сойтись вмѣстѣ не могутъ ... Вы понимаете меня? ... Каждый изъ насъ рабъ того общества, въ которомъ живетъ ... Вы читали письмо Бандурова и видѣли, къ чему повелъ даже одинъ глупый слухъ, который распространился въ городѣ: вы видѣли, какъ вчера оскорбили дочь, сегодня оскорбляютъ меня ... Не сердитесь же на меня: съ вами говоритъ человѣкъ, которому вы два раза спасали жизнь ... Вы не захотите отравлять ту самую жизнь, которую два раза ...

— Но чего вы хотите отъ меня? проговорилъ Крушинскій, стараясь сохранить наружное спокойствіе.

— Не давайте пищи глупому слуху, который распространился въ городѣ: не посѣщайте насъ ... Васъ проситъ объ этомъ старикъ отецъ, который заботится о счастьи и добромъ имени своей дочери ...

— Понимаю ... Вы считаете себя обязаннымъ мнѣ и не рѣшаетесь сказать: поди вонъ! вы просите меня объ этомъ.

— Но поймите и источникъ, изъ котораго исходитъ моя просьба: въ ней нѣтъ ничего оскорбительнаго для васъ. Я васъ прошу не говорить никому о томъ, что вы оставляете нашъ домъ по моему желанію; напротивъ, своимъ знакомымъ вы можете сказать, что сами не хотите продолжать знакомство со мной ...

— Вы думаете, что этому кто-нибудь повѣритъ; вы думаете, ваше семейство не отгадаетъ настоящей причины ... но вы требуете отъ меня жертвы ... Я готовъ на нее ... Но позвольте вамъ замѣтить: вы хотѣли говорить со мной прямо и откровенно, а между-тѣмъ скрываете настоящую причину — почему выгоняете меня ... Да, вы не ошибаетесь: я люблю вашу дочь, но не хочу просить ея руки-пока не буду считать себя достойнымъ ея. Вы требуете, чтобы я ушелъ — и я ухожу. Но скажите мнѣ: неужели даже и тогда, когда вы встрѣтите меня черезъ нѣсколько лѣтъ и увидите, что я пріобрѣлъ и имя, и извѣстность, и состояніе, ради вашей дочери, — неужели и тогда вы рѣшитесь напомнить мнѣ мое происхожденіе и скажете, что я не достоинъ васъ? ...

— Я никогда не задумываю такъ далеко, молодой человѣкъ: будущее въ рукахъ Божіихъ ...

— Господи, вы даже не хотите оставить мнѣ ни малѣйшей надежды! сказалъ Крушинскій, закрывая лицо руками.

— Трудитесь, Аркадій Николаичъ, стремитесь къ славѣ и извѣстности: это васъ успокоитъ, если вы и не получите моей Нади.

Аркадій Николаичъ отнялъ руки отъ лица, покоторому текла слеза, вырвавшаяся изъ совершенно сухихъ глазъ. Нѣсколько секундъ смотрѣлъ онъ мол-

ча на Коркина, и Коркину сдѣлалось неловко отъ этого взгляда.

— Я думалъ, что у васъ добрѣе сердце! сказалъ онъ. Вы знаете, что дочь ваша любитъ меня, и выгоняете меня — я ухожу, но не перестану вѣрить въ любовь вашей дочери, буду трудиться для нея одной и придетъ время, когда я снова являюсь къ вамъ и буду уже смѣло просить ея руки ...

— Я совѣтовалъ бы вамъ лучше забыть Надежду: не вѣрьте слѣпо любви дѣвушки — она очень измѣнчива. Какъ скоро она увлеклась вами, такъ же скоро можетъ и забыть.

— То-есть вы надѣетесь заставить ее забыть меня.

— Я не знаю даже любитъ ли она васъ, да и вообще не вѣрю въ искренность и прочность женской любви ... Но мнѣ жалко васъ и я совѣтовалъ бы вамъ не тѣшить себя несбыточными мечтами: лучше постарайтесь подавить въ себѣ несчастную страсть и посвятите себя исключительно вашей службѣ, въ которой вы можете принести много пользы человѣчеству.

— Ѳедоръ Ивановичъ, неужели въ васъ въ-самомъ-дѣлѣ нѣтъ сердца? неужели вы не были молоды и не любили? ... Зачѣмъ вы смѣетесь надо мной? ... Я покоряюсь вамъ — я исполняю ваше требованіе, но, ради Создателя, не лишайте меня послѣдней надежды! оставьте мнѣ хоть что-нибудь, что бы привязывало меня къ жизни! Вѣдь, не хотите же вы быть виновникомъ несчастья всей моей жизни?

— Что вы говорите, молодой человѣкъ! Можетъ-быть, никто не желаетъ вамъ столько добра, какъ я ... но чѣмъ же я виноватъ, что судьба пос-

тавила насъ такъ различно ... Невозможнаго нельзя сдѣлать возможнымъ ...

Крушинскій схватилъ себя за голову: на лицѣ его изображалась такая душевная тоска, такая борьба, что на него страшно и жалко было смотрѣть.

— Будьте же мужественны, молодой человѣкъ, продолжалъ Ѳедоръ Ивановичъ: не падайте духомъ: у васъ столько достоинствъ, что вамъ стыдно жертвовать своей славной будущностью для какой-нибудь дѣвчонки, которая и понять васъ не въ состояніи ...

— Довольно ... не издѣвайтесь надо мной ... вскричалъ Крушинскій, быстро поднимаясь со стула, на которомъ сидѣлъ.

Онъ былъ блѣденъ, глаза его сверкали, весь онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Ѳеодоръ Иванычъ съ испугомъ смотрѣлъ на него.

— Я болѣе не прошу васъ ни о чемъ: у васъ нѣтъ сердца, вамъ не понять человѣка съ душой ... Вамъ нипочемъ разбить жизнь человѣка ради вашего самолюбія ... Прощайте ...

Нетвердыми, но скорыми шагами вышелъ Крушинскій изъ комнаты.

Катерина Михайловна вскрикнула, увидя разстроенное и искаженное душевными страданіями лицо Крушинскаго. Наденька поблѣднѣла и, забывши о присутствіи матери и тетки, бросилась къ Аркадію Николаичу и судорожно схватила его за руку.

— Что съ вами? спросила она его.

— Прощайте ... Я все сказалъ вашему отцу и онъ не далъ мнѣ ни малѣйшей надежды ...

Наденька зашаталась и почти въ безпамятствѣ прислонилась къ стѣнѣ ... Крушинскій смотрѣлъ на нее молча, почти безсонательно и даже не думалъ

о томъ, чтобы поддержать ее. Но Наденька вдругъ оживилась.

— Нѣтъ, папа добръ, онъ любитъ меня: погодите, я пойду просить его ...

— О чемъ? ... спросилъ Крушинскій, останавливая Наденьку.

— Я буду просить папа, чтобы онъ сжалился надъ нами ...

— Нѣтъ; къ чему напрасное униженье, къ чему безполезно раздражать вашего отца! ... Я поклялся, что до-тѣхъ-поръ не стану просить руки вашей, пока не сочту себя достойнымъ ея — и не измѣню своей клятвѣ ... Я ухожу теперь, не хочу, чтобы кто-нибудь могъ сказать, что я увлекалъ васъ; буду трудиться и надѣяться ... Но скажите мнѣ, Надежда, что вы любите меня и не перестанете любить ... Повторите это при всѣхъ ...

— Никогда не перестану ... проговорила Наденька, стараясь подавить слезы ... Но не уѣзжайте отъ насъ ...

— Не могу ... я долженъ ... Прощайте ...

Наденька опустила голову. Слезы тихо заструились изъ ея глазъ.

— Что за пустяки: вы останетесь! ... Стоитъ ли смотрѣть на чужія сплетни? ... вмѣшалась Катерина Михайловна. Нѣтъ, Аркадій Николаичъ, останьтесь ...

— Не могу ... Не удерживайте меня ... Прощайте, Надина ...

Крушинскій едва владѣлъ собой; голосъ его дрожалъ, не смотря на всѣ усилія, которыя онъ дѣлалъ надъ собой.

— Прощайте, Надина ... повторилъ онъ, протягивая руку къ Наденькѣ, которая плакала, не поднимала глазъ и ничего не отвѣчала Крушинскому.

Молча, съ усиліемъ подала она ему руку. Аркадій Николаичъ поцѣловалъ ее.

Когда онъ оторвалъ свой уста отъ этой руки и взглянулъ на Наденьку, грудь у него такъ сдавило, сердце такъ сжалось, что Крушинскій едва могъ дышать, едва былъ въ силахъ стоять на ногахъ; но слезъ не было на его глазахъ, горѣвшихъ лихорадочнымъ огнемъ.

Рука Наденьки упала, какъ безчувственная, лишь только Крушинскій выпустилъ ее изъ своей руки. Наденька, казалось, замерла, лишилась всякаго сознанія, или не могла двинуть ни однимъ членомъ; только слезы, струившіяся по ея щекамъ изъ закрытыхъ глазъ, и неровно колеблющаяся грудь обличали жизнь въ этомъ неподвижномъ тѣлѣ.

Катерина Михайловна горько плакала; Клеопатра Петровна безмолвно, удерживая дыханіе, во всѣ глаза глядѣла на эту сцену.

Крушинскій нѣсколько секундъ молча смотрѣлъ на Наденьку, какъ-будто хотѣлъ налюбоваться ею передъ долгой разлукой; онъ чувствовалъ, что силы его оставляютъ и спѣшилъ уйдти.

— Не забывайте меня ... Любите меня ... проговорилъ онъ едва слышно. Прощайте, Катерина Михайловна.

— Да останьтесь, ради Бога ... твердила она, заливаясь слезами. Я уговорю Ѳедора Иваныча ...

Но Крушинскій насильно взялъ ея руку, поцѣловалъ, еще разъ взглянулъ на Наденьку, сидѣвшую все въ томъ же положеніи, и быстро пошелъ вонъ изъ комнаты.

— Аркадій! ... вдругъ вскрикнула Наденька такимъ голосомъ, отъ котораго всякой нервъ задрожалъ въ Крушинскомъ, и онъ долженъ былъ ух-

ватиться за дверь, которую отворялъ, чтобы не упасть.

Наденька вдругъ поднялась со своего мѣста и стремительно бросилась къ доктору, обвила его шею руками и приложила лицо къ его груди.

— Сестрица, что же это? ... вѣдь, тутъ люди ... Подумайте, что послѣ будутъ говорить ... замѣтила Клеопатра Петровна, подойдя къ Катеринѣ Михайловнѣ. Надина, вспомни: гдѣ ты ... прибавила она, обращаясь къ племянницѣ.

Наденька мгновенно пришла въ себя отъ этихъ словъ.

— Прощай Аркадій ... Я не перестану любить тебя никогда, сказала она довольно твердымъ голосомъ, въ которомъ впрочемъ слышалось послѣднее усиліе воли.

— Уходи скорѣй ... прибавила она тихо, сжимая руку доктора.

— Дайте я васъ благословлю моимъ грѣшнымъ благословеніемъ, сказала Катерина Михайловна. Будьте здоровы и надѣйтесь на Бога.

Крушинскій уже не помнилъ что онъ дѣлалъ: безсознательно принялъ онъ благословеніе Катерины Михайловны, безсознательно надѣлъ шубу и сѣлъ въ сани ... Ямщикъ взмахнулъ кнутомъ, лошади тронулись ...

Наденька казалась спокойна. Она стояла у окна, приложивши горячій лобъ къ холодному стеклу. Она провожала глазами сани Крушинскаго; но вотъ они скрылись ... Вдругъ, давно удерживаемыя рыданія какъ-будто разорвали грудь Наденьки и вырвались наружу. Катерина Михайловна стояла возлѣ дочери и тоже плакала, не находя словъ, чтобы утѣшить ее.

Клеопатра Петровна вздумала-было взять на себя

роль утѣшительницы. Она подошла къ Наденькѣ, обняла ее и сказала:

— Ну, полно, Надина, успокойся ... Привыкай, мой ангелъ, ко всѣмъ испытаніямъ въ жизни ...

Наденька вдругъ оттолкнула тетушку.

— Оставьте меня! ... сказала она съ досадой и негодованіемъ.

Тетушка поблѣднѣла отъ злости, стиснула зубы и ушла вонъ изъ комнаты, метнувши на Наденьку свирѣпый взглядъ.

Какъ ни была огорчена и разстроена Катерина Михайловна, но она замѣтила этотъ поступокъ дочери и была обрадована и растрогана имъ до глубины души.

— Радость ты моя, сердце мое, бѣдная ты моя! ... говорила она, обнимая дочь. Тоже вздумала еще утѣшать, когда сама во всемъ виновата! ... Хороша роденька: пріѣхала незваная, непрошеная, чтобы только ссоритъ да мутить въ чужомъ домѣ!... Полно, сокровище мое, Надя, не плачь: Богъ милостивъ, все будетъ по-нашему ... Вотъ Аркадій Николаичъ прославится, отличится ... тогда все устроится ...

Но Наденька не слушала матери и рыдала неутѣшно. Между-тѣмъ Клеопатра Петровна отправилась къ Ѳедору Иванычу, который уже два раза присылалъ за женой и дочерью, но о немъ какъ-будто позабыли.

Коркинъ находился въ самомъ неопредѣленномъ расположеніи духа, когда вошла къ нему кузина. Съ одной стороны онъ былъ радъ, что такъ легко и скоро отдѣлался отъ Крушинскаго: онъ надѣялся, что урокъ, данный дочери обществомъ, и продолжительная, безнадежная разлука скоро излечатъ ее

отъ страсти. Но, въ то же время, Ѳедору Иванычу было какъ-то неловко на душѣ; правда, онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго состраданія къ доктору, хотя и понималъ отчасти его мучительное положеніе, но старику было досадно, зачѣмъ Крушинскій показалъ столько благородства. Ѳеодоръ Иванычъ понималъ, что этотъ бѣднякъ, этотъ ничтожный семинаристъ сдѣлалъ ему много добра, отвергнулъ всякое вознагражденіе и ушелъ принося тѣмъ еще новую жертву для человѣка, которому онъ спасъ жизнь и отъ котораго получилъ въ награду только одни оскорбленія ...

— Но не могу же я рисковать судьбою моей дочери! утѣшалъ себя Коркинъ. Нельзя же мнѣ подвергать себя нареканіямъ свѣта и наложить вѣчное пятно на нашу фамилію: у меня не одна дочь — есть сынъ: какъ онъ назоветъ мужа своей сестры? Да и развѣ возможно счастье при неравенствѣ брака, когда жена боится встрѣтиться съ родными своего мужа, боится заговорить при постороннихъ о своемъ свекрѣ и свекрови? ... Да и какую роль я буду играть? Неужели я долженъ протянуть руку и посадить рядомъ съ собой какого-нибудь дьячка? ...

Ѳедоръ Иванычъ даже вздрогнулъ при этой мысли.

— А эта любовь, эта страсть пройдетъ ... Мало-ли какихъ испытаній посылается въ жизнь? ... Женская любовь никогда не бываетъ вѣчна ...

О Крушинскомъ онъ не думалъ ...

— Тебя совсѣмъ позабыли! сказала Клеопатра Петровна, входя къ брату.

— Да, матушка, Богъ васъ знаетъ, что́ вы тамъ дѣлаете ...

— О, у насъ тамъ дѣлаются удивительныя вещи: хорошо, что ты не могъ всего видѣть ...

— А что̀ такое? ...

— Я разскажу тебѣ послѣ, когда ты немного оправишься отъ болѣзни и будешь въ состояніи все выслушать.

— Говори, говори смѣло: теперь уже я готовъ ко всему и ничто меня не испугаетъ ...

— Конечно, въ этомъ нѣтъ ничего новаго и особенно важнаго: продолженіе все той же несчастной исторіи, но новое доказательство, что любовь твоей дочери къ лекарю зашла очень далеко ...

— Да говори же, пожалуйста, скорѣе ... Я даю тебѣ слово перенести все терпѣливо ...

— Да, я должна сказать изъ любви къ тебѣ и Надѣ, изъ любви къ чести нашей фамиліи ... Не знаю, что такое было у васъ съ лекаремъ, но онъ вышелъ отъ тебя съ разстроеннымъ видомъ и разыгралъ роль, что хочетъ оставить твой домъ навсегда, и между-тѣмъ просилъ Надину любить его попрежнему и не забывать ... Надя, позабывши все, даже то, что на нее смотрятъ посторонніе, кромѣ Катерины Михайловны, которая, кажется, принимаетъ большое участіе въ Крушинскомъ ... Надя твоя бросилась на шею къ лекарю, и я едва въ состояніи была растолковать ей, что она не одна и что даже дворовые могутъ это видѣть ...

— Негодяй, онъ хочетъ окончательно опозорить нашъ домъ! ... проговорилъ Ѳедоръ Иванычъ, стараясь подавить въ душѣ порывъ гнѣва. Нѣтъ, онъ не стоилъ, чтобы съ нимъ такъ обращались: его просто слѣдовало выгнать изъ дома ... Значитъ онъ все-таки надѣется когда-нибудь быть моимъ зятемъ ...

— О, конечно: это было ясно изъ его разговора съ Надиной ...

— Ну, я знаю, какъ разувѣрить его въ этомъ ... Но, посовѣтуй, что мнѣ дѣлать съ Наденькой ... Я совсѣмъ потерялъ голову ...

— По моему, главное теперь въ томъ, чтобы удалить Крушинскаго и лишить Надю всякой возможности имѣть съ нимъ какія-либо сношенія ... А тамъ увидимъ ...

— Но развѣ ты думаешь, что они видаются втайнѣ или переписываются? ... спросилъ Ѳедоръ Иванычъ, поблѣднѣвъ отъ внутренняго волненія.

— Я не могу сказать навѣрно, но подозрѣваю: дѣвушка не бросится на шею къ мужчинѣ, если она не успѣла признаться ему въ любви ...

— Но какимъ же образомъ можетъ это быть? гдѣ и черезъ кого? ...

— Нячего не знаю, братъ ... Можетъ-быть, не знаетъ ли Катерина Михайловна: она очевидно принимаетъ въ Крушинскомъ участіе ...

— Но, послушай, сестра: неужели же мать рѣшится на это? ... Это страшно и предполагать ...

— О, полно, кузенъ, я ничего не предполагаю ... Ты лучше знаешь свою жену.

Злая улыбка пробѣжала по тонкимъ губамъ Клеопатры Петровны. Ѳедоръ Иванычъ угрюмо задумался.

— Посылаетъ же судьба подобныя испытанія ... проговорилъ онъ, какъ-бы бесѣдуя самъ съ собою.

— Да, кузенъ, я вполнѣ постигаю всю тягость твоего положенія ... Но ты, кажется, утомился: не успокоиться ли тебѣ ...

— Нѣтъ, ничего... Да что же дѣлаютъ тамъ мои? ...

— Обѣ плачутъ! ... отвѣчала Клеопатра Петровна съ особенной улыбкой, которая появляется только на устахъ женщины раздраженной и желающей дразнить и друзей и недруговъ.

Затѣмъ послѣдовало молчаніе. Ѳедоръ Иванычъ размышлялъ; по лицу его пробѣгало облако грусти, досады и негодованія. Вдругъ онъ попросилъ кузину проводить его въ кабинетъ и сказать женѣ и дочери, чтобы онѣ не входили къ нему, пока онъ не позоветъ.

— Что ты хочешь дѣлать? спросила любопытная тетушка.

— Хочу отдохнуть и успокоиться немного: ихъ присутствіе и слезы могутъ меня совершенно разстроить, а мнѣ надобно собраться съ духомъ, чтобы рѣшиться на что-нибудь.

Клеопатра Петровна передала Катеринѣ Михайловнѣ слова ея мужа. Наденька была рада, что могла уйдти въ свою комнату и тамъ на свободѣ предаться своему горю. Катерина Михайловна не переставала утѣшать ее, хотя и безполезно.

Между тѣмъ, оставшись одинъ, Ѳедоръ Иванычъ приказалъ подать себѣ бумаги и чернилицу. Онъ рѣшился кончить все однимъ разомъ и писалъ къ Крушинскому:

„Мнѣ кажется, вы не ясно поняли меня, мой любезный. Мнѣ показалось, что вы уѣхали отъ насъ съ разными несбыточными надеждами. Долгъ честнаго человѣка обязываетъ меня объясниться съ вами прямо и сказать, чтобы вы оставили всѣ свои мечты. Даю вамъ слово, что пока я живъ, никогда не осуществятся ваши желанія; но и умирая я не дамъ на то благословенія. Вспомните, что судьба выше человѣческихъ прихотей — и я не виноватъ, что родился не въ томъ обществѣ, къ которому вы принадлежите, и если въ вашу душу закралась несчастная страсть, то, конечно, виноватъ въ этомъ также не я. Я думалъ, что вы уѣзжаете отъ насъ съ на-

мѣреніемъ побѣдить въ себѣ чувство, на которое не имѣли никакого права — и былъ несказанно вамъ благодаренъ, уважалъ васъ и считалъ человѣкомъ примѣрно честнымъ и благороднымъ; но теперь узнаю, что вы не оставляете вашихъ надеждъ и желаете оставить въ душѣ дѣвушки пагубное впечатлѣніе, которое въ немъ сдѣлали и которое не можетъ повести ни къ чему доброму. И потому, повторяю вамъ, что вы мечтаете напрасно и поступаете неблагородно, ибо хотя вы и вылечили меня отъ тяжкой болѣзни, но вы же и хотите отравить мою жизнь. Я почитаю себя вамъ много обязаннымъ и готовъ возблагодарить всѣмъ, чѣмъ угодно, но не судьбою моей дочери, которая для меня дороже самой жизни. При этомъ покорнѣйше прошу васъ объявить мнѣ ваши требованія за двукратное излеченіе меня отъ болѣзни — и я напередъ соглашаюсь на удовлетвореніе таковыхъ, дабы я не могъ думать, что вы и прежде не принимали отъ меня денежнаго вознагражденія для того, чтобы воспользоваться моимъ передъ вами обязательствомъ, увлечь сердце неопытной дѣвушки и черезъ то возмутить спокойствіе цѣлаго семейства. Признаюсь вамъ, что это предположеніе невольно приходитъ мнѣ въ голову, хотя я и желалъ бы выгоднѣе думать о васъ; но согласитесь сами: не должны ли бы вы были стараться удалиться отъ дѣвушки, которая вамъ нравилась, но съ которою вы никогда не могли надѣяться вступить въ бракъ, зная разстояніе, существующее между вами и ея семействомъ. Впрочемъ, не останавливаюсь на этомъ предположеніи и желаю лучше видѣть въ васъ честнаго человѣка, а потому съ нетерпѣніемъ ожидаю отвѣта вашего, дабы принести должную благодарность за услуги, ока-

занныя вами мнѣ, и не имѣть права думать, что вы отказывались прежде отъ денежнаго вознагражденія съ другою недостойною цѣлью. — Повторяю, что я готовъ исполнить всѣ ваши требованія, какъ бы они не были велики, но прошу васъ оставить всякую надежду на полученіе когда либо руки моей дочери, ибо въ этомъ не одна моя воля, но воля судьбы, давшая намъ различное происхожденіе, которое не можетъ уравнять ничто въ мірѣ, поставившая насъ на различныхъ распутьяхъ, по которымъ мы никогда не можемъ идти вмѣстѣ".

Запечатавши это письмо, Ѳедоръ Иванычъ позвалъ одного изъ слугъ и приказалъ ему свезти его къ Крушинскому, строго запретя не только показывать письмо кому-либо изъ домашнихъ, но даже и не говорить, что оно посылается.

— Я тутъ пишу о своей болѣзни: не надо, чтобы барыня знала. Храни тебя Богъ, если разболтаешь. Отвѣтъ, если будетъ, подать мнѣ также потихоньку, чтобы никто не видалъ. Слышишь: сдѣлать такъ, какъ приказываю, а то — берегись! подтвердилъ Ѳедоръ Иванычъ. Онъ хотѣлъ считать себя совершенно правымъ въ настоящемъ случаѣ, поступающимъ по совѣсти и чести, но какое-то смутное чувство говорило ему, что письмо его жесточайшая неблагодарность, что онъ поступаетъ недостойно и неблагородно съ человѣкомъ, ничего ему не сдѣлавшимъ, кромѣ одного добра; но онъ не хотѣлъ слушать этого внутренняго голоса. — Я спасаю дочь! твердилъ онъ самому себѣ. Я не могу иначе поступить: должно кончить все однимъ разомъ. Если Крушинскому тяжело будетъ разстаться съ своей страстью, то самъ виноватъ: долженъ былъ остановить ее въ началѣ. Но онъ негодяй и не достоинъ

состраданіа: онъ зналъ, что не можетъ вступить въ наше семейство и хотѣлъ увлечь и соблазнить дѣвчонку. Можетъ-быть, онъ даже разсчитывалъ на ея большое приданное ... Чего добраго ждать отъ такого человѣка!

Успокоивши тикими доводами свою возмутившуюся совѣсть, Ѳедоръ Иванычъ позвалъ къ себѣ жену.

— Послушай, Катерина Михайловна, сказалъ онъ ей неожиданно суровымъ тономъ: что ты, убить меня хочешь, схоронить заживо? ...

— Что такое? съ непритворнымъ испугомъ спросила она.

— Что такое! ... То, что ты не дорожишь нашимъ добрымъ именемъ, для тебя ничего не значитъ честь нашей фамиліи, счастье нашей дочери ... Или ты думаешь, что пріучила уже меня все переносить, что имя мое, по твоей милости, уже достаточно опозорено, что никакое новое пятно не будетъ на немъ замѣтно ...

— Да что ты такое говоришь, Ѳедоръ Иванычъ? побойся Бога! Что я такое сдѣлала?

— Ты знала о любви Надежды къ Крушинскому: отчего ты не сказала мнѣ объ этомъ? ... И вмѣсто того, чтобы стараться на первыхъ же порахъ уничтожить эту постыдную для нашей дочери связь, ты еще покровительствовала ей, старалась сблизить свою дочь съ семинаристомъ, сыномъ дьячка. Что, ты считала, что ли, эту родню болѣе приличною для себя, нежели какую-нибудь другую получше? ... И ты позволила своей дочери потерять стыдъ и совѣсть до такой степени, что она, въ глазахъ твоихъ, бросилась на шею къ этому негодяю! ... Подумай: неужели ты похожа на мать? неужели такъ заботятся матери о счастьи своихъ дѣтей? ...

Катерина Михайловна упала духомъ: неожиданность и суровый тонъ мужа поразили и испугали ее: она ударилась въ слезы.

— Стыдись, стыдись, сударыня, продолжалъ Ѳедоръ Иванычъ, ты готова была пожертвовать своею дочерью и честью нашего имени, Богъ знаетъ, для кого ... И какъ недостойно, какъ низко скрывала ты все отъ отца, отъ мужа, не совѣстилась обманывать старика- мужа въ угодность мальчишкѣ, семинаристу, который имѣлъ виды воспользоваться нашимъ состояніемъ ... Неужели ты думаешь, что онъ способенъ безкорыстно любить Надю? ... Нѣтъ, его льстило попасть въ наше семейство, взять дѣвушку, столбовую дворянку съ богатымъ состояніемъ ...

— Нѣтъ, онъ не таковъ: онъ любить Надю ... рѣшилась проговорить Катерина Михайловна.

— Молчи, не раздражай меня, не убивай въ конецъ ... Я лучше тебя знаю людей, и вотъ что я тебѣ скажу: скорѣе рѣшусь я умереть, нежели принять срамъ на свою голову, скорѣе дочь моя уйдетъ въ манастырь, нежели выдетъ замужъ за такого человѣка ... Я знаю, ты рада бы уморить меня поскорѣе, чтобы получить полную свободу и жить такъ, какъ тебѣ хочется ... Я ужъ привыкъ отъ тебя все переносить, но не позволю играть судьбой моей дочери ...

Ѳедоръ Иванычъ чѣмъ больше говорилъ, тѣмъ больше раздражался: весь гнѣвъ его, все негодованіе, вся досада, волновавшія его съ самаго утра этого несчастнаго дня, излились теперь на жену. Рыданія Катерины Михайловны готовы были превратиться въ истерику.

— Плачь, плачь, ты должна плакать за всѣ тѣ страданія, которыя я переносилъ отъ тебя, за всю

твою прошлую жизнь, за то, что ты хотѣла погубить даже дочь ...

Но есть мѣра для всего. Катерина Михайловна, наконецъ, вышла изъ терпѣнія, слезы ея не высохли, рыданія не прекратились, но страхъ прошелъ, гнѣвъ заступилъ его мѣсто.

— Нѣтъ, ты хочешь погубить дочь, а не я! возразила она крикливымъ голосомъ. Еще увидимъ, что будетъ съ ней ... Ты не знаешь, какъ она любитъ Крушинскаго: ты, можетъ-быть, убьешь ее ...

— Пусть лучше же она умретъ, нежели стыдитъ меня собою ... Но если она и умретъ, такъ въ этомъ будешь виновата ты. а не я, потому-что ты не умѣла остановить ее вò-время, скрывала отъ меня и подстрекала ея страсть ... Я знаю: ты готова даже доставлять тайныя свиданія дочери съ ея любовникомъ, изъ боязни, что она умретъ отъ любви ... Но довольно ... Ступай отсюда ... Я тебѣ сказалъ все, что лежало на душѣ: если станетъ у тебя совѣсти, то губи дочь окончательно, покровительствуй ей во всемъ, но одна отвѣчай за нее передъ Богомъ ... Впрочемъ знай и то, что, пока я живъ, ты будешь отвѣчать за дочь и предо мною ... Больше мнѣ нечего говорить: ступай отсюда; дай мнѣ отдохнуть послѣ всѣхъ тѣхъ радостей, которыя ты мнѣ доставила ...

— Ты безжалостный, жестокій человѣкъ! ... проговорила Катерина Михайловна. Я знаю, кто тебя вооружилъ противъ меня: все твоя же родня! ... Богъ тебя накажетъ прежде меня ...

— Дай же мнѣ отдохнуть: вспомни хоть то, что я еще боленъ ...

— Я сама больна по твоей милости ... Богъ съ тобой! ...

И всхлипывая, охая и стоная, вышла Катерина

Михайловна изъ комнаты, въ которой лежалъ больной Ѳедоръ Иванычъ. Рыданіями оглашала она всѣ тѣ комнаты, черезъ которыя проходила до своей спальни, куда тотчасъ же явилась неизмѣнная Глафира.

— Что вы, матушка? Матушка, Катерина Михайловна, о чемъ такъ изволите убиваться? ... спрашивала Глафира.

— Господи, что я за несчастная женщина! Несчастная, самая несчастная! ... Зачѣмъ я только на свѣтѣ живу! Лучше бы ужъ издохнуть поскорѣе! ...

— Ай, что-то вы, матушка, Катерина Михайловна, что вы изволите говорить? ... Да кому же и жить, коли не вамъ! Да мы-то куда же всѣ безъ васъ дѣнемся? ...

— И это вѣчно: какъ только кому хочу сдѣлать добро, непремѣнно остаюсь я во всемъ виновата.

— Да что такое, матушка, что у васъ произошла за непріятность съ бариномъ?

— Ну, что спрашиваешь: точно не знаешь! съ сердцемъ отвѣтила Катерина Михайловна: я думаю, все ужъ давно за дверями подслушала, и спрашиваетъ ... Терпѣть я не могу этихъ хитростей ...

— Да какъ прикажете, сударыня, я и спрашивать и докладывать ничего не стану: не буду васъ безпокоить, коли не угодно ... проговорила Глафира, ужимая губы и стараясь придать своей физіономіи самый невинный и простодушный видъ.

— Ну, ты еще меня хочешь раздражить: не знаешь моего характера ... Видитъ, что барыня раздражена, такъ чѣмъ бы успокоить, она еще больше поддразниваетъ: начинаетъ грубости говорить ... Господи, что за народъ! ... Поди, пошли Надю ...

Наденька вошла унылая, печальная и блѣдная, но уже безъ слезъ: онѣ изсякли, и въ душѣ ея оста-

лась какая-то пустота и тяжелая мучительная тоска. Молча вошла она къ матери.

— Ну, Надежда Ѳедоровна, сказала Катерина Михайловна: за васъ мнѣ сейчасъ такъ досталось, мнѣ то̀ наговорили, что я въ жизнь свою не слыхала ... Нѣтъ, ужъ мнѣ не по силамъ и не по комплекціи переносить все это ... Дѣлай теперь сама, какъ знаешь: ото всего отказываюсь ... Нѣтъ, ужъ будетъ съ меня! ... Всю жизнь я страдаю, цѣлый вѣкъ переношу только одни оскорбленія и не вижу ни отъ кого любви ... А теперь бранять ужъ и за то, что дочь люблю, что дочь не желаю уморить ... Да и по дѣломъ мнѣ, дурѣ: не будь добра, люби только себя одну — гораздо лучше ... Во всемъ я виновата: и въ томъ, что дочь полюбила не того, кого слѣдовало, и въ томъ, что нашлись добрые люди, которые насъ оскорбляютъ ... Я не смотрю за дочерью, я подстрекаю дочь влюбляться, я доставляю тайныя свиданія, я заставила дочь броситься на шею къ молодому человѣку ... Да что это? ... Это адская жизнь! ... Послѣдняя горничная дѣвка живетъ лучше меня ...

Катерина Михайловна могла сантиментальничать, нѣжничать, болѣе или менѣе искренно сочувствовать страданіямъ любимаго человѣка, утѣшать его словами и слезами, оказывать помощь и покровительство, но она не умѣла, не имѣла ни малѣйшей способности страдать за любимаго человѣка. До-сихъ-поръ, до сорока-лѣтняго возраста, она оставалась чувствительнымъ, ласковымъ, пожалуй добрымъ, но капризнымъ, безхарактернымъ и слабымъ ребенкомъ, который бьетъ и щиплетъ, и идетъ жаловаться матери на свою любимую няньку, которую за минуту ласкалъ, и за которую плакалъ, когда ее бранили. Катерина

Михайловна вымещала на Наденькѣ свое огорченіе и нерасположеніе душевное; была на столько малодушна, что хотѣла показать дочери, какъ она страдаетъ изъ любви къ ней, и не понимала того, что каждое ея слово дѣлало новую рану въ больномъ сордцѣ бѣдной дѣвушки. Наденька молча, опустивши голову, слушала мать и чувствовала, что она одинока, совершенно одинока, что у нея нѣтъ друзей, нѣтъ защитниковъ, что она не можетъ подѣлиться своими чувствами, своимъ горемъ даже съ матерью, въ которую она начинала-было вѣрить ... И еще тяжелѣе становилось у нея на сердцѣ.

Катерина Михайловна ожидала, что Наденька станетъ утѣшать и успокаивать ее, что она смѣшаетъ свои слезы со слезами матери, проливаемыми за нее же — и раздражилась еще болѣе отъ упорнаго молчанія Наденьки.

— Вотъ теперь такъ молчишь, не умѣешь и успокоить мать, не хочешь сказать и спасибо за то, что она для тебя дѣлала! ... Мать оттерпится, мать можетъ все перенести! ... Не я ли въ-самомъ-дѣлѣ виновата въ томъ, что ты влюбилась въ лекаря? ... Ужъ говори и ты, что я во всемъ виновата ...

Катерина Михайловна ожидала отвѣта, разумѣется, отрицательнаго, но Наденька оставалась какъ-будто глуха и нѣма; и только лишь, чѣмъ больше говорила мать, тѣмъ блѣднѣе становилось ея лицо и тѣмъ яснѣе выражались на немъ душевныя страданія. Смутно понимала Наденька что, Катерина Михайловна должна была бы говорить съ нею инымъ языкомъ, что мать не такъ ее любитъ и сочувствуетъ, какъ она предполагала; притомъ мысли ея невольно обращались къ ея собственному горю — какъ-будто она прислушивалась къ страданіямъ своего сердца, и

наконецъ эти страданія были такъ тяжелы, такъ давили ее, что она не находила никакихъ словъ, чтобы отвѣчать матери, не имѣла силъ, сдѣлать даже притворное движеніе ласки или участія, чтобы успокоить ее. Катерина Михайловна была слишкомъ эгоистка и слишкомъ малодушна и легкомыслена, чтобы въ минуту собственнаго огорченія понять такія сложныя страданія дочери.

— Ну, что стоишь, какъ истуканъ! сказала она, рѣшительно разсерженная ея молчаніемъ: поди лучше въ свою комнату ... Видно такая судьба матери: всегда страдать и не видѣть ни благодарности, ни участія ... Ну, что стоишь? ... ступай! ... развѣ я тебя для этого позвала, чтобы ты постояла тутъ молча? ...

Наденька машинально исполнила приказаніе матери и пошла въ свою комнату.

Черезъ нѣсколько минутъ къ ней явилась туда Глафира.

— Ну, что подгорюнились, моя горлинка? скучно? ... Вѣдь, ничего, мое счастье: маменька не отъ сердца гнѣвались, а что имъ самимъ очень горестно сдѣлалось ... Вы этимъ не безпокойтесь. Это пройдетъ: я ужъ знаю маменькинъ характеръ ...

Наденька ничего не отвѣчала.

— Да изъ за чего у папеньки съ маменькой вышла вся эта непріятность? продолжала Глафира. Не изъ-за письма ли, что папенька послали сейчасъ къ лекарю-то?

— Какое письмо? ... живо спросила Наденька.

— А, вотъ вы бы и не знали, кабы не я, и маменька-то не знаютъ еще ... А кто все узнаетъ, что до моего ангела касается, какъ не старая нянька ... Какъ же, вѣдь папенька писали письмо къ нему и

отослали съ Тихономъ, да строго запретили никому не сказывать про него ... А передъ этимъ была у нихъ тетинька-то ваша, да все разсказала, какъ вы прощались съ лекаремъ ... Папенька-то очень разсердился, что вы къ нему на шейку-то бросились ... Я мимо проходила, невзначай, такъ все и слышала ... А тутъ ушли въ кабинетъ, да это письмо стали писать: ужь не знаю объ чемъ ...

Это извѣстіе прибавило для Наденьки еще новое безпокойство.

— Вотъ то-то моя радость, вы бы и не знали, кабы не я ... Да довѣрьтесь вы мнѣ со всей вашей душой: неужто ужь вы думаете я промѣняю васъ на кого? ... Вотъ, теперь хоть бы, приведись когда къ Аркадію Николаичу, когда нужно что̀ сказать, али передать ... Радость моя, неужто мнѣ легче будетъ смотрѣть, какъ вы сохнуть-то станете? ... Вѣдь я вижу и понимаю, мое счастье милое, что у васъ теперь только и мысли, что о немъ, а вѣдь папенька-то ему отъ дома что ли отказали ... такъ можетъ когда захотите записочку написать ... Ужъ только позовите няньку, да попросите — все сдѣлаю, все покрю̀ю, знаку не дамъ ...

— Няня, да что ты ко мнѣ привязываешься? Никогда никому я писемъ писать не стану и тебя ни о чемъ не попрошу — будь увѣрена. Ужъ я говорила тебѣ нѣсколько разъ: не надо мнѣ отъ тебя никакихъ услугъ.

— Да какъ? ... гдѣ ужъ! ... попросите ли няньку: другія есть довѣренницы! ... Ну, барышня, Богъ съ вами: выводила я васъ, выняньчила, и теперь рада за васъ душу положить, да не угодна нянька ... другія лучше стали! ... Много ли я пошла да разсказала маменькѣ, что знаю да видѣла.

— Ну, нянька, поди вонъ ... сказала Наденька. Разсказывай что хочешь и кому хочешь — мнѣ все равно ... только не мучь, не надоѣдай ...

— Уйду, уйду, сударыня ...

Нѣсколько минутъ впрочемъ стояла она неподвижно и не сводя глазъ съ Наденьки, какъ-будто поддразнивала ее. Непріятное лицо ея сохраняло спокойствіе, за то хитрые и проницательные глаза блестѣли скрытой злобой.

— Не печальтесь, барышня, сказала она наконецъ, видя, что Наденька съ тоскливымъ движеніемъ судорожно схватила себя руками за голову: — не печальтесь, горемъ бѣдѣ не поможешь ... Видно такая ваша судьба: поперегъ папенькиной воли нельзя идти ...

И спокойно поправивши воротничекъ на шейкѣ Наденьки, Глафира удалилась.

Наденька, оставшись одна, предалась грустнымъ думамъ, вся безъ сопротивленія отдалась гнетущей тоскѣ. Ее безпокоилъ особенно вопросъ: что за письмо послалъ отецъ къ Крушинскому? ... что въ этомъ письмѣ: — новое ли горе, или какое-нибудь утѣшеніе для нихъ обоихъ? ... Но можно ли ждать какой-нибудь радости, какого-нибудь утѣшенія, когда повидимому все возстало противъ ея любви, противъ ея счастья?

Тихонъ къ вечеру привезъ Ѳедору Иванычу отвѣтъ отъ Крушинскаго. Прочитавши письмо, Коркинъ судорожно разорвалъ его на мелкія части и сдѣлался угрюмѣе прежняго. Съ Наденькой онъ держалъ себя какъ-то не ровно: то былъ очень ласковъ, то холоденъ и сухъ, и часто искоса и молча поглядывалъ онъ на блѣдное, унылое лицо дочери. Казалось, онъ затруднялся, въ какія отношенія дол-

женъ стать къ дочери послѣ всего происшедшаго; хотѣлъ отгадать, что происходитъ у нея въ душѣ, но боялся завести съ нею прямой разговоръ и уклонялся отъ всякого воспоминанія о Крушинскомъ и о всемъ, что относилось къ нему.

Катерина Михайловна захандрила, по-прежнему объявила себя больною, охала и дулась на мужа и сестру, капризничала и придиралась къ прислугѣ.

Клеопатра Петровна сохраняла приличное спокойствіе, но была молчалива. Вообще, все семейство находилось въ очевидномъ разладѣ, какъ всегда бываетъ послѣ какого-нибудь семейнаго переворота, когда всѣ члены семьи носятъ въ душѣ различныя ощущенія и чувствуютъ, что ихъ взаимныя отношенія должны измѣниться, а вновь еще не установились.

III.

Мудрено и почти невозможно передать и объяснить словами ту тоску человѣка, которая гнететъ и давитъ, и въ тоже время рветъ на части сердце, когда кажется страдальцу, что онъ готовъ каждую минуту этой муки душевной искупить цѣлымъ годомъ физическихъ страданій; когда человѣкъ, даже тепло вѣрующій, готовъ проклинать день и часъ своего рожденія, когда онъ напрасно силится вырваться изъ-подъ давящаго его гнета и только изнемогаетъ въ безполезной и неровной борьбѣ ... Счастливые тѣ люди, которымъ не привелось испытать этой душевной невзгоды, которые легко отряхаютъ съ себя всякую печаль, весело идутъ искать въ жизни новыхъ радостей и только улыбаются или пожимаютъ плечами, слушая повѣсть о чужихъ страданьяхъ ... И мы не беремся разсказать — что происходило въ душѣ бѣднаго Крушинскаго, когда онъ разстался

съ домомъ Коркиныхъ: пусть всякій, по своему, объясняетъ себѣ его состояніе душевное. Но роковая тоска легла ему на сердце и напрасно онъ старался утѣшить себя надеждою на возможность будущаго счастья ... Безсознательно бродилъ онъ по своей маленькой квартирѣ, терзаемый этой душевной болѣзнью, когда Флегонтовъ подалъ ему письмо отъ Коркина. Невольно вздрогнулъ онъ, распечатывая это письмо. Съ первыхъ же строкъ потемнѣло у него въ глазахъ. Крушинскій на нѣсколько минутъ потерялъ даже способность понимать и безсмысленно повторялъ слова, которыя пробѣгали передъ его глазами. Даже Флегонтовъ, который остановился у дверей, въ ожиданіи приказаній, испугался выраженія лица своего барина и догадался, что надо подать ему воды.

Мало-по-малу Крушинскій получилъ способность понимать и, когда кончилъ письмо, на лицѣ его выступили багровыя пятна, глаза сверкали какимъ-то особеннымъ горячешнымъ огнемъ и весь онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Человѣку-то ждать? спросилъ Флегонтовъ.

— Ждать ... Дай сюда ...

— Чего? ...

— Что? спросилъ Крушинскій, какъ бы въ бреду.

— Чего приказывали подать? ...

Аркадій Николаичъ не отвѣчалъ и сѣлъ къ письменному столу; схватилъ листъ бумаги, хотѣлъ писать и не могъ: дрожащія руки ему не повиновались ... Глухой, болѣзненный стонъ вырвался изъ груди его. На флегматическомъ лицѣ Флегонтова изобразилось состраданіе.

— Отослать бы человѣка-то ... послѣ бы написали, произнесъ онъ, въ видѣ предположенія.

Отвѣта не было. Крушинскій нѣсколько минутъ оставался все въ одномъ положеніи, потомъ опять взялъ письмо Коркина, прочиталъ его и судорожно схватилъ перо. Гнѣвъ заговорилъ въ его сердцѣ сильнѣе другихъ чувствъ — и онъ могъ писать.

„И вы считали себя человѣкомъ, писалъ онъ; вы думаете, что у васъ есть сердце, есть любовь къ кому-нибудь, кромѣ себя? ... Вамъ, сѣдому, почтенному старику, не совѣстно оскорблять человѣка, и безъ того убитаго, ничтожнаго въ вашихъ собственныхъ глазахъ ... Вы нетолько рѣшаетесь отнять послѣднюю мечту о счастьи у человѣка, — счастье котораго зависитъ отъ васъ, — но еще тѣшитесь его страданіями, оскорбляете его, хотите отнять послѣднее и единственное его достояніе — честь и человѣческое достоинство. Понимаете-ли вы на что рѣшились посягнуть? ... Оскорблять, топтать ногами человѣческое достоинство — то же святотатство, то же оскорбленіе святыни ... Неужели вы не понимаете, что на какой бы низкой степени ни стоялъ человѣкъ въ обществѣ, онъ имѣетъ такое же право, какъ и вы, на уваженіе къ своему человѣческому достоинству? Или васъ не учили этому, или съ другими мыслями пустили васъ идти по той дорогѣ, по которой вы такъ гордо идете и которую такъ отличаете отъ путей для прочихъ смертныхъ? ... И неужели васъ долженъ научить этому человѣкъ, на котораго вы смотрите съ такимъ презрѣніемъ и котораго считаете себя въ правѣ оскорблять безнаказанно ... Я зналъ, что вамъ не понять какимъ образомъ наука и образованіе могутъ не только возвысить до васъ, но и поставить гораздо васъ выше человѣка самаго низкаго происхожденія — и хотѣлъ вамъ доказать это на дѣлѣ, а потомъ уже просить руки вашей до-

чери. Но вы испугались даже мысли одной когда-нибудь породниться съ сыномъ дьячка — и спѣшите оскорбить его, опозорить, навязать ему скверныя побужденія даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ вамъ казался честнымъ человѣкомъ; хотите показать, что вы не вѣрите въ возможность благородства душевнаго въ такомъ человѣкѣ. А между-тѣмъ, гдѣ ваша собственная честь, ваше собственное благородство? Человѣкъ спасъ вамъ жизнь — и развѣ онъ требовалъ отъ васъ за это какой-нибудь награды, развѣ не говорилъ онъ вамъ, что не считаетъ васъ себѣ обязаннымъ, съ какой же стати вы предлагаете ему денегъ? ... А, вы хотите выкупить у него его любовь къ вашей дочери? ... Да за все ваше состояніе онъ не отдастъ вамъ капли своей чести! ... И какими деньгами вы купите у вашей дочери ея любовь къ этому ничтожному, опозоренному вами человѣку ... Вы лишаете меня надежды на настоящее и будущее счастье, но вы не вырвете изъ моей души любви къ вашей дочери, точно также, увѣренъ, не убьете и ея любви ко мнѣ. Я больше вашего люблю вашу дочь, больше вашего понимаю ее — и потому вѣрю ей. Я понимаю, что судьба моя въ вашихъ рукахъ, но вы видите: я не преклоняюсь передъ вами, не хочу просить у васъ пощады, чтобы вы не подумали, что я ожидаю отъ васъ какой-либо награды ... Поймите же, что я считаю себя достойнымъ уваженія, какъ человѣкъ, и что меня нельзя оскорблять никакимъ недостойнымъ предложеніемъ. Вы — отецъ, и если любите дочь свою, вы сами знаете, что вамъ нужно дѣлать, а для себя, чего бы мнѣ это не стоило, я не хочу отъ васъ никакой милости, никакого снисхожденія ... Понимаете ли вы, сумѣете ли вы понять, что вамъ это говоритъ человѣкъ, жизнь кото-

раго, можетъ-быть, зависитъ отъ вашего одного слова. Я вамъ все готовъ простить и прощаю, какъ старику и отцу Надежды Ѳедоровны, но отвѣчаю теперь, какъ человѣкъ, котораго вы рѣшились оскорблять только потому, что онъ низкаго происхожденія, забывая, что онъ уже возвышенъ и облагороженъ образованіемъ, — что онъ уже во всемъ равенъ вамъ ... Если можете — вы поймете и оцѣните меня: если нѣтъ — значитъ и прежде, какъ теперь, мнѣ нечего было надѣяться на счастіе ... Пусть будетъ воля Божія ...

Перечитавши письмо свое Крушинскій нѣсколько минутъ былъ въ нерѣшимости: посылать его или нѣтъ? Ему становилось страшно при мысли, что этимъ письмомъ онъ, можетъ-быть, окончательно лишаетъ себя послѣдней надежды: любовь, всегда робкое, малодушное чувство, располагаетъ душу къ легковѣрію и надеждамъ самымъ смутнымъ и несбыточнымъ. „Не лучше ли было мнѣ, думалъ Крушинскій, перенести великодушно оскорбленія старика, не лучше ли обратиться къ нему со слезами, просьбами, униженіемъ: можетъ-быть, онъ сжалился бы надо мной? ...“ Но оскорбленная гордость — чувство болѣе трезвое, болѣе рѣшительное: оно взяло верхъ. Крушинскій запечаталъ письмо и отдалъ слугѣ Коркина для доставленія барину. Дѣло сдѣлано, гордость удовлетворена, но сердцу не стало легче: тоска охватила его съ большею силою ... бѣдный Крушинскій сталъ рабомъ ея: ничѣмъ не могъ себя успокоить, ничѣмъ заняться, голова не вязала двухъ мыслей, книга падала изъ рукъ. Такъ прошло два тяжелыхъ дня; наконецъ Аркадій Николаичъ захворалъ. Это не была какая-нибудь опредѣленная болѣзнь, но общее разнеможеніе всего тѣла, часто сопровождающее силь-

ныя нравственныя потрясенія, слѣдующее за душевнымъ разстройствомъ.

На третій день утромъ къ Крушинскому пришелъ Добраго. Капитанъ, послѣ извѣстной размолвки съ Бандуровымъ, былъ, какъ говорится, самъ не свой. Онъ не любилъ уже князя и чувствовалъ какую-то пустоту въ сердцѣ. Нѣсколько дней никуда не выходилъ капитанъ; бродилъ по своей маленькой квартирѣ, посвистывалъ, покуривалъ трубочку, бралъ въ руки памятную книжку изъ свода военныхъ постановленій, разговаривалъ съ своимъ Камрадомъ, осматривалъ и чистилъ любимое ружье, но все было скучно, а идти въ гости никуда не хотѣлъ, чтобы не встрѣтиться съ княземъ, пока не улегся въ душѣ гнѣвъ противъ него. Наконецъ и до капитана дошелъ слухъ, мгновенно распространившійся по городу, о помолвкѣ Бандурова на Хрящевой.

— Ну его!.. туда ему и дорога! подумалъ Добраго. Не стоитъ онъ той барышни, а эта ему настоящая пара...

Но между-тѣмъ эта помолвка служила для капитана новымъ доказательствомъ легкости характера, непостоянства и пустоты князя.

— И за что я его любилъ, думалъ капитанъ, и какъ мнѣ было не стыдно дѣлать отъ него предложеніе Коркинымъ? ... Я думаю, тамъ какъ меня бранятъ ... Только всѣхъ разстроилъ ... А, вѣдь, я и передъ Крушинскимъ виноватъ ... Если бы не этотъ случай, можетъ быть, онъ былъ бы счастливъ ...

Съ такими мыслями онъ отправился къ доктору.

— Что вы, докторъ ... гм ... нездоровы? спросилъ его Добраго.

— Почему вы думаете?

— Такъ, лицо ваше ... гм ... показываетъ ... Вы на меня ... гм ... не сердитесь! ...

— Помилуйте, за что, капитанъ ...

— А что этотъ ... князь, написалъ письмо на счетъ васъ ... гм ... гм ... Вы слышали? ...

— А вы развѣ тоже знаете объ этомъ? спросилъ Крушинскій, вспыхнувъ.

— Я знаю ... гм ... только я, докторъ, я не совѣтывалъ ... гм ... Я даже раззнакомился съ княземъ за это ... Мы больше не знакомы ...

— Вашъ князь — величайшій подлецъ! проговорилъ Крушинскій.

Добраго тяжело вздохнулъ.

— Я ошибался въ немъ ... Я прежде .. гм ... не думалъ, что онъ такой ... Теперь ... гм ... гм ... Капитанъ не договорилъ фразы и махнулъ рукою.

— А вы меня, докторъ, простите, если я передъ вами ... Я думалъ, что онъ ... точно влюбленъ и желаетъ вступить въ законный бракъ ... Онъ меня увѣрилъ, что она ... гм ... тоже къ нему чувствуетъ любовь ... Вы не подумайте, чтобы я хотѣлъ что-нибудь противъ васъ ... Сохрани меня Богъ ... гм ... гм ... Я по его просьбѣ ѣздилъ дѣлать предложеніе ... гм... Конечно, не хорошо, потому что онъ такой дурной человѣкъ ... вѣтреный ... да я, любя его ... гм ... Что жъ? ... я ошибался въ немъ ... А противъ васъ, докторъ, я никогда не хотѣлъ поступать ...

— Капитанъ, да я и не сѣтую на васъ ни въ чемъ ... Я понимаю васъ и знаю, что вы не способны ни на что дурное ... Мнѣ даже и въ голову не приходило обвинять васъ ... Что вы это? ... Полноте же, капитанъ ...

Крушинскій дружелюбно протянулъ руку Добраго и тотъ крѣпко сжалъ ее въ своихъ рукахъ.

— Я только, зная ваше благородство, удивлялся всегда вашей любви къ этому негодяю ...

— Богъ съ нимъ ... Старушка, княгиня просила ... гм ... гм ... Онъ низко поступилъ противъ той барышни и васъ ... Онъ вредный человѣкъ ... Ну, Богъ съ нимъ! ...

— Оставьте его, капитанъ ... Имя его меня съ ума сводитъ ...

Затѣмъ между разговаривающими воцарилось молчаніе; Крушинскій бродилъ по комнатѣ молча, въ тоскѣ; Добраго также смотрѣлъ на него съ искреннимъ участіемъ. Онъ видѣлъ на лицѣ доктора его страданія, жалѣлъ его, хотѣлъ бы утѣшить, успокоить, но не находилъ словъ для утѣшенія.

Молчаніе это продолжалось довольно долго, наконецъ капитанъ приподнялся съ своего стула.

— Вы меня извините ... гм ... Я, можетъ-быть, васъ безпокою ... сказалъ онъ добродушно ...

— Нѣтъ, капитанъ ... Извините меня, ради Бога ... Я, право, такъ разстроенъ и огорченъ ... Посидите, капитанъ, если можете, если вамъ не скучно ...

Въ какой бы тоскѣ ни находился человѣкъ, какъ-бы не искалъ и не желалъ онъ уединенія, но его никогда не тяготитъ присутствіе молчаливаго и добродушнаго собесѣдника.

— Да я съ удовольствіемъ ... Вы не безпокойтесь обо мнѣ ... Вамъ, можетъ-быть, скучно однимъ въ вашей болѣзни: я посижу съ удовольствіемъ ... отвѣчалъ доброе созданіе, опять поспѣшно усаживаясь на свое прежнее мѣсто.

— Мнѣ въ-самомъ-дѣлѣ нездоровится, капитанъ ...

— Вы много грустите ... гм ... не оттого ли? .., Вѣрно, были непріятности ... гм ... Вы, можетъ быть, огорчены ... Извините, что я ... гм ...

Крушинскій ничего не отвѣчалъ: онъ сѣлъ къ столу и опустилъ голову на руки.

— А вы не унывайте, Аркадій Николаичъ ... гм ... вы ... Что же? ... Богъ милостивъ, все устроится ...

— Ничего не можетъ устроиться: не на что надѣяться ... Ничто мнѣ не обѣщаетъ счастья ... Одно горе ...

У Добраго заныло сердце при этихъ словахъ и при звукахъ того голоса, которымъ они были произнесены.

— Гм ... гм ... покрякивалъ капитанъ, вздыхая и густыми клубами пуская дымъ изъ трубки.

— У меня все отняли, капитанъ, всего лишили, продолжалъ Крушинскій, что я имѣлъ, что любилъ, что надѣялся имѣть — у меня теперь ничего нѣтъ .. ни надеждъ, ни мечтаній ... Меня втоптали въ грязь, оскорбили, унизили, уничтожили ...

Крушинскій жаловался на судьбу, на людей, высказывалъ свою печаль, свои страданія не для того, чтобы вызвать сочувствіе капитана, но по той особенной и общей потребности человѣка, которая давно уже опредѣлена пословицей: что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. И долго слушалъ его капитанъ молча и не переставалъ думать, что онъ отчасти виноватъ передъ Крушинскимъ, дѣйствуя заодно съ княземъ Бандуровымъ. Добраго самъ того не зналъ, что его добрая душа не могла жить безъ привязанности: отвергнувши князя, онъ скучалъ, а состраданіе вызвало его особенное сочувствіе къ Крушинскому.

— Какъ вамъ будетъ скучно ... гм ... такъ вы и пришлите за мной: я и приду ... во всякое время ... гм ... говорилъ онъ, прощаясь.

— Я вамъ радъ, капитанъ, всегда ...

— Да, вѣдь ... гм ... вы одни ... а больные любятъ, когда около нихъ есть кто-нибудь ... Я завтра опять понавѣдаюсь ... да вы ... гм ... не грустите такъ ... что жъ дѣлать? ... гм ... такой случай ... Я завтра приду ...

И завтра, и послѣ завтра, и всѣ слѣдующіе дни приходилъ Добраго къ Крушинскому; и хотя онъ не облегчалъ его тоски, не разгонялъ его скуки, былъ плохой собесѣдникъ, но Крушинскій полюбилъ его присутствіе: ему было легче уже отъ той одной мысли, что есть хотя одинъ человѣкъ, сострадавшій и сочувствующій ему, и что имѣетъ онъ возможность кому-нибудь разсказывать о своемъ горѣ. А Добраго съ каждымъ днемъ все больше и больше привязывался къ Крушинскому.

Такъ шли дни для доктора — грустно и однообразно. Положеніе Наденьки было не лучше: она страдала молча. Клеопатра Петровна попробовала было утѣшать племянницу, но была оттолкнута ея холодностью и презрѣніемъ, котораго Наденька не умѣла или не хотѣла скрыть. Тетушка озлобилась и не стыдилась выразить свою досаду на племянницу; любовь ея къ ней, такая слѣпая и сильная привязанность, не препятствовала великодушной дамѣ терзать бѣдную дѣвушку двусмысленными намеками и насмѣшливыми взглядами. Ѳедоръ Иванычъ упорно старался отклонять малѣйшее воспоминаніе о всемъ прошедшемъ. Катерина Михайловна, позабывши сдѣланный Наденькѣ упрекъ, навязывала ей свое материнское сочувствіе, но дочь уже не могла быть съ

ней откровенна, поняла всю безплодность чувствительности и всю непрочность любви своей родительницы — и уже хладнокровно принимала ея нѣжности и ласки, молчаніемъ отвѣчала на ея утѣшительныя и обнадеживающія рѣчи.

Наденька старалась ото всѣхъ скрыть свои страданія, чтобы не вызвать этимъ безполезныхъ утѣшеній, которыя только раздражали ее. И никто не видалъ ея слезъ, не слыхалъ ея вздоховъ, хотя всѣ видѣли, что уже не прежнимъ блескомъ блистаетъ смѣлый и гордый взглядъ, что невольно опускается нѣкогда веселая, радостно улыбающаяся головка ... И только одинъ вѣрный и неизмѣнный ея другъ, Аграфена, подслушивала иногда ночью глухія и подавленныя рыданія въ постели своей барышни, подходила къ ней, приклонялась къ своей любимицѣ, старалась успокоить ее, упрашивала не плакать, не надрывать сердца, а потомъ и сама плакала вмѣстѣ съ ней, проклиная всѣхъ злыхъ мучителей своей ненаглядной, и мысленно причисляя къ нимъ и самого Крушинскаго.

Но Катерина Михайловна не оставляла дочери въ покоѣ: она была добрая женщина, нѣжная мать — и хотѣла это доказать своей Наденькѣ.

— Надя, хоть отецъ и бранилъ меня за Аркадія Николаича, хоть мнѣ и досталось за тебя, говорила она, а я все-таки не могу видѣть какъ ты страдаешь ... Я вижу, что ты страдаешь, хоть и не говоришь ничего. Хочешь, я пошлю Глафиру узнать, что дѣлается съ Аркадіемъ Николаичемъ? онъ, вѣдь, я думаю, съ-ума сходитъ, бѣдненькій ...

— Какъ вамъ угодно, мамаша ... Папенька узнаетъ: опять будетъ гнѣваться ...

— Ну, пусть же гнѣвается, мнѣ не привыкать

стать ... Развѣ я не перенесу за тебя? ... Да и не узнаетъ; Глафира не скажетъ ... А тебѣ все-таки будетъ поспокойнѣе, да и ему тоже ... пусть видитъ, что о немъ помнятъ ... Я пошлю! ... настаиваетъ Катерина Михайловна: ей и самой интересно знать, что дѣлается съ докторомъ.

— Какъ вамъ угодно ... отвѣчаетъ Наденька.

Глафира получила приказаніе съ приличными наставленіями. Она съ удовольствіемъ приняла это порученіе: сообразила, что ужъ послѣ того, что случилось, Аркадій Николаичъ не будетъ мужемъ Наденьки, вспомнила, что она обидѣла ее недовѣріемъ и предпочтеніемъ Аграфенѣ ... и отправилась.

Флегонтовъ встрѣтилъ Глафиру своимъ обыкновеннымъ флегматическимъ взглядомъ.

Баринъ вашъ дома? спросила нянька.

— А вамъ что?

— А мнѣ нужно ихъ видѣть ...

— Да вы отъ кого?

— Такъ неужто вы меня не узнали? ...

— Узналъ.

— Что, Аркадій Николаичъ въ полномъ здоровьѣ?

— Нѣтъ, не здоровы ...

— Что же съ нимъ такое? ... Убиты что ли чѣмъ: какой непріятностью? ... или такъ отъ простуды, али отъ какой болѣзни? ...

— Да вы отъ кого? какъ доложить-то?

— Давно ли же они занемогли-то?

— А не знаю ... давно-ли ... какъ объ васъ сказать-то? ...

— А я было вотъ о здоровьѣ-то ихномъ навѣдаться ... Что же они, отъ огорченія что ли отъ какого? ...

— Такъ вы отъ себя что ли? настаивалъ Флегонтовъ.

— Отъ тебя, видно, какъ отъ чурбана никакого толку не добьешься! подумала Глафира. Нѣтъ, не отъ себя, проговорила она измѣняя тонъ. А поди сейчасъ доложи, что пріѣхала, молъ, нянюшка отъ Коркиныхъ господъ ... да не переверни же ... Ты, видно, не больно понятливъ ...

— Ась? спросилъ Флегонтовъ, не смотря на Глафиру.

— То-то: ась ... Слушалъ бы крѣпче что тебѣ говорятъ: про глухого двухъ обѣденъ не поютъ ... Поди, доложи, что нянюшка, де, отъ барыни Коркиной пріѣхала ... Понялъ ли теперь?

— Да ты что трещишь? ... слышалъ я ...

— Ну, а слышалъ, такъ и поди докладывай, да поворачивайся проворнѣе ...

Флегонтовъ сердито посмотрѣлъ въ самые глаза Глафиры, и не трогался съ мѣста.

— Ну, что же еще сталъ? Чего надо? ...

— Прытка очень ... Подождешь ... проговорилъ Флегонтовъ, и преспокойно усѣлся.

— Да что ты, вѣ умѣ-ли? ... Я скажу, вѣдь, барину-то твоему, что ты не пускалъ меня: у меня дѣло нужное: мнѣ ждать некогда, — невѣжа ...

— А пытать, да выпытывать есть когда ...

— Вишь ты, плутъ! ... подумала Глафира. — Такъ, любезный, я изъ одного того, что очень жалѣю твоего господина, изъ того и спрашивала ... сказала она вслухъ, что знаю, что вашъ баринъ добрый господинъ, хоть и не изъ большихъ чиновъ и рода не такого, чтобы знатнаго, а такъ, изъ самаго малаго, а наши господа — коренные столбовые и погнушались имъ, такъ, молъ, не отъ огор-

ченія ли этого и занемогъ ... А то ты думалъ изъ-за чего я спрашиваю ...

— Не знаю изъ-за чего! ... сурово проворилъ Флегонтовъ.

— Вашъ-то много о себѣ подумалъ, что онъ что значитъ, а наши, какъ себя чувствуютъ: съ-изъ-маленька господа, да и отцы-то ихъ, и дѣды, и прадѣды, никто не былъ, хоть бы изъ поповскаго званія, а всѣ изъ благороднаго настоящаго, да и чины нашего большіе ... ну, такъ онъ такъ и побрезговалъ вашимъ, что онъ возмечталъ объ себѣ, и ѣздить ему къ намъ не приказано ... Я и полагала, что онъ отъ этого огорченія ... А, кажется, что бы — и огорчаться: гдѣ же ему супротивъ нашего встать долженъ бы всегда то помнить ... Къ нашему-то и губернаторъ каждый годъ ѣздитъ, и въ губерніи-то онъ во всей первый господинъ, а вашъ что? ни богатствомъ, ни чиномъ, ни родомъ не взялъ ... только званіе одно, что баринъ называется ... А потому добрый, ну, по жалости и спросила ... Такъ-то голубчикъ ... А ты думалъ что ... антересъ что-ли мнѣ какой: знать ...

— Ѣхала на-право, да повернула влѣво ... хотѣла щей отвѣдать, да позабыла подуть — губы обожгла — забранилась ... За господскимъ дѣломъ идешь, своего не справляй — надсадишься ... Пойдешь назадъ, не оглядывайся, а то шея заболитъ — дорогу буду показывать ... проговорилъ Флегонтовъ и, не ожидая возраженія Глафиры, пошелъ докладывать о ней Крушинскому.

— Къ вамъ отъ Коркиной барыни нянька ... сказалъ онъ. Прикажете позвать? ...

Крушинскій вздрогнулъ при имени Коркиныхъ и невольное волненіе овладѣло имъ. Онъ не хотѣлъ

его обнаружить передъ посланной, обдумывалъ, какъ ему должно держать себя и медлилъ отвѣтомъ.

— Ты говоришь: отъ барыни Коркиной? спросилъ Крушинскій.

— Сказываетъ: отъ барыни, а, можетъ и отъ себя ... отвѣчалъ Флегонтовъ. Ненадежна ...

— Какъ ненадежна? Что ты хочешь сказать?

— А потому — все ей надо знать ... Лукава очень.

— Что же она говоритъ? ...

— А то вотъ ... дорогу бы ей надо показать: пришла за господскимъ дѣломъ, лишняго не мели. Въ ученьи не была, науки не знаетъ.

— Да что такое?

— Коли господа между собой дѣло имѣютъ, ей судить не приходитея: кто въ какомъ чинѣ, да изъ какого рода ... Бабье дѣло: языкъ чешется ... А ненадежна.

Всѣ отвѣты свои Флегонтовъ произнесъ вполголоса.

— И теперь, чай, носомъ-то въ дверяхъ дыру провертѣла, прибавилъ онъ, желая пояснить, по какой причинѣ онъ говорилъ такъ тихо, и не ошибся: Глафира дѣйствительно старалась подслушать что говорилъ слуга со своимъ господиномъ.

— А, такъ ужъ я сдѣлался басней и, вѣроятно, предметомъ насмѣшекъ даже дворовыхъ людей! думалъ между-тѣмъ Крушинскій, переходя отъ прежняго почти радостнаго волненія къ негодованію и досадѣ.

— Пошли ее ко мнѣ! приказалъ онъ.

Онъ встрѣтилъ Глафиру сурово и гордо.

— Катерина Михайловна приказали вамъ кланяться и узнать о вашемъ здоровьѣ.

— Благодари Катерину Михайловну, кланяйся отъ меня и доложи, что я совершенно здоровъ ...

— Здоровы-съ? переспросила Глафира.

— Да. Развѣ ты не слышишь?

— Слушаю-съ. А какъ изъ личика-то вы изволили перемѣниться, точно цѣлый мѣсяцъ въ постелькѣ лежали ...

— Больше тебѣ ничего не приказано сказать мнѣ?

— Катерина Михайловна очень какъ огорчены всѣми этими непріятностями и такъ огорчены, что даже можно сказать до болѣзни ...

— Про какія ты непріятности говоришь?

— Но что же дѣлать, Аркадій Николаичъ: на все власть Божья .. Конечно, Надежда Ѳедоровна, какъ еще барышня молоденькая, переносятъ это легко и все забудутъ, но каково вамъ? ...

— Это тебѣ тоже приказано мнѣ сказать?

— Ахъ, сударь, Аркадій Николаичъ, какъ же мнѣ не знать своей барышни: я ихъ на своихъ рукахъ вынянчила, ихная душа мнѣ открыта. Что барышня? еще дитя: все забудутъ и теперь ровно птичка поютъ, а ваше дѣло, чай, другое ... Конечно, баринъ, какъ они при большихъ чинахъ и столбовые, и какъ при старости лѣтъ своихъ, они вашего горя не принимаютъ, а барыня очень это чувствуютъ и жалѣютъ васъ, по своей великой добродѣтели.

Крушинскому очень хотѣлось бы выгнать Глафиру съ безчестіемъ, но слова ея о Наденькѣ живо его затронули. — Неужели она въ-самомъ-дѣлѣ весела? Или, можетъ-быть, она только хочетъ казаться веселою ...

— Ну, что же подѣлываютъ твои господа? спросилъ онъ.

— А что дѣлать? все также изволятъ время

проводить, по обыкновенному. Барышня то на фортепьянахъ поиграютъ, то пѣсеньки поютъ, то съ тетенькой, али съ папенькой, маменькой разговариваютъ ... Онѣ у насъ, ровно соловушка, весь день распѣваютъ: при нихъ у насъ и въ домѣ-то ровно все ожило ... Ну, да еще какъ и не веселиться: дитя-дѣтей ... Мы было думали съ маменькой — то, что имъ будетъ очень горестно ... на счетъ этого вашего-то случая ... Нѣтъ, ничего: поплакала маленько, а тутъ видитъ, что нельзя судьбы перемѣнить ... ровно рукой сняло: превеселая стала наша барышня, какъ ни въ чемъ! ...

Крушинскій не хотѣлъ вѣрить Глафирѣ и не сводилъ съ нея глазъ, желая прочесть обманъ на лицѣ ея, но нельзя было лгать съ такимъ простодушіемъ и искреннимъ видомъ, какъ лгала Глафира. Болѣзненно отзывались ея слова въ сердцѣ Крушинскаго. Сколько ни любилъ онъ Наденьку, какъ ни готовъ былъ пожертвовать для ея счастья и спокойствія своею собственною жизнью, но онъ желалъ бы слышать, въ настоящую минуту, что Наденька скучна, печальна и тоскуетъ: влюбленные всегда эгоисты, хотя и способны въ то же время на всякое самопожертвованіе. — Но, вѣроятно, она скрываетъ отъ людей свои страданья! думалъ Крушинскій и съ этой мыслью спросилъ Глафиру:

— Что же, и здорова Надежда Ѳедоровна?

— Слава Богу, батюшка: цвѣтутъ, ровно розанчикъ: глазки веселенькіе, личико розовенькое ... Да и отчего имъ быть нездоровыми: встаютъ — ложатся въ свое время, почиваютъ покойно, кушаютъ съ апетитомъ, заботы никакой не имѣютъ ... Нѣтъ, слава Богу, въ полномъ здоровьѣ ... Я, вѣдь завсегда при нихъ ...

Крушинскій уныло опустилъ голову. Глафира торжествовала, она знала, что дѣлается на душѣ у лекаря.

— Не хотѣли моихъ послугъ, ну, такъ вотъ ломайтесь же изъ-за меня! думала она, сохраняя въ лицѣ совершенное спокойствіе и простодушіе.

— А барыня, Катерина Михайловна, сердечно васъ сожалѣютъ, продолжала она вслухъ, почитай кажинный часъ со мной объ васъ вспоминаютъ. Извѣстно, кабы не баринъ, другое бы и было: и ваша бы судьба другая вышла ... А хоть бы и Катерина Михайловна, что же онѣ могутъ противъ барина сдѣлать ... на-счетъ вашего благополучія? ...

Крушинскій провелъ рукою по лицу.

— Хорошо, голубушка, хорошо, довольно! ... Кланяйся Катеринѣ Михайловнѣ, благодари за память, скажи, что я совершенно здоровъ и покоенъ, чтобы онѣ не безпокоились обо мнѣ и не присылали опять .... Ступай!

— Такъ и прикажете доложить?

— Такъ и скажи.

— Слушаю-съ ... А на-счетъ ... Надеждѣ Ѳедоровнѣ ничего не прикажете передать?

— Если я тебѣ ничего не говорю, стало-быть нечего и передавать ...

— Слушаю-съ! отвѣчала Глафира, но не трогалась съ мѣста.

— Ну, ступай ... Чего же ты дожидаешься ... Больше тебѣ нечего здѣсь дѣлать ... А если тебѣ нужно еще что узнать для себя, такъ поди распроси деньщика моего.

— Помилуйте, что же мнѣ узнавать, коли ничего не приказываете больше докладывать ... Прощайте, сударь, Аркадій Николаичъ ... Желаю вамъ добраго здоровья.

Крушинскій молча кивнулъ головой. Глафира вышла въ прихожую. Здѣсь она обмѣнялась съ Флегонтовымъ недружелюбными взглядами, но заговорить не рѣшилась и съ достоинствомъ промаршировала мимо его. Флегонтовъ проводилъ ее глазами до самаго выхода, какъ будто жалѣлъ, что разставался такъ скоро.

Поселивши въ душѣ Крушинскаго новое сомнѣніе, впустивши свѣжаго яда въ рану его сердца, разсерженная его неласковымъ обращеніемъ, Глафира явилась къ госпожѣ своей. Катерина Михайловна, сострадая дочери и по чувствительности своего нѣжнаго сердца, зная, что всякое извѣстіе о любимомъ человѣкѣ отрадно слышать, позвала Наденьку, заперлась въ своей спальнѣ и приказала разсказывать Глафирѣ все подробно.

— Что, матушка, Аркадій Николаичъ приказали кланяться и благодарить за память, приказали доложить ...

— Что, онъ, я думаю, Глафира, очень обрадовался, бѣдненькій, когда ты пришла ...

— Не могу вамъ доложить, матушка: они мало мной и занялись: изволили куда-то въ гости собираться ... Мнѣ, говоритъ, теперь, милая, некогда: а кланяйся, говоритъ, ты своимъ господамъ, доложи, что я, слава Богу, совершенно здоровъ и въ спокойномъ духѣ и чтобы они, говоритъ, не безпокоились присылать ко мнѣ ... Вотъ только и изволили сказать ...

— Что ты, Глафира, неужели же онъ такъ и сказалъ тебѣ? ...

— Такъ и изволили сказать: я даже и нарочно переспросила: не ослушалась ли, молъ, какъ ... Нѣтъ, говоритъ, такъ и доложи, какъ сказано ...

А теперь, говоритъ, тебѣ здѣсь дѣлать нечего: ступай, говоритъ, а мнѣ нѣкогда съ тобой разговаривать ...

— Какъ? неужели ничего и не разспросилъ объ Наденькѣ, или обо мнѣ?

— Ни-ни, ни одного слова ... Я было даже согрѣшила: нарочно заговорила, — такъ даже и отвѣту не дали. Такіе стали важные, да надменные ...

Катерина Михайловна съ недоумѣніемъ посмотрѣла на дочь.

Наденька, повидимому, слушала няньку совершенно равнодушно.

— А что, незамѣтно, чтобы онъ грустилъ, или былъ боленъ? Не скученъ, ничего? спросила Катерина Михайловна.

— Изъ лица ничего незамѣтно, чтобы перемѣнились: такой веселый съ лица ... И человѣка ихняго спрашивала: не боленъ ли, вашъ баринъ? Нѣтъ, говоритъ, ничего этого нѣтъ, ѣздитъ, говоритъ, въ гости и къ нему гости ѣздятъ ... Нѣтъ, нѣтъ, да и ничего не видно такого, чтобы грустили или тосковали ... Я даже удивилась! ...

— Чему же ты, нянька, удивилась? спросила вдругъ Наденька, по женскому чутью подозрѣвая Глафиру въ умышленной лжи.

Но не такова была нянька, чтобы Наденька могла ее сбить съ-толку.

— Какъ чему, мой ангелъ? отвѣчала она. Развѣ мнѣ, по милости маменькиной, не извѣстны всѣ эти обстоятельства? Развѣ я не знаю, какія чувства оказывали Аркадій Николаичъ и какая вышла непріятность послѣ того ... Да, вѣдь, хоша вы и скрывались отъ меня, я тоже ваше сердце насквозь

знаю: на своихъ рукахъ васъ вынянчила, такъ я такъ, по глупости своей и полагала, что какъ бы теперь должны убиваться Аркадій Николаичъ послѣ всего этого, что было ... Какъ же мнѣ, ангелъ мой, ни удивляться, что вижу ихъ какъ совсѣмъ ничего не бывало? ... Я и удивилась ... поневолѣ: вижу, что и здоровы, и веселы, и изъ лица не перемѣнились, и даже объ васъ ничего не полюбопытствовали ... А я, по глупости своей, думала, что все бы имъ лестно знать, по ихъ прежнимъ чувствамъ, что какъ вы изволите время проводить, али объ вашемъ здоровьѣ. Вотъ что, моя радость ... А то какъ же, неужто мнѣ бы и не удивиться, знамши и видѣвши теперь все это? ... Хотѣла-была, матушка, спросить на-счетъ письма, что я вамъ докладывала-то, продолжала Глафира, обращаясь къ Катеринѣ Махайловнѣ, что Ѳедоръ-то Иванычъ писали, да нѣтъ, куда тебѣ — и подступиться не смѣла: ничего просто, говорить не хотятъ, кланяйся, говоритъ, благодари за память да ступай вонъ ... Или такъ, какъ ужъ они теперь потеряли всякую надежду, такъ хотятъ и изъ думы все выбросить, чтобы ... какъ ничего не бывало, чтобы понапрасну только не томить себя ...

— Что же бы это значило: какъ ты думаешь, Надя? спрашивала Катерина Михайловна.

— Не знаю, маменька! отвѣчала Наденька, которая не хотѣла бы вѣрить, но невольно смущалась лукавыми словами коварной няньки. Особенно послѣднее предположеніе казалось ей вѣроятнымъ и безпокоило ее.

Долго еще толковала Катерина Михайловна съ Глафирой все объ одномъ и томъ же, и все изъ желанія утѣшить и разсѣять Наденьку разговоромъ

о любимомъ человѣкѣ, но Наденька не слушала ихъ и не принимала участія въ ихъ разговорѣ. Глафира достигла своей цѣли: отмстила Наденькѣ за оскорбительное недовѣріе и презрѣніе. Бѣдная дѣвушка цѣлый день была въ самомъ мучительно-тревожномъ расположеніи духа. Ночью Наденька особенно долго не могла заснуть.

— Да что вы, барышая, въ-самомъ-дѣлѣ всѣ ночи не почиваете. Что вы, болѣзнь, что-ли, какую хотите получить? говорила Аграфена, бодрствовавшая всегда до тѣхъ поръ, пока не засыпала Наденька. Что вы и самъ дѣлѣ? Посмотрите-ка, и то какъ поблѣднѣли эти дни: на себя не стали похожи.

— Граша, душенька, мнѣ тошно.

— Да что за тоска такая? Наплевать на нее: не вѣкъ же тосковать. Этакъ вы себя въ гробъ вгоните. Что вы, барышня? пожалѣйте себя. Изъ-за чего мучитесь? ...

— Послушай, Граша, что разсказываетъ нянька. И Наденька пересказала слова Глафиры.

— Вретъ! рѣшительно сказала Аграфена, выслушавши Наденьку. Голову съ себя дамъ снять, когда не вретъ. Нарочно вретъ, со зла, чтобы вамъ досадить! Повѣрьте вы мнѣ. Я ее знаю, эхидную ...

Наденька — задумалась.

— Послушай, Граша, ты сдѣлаешь о чемъ я тебя попрошу?

— Нѣтъ, не сдѣлаю! по своему обыкновенію неопредѣленно отвѣчала Аграфена.

— Нѣтъ, въ-самомъ-дѣлѣ, Граша, если ты для меня это сдѣлаешь, тогда ужъ я повѣрю, что ты много меня любишь ... Дай же обѣщаніе, Граша, что сдѣлаешь? ...

— Да что такое, что ужъ такъ очень? Не голову же снять хотите?

— Вотъ что: я напишу письмо къ нему, а ты отнеси, чтобы никто не видалъ.

— Эхъ, барышня, вотъ ужъ это не дѣло: не совѣтовала бы я ...

— Нѣтъ, Граша, не говори: я такъ хочу. Мнѣ непремѣнно нужно написать къ нему, а то я измучусь, не зная ничего объ немъ.

— Эхъ, не хорошо, барышня ... Да я и дома-то его не знаю, гдѣ онъ и живетъ-то.

— Ну, узнай какъ-нибудь ... только, если любишь меня, Граша, непремѣнно отнеси письмо ... Слышишь? ...

— Слышу ... Ну, попадемся мы съ вами въ бѣду ... Не хотѣлось бы мнѣ этого ... Не лучше ли отложить? ... а?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, Аграфена! Ты должна это для меня сдѣлать ... Граша, душенька, вѣдь ты отнесешь? скажи мнѣ ...

— Такъ, вѣдь, какъ же ... Надо ночью снести, чтобы никто не видалъ, къ утру-то, пожалуй, не успѣешь оборотить ... Ну, да ужъ...

— Запри же двери, да зажги свѣчу, я сейчасъ напишу.

— Эх-ма, лучше бы не дѣлать этого ... Я лучше такъ схожу, безъ письма ... на словахъ, что передамъ и узнаю.

— Нѣтъ, я напишу, чтобы и онъ мнѣ отвѣтилъ.

Аграфена только покачала головой и зажгла свѣчу.

— Ну, пишите же, да не больно много и скорѣй, чтобы мнѣ успѣть сбѣгать! проговорила она, подавая свѣчу.

Наденька писала:

„Аркадій, я люблю тебя — ты это знаешь. Вся моя судьба, моя жизнь тебѣ принадлежитъ. Что-бы не случилось, я не разлюблю тебя. Но скажи мнѣ, любишь ли ты меня попрежнему, что ты дѣлаешь, что намѣренъ предпринять. Нянька говоритъ, что ты здоровъ и веселъ: дай Богъ, но сердцу не вѣрится. Надѣйся на Бога, не грусти и не отчаявайся: неужели судьба не смилуется надъ нами. Мнѣ грустно безъ тебя, мое сокровище, такъ грустно и тяжело, что я готова бы отдать полжизни, чтобы только взглянуть на тебя. Нельзя ли намъ гдѣ видѣться, хоть бы на одну минуту. Аркадій, вѣдь, ты мой? Скажи мнѣ, что ты мой ... Мнѣ плакать хочется: тяжело ... Ты мой Аркадій! ... Нѣтъ, я не могу жить безъ тебя: мнѣ все противно, на все гадко смотрѣть; право, кажется, и родителей я стала любить меньше прежняго. Ахъ, папаша, зачѣмъ онъ такой гордый! Развѣ я могу кого-нибудь любить, кромѣ тебя? ... Вѣдь, ты мой! ... Что за письмо писалъ тебѣ папаша? о чемъ, это безпокоитъ меня. Научи, какъ мнѣ тебя увидѣть: нельзя ли тебѣ пріѣхать къ намъ, или гдѣ-нибудь у знакомыхъ, или гдѣ хочешь — научи меня. Мнѣ, право, такъ тяжело, такъ грустно. Аркадій, милый, счастье, сокровище, да любишь ли ты меня такъ, какъ я люблю тебя. Писала бы много, много, да некогда! пора посылать письмо. Прощай, нѣтъ, до свиданія. Твоя на всю жизнь, на-вѣки твоя Н.

— На, вотъ, Граша, написала, ужь не знаю что и написала. Отнеси же, душенька, Граша.

Наденька вся дрожала, слезы лились по щекамъ, на душѣ у нея было тревожно, но какъ-то легче и веселѣе.

— Ужъ отнесу. Плакать-то зачѣмъ еще ... Те-

перь вы ложитесь почивать ... Слышите ли, барышня, ложитесь же.

— Только какъ же, Граша, ты домъ-то найдешь ли: теперь ночь ... Вѣдь, мы были съ маменькой: вотъ, вѣдь, это гдѣ...

Но Наденька такъ непонятно начала толковать, гдѣ домъ Крушинскаго, что Аграфена только засмѣялась и отказалась слушать.

— Да ужъ вы только ложитесь, да знайте почивайте! сказала она. А то и не пойду, право, не пойду.

— Ну, ну, я лягу сейчасъ.

— И почивайте же у меня...

Наденька цѣловала Аграфену, благословляла ее и обѣщала уснуть, но не могла сомкнуть глазъ во всю ночь: ее била лихорадка отъ невольнаго страха и нетерпѣнія.

IV.

Осторожно, озираясь и прислушиваясь, выбралась Аграфена изъ дома, сошла съ крыльца и остановилась въ раздумьѣ на дворѣ. Она не знала квартиры Крушинскаго: какъ же отыскать ее? Спросить дворовыхъ она боялась, чтобы не подать подозрѣнія. Можетъ-быть, она и могла бы понадѣяться на скромность одного человѣка, но и ему даже не рѣшилась ввѣрить тайны. Передъ нею, среди снѣжнаго поля, черною змѣйкой лежала знакомая дорога въ городъ и хотя на дворѣ было темно и хлопьями падалъ мокрый февральскій снѣгъ, но заблудиться Аграфена не боялась. Одно ее безпокоило: до города добрыхъ три версты, дорога отъ выпавшаго снѣга тяжелая— скоро ли доберешься, скоро ли найдешь квартиру

доктора, когда успѣешь воротиться назадъ, а времени уже два часа за полночь. — „Эхъ, барышня, барышня!“ невольно проговорила Аграфена, покачавъ головой, и пошла быстрымъ шагомъ впередъ. Русское авось вѣдь и для женщинъ русскихъ не заказано, и онѣ частехонько берутъ его въ свои руководители.

Цѣлый часъ шла Аграфена до города и вотъ наконецъ вошла въ него: потянулись длинные заборы, огораживающіе пустыри съ полуразвалившимися остатками каменныхъ фабрикъ. Въ городѣ была такая же темная ночь, такая же темень и безмолвіе, какъ и въ открытымъ полѣ: нигдѣ не свѣтилось огонька, ни одного живого существа не было на улицѣ, даже собаки нигдѣ не лаяли: видно, забрались въ конуры свои, укрываясь отъ мокраго снѣга. Все спало въ маленькомъ городкѣ. Что же дѣлать мнѣ? куда идти, кто укажетъ дорогу? — думала Аграфена и уже начинала терять бодрость духа. Но въ минуту самой сильной душевной тревоги она поравнялась съ небольшимъ домикомъ, на которомъ разсмотрѣла двуглаваго орла съ распростертыми крыльями надъ какой-то вывѣской. Аграфена вспомнила, что тутъ аптека и тотчасъ же смекнула, что здѣсь должны знать квартиру лекаря. Смѣло начала она стучаться въ запертую калитку, зная, что въ аптеку должны впустить во всякое время. Калитка эта вела прямо въ галлерею, пристроенную къ домику нѣмецкимъ аптекаремъ и замѣнявшую сѣни. Долго стучалась Аграфена, не получая никакого отвѣта, наконецъ, кто-то зашагалъ по галлереѣ и молча отворилъ двери, потомъ опять быстро зашагалъ обратно назадъ. Аграфена рѣшилась идти вслѣдъ за нимъ. Когда она вошла въ первую комнату, фигура, отворившая ей двери, зажгла фосфорную спичку и отъ нея свѣчу.

Аграфена разсмотрѣла толстаго Нѣмца, аптекаря, въ бѣломъ колпакѣ, халатѣ и туфляхъ.

— Позвольте, сударь, васъ спросить ... заговорила, было Аграфена.

— Шт ... сердито остановилъ ее аптекарь: хлопалъ шибко дверь, будилъ меня, будилъ хозяйка, хочешь будилъ Фриде ... Нельзя утромъ? ... Будиль ночь, всяка время ... осла русска! ... Ходишь сюда тихо ...

Аптекарь вошелъ въ комнату, уставленную разными банками и пузырьками, съ различными снадобьями, всталъ за прилавокъ съ вѣсами и протянулъ руку къ Аграфенѣ.

— Ню ... проговорилъ онъ, мигая сонными, заплывшими въ жиру глазами.

— Позвольте, сударь, васъ безпокоить ... начала-была опять Аграфена.

— Ню ... рецептъ ... сердито повторилъ аптекарь.

— У меня, сударь, нѣтъ рецепта, а я пришла ...

— Какъ нѣтъ рецептъ? ... Это хлопалъ дверь ... будилъ меня, будилъ Эвелина Карольна, хотѣлъ будилъ мой маленькій Фриде ... я думалъ, кто будетъ умираетъ ... Рецепта нѣтъ ... ходить вонъ ...

— Окажите божескую милость: позвольте сударь васъ спросить ...

— Что спрашивать, что спрашивать? ... Я ничего не отвѣчалъ ... я рецептъ бралъ, давалъ лекарствъ ... ступай вонъ ... я не полицей, я не базаръ, я не ярморокъ, что меня спросилъ! ... ходишь вонъ ... Будилъ ночь, будилъ вся домъ, хлопалъ дверь ... Что я? ... кабакъ ... ходишь вонъ ... скоро! ... шолъ! ...

— Извините, сударь ... Я сейчасъ уйду, только

позвольте спросить, гдѣ квартируетъ лекарь Крушинскій?

— Ходишь на него ... Здѣсь не его квартира, здѣсь мой ... шолъ вонъ ... Я хочетъ спать съ мой Эвелина Карольна, штъ. Я съ тобой не будетъ больше разговаривать.

— Такъ вы мнѣ, сударь, будьте отецъ родной, потрудитесь разсказать, гдѣ мнѣ найдти лекаря: я квартиры-то ихной не знаю, а у меня сестричка при смерти больна.

Аграфена бросилась въ ноги Нѣмцу.

— Будьте милостивы, скажите, сударь, а то сестричка, того и смотри, умретъ.

Нѣмецъ растаялъ отъ земного поклона Аграфены.

— Какъ можно будилъ меня? Я хотѣлъ почиваитъ, а ты меня будилъ ... мой Эвелина Карольна будилъ, мой маленькой Фриде хотѣлъ будилъ ... Ты зналъ, что я не любитъ это.

— Ужъ виновата, сударь, простите великодушно ... На вашу добрую душу надѣялась.

И Аграфена опять земно поклонилась Нѣмцу.

— Ужъ простите, сударь, моей глупости...

— Ну, шолъ на Крушинскій, проговорилъ аптекарь снисходительно. Ходилъ теперь прямо, будетъ забора, поворачивалъ въ улицъ, ходилъ по улицъ, искалъ Крушинскій: домъ мѣщанка Шилой хвостъ.

— Да домъ-то, сударь, какой? ночное дѣло, спросить не у кого.

— Будетъ я съ тобой разговаривалъ ... ты былъ много меня безпокоилъ: ходишь сейчасъ вонъ, а то будетъ тебя гонять черезъ спину съ палкой.

Аграфена показала видъ, что хочетъ уходить, но, сдѣлавши два шага пріостановилась.

— Такъ домъ-то сударь деревянной?

— Ну, деревянъ.

— А во сколько, сударь, оконъ?

— Шолъ вонъ! сердито закричалъ Нѣмецъ. Будитъ я тебѣ считалъ оконъ ... Что я? кварталъ, полицей?

— Хоть, сударь, рядомъ-то какой домъ, потрудитесь сказать, такъ я сейчасъ уйду.

— Нѣтъ домъ — уголъ ... Я съ тобой больше не разговаривалъ ни одинъ словъ, а то сейчасъ тебя отправлялъ на полицей. Я сей-часъ замолчалъ, а ты будишь сказалъ одинъ словъ, я тебя сей-часъ вязалъ и отправлялъ на полицей, что ты меня будилъ и Эвелина Карольна будилъ.

Нечего было дѣлать Аграфенѣ; она поклонилась и вышла отъ суроваго аптекаря, но какъ ни неопредѣленны были его указанія, русская сметка помогла Аграфенѣ отыскать домъ мѣщанки Шилохвостовой.

Долго стучалась Аграфена въ запертыя ворота, наконецъ послышался женскій, пискливый голосъ.

— Кто тута возится? что надо-та въ экую пору?

— Здѣсь матушка, лекарь Крушинскій живетъ? спросила Аграфена.

— Знамо здѣсь ... тебѣ что надо?

— Мнѣ ихъ самихъ надо, лекаря. Отопри-ка поскорѣе.

— Да вы отъ кого?

— Сама отъ себя, а мнѣ къ лекарю очень нужно, отопри же поскорѣе.

— Сама отъ себя, такъ и утромъ бы пришла, а то ну-ка, всякой ломитъ ночью, да всякому отпирай. Что больно приспичило въ экую пору. Баринъ-то больно вашу братью балуетъ: всякаго, чу, пущай во всякое время.

При послѣднихъ словахъ хозяйка дома отворила калитку, чтобъ пропустить Аграфену.

— Кто ты такова? спросила она ее, пристально вглядываясь въ лицо.

— Здѣшняя, отвѣчала Аграфена. Укажи, гдѣ пройти къ барину-то.

— Какая здѣшняя: здѣшнихъ-то я не то, что— по голосу всякую узнаю, а тебя я ровно и въ глаза не видывала. Есть, чай, у тебя отзывъ-то какой, фамиль-то какая-нибудь, коли ты здѣшняя-то.

— Солдатка я. Ну-ка, мнѣ некогда съ тобой разговаривать; у меня мужъ умираетъ. Тутъ что ли идти-то?

— Иди, иди, наткнись, лбомъ-то въ потемкахъ-то. Прытка больно, оченно больно скоро надо. Экаго постойщика поставили: ни днемъ, ни ночью покою нѣтъ ... И на барина-то не похожъ. Сунулась бы ты въ экую-то пору къ нашему Андрею Захарычу, онъ бы тебя проводилъ.

Аграфена поднялась по лѣсенкѣ въ сѣни и смѣло торгнулась въ дверь, за которою спалъ въ прихожей Флегонтовъ. Онъ тотчасъ проснулся, но не поторопился отпереть, а сначала зажегъ свѣчу, потомъ одѣлся и тогда уже впустилъ Аграфену. Скоса осмотрѣлъ онъ ее съ головы до ногъ и не промолвилъ ни одного слова.

— Вѣдь, здѣсь проживаетъ Аркадій Николаичъ Крушинскій, дохтуръ?

— Здѣсь.

— Вы прислуга его, что ли?

— Прислуга.

— Ну-ка разбуди его поскорѣе, да скажи, что очень нужно видѣть.

— Отъ больного, что ли?

— Да все равно отъ кого, только разбуди, да скажи, что очень нужно.

— Отъ больного, что ли? повторилъ Флегонтовъ.

— Да ужь ты только разбуди, ужъ это не твое дѣло отъ кого.

Флегонтовъ пристально, хотя все-таки скоса посмотрѣлъ на Аграфену и остался неподвижнымъ въ какомъ-то раздумьи.

— Нечего думать-то: я не воровка какая. Слышишь ты, мнѣ крайность: не пойдешь будить, я сама разбужу, окрикну.

— Велѣно будить, когда отъ больного.

— Ну, и я отъ больного; что тебѣ еще надо?

Флегонтовъ еще разъ посмотрѣлъ на Аграфену, потомъ изъ предосторожности заперъ двери въ сѣни, и молча отправился въ спальню Крушинскаго.

Но тотъ уже былъ разбуженъ говоромъ въ прихожей.

— Съ кѣмъ ты тамъ разговаривалъ? спросилъ онъ Флегонтова.

— Надо быть — дѣвка: приказывали будить, когда кто отъ больного, а ее не разберешь: толкомъ не сказываетъ, а требуетъ васъ, говоритъ, крайность. А не надо, чтобы была воровка, или мошенница! не тѣмъ смотритъ; а стало-быть издалека шла: подолъ весь подбродила.

— Позови ее сюда.

Аграфена все еще чувствовала нерасположеніе къ Крушинскому за то, что онъ погубилъ спокойствіе ея барышни, и считала его личнымъ врагомъ своимъ, а потому вошла къ Крушинскому съ самымъ недоброжелательнымъ выраженіемъ лица и едва кивнула ему головой.

— Вотъ къ вамъ письмо! сурово проворчала она, подавая Крушинскому письмо Наденьки.

— Отъ кого это? спросилъ онъ.

— Къ вамъ писано: прочитаете, такъ увидите отъ кого.

Крушинскій невольно улыбнулся.

— Что это ты какая сердитая? сказалъ онъ, распечатывая письмо.

Крушинскій никогда не видалъ Аграфены, а въ настоящую минуту ему даже въ голову не приходило предположить, что это была посланная отъ Наденьки. Распечатавши письмо, онъ долго не вѣрилъ глазамъ своимъ. Нужно ли разсказывать о чувствахъ Крушинскаго въ эту минуту? Каждый изъ нашихъ читателей, вѣроятно, знаетъ, что первое письмо отъ любимой женщины, письмо, въ которомъ она признается въ любви, равняется первому поцѣлую, ибо письмо служитъ окончательнымъ и неопровержимымъ доказательствомъ любви: отъ взгляда, слова, поцѣлуя, женщина часто отказывается, отъ письма никогда. Крушинскій читалъ и перечитывалъ дорогое для него посланіе. Аграфена молча, угрюмо смотрѣла на него и на все окружающее.

— И кого полюбила? думала она: ну, что нашла хорошаго? Вона гдѣ живетъ: всего три комнатишки и съ прихожей-то, и уборъ ли какой хорошій? Ничего — ни зеркаловъ, ни диванова, ни убранства никакого. И видно, что голышъ, а тоже на кого виды свои простираетъ!

— А вы, сударь, извольте отвѣчать поскорѣе, проговорила она вслухъ, замѣтя, что Крушинскій уже нѣсколько разъ перечитывалъ письмо: мнѣ дожидаться долго нельзя, надо до свѣта домой воротиться.

— Сейчасъ, моя милая, сейчасъ, садись пожалуйста.

— Что мнѣ садиться-то: я и постою, только вы меня не задерживайте.

— Садись, сдѣлай милость: тебя вѣрно любитъ Надежда Ѳедоровна и вѣритъ тебѣ. Ты у меня дорогая гостья.

— Да, больно нужно мнѣ! подумала про себя Аграфена.

— Я сейчасъ напишу отвѣтъ, мнѣ не долго, только ты разскажи мнѣ что-нибудь про Надежду Ѳедоровну; здорова ли она? Что она, скучаетъ, невесела?

— Да, была и моя барышня и здорова и весела ... да, видно, прошли ея красные-то денечки, пришлось, видно, и горе погоревать черезъ добрыхъ людей ...

Аграфена глубоко вздохнула. Слова ея напомнили Крушинскому всѣ минувшія сцены и въ головѣ его мгновенно повторились и разговоръ его съ Ѳедоромъ Иванычемъ и переписка съ нимъ.

— Что же мнѣ дѣлать? Что же мнѣ дѣлать, Боже мой? говорилъ Крушинскій, какъ-бы самъ съ собой.

— Что ужь дѣлать теперь! подхватила Аграфена съ досадой. Надо было прежде обдумать про себя ... Вы, можетъ-бытъ, этого и не представляете себѣ, а барышня-то теперь совсѣмъ сохнетъ: и сна, и пищи лишилась. Такая ли она была прежде, какая теперь стала? Теперь и узнать-то ихъ невозможно. Такъ вамъ бы и надо было сначала себя обдумать: можете ли вы этого достигнуть, чтобы этакую барышню, по вашему бѣдному состоянію, получить себѣ въ невѣсты, а ужъ послѣ того и привлекать къ себѣ. А то теперь что сдѣлали? Ни ей, ни себѣ ...

— Такъ неужели въ-самомъ-дѣлѣ я виноватъ?

проговорилъ Крушинскій, самъ себѣ задавая этотъ вопросъ.

— Извѣстно, вы. Вы должны были понимать, кто вы таковы и кто барышня наша. И отдадутъ ли ихъ за васъ папенька съ маменькой, по вашему низкому роду?

Крушинскій вздрогнулъ.

— Ну, довольно. Не говори больше! сказалъ онъ съ сердцемъ. — А, вездѣ все та же пѣсня, со всѣхъ сторонъ одинъ и тотъ же упрекъ! думалъ онъ

— Подожди, я сейчасъ напишу письмо.

„Мнѣ не нужно увѣрять тебя, мое сокровище, Надина, въ моей любви, — писалъ Крушинскій. Въ нашей встрѣчѣ съ тобою есть что-то роковое: къ чему она поведетъ, разрѣшитъ — будущее, а въ настоящемъ намъ остается только любить, надѣяться и вѣрить другъ въ друга. Я хочу надѣяться на счастіе, хотя надежда эта очень слаба послѣ письма твоего отца, которое посылаю къ тебѣ въ подлинникѣ для того, чтобы не мучить себя, передавая своею рукою оскорбительнаго его содержанія. Ты увидишь изъ этого письма, какъ мало уважаетъ меня твой отецъ, но это не мѣшаетъ мнѣ остаться честнымъ предъ нимъ: я далъ ему слово не искать свиданія съ тобой и хочу исполнить его: мы не должны видѣться. Ты поймешь, чего мнѣ стоитъ отказаться отъ этого послѣдняго утѣшенія. На-дняхъ я надѣюсь получить отпускъ и уѣду въ Москву. Прости, Надина, можетъ-быть, надолго.“

Слезы брызнули изъ глазъ Крушинскаго и онъ упалъ лицомъ на столъ. Аграфена замѣтила это и ей стало жаль лекаря.

— Видно, отказъ ей пишетъ. Эхъ, жалко его: ну, да что дѣлать-то: видно на роду ему такъ на-

писано. Что уже съ барышней-то будетъ. Ну, да пусть лучше однимъ разомъ все переносить, чѣмъ томиться, да мучиться попусту. А, знать, онъ ее шибко любитъ! думала Аграфена.

— Ну ужъ сударь, кончайте, да отпускайте меня, проговорила она, сколько могла ласково.

Крушинскій опомнился, поспѣшно отеръ слезы и запечаталъ письмо.

— Кланяйся Надеждѣ Ѳедоровнѣ, сказалъ онъ, подавая письмо. На, вотъ возьми это себѣ.

Онъ хотѣлъ дать ей денегъ.

— Нѣтъ, сударь, не извольте безпокоится: не возьму.

— Отчего это?

— Потому не за что мнѣ брать; я ничѣмъ вамъ не послужила, а только принесла, да согрубила противъ васъ.

— Ничего, я не сержусь на тебя. Возьми пожалуста.

— Нѣтъ, сударь, и не безпокойтесь: ни за что не приму отъ васъ. Совѣсть моя не подымется; я и барышнѣ никогда васъ не похвалила, а всегда все не въ вашу пользу. Не перенести мнѣ вашихъ денегъ. Прощайте, сударь. Будьте здоровы. Простите меня за мои грубыя рѣчи, только, право, ей-Богу, не въ обиду вамъ, а жалѣючи барышни говорила. Прощайте, сударь.

Аграфена поспѣшно вышла. Флегонтъ равнодушно отперъ ей двери въ сѣни и опять заперъ ихъ за нею.

Аграфена испугалась, выйдя на дворъ: начинало уже разсвѣтать, а ворота опять были заперты. Любопытная хозяйка нарочно заперла ихъ на замокъ, чтобы имѣть случай еще разъ взглянуть на ночную

посѣтительницу, когда она пойдетъ назадъ и, если возможно, допытаться, кто она въ-самомъ-дѣлѣ такая, а почему-то ей не вѣрилось, чтобы это была солдатка: и одѣта не такъ, и не солдаткой смотритъ, да и какъ же ей не знать ея, коли она солдатка. Мѣщанкѣ даже не спалось отъ любопытства и нетерпѣнія: она тотчасъ же выскочила на дворъ, какъ заслышала шаги Аграфены на крыльцѣ.

— Что же это одна, безъ лекаря? развѣ не пошелъ? спросила она у Аграфены.

— Нѣтъ, не пошелъ: лекарство только прописалъ. Ну-ка, матушка, отопри поскорѣе ворота-то; мнѣ въ аптеку бѣжать надо.

— Въ аптеку? да, вѣдь, теперь пожалуй, Карлъ-отъ Иванычъ не пуститъ въ аптеку-то до утра. Да у васъ кто же боленъ-отъ?

— Мужъ, мужъ боленъ. Отпирай же, матка: мнѣ здѣсь не стоять съ тобой и самъ-дѣлѣ.

— Да какого же вы такова солдата? я всѣхъ здѣсь солдатокъ-то знаю, а ничто васъ никогда не видала.

— Да что ты меня держишь и самъ-дѣлѣ? отпирай сейчасъ, а то пойду, барину буду жаловаться, что мнѣ нужно въ аптеку бѣжать, а ты меня не выпускаешь.

— Ахъ ты, мать моя, какая ты сурьезная. Подиподи, что больно загорѣлось. Ночью ходишь, честныхъ людей будишь, да еще воюешь, ровно барыня какая. Ступай! что за госпожа такая? Ишь-ты, хвостъ-отъ подбродила ... Шлюха еще какая, а тоже фырчетъ! ... бормотала мѣщанка, смотря вслѣдъ за быстро-уходящей Аграфеной, потомъ съ досадой, крѣпко хлопнула калиткой и совершенно недовольная пошла въ домъ.

Въ тотъ же день объ этомъ таинственномъ посѣщеніи, разумѣется, было сообщено всѣмъ ближайшимъ сосѣдямъ, а оттуда пошло дальше, съ надлежащими прибавленіями и поясненіями.

Между-тѣмъ Аграфена торопливо шла въ Родовое-Подгородное, но какъ ни спѣшила она, а пришла домой уже тогда, какъ совсѣмъ стало свѣтло и въ домѣ всѣ проснулись, даже Ѳедоръ Иванычъ. Аграфена опасалась только одной Глафиры — и не ошиблась. Нянька вставала рано и имѣла обыкновеніе тотчасъ заходить въ комнату Наденьки: это она исполняла съ особенной аккуратностью съ-тѣхъ-поръ, какъ была оскорблена недовѣрчивостью своей барышни и начала подыскиваться подъ Аграфену, которую считала своимъ соперникомъ въ любви и довѣріи Наденьки. До-сихъ-поръ всѣ ея поиски были безполезны: къ Аграфенѣ ни въ чемъ нельзя было придраться и потому Глафира особенно обрадовалась: не найдя поутру Аграфены въ комнатѣ барышни, Нянька осмотрѣла всѣ шкапы и открыла, что, кромѣ Аграфены, нѣтъ также ея теплой шубы и большого платка, слѣдовательно Аграфена ушла куда-нибудь далеко.

— Я про тебя барынѣ не буду докладывать; я самому барину доложу! думала Глафира и была чрезвычайно довольна, когда узнала, что Ѳедоръ Иванычъ проснулся, а Аграфена еще не приходила Она вошла въ кабинетъ къ Коркину.

— Батюшка, Ѳедоръ Иванычъ, воля ваша, начала Глафира: а послѣ на меня не извольте гнѣваться, если что случится; я не разъ докладывала барынѣ, а теперь, какъ вамъ угодно, а я вамъ доложу: Грашка у насъ никуда не годится, совсѣмъ отъ рукъ отбилась, никакого уема на нее нѣтъ; что

хочетъ, то и дѣлаетъ; того и смотри, что со своими мерзостями еше барышню обокрадетъ, да и бѣжитъ куда. Не одну ночь я вижу, что она пропадаетъ, вотъ и сегодня до-сей-поры нѣтъ. И куда она бѣгаетъ, и Богъ ее знаетъ. До-сей-поры ее нѣтъ, и въ комнатѣ барышни ничего не прибрано — и платье и юбки не прибраны: какъ поскидали вчера, такъ и валяются.

— Пошли ее ко мнѣ тотчасъ, какъ она придетъ-приказалъ Ѳедоръ Иванычъ.

— Слушаю, батюшка, прикажите ее поучить хорошенько; совсѣмъ дѣвка отъ рукъ отбилась, а то всего бы лучше ее вовсе отъ барышни отставить...

— Ну, ступай: я тамъ увижу.

— Впрочемъ, батюшка, это какъ вамъ угодно, вся ваша власть, а я только такъ, чтобы доложить, чтобы послѣ мнѣ въ отвѣтѣ не быть, что старшая, а не доложила, Кому же и доложить, коли не мнѣ? кто больше-то меня порадѣетъ?

Нянька безпрестано выбѣгала то изъ бѣлаго, то изъ чернаго крыльца, высматривая и сторожа Аграфену, наконецъ къ неописанной радости замѣтила ее идущую къ воротамъ.

— Гдѣ гулена была, гдѣ ночь-то шлялась? сказала Глафира, встрѣчая Аграфену и внутренно радуясь ея смущенію.

Аграфена дѣйствительно смутилась, поблѣднѣла, но не упала духомъ и не хотѣла покориться врагу.

— А тебѣ что за дѣло: гдѣ была, тамъ нѣтъ!... тебѣ что ли отчетъ стану отдавать?

— Ну, а коли не мнѣ, такъ поди-ка къ барину: онъ приказалъ мнѣ тебя привести къ нему. Ступай, ка, поди къ нему прямо: онъ тебя самъ доспро-

сится, гдѣ была ... Что, зелье, говорила я тебѣ, что подведу ... Что, не ушла отъ меня? ...

— Ты зелье-то, а не я ... Ну что, пойдемъ къ барину ... отвѣчала неустрашимая Аграфена.

Между-тѣмъ Наденька не спала, а только притворялась спящею: она слышала, какъ входила къ ней Глафира, боялась, что Аграфена попадется ей и была въ сильной тревогѣ. Наконецъ она услышала шаги Аграфены: та подошла къ ея постели и Наденька тотчасъ, по веселому и улыбающемуся лицу своей служанки, догадалась, что непріятнаго ничего не случилось.

— Ну что, Граша? спросила Наденька.

— Тише, барышня, погодите: совсѣмъ было попалась; ехидна-то наша подвела: къ папенькѣ, вѣдь, водила меня!

Наденька поблѣднѣла.

— Да ничего, барышня, вывернулась: ужъ я ли не вывернусь! Гдѣ, говоритъ, ты была? спрашиваетъ папенька ... Виновата, я говорю, батюшка, къ любовнику своему ходила ... А та-то поетъ, а та то поетъ, стоитъ сзади ... ехидна-то.

— Ну что же папаша?

— Ничего не сдѣлали, только изволили побранить, да двѣ плюшки пожаловали.

— Ахъ, ты бѣдная Граша ... душенька ...

— Ну, такъ вотъ велика бѣда: двѣ плюшки. Мы не благороднаго какаго воспитанія, и не это видали ... Я только одного и боялась, что какъ бы намъ съ вами не разговориться: да то, думаю, вѣдь, ужъ вы не скажете куда посылали ... А ехидна-то злится, а зелье-то бѣсится, она думала, что съ меня вотъ такъ голову и снимутъ ... А я знаю, что нашъ батюшка ничего за это не сдѣлаетъ: знаетъ, что дѣвкѣ безъ того жить нельзя ... Вотъ письмо-

то ... я подъ подушку суну, а вы такъ въ кровати и читайте; я занавѣски-то задерну, а вы и читайте, а какъ кашляну, значитъ кто-нибудь идетъ.

— Душенька, Граша, благодарю тебя ... Поцѣлуй меня ... Какъ ты, его нашла? ... Что онъ дѣлалъ? ... Здоровъ онъ или нѣтъ? ...

— Ну, ужъ послѣ, послѣ; все разскажу: читайте записку то ...

Аграфена задернула занавѣсъ у кровати и отошла съ безпокойствомъ на лицѣ.

— Что-то будетъ, какъ письмо-то прочитаетъ? думала она, чутьемъ отгадывая непріятное для Наденьки въ принесенномъ письмѣ.

Затаивъ дыханіе, Аграфена стала прислушиваться. Она ожидала услышать рыданія и приготовлялась утѣшать свою барышню. Но, вмѣсто того, Наденька вдругъ отдернула занавѣсъ, встала съ постели и позвала Аграфену.

— Подай мнѣ одѣваться поскорѣе! проговорила она прерывающимся голосомъ.

Лицо ея было блѣдно, грудь неровно колыхалась, глаза налиты слезами, но она очевидно сдерживала рыданія.

— Куда вы, барышня, хотите вставать? еще рано вѣдь, и маменька, и папенька почиваютъ.

— Тѣмъ лучше. Гдѣ папаша?

— У себя въ кабинетѣ?

— Давай же мнѣ скорѣе одѣваться, поскорѣе, Граша.

— Да что вы хотите дѣлать?

— Ничего ... не спрашивай теперь ничего ... Послѣ скажу.

Поспѣшно одѣвшись, Наденька вошла въ кабинетъ отца.

— Что это ты рано встала сегодня? спросилъ Ѳедоръ Иванычъ.

— Такъ, папаша, не спалось.

Коркинъ взглянулъ подозрительно на разстроенное лицо Наденьки.

— Ты нездорова или чѣмъ-нибудь разстроена?

— Нѣтъ, папаша, я здорова ...

Вдругъ слезы брызнули изъ глазъ Наденьки; она обвила руками шею отца.

— Папаша ... простите меня ... я виновна передъ вами! ... пролепетала она.

— Что это значитъ? съ безпокойствомъ спросилъ Ѳедоръ Иванычъ.

— Папаша, я люблю его ... простите меня ...

— Это что еще такое?

— Я люблю Крушинскаго ... я не могу жить безъ него. Вы не знали этого, папаша: я боялась вамъ признаться, вы думали, что это только такъ ... скоро пройдетъ ... Вы напрасно его оскорбили, папаша: онъ ни въ чемъ не виноватъ, онъ не увлекалъ меня ... я сама его полюбила съ перваго раза ... Я только не понимала этого ... Папаша, душенька, простите меня, что я тотчасъ же не призналась вамъ ... вы не стали бы его оскорблять, зная, что я люблю его ...

Ѳедоръ Иванычъ нарочно молчалъ, сдерживая гнѣвъ и негодованіе: онъ зналъ, что въ подобныхъ случаяхъ всего лучше хладнокровіе и власть надъ собою.

— Такъ ты, значитъ, видаешься съ нимъ тайно! ... вотъ какъ! ... Поздравляю! съ горькой улыбкой сказалъ Ѳедоръ Иванычъ.

— Нѣтъ, папаша, нѣтъ ... Простите меня ... Мнѣ было грустно, тошно ... я хотѣла его видѣть

и писала къ нему ... но онъ вотъ какой благородный: посмотрите, что онъ мнѣ отвѣтилъ ...

Наденька подала отцу письмо Крушинскаго. Ѳедоръ Иванычъ прочиталъ.

Онъ обдумывалъ, что ему дѣлать, между-тѣмъ какъ Наденька плакала, рыдала, цѣловала и обнимала его, произнося свои отрывочныя и несвязныя рѣчи.

— Такъ ты вошла въ переписку съ нимъ, безъ вѣдома и безъ воли отца! ... Онъ умѣлъ уже насплетничать и очернить отца въ твоихъ глазахъ ... Чего же ты хочешь отъ меня? ... Ты, значитъ, имѣешь свою волю, не признаешь воли и желаній отца, распоряжаешься сама собою; для чего же ты теперь разсказываешь мнѣ про свою любовь? ... Ты не признаешь надъ собой воли отца — и я отъ тебя отказываюсь ... тебѣ не нужно ни мое мнѣніе, ни согласіе: къ чему же и безпокоить меня?.. дѣйствуй сама, какъ знаешь ...

— Нѣтъ, папаша ... я люблю васъ ... я ни на что не рѣшусь безъ вашаго согласія ...

— Что мнѣ въ твоихъ словахъ, когда я вижу твои поступки? Она ни на что не рѣшится безъ согласія отца, когда уже рѣшилась переписываться потихоньку, не подумавши о томъ, пріятно ли это будетъ отцу, согласится ли онъ на это ...

— Папаша ... я боялась сказать вамъ о любви моей! ...

— Чего же ты боялась?

— Я боялась, что вы не согласитесь на нее, что вы прогнѣваетесь на меня ... Я видѣла, что вы не любите его ...

— Прекрасно! ... Ты боялась сказать отцу о своей любви, а не побоялась писать къ человѣку, котораго отецъ не любитъ. Отличное доказатель-

ство, что ты ни на что не рѣшишься безъ согласія отца! ... Оставь меня въ покоѣ, поди ... Я не хочу съ тобой говорить ... Ты не хочешь быть моей дочерью: Богъ съ тобой, я не буду твоимъ отцомъ ...

— Папаша, душенька ... простите меня: я люблю его ...

— Да мнѣ-то какое же дѣло: люби сколько тебѣ угодно ... Я и знать не хочу о тебѣ: ты не дочь мнѣ больше, ты сама отъ меня отказалась ...

— Папаша, простите меня ... Я знала, что вы не любите его за то, что онъ такого происхожденія и бѣденъ ... но онъ прославится, папаша, будетъ богатъ ...

— Ну, и прекрасно ... Ты отказываешься отъ своихъ родныхъ, отъ отца и матери ... Мы ничего не сдѣлали для тебя, ничѣмъ не заслужили твоей любви, ты наживешь другихъ родителей, будешь цѣловать руки у дьячка съ дьячихой ... Тебѣ это нравится, а я не хочу родниться съ тѣми людьми, которыхъ не пускаю дальше своей прихожей. Тебѣ ничего не стоитъ для перваго встрѣчнаго отказаться отъ своего дома, отъ своей семьи, отъ родителей, ну и я отъ тебя отказываюсь ...

— Папаша ... такъ пожалѣйте меня, научите меня: что же мнѣ дѣлать? Мнѣ тяжело, невыносимо жить безъ него ... Я люблю васъ, папаша, всѣхъ ... но я и его люблю ... Я не могу жить безъ него ...

— Такъ что же тебѣ мѣшаетъ жить съ нимъ ... Съ Богомъ! Ты уже отказалась отъ моей власти, отъ моего участія въ твоей судьбѣ, сама распоряжаешься ею — и я не хочу и вмѣшиваться въ твои дѣла, забываю, что есть у меня дочь ...

— Такъ вы отказываетесь отъ меня ... вамъ не

жалко меня? ... Вы не вѣрите мнѣ ... не любите меня ...

— Вотъ видишь: до-сихъ-поръ я ничѣмъ не умѣлъ доказать тебѣ любви своей. Воспитаніе, которое тебѣ далъ, всѣ заботы и попеченія о тебѣ — все это нипочемъ, все это не доказываетъ любви и не стоитъ никакой благодарности ... Уйди же отсюда, не возмущай меня ... Или ты хочешь сказать еще что-нибудь столько же пріятное для меня? ...

— Нѣтъ, папаша, нѣтъ ... Вы знаете, что я люблю васъ ... Вы сами меня любите ... но вы гнушаетесь имъ, оттого такъ и говорите ... Вы хоть скажите мнѣ ... что, когда онъ прославится, сдѣлается богатъ ...

— Что же тогда? ... отца его изъ дьячковъ сдѣлаютъ дьякономъ ... Послушай: я тебѣ сказалъ, чтобы ты оставила меня и не говорила объ этомъ ... или ты хочешь меня выгнать изъ дому? ...

— Папаша ... вы не понимаете, что дѣлается со мной ... вы меня мучите ...

— Ахъ, Боже мой! Да что же это такое? ... Ты въ самомъ дѣлѣ хочешь выгнать меня ...

Ѳедоръ Иванычъ всталъ и быстро ушелъ изъ кабинета. Наденька осталась на мѣстѣ, тихо рыдая, и закрыла лицо руками. Потомъ, совершенно измученная, уничтоженная, безъ всякой мысли и сознанія, съ одной болью въ сердцѣ, побрела она въ свою комнату. Аграфена не могла отъ нея добиться ни одного слова.

Ѳедоръ Иванычъ ушелъ въ одну изъ самыхъ дальнихъ комнатъ своего обширнаго дома. Онъ былъ огорченъ и разстроенъ: ему было жаль дочери, онъ понималъ, что любовь ея не минутная

вспышка вѣтреной дѣвушки, что трудно будетъ заставить ее позабыть Крушинскаго; но онъ не видѣлъ никакой возможности дѣйствовать иначе, ибо бракъ его дочери съ лекаремъ представлялся его воображенію, какъ величайшее семейное несчастіе, какъ вѣчное, несмываемое пятно для его чести и достоинства, такъ что и подумать о немъ не могъ онъ безъ ужаса и негодованія. Ѳедоръ Иванычъ зналъ, что Наденька любитъ его, но опасался ея энергической и порывистой натуры, и потому рѣшился показывать къ ней нѣкоторое время холодность и равнодушіе и въ то же время тщательно слѣдить за нею. Послѣднюю обязанность онъ счелъ за лучшее возложить на Глафиру, догадавшись, что Аграфена была посредницей въ доставленіи писемъ отъ Наденьки къ Крушинскому и что нянька не любила горничной. Онъ приказалъ позвать къ себѣ Глафиру.

— Я вижу, что на Аграфену положиться нельзя: она дѣвка скверная, сказалъ Ѳедоръ Иванычъ, и потому поручаю тебѣ, Глафира, наблюдать за ней и чтобы у нея не было никакихъ секретовъ съ барышней ... Для этого ты должна мнѣ докладывать обо всемъ, чтобы мнѣ было все извѣстно ... Слышишь: я тебѣ это поручаю ...

— Слушаю, сударь батюшка, Ѳедоръ Иванычъ, ужъ будьте покойны: я присмотрю во всемъ. А Грашку, сударь, изволите оставить при барышнѣ?

— Да, пока оставлю: Надя ее любитъ и я не хочу ея огорчать ... Для этого-то я и поручаю тебѣ смотрѣть за нею и докладывать мнѣ обо всемъ ...

— Слушаю, батюшка, понимаю: ужъ она у меня ни въ чемъ не провернется, не пущу по ночамъ бѣгать ... Я и спать стану коли въ барышниной комнатѣ ... Я вѣдь понимаю-съ ...

И дѣйствительно Глафира отлично понимала, чего хочетъ отъ нея Ѳедоръ Иванычъ, ибо подслушала разговоръ его съ дочерью.

— Но только смотри, чтобы Надя не подумала, что ты за ней присматриваешь и по моему приказанію ...

— Какъ это возможно, сударь, покажу ли я это? Просто скажу, что узнала, что Грашка по ночамъ дома не живетъ, такъ ложусь въ ихной комнатѣ, чтобы комната пустая не оставалась, какъ она подумаетъ опять убѣжать ... Ужъ не безпокойтесь, батюшка, Ѳедоръ Иванычъ ... А всего бы лучше эту дѣвушку заблаговременно удалить, покамѣсь чего не набѣдокурила ...

— Барыня встала?

— Изволятъ вставать-съ.

Ѳедоръ Иванычъ разсказалъ женѣ о всемъ случившемся, осыпалъ ее упреками — и упреки его по обыкновенію были очень грубы и жостки. Катерина Михайловна, разумѣется, сначала защищалась, потомъ кончила стонами, слезами, жалобами и, въ свою очередь, выместила свое огорченіе на Наденькѣ.

— Что я за несчастная мать, что я за несчастное существо! говорила Катерина Михайловна. Со всѣхъ сторонъ только и вижу одно огорченіе, однѣ непріятности. Отецъ говоритъ, что ты по моей милости и по моему наущенію разлюбила его, потеряла къ нему всякое уваженіе и довѣренность. Что ты по моей милости ни во что не ставишь его и дѣлаешь что хочешь; что я научила тебя его обманывать; что я втравила тебя въ Крушинскаго и что я рада всякого дьячка себѣ въ родню взять ... Да что я такое, въ самомъ дѣлѣ? ... Неужели мнѣ

самой пріятно, что ты полюбила такого низкаго человѣка, что ты не могла выбрать себѣ жениха получше? ... Я сама столбовая дворянка, еще нашъ родъ, можетъ-быть, получше его рода ... И изъ-за чего я все это терплю? Изъ-за своей глупой доброты! Какъ бы я въ самомъ дѣлѣ не потакала твоимъ глупостямъ, не жалѣла тебя, — никакой бы семинаристъ не смѣлъ къ намъ и носа въ домъ показать ...

Наденька наконецъ совершенно упала духомъ: воля ея была обезсилена, переломлена, хотя любовь и не уничтожена. Она страдала, томилась, но не могла ни на что рѣшиться: и надзоръ Глафиры оказался совершенно безполезенъ, хотя и прибавилъ Наденькѣ еще новое мученіе, потому-что она лишена была послѣдней свободы, послѣдняго утѣшенія: плакать и говорить съ Аграфеной о чемъ ей хотѣлось, безъ постороннихъ свидѣтелей.

Цѣлую недѣлю прожила Наденька самою мучительною жизнью: въ общихъ комнатахъ она встрѣчала или холодное и угрюмое лицо отца, который съ ней ничего не говорилъ и съ которымъ она боялась заговорить, или вѣчно охающую и жалующуюся на нездоровье мать, или ласковую и улыбающуюся тетку, ласки и улыбка которой были для Наденьки съ нѣкотораго времени невыносимы; уходя въ свою комнату, она должна была переносить присутствіе и слушать утѣшительныя и назидательныя рѣчи Глафиры, одинъ видъ которой вселялъ уже въ ней отвращеніе. О Крушинскомъ никакого слуха, никакого извѣстія, и никакой возможности узнать что нибудь, а между-тѣмъ при воспоминаніи о немъ сильнѣе ныло сердце, сильнѣе чувствовалась потребность его присутствія, яснѣе понималась невозможность счастія ...

Наденькѣ наконецъ становилось невыносимо ея положеніе, она замѣтно вяла, похудѣла, поблѣднѣла, сдѣлалась какъ-то безжизненна. Ѳедоръ Иванычъ въ секретномъ совѣщаніи съ Клеопатрой Петровной рѣшилъ, что надобно Наденьку везти въ Петербургъ. Тетушка увѣряла, что общество и общественныя удовольствія, которыя она будетъ доставлять милой племянницѣ, непремѣнно оживятъ ее и избавятъ отъ несчастной страсти. Ѳедоръ Иванычъ рѣшился ѣхать самъ для того, чтобы кстати взглянуть на сына и возобновить для его пользы многія старыя знакомства.

Катерина Михайловна узнала объ этомъ предположеніи съ истиннымъ восторгомъ.

— Мы ѣдемъ въ Петербургъ, сказалъ Ѳедоръ Иванычъ дочери: хочешь ты ѣхать съ нами?

Въ первый разъ послѣ извѣстнаго объясненія заговорилъ съ Наденькою отецъ: сердце ея вздрогнуло при его голосѣ. Вмѣсто отвѣта, она обвила его шею руками и зарыдала.

— Вы все еще гнѣваетесь на меня, папаша? ... проговорила она.

Ѳедоръ Иванычъ былъ тронутъ, но не хотѣлъ этого показать.

— Я не гнѣвался, но горевалъ, что ты мало любишь меня ...

— Нѣтъ ... я люблю ...

— Дай Богъ мнѣ убѣдиться въ этомъ на дѣлѣ ... Перестань же плакать ... хочешь ѣхать, такъ собирайся же ... Черезъ нѣсколько дней мы поѣдемъ.

— Позволите мнѣ взять Аграфену съ собою?

— Можешь, отвѣтилъ Ѳедоръ Иванычъ, подумавши.

Наденька была нѣсколько рада предстоящей по-

ѣздкѣ; она избавляла ее отъ того безвыходнаго положенія, въ которомъ она до-сихъ-поръ находилась: что-нибудь новое да не та жизнь, которою она жила послѣдніе семь дней. Отецъ заговорилъ съ ней, мать смотрѣла весело и улыбалась, Аграфена будетъ съ ней, а о Крушинскомъ все равно и здѣсь она ничего не знаетъ. Срокъ отъѣзда былъ назначенъ самый скорый. Сборы въ дорогу, постепенно увеличивавшаяся внимательность и ласковость отца, мечты о свиданіи съ братомъ и прежними подругами по пансіону нѣсколько оживили Наденьку; мысль о Крушинскомъ не покидала ея, но она не сопровождалась уже такимъ нестерпимо болѣзненнымъ чувствомъ, какъ нѣсколько дней назадъ: какая-то неясная надежда закралась въ душу вмѣстѣ съ неожиданной новостью и перемѣною обстоятельствъ.

Аграфена была рѣшительно на верху счастья: она гордо посматривала на Глафиру, да и на всю дворню, и хлопотливо приготовлялась къ дорогѣ. Но вотъ насталъ и день, назначенный для выѣзда. Уже кучера возились около экипажей и лошадей, громко перекликались и еще громче перебранивались, горничныя суетливо бѣгали изъ комнаты въ комнату, изъ гардеробной въ кладовую, стучали дверями шкаповъ, крышками сундуковъ, слуги, столпясь въ прихожей, толковали о томъ: съѣдутъ ли господа до Питера по зимнему пути, или захватитъ ихъ распутица, и долго ли пробудутъ господа въ Питерѣ, и какимъ порядкомъ вернутся оттуда зимніе экипажи, если господа вздумаютъ воротиться домой лѣтомъ, и на чемъ они поѣдутъ лѣтомъ: значитъ, будутъ покупать карету, либо возокъ поставятъ на колеса, либо продадутъ тамъ свои экипажи. Вотъ уже въ переднюю мало-по-малу снесли и наклали цѣлыя

горы подушекъ, перинъ, узелковъ, картонокъ, чемодановъ, — все, имѣющее потомъ уложиться въ возкѣ и кибиткѣ.

Наденька окончила всѣ свои сборы, была совершенно готова отправиться въ дорогу, — но ей вдругъ сдѣлалось особенно грустно, стало жаль разстаться съ своимъ домомъ, въ которомъ она такъ недолго пробыла и такъ много перечувствовала. Печально сидѣла она въ своей комнатѣ и вспоминала день за днемъ, часъ за часомъ, всѣ подробности знакомства и сближенія съ Крушинскимъ. Гдѣ-то онъ, что-то онъ дѣлаетъ? думала она: когда мы опять съ нимъ встрѣтимся? ...

Въ это время въ комнату къ Наденькѣ вошла Катерина Михайловна, которая, вслѣдствіе предстоящей поѣздки въ Петербургъ, поздоровѣла, повеселѣла, сдѣлалась снова нѣжной, чувствительной женщиной и сердобольной матерью.

— Что пригорюнилась, о чемъ думаешь? спросила она дочь.

Наденька хотѣла весело улыбнуться и не могла: улыбка ея была очень горька.

— А я знаю, о чемъ ты думаешь, и пришла тебя кое-чѣмъ утѣшить. Слушай-ка: я думаю, надобно извѣстить Аркадія Николаича, что мы ѣдемъ въ Петербургъ и гдѣ тамъ остановимся, чтобы онъ могъ къ намъ написать, если вздумаетъ когда, или покрайней-мѣрѣ зналъ бы, гдѣ мы будемъ ... А, какъ ты думаешь? ...

Наденька не знала, что ей отвѣчать и молчала.

— А я ужъ придумала, какъ это и сдѣлать: мы вѣдь на своихъ лошадяхъ только до города, а тамъ поѣдемъ на почтовыхъ, такъ я напишу записку къ Аркадію Николаичу и велю завезти кучеру, когда

онъ поѣдетъ съ лошадьми назадъ. Не хочешь-ли и ты что приписать: папенька не узнаетъ ...

— А если узнаетъ какъ-нибудь? спросила Наденька.

— Ну, такъ вѣдь ужъ что же? Мнѣ же достанется-то, не тебѣ: не привыкать стать — оттерплюсь какъ-нибудь ... Да не узнаетъ, не бойся ...

— Я бы только два слова написала, чтобы онъ не грустилъ ...

— Ну, да ужъ сколько хочешь пиши ...

Наденька поцѣловала руку матери.

— То-то ... Видишь ли, какъ мать-то о тебѣ заботится ... Узналъ бы отецъ объ этомъ, досталось бы мнѣ отъ него ...

Наденька должна была опять благодарить мать. Катерина Михайловна разнѣжилась.

— Онъ, видно, не былъ влюбленъ, продолжала она: не знаетъ, каково это мученье, когда въ разлукѣ съ любимымъ человѣкомъ ...

Записка тотчасъ же была написана: Катерина Михайловна увѣряла Аркадія Николаича въ своей любви и вѣчной преданности, просила не исключать ея изъ своей памяти, заклинала его не грустить, желала счастія и успѣховъ въ предпріятіяхъ, просила писать въ Петербургъ прямо на ея имя въ квартиру Клеопатры Петровны. Наденька приписала только слѣдующія слова: „Мы уѣзжаемъ въ Петербургъ, но, можетъ-быть, все къ лучшему ... Не грустите, вѣрьте въ меня: я всегда останусь та же, надѣйтесь на будущее.“

— Вотъ лучше всегда быть откровенной съ матерью, а то вздумала писать потихоньку, просить отца мимо меня — что вышло? ... замѣтила Катерина Михайловна, когда Наденька кончила свою приписку и отдала письмо матери.

Наконецъ лошади заложены, экипажи поданы къ крыльцу, вся дорожная поклажа помѣщена въ нихъ, слуга Клеопатры Петровны и слуга Коркиныхъ, взятый для сопровожденія господъ въ Петербургъ, натянули на себя шубы и прощались съ прочею прислугою, крѣпко лобызаясь и сильно потрясая руками. Глафира, съ которою Катерина Михайловна не могла разстаться, Аграфена и горничная Клеопатры Петровны также окутались и обвязались съ ногъ до головы такъ, что видны были только ихъ носы и глаза, — однимъ словомъ, все было готово. Ѳедоръ Иванычъ отдалъ послѣднія приказанія прикащику, подтвердилъ дворнѣ, чтобы она вела себя хорошенько, со всей семьей помолился Богу. Господа усѣлись въ переднемъ экипажѣ, въ задній, при смѣхѣ всей дворни, попихали горничныхъ, ибо сидѣть тамъ, за множествомъ поклажи, не было никакой возможности: при этомъ Аграфена особенно заботилась о томъ, чтобы не помѣститься рядомъ со врагомъ своимъ, Глафирой.

— Уфъ, батюшки, эка тѣснота: задохнешься! проговорила Глафира, протискавшись въ кибитку.

— Ничего, теплѣе будетъ! замѣтилъ кто-то изъ дворовыхъ.

— Благо бы задохнулась, да не задохнешься: тебѣ духу-то не много нужно: змѣей шипишь! прибавилъ вполголоса другой.

— Ну, что, совсѣмъ ли? окликнулъ лакей съ господскаго экипажа.

— Совсѣмъ.

— Ну, трогай. Прощайте.

— Счастливо.

Кнуты щелкнули, лошади тронулись, зазвенѣли колокольчики, и Наденька въ послѣдній разъ, со

вздохомъ и грустью, взглянула на свой родной кровъ ...

Толпа дворовыхъ, поеживаясь на морозѣ, долго смотрѣла вслѣдъ удаляющимся экипажамъ; потомъ кто-то сказалъ: ну, совсѣмъ не видать! всѣ подтвердили это замѣчаніе и съ веселымъ говоромъ и смѣхомъ разбрелись, куда кому хотѣлось и никто за работу: день отъѣзда господъ всегда праздникъ для дворни.

V.

Вѣсть о помолвкѣ князя Бандурова на Катенькѣ мгновенно разнеслась по городу и, разумѣется, всѣхъ поразила и во многихъ возбудила негодованіе. Больше всѣхъ досадовала городничиха, уже писавшая своему сыну, чтобы онъ непремѣнно взялъ отпускъ и пріѣзжалъ на масляницу.

— Какая наглость, говорила она исправницѣ, поѣхавши къ ней тотчасъ по полученіи свѣжей новости: какая наглость въ этой Хрящевой! Не сама ли она бранила Бандурова и увѣряла, что не посовѣтуетъ идти за него даже гувернанткѣ своей, а не только дочери ... Вы, я думаю, сами слышали это, Любовь Ивановна? ... Сама вездѣ распускала слухъ что Бандуровъ въ связи съ Коркиной ... И вслѣдъ за тѣмъ тотчасъ же отдаетъ за него свою дочь ... Ну, скажите пожалуйста, только откровенно скажите: на что это похоже? ...

— Это значитъ, что она ловкая интриганка ... для такихъ простачковъ, какъ князь ... но хитрости ея очень грубы, очень аляповаты ... въ нихъ нѣтъ, знаете, этой finesse, которой отличаются хитрости женщинъ съ высшимъ образованіемъ ... Знаете, для провинціальной жизни это еще довольно тонко, но въ столицѣ это бы тотчасъ замѣтили.

— Но, вѣдь какъ же, Любовь Ивановна, это, вѣдь обидно: значитъ, она всѣхъ насъ обманывала, сдѣлала дурами ...

— О, нѣтъ, я понимала всѣ ея маневры ... Я понимала — и только хохотала въ душѣ: мнѣ было очень забавно смотрѣть на всѣ ея затѣи ... и, признаюсь вамъ откровенно, я внутренно хохотала, хохотала отъ души ...

— Но за что же, Любовь Ивановна, по ея милости, оскорбили эту бѣдную Коркину ... Вѣдь, еще Богъ знаетъ, чѣмъ это кончится ... Когда я все разсказала мужу, онъ даже очень опасался за Андрея Марковича, если Коркинъ узнаетъ, что его супруга подговорила офицеровъ сдѣлать публичный афронтъ его дочери: вѣдь Коркинъ въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ съ губернаторомъ ... Мужъ даже очень безпокоился, какъ бы Коркинъ не подумалъ, что и мы тутъ участвовали.

— Ахъ, Боже мой, вотъ важность какая! ... А я такъ была бы очень довольна, если бъ мужа моего кто-нибудь отставилъ отъ должности: тогда мы тотчасъ поѣхали бы жить въ столицу ... Но губернаторъ, какъ на зло, когда былъ здѣсь, и когда, помните, Иванъ Захарычъ приглашалъ его обѣдать къ намъ, въ продолженіе всего обѣда просто не сводилъ съ меня глазъ и наговорилъ мнѣ столько любезностей, что я наконецъ погрозила ему пальцемъ и говорю: „генералъ, вспомните, что вы женаты! ...“ А онъ тоже мнѣ грозитъ пальцемъ и говоритъ: „madame, вспомните, что и у женатыхъ есть чувства, и что не на всѣхъ можно смотрѣть равнодушно!“ ... Мы ужасно послѣ того съ нимъ хохотали. Но я вамъ только то скажу, что Коркина такъ кокетничаетъ, такъ противно ломается и важничаетъ, что ее стоило

проучить, а Хрящевой извинительно было заботиться о партіи для своей дочери ... хоть, конечно, Бандуровъ не очень завидная партія, но гдѣ же бы она нашла лучше для своей дочери? ...

— Но вы, значитъ, не знаете, Любовь Ивановна, Хрящевой: вы посмотрите, какъ она будетъ важничать тѣмъ, что у нея зять — князь.

— О, кто привыкъ къ высшему обществу, кто видалъ столько князей и графовъ, какъ я видала ихъ въ свою жизнь, тотъ не позволитъ Татьянѣ Ивановнѣ важничать какимъ-нибудь княземъ Бандуровымъ.

— А вы не слыхали, Любовь Ивановна, сколько Хрящевы даютъ за своею дочерью?

— Конечно, немного, да и гдѣ же имъ взять? Вѣдь ихъ состояніе не такъ велико, а вѣдь у нихъ три дочери.

— А я слышала, что они вовсе ничего не дадутъ, что князь Бандуровъ останется вовсе въ дуракахъ. Эта Татьяна Ивановна удивительная женщина!

— Э, полноте, пожалуйста: что жъ тутъ удивительнаго — провести какого нибудь мальчика! Если бы вы знали, какъ эти вещи дѣлаются въ высшемъ обществѣ и не съ такими людьми, какъ князь Бандуровъ! ...

— А свадьба, говорятъ, очень скоро и непремѣнно до масляницы: я это знаю навѣрное. Мнѣ сказывала одна вдова, отставная чиновница — да вы, я думаю, знаете ее — Мокринская ... Она, ходитъ ко мнѣ иногда отобѣдать, чаю напиться, знаете ... по бѣдности ... Такъ она мнѣ сказывала, что ей разсказывала горничная Хрящевыхъ, какъ она слышала, что Татьяна Ивановна очень бра-

нила мужа, зачѣмъ онъ началъ съ женихомъ разговоръ о приданомъ, и тутъ же говорила, что надобно торопиться свадьбой, потому что князь Бандуровъ очень вѣтренъ и на него полагаться нельзя.

— Въ этомъ отношеніи для меня рѣшительно все равно, я совершенно покойна: если угодно, господа Хрящевы могутъ завтра же дѣлать свадьбу, а послѣ завтра свадебный балъ ... у меня все готово .. Я на-дняхъ жду себѣ изъ Москвы два новыхъ бальныхъ платья ... черный моаре съ кружевной отдѣлкой и глясе гладкое, молочнаго цвѣта ... Я нахожу, что молочный цвѣтъ идетъ ко мнѣ и очень люблю его.

На лицѣ городничихи выразилась сильное безпокойство, ибо у ней не было наготовѣ ни одного новаго платья, ни для себя, ни для дочерей, и потому, пріѣхавши домой, она тотчасъ же составила, по этому поводу домашній комитетъ, на которомъ соображены всѣ туалетныя необходимости и составленъ планъ аттаки на городническій кошелокъ, столь же неподкупный для расходовъ, сколь воспріимчивый для приходовъ.

Подобными заботами и хлопотами былъ занятъ весь городъ, но, не смотря на то, когда Татьяна Ивановна, пригласивъ все свое общество на вечерній чай, при громко откупоренной бутылкѣ шампанскаго объявила о помолвкѣ своей дочери, то всѣ были изумлены и обрадованы этой неожиданностью до крайности; спрашивали Татьяну Ивановну, давно ли князь сдѣлалъ предложеніе, и съ невинной улыбкой увѣряли ее, что конечно Катерина Андреевна давно уже помолвлена, но что Татьяна Ивановна только скрывала это. Татьяна Ивановна на такія увѣренія ничего не отвѣчала, а только лукаво улыбалась. До-

чери городничихи, поѣхавшія черезъ нѣсколько дней къ Хрящевымъ, чтобы поздравить Катеньку, а насамомъ дѣлѣ для того, чтобы повывѣдать отъ нея о времени свадьбы, были также необыкновенно рады счастью Катеньки, и только одна простодушная Раичка рѣшилась напомнить ей, какъ она бранила князя и увѣряла, что ни за что не пойдетъ за него.

— А вы и повѣрили? возразила Катенька. Да развѣ кто нибудь могъ бы отказать такому сокровищу? Я ужъ и тогда знала, что онъ на мнѣ женится.

Весь городъ былъ такъ взволнованъ и занятъ предстоящей свадьбой, что вѣсть объ отъѣздѣ Коркиныхъ въ Петербургъ не произвела того движенія, котораго надобно было ожидать, хотя всѣ тотчасъ догадались, почему такъ поспѣшно увезли потерянную дѣвушку, кто такая нѣсколько разъ приходила ночью къ Крушинскому, и зачѣмъ самъ Крушинскій, говорятъ, подалъ прошеніе объ отпускѣ, а Любовь Ивановна обѣщала написать къ одной своей знакомой въ Петербургъ, чтобы она сообщила обо всемъ, что будетъ касаться до Коркиныхъ. Татьяна Ивановна съ своей стороны заботилась только объ одномъ — чтобы сдѣлать свадьбу непремѣнно до масляницы, потому, говорила она, что Пасха нынче будетъ поздняя — въ послѣднихъ числахъ апрѣля, а весной, пожалуй, объявятъ походъ и ей мало достанется посмотрѣть и порадоваться на своихъ молодыхъ; да притомъ, прибавляла она съ улыбкою, въ маѣ, говорятъ, не надо дѣлать свадьбы, потому-что тѣ, которые въ май вѣнчаются, говорятъ, всю жизнь маются. А на самомъ дѣлѣ Татьяна Ивановна побаивалась за постоянство князя и держалась пословицы: куй желѣзо, пока горячо. Она очень хорошо

понимала, что въ городѣ станутъ говорить по случаю этой поспѣшности, да пусть ихъ говорятъ: теперь на это нечего смотрѣть: ужъ что нибудь да найдутъ сказать отъ досады и зависти, а все-таки ея Катенька будетъ княгиней и всѣ будутъ оказывать ей уваженіе и называть ваше сіятельство. Теперь покуда князь очень воспламененъ Катенькой, бываетъ каждый день у своей невѣсты, не отходитъ отъ нея, безпрестанно цѣлуетъ ручки, — теперь онъ самъ торопитъ свадьбой и весь въ распоряженіи Татьяны Ивановны, а тутъ цѣлыхъ два мѣсяца нельзя играть свадьбы! можетъ охладѣть, да и мало ли что можетъ случиться!

И такъ Татьяна Ивановна на послѣдней недѣлѣ передъ масляницей назначаетъ день свадьбы, а наканунѣ его дѣвишникъ ... Но это не дѣвишникъ — Татьяна Ивановна терпѣть не можетъ такихъ мужицкихъ названій: это балъ наканунѣ свадьбы, совершенно необходимый по мѣстнымъ обычаямъ. На этотъ балъ Катенька приглашаетъ всѣхъ своихъ подругъ, чтобы поблагодарить ихъ за прежнюю дѣвичью дружбу, подразнить ихъ въ послѣдній разъ своимъ красавцемъ-женихомъ и похвастать, на зло и зависть всѣмъ, своимъ будущимъ счастьемъ. Князь Бандуровъ приглашаетъ на этотъ балъ всѣхъ своихъ юныхъ товарищей, чтобы провести съ ними послѣдній вечеръ на правахъ холостого человѣка. Катенька была столько любезна и внимательна, что велѣла своему милому prince пригласить непремѣнно Мармаровскаго, чтобы и этотъ несчастный лишній разъ показнился, смотря на сокровище, которое ускользаетъ отъ его рукъ и которымъ онъ, недостойный, думалъ владѣть. Князь исполнилъ желаніе своей невѣсты и Мармаровскій явился на балъ. Но, Боже

мой, на него жалко и страшно смотрѣть, по крайней мѣрѣ такъ казалось самой младшей и самой невинной изъ дочерей городничихи, чувствительной и сострадательной Раичкѣ. Во весь вечеръ Мармаровскій ни съ кѣмъ не говорилъ, не танцовалъ, стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, у печки, около дверей въ прихожую, сложивши руки по-наполеоновски, съ ядовитой улыбкой на устахъ, и не сводилъ грознаго и многозначительнаго взгляда съ Катеньки. Всѣ замѣтили странное поведеніе Мармаровскаго и многіе подходили къ нему съ вопросомъ: „отчего вы не танцуете?“

— Не хочу! отвѣчалъ Мармаровскій коротко и отрывисто, смотря прямо въ глаза вопрошавшему.

— Отчего же не хотите?

— Странный вопросъ: оттого, что не хочу!

— Вы, вѣрно, огорчены чѣмъ-нибудь? спросила Раичка.

— Для меня нѣтъ радостей, но не можетъ быть и огорченій: я ко всему равнодушенъ ...

— Отчего же вы такой?

— Какой? ...

— Такой ... странный?

— Я вамъ кажусь страннымъ потому, что не похожъ на всю эту глупо вертящуюся и безмысленно смѣющуюся толпу, но я хохочу въ душѣ надъ нею — и мнѣ весело: я изучаю изгибы душевной пошлости людей и мнѣ жалки становятся люди.

Раичка посмотрѣла на Мармаровскаго съ нѣкоторою робостью и отошла прочь.

— Ахъ, mesdames, сказала она, подойдя къ прочимъ барышнямъ: кажется, Мармаровскій помѣшался.

— Этой Раичкѣ вѣчно что нибудь кажется, замѣтила старшая сестра.

— Нѣтъ, право, онъ такія странности говоритъ, что ужасъ ... даже ничего понять нельзя.

— Погодите, mesdames, я сейчасъ его вылечу: онъ будетъ и говорить и танцовать, самонадѣянно сказала Катенька. Хотите посмотрѣть?

Нѣсколько барышень съ любопытствомъ послѣдовали за невѣстой.

— Отчего вы такой скучный? спросила Катенька, подойдя къ Мармаровскому и метнувши на него одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, за который, бывало, онъ готовъ былъ, по его собственному выраженію, отдать даже свое единственное могущество — свою несокрушимую волю.

Мармаровскій ни слова не отвѣчалъ и смотрѣлъ на Катеньку насмѣшливо.

— Вы чрезвычайно странно себя ведете: ни съ кѣмъ не говорите, не танцуете. Отчего вы не танцуете?

— Спросите вашего жениха, отчего онъ не прыгаетъ на одной ногѣ: это было бы ему очень прилично.

Барышни, свидѣтельницы этого разговора, засмѣялись; Катенька вспыхнула.

— Въ самомъ дѣлѣ, видно правду говорятъ, что вы съ ума сошли! сказала она съ досадой.

— Тѣмъ лучше: и Чацкаго, и Гамлета считали сумасшедшими.

— Такъ вамъ лучше бы ѣхать въ сумашедшій домъ, нежели на балъ.

— Я пріѣхалъ сюда по приглашенію вашего жениха: онъ звалъ меня въ вашъ домъ.

— Такъ я попрошу его, чтобъ онъ велѣлъ вамъ выйти отсюда, потому что вы невѣжа.

— Да, я былъ невѣжей, только не теперь, а

тогда, когда, по вашей просьбѣ, оскорбилъ бѣдную Коркину, у которой вамъ хотѣлось отбить вашего русскаго Донъ-Жуана.

Барышни многозначительно переглянулись. Катенька струсила, могла проговорить только: вы забываетесь! и отретировалась. Мармаровскій, довольный собою, съ торжественнымъ видомъ осматривалъ присутствующихъ.

Барышни, подруги и пріятельницы Катеньки, пріѣхавшія провести съ нею послѣдній вечеръ ея дорогого для нихъ дѣвства, были очень довольны Мармаровскимъ и ласково ему улыбались.

Катенька пожаловалась своему жениху на Мармаровскаго, который будто-бы наговорилъ ей дерзостей, и просила его вывести.

Князь Бандуровъ вскипѣлъ гнѣвомъ и съ рѣшительнымъ видомъ подошелъ къ Мармаровскому. Всѣ барышни, видѣвшія это, съ замираніемъ сердца ожидали чего нибудь ужаснаго.

— Мармаровскій, ты съ ума сошолъ?

— Да, это всѣ говорятъ, но про тебя не скажутъ, потому-что тебѣ не съ чего сходить.

— Уйди отсюда, или иначе я велю тебя вывести.

— Развѣ тогда, когда мнѣ можно будетъ перешагнуть черезъ твой трупъ ...

— Что ты, хочешь драку что ли сдѣлать? ... Я сейчасъ поѣду жаловаться полковнику ...

— Куда тебѣ угодно ... Завтра, въ шесть часовъ утра, я тебя жду за городомъ у кладбища. Выборъ оружія зависитъ отъ тебя ... проговорилъ Мармаровскій въ полголоса, но такъ, чтобы могли слышать всѣ окружающіе.

— Ахъ, ахъ, ахъ! закричали барышни, устрем-

ляясь къ своимъ маменькамъ, а Мармаровскій тихимъ, торжественнымъ шагомъ вышелъ изъ залы. Князь, нѣсколько впрочемъ озадаченный неожиданнымъ оборотомъ дѣла, притворно хохоталъ вслѣдъ уходящему Мармаровскому.

— Что такое? что такое? спрашивали Катенька и Татьяна Ивановна, подходя къ князю, въ сопровожденіи почти всѣхъ гостей.

— Ничего: Мармаровскому жизнь надоѣла; хочется, чтобы я его убилъ — и я его завтра убью: мы стрѣляемся.

— Что ты говоришь, Вольдемаръ: всхлипываетъ Катенька.

— Какъ это вамъ не стыдно говорить, князь: вотъ ужъ я этого никакъ отъ васъ не ожидала! замѣчаетъ Татьяна Ивановна.

— Но какъ же быть, maman? Вѣдь я не могу же отказаться отъ вызова ...

— Не только можете, вы должны отказаться, потому что завтра ваша свадьба — и все это пустяки, глупость ... Я сейчасъ пошлю Андрея Маркыча къ полковнику, чтобы онъ пожаловался на этого сумасшедшаго Мармаровскаго.

— Но, maman, моя честь, совѣсть ... Я не позволю, чтобы меня кто нибудь могъ назвать трусомъ.

— Васъ ни кто не смѣетъ назвать трусомъ, потому-что вы доказали свою храбрость ...

— Вольдемаръ, если любишь меня, ты этого не сдѣлаешь ... Пожалѣй себя для меня! рыдала Катенька, внутренно успокоенная за послѣдствія и любуясь геройствомъ своего жениха.

— Но разсуди сама, Кетти ...

— Пустяки. пустяки! этого быть не можетъ! ...

говорила Татьяна Ивановна и отправилась отыскивать мужа за картами.

Гости, не на шутку перепуганные такимъ необыкновеннымъ происшествіемъ, также съ своей стороны старались успокоить князя, но онъ былъ неумолимъ. А между тѣмъ Андрей Марковичъ, вырванный Татьяною Ивановной изъ за карточнаго стола, перепуганный ея разсказомъ, одѣтый въ шубу и посаженный въ сани, скакалъ уже къ полковнику. И когда общее волненіе въ залѣ и гостиной Татьяны Ивановны мало по малу успокоилось, а князь, убѣжденный слезами и просьбами невѣсты и логическими доводами гостей, согласился оставить безразсудный вызовъ Мармаровскаго безъ вниманія, Андрей Марковичъ воротился съ извѣстіемъ, что Мармаровскій уже сидитъ на гауптвахтѣ.

— Ну, тово, ваше сіятельство, говорилъ Андрей Марковичъ: напугали вы меня на старости лѣтъ ... Я, тово, въ жизнь свою этакого страха не видалъ. Ну, ужъ вы, того, военные, господа ... горячки, тово. Этакъ на сраженіи, тово, бѣда съ вами ... Вы у меня, этакъ Катеньку-то ... тово, съ ума сведете ... Право, тово ... хе, хе, хе! ...

— Нельзя же, папенька ... честь! ... отвѣчалъ князь съ улыбкой. Вы бы сами пошли на дуэль, если бы васъ стали вызывать ...

— Я? ... Да я бы лучше, тово, цѣлый годъ изъ дома не вышелъ, въ карты бы далъ заклятье не играть, чѣмъ это, тово, поднять руку на ближняго и свой лобъ подставить ...

— Васъ бы стали трусомъ называть.

— Такъ что: зови, коли хочется, зато я цѣлъ.

Всѣ расхохотались и тѣмъ дѣло кончилось. На другой день, совершенно спокойно и безъ особен-

ныхъ приключеній, совершилось торжественное бракосочетаніе князя Бандурова съ Катериною Андреевною Хрящевой, которая съ тѣхъ поръ получила давно желанный титулъ — ваше сіятельство.

Въ дневникѣ Мармаровскаго значилось:

21 февраля, полночь, на гауптвахтѣ. Оселъ, вырвавшись изъ когтей льва, въ настоящую минуту утопаетъ въ блаженствѣ, а левъ въ цѣпяхъ безсильно скрежещетъ зубами. Она теперь уже принадлежитъ ему ... О, женщины, женщины! когда вы перестанете любить только за одну внѣшность? ... Мое сердце истерзано вами ... Когда же явится тотъ идеалъ, который уврачуетъ его раны, и существуетъ ли онъ на землѣ? ... Вотъ вопросъ! ...

VI.

Клеопатра Петровна рѣшилась вновь приняться за оставленное дѣло: пріобрѣсти вліяніе на Наденьку и овладѣть душою ея. Вполнѣ увѣренная, что прежнія отношенія Наденьки къ Крушинскому уже не возобновятся, считая романъ этотъ совершенно оконченнымъ, Клеопатра Петровна не боялась говорить съ племянницей о докторѣ: хвалила его, признавалась, что она рѣдко встрѣчала молодыхъ людей съ такой солидностью и съ такимъ природнымъ умомъ, жалѣла не столько о присхожденіи доктора, сколько о предразсудкѣ, укоренившемся въ обществѣ и заставившемъ отца ея пренебрегать такимъ прекраснымъ человѣкомъ, какъ докторъ, осуждала Ѳедора Иваныча за излишнюю суровость, восхищалась благородной, неподкупной гордостью Крушинскаго, выражала искренное сочувствіе къ минувшимъ страданіямъ Наденьки, но вообще говорила о любви ея,

какъ о дѣлѣ конченномъ, рѣшеномъ. Въ то же время она окружала Наденьку постояннымъ вниманіемъ, осыпала ласками; зная вкусы и наклонности племянницы, безпрестанно вспоминала о тѣхъ подругахъ ея, которыхъ она особенно любила, восхищалась ими, обѣщала сблизиться съ семействами ихъ.

Наденька сначала слушала тетку разсѣянно и недовѣрчиво, она, можетъ-быть, и вовсе не стала бы говорить съ ней, если бы часто упоминаемое имя Крушинскаго не привлекало ея вниманія, если бы имя это не было повторяемое съ такимъ сочувствіемъ и похвалами, и если бы она могла говорить о немъ съ кѣмъ-нибудь, кромѣ тетки. Но Ѳедоръ Иванычъ былъ, разумѣется, недоступенъ для такой бесѣды, а Катерина Михайловна съ тѣхъ поръ, какъ сѣла въ экипажъ, какъ будто забыла о всемъ прошедшемъ, какъ малый ребенокъ толковала только объ одномъ Петербургѣ и чѣмъ ближе подъѣзжала къ нему, тѣмъ любезнѣе дѣлалась со своей кузиной, къ которой ѣхала въ гости, и которую, конечно, станетъ бранить, уѣхавши отъ нея.

Мало по малу, въ теченіе недѣльнаго пути, Клеопатра Петровна достигла того, что если и не пріобрѣла прежняго расположенія племянницы, то умѣла по крайней мѣрѣ заглушить въ душѣ ея чувство непріязни и недовѣрія къ себѣ.

Клеопатра Петровна непремѣнно хотѣла, чтобы родные остановились въ ея домѣ. Не смотря на свое вдовье положеніе, она занимала довольно обширную квартиру. „Больше всего въ мірѣ люблю я комфортъ!“ говорила обыкновенно Клеопатра Петровна и, вслѣдствіе этого, нанимала квартиру съ нѣсколькими совершенно лишними для нея комнатами, обставила ихъ ни къ чему не годными бездѣ-

лушками, развѣшивала драпировки даже тамъ, гдѣ онѣ вовсе не были нужны, не стѣснялась купить новую мебель, хотя бы она ей не нравилась, хотя могла бы до тѣсноты загромоздить ея комнаты, лишь была бы въ модѣ. Катерина Михайловна, къ величайшему удовольствію хозяйки, была непритворно восхищена убранствомъ комнатъ и, пока посланный ходилъ за сыномъ ея, она не переставала ахать передъ каждой новой вещью, попадавшеюся ей на глаза.

— Вотъ эту комнату займете вы, братецъ, мы помѣстимся съ Надиной, и для Поля останется особенная комната! вѣроятно, вы захотите, чтобы онъ былъ постоянно съ вами, пока пробудете въ Петербургѣ? говорила Клеопатра Петровна. Кажется, не будетъ тѣсно, сестрица?

— Полноте, что вы, сестрица! отвѣчала Катерина Михайловна: у васъ просто дворецъ.

— Да, недурно для одинокой женщины.

Явился и молодой Коркинъ. Катерина Михайловна первая бросилась къ нему на шею и, не смотря на то, что за минуту была вся поглощена созерцаніемъ убранства комнатъ, теперь уже рыдала, вися на шеѣ у сына, цѣловала его въ губы, въ глаза, въ волосы и долго не выпускала его изъ своихъ рукъ.

Красота ты моя, ангелъ ты мой, матушка ты моя, тебя ли я вижу? твердила Катерина Михайловна лобызая сына.

Не скоро дождались своей очереди поздороваться съ сыномъ и братомъ Ѳедоръ Иванычъ и Наденька. Красивый молодой человѣкъ, въ блестящемъ гвардейскомъ мундирѣ, радовалъ родительскіе взоры, и Коркинъ съ восторгомъ прижималъ къ сердцу своего единственнаго сына. Родительскіе взоры любовались,

родительское сердце радовалось, и не могли, конечно, родители размотрѣть недостатковъ прекраснаго юноши.

Молодой человѣкъ былъ очень хорошъ собой, но крайне неразвитъ; былъ добръ отъ природы, но легкомысленъ и совершенно безъ всякихъ убѣжденій. Воспитаніе и жизнь выучили его пока только умѣнью держать себя и — больше ничему.

— Вотъ неожиданность! говорилъ молодой человѣкъ, послѣ первыхъ привѣтствій. Я никакъ не ожидалъ вашего пріѣзда: какъ это вы, папенька, надумали?

— А вотъ, захотѣлось на старости лѣтъ людей посмотрѣть и себя показать, да и на тебя взглянуть, какъ ты здѣсь поживаешь.

— О, мои дѣла, папенька, идутъ прекрасно: вообразите, у меня тридцать четыре дома знакомыхъ и вездѣ я принятъ отлично.

— Ну, а служба?

— Вѣдь, папаша, вы знаете, что производство у насъ на вакансіи. Впрочемъ, полковникъ меня очень любитъ: недавно у него былъ балъ и полковникъ самъ пригласилъ меня на него.

— Вѣдь онъ считается отличнымъ танцоромъ, замѣтила Клеопатра Петровна.

Молодой человѣкъ самодовольно улыбнулся.

— А знаете, ma tante, продолжалъ онъ: я недавно пріобрѣлъ два новыхъ знакомства: съ графомъ Быковскимъ и генераломъ Бронзеенко. Графиня была очень любезна со мной.

— Да какая графиня не будетъ любезна съ этакимъ сокровищемъ! воскликнула Катерина Михайловна, обнимая сына.

— Ахъ, maman, еслибы вы видѣли, какъ у Брон-

зеенко домъ отдѣланъ! Вообразите, столовая и изъ нея прямо въ зимній садъ ... Бронзеенко оченъ богатъ; теперь въ отставкѣ, а прежде служилъ и занималъ прекрасное мѣсто: очень выгодное ... Ахъ, ma chère, продолжалъ онъ, обращаясь къ сестрѣ: — и позабылъ было тебѣ сказать: одна изъ вашихъ пансіонерокъ, еще, кажется, твоя большая пріятельница, Сашенька Флагунова, выходитъ замужъ.

— За кого? живо спросила Наденька.

— Прекрасную партію дѣлаетъ: одинъ Кармысовъ, молодой человѣкъ, камеръ-юнкеръ, и очень богатый: говорятъ, три тысячи душъ.

— И твоя сестра чуть чуть не сдѣлала себѣ тоже прекрасную партію, да можетъ быть, еще и не оставила своего намѣренія: поздравь ее! сказалъ отецъ.

— Какъ? тамъ, у насъ, въ деревнѣ? За кого же это? Кажется, у насъ тамъ никого нѣтъ такихъ.

Наденька вспыхнула, потомъ поблѣднѣла.

— Спроси ее, настаивалъ отецъ.

— Кого это, Надя, избрало твое сердце среди нашихъ деревенскихъ героевъ?

Наденька молчала и готова была заплакать.

— Что же ты не рекомендуешь брату выборъ своего сердца? продолжалъ Ѳедоръ Иванычъ.

— Ну, полно, кузенъ, развѣ можно шутить такъ чувствами молодого, неопытнаго сердца? ... замѣтила Клеопатра Петровна съ притворнымъ сочувствіемъ къ племянницѣ.

— Я не шучу, матушка, я хочу только, чтобы и братъ подѣлился нашей общей семейной радостью.

— Да кто же это такой, папенька? скажите, пожалуйста; меня начинаетъ сильно интересовать.

— Да ни больше, ни меньше, какъ сынъ дьячка, олковой лекарь.

— Ну, что вы, папаша! шутите ...

— Спроси ее и всѣхъ, если не вѣришь.

Молодой человѣкъ громко захохоталъ.

— Правда, человѣкъ очень умный, ученый и знающій по своей части, но не больше того, что я тебѣ сказалъ.

— И, вѣроятно, въ очкахъ, замѣтилъ гвардеецъ съ громкимъ смѣхомъ: ученые люди всегда бываютъ въ очкахъ. Надя, Надя! что это ты? о тебѣ ли я слышу! ... какую ты родню хотѣла ввести въ нашу фамилію! merçi! ...

— Вотъ, господа-мужчины, какъ вы всегда злы и несправедливы къ нашему полу, говорила тетушка: одинъ съ умысломъ представляетъ въ смѣшномъ видѣ увлеченіе дѣвушки, а другой радъ случаю посмѣяться. Впрочемъ, всегда такъ: еще не бывало примѣра, чтобы свѣтъ простилъ женщинѣ, не только проступокъ, но даже ошибку, или просто малѣйшее уклоненіе отъ свѣтскихъ предубѣжденій. Женщинѣ никогда нѣтъ пощады: она всегда раба свѣта, ни одного шага не смѣетъ она ступить, не посовѣтовавшись съ общественнымъ мнѣніемъ. И недовольные еще тѣмъ, что такъ стѣснили бѣдную, что лишили ее малѣйшей свободы, вы торжествуете, у васъ праздникъ, если можете за что-нибудь посмѣяться надъ нею. Вотъ и теперь, братъ, зачѣмъ ты не разсказываешь, при какихъ обстоятельствахъ Наденька влюбилась въ Крушинскаго? зачѣмъ не говоришь, что онъ два раза вылечилъ тебя отъ опасной болѣзни, что въ вашей глуши не было, кромѣ его, ни одного порядочнаго человѣка, съ которымъ образованная дѣвушка могла бы сказать два слова? А Поль уже и радъ смѣяться надъ сестрой за то, что она имѣла неосторожность увлечься молодымъ человѣ-

комъ, дѣйствительно достойнымъ, но, къ несчастію, низшаго происхожденія, точно будто рѣдко бываетъ, что ваша братья молодежь женится на дѣвушкахъ, не только самаго послѣдняго происхожденія, но даже вовсе необразованныхъ.

— Ахъ, ma tante, во-первыхъ, такъ поступаютъ такіе дураки, о которыхъ и говорить стыдно: во-вторыхъ, это дѣло совсѣмъ другое: мужъ все-таки даетъ положеніе женѣ ... Нѣтъ, право, жалко, Надя, что ты не устроила такимъ образомъ своей судьбы: очень бы пріятно было гдѣ-нибудь въ обществѣ похвалится такимъ зятемъ ...

Молодой человѣкъ, подстрекаемый отцомъ, далъ полную волю своей насмѣшливости. Наденькѣ было больно его слушать: она огорчалась, негодовала, но не находила уже въ себѣ прежнихъ силъ, чтобы защищать свою любовь. Она молча слушала и переносила и насмѣшки брата, и защитительныя рѣчи тетки, въ которыхъ та болѣе просила снисхожденія Наденькѣ, нежели оправдывала ее.

Катерина Михайловна, въ продолженіе всего этого разговора, какъ говорится, притаилась и молчала: ей сдѣлалось совѣстно за то, что она покровительствовала дочери въ любви ея къ такому ничтожному существу, и она безпокоилась только о томъ, какъ бы Ѳедору Иванычу не вздумалось и ее обличить передъ .сыномъ, который ведетъ такое блестящее знакомство. — „Такую ли, въ-самомъ-дѣлѣ, партію должна сдѣлать Наденька? думала она: можетъ ли быть принятъ въ наше семейство какой-нибудь семинаристъ? достоенъ ли называться нашей родней какой-нибудь дьячекъ? ...“ И стыдилась своей слабости, своего молодушія сердобольная мать, и рада-рада была, когда красавецъ ея Поль, до-сыта нас-

мѣявшивь надъ сестрой перемѣнилъ разговоръ. Рада была и Наденька, что избавилась наконецъ отъ невыносимаго истязанія.

Бесѣда началась о предыдущихъ удовольствіяхъ.

Коркины пріѣхали въ Петербургъ наканунѣ масляницы, когда этотъ городъ на нѣсколько дней тераетъ свой дѣловой характеръ и веселится беззаботно; когда рѣшается истратить лишній рубль на свою прихоть даже тотъ господинъ, который къ тысяча-восемьсотъ такому-то году опредѣлилъ себѣ составить капиталъ въ десять тысячъ рублей; когда улыбается даже вѣчно-угрюмый столоначальникъ и покупаетъ своему семейству ложу въ Александринскомъ театрѣ; когда съ особеннымъ хладнокровіемъ и небрежностью выкидываетъ въ модномъ ресторанѣ послѣднія пять рублей серебромъ тотъ молодой человѣкъ, что нанимаетъ уголъ въ четвертомъ этажѣ на Подъяческой, ѣстъ только вареную колбасу съ бѣлымъ хлѣбомъ, спитъ на голой постели безъ матраса, прикрываясь дырявымъ халатомъ и каждый день является на Невскомъ Проспектѣ въ модномъ пальто и совершенно новенькой блестящей шляпѣ; когда съ особеннымъ остервененіемъ рядится, ѣздитъ въ собраніе и даетъ балы тотъ кружокъ общества, который не хочетъ считать себя среднимъ и тщетно силится ворваться въ высшій.

Клеопатра Петровна объявила своей семьѣ, что черезъ нѣсколько дней желаетъ дать у себя балъ, на который просила племянника пригласить всѣхъ знакомыхъ ему молодыхъ людей. Балъ состоялся. Наденька, разумѣется была царицей его. Цѣлый рой поклонниковъ не устававалъ нѣсколько часовъ сряду вертѣться около нея и съ нею, жужжать, рисоваться, не смотря на то, что Наденька была очень скучна,

задумчива и молчалива. Съ этого же вечера Наденьку стали возить то на dejeuner dansant, то на вечеръ съ танцами, то на форменный балъ, то въ театръ, оперу, собраніе. Бѣдной дѣвушкѣ не давали отдыха, на хотѣли замѣчать, что эти выѣзды болѣе утомляли, нежели утѣшали ее, что она была постоянно грустна и разсѣянна. Надѣялись, что время побѣдитъ ея страсть, излечитъ отъ душевной болѣзни. Но Наденьку ничто не занимало, даже встрѣча съ старыми пріятельницами мало принесла ей радости: уже всѣ онѣ въ весьма короткое время сдѣлались вполнѣ свѣтскими барышнями; уже у каждой изъ нихъ былъ свой поклонникъ, или каждая изъ нихъ была къ кому-нибудь неравнодушна и разсказывала, какъ онъ богатъ, какія прекрасныя у него лошади или связи, и какую прекрасную должность занимаетъ его отецъ, и какая древняя и знаменитая его фамилія. Всѣ эти разсказы были какъ бы живымъ упрекомъ Наденькѣ. Она не престала любить Крушинскаго, не переставала думать о немъ, но мысль о возможности принадлежать ему когда-нибудь стала все рѣже посѣщать ее: Наденька начала какъ-будто бояться этой мысли и гнала ее отъ себя, какъ несбыточную мечту. Между-тѣмъ время шло, прошла мясляница, наступилъ великій-постъ, а отъ Крушинскаго не было никакихъ вѣстей. Катерина Михайловна получила уже нѣсколько писемъ отъ него, но очарованная тѣмъ блестящимъ обществомъ, среди котораго жила въ послѣднее время, напуганная насмѣшками красавца-сына, она измѣнила свой образъ мыслей о Крушинскомъ, раскаивалась въ своемъ прежнемъ поведеніи и, получая письма отъ доктора, спѣшила уничтожать ихъ, не говоря никому на слова. Она избѣгала всякаго воспоминанія о Крушинскомъ, уклонялась отъ раз-

говора о немъ съ дочерью, и даже однажды, на вопросъ ея: „нѣтъ ли писемъ отъ Крушинскаго?“ не въ шутку разсердилась и сказала: „кажется, пора позабыть о прежнихъ глупостяхъ и вспомнить, наконецъ, кто ты и кто онъ. Я довольно баловала тебя и потакала твоей глупой страсти; пора опомниться: посмотри, кто насъ окружаетъ и въ какомъ мы обществѣ. Можетъ ли быть тебѣ парой какой-нибудь бѣдный лекарь, когда самъ князь Мирзабековъ обращаетъ на тебя такое вниманіе и, можетъ-быть, сдѣлаетъ цредложеніе. Душа моя, всему свое время: въ деревнѣ можно было восхищаться и Крушинскимъ, а здѣсь, я думаю, есть кѣмъ и безъ него. Я увѣрена, что онъ самъ одумался и отказался отъ своихъ несбыточныхъ надеждъ“.

Наденька грустно и съ негодованіемъ посмотрѣла на мать — и не спрашивала болѣе о Крушинскомъ.

Катерина Михайловна не даромъ упомянула о князѣ Мирзабековѣ. Въ томъ кружкѣ, къ которому принадлежала Катерина Петровна, князь былъ звѣздою первой величины и дѣйствительно обращалъ вниманіе на Наденьку. Князь слылъ страшнымъ богачемъ, хотя никто даже приблизительно не зналъ его состоянія. Ему уже было подъ сорокъ лѣтъ, но атлетическое тѣлосложеніе, смуглый цвѣтъ лица, черные блестящіе глаза и густые волосы, покрывавшіе черной бородой подбородокъ, давали возможность желающимъ считать его еще очень молодымъ человѣкомъ. Князь отличался нѣкоторою оригинальностью обращенія: былъ часто высокомѣрно-несправедливъ, даже грубъ, подчасъ съ иными дерзокъ, но эта оригинальность еще болѣе возвысила его достоинство въ глазахъ общества, дорожившаго его присутствіемъ, вселяя страхъ и уваженіе къ его особѣ. Лѣтъ

десять, или болѣе, назадъ до настоящей поры, Мирзабековъ сыпалъ деньги безъ счета, былъ извѣстенъ своей безумной роскошью, своими рысаками и экипажами, потомъ вдругъ о немъ стали ходить какіе-то двусмысленные слухи, съ нимъ начали обращаться холоднѣе, многіе дома и вовсе затворились для него, потомъ онъ женился, жилъ по-прежнему расточительно, но рѣдко гдѣ являся вмѣстѣ въ женою; черезъ два года замужства жена его умерла въ злой чахоткѣ — и Мирзабековъ сдѣлался опять женихомъ, но болѣе уже степеннымъ. Вскорѣ о немъ разнесся слухъ, какъ о дѣловомъ человѣкѣ, узнали, что онъ принимаетъ на себя разные подряды, вступаетъ въ разныя акціонерныя общества, увидѣли его среди капиталистовъ, трактующимъ объ оборотахъ и процентахъ. И запертыя для него двери вновь отворились, но не надолго: замѣтили, что Мирзабековъ имѣетъ необыкновенную способность увлекать въ разныя коммерческія предпріятія людей самыхъ предпріимчивыхъ, но что всѣ эти предпріятія кончались очень несчастливо для его товарищей. Разумѣется, въ этомъ виноватъ былъ не Мирзабековъ, а разныя неблагопріятствующія обстоятельства, но тѣмъ не менѣе хозяева опустошенныхъ кошельковъ оскорблялись, негодовали и не хотѣли его видѣть. Мирзабековъ со всей славой, окружающей его имя, рѣшился спуститься ступенькой по общественной лѣстницѣ, и былъ встрѣченъ съ почетомъ и довѣріемъ — онъ понялъ, что лучше быть первымъ въ деревнѣ, нежели послѣднимъ въ городѣ ...

Клеопатра Петровна еще до поѣздки въ Родовое Подгородное встрѣчала Мирзабека раза два въ одномъ знакомомъ ей домѣ, и тогда же воспылала желаніемъ познакомиться и сойтись съ нимъ побли-

же. Теперь же, когда пріѣхала Наденька, Клеопатра Петровна рѣшилась употребить всѣ усилія, чтобы онъ замѣтилъ племянницу и ее, какъ тетку Наденьки. Она успѣла въ этомъ, противъ ожиданія весьма скоро. При первой же встрѣчѣ князь обратилъ вниманіе на Наденьку, а тамъ уже мудрой тетушкѣ ничего не стоило привлечь его въ свой домъ, тѣмъ болѣе, что и самъ Мирзабековъ послѣ собранныхъ имъ свѣдѣній о состояніи Ѳедора Иваныча, желалъ познакомиться съ нимъ.

Мирзабековъ имѣлъ способность нравиться тамъ, гдѣ хотѣлъ; онъ скоро понялъ характеръ каждаго изъ семейства Коркиныхъ и послѣ нѣсколькихъ посѣщеній всѣхъ привлекъ къ себѣ. Клеопатра Петровна была отъ него въ восторгѣ, Катерина Михайловна говорила о немъ съ восхищеніемъ, Ѳедоръ Ивановичъ съ большой похвалой отзывался объ его умѣ, знаніяхъ и образѣ мыслей, — разумѣется, общественное положеніе и богатство давали Мирзабекову въ глазахъ Ѳедора Иваныча право на особенное уваженіе и признаніе за нимъ всѣхъ нравственныхъ достоинствъ. Павелъ Коркинъ восхищался оригинальностью и остроуміемъ Мирзабека, то-есть его грубымъ и подчасъ дерзкимъ обращеніемъ, которое онъ позволялъ себѣ передъ нѣкоторыми лицами. — „Но замѣтьте, что у насъ онъ держалъ себя очень просто и мило“, говорила при этомъ Клеопатра Петровна, „и не позволялъ себѣ ничего подобнаго“. — Ахъ, ma tante, развѣ онъ не понимаетъ какъ съ кѣмъ можно держать себя! замѣчалъ молодой Коркинъ. Одна Наденька не находила въ Мирзабековѣ ничего, онъ даже не нравился ей, еще болѣе: возбуждалъ какое-то особенное къ себѣ отвращеніе; но она молчала, боясь высказывать свои

мысли, чтобы вновь не накликать на себя насмѣшекъ за любовь къ Крушинскому.

Сначала Мирзабековъ нѣкоторое время держалъ себя съ Коркинымъ въ холодныхъ отношеніяхъ неблизкаго знакомаго, который сознаетъ, что дѣлаетъ, честь дому своимъ знакомствомъ; но съ каждымъ посѣщеніемъ онъ дѣлался внимательнѣе и любезнѣе къ Наденькѣ, такъ, что родители моглипонять: кто былъ виновникомъ посѣщеній князя ... и съ удовольствіемъ принимали дорогого гостя. Наденька была очень равнодушна къ любезностямъ князя, но это, какъ видно, нисколько не безпокоило и не стѣсняло его. Онъ не прикидывался влюбленнымъ, не говорилъ нѣжностей и комплиментовъ, но постоянно показывалъ Наденькѣ свое вниманіе. Узнавши, что она хорошо поетъ, онъ привозилъ ей нотъ, присылалъ билеты во всѣ концерты, которыхъ бываетъ такое множество въ Петербургѣ во время поста, и почти всегда самъ являлся тамъ, гдѣ была Наденька. Но никто изъ родныхъ ея не слыхалъ ни малѣйшаго намека о его чувствахъ и намѣреніяхъ, хотя всѣ очень хорошо понимали, что князь интересуется Наденькой и, вѣроятно, хочетъ покороче узнать ее, чтобы потомъ сдѣлать предложеніе. Съ Павломъ Коркинымъ князь сошелся коротко и весьма скоро пріобрѣлъ на него полное вліяніе. Родители смотрѣли на все это и радовались. Такъ прошелъ весь постъ и пасха. Однажды, одна заѣзжая пѣвческая знаменитность давала петербургской публикѣ прощальный вечеръ передъ отъѣздомъ своимъ заграницу. Знаменитость цѣлый постъ собирала съ кармановъ петербургскихъ знатоковъ музыки дань удивленія и восторга. Очень довольная пріемомъ, она давала свой прощальный вечеръ въ театрѣ, чтобы и масса имѣла возможность

познакомиться съ великимъ европейскимъ явленіемъ и могла отдать ему отъ себя также надлежащую дань. Всѣ газетные фельетоны кричали о предстоящемъ вечерѣ, совѣтовали ѣхать на него всякому, желающему оставить за собою право на званіе образованнаго человѣка и имѣющему хотя малѣйшее патріотическое желаніе доказать Европѣ, что Россія уже не страна варваровъ и умѣетъ цѣнить таланты; превозносили пѣвицу до-нельзя и въ доказательство, что говорятъ не на-обумъ и не отъ себя, переводили цѣлыя статьи о ней изъ разныхъ иностранныхъ журналовъ. Весь Петербургъ всколыхнулся, чтобы поблагодарить европейскую гостью за посѣщеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказать ей свою просвѣщенную любовь къ изящному. Князь Мирзабековъ заблаговременно еще привезъ Наденькѣ билетъ на ложу. Катерина Михайловна, Клеопатра Петровна и Поль сопровождали Наденьку въ театръ. Пѣвица была дѣйствительно необыкновенная: она дѣлала горломъ вещи непостижимыя, играла на немъ, какъ на флейтѣ, выводила такія ноты, какихъ до-сихъ-поръ никто еще не слыхалъ въ человѣческомъ голосѣ. Слушатели были въ неописанномъ восторгѣ, всѣ перчатки полопалися отъ рукоплесканій, не букеты, а цѣлые снопы цвѣтовъ летѣли къ ногамъ пѣвицы. Клеопатра Петровна была внѣ себя: она могла только пожимать плечами и, нѣсколько закатывая глаза подъ лобъ и прижимая руки къ груди, могла только выговорить обращаясь къ князю, каждый антрактъ заходившему изъ креселъ къ нимъ въ ложу: „c'est admirable! c'est impossible!“ Катерина Михайловна ничего не говорила: она только съ какой-то особенной улыбкой удовольствія и недоумѣнія, которая появляется иногда на лицахъ дѣтей, принимающихъ

безсознательное участіе въ веселости взрослыхъ, смотрѣла то на князя, то на Клеопатру Петровну, то на дочь ... Павелъ Коркинъ съ видомъ знатока сообщалъ князю какія-то свои замѣчанія о какихъ-то фіоритурахъ. На одну Наденьку пѣвица произвела неблагопріятное впечатлѣніе: она не нравилась ей, Наденька не рѣшалась высказать свое личное мнѣніе, столь противоположное съ общимъ, она какъ-будто боялась, чтобы его не объяснили завистью, потому-что она сама славилась голосомъ и пѣніемъ... А давно ли не было той мысли, которую бы она побоялась высказать смѣло и откровенно, какъ бы эта мысль ни была оригинальна и чужда общему взгляду на вещи? ... Наденька уже не имѣла прежней вѣры въ себя, прежней воли и смѣлости; она подчинилась вліянію свѣта и общественнаго мнѣнія ...

Выходя изъ театра, она вспомнила свой первый разговоръ съ Крушинскимъ о музыкѣ и итальянскомъ пѣніи. Мысли ея унеслись въ прошедшее, и въ грустномъ раздумьи о немъ стояла она у театральнаго подъѣзда, ожидая экипажа, какъ вдругъ услышала знакомый голосъ:

— Здравствуйте, Катерина Михайловна!

Наденька вздрогнула, поблѣднѣла и чуть не вскрикнула: возлѣ нея стоялъ Крушинскій, блѣдный и худой, но она осталась безсильна и неподвижна. Катерина Михайловна сконфузилась, и растерялась, ибо рядомъ съ ней стоялъ князь Мирзабековъ. Нѣсколько мгновеній она не отвѣчала ни слова Крушинскому и смотрѣла на всѣхъ окружающихъ, какъ-будто спрашивая у нихъ совѣта или прося о помощи, потомъ вдругъ, съ несвойственной ей важностью, сказала: „здравствуйте“ и отвернулась отъ Крушинскаго. Докторъ остолбенѣлъ.

— Кто это? спросилъ Павелъ Коркинъ у тетки.

— Крушинскій! проговорила въ полголоса Клеопатра Петровна.

Гвардецъ захохоталъ.

Нѣсколько придя въ себя, Крушинскій хотѣлъ обратиться къ Наденькѣ, но прямо передъ своимъ лицомъ увидѣлъ воротникъ шинели молодого Коркина, нарочно ставшаго къ нему спиной и загородившаго сестру.

— Карета Коркиныхъ! раздалось у подѣзда — и Катерина Михайловна, Наденька, тетка исчезли.

Молодой Коркинъ, уходя, оборотился и нагло взглянулъ въ лицо Крушинскому.

— Смотрите же, князь, вы къ намъ: пить чай! громко сказалъ юноша, упирая на слово князь — въ назиданіе бѣдняку лекарю — и исчезъ вслѣдъ за своими.

Наденька вдругъ не могла отдать себѣ отчета, что съ нею случилось: какъ въ сновидѣніи мелькнулъ и исчезъ милый образъ, и какъ это могло случиться, что она видѣла его и разсталась съ нимъ, не сказавъ ни слова, не обнѣнявшись даже взглядомъ? Что стѣснило ее, что помѣшало броситься къ нему, протянуть руку, первой сказать: „здравствуй“? ... Вѣдь, она любитъ его по-прежнему, еще никто не вытѣснилъ его изъ ея сердца, никто даже не занялъ ее на минуту, хотя цѣлая толпа поклонниковъ окружаетъ ее ... Но развѣ ей можно было забыть, что тутъ стояли тетка, братъ, князь и множество другихъ знакомыхъ? развѣ можно было при такой толпѣ постороннихъ свидѣтелей выразить радость при видѣ неизвѣстнаго молодого человѣка? ...

— Такъ вотъ, наконецъ, и я имѣлъ счастіе увидѣть предметъ вашего поклоненія, моя любезная

сестрица! говорилъ Павелъ Коркинъ, помѣстившись въ каретѣ рядомъ съ сестрой. Какая многозначительная физіономія! и какой тонъ! сейчасъ видно какого прекраснаго общества человѣкъ. Катерина Михайловна, здравствуйте! передразнивалъ онъ Крушинскаго, совершенно впрочемъ не похоже, и заливался веселымъ смѣхомъ. Не знаете ли, зачѣмъ онъ пожаловалъ въ Петербургъ? Не предложеніе ли дѣлать? Ахъ, какъ я радъ, какъ я счастливъ! Съ моей стороны полное согласіе. Я почту за особенную честь и счастіе обнять такого зятя, сына ... Какъ они по папенькѣ?

— Поль, оставь меня, проговорила Наденька, сквозь слезы: грѣшно смѣяться надъ человѣкомъ, котораго ты не знаешь и который, можетъ-быть, гораздо умнѣе тебя ...

— О, помилуйте, кто же можетъ равняться съ нимъ! Я заочно преисполненъ къ нему всякаго уваженія. Но клянусь, честью, если онъ станетъ дѣлать тебѣ предложеніе, я ему предложу руку твоей Аграфены, какъ невѣсты вполнѣ его достойной.

Наденька ничего болѣе не возражала.

Клеопатра Петровна серьезно опасалась, какъ бы Крушинскій не вздумалъ явиться къ ней съ визитомъ, и строго запретила людямъ своимъ принимать его.

Наденька тоже имѣла тайную надежду увидѣть Крушинскаго. Но напрасно ждала его: прошло много времени, а докторъ не являлся и никакого слуха о немъ не было.

VII.

Тотчасъ по полученіи отъ Катерины Михайловны и Наденьки записки, извѣщавшей объ отъѣздѣ ихъ

въ Петербургъ, Крушинскій измѣнилъ свое намѣреніе и рѣшился держать экзаменъ на доктора не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ, чтобы жить въ одномъ городѣ съ Наденькой и хоть изрѣдка видѣть ее. Въ тотъ же день онъ подалъ объ этомъ прошеніе, что и произвело остановку въ полученіи имъ отпуска. Въ теченіе этого времени онъ каждую недѣлю писалъ къ Катеринѣ Михайловнѣ, удивлялся и тоскавалъ, не получая отвѣта на свои письма. Никакія занятія не развлекали его, никакія мысли, кромѣ мысли о Наденькѣ, не шли ему въ голову. Разныя недоумѣнія, даже сомнѣнія въ любви Наденьки, запали ему въ душу. Постоянно разстроенный, больной отъ душевной тревоги, онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ позволенія ѣхать въ Петербургъ, наконецъ получилъ его и въ тотъ же день собрался въ путь. Добраго чуть не плакалъ, прощаясь съ нимъ, и напутствовалъ желаніями всякаго блага. Крушинскій испыталъ въ своей жизни много лишеній, не по одной наслышкѣ зналъ нужду и бѣдность, но, не смотря на это, плохо понималъ практическую сторону жизни и въ своихъ думахъ о будущемъ больше мечталъ и надѣялся, нежели разсчитывалъ на вѣрное. Онъ имѣлъ самый ограниченный запасъ денегъ и не побоялся отправиться съ нимъ въ Петербургъ, надѣясь, что скоро найдетъ тамъ и практику и деньги. Можетъ-быть, надежды его и сбылись бы, если бы онъ былъ въ состояніи о чемъ-нибудь думать, кромѣ Наденьки. Пріѣхавши въ Петербургъ, кое-какъ пристроившись въ гостиницѣ и переодѣвшись, Крушинскій тотчасъ же отправился отыскивать улицу и квартиру Клеопатры Петровны, нашелъ ихъ, но войдти не рѣшился, поомня свое обѣщаніе, данное Ѳедору Ивановичу и боясь оскорбительнаго пріема со сто-

роны хозяйки. Затѣмъ каждый день по нѣскольку разъ проходилъ онъ мимо дома Клеопатры Петровны, желая хоть мелькомъ, хоть издали взглянуть на Наденьку, но и этого счастія ему не доставляла судьба. Часто видѣлъ онъ большое освѣщеніе въ квартирѣ Клеопатры Петровны, и экипажи у подъѣзда, и тѣни множества посѣтителей чрезъ сторы оконъ; замѣтилъ, что чаще другихъ останавливается у подъѣзда великолѣпный экипажъ, изъ котораго выходитъ какой-то смуглый господинъ; отъ кучера узналъ онъ, что этотъ господинъ — князь Мирзабековъ, и новыя сомнѣнія прибавлялись къ прежнимъ, и сердце изнывало отъ ревности, которую питала неизвѣстность. Пытался онъ разспрашивать дворника того дома, въ которомъ жила Клеопатра Петровна, и узналъ, что точно живетъ тутъ барыня, вдова, значитъ богатая: потому фатеру большую нанимаетъ, а къ ней пріѣхали сродственники, знать, отъ большого состоянія: прислуги съ ними не мало ... У сродственниковъ дочка барышня, слышно, замужъ охота выдать: жениховъ, чу, много, а смотри коли не подхватитъ князь Мирза — часто больно ѣздитъ и барышня-то, чу, ему соотвѣтствуетъ! ...

Эти разсказы только еще болѣе увеличивали смущеніе Крушинскаго.

Одиночество усиливало его страданія и сильнѣе чувствовалось въ обширномъ шумномъ городѣ: тамъ, въ уѣздномъ городкѣ, хоть передъ Добраго Крушинскій могъ высказывать свое горе, хоть преданный Флегонтовъ былъ возлѣ него, готовый исполнить малѣйшую его прихоть, а здѣсь и того не было съ нимъ. Усталый, измученный, не столько физически, сколько нравственно, приходилъ Крушинскій вечеромъ въ свой пустой номеръ, принимался за

книги, но не понималъ въ нихъ ни слова, ложился спать, но и сонъ бѣжалъ отъ него. Часто цѣлыя ночи проводилъ онъ, бродя изъ угла въ уголъ по своей комнатѣ, или вдругъ какъ бы влекомый какой невидимой силой, забывши всякое благоразумiе, одѣвался, выходилъ изъ гостинницы, пробирался къ завѣтному дому, останавливался противъ него и долго смотрѣлъ на его темныя окна; потомъ снова возвращался домой, самъ надъ собою смѣясь, самъ себя осуждая за молодушiе и ребячество, и снова тосковалъ и, какъ говорится, нигдѣ не находилъ себѣ мѣста. Нѣсколько разъ покушался Крушинскiй дать о себѣ знать Наденькѣ, но хотѣлъ сначала убѣдиться: не измѣнилась ли Наденька въ своихъ чувствахъ, не перестала ли любить его, не думаетъ ли въ-самомъ-дѣлѣ выйти за князя. И упорно искалъ онъ случая увидѣть Наденьку. Однажды, часовъ въ восемь вечера, проходя по обыкновенiю мимо дома Коркиныхъ, онъ увидѣлъ у подъѣзда карету, тогда какъ комнаты были едва освѣщены. Крушинскiй догадался, что, вѣроятно, сбираются куданибудь ѣхать, и, надѣясь увидѣть Наденьку, рѣшился ожидать ея выхода. На этотъ разъ Крушинскiй не ошибся въ своемъ ожиданiи. Притаясь въ тѣни дома, онъ видѣлъ, какъ вышла Наденька вмѣстѣ съ матерью, теткой и братомъ, видѣлъ какъ они сѣли въ керету и лакей, захлопнувши дверцы, крикнулъ: „пошелъ!“ и взлетѣлъ на козлы. — Сердце Крушинскаго билось, какъ раненая птица. Онъ сѣлъ на перваго попавшагося извощика и велѣлъ ѣхать за каретой. Она остановилась у театральнаго подъѣзда, случайно, почти въ одно время съ другой каретой, изъ которой только-что вышелъ князь Мирзабековъ. Расплачиваясь съ извощикомъ, Крушинскiй

видѣлъ, что князь высадилъ Наденьку изъ кареты; войдя вслѣдъ за ними въ антре театра, онъ увидѣлъ Наденьку, поднимавшуюся на лѣстницу подъ руку съ тѣмъ же княземъ. Подозрѣнія Крушинскаго принимали видъ достовѣрности.

— Дайте мнѣ билетъ въ кресла! сказалъ онъ, подходя кассѣ.

— Билетовъ нѣтъ! отвѣчали ему.

Крушинскій съ досадой отошелъ отъ кассы и, раздумывая о томъ, что ему дѣлать, медленнымъ шагомъ шелъ къ выходу изъ театра.

Вдругъ изъ-за колонны выступила фигура въ синей чуйкѣ и подошла къ нему съ таинственнымъ видомъ.

— Вамъ кресла угодно? спросила она въ полголоса, высовывая изъ рукава конецъ цвѣтного билетика.

— Да.

— Извольте купить ... залишній ...

— Что стоитъ? спросилъ Крушинскій, радостно хватаясь за билетъ и вынимая кошелекъ.

Но чуйка произнесла такую огромную цифру, которая почти равнялась мѣсячному жалованью Крушинскаго. Онъ, конечно, не пожалѣлъ бы и такой суммы, но у него не оставалось и половины этихъ денегъ отъ того скуднаго запаса, съ которымъ онъ рѣшился ѣхать въ Петербургъ.

У Крушинскаго опустились руки и въ первый разъ въ жизни онъ почувствовалъ горечь бѣдности. Молча онъ отдалъ билетъ и уныло пошелъ прочь.

— Что жъ, господинъ, вѣдь, всего два рублика хочу нажить на бѣдность ... говорила чуйка, сопровождая его.

Въ эту минуту какой-то блестящій офицеръ, съ шумомъ гремя саблей и шпорами, проходилъ мимо.

— Что это у тебя: не кресла ли?

— Точно такъ! поспѣшно, перебѣгая къ нему, отвѣчала чуйка.

— Что стоитъ? говори скорѣй! ...

Чуйка отвѣтила, офицеръ быстро раскрылъ бумажникъ и нѣсколько ассигнацій, почти безъ счета, были брошены въ руки чуйки.

И въ первый разъ въ жизни почувствовалъ Крушинскій всю оскорбительность бѣдности. Ему не удалось увидѣть Наденьку въ театрѣ, но предъ окончаніемъ вечера онъ снова былъ въ театральномъ антре, чтобы еще разъ взглянуть на нее, когда она будетъ выходить изъ театра и садиться въ карету. Какъ прикованный стоялъ онъ на одномъ мѣстѣ, и толпа, стремительнымъ потокомъ хлынувшая вонъ изъ театра, не могла сдвинуть его. Онъ разсмотрѣлъ Наденьку, замѣтилъ, что она въ сопровожденіи родныхъ и опять того же князя Мирзабекова, остановилась у входа, ожидая своего экипажа, и не удержался, чтобы не подойти, но, изъ невольной осторожности, онъ хотѣлъ сначала поздороваться съ Катериной Михайловной ... Это былъ тотъ самый вечеръ, когда европейская знаменитость прощалась съ Петербургомъ ...

Озадаченный, оскорбленный и уничтоженный гордымъ обращеніемъ Катерины Михайловны, презрительнымъ взглядомъ ея сына и молчаніемъ Наденьки, почти вытолкнутый толпою изъ театра, Крушинскій нѣсколько часовъ бродилъ по петербургскимъ улицамъ, не сознавая гдѣ онъ и что дѣлаетъ; холодная и сырая петербургская изморозь давно уже промочила его до костей, а онъ все шелъ, самъ не зная куда и зачѣмъ. Всѣ, какія только есть чувства, способныя возмутить спокойствіе и растерзать сердце

и убить здоровье человѣка — и горе, и ненависть, и злоба, и ревность, и желаніе мести — поднялись и забушевали въ душѣ Крушинскаго. Онъ опомнился лишь тогда, когда всѣ члены его прохватилъ лихорадочный ознобъ, колѣни невольно сгибались и ноги отказывались идти. Извощикъ довезъ его до квартиры. Крушинскій бросился въ постель и тотчасъ же впалъ въ забытье. Онъ захворалъ одной изъ тѣхъ болѣзней, которыя сильно поражаютъ тѣлесный организмъ человѣка и медленно, но неудержимо ведутъ его къ смерти, и гдѣ несильна помощь человѣческой науки. Крушинскій въ минуты сознанія понималъ свою болѣзнь и радовался, что приходитъ конецъ страданіямъ: онъ убѣдился, что для него невозможно счастіе на землѣ, что или судьба, или люди сильно и непобѣдимо враждуютъ съ нимъ. Но положеніе его нѣсколько дней было ужасно: одинъ, безъ всякой помощи, безъ всякого надзора, лежалъ онъ больной, и не только не было ни одного сострадающаго лица, но не было даже человѣка, который окуталъ бы его охладѣвшіе члены во время лихорадочнаго пароксизма, или поднесъ къ его запекшимся устамъ воды въ то время, какъ жаръ сожигалъ внутренности, а руки и голова были безсильны отдѣлиться отъ постели. Но надъ человѣкомъ всегда бодрствуетъ Провидѣніе и посылаетъ ему помощь оттуда, откуда онъ вовсе ея не ожидалъ.

Надобно было случиться, чтобы полкъ, въ которомъ состоялъ Крушинскій, былъ назначенъ въ Петербургъ для занятія карауловъ, и Добраго явился на помощь своему больному другу.

Первымъ дѣломъ по приходѣ Добраго въ Петербургъ было отыскать Крушинскаго и онъ успѣлъ

въ этомъ, хотя и съ большимъ трудомъ, потому-что квартира доктора не была ему извѣстна.

— Что вы это? . . . гм . . . вотъ васъ какъ Петербургъ . . . говорилъ капитанъ, обнимая Крушинскаго и съ состраданіемъ и безпокойствомъ смотря на его измѣнившееся лицо.

Крушинскій обрадовался Добраго какъ брату, но не сказалъ ему при первой встрѣчѣ ни о причинѣ болѣзни, ни о своемъ положеніи. Оглядѣвшись, Добраго съ ужасомъ понялъ, въ какомъ безпомощномъ состояніи находился Крушинскій. Съ этихъ поръ капитанъ сдѣлался сидѣлкой больного. Крушинскій сталъ, если не здоровѣе, то покойнѣе, но медицинскія пособія отвергалъ, ссылаясь на то, что онъ самъ лекарь и знаетъ, чѣмъ себѣ помочь.

На Крушинскаго иногда находили минуты тоски и раздражительности, тогда онъ роптalъ на судьбу, на людей и высказывалъ Добраго всѣ свои страданія: изъ этихъ жалобъ Добраго понялъ все, что случилось съ Крушинскимъ и о чемъ онъ не хотѣлъ говорить прямо. Молча, повѣсивши голову, не находя словъ для утѣшенія, слушалъ капитанъ больного. Но въ другое время онъ былъ необыкновенно спокоенъ, умилялся духомъ и весь былъ въ вѣрѣ: прощалъ людямъ ихъ злобу и самолюбіе, благодарилъ Провидѣніе даже за тѣ горькія испытанія, которыя Оно посылало ему въ жизни, и съ какимъ-то святымъ восторгомъ говорилъ о тѣхъ минутахъ, когда душа разстается съ землей и переселяется въ вѣчность, и ждалъ для себя этихъ минутъ съ спокойной готовностью. Въ это время Добраго слушалъ больного съ благоговѣніемъ и смотрѣлъ на него со слезами умиленія.

Крушинскій не хотѣлъ видѣть никого изъ своихъ

знакомыхъ офицеровъ и просилъ Добраго передать имъ, чтобы они не безпокоились навѣщать его ...

Всѣ повиновались желанію больного, а многіе были даже очень благодарны ему, что избавились отъ скучной обязанности сидѣть у постели больного и выражать притворное состраданіе. Одинъ только Мармаровскій хотѣлъ непремѣнно видѣть Крушинскаго, чтобы примириться съ нимъ, какъ объявлялъ онъ Добраго, а на самомъ дѣлѣ изъ тайнаго желанія — узнать объ отношеніяхъ Крушинскаго къ Наденькѣ, которая не переставала занимать его воображеніе, хотя, послѣ встрѣчи съ ней, разочарованное сердце его и выдержало уже нѣсколько новыхъ впечатлѣній. Мармаровскій сообщилъ Добраго свое желаніе видѣть Крушинскаго, и какъ тотъ его ни отговаривалъ — онъ непремѣнно хотѣлъ быть у больного, чтобы исполнить, какъ говорилъ, настоятельную потребность души. И онъ совершенно неожиданно явился къ Крушинскому.

— Здравствуйте, докторъ! сказалъ Мармаровскій. Не принимайте меня за врага, пришедшаго возмущать ваше спокойствіе, но примите меня какъ человѣка, который откинувъ самолюбіе, первый пришелъ къ вамъ, чтобы протянуть руку и просить примиренія.

— Мы, кажется, съ вами не ссорились, проговорилъ Крушинскій и съ упрекомъ взглянулъ на Добраго, желая сказать: зачѣмъ вы пустили ко мнѣ этого господина?

Добраго только опустилъ глаза и прокряхтѣлъ.

— Мы оба съ вами, докторъ, вкусили отъ одной чаши горя и разочарованія, и хотя для васъ этотъ ядовитый напитокъ разрѣшился физическими стра-

даніями, а для меня нравственными, но уже это одно должно примирить насъ. Впрочемъ, успокойтесь, докторъ: и враги наши не торжествуютъ, они наказаны въ томъ, что считали своимъ счастіемъ. Хрящева ничего не нашла въ своемъ мужѣ, кромѣ глупости, а онъ ничего не получилъ за нею, кромѣ вѣтренности и пустоты ничтожнаго женскаго сердца. Черезъ нѣсколько дней послѣ брака они оба поняли, что ошиблись въ своихъ разсчетахъ, и общій семейный раздоръ былъ отличнымъ финаломъ къ глупой пьесѣ, которую они разыграли между собою. Говорятъ, теща и супруга чуть не прибили Бандурова, когда узнали, что состояніе его не больше, какъ пуффъ, а потомъ такъ славно забрали его въ руки, что даже стали выдавать ему табакъ на строгомъ отчетѣ ... Этотъ бракъ поражаетъ мою мысль, какъ примѣръ того, какъ судьба наказываетъ людей, ведя ихъ по пути, ими же избранному и приводя къ... къ ...

— Ну, оставьте, Мармаровскій, въ покоѣ этихъ господъ ...

— Какъ вы стали равнодушны, докторъ, къ людской пошлости. А помните ли то время, когда бывало, вашъ ядовитый и мѣткій сарказмъ поражалъ этого разрисованнаго болвана въ глазахъ Коркиной?...

Крушинскій вздрогнулъ и пришелъ въ волненіе. Добраго закряхтѣлъ отъ досады.

— Я тогда восхищался вами ... Но скажите: что, эта дѣвушка дѣйствительно энергической натуры или ... такой же фальшивый металлъ, какъ и всѣ женщины? ... Что, вы видали ее здѣсь? ...

Крушинскій хотѣлъ отвѣчать, но закашлялся; слова Мармаровскаго раздражили и возмутили его: блѣдное лицо покрылось неестественнымъ румянцемъ, глаза

заблистали и кровь показалась на платкѣ, когда онъ плюнулъ въ него.

Добраго оторопѣлъ, Мармаровскій перепугался.

— Вы видите ... гм ... онъ нездоровъ ... Что вы пришли ... гм ... безпокоить ... Подите вонъ ... проговорилъ Добраго съ сердцемъ.

Мармаровскій хотѣлъ что-то сказать въ свое оправданіе, но Добраго стиснулъ кулаки и посмотрѣлъ на него такъ выразительно, что разочарованный, но любопытный подпоручикъ поспѣшилъ удалиться.

— Вы, докторъ ... гм ... успокойтесь ... Извините, что я пустилъ его ... Я больше никого не буду пускать ... Гм ... гм ... какая непріятность ...

— Нѣтъ, вѣдь это такъ ... не отъ него ... проговорилъ Крушинскій, успокоившись. Это должно было быть и безъ того ... Я давно ждалъ ... ближе къ концу ... прибавилъ онъ съ грустной, но свѣтлой улыбкой.

Съ тѣхъ поръ Крушинскій замѣтно и быстро угасалъ.

Однажды ему принесли письмо изъ дома, въ которомъ мать извѣщала его о смерти отца и своемъ бѣдственномъ положеніи и просила помощи. Это письмо нанесло окончательный ударъ здоровью его и ускорило ходъ болѣзни. — Прочитавши письмо онъ молча подалъ его Добраго, и впалъ въ безпамятство, которое сопровождалось бредомъ и конвульсіями. Придя въ себя, онъ движеніемъ руки подозвалъ къ себѣ Добраго, обнялъ его за шею и едва слышно проговорилъ: „не оставьте мать ... у меня ничего нѣтъ!“

Добраго тотчасъ же, потихоньку отъ Крушинскаго, послалъ денегъ его матери.

VIII.

Князь Мирзабековъ все болѣе и болѣе сближался съ домомъ Коркиныхъ, бывалъ у нихъ часто, и въ кругу знакомыхъ Клеопатры Петровны было рѣшено, что князь непремѣнно женится на Наденькѣ. Молодой Коркинъ гордился дружбой князя, хотя тотъ обращался съ нимъ, какъ съ мальчикомъ и говорилъ ему ты, не позволяя такого же обращенія съ собою.

Однажды князь угощалъ его обѣдомъ, одинъ на одинъ, и молодой человѣкъ порядочно повеселѣлъ послѣ нѣсколькихъ стакановъ шампанскаго.

— Послушай, Поль, спросилъ князь, между прочимъ: скажи мнѣ правду, богаты вы или нѣтъ?

— Я не знаю, князь, сочтете ли вы богатыми людей, у которыхъ полторы тысячи душъ.

— Ну, немного. А зачѣмъ твои пріѣхали сюда въ Петербургъ? ... Вѣдь старики всегда жили въ деревнѣ.

— Для сестры ... чтобы доставить ей развлеченіе ...

— И чтобы выдать ее замужъ? ... такъ? ... Я знаю, у васъ въ провинціяхъ водится обыкновеніе лѣтомъ откармливать молоденькихъ дѣвушекъ въ деревнѣ и зимой привозить въ столицы и травить ими жениховъ.

Гвардеецъ захохоталъ.

— Экой языкъ дьявольскій! вскричалъ онъ.

— Ну, вотъ хохочетъ: за это люблю. Другой бы обидѣлся и принялъ мои слова на счетъ своей сестры ... Нѣтъ, Поль, твоя сестра славная дѣвушка, только ужъ черезъ-чуръ молчалива и задумчива, особенно въ послѣднее время ... Она ни въ кого не влюблена?

— Э, нѣтъ, у нея такой характеръ ...

— Да, славная дѣвушка ... Я бы очень желалъ чтобы у ней было тысячъ сто годового дохода ... А ты бы этого желалъ?

— Отчего же не желать? Она стоитъ этого ...

— Ну, а что, если бы князь Мирзабековъ сдѣлалъ ей предложеніе, твои родители не оскорбились бы за такую дерзость?

На лицѣ князя изобразилась улыбка, полная гордой самоувѣренности.

— Я полагаю, что родители мои не только не оскорбились бы, но сочли бы такое предложеніе за особенную честь. ...

— Будто? проговорилъ князь съ той же улыбкой. Ну, а ты что бы отвѣтилъ князю на его предложеніе?

— Я бы бросился къ нему на шею и съ радостью назвалъ своимъ братомъ ...

И Павелъ Коркинъ протянулъ руки, чтобы обнять князя.

— Ну, вотъ этихъ нѣжностей терпѣть не могу, и напередъ запрещаю тебѣ употреблять ихъ со мною, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ времени ... сказалъ князь, отстраняя отъ себя молодого человѣка.—Но вотъ видишь ли, въ чемъ дѣло: не смотря на то, что и твои родители, и ты оказали бы такое снисхожденіе къ князю Мирзабекову, рѣшеніе дѣла все-таки зависѣло бы отъ твоей сестры.

— О, въ этомъ отношеніи я совершенно покоенъ и увѣренъ, что сестра согласится съ удовольствіемъ.

— А почему же ты увѣренъ? развѣ замѣтилъ, что она влюблена въ меня?

— Женщину въ этомъ отношеніи не разгадаешь, но я знаю что сердце сестры свободно, знаю и то,

какъ любитъ васъ отецъ и какое онъ имѣетъ вліяніе на сестру.

— То-есть, если она сама не изъявитъ согласія, то ее принудятъ къ этому—люблю за откровенность, молодецъ! ...

— Нѣтъ, вовсе не то, князь, а ...

— Ну, ну, хорошо! ... Послушай же: хотя ты и очень молодъ, и очень легкомысленъ, но хочу польстить твоему самолюбію и поручаю дѣло довольно серьезное: поручаю тебѣ передать твоимъ родителямъ, что князь Мирзабековъ желаетъ, чтобы твоя сестра имѣла сто тысячъ годового дохода, и просить руки твоей сестры ... Мнѣ совѣстно признаваться такому юношѣ, какъ ты, что я влюбленъ въ твою сестру, да это, я думаю, подразумѣвается само собой.... Понялъ все, что я сказалъ тебѣ? ... Ну, ну, — только, ради Бога, безъ объятій ...

— Ты ... вы ... князь, просто, такой человѣкъ, котораго можно любить и ненавидѣть въ одно и то же время.

— И безъ восторговъ, пожалуйста ... А вотъ лучше выпей стаканъ зельцерской воды, прокатись раза два по Невскому, освѣжись немного, приведи себя въ порядокъ, и приступай къ дѣлу ... А то ты пожалуй, явишься домой въ такомъ видѣ, что родители твои на первыхъ же порахъ составятъ очень невыгодное мнѣніе о своемъ будущемъ зятѣ ... И я буду раскаиваться, что отдалъ свою судьбу въ руки такого молокососа.

— Не бозпокойтесь: этотъ молокососъ знаетъ свое дѣло: но условіе напередъ: если порученіе будетъ исполнено удовлетворительно, съ сихъ поръ и навсегда не называть меня ни юношей, ни молокососомъ.

Князь захохоталъ.

— Согласенъ! отвѣчалъ онъ. Буду называть даже старикомъ, если хочешь, и ставить тебя въ примѣръ всѣмъ неопытнымъ молодымъ людямъ ... Ну, отправляйся же!...

Павелъ Коркинъ, преисполненный ребяческаго благоговѣнія къ князю Мирзабекову, въ самомъ дѣлѣ былъ чрезвычайно доволенъ, что ему оказана была имъ такая довѣренность и возложено такое порученіе. Строго послѣдовавъ совѣту князя, онъ сначала освѣжилъ на воздухѣ свою нѣсколько отуманенную отъ винныхъ паровъ голову и явился домой съ лицомъ по возможности серьезнымъ и озабоченнымъ. Удаливъ предварительно сестру, онъ объявилъ родителямъ о предложеніи князя, и не удержался, чтобы не намекнуть при этомъ, что сестра своимъ счастьемъ обязана отчасти его дружественнымъ отношеніямъ къ князю.

Нужно ли говорить, что Катерина Михайловна и Клеопатра Петровна были въ восторгѣ отъ этой новости? Ѳедоръ Ивановичъ былъ внутренно очень доволенъ, но сохранилъ наружное спокойствіе.

— Говорила ли я тебѣ, братъ, что только въ Петербургѣ Наденька можетъ найдти себѣ приличную партію?

— Дай вамъ Богъ здоровья, сестрица, за ваше доброе расположеніе. Дѣйствительно, мы вамъ этимъ обязаны! сказала Катерина Михайловна и со слезами на глазахъ поцѣловала Клеопатру Петровну, своего прежняго врага.

— Я всегда была увѣрена, сестрица, что вы когданибудь убѣдитесь въ моемъ расположеніи! отвѣчала Клеопатра Петровна съ коварной улыбкой.

— Но согласится ли Надя? замѣтилъ въ раздумьи Ѳедоръ Ивановичъ.

— Полно, Теодорушка, если ее слушать, такъ значитъ на весь вѣкъ оставить ее сидѣть въ дѣвкахъ! возразила Катерина Михайловна. — Гдѣ она найдетъ еще такого жениха?

— То-то, матушка, пораньше бы надо взяться за умъ! съ упрекомъ проговорилъ Коркинъ.

— Ну что, Теодорушка, вспоминать старое: что было, то прошло. Не мѣнять же, въ самомъ дѣлѣ, князя на Крушинскаго! А вотъ что: я хоть слабая мать, а если она будетъ отказывать такому жениху, такъ я прямо ей скажу, что не хочу считать ее своей дочерью.

— Нѣтъ, ужь это очень жестоко, сестрица, и несвойственно вашему доброму и нѣжному материнскому сердцу, насмѣшливо возразила Клеопатра Петровна. А по-моему лучше поступить такимъ образомъ: объявить Надинѣ, что князь дѣлалъ предложеніе и что ему уже изъявлено отъ ея имени согласіе, что измѣнить этого уже никакъ нельзя. И въ тоже время прямо и твердо внушить ей, что она никогда не можетъ принадлежать этому несчастному Крушинскому, и что, если она вздумаетъ сопротивляться браку съ княземъ, то нанесетъ позоръ всему семейству и убьетъ своихъ престарѣлыхъ родителей. Хотя это будетъ нѣсколько и насильственно, но я увѣрена, что Надина впослѣдствіи сама будетъ благодарить насъ, потому-что въ князѣ такъ много достоинствъ, что съ нимъ женщина не можетъ быть несчастлива. Впрочемъ, я совершенно убѣждена, что Наденька будетъ противиться дать согласіе на предложеніе князя развѣ только изъ одного каприза, потому-что, мнѣ кажется она сама начинаетъ сомнѣваться въ возможности осуществленія своихъ несбыточныхъ надеждъ, да и здѣшнее общество достаточно дало ей понять, какъ

многаго недостаетъ въ Крушинскомъ, чтобы онъ могъ составить ея счастіе. По всему этому, мнѣ кажется, всего лучше поступить такъ, какъ я совѣтую. Это избавитъ и васъ отъ лишнихъ убѣжденій, совѣщаній, слезъ: все кончится однимъ разомъ.

— Конечно! воскликнулъ гвардеецъ.

— Опять скажу: золотая головушка! промолвилъ Ѳедоръ Иванычъ, цѣлуя въ лобъ мудрую кузину. Будь по-твоему!

Позвали Наденьку и Ѳедоръ Иванычъ, руководствуясь совѣтами своей кузины, объявилъ ей о предложеніи князя и о данномъ будто бы на это согласіи.

— Какъ, вы уже сказали ему, что я согласна? вскричала Наденька, поблѣднѣвъ.

— Да, мы были увѣрены, что ты не откажешься отъ такого счастія! подтвердила Катерина Михайловна.

— Надина, я полагаю, имѣла уже время сама оцѣнить всѣ достоинства князя и понимаетъ, что на такое предложеніе не можетъ быть отказа, замѣтила тетка.

— А какъ онъ тебя любитъ, Надя! Мы съ нимъ иногда по нѣскольку часовъ сряду говорили о тебѣ, прибавилъ братъ.

— Но я его не люблю ... проговорила Наденька.

— Нѣтъ той женщины, которая могда бы не любить князя. Можно не понимать его нѣкоторое время, но онъ заставитъ всякую женщину полюбить себя, если захочетъ ... возразила Клеопатра Петровна.

— Вы хотите меня выдать насильно? ...

— Что за фразы ты позволяешь себѣ! съ сердцемъ сказалъ Ѳедоръ Иванычъ. Вспомни, что ты говорила мнѣ, когда просила процентія за письмо, посланное тобою потихоньку отъ меня. Ты говорила мнѣ, что

не рѣшишься ни на что безъ моей воли и моего согласія ... Я далъ слово за тебя князю, въ полной увѣренности, что сама не откажешь ему, тѣмъ болѣе, что и я, и мать, и всѣ мы считаемъ за особенную честь имѣть у себя въ роднѣ такого человѣка ...

— Да, это немножко получше сына дьячка! ... подхватилъ гвардеецъ и весело засмѣялся.

Наденька вздрогнула, печально посмотрѣла на брата и заплакала.

— Я никогда не осуждала никакого чувства, лишь бы оно было искренно, вмѣшалась тетушка: сердцемъ располагать нельзя, любить можно всякаго, но человѣкъ всегда рабъ общественнаго мнѣнія, а для женщины общественное мнѣніе—ея судьба. Я увѣрена, что и Крушинскій когда-нибудь убѣдится въ невозможности осуществленія его надеждъ, откажется отъ нихъ, спокойно покорится своей судьбѣ и будетъ искать себѣ подруги, которая бы соотвѣтствовала его общественному положенію ...

— Да вѣдь вотъ, сестрица, съ тѣхъ-поръ, какъ мы видѣли его въ театрѣ, цѣлый мѣсяцъ нѣтъ о немъ ни слуху, ни духу: можетъ-быть, онъ давно уже и перемѣнилъ свои намѣренія ... сказала Катерина Михайловна.

— Ну, оставьте же его въ покоѣ! я сказалъ — и не измѣню своему слову: пока я живъ, Надеждѣ не бывать за Крушинскимъ ... Но, можетъ быть ты ожидаешь моей смерти, надѣешься, что я скоро умру! ...

— Господи, что это такое! вскричала Наденька.

— Но знай, продолжалъ Ѳедоръ Иванычъ: что ты не только огорчишь все свое семейство, не только окажешь сопротивленіе родительской волѣ, но и опозоришь мое имя, если, послѣ даннаго мною слова,

откажешь князю ... Впрочемъ я тебя не принуждаю: дѣлай, какъ хочешь ...

— Дѣлайте со мною что хотите! ... сказала Наденька съ какимъ-то отчаяніемъ. Мнѣ все равно: я на все готова ... Видно, такъ Богу угодно ...

Наденька отерла слезы, старалась подавить невольныя рыданія и казаться покойной.

— Но опять повторяю тебѣ: я не хочу тебя принуждать, мой другъ ... Будь только увѣрена, что мы не захотимъ тебѣ зла, больше тебя понимаемъ жизнь, и знаемъ, что̀ можетъ принести тебѣ счастіе ... А ты еще молода, неопытна, пылка и увлекаясь минутнымъ впечатлѣніемъ, готова погубить всю свою будущность. Неужели родители въ-самомъ-дѣлѣ такъ мало тебя любятъ, что не желаютъ тебѣ добра? Неужели, моя душа, ты въ-самомъ-дѣлѣ не могла еще убѣдиться въ нашей любви? ...

Наденька слушала, опустивши въ землю глаза и ничего не отвѣчала.

И Клеопатра Петровна, и Катерина Михайловна, и юноша Коркинъ разсыпали передъ нею утѣшительныя и успокоительныя рѣчи, но Наденька сидѣла безмолвно и неподвижно, блѣдная и видимо спокойная.

— Если всѣ наши слова не могли вразумить тебя, если ты и теперь считаешь себя жертвой нашей прихоти, то жестоко ошибаешься и оскорбляешь насъ. Впрочемъ, я прощаю тебя, потому-что увѣренъ: не пройдетъ года счастливой жизни съ княземъ, какъ ты измѣнишь свои мысли и поймешь наши поступки ...

Проговоривши эти слова, Ѳедоръ Иванычъ всталъ, поцѣловалъ дочь въ голову и вышелъ изъ комнаты. Молодой Коркинъ послѣдовалъ за отцомъ.

— Полно, мое сокровище, не задумывайся: право, такихъ жениховъ, какъ князь, немного, сказала Кате-

рина Михайловна, подойдя и обнимая дочь. Ты подумай только, какой молодецъ, красавецъ. А какъ уменъ и богатъ! Ты просто будешь счастливица.

Наденька горько улыбнулась.

— Жизнь убѣдитъ Надину лучше нашихъ словъ, рѣшила тетушка. Пройдемся немножко по комнатамъ, прибавила она, протягивая руку племянницѣ.

Наденька молча подала свою руку. Катерина Ммхайловна пошла сообщать Глафирѣ радостную новость.

Въ тотъ же вечеръ Павелъ Коркинъ объявилъ князю согласіе Наденьки и на другой день князь явился уже въ качествѣ жениха. При первомъ взглядѣ на Наденьку, послѣ двухъ-трехъ сказанныхъ съ нею словъ, онъ, какъ умный человѣкъ, понялъ, какого рода согласіе дано было ему и, обращаясь съ Наденькой, какъ съ невѣстой, онъ уклонялся отъ всякаго объясненія съ нею. Скромно, но съ достоинствомъ поблагодаривъ Ѳедора Иваныча и Катерину Михайловну, онъ сказалъ между прочимъ: „Я вижу, что Надежда Ѳедоровна не влюблена въ меня страстно, но не безпокоюсь объ этомъ: не страсть даетъ счастіе въ семейной жизни, а взаимное уваженіе и тихая спокойная дружба“. Эти слова очень понравились Ѳедору Иванычу. Отъ всякаго разговора о приданомъ князь отказался. „Я такъ много имѣю, говорилъ онъ, что просить чего-нибудь за Надеждой Ѳедоровной значили бы — показать съ моей стороны малую любовь къ ней. Вы можете дать ей, какъ родители, все, что вамъ угодно, но мнѣ объ этомъ не должно и знать, потому-что, кромѣ истинной и глубокой любви къ Надеждѣ Ѳедоровнѣ, никакіе другіе разсчеты не побуждали меня просить руки ея.“

Ѳедоръ Иванычъ былъ чрезвычайно доволенъ бу-

дущимъ своимъ зятемъ, Катерина Михайловна гордилась имъ и мечтала о томъ впечатлѣніи, какое этотъ бракъ долженъ произвести на всю уѣздную сволочь, осмѣлившуюся оскорблять ея дочь.

Князь Мирзабековъ началъ ѣздить къ Коркинымъ каждый день, обращался съ Наденькой очень почтительно и нѣжно, но не надоѣдалъ ей нѣжностями и какъ-будто не замѣчалъ ея малаго вниманія къ себѣ и очевидной холодности. Онъ дѣлалъ ей очень цѣнные подарки, и не показывалъ виду, что замѣчаетъ, съ какимъ равнодушіемъ они принимаются. Онъ не видалъ и того, что Наденька много похудѣла и поблѣднѣла, стала какая-то неподвижная и сонная, что всѣ ея слова, движенія, мысли сдѣлались какъ-то безцвѣтны и безхарактерны съ-тѣхъ-поръ, какъ она назвалась его невѣстой; не подавали виду, что замѣчаютъ эту перемѣну, и всѣ родные Наденьки.

Свадьбой князь не спѣшилъ. „Я не пылкой юноша и потому не тороплюсь жить, говорилъ онъ. Я люблю чувство ожиданія, когда ожидаешь чего-нибудь пріятнаго и знаешь навѣрное, что получишь. А что можетъ быть лучше ожиданій жениха и невѣсты? Онъ предлагалъ даже до времени не объявлять и о помолвкѣ, дабы избавиться отъ неискреннихъ поздравленій и любопытныхъ разспросовъ и, чтобы Наденька между-тѣмъ привыкла къ положенію невѣсты и къ мысли, что она должна быть вѣчной спутницей его жизни.

Между-тѣмъ наступила весна. Весь Петербургъ сталъ переселяться на дачи; Коркины также желали имѣть дачу. Князь вызвался пріискать имъ лѣтнее помѣщеніе и надѣялся угодить вкусу Наденьки, выбравъ уютный и довольно уединенный, но роскошный пріютъ на берегу залива. Наденькѣ дѣйстви-

тельно понравилось это мѣсто: въ первый еще разъ она привѣтливо улыбнулась своему жениху, осматривая нанятую имъ дачу. Когда Ѳедоръ Иванычъ спросилъ объ цѣнѣ, то узналъ, что деньги уже впередъ за все лѣто заплачены княземъ. Ѳедоръ Иванычъ хотѣлъ что то возразить противъ этого: князь обидѣлся и сказалъ, что онъ поступилъ въ этомъ случаѣ по праву будущаго сына. Для прогулокъ онъ подарилъ Наденькѣ прекрасную, хорошо выѣзженную лошадь. Вся эта внимательность, предупредительность привлекали къ князю сердца всѣхъ членовъ семейства Коркиныхъ, а цѣнность подарковъ, которые повторялись весьма часто, давала имъ высокое понятіе о состояніи князя. Князь какъ-то мимоходомъ намекнулъ Павлу Коркину объ источникахъ своихъ доходовъ, и пылкій молодой человѣкъ безпрестанно кричалъ своей семьѣ, что это первый акціонеръ всѣхъ значительныхъ обществъ, какія только есть въ Петербургѣ; что доходы князя — страшные, и онъ даже нѣсколько скупъ, судя по его огромному состоянію.

Самъ князь на дачу не могъ переѣхать нѣкоторое время по своимъ дѣламъ, требовавшимъ его присутствія въ Петербургѣ, но онъ обѣщалъ бывать у Коркиныхъ каждодневно.

Въ одинъ день утромъ, наканунѣ переѣзда Коркиныхъ на дачу, человѣкъ доложилъ Ѳедору Иванычу, что какой-то незнакомой офицеръ желаетъ видѣть его. Ѳедоръ Иванычъ сидѣлъ вмѣстѣ со всей семьей, князя не было. Приказано было просить гостя и всѣ изумились, увидя Добраго.

— Ахъ, почтеннѣйшій капитанъ, какими это судьбами! вскричалъ Ѳедоръ Иванычъ, по своему обыкновенію ласково, но съ нѣкоторою важностью

будущуго тестя знатнаго и богатаго человѣка. Садитесь-ка. Давно ли вы здѣсь?

Но Добраго былъ блѣденъ и взволнованъ. Онъ почти не поклонился дамамъ и не садился. Какъ видно, онъ собиралъ разстроенныя мысли и робко поглядывалъ на Наденьку.

— Садитесь, пожалуста! повторилъ Коркинъ.

— Извините ... гм ... я къ вамъ по непріятному случаю ...

— Что такое, капитанъ? ... Что за непріятный случай?

— Докторъ Крушинскій ...

Наденька встрепенулась и поблѣднѣла.

— Что-съ? спросилъ Ѳедоръ Иванычъ очень сурово.

— Онъ очень боленъ ...

Наденька вскрикнула и схватилась за ручку креселъ.

Клеопатра Петровна быстро подошла и хотѣла взять ее подъ руку, чтобы вывести, но Наденька оттолкнула ее и недвижно смотрѣла на Добраго ... Испуганный крикомъ Наденьки, Добраго остановился и не зналъ, какъ продолжать.

— Не угодно ли вамъ, капитанъ, пожаловать въ кабинетъ? сказалъ Коркинъ. Но Наденька вдругъ подошла къ Добраго и схватила его за руку.

— Онъ проситъ васъ ... гм ... пожаловать къ нему ...

Молодой Коркинъ громко захохоталъ.

— Что вы, капитанъ? .. Вы забываетесь или съ ума сошли ... говорилъ Ѳедоръ Иванычъ, разсерженный и сконфуженный.

— Что, онъ умираетъ? .. Говорите скорѣй ... настаивала Наденька, обращаясь къ растерявшемуся Добраго.

— Да ... онъ желаетъ ... проститься ... Онъ отчаянно боленъ.

— Пойдемте къ нему ... Пойдемте скорѣй! ... кричала Наденька, таща Добраго за собою.

Всѣ мгновенно упали духомъ и присмирѣли въ гостиной.

— Наденька, другъ мой, что ты? что ты? говорилъ Ѳедоръ Иванычъ, останавливая Наденьку.

— Нѣтъ, пустите ... Я пойду ... Я хочу идти къ нему! ... кричала она, отталкивая отца.

— Да успокойся хоть немножко ... Позволь я тебя провожу ... Я самъ съ тобой пойду ... Какъ же ты одна ...

— Да, ужъ вы лучше съ папенькой ... Онъ такъ и просилъ ... гм ... онъ и ихъ желаетъ видѣть ... говорилъ Добраго.

— Ну, поѣдемте скорѣй ... Поѣдемте ... твердила Наденька, какъ бы обезумѣвшая.

— Такъ позволь, братъ, лучше я, съѣзжу съ Надеждой ... сказала Клеопатра Петровна, которой страхъ захотѣлось посмотрѣть на романическую сцену.

— Нѣтъ, васъ не надо, возразила Наденька: онъ желаетъ папеньку видѣть ... Поѣдемте скорѣй ...

— Сейчасъ, сейчасъ ... ты только успокойся немного. Мы сію-минуту пріѣдемъ, капитанъ ... Потрудитесь тамъ оставить человѣку адресъ.

Добраго хотѣлъ выйти.

— Нѣтъ, васъ не отпущу ... Мы съ вами ... Меня обманутъ, не повезутъ ...

— Поѣзжай, братъ, скорѣе, пока князь не пріѣхалъ, шепнула Коркину Клеопатра Петровна. Мы скажемъ что вы уѣхали въ лавки. Поѣзжайте: надобно же чѣмъ-нибудь это кончить.

Катерина Михайловна сидѣла блѣдная и испуганная, не принимая никакого участія во всемъ происходившемъ. Примолкъ и молодой Коркинъ.

Кое-какъ собравшись, Ѳедоръ Иванычъ, Наденька и Добраго, котораго она не отпускала отъ себя, сѣли въ извощичью карету и отправились.

— Вотъ что значитъ выходить изъ своего круга и вести знакомство съ людьми низшими себя! замѣтила Клеопатра Петровна послѣ ихъ отъѣзда.

— Чортъ знаетъ, какіе люди врываются къ намъ въ домъ. А все эта проклятая деревенская жизнь! воскликнулъ молодой Коркинъ. Что, если бы эту сцену засталъ князь!?

— Вы лучше подумайте о томъ: если онъ умретъ, мы большой отвѣтъ дадимъ за него Богу ... проговорила Катерина Михайловна и заплакала.

— Вы—можетъ-быть, а ужъ никакъ не я! возразила Клеопатра Петровна.

IX.

— Вы не вдругъ ... гм ... а то можете испугать и его ... гм .. и себя разстроите очень! предупреждалъ Добраго Наденьку предъ дверями въ квартиру Крушинскаго.

Ѳедоръ Иванычъ съ дочерью, по знаку, Добраго, остановились у самаго входа. Вся квартира состояла изъ одной комнаты съ перегородкой, за которой слышалось тяжелое дыханіе больного. Добраго на цыпочкахъ пошелъ туда. Ѳедоръ Иванычъ былъ блѣденъ и взволнованъ, Наденька дрожала и, затаивъ дыханіе, прислушивалась.

— Что, пріѣхали? спросилъ Крушинскій, услышавъ шаги Добраго.

— А вы успокойтесь ... гм ... они сейчасъ и войдутъ ...

— Гдѣ же? ... позовите ...

Добраго выглянулъ изъ-за перегородки и далъ знакъ войдти. Наденька сдѣлала-было движеніе, но Ѳедоръ Иванычъ взялъ ее за руку и они вошли вмѣстѣ. Увидя ихъ, Крушинскій хотѣлъ было подняться, но не могъ. Исхудалое лицо его озарилось свѣтлой улыбкой, онъ молча протянулъ руки. Наденька не выдержала, зарыдала и, вырвавшись изъ рукъ отца, припала лицомъ на грудь больного. Чувство содраганія пробѣжало по жиламъ Коркина; онъ поднялъ и посадилъ дочь.

— Благодарю васъ ... благодарю васъ ... говорилъ Крушинскій, не сводя глазъ съ Наденьки. И васъ благодарю, продолжалъ онъ, обращаясь къ Коркину и протягивая ему руку.

Ѳедоръ Иванычъ подалъ свою: она дрожала.

— Я тотчасъ поспѣшилъ пріѣхать, какъ только узналъ, что вы такъ нездоровы ...

— Да ... исполнили волю умирающаго ... проститься нужно ... свѣтъ за это не осудитъ ... проговорилъ Крушинскій, и горькая усмѣшка пробѣжала по лицу его.

Ѳедоръ Иванычъ опустилъ глаза.

— Нѣтъ ... простите меня ... Я для того хотѣлъ васъ видѣть ... чтобы сказать ... я вамъ все простилъ ... простите меня ...

— Вы ни въ чемъ не виноваты предо мной? Я долженъ просить у васъ прощенія ...

— Нѣтъ ... вы поступали по убѣжденію ... боялись свѣта ... я теперь понялъ ... Вамъ было жалко дочери ... вы думали ... Ну, все равно ...

Крушинскій замолчалъ и закрылъ глаза отъ утомленія.

Ѳедоръ Иванычъ былъ тронутъ; Наденька тихо плакала.

— Не плачьте ... сказалъ больной, снова открывая глаза, взялъ руку Наденьки, поцѣловалъ ее, прижалъ къ лицу, къ груди и потомъ долго молча смотрѣлъ на Наденьку. Слеза выкатилась изъ его глазъ.

— Вы не перестали любить меня? спросилъ онъ

— Нѣтъ.

— Ну, не плачьте ... Что же дѣлать ... Такъ надо ... Можетъ-быть ... все къ лучшему ... Намъ бы не побѣдить ... Предразсудокъ силенъ ... Только бы напрасное страданье ... Я во всемъ виноватъ ... Жалко только васъ ... да моей семьи ... Отецъ умеръ ... одна мать старуха ... маленькіе братья и сестры ...

— За ваше семейство будьте покойны Аркадій Николаичъ, сказалъ Коркинъ: оно не будетъ оставлено.

— Не смѣйте! вскричалъ больной и глаза его засверкали гнѣвомъ и негодованіемъ, блѣдное лицо запылало неестественнымъ огнемъ. Оскорблять умирающаго ... Вотъ кто не оставитъ ...

И Крушинскій указалъ на Добраго.

— Отъ васъ не примется милостыня ... Ваше подаянье ... будетъ тревожить меня и тамъ ...

И снова, обезсиленный внутреннимъ волненіемъ, онъ замолчалъ, закрылъ глаза и остался неподвижнымъ. Права умирающаго страшны: слова его, какъ приговоръ неподкупнаго суда. Ѳедоръ Иванычъ совершенно упалъ духомъ и сидѣлъ, опустивши голову, какъ осужденный къ казни.

Крушинскій долго оставался неподвижнымъ.

Наденька взглянула на него и ей показалось, что онъ умеръ. Она приклонилась къ нему и невольно вскрикнула.

— Нѣтъ еще ... проговорилъ больной, открывши глаза и съ грустной улыбкой устремляя ихъ на Наденьку. Послушайте: дайте мнѣ слово ... не тосковать ... когда это случится ... а то мнѣ будетъ тяжело ... Я стану молиться ... обѣщайтесь! ... да? ...

Наденька молчала.

— Ну, обѣщайтесь же ... говорилъ онъ тоскливо. — Вѣдь я испортилъ вашу жизнь ... Мнѣ надо надѣяться ... что ... я не совсѣмъ погубилъ ... ваше спокойствіе ... Ну ... что же?

— Я буду молиться ... чтобы Богъ далъ мнѣ твердость ...

— Ну, теперь все ... Простите меня ... Прощайте ...

Онъ опять взялъ руку Наденьки и поцѣловалъ.

— Прощайте ... повторилъ онъ, опуская ея руку: молитесь же ...

Ѳедоръ Иванычъ всталъ, чтобы уйдти.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не пойду отъ него ... вскричала Наденька съ изступленіемъ, вдругъ овладѣвшимъ ею при мысли, что она должна разстаться на вѣки.

Въ Крушинскомъ этотъ крикъ произвелъ сильное потрясеніе. Онъ началъ метаться и потерялъ сознаніе: съ нимъ начался бредъ. Ѳедоръ Иванычъ и Добраго насильно оторвали Наденьку отъ постели больного и почти безчувственную посадили въ карету. Бредъ и тоска продолжались съ Крушинскимъ почти до вечера. Къ ночи какъ будто онъ успокоился и уснулъ. Но вдругъ ночью самъ поднялся и сѣлъ на постели, разбудилъ Добраго и говорилъ съ нимъ нѣсколько времени весело и покойно, увѣрялъ, что онъ сталъ вдругъ совершенно здоровъ, что онъ чувствуетъ себя очень легко и непремѣнно

останется жить ... Но это была послѣдняя вспышка жизни: на другой день Крушинскаго не стало.

Добраго слѣлалъ похороны на свой счетъ и съ возможною торжественностью. Коркины получили траурный билетъ съ приглашеніемъ на печальную процессію. Этотъ печатный лоскутокъ бумаги былъ новымъ и послѣднимъ упрекомъ для Коркина, сдѣланнымъ неумышленно отъ самаго безхитростнаго и добродушнаго человѣка, отъ Добраго, прислашаго пригласительный билетъ. Наденька приняла извѣстіе о смерти Крушинскаго спокойнѣе, нежели ожидала; она была даже и въ церкви при отпѣваньи, усердно молилась, но не плакала. За то горько плакала и убивалась Катерина Михайловна, но скоро утѣшилась: переѣхали на дачу — и новость дачной жизни, и дачныя удовольствія, кахъ будто деревенскія и въ то же время вовсе не похожія на нихъ, и дачное общество очень заняли ее, развлекли и помогли успокоиться.

На Ѳедора Иваныча смерть Крушинскаго произвела сильное впечатлѣніе: онъ сдѣлался мраченъ, задумчивъ и молчаливъ. Однажды онъ призвалъ къ себѣ Наденьку и сказалъ ей:

— Надя, я вижу, что ты не любишь князя. Если хочешь, я откажу ему.

— Для чего же, папаша? Нѣтъ, я пойду за него ...

— Ты, мой другъ, ради Бога, скажи мнѣ правду: я не хочу, чтобы еще новый упрекъ легъ мнѣ на душу.

При этихъ словахъ лицо старика омрачилось.

— Вотъ видите, что я думаю, папаша. Любить я все равно никого не могу, а вѣдь надобно же будетъ выдти за кого нибудь. Князь, къ счастію, нра-

вится всѣмъ, слѣдовательно, выйдя за него, я сдѣлаю всѣмъ удовольствіе; слово уже ему дано: зачѣмъ же нарушать его и дѣлать скандалъ?

— Какъ хочешь, а я готовъ исполнить вполнѣ твою волю, какова бы она не была.

— Благодарю васъ, папаша. Нѣтъ, ужъ пусть будетъ такъ, какъ судьбѣ угодно.

X.

Наденька послѣ смерти Крушинскаго сдѣлалась гораздо внимательнѣе и любезнѣе къ князю. Она очевидно старалась сколько нибудь пріучить себя къ нему, если не полюбить. Князь, какъ видно, не зналъ всего происшедшаго, или показывалъ видъ, что не знаетъ.

Мало-по-малу успокоился и Ѳедоръ Иванычъ, а объ Крушинскомъ и помину не было: всѣ избѣгали разговора о немъ. Начали поговаривать о свадьбѣ. Князь Мирзабековъ продолжалъ ѣздить каждый день, и съ каждымъ днемъ все больше и больше пріобрѣталъ расположеніе, особенно со стороны Катерины Михайловны и Клеопатры Петровны.

Однажды какъ-то онъ завелъ разговоръ о своихъ дѣлахъ въ присутствіи всего семейства: разсказывалъ объ оборотахъ нѣкоторыхъ обществъ, въ которыхъ онъ былъ акціонеромъ, о золотыхъ промыслахъ и другихъ своихъ предпріятіяхъ.

— А кстати, сказалъ онъ вдругъ, обращаясь къ Ѳедору Иванычу: не хотите ли пустить капиталъ въ очень вѣрный оборотъ: оно и для меня было бы нѣкоторымъ образомъ полезно, а для васъ такъ выгодно, что вы могли бы получить рубль на рубль. Одинъ золотопромышленникъ въ Енисейскѣ сдаетъ

свои промысла и продаетъ свой участокъ паями, участокъ хоть небольшой. но, какъ пишетъ мой управляющій, — отличный человѣкъ, которому я обязанъ половиной своего состоянія, — участокъ очень хорошій. Весь онъ стоитъ четырѣста тысячъ серебромъ. Я имѣю въ настоящее время въ рукахъ только триста тысячъ, слѣдовательно на время долженъ занять сто, потому что купить нѣсколько паевъ, а не весь участокъ, въ своемъ родѣ лотерея, а всѣ мои предпріятія оттого только и удаются, что я никогда не дѣйствую на авось, а всегда на вѣрняка, и не по мелочи, а въ большихъ размѣрахъ ... При такомъ разсчетѣ, ошибки и случайности быть не можетъ ... Такъ вотъ, вмѣсто того, чтобы мнѣ занимать, не хотите ли пустить въ оборотъ сто тысячъ? ... Тутъ риску не будетъ, а прибыль вѣрная ...

— Ахъ, папаша, это великолѣпная мысль! воскликнулъ молодой Коркинъ.

— Благодарю васъ, князь, только я ужъ старъ и никогда въ жизни не пускался въ такія дѣла.

— Ахъ, Боже мой! да вѣдь дѣло пойдетъ черезъ меня и деньги ваши будутъ въ рукахъ, полагаю, довольно честныхъ и опытныхъ ...

— Да, это все такъ, только, признаюсь вамъ, у меня въ рукахъ нѣтъ и половины такой суммы.

— Да, ну это дѣло другое.

— Папаша, да для этого можно заложить имѣніе ... сказалъ Поль. Отчего не рискнуть!

— Если бы это былъ рискъ, я не сталъ бы и говорить о такомъ дѣлѣ съ батюшкой, замѣтилъ князь.

Ѳедоръ Иванычъ задумался.

— Знаете что, князь, вмѣшалась Клеопатра Пе-

тровна: возьмите меня въ свои компаньоны, если только женщины могутъ быть въ нихъ приняты.

— Деньги не знаютъ пола! шутливо отвѣчалъ князь.

— Въ такомъ случаѣ я закладываю имѣніе ... правда, оно заложено ... ну, перезаложу его и отдаю вамъ все, что получу ...

— Ну, а я вамъ отвѣчаю, что чрезъ пять лѣтъ вы не только освободите заложенное имѣніе, но, сверхъ того, будете еще имѣть въ рукахъ опять ту же сумму.

— Кузенъ, если перезаложить все мое имѣніе, сколько я получу?

— Я думаю, тысячъ тридцать серебромъ будетъ.

— Ну, такъ черезъ нѣсколько дней вы будете имѣть отъ меня эти деньги.

— А я къ тому времени постараюсь приготовить вамъ въ эту сумму вексель.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, чтобы этого не было, между родными такія вещи оскорбительны.

— Въ такомъ случаѣ я дамъ вамъ вексель еще болѣе дѣйствительный: слово князя Мирзабекова, что онъ отвѣчаетъ всѣмъ своимъ состояніемъ, если черезъ пять лѣтъ онъ не возвратитъ вамъ шестидесяти тысячъ.

— Ну, ужъ, Теодорушка, если сестрица пускается на такія дѣла, сказала Катерина Михайловна: такъ намъ стыдно отставать. Ужъ какъ хочешь, а я тоже закладываю свое имѣніе и отдаю ему деньги.

— А остальныя, папаша, если что недостанетъ до ста тысячъ, неужели нельзя расшевелить пачку ломбардныхъ ... на счастье сына? Вѣдь есть, я думаю, малая толика, папаша, а? ... говорилъ Поль, цѣлуя руку отца.

— Нѣтъ, ужъ лучше не на твое счастье, шалунъ, а на счастье Нади, съ улыбкою сказалъ Ѳедоръ Иванычъ.

— О, въ такомъ случаѣ, я думаю, не потребуется съ меня и квитанціи въ полученіи денегъ, шутливо примолвилъ князь.

— Ужъ если мы повѣряемъ вамъ безъ всякой росписки счастье дочери, такъ тѣмъ больше повѣримъ деньги! отвѣчалъ Ѳедоръ Иванычъ въ томъ же тонѣ.

— Только, пожалуйста, папенька, или пусть всѣ эти предположенія останутся шуткой, или похлопочите о деньгахъ поскорѣе, а въ противномъ случаѣ я долженъ буду занять, чтобы не дать раскупить паевъ.

— Какая же шутка! Нѣтъ, ужъ пусть будетъ такъ: захотѣлось на старости лѣтъ разбогатѣть.

— Ну, еще это богатство небольшое! сказалъ князь.

— Да вѣдь это вы, господа богачи, привыкли мѣрять деньги четвериками, а мы ихъ считаемъ рубликами.

— Ну, папаша, я увѣренъ, что князь научитъ и насъ мѣрять четвериками.

Недѣли черезъ двѣ князю вручено было Ѳедоромъ Иванычемъ сто тысячъ рублей. Князь спокойно положилъ ихъ въ карманъ, даже не пересчиталъ. На этотъ разъ онъ уже ни слова не говорилъ о роспискѣ или векселѣ; ему, разумѣется, тоже ничего не сказали. Весь этотъ день князь Мирзабековъ пробылъ у Коркиныхъ, былъ очень веселъ и любезенъ, говорилъ о свадьбѣ и просилъ поспѣшить ею, вслѣдствіе чего условились о днѣ торжественнаго объявленія о помолвкѣ и днѣ брака.

Прощаясь, князь сказалъ, что завтра онъ займется отправкой денегъ и перепиской вообще по предполагаемой покупкѣ, и потому если ему не удастся завтра пріѣхать, то чтобы въ такомъ случаѣ о немъ не безпокоились.

Но князь Мирзабековъ не пріѣзжалъ ни завтра, ни послѣзавтра. На третій день Павелъ Коркинъ поѣхалъ къ нему и не засталъ дома, на слѣдующій — тоже. Все семейство пришло въ сильное безпокойство, разумѣется, кромѣ Наденьки: для нея было рѣшительно все равно, что бы ни случилось. Наконецъ, молодой Коркинъ почти насильно ворвался къ князю.

— Ахъ, здраствуйте, мой милый, сказалъ князь, нисколько не смутившись. Что васъ давно ни видать?

— Васъ, князь, тоже давно не видно. Я у васъ нѣсколько разъ былъ, но нынче къ вамъ очень труденъ доступъ, а вы насъ совсѣмъ забыли.

— Виноватъ, виноватъ ... Столько дѣла, что никакъ не могу найдти свободнаго времени ... Не хотите-ли сигару?

— Послушайте, князь, мнѣ странно васъ слушать...

— А что такое, молодой человѣкъ?

— Да развѣ вы позабыли, что моя сестра — ваша невѣста?

— Можетъ-быть, желала или желаетъ теперь?...

— Что же вы? шутите надъ нами? вы дѣлали предложеніе моей сестрѣ, вамъ дали согласіе, вы считались женихомъ.

— Будто? ... благодарю за честь ... Кому же это извѣстно, кому я объявилъ, что женюсь на вашей сестрѣ? Развѣ вы хвалились тѣмъ, что выдадите ее за меня, — такъ это еще ничего не значитъ ...

— Но вы ѣздили къ намъ каждый день, дѣлали подарки сестрѣ ...

— Такъ развѣ это и значитъ, что я долженъ жениться на ней ... Отчего же не дарить тѣхъ, кого хочется и кто принимаетъ подарки ... Вотъ я нашелъ дачу для вашего отца: за это на комъ прикажете мнѣ жениться?

— Но послушайте: я васъ заставлю жениться.

— Это какимъ образомъ?

— Или иначе вы будете со мной стрѣляться.

— Жалко, что не буду, а то бы я васъ застрѣлилъ: вы знаете, какъ я мѣтко бью ...

— Я васъ заставлю со мной стрѣляться: я вамъ дамъ публично пощечину.

— О, въ такомъ случаѣ я васъ конечно убью: видите эту стѣну, мы, кажется, вмѣстѣ съ вами пробовали глазъ. Не дать ли вамъ пистолетъ, только не съ тѣмъ, чтобы въ меня стрѣлять, а такъ, поучиться пока, до дуэли: вы вѣдь куда-какъ плохо стрѣляете.

— Мнѣ все равно: лучше смерть, чѣмъ позоръ.

— Для юноши было бы сказано не дурно, еслибъ не было вычитано.

— Послушайте! вскричалъ Коркинъ съ бѣшенствомъ.

— Что, молодой человѣкъ? отозвался Мирзабековъ совершенно спокойно.

— Вы выводите меня изъ себя ..,.

— Не выходите ... зачѣмъ же это! ...

— Вы подлецъ!

— Юноша, юноша, вамъ прощается это только по вашей неопытности. Вспомните, что вы у меня въ домѣ и, слѣдовательно, во власти моихъ лакеевъ.

— Такъ вы рѣшительно отказываетесь отъ вашего намѣренія жениться на моей сестрѣ?

— Откровенно вамъ признаюсь, что даже и не имѣлъ никогда такого намѣренія.

— А деньги?

— Что такое: а деньги?

— Сто тысячъ серебромъ, которыя вамъ дали отецъ и тетка.

— Какъ дали? Я что-то не помню: меня никто не дарилъ такими большими суммами.

— Вы и въ нихъ хотите запереться?

— Я ни признаюсь, ни запираюсь, но у меня проходитъ черезъ руки такое множество разныхъ суммъ, что мнѣ нужно, чтобы объ нихъ мнѣ напоминали какой нибудь роспиской, запиской что ли ... Я никогда не принимаю и не даю денегъ безъ расписокъ.

— Я вижу, вы хотите украсть у насъ эти деньги.

— Молодой человѣкъ, еще разъ, и уже въ послѣдній, прощаю и напоминаю, что вы у меня въ домѣ.

— Но послушайте, это даже безжалостно! Опозорить семейство, отнять у него состояніе ...

— Ну, послушайте и меня, молодой человѣкъ: вы притишились, присмирѣли, стали говорить болѣе скромнымъ тономъ: это доказываетъ, что вашъ мозгъ начинаетъ приходить въ порядокъ; но все еще въ бреду, потому-что несете страшный вздоръ — только другимъ тономъ. Я въ первый разъ слышу, что есть на свѣтѣ такіе дураки, которые требуютъ, чтобы на ихъ дочери женился человѣкъ, не имѣющій къ тому ни малѣйшаго желанія, и еще, сверхъ того, даютъ ему безъ всякой расписки сто тысячъ серебромъ. Ну, подите и разскажите это кому хотите: повѣритъ ли этому кто-нибудь и не назоветъ ли

васъ сумасшедшимъ, если вы будете клясться и божиться, что это случилось въ вашемъ семействѣ? Затѣмъ прошу васъ меня оставить, потому-что сначала вы меня забавляли, а теперь уже порядочно надоѣли. Желаю вамъ добраго здоровья.

Хозяинъ позвонилъ.

— Экипажъ господина Коркина, сказалъ онъ вошедшему слугѣ и ушелъ въ другую комнату.

Коркинъ нѣсколько секундъ простоялъ неподвижно въ гнѣвѣ и недоумѣніи, но ничего не придумалъ, и медленнымъ шагомъ вышелъ въ сопровожденіи слуги Мирзабекова.

Все семейство Коркиныхъ не вѣрило ушамъ своимъ, слушая разсказъ Поля.

— Его нельзя ни въ чемъ уличить: мы поддались мошенничеству ловко обдуманному, сказалъ Ѳедоръ Иванычъ. Еще наказаніе! прибавилъ онъ, смиренно опуская голову.

— Но я ему не прощу этого: мы будемъ стрѣляться! горячился молодой человѣкъ.

Катерина Михайловна вскрикнула, заплакала, обвила сына руками и начала его уговаривать не подвергать себя такой опасности.

— Если ты позволишь себѣ хоть малѣйшую выходку въ этомъ родѣ, я не стану считать тебя сыномъ ... Слышишь? строго сказалъ отецъ.

— Но какъ же, папаша? кому же вступиться за честь сестры, какъ не брату?

— Береги свою, а ея честь пока не запятнана, а если ты вызовешь его на дуэль, то всѣ заговорятъ объ этой исторіи и мы сдѣлаемся басней и посмѣшищемъ цѣлаго города; и въ деревнѣ не найдемъ себѣ мѣста отъ злыхъ языковъ ... А теперь пока будутъ говорить только, что разошлась

свадьба, которая было затѣвалась, но о которой не было еще объявлено — это еще не великъ позоръ.

— Вотъ, сестрица, отыскали жениха племянницѣ, покорно благодарю! говорила Катерина Михайловна, хныкая.

— Такъ какъ же, братъ, неужели мы въ самомъ дѣлѣ должны лишиться своихъ денегъ? спросила Клеопатра Петровна.

— Слышала, матушка: кажется, спрашивать нечего.

— Но этого быть не можетъ: такой богачъ, какъ князь Мирзабековъ, не рѣшится воспользоваться нашими деньгами ... Еще можетъ быть, что онъ отдумалъ жениться на Надинѣ, но чтобы захотѣлъ утаить деньги ... Это не похоже на него. Вѣрно, что-нибудь Поль погорячился, разсердилъ его, онъ и пошутилъ нарочно ... Я къ нему сейчасъ же напишу и пошлю письмо ...

— Попробуй счастья.

Клеопатра Петровна тотчасъ же настрочила предлинное посланіе со множествомъ подчеркнутыхъ словъ, восклицательныхъ знаковъ и многоточій. Письмо было послано по городской почтѣ, но прошло два дня, а отвѣта на него не было. Вслѣдъ за тѣмъ съ нарочнымъ было послано другое письмо, еще болѣе длинное, но письма не приняли. Клеопатра Петровна надѣялась увидѣться у однихъ знакомыхъ и лично объясниться съ княземъ, но чрезъ недѣлю узнала, что князь вовсе уѣхалъ изъ Петербурга, а куда и на долго ли — не извѣстно. Сомнѣваться больше было нельзя: деньги потеряны безвозвратно.

Клеопатра Петровна и Катерина Михайловна перессорились окончательно и не могли равнодушно смотрѣть другъ на друга. Тетушка наконецъ не

могла переносить колкостей Катерины Михайловны и скрывать хандры, которая ею овладѣла, и уѣхала въ городъ, сухо простившись съ братомъ и вовсе не простившись съ сестрой. Въ Петербургѣ она сначала каждый день справлялась: не пріѣхалъ ли Мирзабековъ, но только черезъ годъ узнала, что князь снова явился въ Петербургѣ. Клеопатра Петровна долго гонялась за нимъ, наконецъ поймала на Невскомъ, но князь показалъ видъ, что вовсе не знаетъ ея и такъ торжественно сконфузилъ, что она не знала куда дѣваться со стыда и досады. Междутѣмъ мало-по-малу и недостатокъ въ деньгахъ сталъ безпокоить мудрую и хитрую вдову. Это такъ раздражало ее, что она, наконецъ, совсѣмъ озлилась на всѣхъ людей вообще, заперлась и никого къ себѣ не принимала. О родныхъ не могла слышать и ни къ кому изъ нихъ не писала. Тоска и злоба грызли ее и превратили въ совершенную мумію.

Коркины не дожили лѣта на дачѣ и уѣхали въ деревню. На Ѳедора Иваныча смерть Крушинскаго и потеря денегъ произвели сильное впечатлѣніе, онъ вдругъ замѣтно постарѣлъ и совершенно потерялъ характеръ: сдѣлался капризенъ, брюзгливъ и слушался, какъ ребенокъ, только одной Наденьки. Впрочемъ, онъ не долго и жилъ послѣ того. Наденька навсегда осталась въ дѣвицахъ, жила уединенно и посвятила себя молитвѣ.

Катерина Михайловна, напротивъ, по смерти мужа, какъ будто помолодѣла, хандра ея прошла, и она жила весело и спокойно въ своей усадьбѣ, вся поглощенная мелкими интересами уѣзднаго общества.

Добраго, похоронивши Крушинскаго, опять осиротѣлъ, безвыходно сидѣлъ въ своей квартирѣ и училъ новымъ штукамъ Камрада. Скука и одиночество одолѣвали

его, а въ обществѣ товарищей онъ не являлся, боясь встрѣтиться съ Бандуровымъ, котораго возненавидѣлъ.

Однажды Бандуровъ неожиданно вошелъ къ нему. Добраго вспыхнулъ отъ досады. Но это былъ уже не прежній Бандуровъ, розовый, веселый, беззаботный: нѣсколько мѣсяцевъ супружества совершенно его измѣнили: свѣжесть и красота его пропали, онъ сдѣлался какъ-то вялъ и опухшее лицо показывало, что онъ началъ утѣшать себя спиртными напитками. И теперь онъ пришелъ къ Добраго не совсѣмъ трезвый.

— Что вамъ? гм ... гм ...

— Ты, братъ, все на меня сердишься, Добраго, отвѣчалъ Бандуровъ: и за что это? чортъ тебя знаетъ ... Эй, братъ, перестань, не сердись ... Эй, Добраго, не сердись, братъ ... Помнишь ли, какъ мы прежде съ тобой живали? Эхъ, важное было житье ... Бывало, на троичкѣ ... ухъ, дьяволы, только держись! ... А теперь, братъ, что ... Плохо мое житье ...

— Теперь вы имѣете свое семейство гм ...

— Что̀ мнѣ семейство ... Ты думаешь, я жену люблю, что ли? ... Я ее терпѣть не могу ... И какъ я на ней женился, понять не могу ... Вотъ была душка ... Коркина Надя ... вотъ моя невѣста! ... Не удалось, братъ, намъ тогда этого дѣльца обдѣлать: изъ рукъ ушла. А эта ... моя жена ... терпѣть не могу ... И она ... ты думаешь, любитъ что ли она меня? ... Думала, что у меня тысяча душъ ... вотъ за что шла, да хотѣлось замужъ выйти ... Какъ же она меня любитъ, когда всѣ деньги забрала и ничего не даетъ? ... Да, вретъ, и денегъ нѣтъ, ей-Богу нѣтъ ... Дай, братъ Добраго, пожалуйста взаймы ... Я тебѣ отдамъ ...

ей-Богу отдамъ. Мать, братъ, ничего не присылаетъ: сама, пишетъ, безъ куска хлѣба сижу ... Дай, братъ, пожалуйста, десять рублей взаймы ... Помнишь, прежде бывало ...

— Нѣтъ у меня денегъ ... гм ...

— Полно ты врать: у тебя нѣтъ, у тебя много денегъ ...

— Да не для васъ ... гм ...

— А прежде и для меня было ...

— Извольте ... гм ... домой идти ... нечего вамъ здѣсь дѣлать ... Денегъ у меня нѣтъ ...

— Дай, братъ, пожалуйста ... Ну, хоть три цѣлковыхъ дай ...

— Ничего не дамъ ... гм ... гм ...

— Ну, такъ чортъ тебя дери ... и безъ тебя найдемъ ... Кланяться что ли стану ...

Бандуровъ вышелъ съ ругательствами. Добраго послѣ этого посѣщенія сдѣлалось еще грустнѣе.

Вдругъ, ни съ того, ни съ сего, онъ подалъ прошеніе объ отпускѣ. Куда вздумалъ ѣхать Добраго? Что за чудеса? Родство ли у него какое вдругъ завелось, или дѣла какія? посмѣивались товарищи.

Но Добраго помнилъ слово, сказанное Крушинскимъ передъ смертью: „онъ не оставитъ мое семейство“ и считалъ это слово заповѣдью. Онъ поѣхалъ навѣстить и устроить житье матери Крушинскаго. А чрезъ мѣсяцъ пришло прошеніе въ полкъ о дозволеніи ему, капитану Добраго, жениться на дочери покойнаго причетника села Облобанова, дѣвицѣ Маріи Николаевой Крушинской.

Сельцо Орѣхово,
1855 г.

Duke University Libraries
D03923931U